CIVITAS TERRENA

Шарль Луи МОНТЕСКЬЕ

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА • РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН

СТ

КАНОН-ПРЕСС-Ц

ЦФС

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ,
ПОЛИТИКА И ПРАВО

CHARLES-LOUIS DE

MONTESQUIEU

LETTRES PERSANES

1721

DE LA GRANDEUR ET DE LA DÉCADENCE DES ROMAINS

1734

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ШАРЛЬ ЛУИ
МОНТЕСКЬЕ

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН

МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2002

УДК 32
ББК 66.01
М77

CIVITAS TERRENA:
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ, ПОЛИТИКА И ПРАВО

Серия основана в 1998 году Центром Фундаментальной Социологии и издается под общей редакцией С. П. Баньковской, Н. Д. Саркитова и А. Ф. Филиппова

Ответственный редактор
Г. Э. Кучков

Монтескье Ш. Л.

М77 Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр.; Вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2002. — 512 с. (Малая серия «CIVITAS TERRENA» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

Очередная книга большой серии «Публикации ЦФС» (малая серия «CIVITAS TERRENA») включает два из трех основных произведений великого французского философа-просветителя, основоположника географической школы в социологии Шарля Луи Монтескье: философский роман-трактат «Персидские письма» и социально-философско-исторический трактат «Размышления о причинах величия и падения римлян»

Монтескье отличался огромным историческим кругозором, что нашло отражение в его «Размышлениях о причинах величия и падения римлян», которые содержат многочисленные сведения по гражданской истории, истории права и государства, истории быта и семейных отношений. Для более полного восприятия изложенных в этой работе идей, издательство снабдило ее подробнейшими историческими и фактологическими комментариями.

Книга предназначена для социологов, политологов, правоведов, философов, историков и всех изучающих эти дисциплины.

ISBN 5-86090-047-3 УДК 32
ББК 66.01

© Н. Д. Саркитов. Вступительная статья; комментарии, 2002
© Название серии CIVITAS TERRENA является зарегистрированным товарным знаком, 1998
© Издательство «КАНОН-пресс-Ц». Составление, оформление серии, знак серии, 1998.

ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ

Шарль Луи Монтескье является одним из ранних представителей просветительской философии XVIII в., идейным предшественником французской буржуазной революции. Будучи самым старшим в кругу просветителей, он, вместе с Вольтером, открывал век французского Просвещения. Однако для нас здесь особенно важна роль Монтескье как одного из крупнейших и важнейших социальных философов (социологов) того периода: он глубже многих других своих современников поставил вопрос о закономерностях и движущих силах развития общества. Наиболее полно, ярко, последовательно, в строго научной форме общесоциологические, правовые и политологические взгляды и убеждения этого мыслителя были выражены в его монументальном труде «О духе законов»*.

Одновременно с этим Монтескье прочно вошел в историю французской литературы. Его знаменитые «Персидские письма», публикуемые в данной книге, являются одним из самых ярких образцов философской художественной прозы, в котором в лицах, ярких образных картинах и живой речи представлены политические и социальные доктрины мыслителя.

Монтескье родился 18 января 1689 г. (т. е. ровно за 100 лет до начала французской буржуазной революции) в замке Ла-Брэд недалеко от города Бордо в семье небогатого дворянина де Секонда. Одиннадцатилетний Шарль был отдан в духовное училище — ораторианский коллеж в селе Жюильи около Мо, в котором пробыл пять лет, до 1705 г., а потом принялся за изучение права, готовясь к деятельности судьи. Его бездетный дядя, богатый аристократ, занимавший наследственный пост президента парламента (председателя суда) в Бордо, завещал ему свое имя (Монтескье), состояние и должность. Это предопределило жизненный путь будущего писателя и

---

* Откомментированное и сверенное двухтомное издание трактата «О духе законов» со вступительной статьей о жизни и социально-философских взглядах Монтескье, написанной А. Б. Гофманом, готовится нашими издательствами в будущем году.

ученого, по необходимости занявшегося практической деятельностью в области права. Но поскольку с юных лет будущий автор «Духа законов» проявил склонность к научным изысканиям, он начал применять их сначала в сфере своей профессиональной судейской деятельности, очень скоро выйдя за ее пределы и увлекшись исследованиями в самых разных сферах науки. Заняв должность, унаследованную от дяди, он вскоре был избран членом Бордоской академии, в трудах которой принял самое деятельное участие.

Монтескье выступил с рядом исследований по различным вопросам гуманитарных и точных наук: «О морском приливе и отливе», «О тяжести», «О прозрачности тел», «Об относительном движении», «Проект физической истории земли в прошлом и настоящем» и др., а также о «Политике римлян в религиозных делах», «О системе идей» и т. д.

В 1720 г. Монтескье закончил «Персидские письма», которые издал анонимно в следующем году. (Издание «Персидских писем» стало серьезным препятствием для его избрания академиком во Французскую академию. Книга даже была подвергнута церковному запрещению.)

После «Персидских писем» Монтескье уже не обращался серьезно к художественному творчеству. Правда, он написал две галантные поэмы в духе тогдашней классицистической поэзии — «Храм в Книде» и «Путешествие на Пафос». Этим поэмам сам Монтескье не придавал большого значения. Он всецело отдался исследовательскому труду в области исторических и юридических наук. Мысли, изложенные в «Персидских письмах», не переставали волновать писателя. Он решил проверить правильность своих взглядов на политические учреждения, законодательство, различные государственные системы и для этого отправился в путешествие по Западной Европе. В течение трех лет (с апреля 1728 по апрель 1731 г.) он жил вне Франции, серьезно и основательно изучая социально-политическое устройство Италии, Голландии, Германии и особенно Англии. На родину он вернулся убежденным сторонником английских политических учреждений.

Вскоре после возвращения во Францию в 1734 г. Монтескье издал сравнительно небольшую работу «Размышления о причинах величия и падения римлян», в которой теперь уже не в аллегорической, а в научной форме изложил основные идеи «Персидских писем».

Однако венцом всей научной и литературной деятельности Монтескье была книга «О духе законов», над которой он работал двадцать лет. В ней он привел в систему свои философские, социологические, правовые, экономические и исто-

рические взгляды, в той или иной степени затронутые в его более ранних трудах и особенно в «Персидских письмах» и в «Размышлениях о причинах величия и падения римлян».

Издав в 1748 г. «Дух законов», Монтескье уже больше не предпринимал попыток начать работу над каким-либо новым трудом. Его силы иссякли, зрение ослабло, глаза едва различали окружающие предметы. Монтескье уже не мог читать. В 1754 г. до него дошли слухи о том, что французский профессор Ла Бомель, выступивший в Датском университете с пропагандой изложенных в «Духе законов» идей, арестован в Пруссии полицией Фридриха II и передан французскому правительству. Монтескье счел своим гражданским долгом помочь посаженному в Бастилию смелому распространителю его идей. Он покинул замок Ла-Брэд, приехал в Париж, но в хлопотах об освобождении профессора Ла Бомеля заболел и 10 февраля 1755 г. умер.

Философский роман-трактат «Персидские письма» написан от лица перса, путешествующего по Европе и критикующего французскую жизнь с позиции человека, который привык жить в условиях восточной деспотии, но который видит в монархической Франции еще более деспотические порядки. Монтескье таким образом рассматривает два типа государства: восточную деспотию и европейскую монархию, противопоставляя им республику, как гораздо более прогрессивный тип государства. Содержание романа раскрывается в письмах Узбека, его друзей, евнухов и жен. Такая форма повествования давала автору большу́ю свободу, тем более что приходилось касаться весьма острых политических вопросов и необходимо было в какой-то степени обмануть бдительность королевской цензуры, облечь тенденциозное политическое выступление в легкую и увлекательную переписку «дикарей», обменивающихся мнениями о европейской «цивилизации».

Монтескье проводит мысль о том, что несправедливая, попирающая интересы народных масс власть французских королей превосходит тираническую власть восточных султанов и падишахов. Если персы беспрекословно подчиняются своему монарху, уверяет Монтескье, то они это делают не задумываясь. Во Франции люди сознательно служат своему деспоту, т. е. являются убежденными холопами короля.

Монархия, тем не менее, имеет, по воззрениям Монтескье, ряд преимуществ перед деспотией. В ней больше свобод, что отмечает в своих письмах Узбек, в ней женщина находится не в таком угнетенном состоянии, как в Персии. В монархии господствующим стимулом, сдерживающим или побуждающим

людей к действию, становится честь, тогда как в деспотии таким стимулом является страх. Однако в любое время монархия может легко переродиться в деспотию. В этом ее порок.

Одним из основных положений просветительского учения об обществе было признание того факта, что деспотизм нивелирует людей, подавляет свободное проявление индивидуальности. Французские просветители создали учение о естественных правах человека. Они утверждали, что сама природа даровала людям право на счастье, свободу, удовлетворение естественных физических и духовных потребностей. Политический режим и законодательство должны, по воззрениям просветителей, утверждать этот разумный, естественный порядок вещей; если же правительство и законы нарушают его, подрывают его основы, противоборствуют ему, то народ вправе отвергнуть и правительство и законы, противоречащие этому естественному порядку. Впервые это основополагающее революционное учение просветителей начало разрабатываться именно Монтескье в его «Персидских письмах» на примере повествования о нравах восточных гаремов. Бунт одной из наложниц Узбека, Роксаны, против законов Гарема, законов, противоречащих естеству, приобретает в романе глубокий философский и политический смысл. «Я заменила твои законы законами природы»,— гордо заявляет Роксана.

Наиболее прогрессивное значение имела мысль Монтескье о том, что республика не менее закономерна, чем монархия. Несмотря на свое сочувствие просвещенной монархии, Монтескье находит во всемирной истории доказательства известных преимуществ республиканского строя перед монархическим. В «Персидских письмах» Монтескье полемизирует с феодальной историографией, не замечающей республиканских форм правления. Он обращается для этого не только к истории Древней Греции, Древнего Рима или Карфагена, но намекает на то, что на определенной стадии развития и в Италии, и в Испании, и в Германии существовала республиканская форма правления. Историю Древней Греции он рассматривает как историю постепенного освобождения ее населения от монархической власти.

В более поздних «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» Монтескье теперь уже не в иносказательной форме, а прямым текстом на примере римской истории попытался доказать, что только там, где граждане свободны и независимы (хотя о какой свободе и независимости можно вести речь применительно к рабовладельческому обществу), где господствуют республиканские нравы, общество в состоянии успешно развиваться. В странах, где граждане отказыва-

ются от свободомыслия и становятся на путь рабства, государство теряет свое величие и в конечном счете терпит поражение от внутренних и внешних врагов. Римляне были сильны и могущественны, пока придерживались принципов свободы; деспотизм их погубил. Деспотизм развратил римлян, ослабил их силы, изнежил в безрассудной роскоши, подорвал нравственные устои общества.

«Размышления о причинах величия и падения римлян» заслуживают внимания и как попытка увидеть в истории закономерный процесс. Не рок и случай, а глубокие причины, лежащие в жизни народа, обусловливают ход истории.

Исходным постулатом социально-философского учения Монтескье, которого прежде всего интересовал вопрос о том, является ли история хаосом случайных индивидуальных событий, или в человеческом обществе действуют объективные, не зависящие ни от Бога, ни от людей, законы, было представление о том, что климат, почва и состояние земной поверхности определяют дух народа и характер его общественного развития. Всеобщие законы истории определяются также комплексом социальных факторов: производством, собственностью, принципами правления, обычаями и религией. Подчеркивая объективность некоторых основополагающих законов общественного развития, Монтескье по существу рассматривает их как законы природы, продолжающие действовать в обществе. Он выступает в качестве одного из главных представителей географической теории общественного развития, т. е. считает географическую среду решающей причиной возникновения и существования различных форм государственной власти и законодательства. Однако географическую теорию Монтескье (с точки зрения современной науки наивную и по большей части ошибочную) нельзя отождествлять с более поздними реакционными географическими учениями расистского толка. Монтескье отнюдь не собирался доказывать превосходство одних народов над другими. Ссылками на решающую роль климата в деле формирования людей он лишь хотел доказать, что ход истории зависит от чисто естественных причин, и наука в состоянии понять закономерности общественной жизни.

Рассматривая географическую среду как главную движущую силу общественного развития, Монтескье попытался ответить на вопрос о конкретных причинах возникновения человеческого общества и происхождения государства. Здесь он целиком в духе теории естественного права (Гроций и Спиноза в Голландии, Гоббс и Локк в Англии) доказывал, что первоначально люди жили в естественном догосударственном

состоянии и лишь с течением времени пришли к необходимости организации государственной власти*. Монтескье примыкал к тем сторонникам естественного права, которые рассматривали в отличие от Гоббса первобытную жизнь не как всеобщую вражду и взаимное истребление людей, а как состояние дружбы и мира.

Вторым естественным законом Монтескье считает необходимое стремление человека добывать себе пищу. Производство — один из многих факторов, влияющих на жизнь общества, но хозяйственная деятельность людей является производной от физиологии человеческого организма. На этом основании Монтескье биологизирует социальные процессы, утверждая, что одной из причин возникновения общества является чисто биологическое чувство влечения каждого животного организма к животным своей породы. Он называет это влечение третьим естественным законом человека.

На основании трех естественных законов Монтескье в духе теории общественного договора выводит четвертый закон — закон осознания человеком необходимости создания общества и государства. Он устанавливает три основные формы государственной власти, которые, по его мнению, могут в той или иной мере выполнять полезные социальные функции: республику, монархию и деспотию. Под республикой Монтескье понимает правление, в котором верховная власть полностью или частично находится в руках народа, монархию характеризует как власть одного человека, осуществляемую посредством неизменных законов, что же касается деспотии, то она определяется им как государственный строй, целиком подчиняющийся произволу одного лица, игнорирующего всякие законы. Феодально-деспотическому режиму Монтескье противопоставляет конституционно-монархический или республиканский режим и, подобно Локку, идеализировавшему английский монархически-конституционный режим, развивает компромиссную теорию разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Николай Саркитов

---

* Большой интерес представляет убеждение Монтескье в том, что в первобытном обществе не было частной собственности. Он рассматривает последнюю как сравнительно поздний продукт исторического развития, следствие общественного договора, т. е. ставит частную собственность в зависимость от юридических норм и превращает ее как бы в высшее достижение и проявление цивилизации. Монтескье старается доказать, что даже при признании примата общественного блага над частным никто не имеет права лишить человека хотя бы самой ничтожной части его имущества.

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА

LETTRES PERSANES

1721

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не предпосылаю этой книге посвящения и не прошу для нее покровительства: если она хороша, ее будут читать, а если плоха, то мне мало дела до того, что у нее не найдется читателей.

Я отобрал эти письма, чтобы испытать вкус публики: у меня в портфеле есть много и других, которые я мог бы предложить ей впоследствии.

Однако я это сделаю только при условии, что останусь неизвестным, а с той минуты, как мое имя откроется, я умолкну. Мне знакома одна женщина, которая отличается довольно твердой походкой, но хромает, как только на нее посмотрят. У самого произведения достаточно изъянов; зачем же предоставлять критике еще и недостатки собственной моей особы? Если узнают, кто я, станут говорить: «Книга не соответствует его характеру; ему следовало бы употреблять время на что-нибудь лучшее; это недостойно серьезного человека». Критики никогда не упускают случая высказать подобные соображения, потому что их можно высказывать, не напрягая ума.

Персияне, которыми написаны эти письма, жили в одном со мной доме; мы вместе проводили время. Они считали меня человеком другого мира и поэтому ничего от меня не скрывали. Действительно, люди, занесенные из такого далека, не могли уже иметь тайн. Они сообщали мне большую часть своих писем; я их списывал. Мне попалось даже несколько таких, с которыми персияне остереглись бы познакомить меня: до такой степени эти письма убийственны для персидского тщеславия и ревности.

Я исполняю, следовательно, только обязанности переводчика: все мои старания были направлены на то, чтобы приспособить это произведение к нашим нравам. Я по

возможности облегчил читателям азиатский язык и избавил их от бесчисленных высокопарных выражений, которые до крайности наскучили бы им.

Но это еще не все, что я для них сделал. Я сократил пространные приветствия, на которые восточные люди тароваты не меньше нашего, и опустил бесконечное число мелочей, которым так трудно выдержать дневной свет и которым всегда следует оставаться личным делом двух друзей.

Если бы большинство тех, кто опубликовал собрания своих писем, поступило так же, то люди эти увидели бы, что от их произведения не осталось ничего.

Меня очень удивляло то обстоятельство, что эти персияне иной раз бывали осведомлены не меньше меня в нравах и обычаях нашего народа, вплоть до самых тонких обстоятельств; они подмечали такие вещи, которые — я уверен — ускользнули от многих немцев, путешествовавших по Франции. Я приписываю это их долгому пребыванию у нас, не считая уж того, что азиату легче в один год усвоить нравы французов, чем французу в четыре года усвоить нравы азиатов, ибо одни настолько же откровенны, насколько другие замкнуты.

Обычай позволяет всякому переводчику и даже самому варварскому комментатору украшать начало своего перевода или толкования панегириком оригиналу: отметить его полезность, достоинства и превосходные качества. Я этого не сделал: о причинах легко догадаться. А самая уважительная из них та, что это было бы чем-то весьма скучным, помещенным в месте, уже самом по себе очень скучном: я хочу сказать — в предисловии.

ПИСЬМО I

УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ РУСТАНУ В ИСПАГАНЬ

Мы пробыли в Коме только один день. Помолившись у гробницы девы, давшей миру двенадцать пророков[1], мы вновь пустились в путь и вчера, на двадцать пятый день после нашего отъезда из Испагани, прибыли в Тавриз.

Мы с Рикой, пожалуй, первые из персиян, которые любознательности ради покинули отечество и, предавшись прилежным поискам мудрости, отказались от радостей безмятежной жизни.

Мы родились в цветущем царстве, но мы не верили, что его пределы в то же время пределы наших знаний и что свет Востока один только и должен нам светить.

Сообщи мне, что́ говорят о нашем путешествии; не льсти мне: я и не рассчитываю на общее одобрение. Посылай письма в Эрзерум, где я пробуду некоторое время.

Прощай, любезный Рустан; будь уверен, что, в каком бы уголке света я ни очутился, я останусь твоим верным другом.

Из Тавриза, месяца Сафара[2] 18-го дня, 1711 года

ПИСЬМО II

УЗБЕК К ГЛАВНОМУ ЧЕРНОМУ ЕВНУХУ В СВОЙ СЕРАЛЬ[3] В ИСПАГАНИ

Ты верный страж прекраснейших женщин Персии; тебе я доверил то, что у меня есть самого дорогого на свете; в твоих руках ключи от заветных дверей, которые отворяются только для меня. В то время как ты стережешь это бесконечно любезное моему сердцу сокровище, оно покоится и наслаждается полной безопасностью. Ты охраняешь его в ночной тиши и в дневной сутолоке; твои неустанные заботы поддерживают добродетель, когда она колеб-

лется. Если бы женщины, которых ты стережешь, вздумали нарушить свои обязанности, ты бы отнял у них всякую надежду на это; ты бич порока и столп верности.

Ты повелеваешь ими и им повинуешься; ты слепо исполняешь все их желания и столь же беспрекословно подчиняешь их самих законам сераля. Ты гордишься возможностью оказывать им самые унизительные услуги; ты с почтением и страхом подчиняешься их законным распоряжениям; ты служишь им, как раб их рабов. Но когда возникают опасения, что могут пошатнуться законы стыда и скромности, власть возвращается к тебе и ты повелеваешь ими, словно я сам.

Помни всегда, из какого ничтожества — когда ты был последним из моих рабов — вывел я тебя, чтобы возвести на эту должность и доверить тебе усладу моего сердца. Соблюдай глубокое смирение перед теми, кто разделяет мою любовь, но в то же время давай им чувствовать их крайнюю зависимость. Доставляй им всевозможные невинные удовольствия; усыпляй их тревогу; забавляй их музыкой, плясками, восхитительными напитками; увещевай их почаще собираться вместе. Если они захотят поехать на дачу, можешь повезти их туда, но прикажи хватать всех мужчин, которые предстанут перед ними по пути. Призывай их к чистоплотности — этому образу душевной чистоты. Говори с ними иногда обо мне. Мне хотелось бы снова увидеть их в том очаровательном месте, которое они украшают собою. Прощай.

Из Тавриза, месяца Сафара 18-го дня, 1711 года

ПИСЬМО III

ЗАШИ К УЗБЕКУ В ТАВРИГ

Мы приказали начальнику евнухов отвезти нас на дачу; он подтвердит тебе что с нами не случилось никаких происшествий. Когда нам пришлось переправляться через реку и выйти из носилок, мы по обычаю, пересели в ящики; двое рабов перенесли нас на плечах, и мы избегли чьих бы то ни было взоров.

Как могла бы я жить, дорогой Узбек, в твоем испаганском серале, в тех местах, которые, непрестанно вызывая в моей памяти прошедшие наслаждения, каждый день с новой силой возбуждали мои желания? Я бродила из покоя в покой, всюду ища тебя и нигде не находя, но всюду встречая жестокое воспоминание о прошлом счастье. То оказывалась я в горнице, где в первый раз в жизни приняла тебя в свои объятия, то в той, где ты решил жаркий спор, загоревшийся между твоими женами: каждая из нас притязала быть красивее других. Мы предстали пред тобой, надев все украшения и драгоценности, какие только могло придумать воображение. Ты с удовольствием взирал на чудеса нашего искусства; ты радовался, видя, как увлекает нас неуемное желание понравиться тебе. Но вскоре ты пожелал, чтобы эти заимствованные чары уступили место прелестям более естественным; ты разрушил всё наше творение. Нам пришлось снять украшения, уже докучавшие тебе; пришлось предстать перед тобою в природной простоте. Я откинула всякую стыдливость: я думала только о своем торжестве. Счастливец Узбек! Сколько прелестей представилось твоим очам! Мы видели, как долго переходил ты от восторга к восторгу: твоя душа колебалась и долго ни на чем не могла остановиться; каждая новая прелесть требовала от тебя дани: в один миг мы все были покрыты твоими поцелуями; ты бросал любопытные взгляды на места самые сокровенные; ты заставлял нас принимать одно за другим тысячу различных положений; ты без конца отдавал новые распоряжения, и мы без конца повиновались. Признаюсь, Узбек: желание понравиться тебе подсказывалось мне страстью еще более живой, чем честолюбие. Я понимала, что незаметно становлюсь владычицей твоего сердца; ты завладел мною; ты меня покинул; ты вернулся ко мне, и я сумела тебя удержать: полное торжество выпало на мою долю, а уделом моих соперниц стало отчаяние. Нам с тобою показалось, что мы одни на свете; окружающее было недостойно занимать нас. О! Зачем небу не угодно было, чтобы мои соперницы нашли в себе мужество быть простыми свидетельницами пылких выражений любви, которые я получила от тебя! Если бы они видели изъявления моей страсти, они почувствовали

бы разницу между их любовью и моей: они бы убедились, что если и могли соперничать со мною в прелестях, то никак не могли бы состязаться в чувствительности...

Но где я? Куда заводит меня этот напрасный рассказ? Вовсе не быть любимой — несчастье, но перестать ею быть — бесчестье. Ты покидаешь нас, Узбек, чтобы отправиться в странствие по варварским землям. Неужели ты ни во что не ставишь счастье быть любимым? Увы, ты даже не знаешь, что теряешь! Я испускаю вздохи, которые никто не слышит; слезы мои текут, а ты не радуешься им; кажется, сераль дышит одной только любовью, а твоя бесчувственность непрестанно удаляет тебя от него!

Ах, возлюбленный мой Узбек, если бы умел ты наслаждаться счастьем!

Из сераля Фатимы, месяца Махаррама[4] 21-го дня, 1711 года

ПИСЬМО IV

ЗЕФИ К УЗБЕКУ В ЭРЗЕРУМ

В конце концов это черное чудовище решило довести меня до отчаяния. Оно во что бы то ни стало хочет отнять у меня мою рабыню Зелиду, — Зелиду, которая служит мне так преданно, ловкие руки которой всюду вносят красоту и изящество. Мало того, что эта разлука огорчает меня: ему хочется еще и опозорить меня ею. Предатель считает преступными причины моего доверия к Зелиде; ему скучно за дверью, куда я его постоянно прогоняю, поэтому он смеет утверждать, будто слышал или видел такие вещи, которых я даже и вообразить не умею. Как я несчастна! Ни уединение, ни добродетель моя не могут меня уберечь от его нелепых подозрений; подлый раб преследует меня даже в твоем сердце, и даже там я вынуждена защищаться! Нет, я слишком уважаю себя, чтобы унизиться до оправданий: я не хочу другого поручителя за мое поведение, кроме тебя самого, кроме твоей любви, кроме любви моей и — нужно ли говорить тебе об этом, дорогой Узбек, — кроме моих слез.

Из сераля Фатимы, месяца Махаррама 29-го дня, 1711 года

ПИСЬМО V
РУСТАН К УЗБЕКУ В ЭРЗЕРУМ

Ты у всех на устах в Испагани: только и говорят, что о твоем отъезде. Одни приписывают его легкомыслию, другие — какому-то огорчению.

Только друзья защищают тебя, но им не удается никого разубедить. Люди не могут понять, как решился ты покинуть своих жен, родных, друзей, отечество, чтобы отправиться в страны, не известные персиянам. Мать Рики безутешна; она требует у тебя своего сына, которого — по ее словам — ты у нее похитил. Что касается меня, дорогой Узбек, то я, разумеется, расположен одобрять все, что ты делаешь, но не могу простить тебе твоего отсутствия, и какие бы ты доводы мне ни представил, мое сердце никогда их не примет. Прощай; люби меня.

Из Испагани, месяца Ребиаба 1[5]*, 28-го дня, 1711 года*

ПИСЬМО VI
УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ НЕССИРУ В ИСПАГАНЬ

На расстоянии одного дня пути от Испагани мы покинули пределы Персии и вступили в земли, подвластные туркам. Двенадцать дней спустя мы приехали в Эрзерум, где пробудем три-четыре месяца.

Должен признаться, Нессир: я ощутил тайную боль, когда потерял из виду Персию и очутился среди коварных османлисов. По мере того как я углублялся в страну этих нечестивцев[6], мне казалось, что и сам я становлюсь нечестивцем.

Отчизна, семья, друзья представлялись моему воображению; нежность во мне пробудилась; наконец, какая-то смутная тревога закралась мне в душу и я понял, что предпринятое мною будет мне стоить душевного покоя.

Больше всего удручает мне сердце мысль о моих женах; как только подумаю о них, печаль начинает терзать меня.

Не в том дело, Нессир, что я их люблю: в этом отношении я настолько бесчувствен, что у меня нет никаких жела-

ний. В многолюдном серале, где я жил, я предупреждал любовь и поэтому ею же самою разрушал ее; но из самой моей холодности проистекает тайная ревность, пожирающая меня[7]. Мне представляется сонмище женщин, почти предоставленных самим себе: за них отвечают предо мною только презренные души. Вряд ли я могу считать себя в безопасности, даже если рабы мне и верны. А что же будет, если они неверны? Какие печальные вести могут дойти до меня в те далекие страны, которые я собираюсь посетить! Это недуг, от которого друзья не могут мне дать лекарства; это область, печальные тайны которой они не должны знать. Да и чем могли бы они помочь? Ведь я тысячу раз предпочту тайную безнаказанность шумному искуплению. Я слагаю в твое сердце все мои печали, любезный Нессир; это единственное утешение, ныне остающееся мне.

Из Эрзерума, месяца Ребиаба 2, 10-го дня, 1711 года

ПИСЬМО VII
ФАТИМА К УЗБЕКУ В ЭРЗЕРУМ

Вот уже два месяца, как ты уехал, дорогой мой Узбек, и я в таком подавленном состоянии, что все еще не могу поверить этому. Я бегаю по всему сералю так, как если бы ты был здесь: и никак не могу убедиться, что тебя нет. Что же, по-твоему, должно происходить с женщиной, которая любит тебя, которая привыкла держать тебя в своих объятиях, у которой одна только была забота — доказать тебе свою нежность, с женщиной, свободной по происхождению, но рабыней в силу своей любви?

Когда я выходила за тебя, мои глаза еще не видели лица мужчины: ты и теперь еще единственный, лицезреть кого мне дозволено*, потому что я не считаю мужчинами отвратительных евнухов, наименьшим несовершенством которых является то, что они вовсе и не мужчины. Когда я сравниваю красоту твоего лица с безобразием их физио-

* Персидские женщины охраняются гораздо строже турецких и индусских (*Прим. автора*).

номий, я не могу не посчитать себя счастливой; воображение мое не в силах создать образа, более пленительного, более чарующего, чем ты, мой ненаглядный. Клянусь тебе, Узбек: если бы мне разрешили выйти отсюда, где я сижу взаперти благодаря моему положению, если бы я могла ускользнуть от окружающей меня стражи, если бы мне позволили выбирать среди всех мужчин, живущих в этой столице народов, Узбек, — клянусь тебе, — я выбрала бы только тебя. Во всем мире ты один заслуживаешь любви.

Не думай, что в твое отсутствие я пренебрегаю красотой, которая дорога тебе. Хотя никому не суждено видеть меня и хотя украшения, которые я надеваю, не могут тебя порадовать, я все же стремлюсь сохранить привычку нравиться. Я ложусь в постель не иначе, как надушившись самыми восхитительными благовониями. Я вспоминаю блаженное время, когда ты приходил в мои объятия; обольстительный сон-угодник являет мне бесценный предмет моей любви; мое воображение туманится от желаний и тешит меня надеждами. Иногда я думаю, что тягостное путешествие наскучит тебе и ты скоро вернешься к нам; ночь проходит в сновидениях, которые и не явь и не сон; я ищу тебя подле себя, и мне кажется, будто ты ускользаешь от меня; в конце концов огонь, пожирающий меня, сам рассеивает эти чары и возвращает мне сознание. Тогда я испытываю такое волнение...

Ты не поверишь, Узбек: нельзя жить в подобном состоянии; огонь клокочет в моих жилах. Ах, почему не могу я выразить тебе того, что так хорошо чувствую? И почему чувствую я так хорошо то, чего не могу выразить? В такие минуты, Узбек, я бы отдала власть над миром за один твой поцелуй. Как несчастна женщина, снедаемая столь бурными желаниями, когда она лишена единственного человека, который может их удовлетворить; когда, предоставленная самой себе, не имея ничего, что могло бы ее рассеять, она вынуждена жить вздохами и неистовством бушующей страсти; когда, сама далеко не счастливая, она даже лишена радости служить счастью другого; когда она — ненужное украшение сераля, охраняемое ради чести, а не ради счастья ее супруга!

Как вы, мужчины, жестоки! Вы радуетесь тому, что мы наделены страстями, которых не можем утолить; вы обращаетесь с нами так, словно мы бесчувственны, но вы очень гневались бы, если бы так было в действительности; вы рассчитываете на то, что наши желания, столь долго сдерживаемые, сразу оживятся при виде вас. Трудно внушить любовь; проще, полагаете вы, получить от нашей подавленной чувственности то, чего вы не надеетесь заслужить своими достоинствами.

Прощай, дорогой мой Узбек, прощай. Знай, что я живу только для того, чтобы обожать тебя; моя душа полна тобой, и разлука не только не затмила воспоминания о тебе, а еще более воспламенила бы мою любовь, если бы только она могла стать еще более страстной.

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 12-го дня, 1711 года

ПИСЬМО VIII

УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ РУСТАНУ В ИСПАГАНЬ

Твое письмо было мне вручено в Эрзеруме, где я теперь нахожусь. Я так и думал, что мой отъезд наделает шуму; но это не остановило меня. Чему же, по-твоему, мне следовать? Житейской мудрости моих врагов или моей собственной?

Я появился при дворе в пору самой нежной юности. Могу сказать прямо: мое сердце там не развратилось; я даже возымел великое намерение: осмелился при дворе остаться добродетельным. Как только я познал порок, я удалился от него, но вслед за тем приблизился к нему, чтобы его разоблачить. Я доводил истину до подножия трона, я заговорил языком, дотоле неведомым там; я обезоруживал лесть и изумлял одновременно и низкопоклонников, и их идола.

Но когда я убедился, что моя искренность создала мне врагов; что я навлек на себя зависть министров, не приобретя благосклонности государя; что при этом развращен-

ном дворе я держусь только слабой своей добродетелью, — я решил его покинуть. Я притворялся, будто сильно увлечен науками, и притворялся так усердно, что и в самом деле увлекся ими. Я перестал вмешиваться в какие бы то ни было дела и удалился в свое поместье. Но это решение имело и отрицательные стороны: я был предоставлен козням врагов и почти лишился возможности ограждать себя от них. Несколько тайных предупреждений побудило меня серьезно подумать о себе. Я решил удалиться из отечества, а мой уход от двора доставил мне для этого благовидный предлог. Я пошел к шаху, сказал ему о своем желании познакомиться с западными науками, намекнул, что он может извлечь пользу из моих странствований. Он отнесся ко мне благосклонно, я уехал и тем самым похитил жертву у моих врагов.

Вот, Рустан, истинная причина моего путешествия. Пусть Испагань толкует, что хочет: защищай меня только перед теми, кто меня любит; предоставь моим врагам истолковывать мои поступки, как им вздумается; я слишком счастлив тем, что это единственное зло, которое они мне могут причинить.

Сейчас обо мне говорят. Но не ожидает ли меня в скором времени полное забвение и не станут ли мои друзья... Нет, Рустан, я не хочу предаваться этой печальной мысли: я всегда останусь им дорог; я рассчитываю на их верность — так же как и на твою.

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2[7], 20-го дня, 1711 года

ПИСЬМО IX

ПЕРВЫЙ ЕВНУХ К ИББИ В ЭРЗЕРУМ

Ты следуешь за своим господином в его странствиях; ты проезжаешь область за областью и царство за царством; печали бессильны над тобою; каждый миг ты видишь новое; все, что ты наблюдаешь, развлекает тебя, и время бежит для тебя незаметно.

Иное дело я; я заперт в отвратительной тюрьме, постоянно окружен одними и теми же предметами и терзаюсь

одними и теми же печалями. Я стенаю, удрученный бременем пятидесяти годов, проведенных в заботах и тревогах, и не могу сказать, что в течение моей долгой жизни мне выпал хоть один ясный день и хоть один спокойный миг.

Когда мой первый господин возымел жестокое намерение доверить мне своих жен и принудил меня с помощью соблазнов, подкрепленных тысячью угроз, навсегда расстаться с самим собою, я был уже очень утомлен службою на крайне тягостных должностях и рассчитывал, что пожертвую своими страстями ради отдохновения и богатства. Несчастный! Мой удрученный ум являл мне только награду, но не потерю: я надеялся, что освобожусь от волнений любви благодаря тому, что лишусь возможности удовлетворять ее. Увы! Во мне погасили следствие страстей, не затушив их причины, и, вместо того, чтобы избавиться от них, я оказался окруженным предметами, которые беспрестанно их возбуждали. Я поступил в сераль, где все внушало мне сожаление о моей утрате: ежеминутно я ощущал волнение чувств; тысячи природных красот раскрывались предо мною, казалось, только для того, чтобы повергнуть меня в отчаяние. К довершению несчастья у меня перед глазами всегда был счастливец. В эти годы смятения всякий раз, как я сопровождал женщину к ложу моего господина, всякий раз, как я раздевал ее, я возвращался к себе с яростью в сердце и со страшной безнадежностью в душе.

Вот как провел я свою жалкую юность. У меня не было наперсников, кроме меня самого; мне приходилось преодолевать тоску и печаль собственными силами. И на тех самых женщин, на которых мне хотелось смотреть с нежностью, я бросал только суровые взоры. Я погиб бы, если бы они разгадали меня. Какой бы только выгоды они не извлекли из этого!

Помню, как однажды, сажая женщину в ванну, я почувствовал такое возбуждение, что разум мой помутился и я осмелился коснуться рукою некоего страшного места. Придя в себя, я подумал, что настал мой последний день. Однако мне посчастливилось, и я избежал жесточайшего наказания. Но красавица, ставшая свидетельницей моей слабости, очень дорого продала мне свое молчание: я совер-

шенно утратил власть над нею, и она стала вынуждать меня к таким поблажкам, которые тысячи раз подвергали жизнь мою опасности.

Наконец, пыл юности угас; теперь я стар и в этом отношении совершенно успокоился; я смотрю на женщин равнодушно и возвращаю им с избытком то презрение и те муки, которым они подвергали меня. Я все время помню, что был рожден, чтобы повелевать ими, и в тех случаях, когда я ими еще повелеваю, мне кажется, что я вновь становлюсь мужчиной. Я ненавижу их с тех пор, как начал взирать на них хладнокровно и как мой разум стал ясно видеть все их слабости. Хотя я охраняю их для другого, сознание, что они должны подчиняться моей воле, доставляет мне тайную радость: когда я подвергаю их всяческим лишениям, мне кажется, будто я делаю это для себя, и от этого я испытываю косвенное удовлетворение. Я чувствую себя в серале, как в своем маленьком царстве, и это льстит моему самолюбию, а самолюбие — единственная оставшаяся мне страсть. Я с удовольствием вижу, что все держится на мне и что я нужен поминутно. Я охотно принимаю на себя ненависть всех этих женщин: она укрепляет меня на моем посту. Но и я не остаюсь в долгу: они встречают во мне помеху всем своим удовольствиям, даже самым невинным. Я всегда вырастаю перед ними, как непреодолимая преграда; они строят планы, а я их неожиданно расстраиваю. Мое оружие — отказ; я ощетиниваюсь придирками; на устах у меня нет других слов, кроме как о долге, добродетели, стыдливости, скромности. Я привожу их в уныние, беспрестанно твердя им о слабости их пола и о власти их господина. Вслед за тем я начинаю сетовать, что вынужден быть столь суровым, и делаю вид, будто хочу растолковать им, что нет у меня другого побуждения, кроме их же собственной выгоды и моей великой привязанности к ним.

Но, конечно, и у меня бывает множество неприятностей, а мстительные женщины все время изощряются, как бы причинить мне еще большие огорчения, чем те, которые я причиняю им. Они умеют наносить страшные удары. Между нами происходит как бы прилив и отлив власти и подчинения. Они постоянно взваливают на меня самые

унизительные обязанности; они выражают мне беспримерное презрение и, не считаясь с моей старостью, раз по десять поднимают меня ночью из-за малейшей безделицы. На меня беспрестанно сыплются приказания, поручения, обязанности, прихоти; женщины словно нарочно сговариваются задавать мне работу, и их причуды сменяют одна другую. Часто они забавляются тем, что требуют от меня все новых и новых забот; они подучивают людей сообщать мне ложные сведения: то мне говорят, будто подле стен сераля появился какой-то юноша, то, что слышен какой-то шум или что кому-то собираются передать письмо. Все это тревожит меня, а они смеются над моей тревогой; они радуются, когда видят, как я таким образом сам себя мучаю. Иногда они держат меня за дверью и принуждают день и ночь быть прикованным к ней; они ловко притворяются больными, разыгрывают обмороки и страхи; у них нет недостатка в предлогах, чтобы завести меня, куда им угодно. В подобных случаях необходимо слепое повиновение и безграничная снисходительность: отказ в устах такого человека, как я, был бы чем-то неслыханным, и если бы я замешкался в послушании, они были бы вправе меня наказать. Я предпочитаю скорее расстаться с жизнью, дорогой мой Ибби, чем опуститься до такого унижения.

Это еще не все; я ни одной минуты не уверен в благосклонности моего господина: так много здесь женщин, близких его сердцу, зато враждебных мне и думающих только о том, как бы погубить меня. Им принадлежат минуты, когда они могут не слушаться меня, минуты, когда им ни в чем не отказывают, минуты, когда я всегда буду неправ. Я провожаю в постель моего господина женщин, рассерженных на меня: и ты думаешь, они действуют в мою пользу и сила на моей стороне? Я всего могу ожидать от их слез, их вздохов, их объятий и даже от их наслаждений: ведь они находятся на месте своего торжества. Их прелести становятся опасными для меня; их услужливость в эту минуту мгновенно стирает все мои прошлые заслуги, и ничто не может мне поручиться за господина, который сам себе больше не принадлежит.

Сколько раз случалось мне отходить ко сну, будучи в милости, а поутру вставать в опале! Что сделал я в тот день,

когда меня с таким позором гоняли кнутьями по всему сералю? Я оставил одну из жен в объятиях моего господина. Как только он воспламенился, она залилась потоками слез, стала жаловаться на меня, и притом так ловко, что жалобы становились все трогательнее по мере того, как росла пробужденная ею страсть. На что мог я опереться в такую трудную минуту? Я погибал в то время, когда меньше всего этого ожидал; я пал жертвою любовных переговоров и союза, заключенного вздохами. Вот, дорогой Ибби, в каком жестоком положении прожил я всю жизнь.

Какой ты счастливец! Твои заботы ограничиваются особой самого Узбека. Тебе легко угождать ему и сохранить его расположение до конца дней твоих.

Из испаганского сераля, в последний день месяца Сафари 1711 года

ПИСЬМО X

МИРЗА К МОЕМУ ДРУГУ УЗБЕКУ В ЭРЗЕРУМ

Ты один мог бы возместить мне отсутствие Рики, и только Рика мог бы утешить меня в твое отсутствие. Нам недостает тебя, Узбек: ты был душою нашего общества. Сколько силы нужно, чтобы порвать связи, созданные сердцем и умом!

Мы здесь много спорим; наши споры вращаются обычно вокруг морали. Вчера предметом обсуждения был вопрос, бывают ли люди счастливы благодаря наслаждениям и чувственным радостям или благодаря деятельной добродетели. Я часто слышал от тебя, что люди рождены, чтобы быть добродетельными и что справедливость — качество, присущее им так же, как и самое существование. Разъясни, прошу тебя, что ты этим хочешь сказать.

Я разговаривал с муллами, но они приводят меня в отчаяние выдержками из Алкорана: ведь я говорю с ними не в качестве правоверного, но как человек, как гражданин, как отец семейства. Прощай.

Из Испагани, в последний день месяца Сафара 1711 года

ПИСЬМО XI
УЗБЕК К МИРЗЕ В ИСПАГАНЬ

Ты отказываешься от своего рассудка, чтобы обратиться к моему; ты снисходишь до того, что спрашиваешь моего совета; ты считаешь, что я могу наставлять тебя. Любезный Мирза! Есть нечто еще более лестное для меня, нежели хорошее мнение, которое ты обо мне составил: это твоя дружба, которой я обязан таким мнением.

Чтобы исполнить то, что ты мне предписываешь, я не вижу надобности прибегать к слишком отвлеченным рассуждениям. Существуют истины, в которых недостаточно убедить кого-либо, но которые надо дать почувствовать; именно таковы истины морали. Может быть, нижеследующий отрывок из истории тронет тебя больше, чем самая проникновенная философия.

Существовало некогда в Аравии небольшое племя, называвшееся троглодитским; оно происходило от тех древних троглодитов, которые, если верить историкам[8], походили больше на зверей, чем на людей. Наши троглодиты вовсе не были уродами, не были покрыты шерстью, как медведи, не рычали, имели по два глаза, но они были до такой степени злы и свирепы, что не было в их среде места ни началам правосудия, ни началам справедливости.

У них был царь, чужестранец по происхождению, который, желая исправить их злобную природу, обращался с ними сурово; они составили против него заговор, убили его и истребили всю царскую семью.

Затем они собрались, чтобы выбрать правительство, и после долгих разногласий избрали себе начальников. Но едва только должностные лица были избраны, как стали ненавистными троглодитам и тоже были ими перебиты.

Народ, освободившись от нового ига, теперь слушался только своей дикой природы. Все условились, что никому не будут более подчиняться, что каждый будет заботиться лишь о собственной своей выгоде, не считаясь с выгодой других.

Единодушное это решение пришлось по вкусу всем троглодитам. Каждый говорил: зачем изводить себя работой на людей, до которых мне нет никакого дела? Буду думать

только о себе. Стану жить счастливо: что мне за дело до того, будут ли счастливы и другие? Я буду удовлетворять все свои потребности; лишь бы у меня было все нужное, — не моя забота, что прочие троглодиты будут бедны.

Настал месяц, когда засевают поля. Каждый говорил: я обработаю свое поле так, чтобы оно дало мне хлеба, сколько мне нужно; большее количество мне ни к чему; не буду трудиться зря.

Земля в этом небольшом царстве не была однородна: были там участки бесплодные, были гористые, были и расположенные в низинах, орошавшиеся многочисленными источниками. В тот год стояла сильная засуха; из-за этого на высоких местах хлеб совсем не уродился, тогда как поля, которые орошались, дали обильный урожай. Поэтому жители гористых местностей почти все погибли от голода; их соплеменники, по черствости своей, отказались поделиться с ними.

Следующий год был очень дождливым; на возвышенных местах урожай был редкостный, а низменные места оказались затопленными. Опять половина народа подняла вопль от голода, но несчастным пришлось встретиться с такою же черствостью, какую проявили они сами.

У одного из наиболее видных жителей была очень красивая жена. Его сосед влюбился в эту женщину и похитил ее; возникла великая распря; обменявшись изрядным количеством оскорблений и ударов, они в конце концов согласились передать спор на разрешение троглодита, который во времена существования республики пользовался некоторым влиянием. Они пошли к нему и хотели было изложить свои притязания. «Какое мне дело, — сказал этот человек, — до того, будет эта женщина принадлежать тебе или ему? Мне нужно обрабатывать свое поле. Не буду же я тратить время на улаживание ваших разногласий и на устройство ваших дел и пренебрегать своими собственными! Оставьте меня в покое и не докучайте больше своими пререканиями». С этими словами он их покинул и отправился на свой участок. Похититель, который был сильнее, поклялся, что скорее умрет, нежели возвратит женщину, а другой, возмущенный несправедливостью соседа и черствостью судьи, возвращался домой в ярости, и вот

на дороге встретилась ему шедшая от источника молодая и красивая женщина. Жены у него больше не было, женщина ему понравилась, и понравилась еще больше, когда он узнал, что она жена того, кого он хотел пригласить в судьи и кто оказался столь мало чувствительным к его горю. Он ее похитил и привел в свой дом.

У некоего человека было довольно плодородное поле, которое он возделывал с большим тщанием. Двое его соседей стакнулись, выгнали его из дома, захватили его землю. Они заключили между собою союз, чтобы защищаться от тех, кто вздумает отнять у них это поле; и действительно благодаря этому союзу они продержались в течение нескольких месяцев. Но один из них, наскучив делиться с другим тем, чем он мог бы владеть один, убил своего сообщника и сделался единственным обладателем участка. Его владычество продолжалось недолго: два других троглодита напали на него, он оказался слишком слабым, чтобы защищаться, и был зарезан.

Один почти совсем нагой троглодит увидел шерсть, выставленную на продажу; он спросил о цене; купец подумал: «Правда, я должен был бы выручить от продажи шерсти столько денег, сколько нужно для покупки двух мер зерна, но я продам ее вчетверо дороже и куплю восемь мер». Покупателю пришлось согласиться и уплатить запрошенную цену. «Вот хорошо, — сказал купец, продавший шерсть, — теперь я буду с зерном». — «Что ты говоришь, — подхватил покупатель, — тебе нужно зерно? У меня есть продажное; но вот только цена тебя, пожалуй, удивит. Ведь ты знаешь, хлеб нынче чрезвычайно дорог, и голод царит почти повсеместно. Верни мне мои деньги, и я дам тебе меру зерна: иначе я не продам, хотя бы тебе предстояло сдохнуть с голода».

Между тем жестокая болезнь опустошала страну. Из соседней страны прибыл искусный врач и так удачно лечил, что вылечивал всякого, кто обращался к нему за помощью. Когда мор прекратился, врач пошел за вознаграждением к тем, кого лечил; однако он всюду встретил отказ; он возвратился на родину, крайне устав от долгого путешествия. Но вскоре он узнал, что та же болезнь вновь дала себя знать и пуще прежнего опустошает эту неблаго-

дарную страну. На сей раз жители сами поспешили к врачу, не дожидаясь, чтобы он приехал к ним. «Ступайте прочь, несправедливые люди, — сказал он, — у вас в душе яд, губительнее того, от которого вы хотите лечиться; вы недостойны занимать место на земле, ибо вы бесчеловечны и справедливость вам неведома; я бы оскорбил богов, которые наказывают вас, если бы стал препятствовать их справедливому гневу».

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2,
3-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XII

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ В ИСПАГАНЬ

Ты видел, любезный мой Мирза, как троглодиты погибли из-за своей же злобы и сделались жертвами собственных несправедливых поступков. Из множества семейств осталось только два; они избежали участи, постигшей весь народ. Было в этой стране двое очень странных людей: они были человечны, знали, что такое справедливость, любили добродетель; они были связаны друг с другом столько же прямотою своих сердец, сколько испорченностью сердец — их соплеменники; общее разорение вызывало в них сострадание, и это явилось поводом к еще более крепкому союзу. Заботливо трудились они сообща на общую пользу; между ними не возникало иных разногласий, кроме тех, какие порождаются кроткой и нежной дружбой, и в самой уединенной местности, вдали от соплеменников, недостойных их присутствия, они вели жизнь счастливую и спокойную: казалось, земля, возделываемая этими добродетельными руками, сама собою производит хлеб.

Они любили своих жен и были нежно любимы ими. Все внимание их было направлено на то, чтобы воспитать детей в добродетели. Они беспрестанно говорили им о несчастьях соплеменников и обращали их внимание на столь печальный пример; в особенности старались они внушить детям, что выгода отдельных лиц всегда заключается в выгоде общественной, что желать отрешиться от последней — значит желать собственной погибели, что доброде-

тель не должна быть нам в тягость, что отнюдь не следует считать ее постылой обязанностью и что справедливость по отношению к ближнему есть милосердие по отношению к нам самим.

Скоро выпало им на долю утешение, являющееся наградой добродетельных отцов: дети стали похожи на них. Молодое племя, выросшее на их глазах, умножилось путем счастливых браков: семьи разрослись, союз оставался неизменным, и добродетель, отнюдь не ослабевшая от многолюдности, наоборот, укрепилась благодаря большому числу примеров.

Какими словами описать счастье этих троглодитов? Боги не могли не любить столь справедливый народ. Как только раскрыл он глаза, чтобы познать богов, так научился их страшиться; и религия смягчила в нравах то, что еще оставалось в них от природы слишком грубого.

Троглодиты учредили праздники в честь богов. Девушки, украшенные цветами, и юноши прославляли их плясками и звуками незатейливой музыки; затем следовали пиршества, на которых веселье царило наравне с воздержностью. На этих-то собраниях и подавала голос бесхитростная природа; там научались приносить в дар и принимать сердца; там девичья стыдливость, краснея, делала нечаянное признание, которое вскоре затем подтверждалось согласием родителей, и там нежные матери радовались, предугадывая сладостный и верный союз.

Троглодиты посещали храм, чтобы испросить милости богов: не богатств и обременительного изобилия просили они — таких недостойных желаний не было у счастливых троглодитов: богатств желали они только для своих соплеменников. Они приходили к алтарю лишь для того, чтобы просить о здоровье своих отцов, о согласии братьев, о нежности жен, о любви и послушании детей. Девушки приходили туда, чтобы принести свое нежное сердце, и каждая просила у богов одной только милости: позволить ей составить счастье троглодита.

Вечерами, когда стада покидали пастбища и усталые волы привозили домой плуги, троглодиты собирались вместе и за умеренной трапезой пели о несправедливости первых троглодитов и их бедствиях, о добродетели, возродив-

шейся с новым народом, и о блаженстве последнего; потом воспевали они величие богов, милости, всегда даруемые ими тем, кто просит, и неминуемый гнев богов на тех, кто их не страшится; они описывали затем прелести сельской жизни и блаженство человека, украшенного невинностью. Вскоре они отходили ко сну, и его никогда не прерывали заботы и горести.

Природа щедро удовлетворяла их потребности и даже прихоти. Этой блаженной стране чужда была жадность: здесь постоянно делали друг другу подарки, и тот, кто давал, всегда почитал себя в выигрыше. Племя троглодитов чувствовало себя как бы единою семьей: стада их всегда были смешаны; троглодиты не хотели их делить — и это была единственная трудность, от которой они уклонялись.

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2, 6-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XIII

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Я бы мог без конца говорить тебе о добродетели троглодитов. Один из них сказал однажды: «Мой отец должен завтра пахать; я встану двумя часами раньше него, и когда он придет на поле, то найдет его уже распаханным».

Другой думал: «Мне кажется, что сестра моя чувствует расположение к молодому троглодиту, нашему родственнику; надо мне поговорить с отцом и склонить его согласиться на этот брак».

Третьему говорят, что воры угнали его стадо. «Очень досадно, — отвечает он, — там была совершенно белая телочка, которую я собирался принести в жертву богам».

А иной говорил друзьям: «Мне следует пойти в храм и воздать благодарение богам, ибо мой брат, столь любимый отцом и обожаемый мною, выздоровел».

Или вот: «По соседству с участком моего отца. есть другой, и люди, возделывающие его, по целым дням работают под жгучими лучами солнца; надо будет сходить туда и посадить два деревца, чтобы эти бедные люди могли время от времени отдыхать под их тенью».

Как-то раз, во время собрания троглодитов, некий старец завел речь о юноше, которого он заподозрил в дурном поступке, и упрекнул его в этом. «Нам не верится, что он совершил это преступление, — возразили молодые троглодиты, — но если он его действительно совершил, то пусть в наказание переживет всю свою семью!»

Одному троглодиту сказали, что чужестранцы разграбили его дом и всё унесли с собой. «Если бы они не были несправедливы, — ответил он, — я пожелал бы, чтобы боги позволили им пользоваться моим имуществом дольше, чем пользовался им я сам».

Столь великое благополучие не могло не возбуждать зависти: соседние народы объединились и решили, под пустым предлогом, угнать стада троглодитов. Как только стало известно об этом намерении, троглодиты отправили к ним послов, которые сказали следующее: «Что сделали вам троглодиты? Похищали они ваших жен, угоняли ваши стада, опустошали ваши деревни? Нет! Мы справедливы и богобоязненны. Чего же вы требуете от нас? Хотите ли шерсти для изготовления одежды? Желаете ли молока от наших стад или плодов нашей земли? Бросьте оружие, приходите к нам, и мы дадим вам все это. Но клянемся вам всем, что только есть самого святого, что если вы вторгнетесь в наши пределы, как враги, мы будем считать вас народом несправедливым и поступим с вами, как с хищными зверьми».

Слова эти были отвергнуты с презрением; дикие народы вступили с оружием в руках на землю троглодитов, предполагая, что последних защищает только их невинность.

Но троглодиты были хорошо подготовлены к обороне. Жен и детей они поместили в середину. Их изумляла не численность врагов, а их несправедливость. Новый пыл охватил сердца троглодитов: один хотел умереть за отца, другой за жену и детей, тот за братьев, иной за друзей, все — за свой народ. Место павшего немедленно заступал другой, и, ратуя за общее дело, он горел также желанием отметить и за смерть своего предшественника.

Таков был бой между несправедливостью и добродетелью. Подлые народы, искавшие только добычи, не усты-

дились обратиться в бегство; их не трогала добродетель троглодитов, но им пришлось уступить ей.

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2, 9-го дня. 1711 года.

ПИСЬМО XIV
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Племя с каждым днем разрасталось, и троглодиты пришли к мысли, что пора им выбрать себе царя. Они решили, что надо предложить венец самому справедливому, и взоры всех обратились на некоего старца, уважаемого за возраст и давнюю добродетель. Он не захотел присутствовать на этом собрании; он удалился домой с сердцем, стесненным печалью.

Когда к нему отправили посланцев, чтобы сообщить, что выбор пал на него, он сказал: «Да избавит меня бог причинить несправедливость троглодитам, дав повод думать, будто нет среди них никого справедливее меня. Вы предлагаете мне венец, и, если вы настаиваете на этом, мне придется его принять, но имейте в виду, что я умру от скорби, ибо при рождении я застал троглодитов свободными, а теперь увижу их порабощенными». С этими словами он горько заплакал. «Несчастный день! — воскликнул он. — И зачем прожил я так долго?» Потом он вскричал суровым голосом: «Я понимаю, что все это означает, троглодиты! Ваша добродетель начинает тяготить вас. В вашем теперешнем положении вам приходится, не имея вождя, быть добродетельными, хотите вы этого или нет: иначе вы не могли бы существовать и вас постигли бы те же беды, которые преследовали ваших предков. Но это ярмо кажется вам слишком тяжелым: вы предпочитаете подчиниться государю и повиноваться его законам, — менее строгим, чем ваши нравы. Вы знаете, что тогда вам можно будет удовлетворять свое честолюбие, приобретать богатство и предаваться низкому вожделению и что вы не будете нуждаться в добродетели, лишь бы только избегали больших преступлений». Он умолк на мгновение, и слезы полились у него пуще прежнего. «Что же, по вашему

мнению, мне делать? Как могу я приказать что-либо троглодиту? Вы хотите, чтобы он совершал добродетельные поступки потому, что я приказал ему их совершать, — ему, который и без меня совершал бы их просто по врожденной склонности? О троглодиты! Я у исхода дней моих, кровь остыла в моих жилах, скоро увижу я священных ваших предков; почему же хотите вы, чтобы я их огорчил, сказав им, что я оставил вас под ярмом иным, чем ярмо добродетели?»[9]

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2, 10-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XV

ГЛАВНЫЙ ЕВНУХ, К ЯРОНУ, ЧЕРНОМУ ЕВНУХУ, В ЭРЗЕРУМ

Молю небо, чтобы оно вернуло тебя сюда и охранило от всяких опасностей.

Хотя я никогда не знал тех обязательств, что зовутся дружбой, и всегда замыкался в себе, ты все же дал мне почувствовать, что у меня есть еще сердце, и в то время как я был как бы бронзовым для всех рабов, состоявших в моем подчинении, я с удовольствием следил, как ты подрастал.

Настало время, когда мой господин обратил на тебя свои взоры. Далеко еще было до того, как природа должна была заговорить в тебе, а нож уже разлучил тебя с нею. Не буду говорить, жалел ли я тебя, или радовался тому, что тебя возвысили до меня. Я успокаивал твои слезы и крики. Мне казалось, что ты родился вторично и вышел из состояния рабства, при котором тебе всегда приходилось повиноваться, с тем, чтобы перейти в рабство, при котором тебе предстоит повелевать. Я позаботился о твоем воспитании. Строгость, неразлучная спутница обучения, долго мешала тебе понять, что ты мне дорог. Тем не менее ты был дорог мне, и я даже сказал бы, что любил тебя, как отец любит сына, если бы эти названия — отца и сына — подходили к нашей участи.

Ты проедешь по странам, обитаемым христианами, не знающими истинной веры. Не может быть, чтобы ты чем-

нибудь не осквернил себя. Как пророку углядеть за тобой среди стольких миллионов его врагов? Мне бы хотелось, чтобы мой господин совершил по возвращении паломничество в Мекку: все вы очистились бы в стране ангелов!

Из испаганского сераля, месяца Джеммади 2, 10-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XVI

УЗБЕК К МУЛЛЕ МЕГЕМЕТУ-АЛИ, СТРАЖУ ТРЕХ ГРОБНИЦ[10]

Зачем живешь ты среди гробниц, божественный мулла? Ты создан скорее для пребывания на звездах. Ты прячешься несомненно оттого, что опасаешься затмить солнце: на тебе нет пятен, как и на этом светиле, но ты тоже закрываешься облаками.

Твоя ученость — бездна глубже Океана; твой ум острее Зуфагара[11], меча Али о двух клинках; тебе ведомо, что происходит в девяти хорах небесных сил; ты читаешь Алкоран на груди нашего божественного пророка, а когда тебе попадается в нем какое-нибудь непостижимое место, ангел, по велению пророка, взмахивает быстрыми крылами и спускается с престола, чтобы открыть тебе тайну.

Через твое посредство я мог бы поддерживать сокровенное общение с серафимами, ибо, о тринадцатый имам[12], не центр ли ты, в котором сходятся небо и земля, не точка ли соприкосновения преисподней с эмпиреем?[13]

Я нахожусь среди нечестивого народа: дозволь мне очиститься с твоей помощью, разреши мне обратить лицо мое к священным местам, где ты обитаешь; отличи меня от злых подобно тому, как с наступлением зари отличают нить белую от нити черной; помоги мне советами; прими душу мою под свое покровительство; опьяни ее духом пророков; напитай ее райской премудростью и дозволь мне повергнуть ее язвы к стопам твоим. Посылай свои священные письма в Эрзерум: там я пробуду несколько месяцев.

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2, 11-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XVII
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Я не могу, божественный мулла, преодолеть нетерпение: нет сил дождаться дивного ответа. Меня обуревают сомнения, рассей их: я чувствую, что ум мой мутится; верни его на путь истины; источник света, просвети меня; сразу своим божественным пером трудности, которые я сейчас изложу тебе; внуши мне презрение к самому себе и стыд за тот вопрос, который я тебе сейчас предложу.

Отчего наш законодатель лишает нас свиного мяса и всех видов говядины, называя их нечистыми? Отчего он запрещает нам дотрагиваться до трупа и повелевает беспрестанно омывать тело, чтобы очистить душу? Мне кажется, что сами по себе вещи ни чисты, ни нечисты: я не могу различить ни одного качества, присущего им от природы, которое делало бы их такими. Грязь кажется нам грязной только потому, что оскорбляет наше зрение или какое-нибудь иное из наших чувств, но сама по себе она не грязнее ни золота, ни алмазов. Мысль о том, что прикосновение к трупу оскверняет нас, возникает только из нашего естественного отвращения к мертвецам. Если бы тела тех, кто никогда не моется, не оскорбляли ни обоняния, ни зрения, как можно было бы обнаружить, что они нечисты?

Итак, божественный мулла, чувства оказываются единственными судьями чистоты или нечистоты вещей. Но так как ощущения от предметов отнюдь не одинаковы у всех людей; так как то, что вызывает приятное ощущение у одних, внушает отвращение другим, то отсюда следует, что свидетельство чувств не может служить мерилом, если только не утверждать, что каждый волен по собственному усмотрению решать этот вопрос и отличать, когда это его касается, чистые вещи от нечистых.

Но, святой мулла, ведь такими соображениями опровергаются различия, установленные нашим божественным пророком, и основные положения закона, начертанного руками ангелов!

Из Эрзерума, месяца Джеммади 2,
20-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XVIII

МЕГЕМЕТ-АЛИ, СЛУЖИТЕЛЬ ПРОРОКОВ, К УЗБЕКУ В ЭРЗЕРУМ

Вы постоянно задаете нам вопросы, которые уже тысячу раз предлагались нашему святому пророку. Почему не читаете вы произведения ученых? Почему не прибегаете к этому чистому источнику всякого познания? Там вы нашли бы разрешение всех ваших сомнений.

Несчастные! Вы вечно заняты земными делами и никогда не обращаете взора на дела небесные; вы почитаете сан муллы, но не осмеливаетесь ни принять этот сан, ни следовать носящим его.

Нечестивцы! Вы никогда не проникаете в тайны предвечного, ваша просвещенность подобна тьме преисподней, и суждения ума вашего подобны пыли, поднимаемой вашими ногами, когда солнце стоит в зените, в знойный месяц Шахбан[14].

И зенит вашего духа не достигает даже надира ничтожнейшего из иммомов*. Ваша пустая философия — молния, предвещающая грозу и мрак: вокруг вас — буря, и вы носитесь по воле ветров.

На твое затруднение ответить очень легко; для этого достаточно рассказать тебе, что случилось однажды с нашим святым пророком, когда, искушаемый христианами, испытуемый иудеями, он пристыдил и тех и других.

Иудей Авдия-Ибсалон** спросил у него, почему господь запретил есть свиное мясо? «Не без причины, — ответил Магомет. — Свинья животное нечистое, и сейчас я тебе это докажу». Он из грязи слепил у себя на ладони фигуру человека, бросил ее на землю и воскликнул: «Восстань!» Тотчас же встал человек и сказал: «Я Иафет, сын Ноя». — «Были у тебя такие же седые волосы, когда ты умирал?» — спросил у него святой пророк. «Нет, — отвечал тот, — но когда ты меня разбудил, я подумал, что настал судный день, и так испугался, что волосы мои сразу побелели».

---

* «Это слово употребительнее у турок, чем у персиян (*Прим. автора.*)

** Магометанское предание. (*Прим. автора.*)

«А ну-ка, расскажи мне, — продолжал посланец божий, — историю Ноева ковчега». Иафет повиновался и подробно рассказал обо всем, что произошло в первые месяцы; после этого он продолжал так:

«Мы сгребали нечистоты всех животных к одной стороне ковчега; от этого он так накренился, что мы смертельно перепугались, особенно женщины, причитавшие на все лады. Отец наш Ной спросил совета у бога, и тот повелел ему взять слона и повернуть его головой к накренившейся стороне. Это огромное животное наложило столько помета, что из него родилась свинья».

Как же, Узбек, не воздерживаться от ее мяса и не считать ее животным нечистым?

«Но свинья все время копалась в этих нечистотах, и в ковчеге поднялась такая вонь, что свинья сама не удержалась и чихнула, а из носу у нее вышла крыса и принялась грызть что ни попало. Ною стало невмоготу, и он решил снова обратиться за советом к богу. Бог повелел ему крепко стукнуть льва по лбу, отчего лев тоже чихнул и вычихнул кошку». Можно ли было и этих животных не почесть нечистыми? Как тебе кажется?

Итак, вы не постигаете причины нечистоты тех или иных вещей только потому, что не знаете и многих других причин, а также не знаете всего, что произошло между богом, ангелами и людьми. Вы не знаете истории вечности: вы не читали книг, написанных на небесах; то, что вам из них открыто, составляет лишь малую часть небесной библиотеки, да и те, кто, подобно нам, больше вас приближаются к ней, всё же, пока живут земною жизнью, коснеют во тьме и мраке. Прощай. Да пребудет Магомет в сердце твоем!

Из Кома, в последний день месяца Шахбана[14] 1711 года

ПИСЬМО XIX

УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ РУСТАНУ В ИСПАГАНЬ

Мы пробыли в Токате только неделю; после тридцати пяти дней пути мы приехали в Смирну.

Между Токатом и Смирной нет ни одного города, который бы заслуживал упоминания. С удивлением убеждался я в слабости империи османлисов. Это больное тело поддерживается[15] не мягким и умеренным лечением, но сильно действующими снадобьями, которые только истощают его и подрывают его силы.

Паши, которые получают свои должности за деньги, являются в провинции разоренными и грабят их, словно завоеванные страны. Наглая солдатня подчиняется только их прихотям. Укрепления срыты, города безлюдны, деревни опустошены, земледелие и торговля совершенно заброшены.

При этом суровом управлении царит безнаказанность: христиане, возделывающие землю, и евреи, взимающие налоги, подвергаются всевозможным насилиям.

Земельная собственность не охраняется законом, и тем самым подрывается желание повысить плодородие земли: не существует ни купчих крепостей, ни документов на право владения, с которыми бы считалось самоуправство пашей.

Турки до такой степени забросили все искусства, что пренебрегли даже искусством военным. В то время как европейские народы совершенствуются с каждым днем, эти варвары коснеют в своем первобытном невежестве и надумываются применять новые изобретения европейцев только после того, как эти изобретения уже тысячу раз применялись против них.

У них нет никакого опыта в мореплавании, никакой сноровки в ведении дел. Говорят, что горсть европейцев, спустившихся с гор*, вгоняет оттоманов в пот и не дает покоя их империи.

Сами они неспособны к торговле и вместе с тем не любят, когда европейцы, всегда работящие и предприимчивые, приезжают к ним торговать: они воображают, что оказывают милость европейцам, когда те обогащают их.

Я пересек всю эту обширную страну и убедился, что только Смирну можно назвать городом богатым и сильным. Ее делают такою европейцы, и не туркам она обязана тем, что не похожа на другие турецкие города.

---

* Очевидно, это мальтийские рыцари. (*Прим. автора.*)

Вот, любезный Рустан, правильное представление об этой империи, которая, не пройдет и двух веков, станет местом триумфов какого-нибудь завоевателя.

Из Смирны, месяца Рамазана[16] *2-го дня, 1711 года*

ПИСЬМО XX

УЗБЕК К СВОЕЙ ЖЕНЕ ЗАШИ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Ты оскорбила меня, Заши, и в сердце моем рождаются чувства, которых тебе следует страшиться, если только в мое отсутствие ты не изменишь свое поведение и не постараешься утишить неистовую ревность, терзающую меня.

Я узнал, что тебя застали наедине с белым евнухом Надиром; он заплатит головою за свою неверность и вероломство. Как забылась ты до того, чтобы не сознавать, что тебе нельзя принимать в своей комнате белого евнуха, в то время как к твоим услугам имеются черные? Напрасно ты станешь уверять меня, что евнух не мужчина и что твое добронравие ставит тебя выше мыслей, которые могли бы зародиться у тебя благодаря некоторому его сходству с мужчиной. Этих уверений недостаточно ни для тебя, ни для меня: для тебя потому, что ты совершила поступок, запрещенный законами сераля; для меня потому, что ты обесчестила меня, открывшись чужим взорам... Да что я говорю — взорам: может быть, покушениям вероломного, который осквернил тебя своим преступлением и еще более своими сожалениями и отчаянием от сознания собственного бессилия.

Ты скажешь мне, быть может, что всегда была мне верна. Да разве могла ты не быть верной? Как бы тебе удалось обмануть бдительность черных евнухов, ныне столь удивленных твоим образом жизни? Как бы сломала ты засовы и двери, которые держат тебя взаперти? Ты кичишься добродетелью, которая не от тебя зависит, и, может быть, твои нечистые помыслы уже тысячи раз отнимали у тебя заслугу и лишали всякой ценности верность, которой ты так хвалишься.

Мне хочется верить, что ты вовсе не совершила того, в чем я имею основание тебя подозревать, что этот предатель не касался тебя своими кощунственными руками: ты отказала ему в лицезрении того, что является усладою его господина; ты оставила между ним и собою слабую преграду одежд, тебя облегающих; сам он потупился от благоговения; ему недостало смелости, и он затрепетал при мысли о карах, которые себе готовит. Но даже если все это так, ты все же совершила поступок, противный твоему долгу. А если ты нарушила его попусту, не надеясь удовлетворить своих развратных наклонностей, то что бы ты готова была сделать, чтобы удовлетворить их? И что бы стала ты делать, если бы тебе удалось уйти из этого священного места, являющегося для тебя суровой тюрьмой в той же мере, в какой оно является для твоих подруг надежным убежищем против поползновений порока, священным храмом, где ваш пол утрачивает свою слабость и оказывается непобедимым, несмотря на все свои изъяны? Что сделала бы ты, если бы была предоставлена самой себе и не имела другой защиты, кроме любви ко мне, столь тяжко оскорбленной, да долга, которому ты так недостойно изменила? Как святы нравы нашей отчизны, спасающие тебя от покушений подлейших рабов! Ты должна быть благодарна мне за те стеснительные условия, в которые я тебя поставил, раз только благодаря им ты еще достойна жить.

Ты терпеть не можешь начальника евнухов потому, что он неустанно следит за твоим поведением и дает тебе мудрые советы. Его безобразие, говоришь ты, так отталкивающе, что ты не можешь видеть его без отвращения. Как будто на такие должности ставят писаных красавцев! Тебе досадно, что на его месте не белый евнух, бесчестящий тебя.

А чем не угодила тебе твоя главная рабыня? Она сказала тебе, что твое вольное обращение с юной Зелидой грешит против благопристойности. Вот за что ты ее возненавидела.

Мне следовало бы, Заши, быть суровым судьею, а я только муж, стремящийся убедиться в твоей невинности. Любовь, которую я питаю к моей новой супруге Роксане,

не устранила нежности, которую я должен питать к тебе, не менее прекрасной. Я делю любовь между вами обеими, и у Роксаны только то преимущество, которое добродетель может прибавить к красоте.

Из Смирны, месяца Зилькаде[17] *12-го дня, 1711 года*

ПИСЬМО XXI

УЗБЕК К ГЛАВНОМУ БЕЛОМУ ЕВНУХУ

Дрожать тебе следует, вскрывая это письмо, или скорее дрожать должен ты был, когда терпел вероломство Надира! Ты, и в холодной, немощной старости не могущий безнаказанно поднимать глаз на священные предметы моей любви, ты, кому никогда не позволялось ступить кощунственной ногой за порог страшного чертога, укрывающего их от всех взоров, ты терпишь, чтобы вверенные твоему надзору рабы делали то, что ты сам не осмелился бы сделать, и не замечаешь грома, готового разразиться над ними и над тобою!

Да кто вы, как не жалкие орудия, которые я могу сокрушить по своей прихоти? Вы существуете лишь постольку, поскольку умеете повиноваться; вы на свете лишь для того, чтобы жить в моем подчинении или умереть, как только я прикажу; вы дышите лишь постольку, поскольку мое счастье, моя любовь, даже моя ревность нуждается в вашей подлости; у вас нет, наконец, иной участи, кроме подчинения, другой души, кроме моей воли, другой надежды, кроме моего благоденствия.

Я знаю, что некоторые из моих жен с трудом переносят строгие законы долга, что им докучает постоянное присутствие черного евнуха, что им надоели уроды, приставленные к ним для того, чтобы охранять их для супруга; я знаю это, но тебя, потворствующего этому беспорядку, я накажу так, что приведу в содрогание всех, кто злоупотребляет моим доверием.

Клянусь всеми небесными пророками и величайшим из всех них — Али, что если ты нарушишь свой долг, я поступлю с тобою как с червем, подвернувшимся мне под ноги.

Из Смирны, месяца Зилькаде 12-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XXII

ЯРОН К ГЛАВНОМУ ЕВНУХУ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

По мере того как Узбек удаляется от сераля, он обращает взоры на своих священных жен, вздыхает и проливает слезы; его боль обостряется, подозрения крепнут. Он намеревается увеличить число стражей в серале. Он отправляет меня обратно со всеми сопровождающими его неграми. Он больше не опасается за себя: он страшится за то, что ему в тысячу раз дороже самого себя.

Итак, я снова буду жить под твоим началом и разделять твои заботы. Боже великий! Сколько всего нужно, чтобы осчастливить только одного человека!

Казалось бы, природа сделала женщин зависимыми, но она же и освободила их от зависимости. Между двумя полами зарождался раздор, ибо права их были обоюдны. Благодаря нам создалась новая гармония: между собою и женщинами мы поставили ненависть, а между женщинами и мужчинами — любовь.

Мое чело нахмурится. Я буду кидать мрачные взоры. Радость покинет мои уста. Внешность моя будет спокойна, но душа будет охвачена тревогой. Мне не придется ожидать старческих морщин: я буду угрюм и без них.

Я с удовольствием следовал бы за своим господином на Запад, но моя воля принадлежит ему. Он хочет, чтобы я сторожил его жен, — я буду верно стеречь их. Я знаю, как мне вести себя с этим полом, который сразу становится надменным, когда ему не позволяют быть легкомысленным; я знаю, что труднее унижать, чем уничтожать. Простри на меня взор твой.

Из Смирны, месяца Зилькаде 12-го дня, 1711 года

ПИСЬМО XXIII

УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ ИББЕНУ В СМИРНУ

После сорокадневного плавания мы прибыли в Ливорно. Это новый город: он свидетельствует о талантах тос-

канских герцогов, которые превратили деревню, окруженную болотами, в самый цветущий город Италии.

Женщины пользуются здесь большою свободой. Они могут смотреть на мужчин сквозь особые ставни, называемые жалюзи, они в любой день могут выйти из дома в сопровождении какой-нибудь старухи; они носят только одно покрывало!* Их зятья, дяди, племянники могут смотреть на них, и мужья почти никогда на это не обижаются.

Христианский город — великое зрелище для маго-метанина, видящего его впервые. Я имею в виду не то, что сразу же бросается всем в глаза, вроде разницы в строениях, одежде, основных обычаях; но даже в малейших безделицах находишь здесь что-нибудь особенное: я это чувствую, хотя и не могу выразить.

Завтра мы отправимся в Марсель; там мы пробудем недолго. Наше с Рикой намерение — немедленно ехать в Париж, столицу Европы. Путешественники всегда стремятся в большие города, являющиеся своего рода общим отечеством для всех иностранцев.

Прощай. Будь уверен в моей неизменной любви.

Из Ливорно, месяца Сафари 12-го дня, 1712 года.

ПИСЬМО XXIV[18]
РИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Вот уже месяц, как мы в Париже, и все это время мы пребывали в постоянном движении. Приходится немало похлопотать, прежде чем найдешь пристанище, разыщешь людей, к которым есть рекомендации, и обзаведешься необходимыми вещами, ибо здесь неожиданно обнаруживаешь, что многого тебе не хватает.

Париж так же велик, как Испагань. Дома в нем очень высокие; право, можно подумать, что все обитатели их — звездочеты. И, разумеется, город, построенный в воздухе, город, в котором шесть-семь домов нагромождены друг на друга, крайне многолюден, так что когда все выходят на улицу, получается изрядная толчея.

* Персиянки носят четыре покрывала. (*Прим. автора.*)

Ты не поверишь, пожалуй: за тот месяц, что я здесь нахожусь, я еще не видал, чтобы тут кто-нибудь ходил не спеша. Никто на свете лучше французов не умеет пользоваться своими ногами: здесь люди бегут, летят. Они упали бы в обморок от медлительных повозок Азии, от мерного шага наших верблюдов. Что касается меня, я вовсе не приспособлен для такой беготни и хожу по улицам, не меняя своей обычной походки; поэтому я порою прихожу в бешенство, как настоящий христианин: еще куда ни шло, что меня обдают грязью с ног до головы, но я никак не могу примириться, что неизменно, неминуемо получаю удары локтями. Человек, настигающий и обходящий меня, вынуждает шарахаться в сторону; другой, пересекая мой путь в противоположном направлении, вдруг толкает меня обратно на то место, с которого сшиб первый; не успею я пройти и сотни шагов, как уже чувствую себя таким разбитым, словно прошел миль десять.

Не думай, что я могу уже теперь основательно рассказать тебе о нравах и обычаях европейцев: я и сам-то имею о них лишь поверхностное представление, и пока что мне еле хватает времени на то, чтобы изумляться.

Французский король[19] — самый могущественный монарх в Европе. У него нет золотых россыпей, как у его соседа, короля Испании, и все же у него больше богатств, чем у последнего, ибо он извлекает их из тщеславия своих подданных, а оно куда доходнее золотых россыпей. Он затевал большие войны или принимал в них участие, не имея других источников дохода, кроме продажи титулов[20], и благодаря чуду человеческой гордыни его войска всегда были оплачены, крепости укреплены и флот оснащен.

Впрочем, этот король — великий волшебник: он простирает свою власть даже на умы своих подданных; он заставляет их мыслить так, как ему угодно. Если у него в казне лишь один миллион экю, а ему нужно два, то стоит ему только сказать, что одно экю равно двум[21], и подданные верят. Если ему приходится вести трудную войну, а денег у него вовсе нет, ему достаточно внушить им, что клочок бумаги — деньги, и они немедленно с этим соглашаются. Больше того, он внушает им, что его прикоснове-

ние излечивает их от всех болезней[22]: вот как велики сила и могущество его над умами!

То, что я говорю тебе об этом государе, не должно тебя удивлять: есть и другой волшебник, еше сильнее его, который повелевает умом этого государя даже больше, чем последний властвует над умом других людей. Этот волшебник зовется папой. Он убеждает короля в том, что три не что иное, как единица, что хлеб, который едят, не хлеб, и что вино, которое пьют, не вино, и в тысяче тому подобных вещей.

А чтобы держать сего короля в постоянном напряжении и чтобы он не утратил привычки верить, папа время от времени преподносит ему для упражнения какие-нибудь догматы веры. Два года тому назад он прислал королю большое послание[23], которое назвал Конституцией, и хотел, под угрозой великих кар, принудить этого государя и его подданных поверить всему, что содержалось в том послании. В отношении государя это удалось[24], — он тотчас же подчинился и подал пример своим подданным. Но некоторые из последних взбунтовались и заявили, что не желают верить тому, что сказано в послании. Движущей силой этого бунта, разделяющего весь двор, все королевство и все семьи, являются женщины. Эта Конституция запрещает последним читать некую книгу, про которую все христиане говорят, что она была принесена с неба: это в сущности их Алкоран. Женщины, возмущенные оскорблением, нанесенным их полу, поднимают всех и вся против Конституции; они привлекли на свою сторону мужчин, которые в этом случае вовсе не хотят привилегии. Следует, однако, признать, что муфтий этот рассуждает неплохо; и — клянусь великим Али! — он, повидимому, посвящен в основы нашего святого закона. Ибо, раз женщины суть создания низшего порядка и раз наши пророки говорят, что они не попадут в рай, то зачем же им соваться в чтение книги, написанной только с тем, чтобы указать дорогу в рай?

Я слыхал о короле такие россказни, которые граничат с чудом, и не сомневаюсь, что тебе трудно будет поверить им.

Говорят, что в то время, как он вел войну с соседями, заключившими против него союз, в его королевстве нахо-

дилось бесчисленное множество невидимых врагов[25]. Добавляют, что он разыскивал их в течение более тридцати лет и, несмотря на неутомимые усилия некоторых дервишей[26], пользующихся его доверием, не мог найти ни одного. Они живут с ним, находятся при его дворе, в его столице, в его войсках, в его судилищах; и тем не менее, говорят, как это для него ни прискорбно, ему придется умереть, так и не обнаружив их. Можно было бы сказать, что они существуют вкупе и ничего не представляют собою в отдельности: это — тело, но без членов. Насылая на короля неуловимых врагов, свойства и назначение которых превышает его собственные, небо несомненно хочет наказать этого государя за то, что он не соблюдал достаточной умеренности по отношению к своим побежденным врагам.

Я буду писать тебе и впредь и расскажу тебе о вещах, весьма далеких от персидских нравов и свойств. Нас с тобою носит одна и та же Земля, но люди той страны, где живу я, и той, где пребываешь ты, весьма различны.

Из Парижа, месяца Ребиаба 2, 4-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXV
УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Я получил письмо от твоего племянника Реди; он сообщает мне, что покидает Смирну в намерении посетить Италию и что единственная цель его путешествия — поучиться и тем самым сделаться более достойным тебя. Очень рад, что у тебя есть племянник, который со временем станет утешением твоей старости.

Рика пишет тебе длинное письмо; он говорил, что много рассказывает тебе в нем о здешней стране. Живость его ума дает ему возможность быстро все схватывать. Что касается меня, думающего медленнее, то я ничего не в состоянии сказать тебе.

Ты являешься предметом наших нежнейших бесед: мы не можем вдоволь наговориться о радушном приеме, который ты устроил нам в Смирне, и твоих повседневных дружеских услугах. Да будут у тебя везде, великодушный

Иббен, столь же признательные и столь же верные друзья, как мы. Поскорее бы мне свидеться с тобою, поскорее настали бы счастливые дни, дни радостной встречи двух друзей! Прощай!

Из Парижа, месяца Ребиаба 2, 4-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXVI

УЗБЕК К РОКСАНЕ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Какая счастливица ты, Роксана, что находишься в милой Персии, а не в здешних тлетворных местах, где люди не ведают ни стыда, ни добродетели! Какая ты счастливица! Ты живешь в моем сердце, как в обители невинности, недоступная посягательствам смертных; ты радостно пребываешь в благостной невозможности греха. Никогда не осквернял тебя мужчина своими похотливыми взорами; даже твой свекор в непринужденной обстановке пира никогда не видел твоих прекрасных уст — ты неизменно надеваешь священную повязку, чтобы прикрыть их. Счастливая Роксана! Когда ты была на даче, тебя всюду сопровождали евнухи, шедшие впереди тебя, чтобы предать смерти любого дерзкого, не бежавшего при твоем приближении. Даже мне самому, которому небо даровало тебя на радость, сколько усилий пришлось употребить, прежде чем стать властелином того сокровища, которое ты защищала с таким упорством! Каким горем было для меня в первые дни нашего брака, что я не вижу тебя! И каково было мое нетерпение, когда я тебя увидел! Ты, однако, не удовлетворила его: напротив, ты его дразнила упрямыми отказами, внушенными встревоженной стыдливостью, ты смешивала меня со всеми мужчинами, от которых беспрестанно пряталась. Помнишь ли день, когда я потерял тебя среди твоих рабынь, которые изменили мне и спрятали тебя от моих поисков? Помнишь ли ты тот другой день, когда, видя, что слезы не помогают, ты прибегла к авторитету своей матери, чтобы поставить преграду неистовству моей любви? Помнишь ли, как, исчерпав все возможности, ты прибегла к тем средствам, какие обрела в

своем мужестве? Ты взяла кинжал и угрожала заколоть любящего тебя супруга, если он не перестанет требовать от тебя того, что ты ценила дороже самого мужа? Два месяца прошли в этом сражении любви и добродетели. Ты зашла слишком далеко в целомудренной стыдливости; ты не сдалась даже после того как была побеждена: ты до последней крайности защищала умиравшую девственность, ты относилась ко мне, как к врагу, нанесшему тебе оскорбление, а не как к любящему супругу. Больше трех месяцев не могла ты взглянуть на меня не краснея; твой смущенный вид, казалось, упрекал меня за победу. Я даже не мог спокойно обладать тобой: ты скрывала от меня всё, что могла, из твоих чарующих прелестей, и я пьянел от великого дара в то время, как в мелких дарах мне еще отказывали.

Если бы ты была воспитана в здешней стране, ты бы так не смущалась. Женщины потеряли тут всякую сдержанность: они появляются перед мужчинами с открытым лицом, словно просят о собственном поражении, они ищут мужчин взорами; они видят мужчин в мечетях, на прогулках, даже у себя дома; обычай пользоваться услугами евнухов им неизвестен. Вместо благородной простоты и милой стыдливости, которые царствуют в вашей среде, здесь видишь грубое бесстыдство, к которому невозможно привыкнуть.

Да, Роксана, если бы ты была здесь, ты почувствовала бы себя оскорбленной тем ужасным позором, до которого дошли женщины, ты бежала бы этих отвратительных мест и вздыхала бы о том тихом убежище, где ты обретаешь невинность, где ты уверена в самой себе, где никакая опасность не приводит тебя в трепет, где, наконец, ты можешь любить меня, не опасаясь когда-либо утратить любовь, которую ты обязана питать ко мне.

Когда ты усиливаешь блеск цвета лица твоего самыми красивыми красками, когда ты умащаешь тело самыми драгоценными благовониями, когда надеваешь самые прекрасные свои наряды, когда стремишься выделиться среди подруг изяществом пляски и нежностью своего пения, когда ты так мило состязаешься с ними в очаровании, кротости, игривости, я не могу себе представить, чтобы ты преследовала какую-нибудь иную цель, кроме одной-единст-

венной: понравиться мне; а когда я вижу, как ты скромно краснеешь, как твои взоры ищут моих, как ты вкрадчиво проникаешь в мое сердце с помощью ласковых и нежных слов, я не могу, Роксана, сомневаться в твоей любви.

Но что мне думать о европейских женщинах? Их искусство румяниться и сурьмиться, побрякушки, которыми они украшают себя, их постоянная забота о собственной особе, их неутолимое желание нравиться — все это пятна на их добродетели и оскорбления для их мужей.

Это не значит, Роксана, что я считаю их способными зайти так далеко в преступлении, как то можно было бы предполагать, судя по их поведению, и что они доводят свою развращенность до ужасного, в содрогание приводящего распутства — до полного нарушения супружеской верности. Женщин, настолько развратных, чтобы дойти до этого, немного: в их сердцах живет известная добродетель, которой они наделены от рождения; воспитание ослабляет ее, но не разрушает. Они могут отступать от внешних обязательств, внушаемых стыдливостью, но если дело доходит до последнего шага, природа их возмущается. А когда мы так крепко запираем вас, приставляем к вам для стражи столько рабов, сдерживаем ваши желания, если они заходят слишком далеко, — мы делаем все это не потому, что боимся роковой неверности, а потому, что знаем, что не должно быть предела вашей чистоте и что малейшее пятнышко может загрязнить ее.

Мне жаль тебя, Роксана. Твое столь долго испытываемое целомудрие заслуживало бы такого супруга, который бы никогда не покидал тебя и сам укрощал бы желания, подавлять которые под силу только твоей добродетели.

Из Парижа, месяца Реджеба[27] 7-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXVII

УЗБЕК К НЕССИРУ В ИСПАГАНЬ

Мы находимся теперь в Париже, этом великолепном соперникe города Солнца*.

* Испагани. (*Прим. автора.*)

Уезжая из Смирны, я поручил моему другу Иббену доставить тебе ящик с кое-какими подарками: ты получишь и это письмо тем же путем. Хотя между мною и Иббеном пятьсот-шестьсот миль, я сообщаю ему о себе и получаю вести от него с такою же легкостью, как если бы он был в Испагани, а я в Коме. Я посылаю свои письма в Марсель, откуда постоянно отправляются корабли в Смирну; письма, адресованные в Персию, Иббен направляет из Смирны с армянскими караванами, которые отходят в Испагань ежедневно.

Рика чувствует себя превосходно: его сильное телосложение, молодость и веселый нрав ставят его выше всяких испытаний.

Что же касается меня, я не вполне здоров: мое тело и дух подавлены; я предаюсь размышлениям, которые с каждым днем становятся все печальнее; слабеющее здоровье влечет меня на родину и еще больше отчуждает от здешней страны.

Но заклинаю тебя, Нессир, постарайся, чтобы мои жены не знали, в каком состоянии я нахожусь. Если они любят меня, я хочу избавить их от слез; если не любят, не хочу усугублять их смелость.

Если мои евнухи вообразят, что я в опасности, они станут надеяться на безнаказанность подлой их угодливости и скоро поддадутся льстивому голосу этого пола, умеющего растрогать даже скалы и способного пленить неодушевленные предметы.

Прощай, Нессир. С удовольствием выражаю тебе мое доверие.

Из Парижа, месяца Шахбана 5-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXVIII

РИКА К ***

Вчера видел я здесь нечто довольно странное, хотя и происходящее в Париже изо дня в день.

К концу послеобеденного времени все собираются и разыгрывают своего рода представление, которое, как я слышал, называют *комедией*[28]. Главное действие происхо-

дит на подмостках, именуемых *театром*[29]. По обеим сторонам, в конурках, которые зовутся *ложами*, видны мужчины и женщины, разыгрывающие между собою немые сцены, вроде тех, какие в ходу у нас в Персии.

Здесь — огорченная любовница, выражающая свое томление; там другая, страстная на вид, с огненным взором, пожирает очами своего возлюбленного, который смотрит на нее горящими глазами: все страсти отражены на лицах и выражаются весьма красноречиво, хоть и без слов. Актрисы, действующие в ложах, показываются только до талии и обычно из скромности носят муфты, чтобы прикрыть свои обнаженные руки. Внизу стоит толпа[30], потешающаяся над теми, что находится наверху, на театре, а эти последние смеются над стоящими внизу.

Но особенно суетятся несколько человек[31], которых для этого набирают из числа молодых людей, способных выдерживать усталость. Они обязаны быть всюду; они пробираются сквозь им одним известные лазейки, с удивительной ловкостью носятся с яруса на ярус; они и наверху, и внизу, и во всех ложах. Они, так сказать, ныряют: только потеряешь их из виду, как они тут как тут; часто они покидают свое место на сцене и идут играть в другое; видишь и таких, которые каким-то чудом, несмотря на костыли, расхаживают не хуже других. Наконец, переходишь в залы, где представляется особого рода комедия[32]: сперва обмениваются глубокими поклонами, потом начинают обниматься. Говорят, будто достаточно самого поверхностного знакомства с человеком, чтобы иметь право душить его в объятиях. По-видимому, самое место располагает к нежности. Говорят, будто царствующие там принцессы отнюдь не жестоки и что за исключением двух-трех часов в день, когда они бывают довольно свирепы, они, можно сказать, вполне доступны, и эта блажь у них легко проходит.

Все, о чем я тебе здесь рассказываю, приблизительно так же происходит и в другом месте, именуемом Оперой: вся разница в том, что в одном разговаривают, а в другом поют. Приятель повел меня намедни в ложу, где раздевалась одна из главных актрис. Мы так быстро с ней сдружились, что на следующее утро я получил от нее письмо такого содержания:

«Сударь!

Я несчастнейшая девушка в мире; я всегда была самой добродетельной актрисой Оперы. Месяцев семь-восемь тому назад, когда я была в ложе, где Вы видели меня вчера, и одевалась в костюм жрицы Дианы, ко мне вошел молодой аббат и, без всякого уважения к моему белому одеянию, покрывалу и повязке, похитил мою невинность. Как ни указывала я ему на принесенную мною жертву, он только хохотал и уверял, что не нашел во мне ничего священного. Между тем я так растолстела, что не решаюсь больше показываться в театре, ибо мне свойственна необычайная щепетильность в вопросах чести; я всегда утверждаю, что порядочную девушку легче лишить добродетели, чем скромности. Вы понимаете, что при такой моей щепетильности этот молодой аббат никогда бы ничего не добился, если бы не обещал жениться на мне; столь законное его намерение понудило меня пренебречь обычными мелкими формальностями и начать с того, чем надлежало бы кончить. Но так как его неверность обесчестила меня, я не хочу больше служить в Опере, где, говоря между нами, еле зарабатываю на пропитание, потому что становлюсь все старше и прелести мои увядают, а жалованье, остающееся все тем же, с каждым днем словно уменьшается. От одного из членов Вашей свиты я узнала, что в Вашей стране чрезвычайно ценят хороших танцовщиц и что в Испагани я тотчас же составила бы себе состояние. Если бы Вы согласились оказать мне покровительство и увезти с собою в эту страну, то сделали бы доброе дело для девушки, которая благодаря своему добронравию и отменному поведению не окажется недостойной Вашей доброты. Имею честь пребывать...»

Из Парижа, месяца Шальвала[33] *2-го дня, 1712 года*

ПИСЬМО XXIX

РИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Папа — глава христиан. Это старый идол, которому кадят по привычке. Когда-то его боялись даже государи, потому что он смещал их с такой же легкостью, с какой

наши великолепные султаны смещают царей Имеретии и Грузии. Но теперь его уже больше не боятся. Он называет себя преемником одного из первых христиан, которого зовут *апостолом. Петром,* и это несомненно — богатое наследие, так как под владычеством папы находится большая страна и огромные сокровища.

Епископы — это законники, подчиненные папе и выполняющие под его началом две весьма различные обязанности. Когда они находятся в сборе, то, подобно папе, составляют догматы веры; а у каждого из них в отдельности нет другого дела, как только разрешать верующим нарушать эти догматы. Надо тебе сказать, что христианская религия изобилует очень трудными обрядами, и так как люди рассудили, что менее приятно исполнять обязанности, чем иметь епископов, которые освобождают от этих обязанностей, то ради общественной пользы и приняли соответствующее решение. Поэтому, если кто-нибудь не хочет справлять рамазан[34], подчиняться определенным формальностям при заключении брака, желает нарушить данные обеты, жениться вопреки запрету закона, а иногда даже преступить клятву, то он обращается к епископу или к папе, которые тотчас же дают разрешение.

Епископы не сочиняют догматов веры по собственному побуждению. Существует бесчисленное количество ученых, большею частью дервишей[35], которые поднимают в своей среде тысячи новых вопросов касательно религии; им предоставляют долго спорить, и распря продолжается до тех пор, пока не будет принято решение, которое положит ей конец.

Поэтому могу тебя уверить, что никогда не было царства, в котором происходило бы столько междуусобиц, как в царстве Христа.

Тех, которые выносят на свет божий какое-нибудь новое предложение, сначала называют *еретиками.* Каждая ересь имеет свое имя, которое является как бы объединяющим словом для ее сторонников. Но кто не хочет, тот может и не считаться еретиком: для этого человеку нужно только придерживаться инакомыслия лишь наполовину и установить различие между собою и теми, кого обвиняют в ереси; каким бы это различие ни было — вразумитель-

ным или невразумительным — его достаточно, чтобы обелить человека и чтобы отныне он мог называться *правоверным.*

То, о чем я тебе рассказываю, относится к Франции и Германии, а в Испании и Португалии, говорят, есть такие дервиши, которые совершенно не разумеют шуток и жгут людей, как солому. Когда кто-нибудь попадает в их руки, то счастлив он, если всегда молился богу с маленькими деревянными зернышками[36] в руках, носил на себе два куска сукна, пришитых к двум лентам[37], и побывал в провинции, называемой Галисией![38] Без этого бедняге придется туго. Как бы он ни клялся в своем правоверии, его клятвам не поверят и сожгут его как еретика; как бы он ни доказывал свое отличие от еретика, — никаких отличий! Он превратится в пепел раньше, чем кто-нибудь подумает его выслушать.

Иные судьи заранее предполагают невинность обвиняемого, эти же всегда заранее считают его виновным. В случае сомнения они непременно склоняются к строгости, — очевидно потому, что считают людей дурными. Но, с другой стороны, они такого хорошего мнения о людях, что не считают их способными лгать, ибо придают значение свидетельским показаниям смертельных врагов обвиняемого, женщин дурного поведения, людей, занимающихся скверным ремеслом. В своих приговорах они обращаются со словами ласки к людям, одетым в рубашку, пропитанную серой[39], и заверяют, что им очень досадно видеть приговоренных в такой плохой одежде, что они по природе кротки, страшатся крови и в отчаянии от того, что осудили их; а чтобы утешиться, они отчуждают в свою пользу все имущество этих несчастных[40].

Благословенна страна, обитаемая детьми пророков! Такие прискорбные зрелища там неведомы*. Святая вера, которую принесли в нее ангелы, защищается собственной своею истинностью: ей нет нужды в насилии, чтобы процветать.

Из Парижа, месяца Шальвала
4-го дня, 1712 года

---

* Персияне — самые терпимые из всех магометан. (*Прим. автора.*)

ПИСЬМО XXX

РИКА К НЕМУ ЖЕ В СМИРНУ

Жители Парижа любопытны до крайности. Когда я приехал, на меня смотрели, словно на посланца небес: старики, мужчины, женщины, дети — все хотели меня видеть. Когда я выходил из дому, люди бросались к окнам; если я гулял в Тюильри, около меня тотчас же собиралась толпа; женщины окружали меня, как радуга, переливающая тысячью цветов. Когда я посещал спектакль, на меня направлялись сотни лорнетов; словом, никогда так не рассматривали человека, как меня. Порою я улыбался, слыша, что люди, почти не выходившие из своей комнаты, говорили обо мне: «Спору нет, у него совсем персидский вид». Удивительное дело: всюду мне попадались мои портреты; я видел свои изображения во всех лавочках, на всех каминах — люди не могли наглядеться на меня.

От стольких почестей становится, наконец, не по себе; я и не подозревал, что я такой интересный и редкостный человек, и, хотя я о себе и очень хорошего мнения, все же я никогда не воображал, что мне придется смутить покой большого города, где я никому не известен. Это понудило меня снять персидское платье и облачиться в европейское,чтобы проверить, останется ли после этого еще что-нибудь замечательное в моей физиономии. Этот опыт дал мне возможность узнать, чего я стою на самом деле. Освободившись от иностранных прикрас, я был оценен самым правильным образом. Я мог бы пожаловаться на портного: он в одно мгновение отнял у меня всеобщее внимание и уважение, ибо я вдруг превратился в ужасное ничтожество. Иногда я целый час сижу в обществе, и никто на меня не смотрит и не дает мне повода раскрыть рот, но стоит кому-нибудь случайно сообщить компании, что я персиянин, как сейчас же подле меня начинается жужжание: «Ах! ах! Этот господин — персиянин? Вот необычайная редкость! Неужели можно быть персиянином?»

Из Парижа, месяца Шальвала 6-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXXI

РЕДИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Я нахожусь сейчас в Венеции, дорогой Узбек. Можно перевидать все города на свете и все-таки прийти в изумление, приехав в Венецию: этот город, его башни и мечети, выходящие из воды, всегда будут вызывать восторг, и всегда будешь диву даваться, что в таком месте, где должны были бы водиться одни рыбы, живет так много народу.

Но этот нечестивый город лишен драгоценнейшего сокровища в мире, а именно проточной воды: в нем невозможно совершить ни одного установленного законом омовения. Он вызывает отвращение у нашего святого пророка, с гневом взирающего на него с высоты небес.

Если бы не это, дорогой Узбек, я был бы восхищен жизнью в городе, где мой ум развивается с каждым днем. Я осведомляюсь о торговых тайнах, об интересах государей, о форме их правления; я не пренебрегаю даже европейскими суевериями; обучаюсь медицине, физике, астрономии; изучаю искусства; словом, выхожу из тумана, который заволакивал мне взор в моей отчизне.

Из Венеции, месяца Шальвала 16-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXXII[41]

РИКА К ***

Как-то раз я пошел посмотреть некий дом, в котором довольно плохо содержится около трехсот человек[42]. Я скоро окончил осмотр, ибо церковь и другие здания не заслуживают особого внимания. Обитатели этого дома были довольно веселы; многие из них играли в карты или в другие, неизвестные мне игры. Когда я выходил, вместе со мною вышел один из этих людей; слыша, что я спрашиваю, как пройти в Марэ, самый отдаленный квартал Парижа, он сказал мне: «Я иду туда и провожу вас; следуйте за мною». Он отлично довел меня, выручил из всех затруднений и ловко оберег от повозок и карет. Мы почти

уже дошли, когда мной овладело любопытство. «Добрый друг, — сказал я ему, — не могу ли я узнать, кто вы?» — «Я слепой, сударь», — ответил он. «Как! — говорю я. — Вы слепой?! Почему же вы не попросили почтенного человека, игравшего с вами в карты, проводить нас?» — «Он тоже слепой; вот уже четыреста лет, как в том доме, где вы меня встретили, живет триста слепых. Но мне пора расстаться с вами; вот улица, которую вы спрашивали, а я вмешаюсь в толпу и войду в эту церковь, где, уверяю вас, доставлю людям куда больше беспокойства, чем они мне».

Из Парижа, месяца Шальвала 17-го дня, 1712 года

ПИСЬМО XXXIII
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

В Париже вино благодаря пошлинам, которыми оно обложено, так дорого, словно здесь решили следовать предписаниям священного Алкорана, запрещающего его пить.

Когда я думаю о пагубных последствиях этого напитка, я не могу не считать его самым страшным даром, который природа сделала людям. Ничто так не запятнало жизнь и добрую славу наших монархов, как невоздержность: она — самый ядовитый источник их несправедливостей и жестокостей.

Скажу к человеческому стыду: закон запрещает нашим государям употребление вина, а они пьют его в таком излишестве, что теряют человеческий облик. Наоборот, христианским государям пить вино дозволяется, и незаметно, чтобы это побуждало их делать что-либо неподобающее. Человеческий дух — само противоречие. На разгульных пирах люди с бешенством восстают против всяких предписаний, а закон, созданный для того, чтобы сделать нас праведными, часто только усугубляет наши пороки.

Но, осуждая употребление этого питья, затемняющего наш рассудок, я отнюдь не осуждаю напитков, которые оживляют его[43]. Мудрость людей Востока состоит в том, чтобы искать лекарств от печали с такой же заботливостью, как и от пагубных болезней. Когда какое-нибудь несча-

стье приключится с европейцем, у него не бывает другого прибежища, кроме чтения философа, именуемого *Сенекой;* азиаты же, которые рассудительнее европейцев и более искусны в медицине, пьют в таких случаях напитки, обладающие способностью развеселить человека и прогнать воспоминание о невзгодах.

Нет ничего прискорбнее утешений, говорящих о необходимости зла, о тщетности лекарств, о неотвратимости рока, о порядке, установленном провидением, и об извечных немощах человека. Сущей насмешкой является желание смягчить зло тем соображением, что человек рождается несчастным; гораздо лучше отвлекать ум от таких размышлений и обращаться с человеком, как с существом чувствительным, вместо того чтобы взывать к его рассудительности.

Тело беспрестанно тиранит соединенную с ним душу. Если кровообращение замедлено, если жизненные соки не вполне чисты, если они находятся не в достаточном количестве, мы впадаем в уныние и печаль. Когда же мы прибегаем к напиткам, которые могут изменить такое состояние нашего тела, душа наша вновь обретает восприимчивость к бодрящим впечатлениям и испытывает тайное удовольствие, ощущая, что механизм, так сказать, вновь возвращается к движению и жизни.

Из Парижа, месяца Зилькаде 25-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XXIV
УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Персиянки красивее француженок, зато француженки миловиднее. Трудно не любить первых и не находить удовольствия в общении со вторыми: одни нежнее и скромнее, другие веселее и жизнерадостнее.

Такими красивыми делает женщин в Персии размеренная жизнь, которую они ведут там: они не играют в карты, не проводят бессонных ночей, не пьют вина и почти никогда не выходят на воздух. Нужно признать, что жизнь в серале приспособлена больше для сохранения здоровья, чем для удовольствий: это жизнь ровная и тихая;

все там отзывается подчинением и долгом; даже самые удовольствия степенны и радости суровы, и они почти всегда являются проявлением авторитета и следствием зависимости.

Да и мужчины в Персии не отличаются живостью французов: в них не чувствуется той духовной свободы, и нет у них того довольного вида, которые я замечаю здесь во всех сословиях и при всех состояниях.

А уж о Турции и говорить нечего: там можно найти семьи, в которых с самого основания монархии, из поколения в поколение, никто никогда не смеялся.

Серьезность азиатов происходит оттого, что они мало общаются между собою: они видят друг друга только в тех случаях, когда их вынуждает к этому церемониал. Им почти неведома дружба, этот сладостный союз сердец, составляющий здесь отраду жизни; они сидят по домам, где всегда находят одно и то же поджидающее их общество, так что каждая семья, так сказать, замкнута в самой себе.

Как-то раз, когда я беседовал об этом с одним из здешних жителей, он сказал мне: «В ваших нравах меня отталкивает больше всего то, что вы принуждены жить с рабами, на сердце и уме которых всегда сказывается их приниженное положение. Эти подлые люди ослабляют в вас чувства добродетели, вложенные природой, и разрушают эти чувства с самого детства, когда вас сдают им на руки. Словом, освободитесь от предрассудков. Чего можно ожидать от воспитания, если воспитатель — существо отверженное, вся честь которого состоит в том, что оно сторожит жен другого; существо, гордящееся самой гнусной должностью, какая только существует у людей; если это человек, заслуживающий презрения именно за свою верность, являющуюся единственной его добродетелью, ибо только зависть, ревность и отчаяние побуждают его быть верным; человек, горящий жаждою отомстить обоим полам, от коих он отторгнут, соглашающийся переносить тиранство более сильного пола, лишь бы иметь возможность доводить до отчаяния более слабый; человек, который обязан всем блеском своего положения — собственному несовершенству, безобразию и уродству и которого уважают лишь потому, что он недостоин уважения; кото-

рый, наконец, будучи навсегда прикован к отведенной для него двери и став более неподатливым, чем крюки и засовы, запирающие ее, кичится тем, что пятьдесят лет стоит на этом недостойном посту, где, уполномоченный ревностью своего господина, он проявляет всю свою низость?»

Из Парижа, месяца Зильхаже[44] *14-го дня, 1713 года*

ПИСЬМО XXXV[45]

УЗБЕК И ДЖЕМШИДУ, СВОЕМУ ДВОЮРОДНОМУ БРАТУ, ДЕРВИШУ ДОСТОСЛАВНОГО МОНАСТЫРЯ В ТАВРИЗЕ

Что думаешь ты о христианах, вдохновенный дервиш? Считаешь ли ты, что в день страшного суда с ними будет то же, что с неверными турками, которые послужат ослами для иудеев и крупной рысью повезут их в ад? Я знаю, что в обитель пророков они не попадут и не для них приходил Али. Но думаешь ли ты, что они будут осуждены на вечные мучения за то, что не имели счастья найти мечети в своей стране; неужели бог накажет их за то, что они не исповедовали религии, которой он им не дал? Могу тебе сказать: я часто расспрашивал христиан, испытывал их, чтобы проверить, имеют ли они хоть какое-нибудь понятие о великом Али, который был прекраснейшим из людей; оказалось, что они никогда и не слыхали о нем.

Они отнюдь не походят на тех неверных, которых наши святые пророки приказывали рубить мечом за то, что они не верят в небесные чудеса: они скорее похожи на тех несчастных, которые жили во тьме язычества до того дня, пока божественный свет не озарил лик нашего великого пророка.

К тому же, если присмотреться к религии христиан, в ней найдешь как бы зачатки наших догматов. Я часто дивился тайнам провидения, которое, повидимому, хочет подготовить их этим к полному обращению. Я слыхал об одном сочинении их ученых, озаглавленном «Торжествующее многоженство»[46]; в нем доказывается, что христианам предписано многоженство. Их крещение похоже на

установленные нашим законом омовения, и заблуждаются христиане лишь в том, что придают чрезмерное значение этому первому омовению, считая его достаточной заменой всем остальным. Их священники и монахи молятся, подобно нам, семь раз в день. Христиане чают попасть в рай и вкусить там наслаждения благодаря воскресению плоти. Они, как и мы, умерщвляют плоть и соблюдают посты, с помощью которых надеются заслужить божественное милосердие. Они чтят добрых ангелов и остерегаются злых. Они свято верят чудесам, которые бог творит через посредство своих служителей. Они, подобно нам, признают недостаточность собственных заслуг и необходимость иметь посредников между собою и богом. Я всюду нахожу здесь магометанство, хотя и не нахожу Магомета.

Что ни делай, а истина прорывается и всегда пронизывает окружающий ее мрак. Наступит день, когда Предвечный увидит на земле одних только правоверных. Всесокрушающее время развеет и заблуждения. Люди с удивлением увидят, что все они осенены одним и тем же знаменем: всё, в том числе и закон, станет совершенно; божественные книги взяты будут с земли и перенесены в небесные архивы.

Из Парижа, месяца Зильхаже 14-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XXXVI

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

В Париже в большом употреблении кофей: здесь много публичных заведений, где его подают. В некоторых из этих домов посетители рассказывают друг другу новости, в иных играют в шахматы. Есть даже дом[47], где приготовляют кофей таким способом, что он прибавляет ума тем, кто его пьет; по крайней мере всякий выходящий оттуда считает, что стал куда умнее, чем был при входе.

Но особенно отталкивает меня от этих остроумцев то, что они не приносят никакой пользы отечеству и тратят свои таланты на всякие ребяческие выходки. Когда, например, я приехал в Париж, я застал их за горячим спо-

ром по самому пустому вопросу, какой только можно вообразить: дело шло о достоинствах одного древнегреческого поэта[48], ни родина, ни время смерти которого вот уже две тысячи лет никому не известны. Обе партии признавали, что поэт он превосходный, вопрос шел только о степени его достоинств. Каждый устанавливал свою собственную оценку, но среди этих мастеров репутаций одни были щедрее других: вот и вся распря. Она была очень оживленной, так как противники от всего сердца наносили друг другу столь тяжкие оскорбления и подшучивали одни над другими так язвительно, что я дивился манере спорить не меньше, чем самому предмету спора. «Если бы нашелся, — думал я, — настолько безрассудный человек, чтобы при ком-нибудь из этих защитников греческого поэта напасть на доброе имя какого-либо честного гражданина, ему бы показали! Несомненно, что столь благородное усердие, проявляемое по отношению к доброму имени мертвых, воспламенилось бы и на защиту живых! Но как бы там ни было, — прибавлял я про себя, — не дай мне бог навлечь на себя когда-нибудь вражду хулителей этого поэта, которого не защитило от такой неумолимой ненависти даже двухтысячелетнее пребывание в могиле! Теперь они машут кулаками впустую, но что было бы, если бы их бешенство воодушевлялось присутствием врага?»

Те, о ком я только что говорил, спорят на общепринятом языке, и их следует отличать от другого рода спорщиков, которые пользуются языком варварским[49], еще усугубляющим ярость и упрямство вояк. Существуют кварталы[50], кишащие черною, густою толпой этого рода людей; они питаются мелочными придирками, они живут туманными рассуждениями и ложными выводами. Это ремесло, казалось бы, должно привести людей к голодной смерти, а оно приносит изрядный доход. Целый народ[51] был изгнан из своей страны, пересек моря, чтобы обосноваться во Франции, но он не привез при этом с собою для защиты от жизненных невзгод ничего, кроме ужасного таланта спорить. Прощай.

Из Парижа, в последний Огнь месяца Зильхаже 1713 года

ПИСЬМО XXXVII[52]

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Король Франции стар[53]. У нас в истории не найдется примера столь долгого царствования. Как слышно, этот монарх в очень высокой степени обладает талантом властвовать: с одинаковой ловкостью управляет он своею семьей, двором, государством. Не раз он говорил, что из всех правительств на свете ему больше всего по нраву турецкое и нашего августейшего султана: так высоко ценит он восточную политику[54].

Я изучал его характер и обнаружил в нем противоречия, которые никак не могу объяснить: есть у него, например, министр, которому всего восемнадцать лет[55], и возлюбленная, которой восемьдесят[56]; он верен своей религии и в то же время терпеть не может тех, кто говорит[57], что ее нужно соблюдать неукоснительно; хотя он бежит от городского шума и мало с кем общается, он тем не менее с утра до вечера занят только тем, чтобы дать повод говорить о себе; он любит трофеи и победы, однако так же боится поставить хорошего генерала во главе своих войск, как боялся бы его во главе неприятельской армии. Я думаю, что только с ним одним могло случиться, что он в одно и то же время обладает такими несметными богатствами, о каких даже монарх может только мечтать, и удручен такою бедностью, которая даже простому человеку была бы в тягость.

Он любит награждать тех, кто ему служит, но одинаково щедро оплачивает как усердие, или, вернее, безделье, придворных, так и трудные походы полководцев; часто он предпочитает человека, который помогает ему раздеться или подает ему салфетку, когда он садится за стол — тому, кто берет для него города или выигрывает сражения; он думает, что царственное величие не должно быть ничем стеснено в даровании милостей и, не разбираясь, заслуженно ли он осыпал того или иного милостями, полагает, что самый его выбор уже делает человека достойным монаршего благоволения. Так, например, некоему человеку, убежавшему от неприятеля на две мили, он дал нич-

тожную пенсию, а тому, кто убежал на четыре, — целую губернию.

Он окружен великолепием — я имею в виду прежде всего его дворцы; в его садах[58] больше статуй, чем жителей в ином большом городе. Его гвардия почти так же сильна, как гвардия государя, перед которым падают ниц все троны[59]; его войска столь же многочисленны, его возможности так же велики, а казна столь же неисчерпаема.

Из Парижа, месяца Махаррама 7-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XXXVIII

РИМА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Большой вопрос для мужчин: выгоднее ли отнять свободу у женщин, чем предоставить ее им? Мне кажется, есть много доводов и за и против. Европейцы считают, что невеликодушно причинять огорчения тем, кого любишь, а наши азиаты отвечают, что для мужчин унизительно отказываться от власти над женщинами, которую сама природа предоставила им. Если азиатам говорят, что большое число запертых женщин обременительно, то они отвечают, что десять послушных жен менее обременительны, чем одна непослушная. А когда азиаты в свою очередь возражают, что европейцы не могут быть счастливы с неверными женами, они получают в ответ, что верность, которой они так хвастаются, не мешает отвращению, всегда наступающему вслед за удовлетворением страсти; что наши женщины слишком уж наши; что такое спокойное обладание не оставляет нам ни желаний, ни опасений; что немного кокетства — соль, обостряющая вкус и предупреждающая порчу. Пожалуй, иной, и поумнее меня, затруднится решить это, ибо если азиаты очень стараются о том, как бы найти средства, могущие успокоить их тревогу, то европейцы много делают для того, чтобы вовсе ее не испытывать.

«В конце концов, — говорят они, — если бы мы оказались несчастны в качестве мужей, мы всегда найдем средство утешиться в качестве любовников. Лишь в том слу-

чае муж был бы вправе жаловаться на неверность своей жены, если бы на свете было только три человека; но люди всегда достигнут цели, если их будет хотя бы четверо».

Другой вопрос, подчиняет ли женщин мужчинам естественный закон. «Нет, — сказал мне однажды один весьма галантный философ, — природа никогда не предписывала такого закона. Власть наша над женщинами — настоящая тирания; они только потому позволили нам захватить ее, что они мягче нас и, следовательно, человечнее и разумнее. Эти преимущества их перед нами несомненно дали бы женщинам превосходство, если бы мы были рассудительнее; в действительности же эти качества повлекли за собою утерю женщинами превосходства, ибо мы вовсе не рассудительны».

Однако если верно, что мы имеем над женщинами только тираническую власть, то не менее верно и то, что их власть над нами естественна: это власть красоты, которой ничто не в силах сопротивляться. Наша власть над женщинами распространена не во всех странах, а власть красоты повсеместна. На чем же может основываться наше преимущество? На том, что мы сильнее? Но это отнюдь не справедливо. Мы пускаем в ход всякого рода средства, чтобы лишить их храбрости. Если бы одинаково было воспитание, силы были бы равны. Испытаем их в тех талантах, которые не ослаблены воспитанием, и посмотрим, так ли уж мы сильны.

Надо признаться, хотя это и противно нашим нравам: у самых цивилизованных народов жены всегда имели влияние на своих мужей; у египтян это было установлено законом в честь Изиды, у вавилонян — в честь Семирамиды. О римлянах говорили, что они повелевают всеми народами, но повинуются своим женам. Я уж молчу о савроматах[60], которые находились прямо-таки в рабстве у женщин: они слишком были варварами, чтобы приводить их в пример.

Как видишь, дорогой Иббен, мне пришлась по вкусу эта страна, где любят придерживаться крайних мнений и все сводить к парадоксам. Пророк решил этот вопрос и определил права того и другого пола. «Жены, — говорит он, — должны почитать своих мужей, мужья должны по-

читать жен; но мужья все же на одну ступень выше, чем жены».

Из Парияса, месяца Джелшади 2, 26-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XXXIX

ХАДЖИ* ИББИ К ИУДЕЮ БЕН-ИОШУА, НОВООБРАЩЕННОМУ МАГОМЕТАНИНУ, В СМИРНУ

Мне кажется, бен-Иошуа, что рождению необыкновенных людей всегда предшествуют поразительные знамения, словно природа испытывает своего рода кризис, и силы небесные порождают таких людей не без усилия.

Нет ничего чудеснее рождения Магомета. Бог, в своем предвидении с самого начала решивший послать людям этого великого пророка, дабы сковать сатану, за две тысячи лет до Адама создал свет, который, переходя от избранника к избраннику, от предка к предку Магомета, дошел, наконец, до последнего, как подлинное свидетельство о том, что он происходит от патриархов.

Точно так же ради этого самого пророка бог пожелал, чтобы ни одна женщина не зачала, не перестав быть нечистой, и чтобы всякий мужчина подвергся обрезанию.

Магомет явился на свет обрезанным; радость с самого рождения засветилась на его челе; земля трижды содрогнулась, как если бы сама разрешилась от бремени; все идолы простерлись ниц; троны царей опрокинулись; Люцифер был низвергнут на дно морское и, только проплавав сорок дней, выбрался из пучины и убежал на гору Кабеш, откуда страшным голосом воззвал к ангелам.

В ту ночь бог положил преграду между мужчиной и женщиной, которой они не могли преступить. Искусство кудесников и некромантов оказалось бессильным. С небес раздался голос, возвестивший: «Я послал в мир своего верного друга».

---

* *Хаджи* — человек, совершивший паломничество в Мекку. (*Прим. автора.*)

Согласно свидетельству арабского историка Исбена Абена, все породы птиц, облака, ветры и сонмы ангелов соединились для того, чтобы воспитать этого ребенка, и оспаривали друг у друга эту великую честь. Птицы щебетали, что им всех удобнее его воспитывать, потому что им легче собирать для него плоды из различных мест. Ветры шептали: «Это скорее наше дело, потому что мы отовсюду можем приносить ему приятнейшие благоухания». — «Нет, нет, — говорили облака, — его надо доверить нашему попечению, ибо мы постоянно будем наделять его свежей водой». Возмущенные ангелы воскликнули на это: «А нам-то что же остается?» Но тут раздался голос с неба, положивший конец этим спорам: «Он не будет взят из рук смертных, ибо блаженны сосцы, которые вскормят его, и руки, которые будут касаться его, и дом, в котором будет он обитать, и ложе, на котором будет он покоиться!»

После стольких разительных свидетельств, возлюбленный Иошуа, надобно обладать железным сердцем, чтобы не верить святому закону Магомета. Что еще могло совершить небо, чтобы засвидетельствовать его божественную миссию? Разве только сокрушить природу и истребить тех самых людей, которых оно хотело убедить?

Из Парижа, месяца Реджеба
20-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XL

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Когда умирает какой-нибудь вельможа, люди собираются в мечети и над ним произносят надгробное слово, являющееся похвальной речью в его честь, речью, из которой трудно вывести правильное заключение о заслугах усопшего.

Я бы упразднил все погребальные торжества. Людей следует оплакивать при рождении, а не по смерти. К чему церемонии и вся та мрачная обстановка, которыми окружают умирающего в его последние минуты, к чему даже

слезы его родных и горе друзей, как не для того, чтобы еще усугубить предстоящую ему утрату!

Мы так слепы, что не знаем, когда нам огорчаться и когда радоваться: мы почти всегда отдаемся ложной печали или ложной радости.

Когда я вижу, как каждый год Могол сдуру ложится на весы и велит взвесить его, словно быка; когда я вижу, как народ радуется, что государь этот сделался еще тучнее, то есть еще неспособнее управлять подданными, я испытываю, Иббен, сострадание к человеческому сумасбродству.

Из Парижа, месяца Реджеба
20-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLI
ГЛАВНЫЙ ЧЕРНЫЙ ЕВНУХ К УЗБЕКУ

Светлейший повелитель! На днях умер один из твоих черных евнухов — Измаил, и надо заменить его. В настоящее время евнухи чрезвычайно редки, поэтому я подумал было взять на эту должность черного раба из твоего имения, но мне еще не удалось добиться его согласия. Так как я считаю, что это в конечном счете пойдет ему же на пользу, я хотел совершить над ним маленькую операцию и, по сговору со смотрителем твоих садов, приказал, чтобы раба насильно привели в то состояние, которое позволит ему стать самым дорогим для твоего сердца служителем и жить, подобно мне, в тех заветных местах, на которые он теперь и взглянуть не смеет; но он принялся так орать, словно с него хотели содрать шкуру, и поднял такую возню, что вырвался из наших рук и избежал рокового лезвия. Сейчас я узнал, что он намеревается писать тебе просьбу о пощаде, утверждая, будто я принял такое намерение только из ненасытной жажды мести за какие-то его насмешки на мой счет. Но клянусь тебе сотней тысяч пророков, что я поступал так только для твоего блага, ради единственного, что дорого мне и вне чего все мне безразлично. Припадаю к стопам твоим.

Из сераля Фатимы, месяца Махаррама
7-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLII

ФАРАХ К УЗБЕКУ, СВОЕМУ ПОВЕЛИТЕЛЮ И ГОСУДАРЮ

Если бы ты был здесь, светлейший государь, я бы явился пред твоими очами весь окутанный белой бумагой, и все же на ней не хватило бы места, чтобы описать все обиды, какие нанес мне после твоего отъезда твой главный черный евнух, злейший из людей.

Под предлогом каких-то насмешек, которые я будто бы позволял себе над его несчастным положением, он обрушивает на мою голову неутолимое мщение: он настроил против меня жестокого смотрителя твоих садов, и тот взваливает на меня со времени твоего отъезда непосильную работу, на которой я тысячу раз чуть не лишался жизни, хотя ни на миг не ослабил усердия к твоей службе. Сколько раз я думал: «Господин мой исполнен кротости, и все же я несчастнейший из рабов».

Признаюсь тебе, светлейший повелитель, я не думал, что мне предуготовлена еще большая беда; но предатель-евнух задумал довести свою злобу до крайности. Несколько дней тому назад он собственной властью назначил меня стражем к твоим священным женам, то есть приговорил меня к такой казни, которая для меня в тысячу раз горше смерти. Те, кто при рождении имел несчастье подвергнуться подобному обращению от своих жестокосердых родителей, вероятно утешаются тем, что никогда не знали другого состояния, но если меня лишат человеческой природы и отнимут у меня мужскую силу, я умру с горя, если не умру от этого истязания.

С глубоким смирением припадаю я к твоим стопам, высокий господин мой. Поступи так, чтобы я почувствовал на себе благость твоей высокочтимой добродетели и чтобы не говорили, что по твоему повелению стало на земле одним несчастным больше.

Из садов Фатимы, месяца Махаррама 7-го дня, 1713 года.

ПИСЬМО XLIII

УЗБЕК К ФАРАХУ В САДЫ ФАТИМЫ

Возрадуйся в сердце своем и прочти эти священные письмена; дай облобызать их главному евнуху и смотрителю моих садов. Я запрещаю им что-либо совершать над тобою до моего приезда; скажи, чтобы они купили недостающего евнуха. Исполняй свой долг так, как если бы я всегда был перед тобою. И знай, что чем больше мои милости к тебе, тем строже ты будешь наказан, если употребишь их во зло.

Из Парижа, месяца Реджеба 25-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLIV

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Во Франции есть три сословия[61]: священнослужители, военные и чиновники. Каждое из них глубоко презирает два других: того, например, кого следовало бы презирать лишь потому, что он дурак, часто презирают только потому, что он принадлежит к судейскому сословию.

Нет таких людей, до самого последнего ремесленника, которые не спорили бы о превосходстве избранного ими ремесла; каждый превозносится над тем, у кого другая профессия, в соответствии с мнением, которое он составил себе о превосходстве своего занятия.

Все люди более или менее походят на ту женщину из Эриванской провинции, которой оказал милость один из наших монархов: призывая на него благословения, она тысячу раз пожелала ему, чтобы небо сделало его губернатором Эривани.

Я прочитал в одном донесении, что французский корабль пристал к берегам Гвинеи и несколько человек из экипажа сошло на сушу, чтобы купить баранов. Их повели к королю, который, сидя под деревом, чинил суд над

своими подданными. Он восседал на троне, сиречь на деревянной колоде, с такой важностью, словно то был престол Великого Могола; при нем было три-четыре телохранителя с деревянными копьями; зонтик вроде балдахина защищал его от палящего солнца; все украшения его и королевы, его супруги, заключались в их черной коже да нескольких кольцах. Этот жалкий, но еще более того чванливый государь спросил у иностранцев, много ли говорят о нем во Франции. Он был убежден, что его имя гремит повсюду, от полюса до полюса, и в отличие от того завоевателя, о котором говорят, что он заставил молчать весь земной шар, был уверен, что дал всей вселенной повод беспрестанно говорить о себе.

Когда татарский хан кончает обед, глашатай объявляет, что теперь все государи мира могут, если им угодно, садиться за стол, и этот варвар, питающийся одним только молоком, промышляющий разбоем и не имеющий даже лачуги, считает всех земных королей своими рабами и намеренно оскорбляет их по два раза в день.

Из Парижа, месяца Реджсба 28-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLV

РИКА К УЗБЕКУ В ***

Вчера утром, еще лежа в постели, я услышал сильный стук в дверь; тотчас же она распахнулась, и в комнату ворвался некий человек, с которым я недавно познакомился; казалось, он совершенно вне себя.

Одет он был более чем скромно; парик его сбился в сторону и даже не был причесан; у него не было времени починить свой черный кафтан, и на этот раз мой знакомец отказался от мудрых предосторожностей, с помощью которых он обычно прикрывает ветхость своего наряда.

«Вставайте, — сказал он мне, — вы нужны мне на весь сегодняшний день: мне надобно сделать множество покупок, и я буду очень рад, если вы согласитесь мне сопутствовать. Прежде всего нам придется пройти на улицу Сент-Оноре, где у меня дело к нотариусу, которому поручено

продать имение за пятьсот тысяч ливров; я хочу, чтобы он оставил это имение за мною. По дороге сюда я задержался на минутку в Сен-Жерменском предместье, где нанял особняк за две тысячи экю, и надеюсь сегодня же заключить контракт».

Не успел я кое-как одеться, как мой посетитель стремительно потащил меня вниз. «Начнем, — сказал он, — с покупки кареты и приобретем упряжь». Действительно, меньше чем за час мы купили не только карету, но еще и всяких товаров на сто тысяч франков; все это совершилось скоропалительно, потому что мой приятель совсем не торговался, а покупал все, не сходя с места и не считаясь с деньгами. Я задумался над этим и, присматриваясь к этому человеку, находил в нем странную смесь богатства и нищеты, так что не знал, чему и верить. Но, наконец, я прервал молчание и, отведя его в сторону, сказал: «Сударь! кто же заплатит за все это?» — «Я! — отвечал он, — пойдемте ко мне в комнату; я покажу вам несметные сокровища и такие богатства, которым позавидуют величайшие монархи, но не вы, ибо вы разделите их со мною». Иду за ним; карабкаемся на пятый этаж, оттуда по приставной лестнице лезем еще выше, на шестой, где оказалась каморка, которую со всех сторон продувал ветер; в ней не было ничего, кроме двух-трех дюжин глиняных тазов, наполненных разными жидкостями. «Я встал сегодня спозаранку, — сказал он, — и прежде всего сделал то, что делаю уже двадцать пять лет подряд, то есть пошел обозревать мои работы. Я понял, что настал великий день, который сделает меня богатейшим человеком в мире. Видите вы эту алую жидкость? Она обладает в настоящий момент всеми свойствами, которые нужны философам, чтобы обращать металлы в золото. Я извлек из нее вот эти крупинки: по цвету они настоящее золото, хотя по весу не совсем соответствуют ему. Это тайна, которую открыл Николя Фламель[62], а Раймунд Люллий[63] и миллион других тщетно искали всю жизнь; она дошла до меня, и я теперь ее счастливый обладатель. Да позволит мне небо воспользоваться сокровищами, которые оно мне даровало, во славу его!»

Я вышел и спустился или, скорее, сбежал по лестнице, вне себя от гнева, оставив этого богача в его логове. Прощай, дорогой Узбек. Завтра я заеду к тебе, и, если хочешь, мы вместе вернемся в Париж.

Из Парижа, в последний день месяца Реджеба, 1713 года

ПИСЬМО XLVI

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Я встречаю здесь людей, которые без конца спорят о вере, но в то же время явно стремятся перещеголять друг друга несоблюдением ее правил.

Они не только не лучшие христиане, но даже и не лучшие граждане, и это особенно меня поражает, ибо какую бы религию мы ни исповедовали, соблюдение законов, любовь к людям, почитание родителей всегда являются ее первыми проявлениями.

В самом деле, разве не первейшая обязанность верующего угождать божеству, установившему ту религию, которую он исповедует? А самым верным способом достигнуть этого является, конечно, соблюдение общественных правил и человеческих обязанностей. Ведь какую бы религию ни исповедовал человек, если он допускает ее существование, он должен также допустить, что бог любит людей, раз он установил религию для их счастья; а если бог любит людей, то можно быть уверенным, что угодишь ему, если тоже будешь любить их, то есть если будешь выполнять по отношению к ним все обязанности милосердия и человечности и не станешь нарушать законов, которым они подчиняются.

Таким поведением гораздо вернее угодить богу, нежели выполнением того или иного обряда, ибо сами по себе обряды не представляют никакой ценности; они ценны только с известной оговоркой и при предположении, что установлены богом. Но это предмет для большого спора; здесь легко впасть в ошибку, ибо приходится выбирать между обрядами двух тысяч религий.

Некто ежедневно обращался к богу с такою молитвой: «Господи! Я ничего не разумею в спорах, которые беспрестанно ведутся по поводу тебя; мне хотелось бы служить те-

бе по воле твоей, но всякий, с кем я ни советовался об этом, хочет, чтобы я служил тебе на его лад. Когда я намереваюсь обратиться к тебе с молитвой, я не знаю, на каком языке надлежит говорить с тобою. Точно так же не знаю, какую позу принять: один говорит, что надо молиться тебе стоя; другой требует, чтобы я сидел; третий настаивает, чтобы я преклонил колени. Это еще не всё: некоторые требуют, чтобы я по утрам омывался холодной водой; иные утверждают, что ты будешь взирать на меня с отвращением, если я не дам отрезать у себя кусочек плоти. На днях в караван-сарае мне довелось есть кролика; трое присутствовавших при этом повергли меня в ужас: они утверждали, будто я нанес тебе тяжкое оскорбление: один* говорил, что это животное нечисто, другой** — что оно задушено, наконец, третий*** — что оно не рыба. Проходивший мимо брамин, которого я попросил рассудить нас, ответил: «Они не правы, так как вы, разумеется, не сами убили это животное». — «Сам», — ответил я. «Ах! Вы совершили ужасное деяние, которого бог никогда не простит вам, — сказал он строго. — Откуда вы знаете, что душа вашего отца не перешла в это животное?» Все это, господи, повергает меня в невообразимое замешательство: я не могу пошевелить головой без того, чтобы не испытать страха оскорбить тебя, а между тем мне хотелось бы быть угодным тебе и посвятить этому жизнь, которою я тебе обязан. Не знаю, может быть я и ошибаюсь, но мне кажется, что скорее всего я угожу тебе, если буду жить как добрый гражданин в том обществе, где родился я по твоей воле, и как добрый отец в семье, которую ты даровал мне».

Из Парижа, месяца Шахбана 8-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLVII

ЗАШИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

У меня есть для тебя большая новость: я помирилась с Зефи; сераль, который разделился было между нами, опять соединился. Теперь здесь господствует мир и недостает

* Еврей. (*Прим. автора.*)
** Турок. (*Прим. автора.*)
*** Армянин. (*Прим. автора.*)

только тебя; приди, ненаглядный мой Узбек, приди, чтобы тут торжествовала любовь!

Я устроила в честь Зефи большой пир, на который пригласила твою мать, жен и главных наложниц; присутствовали также твои тетки и несколько двоюродных сестер: они приехали верхом на конях, окутанные непроницаемым облаком покрывал и одеяний.

На другой день мы отправились на дачу, где надеялись пожить посвободнее; мы уселись на верблюдов, по четыре в каждом паланкине. Так как поездка была предпринята неожиданно, мы не успели отправить вперед гонцов, чтобы объявить курук[64], но главный евнух, великий мастер на выдумки, принял другого рода предосторожность: к полотняным занавескам, скрывавшим нас от чужих взоров, он добавил такой плотный занавес, что мы решительно никого ве могли видеть.

Когда мы доехали до переправы через реку, каждая из нас, как обычно, поместилась в ящик, и таким способом нас перенесли на лодку, ибо нам сказали, что на реке полно народу. Какой-то любопытный, слишком близко подошедший к месту, где мы были заперты, получил смертельный удар, навеки лишивший его дневного света; другой, купавшийся совершенно голым у берега, потерпел ту же участь; твои верные евнухи принесли этих двух несчастных в жертву твоей и нашей чести.

Но послушай о дальнейших наших приключениях. Когда мы доплыли до середины реки, поднялся такой порывистый ветер и небо заволоклось такой страшной тучей, что лодочники стали отчаиваться. Мы так испугались, что почти все попадали в обморок. Помнится, я слышала голоса евнухов; они спорили: одни говорили, что следует предупредить нас об опасности и освободить из нашей тюрьмы, а их начальник твердил, что скорее умрет, чем потерпит, чтобы его господин был обесчещен, н что он заколет того, кто вносит столь дерзкие предложения. Одна из моих рабынь, совершенно раздетая, прибежала, чтобы помочь мне, но черный евнух грубо схватил ее и водворил на место. Тут я лишилась чувств и очнулась только тогда, когда опасность миновала.

Как затруднительны путешествия для женщин! Мужчины подвергаются только таким опасностям, которые угро-

жают их жизни, а мы каждое мгновение страшимся потерять либо жизнь, либо добродетель. Прощай, бесценный Узбек. Я буду обожать тебя вечно.

Из сераля Фатимы, месяца Рамазана 2-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLVIII

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Кто любит учиться, тот никогда не проводит время в праздности. Хотя мне не поручено никакого важного дела, я тем не менее постоянно занят. Я провожу жизнь в наблюдениях; по вечерам я записываю то, что заметил, видел, слышал днем. Все меня интересует, все приводит в изумление: я как ребенок, чье еще нежное восприятие поражают даже самые незначительные предметы[65].

Ты, пожалуй, не поверишь: нам оказывают весьма радушный прием во всех кружках и во всех обществах. Думаю, что тут я многим обязан живому уму и природной веселости Рики, благодаря которым он всегда ищет общества и самого его все охотно принимают. Наш чужеземный вид никого уже не смущает: мы имеем даже удовольствие вызывать некоторое удивление нашею благовоспитанностью, ибо парижане и не подозревают, что в нашем климате родятся настоящие люди. Однако признаюсь: сто́ит постараться, чтобы опровергнуть это предубеждение.

Я провел несколько дней на даче под Парижем у одного почтенного человека, который очень любит принимать гостей. Его жена весьма любезная женщина, сочетающая большую скромность с веселостью, которой лишены наши персидские дамы вследствие затворнического образа жизни.

Мне в качестве иностранца не оставалось ничего лучшего, как изучать эту толпу беспрестанно приезжавших людей, каждый из которых представлял для меня что-нибудь новое. С самого начала я обратил внимание на одного человека, чья простота мне очень понравилась; я привязался к нему, он — ко мне, так что мы постоянно оказывались друг подле друга.

Однажды, в большом обществе, мы беседовали с ним в сторонке, не принимая участия в общем разговоре. Я ска-

зал ему: «Вы найдете, может быть, что я более любопытен, чем учтив; все же покорнейше прошу вас разрешить задать вам несколько вопросов, а то мне скучно ни в чем не принимать участия и жить с людьми, в которых я никак не могу разобраться. Вот уже целых два дня мой ум занят мыслями о каждом из присутствующих здесь, но я и в тысячу лет их не разгадаю: они для меня непроницаемы, как невидимы жены нашего великого монарха». — «Спрашивайте, — ответил он мне, — и я расскажу вам обо всем, чего бы вы ни пожелали, тем более что считаю вас человеком сдержанным и думаю, что вы не злоупотребите моей откровенностью».

«Кто тот человек, — спросил я, — который столько рассказывал нам, какие обеды он задает вельможам, как он близок с вашими герцогами, как часто беседует с вашими министрами, хотя доступ к ним, говорили мне, весьма труден? По-видимому, он человек знатный, но у него такая пошлая физиономия, что он решительно не делает чести знатным людям; кроме того, я не нахожу в нем и следов воспитания. Я иностранец, но мне кажется, что существует некая учтивость, свойственная всем нациям; у него я ее совсем не замечаю; неужели ваша знать воспитана хуже других людей?» — «Этот человек — откупщик, — отвечал он смеясь. — Он стоит настолько же выше других благодаря своему богатству, насколько ниже всех — по своему рождению: если бы он решил никогда не обедать дома, он всегда обедал бы в самом блестящем обществе. Как видите, он большой нахал, но у него отличный повар и он очень многим ему обязан: вы сами слышали, как он его расхваливал сегодня весь день».

«А толстяк в черном, которого та дама усадила возле себя? — спросил я. — Почему он носит столь мрачную одежду, в то время как у него такой веселый вид и цветущее лицо? Когда с ним заговоришь, он мило улыбается; одежда его скромнее, но изящнее одежды ваших дам». — «Это, — отвечал он, — проповедник и, что еще хуже, духовник. Он знает про женщин больше, чем их мужья, знает все их слабости; ну, да и они знают его слабую струнку». — «Как! — сказал я, — а ведь он постоянно твердит о чем-то, что называет благодатью!» — «Не всегда, — воз-

разил он, — на ушко красивой женщине он охотнее шепчет о ее грехе; на людях он громит пороки, но в частной жизни покладист, как агнец». — «Мне кажется, что его очень уважают, — заметил я, — и весьма с ним считаются». — «Еще бы его не уважали! Это человек прямо-таки необходимый: он услаждает домашнюю жизнь, подает советы, оказывает мелкие услуги, развлекает; он лучше всякого светского щеголя умеет прогнать головную боль; это превосходный человек?»

«Если я не очень докучаю вам, скажите: кто это сидит напротив нас? Он плохо одет, время от времени гримасничает, выражается не так, как другие; речь его не остроумна, но он явно хочет казаться остроумным». — «Это поэт и посмешище рода человеческого, — отвечал мой собеседник. — Эти люди уверяют, что такими родились; это правда, как правда я то, что такими они и останутся всю жизнь, то есть самыми нелепыми из людей. Зато их никто и не щадит, и презрение изливается на них пригоршнями. Этого завел сюда голод; он хорошо принят хозяином и хозяйкой, ибо доброта и вежливость их неизменны по отношению ко всем. Он написал эпиталаму по случаю их свадьбы, и это лучшее, что он сделал в жизни, ибо брак оказался счастливым, как он и пророчил. Вы с вашими восточными предрассудками, — добавил он, — может быть, и не поверите, что у нас встречаются счастливые браки и женщины, добродетель которых является строгим стражем. Чета, о которой мы с вами говорим, наслаждается невозмутимым миром; ее все любят и уважают. Плохо только то, что, по доброте своей, наши хозяева принимают у себя людей всякого сорта, так что здесь собирается порою и сомнительное общество. Это не значит, что я их осуждаю: надо брать людей такими, какие они есть. Люди, которых считают принадлежащими к избранному обществу, отличаются от остальных лишь тем, что обладают более утонченными пороками, и, пожалуй, дело обстоит здесь так же, как с ядами: чем тоньше они, тем опаснее».

«А этот старик с таким начальным лицом? — спросил я тихонько. — Я принял было его за иностранца, так как, де говоря *уже о* том, что он одет иначе, чем другие, он критикует все, что делается во Франции, и неодобритель-

но отзывается о вашем правительстве». — «Это старый вояка, — отвечал мой собеседник, — который остается в памяти всех своих слушателей благодаря тому, что без конца рассказывает о совершенных им подвигах. Он не может примириться с тем, что Франция выигрывает битвы, в которых он не участвует, или что восхваляют атаку, при которой не он ворвался в неприятельские окопы. Он считает себя настолько необходимым для нашей истории, что воображает, будто она остановилась на том месте, где остановился он; несколько полученных им ран он считает ранами, нанесенными королевству, и в отличие от тех философов, которые утверждают, что можно наслаждаться только настоящим, ибо прошедшее — прах, он наслаждается только прошлым и живет только своими былыми походами; он и дышит-то только минувшими временами, подобно тому как герои живут в грядущем». — «Но почему же он оставил службу?» — возразил я. «Он ее вовсе и не оставлял, — ответил мои собеседник, — это она его оставила: его назначили на маленькую должность, и он тодько может до конца дней рассказывать о своих приключениях; дальше этого он не пойдет: дорога к почестям для него закрыта». — «Почему же?» — говорю я. «У нас во Франции существует правило: не производить в высшие чины офицеров, засидевшихся на низших должностях; мы полагаем, что повседневные мелочи иссушили их ум, и, привыкнув к этим мелочам, они стали не способны к крупному делу. Мы считаем, что человек, у которого к тридцати годам нет качеств, нужных для генерала, никогда их не приобретет; кто не умеет одним взглядом окинуть пространство в несколько миль со всеми его разнообразными особенностями, кто не обладает присутствием духа, не умеет при победе использовать все выгоды положения, а при неудаче — все средства к спасению, тот никогда не разовьет в себе этих талантов. Поэтому-то у нас есть блестящие должности, предназначенные для великих и выдающихся людей, которых небо наделило не только героическим сердцем, но и талантами, и должности второстепенные, предназначенные для тех, у кого таланты не велики. К числу последних принадлежат все, кто состарился в безвестных войнах: в лучшем случае они продолжают делать то, что

делали всю жизнь, и не следует поручать им ответственное дело, когда они дряхлеют».

Минуту спустя мною снова овладело любопытство, и я сказал: «Обещаю не задавать вам больше вопросов, если вы ответите мне еще на один. Кто тот высокий молодой человек, у которого пышные кудри, мало ума и много нахальства? Почему он говорит громче других и так самодоволен?» — «Это человек, пользующийся успехом у женщин», — услышал я в ответ. В это время вошли новые гости, некоторые ушли, все поднялись, кто-то подошел к моему собеседнику, и я остался ни при чем. Но немного погодя, не знаю уж по какому случаю, этот молодой человек очутился подле меня и обратился ко мне со словами: «Погода отличная; не угодно ли вам пройтись со мною по цветнику?» Я отвечал как только умел учтивее, и мы вместе вышли. «Я приехал на дачу, — сказал он, — чтобы доставить удовольствие хозяйке дома, с которой я в недурных отношениях. Правда, некая светская дама будет этим недовольна, но что поделаешь? Я встречаюсь с самыми красивыми женщинами Парижа, но не могу остановиться ни на одной и доставляю им немало огорчений, потому что, говоря между нами, я ведь порядочный шалопай». — «Вероятно, сударь, — сказал ему я, — у вас есть какая-нибудь важная обязанность или должность, которая мешает вам быть к ним внимательнее?» — «Нет, сударь; у меня только и дела, что бесить мужей да приводить в отчаяние отцов; я люблю дразнить женщину, воображающую, что она завладела мною, и пугать ее, что она вот-вот меня лишится. Нас несколько таких молодых людей: мы разделили между собою весь Париж, и он интересуется малейшим нашим шагом». — «Насколько я понимаю, — ответил я, — вы поднимаете больше шуму, чем самый доблестный полководец, и к вам относятся с большим почтением, чем к иному важному сановнику. Если бы вы жили в Персии, вам бы не пришлось пользоваться такими преимуществами: вам бы больше подошло стеречь наших дам, чем нравиться им». Лицо мое запылало, и поговори я еще немного, я, кажется, наговорил бы ему резкостей.

Что скажешь ты о стране, где терпят таких людей и позволяют человеку заниматься подобным ремеслом; где не-

верность, насилие, измена, вероломство и несправедливость доставляют людям почет; где уважают человека за то, что он похищает дочь у отца, жену у мужа и разрывает самые нежные и священные узы? Блаженны дети Али, защищающие свои семьи от осквернения и соблазна! Свет дневной не чище огня, пылающего в сердцах наших жен; наши дочери не иначе как с трепетом помышляют о дне, когда они лишатся чистоты, уподобляющей их ангелам и силам бесплотным. Родная, возлюбленная страна, на которую солнце бросает свои первые взоры, ты не осквернена отвратительными преступлениями, от которых великое светило отворачивается, лишь только взглянет оно на мрачный Запад!

Из Парижа, месяца Рамазана 5-го дня, 1713 года

ПИСЬМО XLIX
ГИКА К УЗБЕКУ В ***

На днях, когда я сидел у себя в комнате, ко мне вошел весьма странно одетый дервиш. Борода его отросла до пояса, сплетенного из веревок, ноги были босы, одежда серая, грубая и кое-где в лохмотьях. Все это мне показалось настолько чудным, что первой моей мыслью было послать за живописцем, чтобы запечатлеть моего гостя.

Сначала незнакомец обратился ко мне с пышным приветствием, в котором поведал мне, что человек он заслуженный и сверх того капуцин. «Мне сказали, — прибавил он, — что вы, сударь, вскоре возвратитесь к персидскому двору, где занимаете важный пост. Я пришел просить вашего покровительства и ходатайствовать перед вами, чтобы вы испросили у вашего государя соизволения отвести нам небольшой домик близ Казвина[66] для двух-трех монахов». — «Так вы хотите переселиться в Персию, отец мой?» — спросил я. «Я, сударь? — отвечал он. — Ну нет, от этого я воздержусь. Я здесь провинциал[67] и не поменялся бы положением ни с одним капуцином в мире». — «Так зачем же вы меня просите?» — «Да потому, — отвечал он, — что если бы у нас была там обитель, наши итальянские отцы капуцины послали бы туда двух-трех своих мона-

хов». — «Очевидно, это ваши знакомые?» — спросил я. «Нет, сударь, я с ними незнаком». — «Фу ты, пропасть! Так зачем же вам хлопотать, чтобы они поехали в Персию? Подумаешь, какая чудесная мысль предоставить двум капуцинам дышать воздухом Казвина! Очень это будет полезно для Европы и Азии! Совершенно необходимо заинтересовать этим делом монархов! Это-то и называется прекрасной колонией! Убирайтесь вон: вы и вам подобные вовсе не созданы для того, чтобы вас пересаживать в другие места, и вы прекрасно сделаете, если будете попрежнему пресмыкаться там, где родились».

Из Парижа, месяца Рамазана 15-го дня, 1713 года

ПИСЬМО L
РИКА К ***

Мне приходилось встречать людей, добродетель которых столь естественна, что даже не ощущается; они исполняют свой долг, не испытывая никакой тягости, и их влечет к этому как бы инстинктивно; они никогда не хвастаются своими редкостными качествами и, кажется, даже не сознают их в себе. Вот такие люди мне нравятся, а не те праведники, которые как будто сами удивляются собственной праведности и считают доброе дело чудом, рассказ о котором должен всех изумлять.

Если скромность — необходимая добродетель для тех, кого небо одарило великими талантами, то что же сказать о козявках, смеющих проявлять такую гордыню, которая была бы позорна даже в величайших людях?

Я повсюду встречаю людей, беспрерывно говорящих о себе: их разговоры — зеркало, в котором постоянно отражается их наглая физиономия; они толкуют вам о мельчайших пустяках, приключившихся с ними, и хотят при этом, чтобы значение, которое они придают этим пустякам, возвеличивало их в ваших глазах; они всё делали, всё «видели, всё сказали, всё обдумали; они — образец для всех, мерило для бесконечных сравнений, неиссякаемый кладезь примеров. О, какая пошлость — похвала, когда она возвращается к собственному источнику!

Намедни один подобный субъект часа два докучал присутствующим своей особой, своими заслугами, своими талантами; но, так как в мире нет беспрерывного движения, он в конце концов умолк. Нить беседы снова перешла к нам, и мы этим с удовольствием воспользовались.

Некий человек, довольно печальный на вид, принялся жаловаться на то, что здесь ведутся очень скучные разговоры: «Подумайте только! Везде и всюду дураки расписывают себя перед вами и все разговоры переводят на собственную особу!» — «Вы совершенно правы, — горячо подхватил наш оратор, — нужно брать пример, с меня: я никогда не хвалюсь, я богат, я хорошего происхождения, я много трачу, друзья уверяют, что я не лишен ума, но я никогда не говорю об этом, и если у меня есть кое-какие достоинства, то из всех из них я больше всего ценю свою скромность».

Я с удивлением смотрел на этого нахала и в то время, как он громко разглагольствовал, тихонько сказал: «Счастлив тот, кто достаточно самолюбив, чтобы никогда не хвалить самого себя, кто остерегается слушающих его и не подвергает опасности свои хорошие качества, бросая вызов чужой гордости!»

Из Парижа, месяца Рамазана 20-го дня, 1713 года

ПИСЬМО LI

НАРГУМ, ПЕРСИДСКИЙ ПОСОЛ В МОСКОВИИ, К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Мне пишут из Испагани, что ты уехал из Персии и в настоящее время находишься в Париже. Как досадно, что я получаю известие о тебе от других, а не от тебя самого!

По повелению царя царей[68] я уже пять лет живу в этой стране, где занят кое-какими важными переговорами.

Тебе известно, что царь — единственный из христианских государей, чьи интересы имеют общее с интересами Персии, потому что он такой же враг турок, как и мы.

Его государство больше нашего, ибо от Москвы до последней его крепости, расположенной в стороне Китая, насчитывают тысячу миль.

Он полный властелин над жизнью и имуществом своих подданных, которые все рабы за исключением четырех семейств. Наместник пророков, царь царей, кому небо служит балдахином, а земля — подножием, не так страшен в проявлениях своей власти.

Принимая во внимание ужасный климат Московии, трудно поверить, что изгнание из нее может служить карою, и, однако, когда какой-нибудь вельможа попадает в опалу, его ссылают в Сибирь.

Подобно тому как наш пророк запрещает нам пить вино, так царь запрещает его московитам.

У них отнюдь не персидская манера принимать гостей. Как только посторонний придет в дом, муж представляет ему свою жену; гость целует ее, и это считается вежливостью, оказанной мужу.

Хотя отцы невест при заключении брачного договора требуют обычно, чтобы муж не стегал жену плетью, тем не менее просто невозможно поверить, до чего москвитянки любят, чтобы их били*. Жена не верит, что сердце мужа принадлежит ей, если он ее не колотит. Тогда его поведение считается свидетельством непростительного равнодушия. Вот письмо, которое одна москвитянка написала недавно своей матери:

«Любезная матушка!

Я самая несчастная женщина на свете; чего я только не делала, чтобы муж полюбил меня, а мне это так и не удалось. Вчера у меня дома была пропасть дел, а я ушла со двора на весь день, надеясь, что по возвращении он меня здорово отколотит, а он не сказал мне ни слова. Вот у сестры совсем не так: муж бьет ее всякий день; она не может взглянуть на мужчину, чтобы муж тотчас же ее не оттрепал; они крепко любят друг друга и живут в полном согласии.

Она очень чванится этим, но я-то уж не дам ей долго надо мной куражиться. Я решилась любой ценой заслужить любовь мужа: я так буду его бесить, что ему волей-неволей придется проявить свои чувства. Про меня не будут говорить, что меня не бьют и что дома меня никто даже не

* Эти нравы теперь переменились[69]. (*Прим. автора.*)

замечает. При малейшем щелчке по носу, который он мне даст, я примусь голосить изо всех сил, чтобы подумали, что он бьет меня по-настоящему, а если кто-нибудь из соседей прибежит на помощь, я его, ей-ей, задушу. Умоляю вас, любезная матушка, растолкуйте вы моему благоверному, что он обращается со мной дурно. Ведь вот батюшка, такой хороший человек, поступал совсем иначе: помнится, мне иногда казалось, когда я была маленькой, что он даже слишком вас любит. Обнимаю вас, милая матушка».

Московитам запрещено выезжать из своего государства, хотя бы даже для путешествия. Таким образом, будучи отделены от других народов законами своей страны, они сохранили древние обычаи и привержены к ним тем сильнее, что и не предполагают, что могут быть другие.

Но царствующий ныне государь[70] решил все переменить. У него вышла большая распря с ними по поводу бород, а духовенство и монахи немало боролись, отстаивая свое невежество.

Он стремится к тому, чтобы процветали искусства, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ, до сих пор всеми забытый и известный только у себя на родине. Беспокойный и стремительный, этот монарх разъезжает по своим обширным владениям, всюду проявляя свою природную суровость.

Он покидает родную страну, словно она тесна для него, и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств.

Обнимаю тебя, дражайший Узбек. Извести меня о себе, заклинаю тебя.

Из Москвы, месяца Шальвала 2-го дня, 1713 года

ПИСЬМО LII
РИКА К УЗБЕКУ В ***

На днях я был в обществе, где довольно интересно провел время. Среди гостей были женщины всех возрастов: одна восьмидесятилетняя, одна шестидесяти лет, одна — сорока, а с нею племянница лет двадцати, двадцати двух.

Какой-то инстинкт побудил меня подойти к последней, и она шепнула мне на ухо: «Что скажете вы о моей тетушке, которая в таком возрасте еще мечтает о поклонниках и воображает себя красавицей?» — «Она неправа, — ответил я, — такие замыслы подстать только вам». Минуту спустя я очутился возле ее тетки; тетка сказала мне: «Что вы скажете о той женщине? Ей по меньшей мере шестьдесят лет, а она сегодня больше часу провела за туалетом». — «Потерянное время, — отвечал я ей, — нужно обладать вашими прелестями, чтобы так заботиться о них». Я направился к этой несчастной старушке, жалея ее в глубине души, как вдруг она мне сказала потихоньку: «Вот умора! Посмотрите на эту женщину: ей восемьдесят лет, а она надевает ленты огненного цвета; она хочет казаться молодой; впрочем, это ей и удается: она уж впадает в детство».

«Ах ты, господи! — подумал я, — неужели мы замечаем смешное только в других? Впрочем, это счастье, — решил я вслед за тем, — что мы находим утешение в слабостях других». Однако я был в настроении позабавиться и сказал себе: довольно подниматься от младшей к старшей, спущусь-ка вниз и начну с верхушки — со старшей. «Сударыня, вы до такой степени похожи на ту даму, с которой я только что беседовал, что кажется, будто вы сестры: должно быть, вы почти ровесницы». — «Совершенно верно, сударь: когда одна из нас умрет, другая сильно перепугается; между нами, вероятно, нет и двух дней разницы». Подшутив над этой старухой, я направился к шестидесятилетней. «Сударыня! Я держу пари и прошу вас разрешить его: я поспорил, что вы и та дама (я указал на сорокалетнюю) — сверстницы». — «Право, я думаю, — отвечала она, — что между нами нет и полгода разницы». Отлично! Так я и ожидал. Продолжим. Я спустился на ступеньку ниже и пошел к сорокалетней. «Сударыня! Сделайте милость, скажите: ведь вы только шутки ради называете барышню, которая сидит за другим столом, вашей племянницей? Вы так же молоды, как и она: у нее есть в лице даже что-то увядшее, чего у вас, конечно, нет; а яркий румянец на ваших щеках...» — «Подождите, — ответила она мне, — я действительно ей тетка, но ее мать была по крайней мере на двадцать лет старше меня; мы от разных ма-

терей, и я слышала от своей покойной сестры, что ее дочь родилась в один год со мною». — «Это очевидно, сударыня, и, стало быть, я удивлялся не без оснований».

Дорогой Узбек! Женщины, чувствуя заранее, что им приходит конец и что прелести их увядают, желали бы вернуться назад, к юности. Эх? Как же им не обманывать окружающих? Они напрягают все усилия, чтобы обмануть самих себя и укрыться от прискорбнейшей из всех мыслей.

Из Парижа, месяца Шальвала 3-го дня, 1713 года

ПИСЬМО LIII
ЗЕЛИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Не было еще в мире страсти более пылкой и живой, чем страсть белого евнуха Косру к моей рабыне Зелиде: он так яростно домогается женитьбы на ней, что я не могу ему отказать. Да и почему бы мне противиться, когда ее мать не возражает, а самой Зелиде, по-видимому, приятна мысль об этом обманном браке и о призраке, который ей предлагают?

На что ей этот несчастный? Из всех свойств мужа у него будет проявляться одна только ревность; он будет выходить из состояния равнодушия только для того, чтобы впадать в бесполезное отчаяние; он всегда будет вспоминать о том, чем он был, и таким образом напоминать ей, что он уже не тот; всегда готовый отдаться и никогда не отдаваясь, он будет беспрестанно обманываться, обманывать ее и оживлять в ней сознание того, сколь прискорбно ее положение.

Подумай только! Постоянно быть окруженной тенями и призраками! Жить только воображением! Находиться всегда подле наслаждений и никогда не испытывать их! Лежа в истоме в объятиях несчастного, отвечать только на его жалобы, вместо того чтобы отвечать на его ласки!

Какое презрение до́лжно испытывать по отношению к такого рода человеку, созданному только для того, чтобы стеречь и никогда не обладать! Я ищу здесь любви и не вижу ее.

Я говорю с тобою откровенно, потому что тебе нравится моя непосредственность и ты предпочитаешь мое свободное обращение и мою любовь к наслаждениям притворной стыдливости моих подруг.

Я тысячу раз слыхала от тебя, что евнухи вкушают с женщинами известного рода сладострастие, неведомое нам, что природа вознаграждает себя за утраченное, что у нее есть средства возместить их ущербность, что можно перестать быть мужчиной и не терять при этом чувственности, что в этом состоянии человек как бы превращается в существо третьего пола, которое, так сказать, переменило вид наслаждений.

Когда бы это действительно так было, я бы меньше жалела Зелиду. Если живешь не с таким уж несчастным человеком, то жить все-таки можно.

Дай мне распоряжения на этот счет и сообщи, желаешь ли ты, чтобы свадьбу сыграли в серале. Прощай.

Из испаганского сераля, месяца Шальвала 5-го дня, 1713 года

ПИСЬМО LIV
РИКА К УЗБЕКУ В ***

Сегодня утром я сидел в своей комнате, которая, как тебе известно, отделена от других тонкой перегородкой, вдобавок продырявленной во многих местах, так что слышно все, что делается рядом. Какой-то человек, расхаживая большими шагами, говорил другому: «Не знаю, в чем тут дело, но мне решительно не везет; вот уже три дня, как я не сказал ничего, что сделало бы мне честь, и хотя я очертя голову вмешивался во все разговоры, на меня не обращали ни малейшего внимания, и никто не сказал мне и двух слов. Я заготовил несколько острот, чтобы приукрасить свою речь, но мне так и не дали их произнести. У меня был припасен прелестный рассказец, но, как только я собирался начать его, присутствующие, будто нарочно, направляли разговор в другую сторону. У меня есть несколько шуточек, которые вот уже четыре дня стареют у меня в голове, а я никак не могу пустить их в ход. Если

так будет продолжаться, я, кажется, стану совсем дураком; такова уж, повидимому, моя судьба, и мне от нее не уйти. Вчера я надеялся было блеснуть перед тремя-четырьмя старухами, с которыми, разумеется, ничуть не стесняюсь, и у меня были наготове интереснейшие вещи; я на целых четверть часа завладел беседой, но они никак не хотели следить за моим рассказом и, словно роковые парки, прерывали нить всех моих рассуждении. Знаешь, что я тебе скажу? Трудно поддерживать славу умного человека. Не понимаю, как тебе это удается». — «Мне пришла в голову мысль, — ответил другой, — давай объединим усилия, чтобы придать себе вид умных людей; заключим союз. Будем каждый день сговариваться, о чем нам говорить, и станем помогать друг другу таким образом, что если кто-нибудь вздумает прервать наш рассказ, мы будем вовлекать его в наш разговор, а если он не поддастся по доброй воле — заставим его силою. Мы условимся, в каком месте надо поддакивать, в каком улыбаться, в каком хохотать во все горло. Вот увидишь: мы будем задавать тон всем беседам, и люди будут удивляться живости нашего ума и находчивости в возражениях. Мы будем помогать друг другу заранее условленными кивками. Сегодня блистать будешь ты, а завтра я, ты же будешь моим помощником. Мы вместе войдем в дом, и я воскликну, указывая на тебя: «Послушайте, как забавно ответил он какому-то господину, с которым мы встретились на улице!» Потом обращусь к тебе: «Тот никак не ожидал подобного ответа и был совсем ошеломлен». Я прочту кое-что из своих стихов, а ты окажешь: «Я присутствовал при том, как он их сочинил: это было за ужином, и он ни на миг не задумался». Иной раз мы нарочно будем поднимать друг друга на смех, и люди станут говорить: «Смотрите-ка, как они нападают друг на друга, как защищаются! Они не щадят друг друга. А ну-ка, как он выйдет из этого положения?.. Великолепно! Какая находчивость! Вот так битва!» Никому и в голову не придет, что накануне мы тщательно подготовили эту перебранку. Надо будет купить кое-какие книги, в которых собраны остроты для тех, кому не хватает ума и кто хочет притвориться умником: важно иметь под рукой подходящие образцы. Мне

хочется, чтобы не позже чем через полгода мы оказались в состоянии целый час поддерживать разговор, пересыпая его остротами. Одно только не нужно упускать из виду: необходимо еще поддерживать славу этих острот. Мало сказать остроумное слово: надо его еще пустить в обращение, всюду обнародовать, распространить. Иначе все пропало; а уверяю тебя, нет ничего досаднее, чем видеть, как удачно сказанное словцо застревает в ухе дурака, которому ты его сказал. Правда, нередко это бывает и кстати, и немало наших глупостей проходит «безвестно; это единственное утешение в таких случаях. Вот, милый мой, что следует нам предпринять. Послушайся меня и сам увидишь: не пройдет и полгода, как станешь академиком. Значит, трудиться придется недолго, а потом можно и отказаться от своего ремесла: будешь слыть умником, хотя бы ума у тебя и не было ни капли. Замечено, что во Франции всякий, вступивший в какое-нибудь общество, начинает с того, что усваивает так называемый дух корпорации. То же будет и с тобою, и одного только я опасаюсь: как бы несмолкаемые похвалы не стали тебе в тягость».

Из Парижа, месяца Зилькаде 6-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LV
РИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

У европейских народов все затруднения устраняются в первые же четверть часа брачной жизни: девушки становятся женщинами сразу, в день свадьбы. Здесь женщины поступают не так, как наши персиянки, которые нередко сопротивляются мужьям по нескольку месяцев. Здешним женщинам легко: терять им нечего, поэтому они ничего и не теряют; зато — стыд и срам! — всегда бывает известен день их поражения, и нет нужды справляться по звездам, чтобы точно предсказать час рождения их детей.

Французы почти никогда не говорят о своих женах[71]: они просто-напросто боятся заводить о них речь в присутствии тех, кто их знает лучше мужей.

Есть среди последних несчастные, которых никто не утешает: это ревнивцы. Есть такие, которых все ненави-

дят: это ревнивцы[72]. Есть и такие, которых все мужчины презирают: это все те же ревнивцы.

Поэтому не найдется страны, где бы число ревнивых мужей было так незначительно, как у французов. Их спокойствие основано не на доверии к женам, а, наоборот, на дурном мнении о них. Все мудрые предосторожности азиаток: покрывала, в которые они закутываются, тюрьмы, где их содержат, бдительность евнухов — все это, по мнению французов, должно скорее изощрять ловкость женского пола, чем сдерживать его. Мужья здесь легко примиряются со своею участью и относятся к неверности жен как к неизбежным ударам судьбы. Мужа, который один захотел бы обладать своей женой, почли бы здесь нарушителем общественного веселья и безумцем, который желает один наслаждаться солнечным светом, наложив на него запрет для всех остальных.

Здесь муж, любящий жену, — это человек, у которого не хватает достоинств, чтобы увлечь другую, человек, который злоупотребляет своим законным правом, чтобы восполнить недостающие ему качества, пользуется своими преимуществами в ущерб всему обществу, присваивает себе то, что ему было дано только на известных условиях, и тем самым стремится нарушить молчаливое соглашение, на котором зиждется счастье обоих полов. Звание мужа красивой женщины в Азии тщательно скрывают, здесь же люди носят его безо всякого беспокойства: каждый знает, что всюду может найти себе развлечение. Государь утешается в потере одной крепости тем, что берет другую. Когда турки взяли у нас Багдад, ведь отняли же мы у Великого Могола Кандахар?

Обычно здесь ничуть не осуждают человека, примирившегося с изменами жены; наоборот, его хвалят за благоразумие, и только в некоторых особых случаях это считается бесчестьем.

Это не значит, что здесь нет добродетельных дам; можно даже сказать, что их отличают среди прочих; мой провожатый не раз обращал на них мое внимание. Но все они так безобразны, что нужно быть святым, чтобы не возненавидеть добродетель.

После всего, что я рассказал тебе о нравах здешней страны, ты легко поймешь, что французы отнюдь не от-

личаются постоянством. Они полагают, что клясться женщине в вечной любви столь же нелепо, как утверждать, что всегда будешь здоров или всегда будешь счастлив. Когда они обещают женщине, что будут любить ее до гроба, они предполагают, что она, со своей стороны, обещает им всегда оставаться привлекательной, а уж если она нарушит слово, то и они не будут считать себя связанными клятвой.

Из Парижа, месяца Зилькаде 7-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LVI

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Игра в большом ходу в Европе: быть игроком — это своего рода общественное положение. Звание это заменяет благородство происхождения, состояние, честность; всякого, кто его носит, оно возводит в ранг порядочного человека[73] без предварительного испытания, хотя всякий знает, что не раз ошибался, судя таким образом; но все как будто решили быть неисправимыми.

Особенно увлекаются игрою женщины. Правда, в молодости они предаются ей только для того, чтобы способствовать этим другой, более для них дорогой страсти; но по мере того, как они стареют, страсть их к игре как бы молодеет и заполняет пустоту, оставшуюся от других увлечений.

Они стремятся разорить своих супругов, и для этого у каждого возраста, начиная с нежной юности и кончая самой глубокой старостью, имеются свои средства: разорение начинается с туалетов и выездов, кокетство подхлестывает его, игра завершает.

Мне часто случалось видеть девять-десять женщин, или, вернее, девять-десять столетий, расположившихся вокруг карточного стола; я видел, как они надеялись, трепетали, радовались и, главное, как они бесновались. Ты сказал бы, что они так и не успеют угомониться и жизнь покинет их прежде, чем они отчаятся в выигрыше. Ты бы не понял, кто те люди, с кем они расплачиваются: кредиторы их или наследники?

По-видимому, наш святой пророк недаром позаботился о том, чтобы оградить нас от всего, что может помрачить наш разум: он запретил нам употребление вина, ибо вино его усыпляет; воспретил нам особым предписанием азартные игры, а так как он не мог устранить причину страстей, он смягчил их. У нас любовь не влечет за собою ни смятения, ни ярости: это томная страсть, не нарушающая спокойствия души; многочисленность жен спасает нас от их господства и умеряет пыл наших желаний.

Из Парижа, месяца Зильхаже 10-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LVII
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Развратники содержат здесь бесчисленное множество гулящих женщин, а ханжи — несчетное множество дервишей. Эти дервиши дают три обета: послушания, бедности и целомудрия. Говорят, что первый из этих обетов соблюдается лучше всех; за второй ручаюсь тебе, что он никак не исполняется; о третьем предоставляю судить тебе самому.

Но как бы ни были богаты эти дервиши, они никогда не отказываются от звания бедняков; скорее наш славный монарх откажется от своих великолепных, высоких титулов. И дервиши имеют для этого все основания: звание бедняка ограждает их от нищеты.

К врачам и некоторым дервишам, именуемым *духовниками,* здесь всегда относятся либо с излишним уважением, либо с излишним презрением; говорят, однако, что наследники лучше ладят с врачами, чем с духовниками.

Я посетил однажды монастырь дервишей. Один из них, внушавший почтение своими сединами, принял меня очень радушно; он показал мне весь дом; мы пришли в сад и стали беседовать. «Отец мой, — спросил я, — какую должность занимаете вы в общине?» — «Сударь, я казуист», — ответил он мне, всем своим видом выражая удовольствие по поводу моего вопроса. «Казуист? — повторил я. — С тех пор как я во Франции, я еще не слыхал о такой должности». — «Как! Вы не знаете, что такое казуист? Ну,

так слушайте: я вам сейчас все разъясню как нельзя лучше. Существует два рода грехов: смертные, которые совершенно исключают рай для грешника, и простительные, которые, понятно, оскорбляют бога, но не настолько, чтобы он лишал грешников блаженства. Так вот, все наше искусство заключается в умении хорошо различать эти два рода грехов, ибо, кроме нескольких вольнодумцев, всем христианам хочется попасть в рай; и, уж конечно, все хотят приобрести блаженство по самой дешевой цене, какая только возможна. Когда человек хорошо знает, что такое смертные грехи, он старается не впасть в них, а это великое дело. Есть люди, которые не стремятся к столь высокому совершенству и, не обладая честолюбием, не притязают на первые места. Поэтому они попадают в рай кое-как, лишь бы попасть, — этого с них достаточно; больше им ничего не требуется. Эти люди не *удостаиваются* небесного блаженства, а берут его с налета и говорят богу: «Господи! Я точно выполнил все условия, и у тебя нет оснований не сдержать своих обещаний; так как я сделал не больше того, что ты требовал, то и тебе я предоставляю исполнить не больше того, что тобою было обещано». Итак, сударь, мы люди нужные. Однако это еще не все: сейчас вы увидите и другую сторону дела. Сам по себе проступок не составляет еще греха: грех — в сознании совершающего проступок; тот, кто творит зло, не думая, что это — зло, может не беспокоиться; а так как имеется бесчисленное множество двусмысленных поступков, то казуист может найти в них хорошее начало и придать им такое качество, какого они на самом деле вовсе и не имеют; а если он сумеет доказать, что в данном проступке вообще нет никакой зловредности, то и совсем его обелит. Я раскрываю вам здесь тайну ремесла, на котором я состарился, и все его тонкости: всё можно повернуть по-своему, даже такие дела, из которых, казалось бы, нет выхода». — «Отец мой, все это прекрасно, — сказал я ему, — но как же устраиваетесь вы с небом? Если бы при дворе нашего шаха нашелся человек, который проделывал бы с ним то, что вы проделываете с вашим богом, по-разному истолковывал бы его повеления и обучал бы его подданных, в каких случаях они должны им повиноваться,

а в каких могут их нарушать, то шах немедленно приказал бы посадить такого учителя на кол». Я раскланялся с дервишем и ушел, не дожидаясь ответа.

Из Парижа, месяца Махаррама 23-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LVIII
РИКА К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

В Париже, дорогой мой Реди, существуют самые разнообразные ремесла.

Один услужливый человек является к тебе с предложением за небольшую сумму научить тебя делать золото.

Другой обещает устроить так, что ты будешь спать с бесплотными духами, при условии, однако, что предварительно тридцать лет не будешь иметь дела с женщинами.

Ты найдешь здесь искусных отгадчиков, которые расскажут тебе всю твою жизнь, лишь бы только им удалось с четверть часика поговорить с твоими слугами.

Ловкие женщины превращают здесь девственность в цветок, который гибнет и возрождается каждый день, и в сотый раз срывается еще болезненнее, чем в первый.

Есть и такие, которые, исправляя с помощью своего искусства все изъяны, нанесенные временем, могут восстановить увядающую красоту и даже вернуть женщину от крайней старости к временам самой нежной юности.

Все эти люди живут или стремятся жить в городе, ибо город является матерью изобретательности.

Доходы граждан не бывают здесь постоянными: источник их заключается только в уме и ловкости; у каждого особое мастерство, и он извлекает из своего умения все, что может.

Если бы кто вздумал сосчитать всех законников, гоняющихся за доходами какой-нибудь мечети, то скорее сосчитал бы песчинки в море или рабов нашего монарха.

Бесчисленное множество учителей всевозможных языков, искусств и наук преподают то, чего сами не знают, а ведь тут нужен немалый талант, ибо для того, чтобы научить тому, что знаешь, особого ума не требуется, зато его

нужно чрезвычайно много, чтобы учить тому, чего сам не знаешь.

Здесь и умереть-то можно только скоропостижно: иначе смерть не могла бы проявить свою власть, ибо здесь на каждом шагу есть люди, располагающие вернейшими лекарствами от любых болезней, какие только можно вообразить.

В здешних лавках раскинуты невидимые сети, в которые неминуемо попадаются покупатели. Впрочем, иной раз из них можно выбраться и по дешевке: молоденькая торговка битый час охаживает вас, чтобы соблазнить на покупку пачки зубочисток.

Нет человека, который, уезжая из этого города, не оказывался бы осмотрительнее, чем был до приезда: раздавая свое добро другим, научаешься беречь его; вот единственное преимущество иностранцев в этом очаровательном городе.

Из Парижа, месяца Сафара
10-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LIX

РИКА К УЗБЕКУ В ***

На днях я был в доме, где собралось разнообразное общество; в то время как я пришел, разговором завладели две старухи, все утро тщетно трудившиеся над тем, чтобы помолодеть.

«Надо признать, — говорила одна из них, — что нынешние мужчины сильно отличаются от тех, каких мы знавали в молодости: те были вежливы, изящны, любезны. А нынешние несносно грубы». — «Все изменилось, — сказал на это какой-то господин, удрученный, повидимому, подагрой, — не те уж времена; сорок лет тому назад все были здоровы, гуляли, веселились, только и знали, что смеялись да танцевали. В наше время все несносно угрюмы». Минуту спустя разговор перешел на политику. «Что ни говорите, государством у нас больше не управляют! — сказал некий престарелый вельможа. — Найдите мне в настоящее время такого министра, как господин

Кольбер! Я господина Кольбера хорошо знал, мы были приятелями; он всегда, бывало, приказывал выплачивать мне пенсию прежде всех других. Какой у него в финансах был порядок! Все жили в довольстве. А теперь я совсем разорен». — «Сударь! Вы говорите о чудеснейших временах царствования нашего победоносного монарха, — сказало некое духовное лицо, — может ли быть что-либо величественнее того, что он делал для уничтожения ереси?»[74] — «А запрещение дуэлей?»[75] — вставил с довольным видом другой господин, дотоле молчавший. «Правильное замечание, — шепнул мне кто-то на ухо, — этот человек восхищен указом и так хорошо его соблюдает, что за полгода вытерпел с сотню палочных ударов, лишь бы его не нарушить».

Мне кажется, Узбек, что мы всегда судим о вещах не иначе как втайне применяя их к самим себе. Я не удивляюсь, что негры изображают черта ослепительно белым, а своих богов черными, как уголь, что Венера у некоторых народов изображается с грудями, свисающими до бедер, и что, наконец, все идолопоклонники представляют своих богов с человеческим лицом и наделяют их своими собственными наклонностями. Кто-то удачно сказал, что если бы треугольники создали себе бога, то они придали бы ему три стороны.

Любезный мой Узбек! Когда я вижу, как люди, пресмыкающиеся на атоме, — сиречь на Земле, которая всего лишь маленькая точка во вселенной, — выдают себя за образцовые создания Провидения, я не знаю, как примирить такое сумасбродство с такой ничтожностью.

Из Парижа, месяца Сафари 14-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LX

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Ты спрашиваешь, есть ли евреи во Франции: знай же, что везде, где есть деньги, есть и евреи. Ты спрашиваешь, чем они здесь занимаются. Совершенно тем же, чем и в Персии: ничто так не похоже на азиатского еврея, как еврей европейский.

Как среди нас, так и среди христиан, они проявляют непреоборимую приверженность к своей религии, и это доходит прямо-таки до безумия.

Еврейская религия — старое дерево, из ствола которого выросли две ветви, покрывшие собою всю землю, — я имею в виду магометанство и христианство. Или, лучше сказать, она — мать, породившая двух дочерей, которые нанесли ей множество ран, ибо религии, наиболее близкие друг к другу, в то же время и наиболее враждебны одна другой. Но как бы дурно эти дочери с ней ни обращались, она не перестает гордиться тем, что произвела их на свет; она пользуется ими, чтобы охватить весь мир, в то время как ее почтенная старость охватывает все времена.

Поэтому евреи считают себя источником всяческой святости и началом всех религий. А нас они считают, напротив, еретиками, которые извратили веру, или, вернее, мятежными евреями.

Они думают, что если бы это извращение совершалось незаметно, то и они легко могли бы совратиться; но так как оно произошло внезапно и насильственно, так как они могут указать день и час рождения той и другой религии, то они и возмущаются тем, что наша насчитывает только века, и сами крепко держатся за свою религию, возникшую одновременно с миром.

Никогда еще они не пользовались в Европе таким спокойствием, как теперь. Христиане начинают освобождаться от духа нетерпимости, которым они были проникнуты раньше. В Испании дела пошли плохо после того, как оттуда изгнали евреев, а во Франции — после того, как стали преследовать христиан[76], верования которых слегка разнятся от верований короля. Убедились, наконец, в том, что рвение к распространению религии отличается от привязанности, которую следует к ней проявлять, и что для того, чтобы любить и блюсти ее, нет нужды ненавидеть и преследовать тех, кто ее не придерживается.

Хотелось бы пожелать нашим мусульманам так же здраво рассуждать об этом предмете, как рассуждают христиане: пусть бы раз навсегда между Али и Абубекром[77] был заключен мир и лишь богу было бы предоставлено решать вопрос о достоинствах этих святых пророков. Пусть чтут

их посредством поклонения и уважения, вместо вздорного предпочтения одного другому, и стараются заслужить их благоволение, независимо от того, какое место отведет им бог: одесную ли себя, или у подножия своего престола.

Из Парижа, месяца Сафари 18-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXI
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Зашел я на днях в знаменитую здешнюю церковь, именуемую Нотр-Дам[78]. Пока я восхищался этим прекрасным зданием, мне довелось разговориться с некиим священником, которого, как и меня, привлекло сюда любопытство. Разговор зашел о том, какая у него спокойная профессия.

«Большинство людей завидует нашему счастливому положению, и совершенно справедливо, — сказал он мне. — Тем не менее есть и у него свои неприятные стороны. Мы не так уж удалены от мира; нас призывают в него во множестве случаев, и здесь перед нами возникают трудные задачи.

Великосветское общество состоит из удивительных людей: они не выносят ни нашего одобрения, ни нашего осуждения; если мы хотим их исправлять, они смеются над нами; если мы их одобряем, они считают, что мы унижаем свой сан. А нет ничего унизительнее мысли, что тобой возмущаются даже неверующие. Итак, нам приходится вести себя хитро и внушать уважение вольнодумцам не решительным образом действий, но тем, как мы относимся к их умствованиям. Для этого требуется много ума; такое самообладание дается нам не легко. Светским людям куда вольготнее, они ничем не стеснены, позволяют себе всяческие выпады, а потом, смотря по результату, либо отрекаются от них, либо на них настаивают.

Это еще не всё. В свете мы отнюдь не сохраняем того счастливого и спокойного состояния, которое так хвалят. Лишь только мы туда попадаем, нас сейчас же вовлекают в спор: заставляют, например, доказывать пользу молитвы для неверующего или необходимость поста для того, кто всю жизнь отрицает бессмертие души: задача нелег-

кая, к тому же все насмешники объединяются против нас. Больше того: нас все время мучит желание и другим привить наши взгляды, и это желание, так сказать, неотъемлемо от нашей профессии. А это так же нелепо, как если бы европейцы, для пользы человеческой природы, стали бы трудиться над тем, чтобы выбелить лица африканцев. Мы тревожим государство, мучаемся сами из-за стремления навязать людям такие религиозные положения, которые вовсе не являются основными, и становимся похожими на того китайского завоевателя, который довел своих подданных до бунта тем, что вздумал заставить их коротко остричь то ли волосы, то ли ногти.

Само усердие, с каким мы добиваемся исполнения обязанностей, налагаемых нашей святой религией, со стороны тех, кто поручен нашему попечению, часто бывает опасно, и в этом отношении нам следует быть весьма благоразумными. Когда-то император, по имени Феодосии, предал мечу всех жителей некоего города, даже женщин и детей. После этого он направился было в церковь, но епископ, по имени Амвросий, приказал запереть перед ним двери, как перед убийцей и святотатцем, и это был с его стороны геройский поступок. Тогда император принес покаяние, какого требовал подобный грех; будучи допущен в церковь, он занял место среди священников. Но епископ удалил его оттуда, а это уже был поступок изувера. Из этого следует, что надо остерегаться чрезмерного усердия. Не все ли было равно религии или государству, занял бы или не занял этот государь место среди священников?»

Из Парижа, месяца Ребиаба 1, 1-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXII
ЗЕЛИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Твоей дочери пошел восьмой год, и пора, думается мне, перевести ее во внутренние покои сераля и поручить черным евнухам, не дожидаясь, пока ей исполнится десять лет. Лучше пораньше лишить девушку свободы, предоставляемой ребенку, и дать ей благочестивое воспитание в священных стенах, где обитает целомудрие.

Я не согласна с теми матерями, которые запирают своих дочек только накануне их выхода замуж, — тем самым они скорее *осуждают* их на жизнь в серале, чем *посвящают* их такой жизни; они насильно подчиняют их затворничеству, вместо того чтобы заранее приучить. Неужели надо всецело полагаться на силу разума и ничего не ждать от приятности привычки?

Напрасно говорить нам о том, что сама природа обрекла нас на подчиненное положение. Недостаточно только ставить нас в такое положение: надо приучать нас к нему, чтобы сила привычки поддержала нас в то трудное время, когда в затворницах заговорят страсти и начнут подстрекать их к независимости.

Если бы нас привязывал к вам только долг, мы могли бы порою забывать его; если бы нас привязывала только склонность, то, быть может, другая склонность, более сильная, могла бы ослабить первую. Но когда законы отдают нас мужчине, они отнимают нас от всех других мужчин и настолько удаляют от них, как если бы мы находились за тысячу миль.

Природа, так много сделавшая для мужчин, не ограничилась тем, что наделила их желаниями: она наделила желаниями и нас, чтобы мы были одушевленными орудиями их наслаждений; она ввергла нас в пучину страстей, чтобы дать мужчинам возможность спокойной жизни; она предназначила нам возвращать их к спокойному состоянию, когда они из него выходят, причем сами мы никогда не вкушаем того завидного настроения, в которое их приводим.

Не думай, однако, Узбек, что ты счастливее меня: я испытала здесь тысячу радостей, которые тебе неведомы. Мое воображение беспрерывно работало над тем, чтобы я по достоинству оценила их: я жила, а ты только прозябал.

Даже в тюрьме, где ты держишь меня, я свободнее тебя; как бы ты ни усиливал бдительность моих стражей, меня твое беспокойство только радует; твои подозрения, твоя ревность, твои печали — это не что иное, как свидетельства твоей зависимости.

Продолжай, милый Узбек: вели наблюдать за мной денно и нощно, не доверяй обычным предосторожностям, ум-

ножай мое счастье, оберегая свое собственное, и знай, что я страшусь только одного: твоего равнодушия.

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 1-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXIII
РИКА К УЗБЕКУ В ***

Ты, кажется, окончательно обосновался в деревне. Сначала ты пропадал дня на два-три, а теперь вот уже две недели, как я не видался с тобой. Правда, ты живешь в очаровательном доме, ты нашел подходящее для себя общество, рассуждаешь там вволю; а этого тебе достаточно, чтобы забыть весь мир.

Что касается меня, то я веду почти тот же образ жизни, как и при тебе: часто бываю в свете и стремлюсь его изучить. Мой ум незаметно теряет то, что еще осталось в нем азиатского, и без усилий приноравливается к европейским нравам. Я уже не так удивляюсь, встречая в каком-нибудь доме пять-шесть женщин в обществе пяти-шести мужчин, и нахожу, что это не плохо придумано.

Можно сказать, что я узнал женщин только с тех пор, как нахожусь здесь; в один месяц я изучил их лучше, чем мог бы изучить в серале за тридцать лет.

У нас все характеры однообразны, потому что все они вымучены; мы видим людей не такими, каковы они на самом деле, а такими, какими их принуждают быть. В этом порабощении сердца и ума слышится только голос страха, — а у страха лишь один язык; это не голос природы, которая выражается столь разнообразно и проявляется в столь многих формах.

Притворство — искусство, у нас весьма распространенное и даже необходимое, — здесь неизвестно: все разговаривают, все видятся друг с другом, все слушают друг друга; сердца открыты так же, как и лица; в нравах, в добродетели, даже в пороке всегда замечаешь что-то наивное.

Чтобы нравиться женщинам, надо обладать некоторым талантом, независимо от той способности, которая нравится им еще больше: этот талант заключается в особой

игривости ума, забавляющей женщин потому, что она каждое мгновение обещает им то самое, что можно исполнять только через большие промежутки времени.

Эта игривость, созданная для будуарных разговоров, дошла, кажется, до того, что стала отличительной чертой национального характера; шутят в Государственном совете; шутят во главе армии; шутят с послом. Любая профессия кажется нелепой, как только ей придают излишнюю серьезность: врач перестал бы вызывать насмешки, если бы его одежда была не столь мрачной и если бы он убивал своих больных шутя.

Из Парижа, месяца Ребиаба I, 10-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXIV

НАЧАЛЬНИК ЧЕРНЫХ ЕВНУХОВ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Не могу выразить тебе, светлейший повелитель, в каком я нахожусь затруднении; в серале беспорядок и страшное смятение; между твоими женами идет война; евнухи разделились на партии; только и слышишь жалобы, ропот и упреки; на мои уговоры никто не обращает внимания; при подобной распущенности все кажется дозволенным, и я в серале просто пустое место.

Каждая из твоих жен считает себя выше других по происхождению, красоте, богатству, уму и твоей любви; основываясь на каком-либо из этих преимуществ, каждая требует, чтобы ей во всем отдавали предпочтение; просто уж нет сил терпеть, хотя именно своим долготерпеньем я и имел несчастье возбудить их неудовольствие. Мое благоразумие и даже снисходительность — качества столь редкие на занимаемом мною посту и даже несовместимые с ним — оказались бесполезными.

Угодно ли тебе, чтобы я открыл причину всех этих беспорядков, светлейший повелитель? Вся она целиком в твоем сердце и твоем нежном отношении к женам. Если бы ты не удерживал меня, если бы вместо увещаний предоставил мне право наказывать, если бы вместо того, чтобы верить их жалобам и слезам, ты отсылал бы их плакаться

ко мне, — а меня-то уж не разжалобишь! — я бы скоро приучил их к ярму, которое они должны носить безропотно, и укротил бы их своевольный и независимый нрав.

Пятнадцатилетним подростком я был вывезен из глубины Африки, с родины, и был сначала продан человеку, у которого было больше двадцати жен и наложниц. Заключив по моей серьезности и молчаливости, что я гожусь для сераля, он приказал приспособить меня для этой должности и подвергнуть операции, которая вначале была очень тягостной для меня, зато впоследствии оказалась благодетельной, ибо она приблизила меня к уху моих господ и доставила мне их доверие. Я вступил в сераль, как в новый для меня мир. Главный евнух, — самый строгий человек, какого я только знавал в своей жизни, — полновластно управлял сералем. Там и помину не было ни о каких ссорах и распрях; повсюду царствовала глубокая тишина; круглый год все женщины ложились спать и вставали в один и тот же час; они поочередно принимали ванну и выходили из нее по малейшему нашему знаку; в остальное время они почти всегда оставались взаперти в своих покоях. Правила предписывали содержать их в большой чистоплотности, и главный евнух относился к этому с исключительной внимательностью: за малейший отказ в повиновении их наказывали немилосердно. «Я раб, — говорил он, — но раб человека, который господин и вам и мне, и я пользуюсь властью, которую он дал мне над вами: не я вас наказываю, а он; я только прикладываю руку». Женщины никогда не входили без зова в спальню моего господина; они радовались этой милости и безропотно мирились с ее лишением. А я, последний из черных в том мирном серале, пользовался там в тысячу раз большим уважением, чем в твоем, где распоряжаюсь всеми женщинами.

Главный евнух заметил мои способности и обратил на меня внимание; он сказал моему господину, что я в состоянии пойти по его стопам и стать со временем его преемником. Его не смущала моя крайняя молодость, он считал, что мое усердие заменит опытность. Да что говорить! Он настолько проникся доверием ко мне, что смело вручил мне ключи от заветных покоев, которые охранял столь-

ко лет. Под руководством этого великого наставника я научился трудному делу управления и выработал себе основы непреклонной власти. Под его руководством я познал сердца женщин; он научил меня пользоваться их слабостями и не смущаться их высокомерием. Часто он забавлялся, видя, как я довожу их до крайних пределов послушания; затем он постепенно ослаблял строгость и требовал, чтобы я некоторое время делал вид, будто уступаю им. Но надо было видеть его в те минуты, когда он доводил их до полного отчаяния, и они принимались то упрашивать его, то упрекать; он невозмутимо переносил их слезы и даже чувствовал себя польщенным такого рода торжеством. «Вот как нужно управлять женщинами, — говорил он с удовлетворением. — Мне нипочем, что их здесь много: я не хуже справился бы и с бесчисленными женами нашего великого монарха. Как бы мог супруг полонить их сердца, если бы его верные евнухи сначала не укротили их нрава?»

Он обладал не только твердостью, но и проницательностью; он читал в их мыслях и разгадывал их хитрости; ни нарочитыми жестами, ни притворным выражением лица они ничего не могли скрыть от него; он знал самые сокровенные их поступки и самые тайные речи; он пользовался одними, чтобы проникать в помыслы других, и охотно награждал малейшее разоблачение. Так как они никогда не входили к мужу без вызова, то евнух звал к нему ту, которую хотел, и по своему усмотрению привлекал внимание господина к той или иной из них. И это обычно бывало наградой за какую-нибудь разоблаченную тайну. Он убедил господина, что нужно предоставить ему этот выбор порядка ради, чтобы повысить его авторитет. Вот, светлейший повелитель, как управляли сералем, который, полагаю, был самым благоустроенным в Персии.

Развяжи мне руки; позволь мне требовать, чтобы меня слушались. Не пройдет и недели, и в этом гнезде неурядиц водворится порядок. Это нужно для твоей славы, этого требует твое спокойствие.

Из твоего испаганского сераля, месяца Рабиаба 1, 3-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXV

УЗБЕК К СВОИМ ЖЕНАМ В ИСПАГАНСНИЙ СЕРАЛЬ

Я узнал, что сераль в беспорядке, что у вас беспрестанные ссоры и внутренний раздор. А ведь я просил, уезжая, чтобы вы жили в мире и добром согласии! Вы мне это обещали; или вы собирались меня обмануть?

Сами вы оказались бы обманутыми, если бы я последовал советам, которые дает мне главный евнух, если бы я пустил в ход свою власть, тогда как до сих пор я лишь уговаривал вас жить благонравно.

Я всегда прибегаю к насильственным мерам только после того, как испробую все остальные. Сделайте же ради самих себя то, чего вы не хотели делать ради меня.

Главный евнух имеет все основания жаловаться: он говорит, что вы ни в грош его не ставите. Как же можете вы согласовать такое своеволие с вашим скромным положением? Ведь именно главному евнуху вверил я вашу добродетель на время моего отсутствия. Ему поручил я это драгоценное сокровище. Но вы выказываете ему презрение и, стало быть, тяготитесь людьми, на коих возложена обязанность следить, чтобы вы соблюдали законы чести.

Измените же ваше поведение, прошу вас, и живите так, чтобы и в следующий раз я мог отвергнуть предложения, которые мне делаются с целью ограничить вашу свободу и нарушить ваше благоденствие.

Я хотел бы, чтобы вы забыли, что я ваш властелин, и чтобы сам я помнил только, что я — ваш супруг.

Из Парижа, месяца Шахбана 5-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXVI

РИКА К ***

Здесь много занимаются науками, но я не знаю, так ли уж здесь люди учены. Тот, кто во всем сомневается в качестве философа, не решается ничего отрицать в качестве

богослова. Такой противоречивый человек всегда доволен собою, лишь бы только договориться о том, какое ему носить звание.

Бо́льшая часть французов помешана на том, чтобы слыть умными, а тот, кто считает себя умным, помешан на том, чтобы писать книги.

Между тем хуже этого нельзя ничего придумать: природа, повидимому, мудро позаботилась, чтобы человеческие глупости были преходящими, книги же увековечивают их. Дураку следовало бы довольствоваться уже и тем, что он надоел всем своим современникам, а он хочет досаждать еще и грядущим поколениям; он хочет, чтобы его глупость торжествовала над забвением, которым он мог бы наслаждаться, как могилой; он хочет, чтобы потомство было осведомлено о том, что он жил на свете, и чтобы оно вовеки не забыло, что он был дурак.

Из всех писателей я больше всего презираю компиляторов, которые набирают где только могут обрывки чужих произведений и вкрапливают их в свои, как цветочные клумбы в однообразный газон. Они нисколько не выше типографских рабочих, набирающих буквы, из сочетания коих составляется книга, к которой они приложили только руку. Хотелось бы, чтобы люди уважали самобытные сочинения, и мне кажется, что выдергивать отдельные отрывки из святилища, в котором они заключаются, чтобы подвергнуть их незаслуженному презрению, — своего рода святотатство.

Почему человек, которому нечего сказать, не молчит? И кому нужна эта двойная работа? «Но я предлагаю новый порядок». — «Подумаешь, какой умник! Вы приходите в мою библиотеку и переставляете книги, стоящие вверху, вниз, а стоящие внизу — наверх. Вот так великое произведение искусства!»

Я пишу тебе, ***, об этом потому, что меня вывела из себя книга, которую я только что прочитал, — книга такая толстая, что, казалось, она содержит в себе всю премудрость, а она только заморочила мне голову, ничему не научив.

Из Парижа, месяца Шахбана
8-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXVII

ИББЕН К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Три корабля пришли сюда, не привезя мне от тебя известий. Не болен ли ты? Или тебе просто вздумалось меня помучить?

Если ты позабыл меня, живя в стране, где ты ни с чем не связан, то что же будет в Персии и в лоне твоей семьи? Но, может быть, я ошибаюсь: ты так любезен, что всюду найдешь друзей. Сердце — гражданин всех стран. Как же возвышенной душе избежать новых привязанностей? Признаюсь тебе: я уважаю старую дружбу, но ничего не имею и против того, чтобы повсюду приобретать новых Друзей.

В какой бы стране мне ни приходилось бывать, я жил так, словно собирался провести там всю жизнь: я всюду одинаково ценил добродетельных людей, проявлял сострадание, или скорее нежность, к несчастным, уважение к людям, которых не ослепило богатство. Таков мой нрав, Узбек: всюду, где только есть люди, я найду себе друзей.

Тут живет один огнепоклонник; он, думается мне, занимает первое место после тебя в моем сердце: он — сама честность. Особые обстоятельства принудили его удалиться в Смирну, и он ведет здесь спокойное существование вместе с любимой женой, на доход от честной торговли. Вся его жизнь отмечена великодушными поступками, и, хотя он стремится к безвестности, в сердце его больше доблести, чем в сердцах самых великих монархов.

Я тысячу раз говорил ему о тебе, показываю ему все твои письма и замечаю, что это доставляет ему удовольствие. Вижу, что ты обрел в его лице еще неведомого тебе друга.

Ты найдешь здесь рассказ о его главных приключениях; ему очень не хотелось о них писать, но из дружбы ко мне он не мог мне отказать, а я доверяю их твоей дружбе.

«ИСТОРИЯ АФЕРИДОНА И АСТАРТЫ»

Я родился в среде огнепоклонников, исповедующих, пожалуй, самую древнюю религию изо всех существующих в мире религий. На мое несчастье любовь пришла ко

мне раньше разума. Мне едва исполнилось шесть лет, а я уже не мог жить без своей сестры: мои глаза постоянно были прикованы к ней, а стоило ей на минуту оставить меня, как они наполнялись слезами; моя любовь росла быстрее, чем я сам. Отец, удивленный столь сильной привязанностью, охотно повенчал бы нас, согласно древнему обычаю огнепоклонников, установленному Камбизом[79], но страх перед магометанами, под игом которых мы живем, мешает людям нашего племени даже думать об этих святых союзах, не только дозволенных, но и предписываемых нашей религией, и являющихся простодушным подтверждением союза, уже установленного самой природой.

Поэтому отец мой, видя, что было бы опасно послушаться собственного сердца и потворствовать моей склонности, решил погасить пламя, которое он считал только зарождающимся, между тем как оно уже отчаянно полыхало. Под предлогом путешествия он увез меня с собою, поручив заботы о сестре нашей родственнице, ибо моя мать умерла за два года до того. Не стану говорить, в какое отчаяние повергла меня эта разлука: я обнимал сестру, заливавшуюся слезами, но сам не пролил ни слезинки; горе сделало меня как бы бесчувственным. Мы приехали в Тифлис, и отец, доверив мое воспитание родственнику, оставил меня там, а сам возвратился домой.

Немного спустя я узнал, что он, при содействии друга, поместил мою сестру в царский бейрам[80], где она стала служанкой султанши. Если бы мне сообщили о ее смерти, я не был бы больше потрясен, ибо, не говоря уже о том, что я утратил надежду когда-либо вновь увидеть ее, вступление в бейрам делало ее магометанкой, и, следуя предрассудку этой религии, она впредь могла питать ко мне лишь отвращение. Между тем, наскучив жизнью в Тифлисе, тяготясь даже самим существованием на свете, я возвратился в Испагань. Горькими были первые слова, с которыми я обратился к отцу: я упрекал его за то, что он поместил дочь в такой дом, куда можно войти, только отрекшись от своей веры. «Ты навлек этим на свою семью, — сказал я ему, — гнев бога и солнца, светящего тебе; ты поступил хуже, чем если бы осквернил Стихии, потому что ты оск-

вернил душу своей дочери, не менее их чистую. Я умру от скорби и любви, но да будет смерть моя единственным наказанием, которым покарает тебя бог!» С этими словами я вышел и целых два года только и делал, что бродил под стенами бейрама и взирал на дом, где могла находиться моя сестра, причем я ежедневно тысячи раз подвергался опасности быть задушенным евнухами, которые ходили дозором вокруг этих страшных мест.

Наконец, отец мой умер, а султанша, которой прислуживала сестра, видя, что красота ее расцветает с каждым днем, воспылала ревностью и выдала девушку за евнуха, страстно желавшего ее. Благодаря этому сестра моя вышла из сераля и поселилась со своим евнухом в доме, который они сняли в Испагани.

Больше трех месяцев мне не удавалось повидаться с ней: евнух, ревнивейший из мужей, под различными предлогами отказывал мне в этом. Наконец, я вошел в его бейрам, и он разрешил мне поговорить с сестрою через решетчатое окно. Даже рысьи глаза не могли бы разглядеть ее: так была она закутана в одежды и покрывала, и я узнал ее только по голосу. Каково было мое волнение, когда я оказался так близко и так далеко от нее! Но я держал себя в руках; я знал, что за мною наблюдают. Что касается ее, то мне показалось, что она плачет. Муж ее стал было неловко оправдываться, но я повел себя с ним как с последним из рабов. Он очень смутился, когда услышал, что я говорю с сестрою на незнакомом ему наречии: то был язык древнеперсидский, являющийся нашим священным языком. «Сестра моя, — сказал я ей, — неужели правда, что ты отреклась от веры твоих отцов? Я знаю, что, вступая в бейрам, ты должна была перейти в магометанство, но скажи: неужели и сердце твое, как уста, согласилось отречься от веры, которая разрешает мне любить тебя? И ради кого отреклась ты от этой веры, которая должна быть так дорога нам? Ради негодяя, еще запятнанного оковами, которые он носил! Ради того, кто был бы последним из людей, будь он еще мужчиной!» — «Брат мой! — ответила она, — человек, о котором ты говоришь, мне муж; я должна его почитать, каким бы недостойным он тебе ни казался; я тоже была бы последней из женщин,

если бы...» — «Ах, сестра! — воскликнул я, — ты огнепоклонница: он не супруг тебе и не может им быть. Если ты тверда в вере, как твои отцы, ты должна считать его просто чудовищем». — «Увы! — отвечала она, — как далека от меня эта вера! Едва я выучила ее предписания, как уже мне пришлось их забыть. Ты видишь, что мне уже чужд тот язык, на котором мы с тобой говорим, — видишь, как мне трудно на нем изъясняться. Но знай, что воспоминания о нашем детстве попрежнему дороги мне; что с тех пор я знала лишь ложные радости, что дня не проходило, чтобы я не думала о тебе, и даже мое замужество связано с мыслью о тебе больше, чем ты думаешь, ибо я решилась на него только в надежде свидеться с тобою. Но сколько еще будет мне стоить этот день, так дорого мне обошедшийся! Я вижу, что ты вне себя; мой муж весь дрожит от злобы и ревности. Я не увижу тебя больше; нет сомнения, я говорю с тобою в последний раз в жизни; если это так, брат мой, то не долго буду жить я на свете». При этих словах она разволновалась и, видя, что не в силах продолжать разговор, ушла, оставив меня в страшном отчаянии.

Дня три-четыре спустя я снова просил свидания с сестрой. Варвару-евнуху очень не хотелось меня пускать, но, не говоря уже о том, что подобного рода мужья, не в пример другим, не имеют на жен большого влияния, он безумно любил мою сестру и ни в чем не мог ей отказать. Я свиделся с ней вновь в том же месте, при тех же покрывалах и в присутствии двух рабов, что вынудило меня снова прибегнуть к нашему особому языку. «Сестра моя, — сказал я ей, — почему не могу я видеть тебя иначе, как при таких обстоятельствах? Стены, в которых ты заперта, замки и решетки, гнусные сторожа, присматривающие за тобою, — все это приводит меня в бешенство. Как случилось, что ты утратила сладостную свободу, которой наслаждались твои предки? Единственным залогом добродетели твоей матери, — а она была так целомудренна! — являлась для ее мужа сама эта добродетель. Они жили счастливо, взаимно доверяя друг другу, и простота их нравов была для них богатством, в тысячу раз более ценным, чем ложный блеск, которым ты, как видно, наслаждаешься в этом роскошном жилище. Отрекшись от своей веры, ты

потеряла свободу, счастье и то драгоценное равенство, которое делает честь твоему полу. Но еще хуже то, что ты не жена, — потому что и не можешь ею быть, — а ты рабыня раба, лишенного человеческих свойств». — «Ах, брат мой! — воскликнула она, — относись с уважением к моему супругу, относись с уважением вере, которую я приняла: согласно ей, я совершаю преступление, что слушаю тебя и разговариваю с тобою». — «Как, сестра моя! — вскричал я вне себя, — ты, стало быть, считаешь эту религию истинной?» — «Ах, как хорошо было бы для меня, если бы она не была истинной! — отвечала сестра. — Но я должна считать ее истинной, ибо слишком велика жертва, которую я ей приношу...» Тут она умолкла. «Да, твои сомнения, сестра, весьма основательны, в чем бы они ни заключались. Чего ждешь ты от веры, которая делает тебя несчастной на этом свете и не дает тебе никаких надежд на блаженство в жизни будущей? Подумай: ведь наша вера — древнейшая из всех на свете; она искони процветала в Персии, она возникла одновременно с нашим государством, начало которого теряется в веках; магометанство же появилось у нас случайно и упрочилось не путем убеждения, а благодаря завоеванию. Если бы наши законные государи не были слабы, то и сейчас все еще господствовал бы у нас культ древних магов. Перенесись мыслью в те далекие века: всё в них говорит о магии, а не о магометанской секте, которая и спустя несколько тысячелетий была еще только в младенческом состоянии». — «Но даже если моя религия, — сказала она, — и моложе твоей, она чище, так как почитает только бога; вы же поклоняетесь, кроме того, солнцу, звездам, огню и даже стихиям». — «Вижу, сестра, что ты научилась у мусульман клеветать на нашу святую веру. Мы не поклоняемся ни светилам, ни стихиям, и отцы наши никогда им не поклонялись, никогда не воздвигали в их честь храмов, никогда не приносили им жертв, хоть и воздавали им поклонение, но поклонение низшего порядка, как созданиям и проявлениям божества. Но, сестра, во имя бога, просвещающего нас, возьми священную книгу, которую я тебе принес: это книга нашего законодателя Зороастра; прочти ее без предубеждения, раскрой свое сердце лучам света, которые будут озарять тебя во

время чтения; помни об отцах наших, столь долго чтивших Солнце в священном городе Балке[81], помни, наконец, обо мне, который лишь от перемены твоего положения ожидает покоя, счастья, жизни». Я покинул сестру в крайнем смятении и предоставил ей наедине решить важнейший вопрос моей жизни.

Я вернулся через два дня; я не говорил ни слова и молча ждал ее приговора: жизнь или смерть? «Ты любим, брат мой, — сказала она мне, — и любим огнепоклонницей. Я долго боролась. Но, боги! Как просто любовь устраняет все затруднения! Как мне стало легко! Я уже не боюсь чересчур любить тебя; я могу не ставить пределов моей любви: даже избыток ее будет законен. Ах, как это отвечает состоянию моего сердца! Ты порвал цепи, которыми окован был мой ум; но когда же порвешь ты узы, связывающие мне руки? Отныне я отдаюсь тебе. Пусть быстрота, с которой ты добьешься меня, покажет, насколько тебе дорог этот дар. Брат мой, мне кажется, что я умру в твоих объятиях в первый же раз, как обниму тебя».

Никогда не выразить мне радости, которую я ощутил при этих словах. Мне показалось, что я мгновенно превратился в счастливейшего из людей, да я и действительно стал им; я видел, что почти исполнились все желания, которые питал я в течение двадцати пяти лет, и рассеялись все печали, делавшие жизнь столь тяжкой. Но когда я немного освоился с этими сладостными мыслями, я понял, что хотя я и преодолел самое большое препятствие, я все же не так близок к счастью, как сразу вообразил. Нужно было обмануть бдительность ее стражей. Я не осмеливался никому доверить тайну моей жизни. У меня не было никого, кроме сестры, у нее — никого, кроме меня. В случае неудачи мне грозило быть посаженным на кол, но неудача сама по себе казалась мне жесточайшим из всех наказаний. Мы условились, что сестра пришлет ко мне за часами, которые оставил ей в наследство отец, а я положу в них пилку, чтобы перепилить решетки окна, выходящего на улицу, и веревку с узлами, чтобы спуститься вниз; что мы впредь не будем видаться, но я каждую ночь буду подходить к тому окну в ожидании благоприятной минуты для исполнения ее намерения. Я тщетно

прождал пятнадцать ночей, так как она не могла найти подходящего времени. Наконец, на шестнадцатую ночь я услышал скрип пилки. Время от времени скрип прекращался, и в эти промежутки меня охватывал неописуемый ужас. Через час работа окончилась, и я увидел, что сестра привязывает веревку; она спустилась по ней и скользнула в мои объятия. Я перестал сознавать опасность и долго стоял, не двигаясь с места. Затем я вывел ее из города, туда, где у меня была припасена оседланная лошадь; я посадил сестру позади себя и помчался с величайшей, какая только была возможна, быстротой прочь от места, которое могло стать столь роковым для нас. Еще до рассвета мы прискакали к соплеменнику, который жил в пустынном уголке, скудно питаясь плодами своих трудов. Мы считали неразумным оставаться у него; по его совету, мы углубились в густой лес и спрятались в дупле старого дуба. Так мы жили, пока не заглох шум, вызванный нашим исчезновением. Мы жили в этом уединенном убежище совсем одни, беспрестанно твердя друг другу, что любви нашей не будет конца, и ожидали случая, когда какой-нибудь жрец-огнепоклонник совершит над нами обряд, предписанный нашими священными книгами. «Сестра моя, — говорил я ей, — как свят наш союз! Нас соединила Природа, теперь нас соединит еще и наш святой закон». Наконец, явился жрец и утолил наше любовное нетерпение. В крестьянской хижине он совершил все положенные брачные обряды; он благословил нас и тысячу раз пожелал нам крепость Гистаспа[82] и святость Огораспа[83]. Вскоре после того мы покинули Персию, где не чувствовали себя в безопасности, и переселились в Грузию. Мы прожили там год, — и день ото дня все больше восторгались друг другом. Но мои деньги приходили к концу, а так как я боялся бедности — не для себя, а для сестры, — то я оставил ее и отправился искать помощи у родственников. Прощание наше было на редкость нежно. Однако путешествие мое вышло не только бесполезным, но и пагубным для меня: во-первых, оказалось, что все наше имущество у нас отнято; во-вторых, родственники почти не могли помочь мне, и я получил от них ровно столько, сколько мне нужно было на обратную дорогу. Но каково же было мое отчаяние:

я не нашел сестры на прежнем месте! За несколько дней до моего возвращения татары совершили набег на город, где она жила, и так как она им приглянулась, они увели ее с собой и продали евреям, отправлявшимся в Турцию; они оставили мне только дочку, которую она родила за несколько месяцев до того. Я пустился вдогонку за евреями и настиг их в трех милях от города. Тщетны были мои мольбы, мои слезы; евреи требовали у меня тридцать туманов[84] и не уступали ни одного. Я обращался с просьбами решительно ко всем, молил о защите и турецких и христианских священников и, наконец, обратился к одному купцу армянину; я продал ему свою дочь и самого себя впридачу за тридцать пять туманов. Потом пошел к евреям, отдал им тридцать туманов, а остальные пять понес к сестре, которой еще не видел. «Ты свободна, сестра моя, — сказал я ей, — и я могу снова обнять тебя: вот я принес тебе пять туманов; жаль, что за меня не дали больше». — «Как! — воскликнула она, — ты продал себя?» — «Да», — ответил я. «Ах, безумец! Что же ты сотворил! Неужели я и без того недостаточно была несчастна, что ты сделал меня еще несчастнее! Я утешалась только тем, что ты свободен, а твоя неволя сведет меня в могилу. Ах, брат мой! Как жестока твоя любовь! А где же моя дочка? Я ее не вижу». — «Я и ее продал», — сказал я. Мы оба залились слезами и не в силах были произнести ни слова. Наконец, я отправился к своему господину, и сестра пришла к нему почти одновременно со мной. Она бросилась к его ногам. «Я молю вас о рабстве, как другие молят о свободе, — говорила она. — Возьмите меня! Вы продадите меня дороже, чем моего мужа». Тогда началась между нами борьба, исторгшая слезы из глаз моего господина. «Несчастный! — говорила она, — неужели ты думал, что я могу принять свободу ценою твоей собственной? Господин, пред вами двое страдальцев, которые умрут, если вы их разлучите. Я отдаю себя в ваше распоряжение. Заплатите мне: может быть, эти деньги и моя преданность смогут когда-нибудь заслужить то, о чем я не смею вас просить. В вашей выгоде — не разлучать нас: не забывайте, что я располагаю его жизнью». Армянин был человек добрый; наши горести тронули его. «Служите мне оба с верностью и усердием,

и я обещаю, что через год верну вам свободу. Я вижу, что ни ты, ни он не заслуживаете обрушившихся на вас бедствий. Если, получив свободу, вы будете счастливы, как вы того достойны; если судьба вам улыбнется, я уверен, что вы мне вернете понесенный мною убыток». Мы припали к его коленям и последовали за ним в его странствии. Мы помогали друг другу в исполнении наших невольничьих обязанностей, и я бывал в восторге, когда мне удавалось выполнить урок, назначенный моей сестре.

Год подходил к концу; наш господин сдержал слово и отпустил нас. Мы возвратились в Тифлис. Там я повстречал старого друга моего отца, который успешно занимался в этом городе врачеванием; он одолжил мне немного денег, и я открыл небольшую торговлю. Дела привели меня затем в Смирну, где я и поселился. Я живу здесь уже шесть лет и наслаждаюсь самым любезным и приятным обществом в мире; в семье моей царит согласие, и я не променяю своего положения на положение всех царей, какие только есть на свете. Мне посчастливилось разыскать армянского купца, которому я всем обязан, и я оказал ему значительные услуги».

Из Смирны, месяца Джемьади 2, 27-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXVIII
РИКА К УЗБЕКУ К ***

На днях я обедал у одного судьи, который приглашал меня уже несколько раз. Поговоривши о разных разностях, я сказал ему: «Сударь! Мне кажется, что ваше ремесло — очень трудное». — «Не такое уж трудное, как вам кажется, — ответил он, — мы занимаемся им так, что оно в сущности является просто развлечением». — «Позвольте! Разве голова у вас не набита всегда чужими делами? Разве вы не заняты постоянно совсем неинтересными вещами?» — «Вы правы: это вещи совсем не интересные, потому что мы ими вовсе и не интересуемся; оттого-то наше ремесло не столь утомительно, как вы думаете». Услыхав такой развязный ответ, я продолжал: «Сударь! Я не видел вашего кабинета». — «Еще бы! У меня его и нет. Когда я

купил эту должность, мне нужны были деньги, чтобы заплатить за нее, и я продал свою библиотеку, а книгопродавец, купивший ее, из всех моих многочисленных книг оставил мне одну только приходо-расходную. Впрочем, я о книгах и не тужу: мы, судьи, не чванимся излишней ученостью. На что нам все эти тома законов? Почти все казусы гипотетичны и выходят из рамок общих правил». — «Не оттого ли они и выходят из этих рамок, сударь, — заметил я, — что вы сами их оттуда выводите? А то зачем бы у всех народов мира существовали бы законы, если бы им не было приложения? И как можно применять законы, не зная их?» — «Если бы вы знали судебную палату, — возразил судья, — вы бы так не говорили: у нас есть живые книги — адвокаты: они работают за нас и берут на себя труд нас учить». — «А не берут они на себя иной раз труд надувать вас? — возразил я. — Вам не мешало бы остерегаться их плутней. У них имеется оружие, с которым они нападают на вашу справедливость; было бы неплохо, чтобы и у вас было оружие для ее защиты и чтобы вы не ввязывались в драку, одетые налегке, в то время как враги ваши закованы в броню с ног до головы».

Из Парижа, месяца Шахбана 18-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXIX
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Ты бы никогда не подумал, что я стану еще большим метафизиком, чем был прежде; а между тем это так, и ты в этом убедишься, когда выслушаешь нижеследующие мои философские излияния.

Самые рассудительные из философов, размышлявших о природе бога, говорили, что он — существо всесовершенное; но они чрезвычайно злоупотребляли этим понятием: они перечисляли все совершенства, которые человек может иметь и представлять себе, и наделяли ими понятие о божестве, не задумываясь над тем, что часто эти свойства друг друга исключают и не могут быть присущи одному и тому же субъекту, взаимно не уничтожая друг друга.

Западные поэты рассказывают, будто некий живописец[85], вознамерившись создать изображение богини красоты, собрал самых красивых гречанок и от каждой взял всё, что в ней было самого пленительного, а из всего этого создал целое, которое должно было походить на прекраснейшую из богинь. Если бы кто-нибудь заключил отсюда, что она была одновременно и блондинка и брюнетка, что глаза у нее были и черные и голубые, что она была и смиренна и горда, его бы подняли на смех.

Богу часто не хватает какого-нибудь совершенства, которое придало бы ему великое несовершенство; но он всегда ограничен только самим собою; он сам себе необходимость. Так, например, хотя бог и всемогущ, он не может ни нарушать своих обещаний, ни обманывать людей. Часто это бессилие заключается даже не в нем самом, но в относящихся к данному случаю вещах; вот почему он не может изменить сущности вещей.

Именно поэтому некоторые наши ученые осмеливаются отрицать безграничность божественного предвидения, основываясь на том, что оно несовместимо с его справедливостью.

По их мнению, совершенно невозможно, чтобы бог предвидел то, что зависит от действия свободных причин, так как того, что не произошло, нет, а следовательно, его и знать нельзя, ибо *ничто* не имеет свойств и не может быть воспринимаемо. Бог не может читать в несуществующей воле и видеть в душе то, чего в ней нет, ибо действие, определяющее волю, не содержится в ней, пока не состоялось само это определение.

Душа — исполнительница того, что ее определяет, но бывают случаи, когда она до такой степени ничем не определяется, что сама не знает, в какую сторону определиться. Часто она решается на это только затем, чтобы воспользоваться своей свободой; поэтому бог не может заранее предвидеть, чем определятся ее проявления, ни в движениях души, ни в действии, оказываемом на нее предметами.

Как может бог предвидеть вещи, зависящие от определения их свободными причинами? Это возможно только двумя способами: или путем догадки, что противоречит

безграничному предвидению, или при помощи предположения, что это вещи необходимые и непреложно вытекающие из самой производящей их причины; а это заключает в себе еще большее противоречие, ибо при этом душа предполагается свободной, на самом же деле она не свободнее биллиардного шара, когда его толкает другой шар.

Не думай, однако, что эти ученые намереваются ограничить божье всеведение. Заставляя свои творения поступать, как ему вздумается, бог знает все, что хочет знать. Но, хотя он может все видеть, он не всегда пользуется этой своей способностью: обычно он предоставляет творению свободу поступать так или иначе, чтобы оставить ему возможность заслужить награду или наказание, и в таких-то случаях он отказывается от права воздействовать на человека и определять его поступки. Но когда он хочет что-нибудь знать, то всегда знает, ибо ему стоит только захотеть, и уже все случается, как ему нужно, и поступки его творений определяются его волей. Таким образом, он извлекает то, что должно произойти, из числа вещей только возможных, твердо намечая своим изволением будущие решения умов и лишая их предоставленной им ранее возможности поступать или не поступать по своему собственному усмотрению.

Если позволительно прибегнуть к сравнению в вопросе, стоящем выше всяких сравнений, то бывает, что и монарх не знает, как поступит его посол в каком-нибудь важном деле, но, если он хочет это знать, ему стоит только повелеть послу поступить так, а не иначе, и он может быть уверен, что дело произойдет именно так, как он предначертал.

Алкоран и еврейская библия беспрестанно восстают против догмата абсолютного всеведения: в их изображении бог как будто совсем не знает будущего направления умов, и это, невидимому, первая истина, преподанная людям Моисеем.

Бог поселил Адама в земном раю под условием, что он не будет вкушать от известного плода. Но разве могло бы существо, которому известны все будущие решения душ, ставить условия для своих милостей? Ведь это все равно,

как если бы кто-нибудь, зная, что Багдад взят, сказал бы другому: «Я дам тебе сто туманов, если Багдад не взят». Ведь это было бы просто дурною шуткой!

Любезный мой Реди! Зачем столько умствований! Бог так высоко, что мы не видим даже окружающих его облаков. Мы хорошо знаем его только по его заветам. Он безграничен, духовен, бесконечен. Пусть же его величие напоминает нам о нашей слабости. Постоянно смиряться перед ним — значит постоянно поклоняться ему.

Из Парижа, в последний день месяца Шахбана, 1714 года

ПИСЬМО LXX

ЗЕЛИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Твой любимый Сулейман в отчаянии от только что нанесенного ему оскорбления. Некий вертопрах, по имени Суфиз, целые три месяца сватался к его дочери; казалось, юноше нравится наружность девушки, о которой он судил по рассказам и описаниям женщин, знавших ее в детстве; условились насчет приданого, и все шло гладко. Вчера, после совершения первых обрядов, девушка отправилась к нему верхом в сопровождении евнуха и закутанная, по обычаю, с ног до головы. Но едва она подъехала к дому своего нареченного, как последний велел запереть двери и заявил, что ни за что не примет ее, если приданое не будет увеличено. С обеих сторон сбежались родственники, чтобы уладить дело, и после долгих споров Сулейман согласился сделать еще один маленький подарок своему зятю. Брачные обряды были завершены, и девушку почти насильно отвели в постель. Но час спустя вертопрах вскочил в бешенстве, изрезал ей лицо, крича, что она не девственна, и отослал ее обратно к отцу. Это оскорбление совершенно сразило старика. Некоторые уверяют, что девушка невинна. Такие оскорбления — великое несчастье для отцов! Если бы так поступили с моей дочерью, я бы, кажется, умерла от горя. Прощай.

Из сераля Фалины, месяца Джеммади 1, 9-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXXI

УЗБЕК К ЗЕЛИ

Мне жаль Сулеймана, тем более что беда непоправима и что его зять только воспользовался правом, которое предоставляет ему закон. Я нахожу этот закон, ставящий честь семьи в зависимость от блажи какого-нибудь сумасброда, крайне жестоким. Что бы ни говорили о том, будто существуют определенные признаки, по которым можно узнать правду, наши врачи неопровержимо изобличают недостоверность этих доказательств. Даже христиане считают эти приметы вздорными, хотя они ясно установлены в книгах их древнего законодателя.

Я с удовольствием узнаю о том, с какою заботливостью ты воспитываешь свою дочь. Дай бог, чтобы муж нашел ее столь же прекрасной и чистой, как Фатима; чтобы у нее было десять евнухов для охраны, чтобы она стала честью и украшением сераля, для которого она предназначена; чтобы над головой ее были только раззолоченные потолки; чтобы она ступала только по роскошным коврам! И в довершение всех моих пожеланий да будет мне суждено видеть ее во всем ее величии!

Из Парижа, месяца Шальвала 5-го дня, 1714 года

ПИСЬМО LXXII

РИКА К УЗБЕКУ В ***

На днях мне довелось быть в обществе, где я встретил на редкость самодовольного человека. В четверть часа он разрешил три вопроса морали, четыре исторических проблемы и пять физических задач. Я никогда не видывал столь разностороннего мастера по части любых вопросов: его ум ни на мгновение не затруднялся какими бы то ни было сомнениями. Перестали говорить о науках и заговорили о текущих новостях: он и тут высказывал безапелляционные суждения. Я хотел его поймать и подумал: «Нужно коснуться того, в чем я всего сильнее, — прибегну к своему отечеству». Я заговорил с ним о Персии, но не успел произнести и нескольких слов, как он дважды меня опро-

верг, опираясь на авторитет господ Таверньe и Шардена[86]. «Ах ты, пропасть! — подумал я, — что же это за человек! Ведь сейчас окажется, что он и улицы испаганские знает лучше моего». Я сразу принял решение: замолчал, предоставив ему разглагольствовать, и он продолжает решать всё сплеча и посейчас,

Из Парижа, месяца Зилькаде 8-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXIII
РИКА К***

Я слышал о своего рода судилище, именуемом Французской академией[87]. Нет на свете другого учреждения, которое бы так мало уважали: говорят, что едва оно примет какое-нибудь решение, как народ отменяет его, а сам предписывает Академии законы, которые ей приходится соблюдать.

Несколько времени тому назад Академия, ради утверждения своего авторитета, выпустила свод своих постановлений[88]. Это детище столь многих отцов было уже в день своего рождения почти стариком и, хотя оно являлось законным ребенком, незаконное дитя[89], появившееся на свет немного раньше, чуть не задушило его.

У тех, кто составляет это учреждение, нет других обязанностей, кроме беспрерывной болтовни; похвала как бы сама собою примешивается к их вечной стрекотне, и как только человека посвятят в тайны Академии, так страсть к панегирикам[90] овладевает им, и притом на всю жизнь.

У этого тела сорок голов, битком набитых иносказаниями, метафорами и антитезами; эти многочисленные уста глаголят почти что одними восклицаниями, а уши хотят упиваться только размеренной речью и гармонией. Что касается глаз, то о них и речи нет: кажется, будто это тело создано только для того, чтобы говорить, а не для того, чтобы видеть. Оно отнюдь не твердо на ногах, ибо время — его бич — поминутно сотрясает его до основания и уничтожает все, что оно сделало. Когда-то говорили, что у него руки загребущие. Тут уж я ничего тебе не скажу и предоставлю судить тем, кто знает это лучше меня.

В нашей Персии таких странностей нет, ***. Нашему уму чуждо влечение к столь удивительным и чудным учреждениям: в своих обычаях и наивных нравах мы всегда стремимся к естественности.

Из Парижа, месяца Зильхаже 27-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXIV
УЗБЕК К РИКЕ В ***

Недавно один знакомый сказал мне: «Я обещал ввести вас в хорошие парижские дома; сегодня я поведу вас к вельможе из числа тех, которые лучше всего представляют наше королевство».

«Что это значит, сударь? Что же, он вежливее, приветливее других?» — «Нет», — сказал он. «Ага! понимаю: он ежеминутно дает окружающим чувствовать свое превосходство. Если это так, мне незачем туда идти: тут я ему целиком уступаю превосходство и примиряюсь с этим».

Пойти все же пришлось, и я увидел щупленького человечка, который был до того надменен, брал понюшку табаку с таким высокомерием, так неумолимо сморкался, так невозмутимо плевал и так оскорбительно для людей ласкал своих собачек, что я просто не мог ему надивиться. «О господи! — подумал я, — если, находясь при персидском дворе, я так представительствовал, я представлял собой изрядного дурака!» Только обладая крайне дурным характером, могли бы мы, Рика, наносить столько мелких оскорблений людям, которые каждый день являлись к нам, чтобы изъявить свое доброжелательство; они прекрасно знали, что мы стоим выше их, а если бы и не знали, им бы ежедневно напоминали об этом наши благодеяния. Нам не было нужды заставлять людей уважать нас, зато мы делали все, чтобы нас уважали; мы входили в общение с самыми незначительными людьми; несмотря на окружавшие нас почести, от которых люди всегда черствеют, мы проявляли к ним сочувствие; только сердцем мы стояли выше их: мы снисходили к их нуждам. Но когда надо было поддерживать величие государя во время торжественных церемоний, когда приходилось внушать ино-

странцам уважение к нашей нации, когда, наконец, в опасных обстоятельствах приходилось воодушевлять солдат, мы умели подниматься на высоту, в сотни раз большую той, с какой мы спускались; мы умели тогда принимать гордое выражение лица, и иной раз окружающие находили, что мы достаточно представительны.

Из Парижа, месяца Сафари 10-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXV
УЗБЕК И РЕДА В ВЕНЕЦИЮ

Должен тебе признаться, что я не замечал у христиан тех живых религиозных убеждений, какие находишь у магометан. У христиан большое расстояние от исповедования веры до подлинных верований, от этих последних — до убежденности и от убежденности — до исполнения религиозных обрядов. У них религия служит не столько предметом священного почитания, сколько предметом споров, доступных всем и каждому: придворные, военные, даже женщины восстают против духовенства и требуют от него, чтобы оно доказало им то, во что они заранее решили не верить. Не то, чтобы разум привел их к этому и чтобы они взяли на себя труд исследовать истинность или ложность отвергаемой ими религии: это просто-напросто бунтовщики, которые почувствовали ярмо и решили стряхнуть его с себя еще прежде, чем с ним познакомились. Поэтому они столь же нетверды в своем неверии, как и в вере; они живут приливами и отливами, беспрестанно увлекающими их от одного состояния к другому. Кто-то сказал мне однажды: «Я верю в бессмертие души по полугодиям; мои убеждения зависят исключительно от самочувствия: в зависимости от того, много ли во мне жизненных соков, хорошо или плохо переваривает желудок, дышу ли я легким или тяжелым воздухом, питаюсь ли удобоваримым или тяжелым мясом, я бываю спинозистом, социнианином[91], католиком, безбожником или верующим. Когда у моей постели сидит врач, духовник всегда найдет меня в наилучшем для него душевном состоянии. Когда я здоров, то прекрасно сопротивляюсь гнету религии, зато я позволяю ей

утешать меня, как только захвораю. Если мне уже больше не на что надеяться от другой стороны, является религия и завладевает мною с помощью своих обещаний; я охотно им поддаюсь, чтобы умереть в стане тех, кто сулит мне надежду».

Христианские государи уже давно освободили рабов в своих владениях, потому что, говорят они, христианство считает всех людей равными. Правда, этот благочестивый поступок был для монархов очень выгоден: благодаря ему они подорвали могущество дворян, ибо освободили простой народ из-под их власти. Вслед за тем они завоевали некоторые страны, где, по их расчету, выгодно иметь рабов; они разрешили покупать и продавать людей, забыв о предписаниях религии, которые их так растрогали. Что же мне сказать тебе? То, что в одно «время бывает правдой, в другое оказывается заблуждением. Почему бы и нам не поступать, как христиане? Мы простачки, раз отказываемся от поселений и легких завоеваний в прекрасных странах* только потому, что там вода недостаточно чиста для омовений, предписанных святым Алкораном!

Благодарю всемогущего бога, который послал нам великого пророка своего, Али, за то, что я исповедую религию, стоящую выше всех человеческих интересов и чистую, как небо, с которого она снизошла.

Из Парижа, месяца Сафара 13-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXVI

УЗБЕК К СВОЕМУ ДРУГУ ИББЕНУ В СМИРНУ

В Европе законы против самоубийц беспощадны. Их, так сказать, предают смерти вторично: тела их с позором волокут по улицам, самоубийц объявляют негодяями, отчуждают их имущество.

Мне кажется, Иббен, что эти законы крайне несправедливы. Если я удручен горем, нищетою, презрением, по-

* Магометане не задаются целью захватить Венецию потому, что они не нашли бы там воды для омовений. (*Прим. автора.*)

чему мешают мне положить конец всем мукам и жестоко лишают меня лекарства, которым я располагаю?

Почему хотят, чтобы я трудился для общества, к которому я не желаю больше принадлежать; чтобы я, вопреки своей воле, соблюдал соглашение, заключенное без меня? Общество основано на взаимной выгоде. Но когда оно становится для меня обременительным, чту помешает мне от него отказаться? Жизнь дарована мне как милость: следовательно, я могу вернуть ее, когда она перестает быть благодеянием; если прекращается причина, должно прекратиться и действие.

Неужели государь хочет, чтобы я оставался его подданным, когда я не получаю никакой выгоды от этого подданства? Разве мои сограждане могут требовать такого несправедливого раздела, когда им будет доставаться выгода, а мне — отчаяние? Неужели бог, в отличие от всех иных благодетелей, осуждает меня на то, чтобы я принимал тягостные для меня милости?

Я обязан повиноваться законам, покуда живу под их охраной. Но разве могут они меня связывать, когда я этой охраной больше не пользуюсь?

Однако, скажут мне, ты «нарушаешь порядок, установленный провидением. Бог соединил твою душу с телом, а ты разъединяешь их: следовательно, ты восстаешь против его предначертаний и сопротивляешься его воле.

Что значат эти слова? Разве я «нарушаю порядок, установленный провидением, когда изменяю виды материи и придаю форму квадрата — шару, который основными законами движения, то есть законами созидания и сохранения, был сотворен круглым? Разумеется, нет: я только пользуюсь данным мне правом, и в таком смысле я могу, если мне вздумается, перевернуть всю природу, и никто не может сказать, что я восстаю против провидения.

Разве меньше будет порядка и благоустройства в мире, после того как моя душа отделится от тела? Или вы думаете, что это новое сочетание будет менее совершенным и меньше будет связано с общими законами, что мир что-нибудь от этого потеряет и что создания божий станут из-за этого менее внушительными или, лучше сказать, «менее величественными?

Думаете ли вы, что мое тело, превратившись в хлебный колос, в червя, в былинку, станет произведением природы, менее достойным ее? И что моя душа, освобожденная от всего, что было в ней земного, сделается менее возвышенной?

Источник всех этих заблуждений, дорогой Иббен, — только наша гордыня: мы не сознаем нашего ничтожества, и как бы ни были мы ничтожны, мы хотим иметь какое-то значение во вселенной, играть в ней роль, и притом немалую. Мы воображаем, будто уничтожение столь ценного существа, какое мы собою представляем, умалит природу, и не понимаем, что, будет ли на свете одним человеком больше или меньше — да что я говорю! — будут ли существовать даже все люди, вместе взятые, вся сотня миллионов таких планет, как наша, — все это только бесконечно малый и ничтожный атом, который бог и замечает-то лишь потому, что всеведение его беспредельно[92].

Из Парижа, месяца Сафари 15-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXVII

ИББЕН К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Дорогой Узбек! Мне думается, что для истинного мусульманина несчастья — не столько кара, сколько грозные предупреждения. Драгоценны те дни, в которые мы искупаем свои прегрешения! Сокращать следовало бы дни благоденствия. К чему вся наша нетерпеливость, как не к тому, чтобы показать, что нам хотелось бы быть счастливыми независимо от того, кто дарует нам блаженство потому, что он сам блаженство?

Так как всякое существо состоит из двух существ и так как сохранение этого союза наиболее отвечает покорности велениям творца, то отсюда стало возможным вывести закон религии. А поскольку это сохранение союза является наилучшим залогом человеческой деятельности, то отсюда стало возможно вывести закон гражданский.

Из Венеции, в последний день месяца Сафари, 1715 года

ПИСЬМО LXXVIII
РИКА К УЗБЕКУ К ***

Посылаю тебе копию с письма, которое прислал сюда некий француз, проживающий в Испании; думаю, что оно доставит тебе удовольствие.

«Полгода разъезжаю я по Испании и Португалии и живу среди народов, которые, презирая все остальные, одним только французам оказывают честь ненавидеть их.

Выдающейся чертой характера обоих здешних народов является серьезность; она проявляется преимущественно в двух видах: в очках и в усах.

Очки свидетельствуют о том, что их носитель — человек, преуспевший в науках и до такой степени погруженный в книги, что зрение его ослабело; поэтому всякий нос, украшенный или отягощенный очками, сходит здесь за нос ученого.

Что же касается усов, то они почтенны сами по себе, независимо от обстоятельств; всё же люди не упускают случая извлечь из них большую пользу для службы государю и для славы отечества, как это наглядно доказал в Индии один знаменитый португальский генерал*: нуждаясь в деньгах, он отрезал себе один ус и послал его жителям Гоа, прося у них под сей залог двадцать тысяч пистолей; те одолжили ему эти деньги, а впоследствии генерал с честью выкупил свой ус.

Легко понять, что такие глубокомысленные и флегматичные народы должны обладать гордостью: зато и горды же они! Обыкновенно они основывают свою спесь на двух чрезвычайно важных вещах. Обитатели самой Испании и Португалии весьма гордятся тем, что они, по их выражению, *старые христиане,* то есть происходят не от тех, кого инквизиция в течение последних столетий убедила принять христианство. Живущие же в Индии не менее горды тем, что обладают высоким преимуществом быть, как они говорят, *людьми белой кожи.* Ни одна султанша в гареме

* Хуан де Кастро[93]. (*Прим. автора.*)

нашего повелителя никогда так не кичилась своей красотой, как гордится оливковым цветом лица какой-нибудь старый, безобразный грубиян, вечно сидящий сложа руки на пороге своего домика в каком-нибудь мексиканском городишке. Такой важный человек, такое совершенное создание ни за какие сокровища мира не станет работать и никогда не решится умалить честь и достоинство своей кожи каким-нибудь низким, грубым ремеслом.

Надо заметить, что если испанец обладает известными заслугами, если, например, вдобавок к тем преимуществам, о которых я только что говорил, он является собственником огромной шпаги или научился у своего отца искусству бренчать на расстроенной гитаре, так он уж и вовсе не работает: его честь требует, чтобы тело оставалось в полном покое. Того, кто просиживает по десяти часов на дню, не сходя с места, уважают вдвое больше того, кто сидит только пять часов, ибо благородство, оказывается, добывают, восседая на стульях.

Однако, хоть эти заядлые враги труда и хвастаются философским спокойствием, в глубине души они вовсе не спокойны, потому что всегда влюблены. Они — первые на свете мастера умирать от любовного томления под окнами возлюбленных, и испанец без насморка уже не может считаться человеком галантным.

Они, во-первых, набожны, во-вторых, ревнивы. Они весьма остерегутся предоставить своих жен предприимчивости какого-нибудь израненного вояки или дряхлого судьи, зато смело запрут их с любым робко потупляющим взоры послушником или дюжим францисканцем-воспитателем.

Они позволяют женам появляться с открытой грудью, но не желают, чтобы у них был виден хотя бы кончик ноги.

Говорят, что любовные муки всегда жестоки. Но у испанцев они жестоки до крайности; женщины исцеляют их от этих мук, но заменяют одни муки другими, и об угасшей страсти у испанцев часто остается долгое и досадное воспоминание.

У них приняты разные мелкие проявления учтивости которые во Франции показались бы неуместными: офи-

цер, например, никогда не поколотит солдата, не спросив у него на то разрешения, а инквизиция никогда не сожжет еврея, предварительно перед ним не извинившись.

Те испанцы, которых не жгут на кострах, невидимому, так привязаны к инквизиции, что было бы просто нехорошо отнять ее у них. Мне бы только хотелось, чтобы учредили еще и вторую инквизицию — не для еретиков, а для ересиархов, которые приписывают мелким монашеским обрядам то же значение, что и самим таинствам, для людей, которые обоготворяют всё, что они почитают, и до того набожны, что их едва ли можно считать христианами.

Легко встретить у испанцев и ум и здравый смысл, но не ищите этого в их книгах. Взгляните на какую-нибудь их библиотеку: на романы, с одной стороны, и на схоластические сочинения — с другой. Вы скажете, что их писал и подбирал какой-то тайный враг человеческого разума.

У испанцев только и есть одна хорошая книга: та, в которой показана нелепость всех остальных[94].

Они совершили великие открытия в Новом свете, но до сих пор не знают своей собственной страны: есть на их реках порты, которых еще никто не открыл, а в горах — племена, которые никому неизвестны*.

Они говорят, что солнце всходит и заходит в их стране, но нужно также заметить, что на своем пути оно встречает одни только разрушенные деревни и пустынные местности».

Я был бы не прочь, Узбек, взглянуть на письмо, написанное в Мадрид каким-нибудь испанцем, путешествующим по Франции; думаю, что он бы с лихвой отомстил за свой народ. Какое обширное поле для флегматичного и вдумчивого человека! Полагаю, что так начал бы он описание Парижа:

«Здесь есть дом, куда сажают сумасшедших, Можно бы предположить, что он самый большой в городе. Нет, лекарство слишком слабо в сравнении с болезнью. Несомненно,

---

* Батуэки[95]. (*Прим. автора.*)

французы, пользующиеся очень дурной славой у соседей, для того запирают нескольких сумасшедших в особый дом, чтобы создать впечатление, будто те, кто находится вне этого дома, не сумасшедшие».

На этом я расстаюсь со своим испанцем. Прощай, милый Узбек.

Из Парижа, месяца Сафара, 17-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXIX

ГЛАВНЫЙ ЕВНУХ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Вчера какие-то армяне привели в сераль молоденькую рабыню-черкешенку, которую они хотели продать. Я отвел ее в отдельное помещение, раздел и осмотрел взглядом знатока; и чем больше я ее рассматривал, тем больше прелестей открывал в ней. Она с девственной стыдливостью старалась скрыть их от меня; я видел, чего ей стоило повиноваться мне: она краснела от своей наготы даже предо мною, кому чужды страсти, могущие вызвать стыдливость, кто не подвластен воздействию ее пола, кто служит скромности и даже в положениях самых вольных всегда взирает целомудренным взглядом и может внушать лишь невинные мысли.

Как только я решил, что она тебя достойна, я опустил глаза, набросил на нее пурпурный плащ, надел ей на палец золотое кольцо, простерся у ее ног и преклонился перед ней, как перед царицей твоего сердца. Я расплатился с армянами и укрыл ее от всех. Счастливец Узбек! Ты обладаешь столькими красавицами, сколько не найдется и во всех дворцах Востока. Как приятно тебе будет по возвращении найти у себя всё, что только есть самого пленительного в Персии, и видеть, как все новые и новые прелести возникают в твоем серале, невзирая на то, что время и обладание трудятся над их разрушением!

Из сераля Фатимы, месяца Ребиаба 1, 1-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXX[96]
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

С тех пор как я в Европе, дорогой Реди, я перевидел много разных видов правления. Здесь не то, что в Азии, где государственный уклад повсюду один и тот же.

Я часто размышлял над тем, какое правление наиболее разумно. Мне кажется, что наиболее совершенно то, которое достигает своих целей с наименьшими издержками; так что государственное устройство, при котором людьми управляют в наибольшем соответствии с их нравами и склонностями, и есть самое совершенное.

Если при мягком управлении народ настолько же послушен, как при строгом, то следует предпочесть первое; значит, оно более разумно, а строгость тут ни при чем.

Имей в виду, любезный мой Реди, что более или менее суровые наказания, налагаемые государством, не содействуют большему повиновению законам. Последних так же боятся в тех странах, где наказания умеренны, как и в тех, где они тираничны и жестоки.

Мягко ли правление, или жестоко, всюду существуют разные степени наказания: за более или менее тяжкое преступление налагается более или менее тяжкая кара. Воображение само собою приспособляется к нравам данной страны: недельное тюремное заключение или небольшой штраф так же действуют на европейца, воспитанного в стране, где управление мягко, как потеря руки — на азиата. С известной степенью наказания у обоих связывается известная степень страха, но каждый испытывает этот страх по-своему: француз придет в отчаяние от бесчестья, связанного с наказанием, на которое он осужден, между тем как у турка мысль о таком наказании не отняла бы и нескольких минут сна.

Кроме того, я не замечаю, чтобы полиция, правосудие и справедливость более уважались в Турции, в Персии, в стране Великого Могола, чем в Голландской или Венецианской республиках и даже в самой Англии. Я не замечаю, чтобы на Востоке совершалось меньше преступлений и чтобы там люди из-за страха перед наказанием больше подчинялись законам.

Зато я вижу, что в этих государствах источник несправедливостей и притеснений — само государство.

Я нахожу даже, что там монархи — это воплощение закона — меньше являются господами своей страны, чем во всех других местах.

Я вижу, что в трудные времена там всегда возникает брожение, которым никто не предводительствует, и что когда насильственная верховная власть бывает сметена, ни у кого уж не оказывается достаточно авторитета, чтобы восстановить ее; что самое сознание безнаказанности только укрепляет и увеличивает беспорядок; что в таких государствах никогда не бывает мелких бунтов, а ропот недовольства сразу переходит в восстание; что великие события вовсе не подготовляются там великими причинами, а, напротив, малейший случай вызывает великий переворот, часто совершенно неожиданный как для тех, кто производит его, так и для тех, кто является его жертвами.

Когда был свергнут с престола турецкий император Осман[97], никто из участников этого мятежа и не думал совершать его: государя только молили исправить какую-то несправедливость, но чей-то навсегда оставшийся неизвестным голос раздался из толпы, имя Мустафы[98] было произнесено, и Мустафа вдруг стал императором.

Из Парижа, месяца Ребиаба 1, 2-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXI

НАРГУМ, ПЕРСИДСКИЙ ПОСОЛ В МОСКОВИИ, К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Из всех народов мира, дражайший мой Узбек, ни один не превзошел татар славою и величием завоеваний. Этот народ — настоящий повелитель вселенной: все другие как будто созданы, чтобы служить ему. Он в равной мере и основатель и разрушитель империй; во все времена являл он миру свое могущество, во все эпохи был он бичом народов.

Татары дважды завоевали Китай и до сих пор еще держат его в повиновении.

Они властвуют над обширными пространствами, составляющими империю Великого Могола.

Они владыки Персии, они восседают на троне Кира и Гистаспа. Они покорили Московию. Под именем турок они произвели огромные завоевания в Европе, Азии и Африке и господствуют над тремя частями света.

А если говорить о временах более отдаленных, то именно от татар произошли некоторые из народов, разгромивших Римскую империю[99].

Что представляют собою завоевания Александра по сравнению с завоеваниями Чингисхана?

Этому победоносному народу не хватало только историков, которые бы прославили память о его чудесных подвигах.

Сколько бессмертных деяний погребено в забвении! Сколько было татарами основано государств, истории которых мы не знаем! Этот воинственный народ, занятый только своей сегодняшней славой, уверенный в вечной своей непобедимости, нимало не позаботился о том, чтобы увековечить память о своих прошлых завоеваниях.

Из Москвы, месяца Ребиаба 1, 4-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXII

РИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Хотя французы и очень много болтают, у них тем не менее есть молчаливые дервиши, которых называют картезианцами[100]. Говорят, будто при вступлении в монастырь они отрезают себе языки; хорошо бы, если бы и все прочие дервиши отрезали себе всё, что́ бесполезно для их ремесла.

Кстати, есть люди и еще подиковиннее, чем молчальники, и отличаются они необыкновенным талантом. Это люди, умеющие говорить так, чтобы ничего не сказать; они занимают вас часа два таким разговором, что невозможно понять, о чем они собственно ведут речь, невозможно ни повторить, что они сказали, ни удержать в памяти хотя бы одно сказанное ими слово.

Людей такого сорта женщины обожают; но еще больше обожают они все же тех, кого природа наделила приятным даром улыбаться кстати, то есть улыбаться беспрестанно, и кто имеет преимущество возбуждать веселое одобрение, что бы они ни сказали.

Однако верхом остроумия считается умение всюду находить тонкости и открывать множество очаровательных черточек в самых обыденных вещах.

Знаю я и таких, которые ухитряются вовлекать в разговор даже неодушевленные предметы и предоставлять слово вместо себя своему расшитому кафтану, белокурому парику, табакерке, трости и перчаткам. Хорошо, если вас начинают слушать, когда вы еще на улице, когда еще слышен только стук вашей кареты и молотка, крепко колотящего в дверь[101]: такое предисловие предвосхищает весь последующий разговор, а когда вступление удачно, оно искупает все дальнейшие глупости, и можно только радоваться, что глупости расступились перед ним!

Уверяю тебя, что все эти нисколько у нас не ценимые мелкие таланты оказывают немалые услуги тем, кто наделен ими, и что рядом с такими людьми человек здравомыслящий отнюдь не блещет.

Из Парижа, месяца Ребиаба 2, 6-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXIII

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Любезный Реди! Если бог существует, то он непременно должен быть справедливым, ибо в противном случае он был бы самым дурным и несовершенным изо всех существ.

Справедливость — это соотношение между вещами: оно всегда одно и то же, какое бы существо его ни рассматривало, будь то бог, будь то ангел или, наконец, человек.

Правда, люди не всегда улавливают его, больше того: нередко они, видя это соотношение, уклоняются от него; лучше всего видят они собственную выгоду. Справедливость возвышает свой голос, но он заглушается шумом страстей.

Люди могут совершать несправедливости, потому что они извлекают из этого выгоду и потому что свое собственное благополучие предпочитают благополучию других: они всегда считаются только с собственными интересами. Понапрасну никто не делает зла: к этому должна побуждать какая-нибудь причина, а такой причиной неизменно является корысть.

Но совершенно невозможно, чтобы бог делал что-нибудь несправедливое: раз мы предполагаем, что ему известна справедливость, он необходимо должен ей следовать, ибо, ни в чем не нуждаясь а довлея самому себе, он оказался бы самым злым изо всех существ, если бы совершал несправедливости хотя бы и безо всякой выгоды для себя.

Следовательно, если бы бога не было, мы все же должны были бы всегда любить справедливость, то есть напрягать все усилия к тому, чтобы походить на то существо, которое мы представляем себе столь совершенным и которое, если бы существовало, было бы по необходимости справедливым. Как бы ни были мы свободны от ига Религии, мы не должны были бы быть свободными от ига Справедливости.

Вот какие соображения, Реди, убеждают меня в том, что справедливость вечна и отнюдь не зависит от человеческих законов. А если бы зависела, то это было бы такой ужасной истиной, которую нам следовало бы скрывать от самих себя.

Мы окружены людьми, которые сильнее нас; они могут вредить нам на тысячи ладов, и притом в большинстве случаев безнаказанно. Какое же успокоение для нас сознавать, что есть в сердцах человеческих некое внутреннее начало, которое постоянно борется за нас и ограждает нас от их козней!

Если бы этого не было, нам пришлось бы жить в непрерывном страхе: мы проходили бы мимо людей, как если бы то были львы, и ни на миг не были бы уверены в своем имуществе, чести и жизни.

Все эти мысли зарождают во мне возмущение против тех ученых, которые изображают бога существом, тиранически пользующимся своим могуществом, приписывают ему действия, которых мы и сами не хотели бы совер-

шать, наделяют его всеми несовершенствами, за которые он нас наказывает, и в своих противоречивых утверждениях представляют его то существом злым, то существом, ненавидящим зло и наказующим его.

Какое удовлетворение испытывает человек, когда, заглянув в собственное сердце, убеждается, что оно у него справедливое! Как бы ни было сурово само по себе это удовольствие, оно должно восхищать человека: он видит, что стоит настолько же выше тех, у кого нет такого сердца, насколько стоит он выше тигров и медведей. Да, Реди, если бы я был уверен в том, что всегда и неуклонно следую справедливости, которую вижу перед собою, я почел бы себя первым из людей.

Из Парижа, месяца Джеммади 1, 1-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXIV

РИКА К ***

Я был вчера во Дворце Инвалидов[102]. Будь я государем, мне было бы приятнее основать такое учреждение, чем выиграть целых три сражения. Там везде чувствуется рука великого монарха. Мне кажется, что это самое почтенное место на Земле.

Что за зрелище представляют собою эти собранные в одно место жертвы Отчизны, которые только и живут мыслью о ее защите и жалуются лишь на то, что не могут вновь принести себя в жертву, так как сердца их остались прежними, но силы уже не те!

Что может быть удивительнее этих дряхлых воинов, соблюдающих в этом убежище такую же строгую дисциплину, к какой принуждало их присутствие неприятеля; ищущих последнего удовлетворения в этом подобии военной службы и разделяющих сердце и ум между религиозными и воинскими обязанностями!

Мне хотелось бы, чтобы имена людей, павших за Родину, сохранялись в храмах и вносились в особые списки, которые были бы источником славы и благородства.

Из Парижа, месяца Джеммади 1, 15-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXV[103]

УЗБЕК К МИРЗЕ В ИСПАГАНЬ

Ты знаешь, Мирза, что некоторые из министров Шах-Солимана возымели намерение принудить всех персидских армян либо покинуть страну, либо принять магометанство; они думали, что наша империя будет нечистой до тех пор, пока в ее лоне пребывают неверные.

Если бы в данном случае вняли слепому благочестию, персидскому величию пришел бы конец.

Неизвестно, почему это дело не осуществилось; ни те, кто внес это предложение, ни те, кто его отверг, не сознавали его последствий: случай исполнил обязанности разума и политики и спас империю от большей опасности, чем та, которой она могла бы подвергнуться из-за проигрыша какой-нибудь битвы или сдачи двух городов.

Изгоняя армян, рассчитывали в один день упразднить в государстве всех купцов и почти всех ремесленников. Я уверен, что великий Шах-Аббас[104] предпочел бы дать себе отрубить обе руки, чем подписать подобный указ, и что, отсылая самых трудолюбивых своих подданных к Великому Моголу и другим индийским царям, он почел бы, что отдает им половину своих владений.

Преследования, которым наши ревностные магометане подвергали огнепоклонников, вынудили последних толпами уходить в Индию[105] и лишили Персию этого трудолюбивейшего земледельческого народа, который один только мог преодолеть бесплодие наших полей.

Рьяному благочестию оставалось нанести Персии только еще один удар: разрушить промышленность. Тогда империя пала бы сама собой, а вместе с нею, следовательно, пала бы и та религия, процветания которой надеялись этим достигнуть.

Если рассуждать без предубеждений, то я не знаю, Мирза, не лучше ли, чтобы в государстве существовало несколько религий?

Замечено, что люди, исповедующие религии только терпимые государственною властью, оказываются обычно более полезными для отечества, чем те, которые принадле-

жат к господствующей вере, потому что первые лишены почестей и, имея возможность отличаться только пышностью и богатством, стремятся приобретать их трудом и берут на себя самые тяжкие общественные обязанности.

К тому же все без исключения вероучения содержат в себе полезные для общества правила; поэтому хорошо, когда они усердно соблюдаются. А что же может больше возбуждать это усердие, как не многочисленность религий?

Это соперницы, ничего не прощающие друг другу. Ревность их передается и отдельным лицам: каждый держится настороже и остерегается таких поступков, которые могут нанести бесчестие его лагерю и подвергнуть оный презрению или беспощадной критике противников.

Поэтому всегда замечалось, что появление в государстве новой секты — вернейшее средство исправить заблуждения прежней.

Напрасно говорят, будто «не в интересах монарха терпеть в своем государстве несколько вероучений. Даже если бы все секты мира собрались в нем, это не нанесло бы ему ни малейшего ущерба, ибо нет такой секты, которая не предписывала бы повиновения и не проповедовала бы покорности.

Согласен, история полна религиозных войн. Но причина этому — не множество религий, а дух нетерпимости, которым бывала охвачена религия, считавшая себя господствующей, тот дух прозелитизма, который евреи заимствовали у египтян и который, как заразная, повальная болезнь, перешел от них к магометанам и христианам; наконец, тот дух заблуждения, развитие коего нельзя считать не чем иным, как полным затмением человеческого разума.

Словом, если бы даже не было бесчеловечно угнетать чужую совесть, если бы даже не проистекало из этого дурных последствий, которые в угнетении коренятся во множестве, то и тогда лишь глупец может не понимать, в чем тут дело. Тот, кто хочет заставить меня переменить веру, делает это несомненно потому, что сам не переменил бы свою, если бы его стали к этому принуждать. Следовательно, такой человек находит странным, что я не делаю того,

чего он сам не сделал бы, может быть, за власть над целым миром.

Из Парижа, месяца Джеммади 1, 26-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXVI
РИКА К ***

Здешние семьи, кажется, управляются сами собою. У мужа только тень власти над женою, у отца — над детьми, у господина — над рабами. Во все их несогласия вмешивается правосудие, и будь уверен, что оно всегда настроено против ревнивого мужа, раздражительного отца, придирчивого господина.

Намедни я зашел в то место, где отправляется правосудие[106]. Прежде чем туда доберешься, приходится пройти под огнем множества молоденьких торговок, зазывающих тебя вкрадчивым голоском. Вначале это зрелище кажется довольно забавным, но оно становится зловещим, когда войдешь в большие залы, где встречаешь людей, одеяние которых еще мрачнее их лиц. Наконец, входишь в святилище, где раскрываются семейные тайны и выплывают на свет божий самые темные делишки.

Вот скромная девушка описывает страдания, причиняемые ей слишком долго сохраняемой девственностью, говорит о своей борьбе и мучительном сопротивлении. Она так мало гордится своей стойкостью, что грозит скорым падением, и, дабы отец не оставался в неведении относительно ее нужд[107], она выкладывает их перед всем народом.

Вот является бесстыжая женщина и перечисляет в качестве повода к разводу все оскорбления, которые она нанесла мужу.

Другая столь же скромная дама заявляет, что ей надоело только довольствоваться званием женщины, а не наслаждаться им: она разоблачает тайны, скрытые во тьме брачной ночи, и требует, чтобы ее подвергли осмотру самых опытных экспертов и чтобы судебное решение восстановило ее во всех правах девственницы. Бывают и такие, что осмеливаются бросать вызов мужьям и требуют у них

публичного состязания, весьма затруднительного в присутствии посторонних: такое испытание столь же позорно для женщины[108], подвергающейся ему, сколь и для мужа, унизившегося до него.

Бесчисленное множество изнасилованных или соблазненных девушек изображают мужчин гораздо худшими, чем они есть на самом деле. Громкий голос любви гулко раздается под сводами этого судилища: там только и разговору, что о разгневанных отцах, обманутых дочерях, неверных любовниках и оскорбленных мужьях.

По здешним законам, всякий ребенок, рожденный в браке, считается принадлежащим мужу. Последний может иметь сколько угодно веских оснований не верить этому. Закон верит за него и избавляет его от расследования и сомнений.

В этом судилище дела решаются большинством голосов, но, говорят, все давно уже убедились по опыту, что лучше было бы решать их по меньшинству. И это правильно: ведь людей справедливых очень мало, и никто не отрицает, что несправедливых куда больше.

Из Парижа, месяца Джеммади 2, 1-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXVII
РИКА К ***

Говорят, что человек — животное общительное. С этой точки зрения мне кажется, что француз больше человек, чем кто-либо другой: он человек по преимуществу, так как и создан-то, по-видимому, исключительно для общества.

Но я заметил среди французов таких людей, которые не только общительны, но представляют сами собою целое общество. Они пролезают «во все уголки, они в одно и то же время населяют все городские кварталы. Сотня таких людей наполняет город больше, чем две тысячи граждан; в глазах иностранцев они могут заполнить пустоту, оставленную чумою или голодом. В школах спрашивают, может ли одно и то же тело одновременно находиться в нескольких местах: эти господа являют собою доказатель-

ство возможности того явления, кое философы ставят под вопрос.

Они всегда спешат, потому что заняты важным делом: спрашивают у всех встречных, куда те идут и откуда.

У них никак не выбьешь из головы, что приличие будто бы требует ежедневного посещения всех знакомых в розницу, не считая визитов, которые делаются оптом в тех местах, где происходят собрания. Но так как дорога в такие собрания слишком коротка, то парижане не применяют их в расчет при соблюдении своего церемониала.

Стуком молотков они наносят дверям больше урона, чем ветры и бури. Если бы кто-нибудь вздумал просматривать у привратников книги, в которых записывают посетителей, он ежедневно находил бы там всё те же имена, исковерканные швейцарами на тысячу ладов. Всю жизнь эти люди либо плетутся за чьим-нибудь гробом, выражая соболезнование, либо поздравляют кого-нибудь по случаю бракосочетания. Стоит королю наградить кого-либо из подданных, чтобы они разорились на карету и съездили поздравить награжденного. Наконец они в изнеможении возвращаются домой и отдыхают, чтобы на завтра снова приняться за свои тяжелые обязанности.

Один из них умер на днях от усталости, и на его могиле начертали следующую эпитафию: «Здесь покоится тот, кто никогда не ведал покоя. Он прогулялся в пятистах тридцати похоронных шествиях. Он порадовался рождению двух тысяч шестисот восьмидесяти младенцев. Пенсии, с которыми он, — всегда в разных выражениях, — поздравил своих друзей, достигают в общей сложности двух миллионов шестисот тысяч ливров. Расстояние, пройденное им по городским мостовым, равняется девяти тысячам шестистам стадиям, а пройденное в деревне — тридцати шести. Разговор его был всегда занимателен; в запасе у него имелось триста шестьдесят пять рассказов; кроме того, с юности он овладел ста восемнадцатью изречениями древних, которые и пускал в ход в соответствующих случаях. Он скончался на шестидесятом году жизни. Я умолкаю, путник! Где же мне рассказать тебе обо всем, что он делал и что видел!»

Из Парижа, месяца Джеммади 2, 3-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXVIII

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

В Париже царствуют свобода и равенство. Ни происхождение, ни добронравие, ни даже военные заслуги, как бы блестящи они ни были, не выделяют человека из толпы. Местничество тут неизвестно. Говорят, что в Париже тот человек первый, у кого лучше выезд.

Вельможа — это лицо, которое лицезрит короля, беседует с министрами и у кого имеются предки, долги и пенсии. Если вдобавок он умеет скрывать свою праздность за хлопотливым видом или за притворною склонностью к развлечениям, то он считает себя счастливейшим из людей.

В Персии вельможами являются только те, кому монарх предоставляет большее или меньшее участие в управлении. Здесь же есть вельможи по происхождению, но никаким влиянием они не пользуются. Короли поступают подобно искусным мастеровым, которые для работы всегда пользуются самым простым инструментом.

Королевская милость — высшее божество у французов. Министр — это великий жрец, приносящий верховному божеству обильные жертвы. Окружающие его не носят белых одежд: то они приносят жертвы, то их самих приносят в жертву, и вместе со всем народом они покорствуют своему идолу.

Из Парижа, месяца Джеммади 2, 9-го дня, 1715 года

ПИСЬМО LXXXIX[109]

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Желание славы ничем не отличается от инстинкта самосохранения, свойственного всем созданиям. Мы как бы умножаем свое существо, когда можем запечатлеть его в памяти других: мы приобретаем таким образом новую жизнь, и она становится для нас столь же драгоценной, как и полученная от неба.

Но подобно тому как не все люди в равной мере привязаны к жизни, так и не все они одинаково чувствительны к славе. Эта благородная страсть, конечно, всегда живет в нашем сердце, но воображение и воспитание видоизменяют ее на тысячу ладов.

Разница, существующая в этом отношении между отдельными людьми, еще явственнее обнаруживается между народами.

Можно принять за твердо установленную истину, что в каждом государстве желание славы растет вместе со свободой его подданных и ослабевает вместе с нею же: слава никогда не бывает спутницей рабства.

Один здравомыслящий человек сказал мне недавно: «Во Франции люди во многих отношениях свободнее, чем в Персии; поэтому и славу у нас ценят больше. Эта благодетельная страсть побуждает француза с удовольствием и охотно делать то, чего ваш султан добивается от своих подданных только тем, что беспрестанно угрожает им казнями и манит наградами.

Поэтому у нас государь печется о чести даже последнего из своих подданных. Для ограждения ее у нас существуют достойные уважения судилища: честь — это священное сокровище нации, единственное, над которым государь не является властелином, ибо не может им быть без вреда для собственных интересов. Так что если какой-нибудь подданный сочтет себя оскорбленным благодаря ли предпочтению, оказанному государем другому лицу, благодаря ли малейшему знаку неуважения, он немедленно покидает двор, оставляет должность и службу и удаляется к себе.

Разница между французскими войсками и вашими заключается в том, что ваши войска, составленные из рабов, низких по самой природе своей, преодолевают страх смерти только благодаря страху перед наказанием, отчего в душе у них пробуждается новый вид ужаса, доводящий их до отупения; а наши солдаты с радостью подставляют себя под удары и побеждают страх благодаря нравственному удовлетворению, которое выше страха.

Но святилище чести, славы и добродетели особенно утвердилось в республиках и в тех странах, где можно про-

износить слово *отечество*. В Риме, в Афинах, в Лакедемоне наградою за самые выдающиеся заслуги был только почет. Венок из дубовых или лавровых листьев, статуя, похвальная речь служили величайшей наградой за выигранное сражение или завоеванный город.

Там человек, совершивший благородный поступок, считал самый этот поступок достаточным для себя вознаграждением. Видя любого из соотечественников, он испытывал удовольствие от сознания, что облагодетельствовал его: он считал свои заслуги по числу своих сограждан. Каждому дано делать добро другому; а содействовать счастью целого общества значит уподобиться богам.

Но это благородное соревнование совершенно угашено в сердцах ваших соотечественников, у которых должности и почести не что иное, как проявление прихоти государя. У вас не придают ни малейшего значения громкой славе и добродетели, если они не сопровождаются благосклонностью повелителя, вместе с которою они рождаются и умирают. У вас человек, пользующийся всеобщим уважением, никогда не бывает уверен, что завтра его не постигнет бесчестье. Сегодня он во главе армии, но может случиться, что государь назначит его своим поваром и лишит его надежды на всякую другую похвалу, кроме как за хорошо приготовленный плов».

Из Парижа, месяца Джеммади 2,
15-го дня, 1715 года

ПИСЬМО XC

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ В СМИРНУ

Из этой страсти к славе, свойственной всей французской нации, в умах отдельных лиц сложилось некое весьма щепетильное понятие о чести. Это понятие, собственно говоря, присуще любой профессии, но особенно резко проявляется оно у военных; у них оно принимает наиболее законченную форму. Мне очень трудно дать тебе почувствовать, что это такое, потому что у нас нет об этом точного представления.

В былые времена французы, в особенности дворяне, подчинялись только тем законам, которые предписывались этим понятием чести: эти законы определяли все их поведение и были так строги, что под страхом еще более жестокого наказания, чем самая смерть, нельзя было не только их преступать, — уж и не говорю об этом, — но даже чуть-чуть от них уклоняться.

Когда приходилось улаживать какое-нибудь столкновение, эти законы предписывали только один способ решения: дуэль. Она начисто разрешала все затруднения. Но плохо было то, что зачастую решение вопроса предоставлялось не тем лицам, которые были в нем заинтересованы.

Достаточно тебе было просто быть знакомым с одним из поссорившихся, чтобы быть обязанным вмешаться в распрю и платиться собственной персоной, как если бы ты сам был оскорблен. Такой знакомый считал для себя честью, если на нем останавливался выбор и ему оказывалось столь лестное предпочтение, и тот самый человек, который не дал бы другому и четырех пистолей[110], чтобы спасти от виселицы его самого и всю его семью, нисколько не затруднялся тысячи раз рисковать жизнью за своего знакомца.

Подобный способ решения споров нельзя назвать удачным, потому что из того, что один человек ловчее или сильнее другого, еще не следует, что правда на его стороне.

Поэтому короли и запретили дуэль под страхом строжайших наказаний, но тщетно: Честь, всегда стремящаяся царствовать, бунтует и не признает никаких законов.

Таким образом, французы оказались в весьма затруднительном положении: законы Чести обязывают порядочного человека отомстить за оскорбление, а, с другой стороны, правосудие карает его самым жестоким образом, если он за себя отомстит. Если следуешь законам Чести, гибнешь на эшафоте; если подчинишься законам правосудия, тебя навсегда изгонят из общества. Остается, стало быть, только жестокая альтернатива: либо умереть, либо сделаться недостойным жизни.

Из Парижа, месяца Джеммади 2,
18-го дня, 1715 года

ПИСЬМО XCI

УЗБЕК К РУСТАНУ В ИСПАГАНЬ

Здесь появился человек, переодетый персидским послом, нагло надувающий двух величайших в мире монархов. Он подносит французскому королю такие подарки, которые наш повелитель не решился бы предложить даже государю маленькой Имеретии или Грузии; своей подлой скаредностью он оскорбил величие обоих государств.

Он сделался посмешищем народа, считающего себя самым учтивым в Европе, и дал Западу повод говорить, что царь царей повелевает только варварами.

Ему оказали почести, хотя, судя по его поведению, он хотел бы, чтобы ему в них было отказано, а французский двор, как будто больше его принимая к сердцу величие Персии, поддержал его достоинство перед лицом народа, которому он внушил одно презрение.

Не рассказывай об этом в Испагани: пощади голову несчастного. Я не хочу, чтобы наши министры наказали его за их же собственную неосторожность и недостойный выбор[111].

Из Парижа, в последний день месяца Джеммади 2, 1715 года

ПИСЬМО XCII

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Монарха, царствовавшего так долго, не стало*. При жизни о нем много говорили; когда он умер, все замолчали. Твердый и мужественный в этот последний час, он, казалось, покорился только судьбе. Так умирал «великий Шах-Аббас, после того как наполнил вселенную своим именем.

Не воображай, что это великое событие послужило здесь поводом только к нравственным размышлениям. Всякий

* Он скончался 1 сентября 1715 г.[112] (*Прим. автора.*)

подумал о своих делах и о том, какие ему выгоды извлечь из этой перемены. Королю, правнуку усопшего монарха, всего пять лет от роду, поэтому принц, его дядя[113], объявлен Регентом королевства.

Усопший монарх оставил завещание, которым ограничивал власть Регента. Но ловкий принц отправился в парламент и, предъявив там свои права, добился отмены распоряжения государя, который, казалось, хотел пережить самого себя и притязал на царствование даже и после смерти.

Парламенты похожи на те развалины, которые хоть и попирает нога человека, а они все же наводят на мысль о каком-нибудь храме, прославленном некогда древней религией народов. Парламенты уже ни во что не вмешиваются, кроме отправления правосудия, и их авторитет все более и более умаляется, если только какое-нибудь непредвиденное стечение обстоятельств не вернет им силу и жизнь. Эти великие учреждения разделили судьбу всего человеческого: они отступили перед все разрушающим временем, асе подтачивающей порчей нравов, все подавившей монаршей властью.

Однако Регент, стремясь заслужить народное расположение, сначала, казалось, относился с уважением к этому образу общественной свободы и, словно собираясь поднять поверженный храм и идола, хотел, чтобы их считали опорой монархии и основой всякой законной власти.

Из Парижа, месяца Реджеба
4-го дня, 1715 года

ПИСЬМО XCIII

УЗБЕК К СВОЕМУ БРАТУ, ОТШЕЛЬНИКУ КАЗВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Смиренно преклоняюсь пред тобою, святой отшельник, и простираюсь во прах: следы ног твоих для меня дороже зеницы моих очей. Твоя святость столь велика, словно ты обладаешь сердцем нашего святого пророка: подвижничеству твоему дивится самое небо; ангелы взирают на тебя с

вершины славы и глаголят: «Почему он еще на земле, когда дух его с нами и витает вокруг престола, стоящего на облаках?»

И как же мне не почитать тебя, мне, узнавшему от наших ученых, что даже неверным дервишам всегда присуща святость, внушающая правоверным уважение, и что бог избрал на служение себе во всех концах земли самые чистые души и отделил их от нечестивого мира, дабы их подвижничество и пламенные молитвы умеряли гнев его, готовый разразиться над столькими мятежными народами.

Христиане рассказывают чудеса о своих первых подвижниках, которые тысячами удалялись в страшные пустыни Фиваиды; во главе их стояли Павел, Антоний и Пахомий. Если то, что о них рассказывают, правда, то жития их столь же полны чудесами, как и жития самых святых наших имамов. Иногда по целых десять лет не видели они ни одного человека; зато дни и ночи проводили они с демонами; эти лукавые духи беспрестанно мучили их; пустынники находили их у себя на ложе, встречали за столом — невозможно было от них скрыться. Если все это правда, почтенный отшельник, то нужно признать, что никогда и никому еще не приходилось жить в таком скверном обществе.

Здравомыслящие христиане относятся ко всем этим историям как к аллегориям, которые должны разъяснить нам, сколь плачевна участь человека. Тщетно ищем мы спокойствия в пустыне: искушения преследуют нас всюду; страсти, представляющиеся в обличье демонов, не оставляют нас; эти чудовища нашего сердца, эти обманы ума, эти пустые призраки лжи и заблуждения постоянно являются нам, чтобы соблазнять нас, и нападают на нас даже во время поста, даже когда на нас надета власяница, то есть когда мы всего сильнее.

Что касается меня, высокочтимый отшельник, то я знаю, что посланец божий сковал сатану и низверг его в бездну: он очистил землю, некогда подвластную сатане, и сделал ее достойной пребывания на ней ангелов и пророков.

Из Парижа, месяца Шахбана
3-го дня, 1715 года

ПИСЬМО XCIV

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Мне никогда не приходилось слышать разгозоров о государственном праве, чтобы при этом собеседники не начинали тщательно доискиваться, как возникло общество. Мне это кажется смешным. Вот если бы люди не создали общества, если бы они избегали друг друга и рассеивались в разные стороны, тогда следовало бы спросить о причине такого явления и искать объяснения их отчужденности. Но люди с самого рождения связаны между собою; сын родился подле отца и подле него остался: вот вам и общество и причина его возникновения[114].

Государственное право более известно в Европе, чем в Азии; однако можно сказать, что страсти монархов, долготерпение народов, лесть писателей извратили все его принципы.

В том виде, в каком оно находится сейчас, это право является наукой, которая учит государей, до каких пределов могут они нарушать справедливость, не нанося ущерба собственным интересам. Что же это за назначение для науки, Реди, — возводить несправедливость в систему, устанавливать для нее правила, определять ее принципы, извлекать из нее следствия, — и все это только для того, чтобы приглушить совесть монархов!

Неограниченная власть наших высоких султанов, для которой не существует иного закона, кроме нее самой, порождает не больше чудовищ, чем эта недостойная наука, стремящаяся сломить справедливость, которая должна быть непреклонна.

Можно бы сказать, Реди, что существуют две совершенно различных справедливости: одна управляет делами частных лиц и царствует в гражданском праве, а другая — устраняет распри, возникающие между народами, и тиранствует в праве государственном. Как будто государственное право не является и правом гражданским, — только не одной какой-нибудь страны, а всего мира.

Свои мысли об этом я изложу тебе в следующем письме.

Из Парижа, месяца Зильхаже 1-го дня, 1716 года

ПИСЬМО XCV
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Судьи должны разрешать тяжбы между отдельными гражданами. Каждый народ должен сам разрешать свои споры с другим народом. При отправлении этого второго вида правосудия не должно быть других правил, чем при отправлении первого.

Надобность в третейском судье между двумя народами ощущается очень редко, потому что предмет спора почти всегда ясен и легко разрешим. Обычно интересы двух наций бывают так различны, что нужно только любить справедливость, чтобы установить, на чьей она стороне; нельзя быть предубежденным в своем собственном деле.

Иной случаи, когда распря возникает между отдельными лицами. Так как они живут в обществе, их интересы бывают настолько спутаны и перемешаны, несогласия столь разнообразны, что необходимо, чтобы кто-нибудь третий разобрался в том, что́ старается затемнить алчность враждующих сторон.

Существует только два «вида справедливых войн: те, что́ предпринимаются для того, чтобы отразить нападение неприятеля, и вторые — чтобы помочь союзнику, подвергшемуся нападению.

Было бы несправедливо начинать войну из-за личных раздоров государей, если только случай не настолько серьезен, что из-за него стоит предать смерти виновного государя или народ. Поэтому государь не может начать войну из-за того, что ему отказали в подобающих ему почестях или обошлись непочтительно с его послом и тому подобное; точно так же частное лицо не может убить того, кто отказывает ему в первенстве. Объявление войны должно быть актом справедливости, причем наказание должно быть соразмерно вине; поэтому нужно предварительно убедиться, заслуживает ли смерти тот, кому объявляют войну; ибо воевать с кем-нибудь значит иметь намерение наказать его смертью.

В государственном праве самым суровым актом правосудия является война, потому что результатом ее может быть разрушение общества.

На втором месте стоит отмщение. Соразмерять наказание с преступлением — закон, которого никакие суды не могли обойти.

Третий акт правосудия состоит в том, чтобы лишить государя тех преимуществ, которые он может извлечь из нас; здесь опять-таки наказание должно быть соразмерно вине.

Четвертый акт правосудия, который должен применяться чаще других, заключается в отказе от союза с народом, подающим повод к жалобам. Это наказание соответствует изгнанию, установленному судами с целью удаления виновного из общества, Таким образом, государь, от союза с которым мы отказываемся, исключается из нашего общества и перестает быть одним из его членов.

Нельзя нанести большего оскорбления государю, чем отказавшись от союза с ним, и нельзя оказать ему большей чести, чем заключив с ним союз. Нет ничего славнее и даже полезнее для людей, как видеть, что другие неизменно дорожат сохранедием с ними хороших отношений.

Но чтобы союз нас действительно связывал, он должен быть справедлив: например, союз, заключенный двумя нациями в целях притеснения третьей, незаконен, и его можно нарушить, не совершая этим преступления.

Не согласно с честью и достоинством государя вступать в союз с тираном. Рассказывают, что один фараон указывал самосскому царю на его жестокость и тиранство и убеждал его исправиться. Когда же тот не послушался, фараон известил его об отказе от его дружбы и от союза с ним.

Завоевание само по себе не дает никаких прав. Если население завоеванной страны уцелело, то завоевание должно служить залогом мира и восстановления справедливости; если же народ уничтожен или рассеян, завоевание становится памятником тирании.

Мирные договоры столь священны для людей, что являются как бы голосом природы, заявляющей свои права. Они всегда законны, когда условия их таковы, что оба заключивших их народа сохраняют неприкосновенность; в противном случае то из двух обществ, которому предстоит гибель, так как оно лишено естественной защиты в мирных условиях, может искать защиты в войне.

Ибо природа, установившая среди людей различия в силе и слабости, часто с помощью отчаяния уравнивает силу слабых с могуществом сильных.

Вот, любезный Реди, что я называю государственным правом. Вот тебе право людей, или, вернее, право человеческого разума.

Из Парижа, месяца Зильхаже
4-го дня, 1716 года

ПИСЬМО XCVI

ПЕРВЫЙ ЕВНУХ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Сюда прибыло много желтых женщин из королевства Висапур[115]. Я купил одну для твоего брата, мазандаранского[116] губернатора, который месяц тому назад прислал мне свое высочайшее повеление и сто туманов.

Я знаю толк в женщинах, тем более что им не обворожить меня и что волнения страсти меня не ослепляют.

Я никогда не встречал столь правильной и совершенной красоты: ее блестящие глаза придают жизнь лицу и подчеркивают восхитительный цвет кожи, пред которым меркнут все прелести страны черкесов.

Ее торговал одновременно со мною главный евнух некоего испаганского купца, но она презрительно отворачивалась от его взоров и, казалось, искала моих, словно желая сказать мне, что гнусный купец недостоин ее и что она предназначена для более знатного супруга.

Признаюсь тебе, я ощущаю тайную радость, когда думаю о прелестях этой красавицы: я представляю себе, как она входит в сераль твоего брата; я с удовольствием предугадываю удивление всех его жен, надменную печаль одних, немую, но тем более тяжкую скорбь других, злорадное самоутешение тех, кому уже не на что больше надеяться, и уязвленное самолюбие тех, кто еще питает надежду.

Находясь здесь, я переверну весь сераль на другом конце государства. Сколько страстей вызову я! Сколько причиню страхов и горестей!

А между тем, несмотря на внутреннее смятение, наружно все будет казаться по-прежнему спокойным: вели-

кие перевороты затаятся в глубине сердца; печали будут подавлены, радость сдержана; послушание будет таким же беспрекословным и правила столь же непреклонными; из самых глубин отчаяния возникнет кротость, как всегда, вынужденная.

Мы замечаем, что чем больше женщин у нас под надзором, тем меньше они доставляют нам хлопот. Большая необходимость нравиться, меньшая легкость сближения, больше примеров покорности, — из всего этого слагаются их цепи. Одни неустанно следят за каждым шагом других, как будто все они сообща с нами стараются усилить собственную зависимость; они выполняют часть нашей работы и открывают нам глаза, когда мы их закрываем. Да что я говорю! Они беспрестанно восстанавливают своего господина против соперниц, и сами не замечают, как близки они к тем, кто подвергается наказанию.

Но все это, блистательный повелитель, ничто, когда господин отсутствует. Что можем мы сделать «при помощи пустого призрака власти, раз она никогда не выпадает на нашу долю целиком? Мы только в слабой степени представляем половину тебя самого»: мы можем проявлять по отношению к женщинам только ненавистную им строгость. Ты же умеряешь страх надеждами; ты полновластнее, когда ласкаешь, чем когда грозишь.

Вернись же, блистательный повелитель, вернись к нам, чтобы повсюду утвердить свое владычество. Приди и успокой мятежные страсти, приди и отними всякий предлог к падению; приди, чтобы успокоить ропщущую любовь и скрасить самый долг; приди, наконец, чтобы облегчить твоим верным евнухам бремя, становящееся день ото дня все более тяжелым.

Из испаганского сераля, месяца Зильхаже 8-го дня, 1716 года

ПИСЬМО XCVII

УЗБЕК К ГАССЕЙНУ, ДЕРВИШУ ЯРРОНСКОЙ ГОРЫ

О ты, мудрый дервиш, чей любознательный ум блещет столькими знаниями, послушай, что я скажу тебе.

Есть здесь философы, не достигшие, правда, вершин восточной мудрости, не вознесенные к сияющему престолу, не внимавшие неизъяснимым словам, что звучат в хорах ангельских, не почувствовавшие на себе грозных проявлений божественного гнева: они предоставлены самим себе и не удостоены святых чудес, зато они идут в тишине по следам человеческого разума.

Ты и представить себе не можешь, как далеко завел их этот вожатый. Они распутали хаос и с помощью простой механики объяснили основы божественного зодчества. Творец природы наделил материю движением, и этого было достаточно, чтобы произвести то изумительное разнообразие, которое мы видим во вселенной.

Пускай обыкновенные законодатели предлагают нам законы для упорядочения человеческих обществ, — законы, настолько же подверженные изменениям, насколько изменчив ум предлагающих и ум народов, их соблюдающих! А философы говорят нам о законах всеобщих, незыблемых, вечных, которые соблюдаются без всяких изъятий, в безграничном пространстве, с бесконечным порядком, последовательностью и быстротой.

Что же, по-твоему, представляют собою эти законы, божественный человек? Может быть, ты надеешься, что, войдя в совет всевышнего, просто изумишься возвышенности этих тайн, и поэтому заранее отказываешься понимать и собираешься только удивляться?

Но скоро ты переменишь свое мнение: эти тайны не ослепляют своею мнимой значительностью; они долго оставались непознанными вследствие своей простоты, и только после долгих размышлений люди поняли всю их плодотворность и широчайшее значение.

Первая из них та, что всякое тело стремится двигаться по прямой линии, если только не встречает какого-нибудь препятствия, отклоняющего его с пути; а вторая, являющаяся всего лишь следствием первой, состоит в том, что всякое тело, вращающееся вокруг какого-нибудь центра, стремится удалиться от него, потому что чем дальше оно от этого центра, тем более приближается к прямой описываемая им линия.

Вот ключ к природе, дивный дервиш; вот плодотворные начала, из которых выводятся необозримые следствия.

Познание пяти-шести истин преисполнило чудесами науку этих философов и дало им возможность произвести почти столько же чудес и удивительных вещей, сколько рассказывается про наших святых пророков.

Я уверен, что нет у нас такого ученого, который не попал бы в затруднительное положение, если бы ему предложили свесить на весах воздух, окружающий землю, или измерить количество воды, ежегодно падающей на ее поверхность, и который крепко не задумался бы, прежде чем сказать, сколько миль в час проходит звук, сколько времени нужно лучу солнца, чтобы дойти до нас, сколько миль отсюда до Сатурна, какую кривизну следует придать корпусу корабля, чтобы он оказался лучшим из всех возможных судов.

Пожалуй, если бы какой-нибудь божественный человек разукрасил произведения этих философов возвышенными и дивными словами, если бы он прибавил к ним смелые метафоры и таинственные аллегории, получилась бы прекрасная книга, которая уступала бы только святому Алкорану.

И все же, если уж говорить откровенно, мне не по душе иносказательный стиль. В нашем Алкоране есть много мелочей, которые всегда кажутся мне именно мелочами, хотя они очень выигрывают благодаря силе и живости выражения. Казалось бы, боговдохновенные книги заключают в себе не что иное, как божественные мысли, изложенные человеческим языком. А между тем в нашем Алкоране то и дело находишь божеский язык, а мысли человеческие, как будто по какой-то удивительной прихоти бог диктовал слова, а человек поставлял мысли.

Ты скажешь, пожалуй, что я слишком вольно рассуждаю о том, чту есть у нас самого святого; подумаешь, что это плод независимости, какою отличаются люди здешней страны. Нет, — благодарение небу! — ум не развратил моего сердца, и, пока я жив, Али будет моим пророком,

Из Парижа, месяца Шахбана
15-го дня, 1716 года

ПИСЬМО XCVIII

УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Нет места на земле, где фортуна была бы столь непостоянна, как здесь. Каждые десять лет происходят здесь перевороты, которые повергают богача в нищету и на быстрых крыльях возносят нищего на вершины богатства. Один удивляется своей бедности, другой — своему изобилию. Новоявленный богач поражается мудрости провидения, бедняк — роковой слепоте судьбы.

Откупщики утопают в сокровищах; Танталов среди них сыщется немного. А между тем они принимаются за это ремесло, находясь в крайней нищете; пока они бедны, их презирают, как мразь; когда они богаты, им оказывают некоторое уважение; зато они ничем и не пренебрегают, чтобы приобрести его.

В настоящее время они в ужасном положении. Только что учреждена палата, названная палатой Справедливости, потому что она собирается лишить их всего имущества. Откупщики не могут ни перевести своего состояния на чужое имя, ни скрыть его, потому что их под страхом смертной казни обязывают подать о нем точные сведения. Таким образом, их прогоняют сквозь весьма узкое ущелье[117]: я хочу сказать — между жизнью и деньгами. В довершение бед есть тут министр[118], известный своим остроумием, который удостаивает их шуточками и балагурит над всеми постановлениями Государственного совета. Не каждый день встретишь министра, расположенного смешить народ, и нужно быть благодарными этому министру за то, что он взялся за такое дело.

Сословие лакеев уважается во Франции больше чем где бы то ни было: это питомник вельмож; он заполняет пустоту в других сословиях. Принадлежащие к лакейскому сословию люди занимают места вельмож-несчастливцев, разорившихся чиновников, дворян, убитых на кровопролитной войне. А если они не могут заполнить пробелы лично, они спасают знатные семьи с помощью своих дочерей, приданое коих является чем-то вроде навоза, удобряющего гористые и безводные земли.

Я нахожу, Иббен, что провидение превосходно распределило богатства: если бы оно даровало их только хорошим людям, то трудно было бы отличить добродетель от богатства и почувствовать все ничтожество денег. Но когда видишь, чту за люди в избытке наделены богатством, начинаешь так презирать богачей, что в конце концов становится для тебя презренным и само богатство.

Из Парижа, месяца Махаррама 26-го дня, 1716 года

ПИСЬМО XCIX

РИМА К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Я несказанно дивлюсь причудам французской моды. Парижане уже забыли, как одевались этим летом, и совсем не знают, как будут одеваться зимой. И прямо-таки невозможно представить себе, во что обходится человеку одеть жену по моде.

Что толку точно описывать тебе их наряды и украшения? Новая мода сведет на нет все мои старания, как сводит на нет работу всех поставщиков, и все переменится прежде, чем ты получишь мое письмо.

Если женщина уедет на полгода из Парижа в деревню, она вернется оттуда настолько отставшей от моды, как если бы прожила там тридцать лет. Сын не узнаёт своей матери на портрете: таким странным кажется ему платье, в котором она изображена; ему кажется, будто это какая-то американка или что художнику просто вздумалось пофантазировать.

Иногда прически мало-помалу становятся всё выше и выше, как вдруг какой-то переворот превращает их в совсем низкие. Было время, когда прически достигали такой огромной вышины, что лицо женщины приходилось посередине ее особы. Другой раз на середине оказывались ноги: каблуки превращались в пьедестал, поддерживавший их в воздухе. Кто поверит, что архитекторам не раз приходилось повышать, понижать или расширять двери в зависимости от требований дамских причесок, и правилам строительного искусства приходилось подчиняться этим

капризам; иной раз видишь на чьем-нибудь лице неимоверное количество мушек, а на другой день все они уже исчезают. Прежде у женщин были тонкие талии и острые язычки, — теперь об этом нет и помину. У столь переменчивой нации, что ни говори насмешники, дочери сложены иначе, чем матери.

С манерами и образом жизни дело обстоит так же, как с модами: французы меняют нравы сообразно с возрастом их короля. Монарх мог бы даже, если бы захотел, привить народу серьезность. Государь придает свой характер двору, двор — столице, столица — провинции. Душа властелина — форма, по которой отливаются все другие.

Из Парижа, месяца Сафара
8-го дня, 1717 года

ПИСЬМО С
РИКА, К НЕМУ ЖЕ

Я писал тебе недавно о поразительном непостоянстве французов в вопросах моды. Вместе с тем просто непостижимо, до какой степени они на ней помешаны; они все к ней сводят, мода является мерилом, исходя из которого они судят о том, что делается у других народов: все иностранное кажется им смешным. Право, их пристрастие к своим обычаям никак не вяжется с тем непостоянством, с каким они меняют эти обычаи чуть ли не каждый день.

Говоря, что они презирают все иностранное, я имею в виду лишь пустяки, ибо когда дело касается вещей важных, они, повидимому, так мало себе доверяют, что дошли до полного унижения. Они охотно признают, что другие народы мудрее, лишь бы все признавали, что французы одеты лучше всех. Они согласны подчиниться законам соперничающей с ними нации, но при условии, что французские парикмахеры будут всюду законодателями по части париков. Они в полном восторге от того, что вкусы их поваров царят от севера до юга и что предписания их камеристок распространяются на будуары всей Европы.

При таких благородных преимуществах какое им дело до того, что здравый смысл приходит к ним со стороны и что они заимствовали у соседей все, что относится к политическому и гражданскому управлению?

Кто бы мог подумать, что самое древнее и самое могущественное королевство в Европе вот уже более десяти столетий управляется законами, созданными вовсе не для него?[119] Если бы французы были кем-нибудь завоеваны, понять это было бы нетрудно, но ведь они сами завоеватели!

Они отреклись от древних законов, составленных их первыми королями на всенародных собраниях, и, что особенно странно, приняли взамен римские законы, которые были частью написаны, частью кодифицированы императорами, жившими одновременно с их собственными законодателями.

А чтобы заимствование было полным, чтобы всякий здравый смысл пришел к ним извне, они приняли и все папские установления и сделали из них новый отдел своего права: еще новый вид рабства.

Правда, за последнее время составлено несколько городских и земских уложений; но почти все они заимствованы из римского права.

Законов заимствованных и, так сказать, получивших право гражданства такое множество, что оно в равной мере подавляет и правосудие и судей. Но все эти томы законов еще ничто в сравнении с неисчислимыми полчищами толкователей, комментаторов, компиляторов — людей, настолько же беспомощных по их умственным способностям, насколько они сильны своей поразительной многочисленностью.

Это еще не всё. Чужие законы ввели всевозможные формальности, крайности которых — срам для человеческого разума. Трудно решить, где формализм более опасен: в юриспруденции или в медицине; где он натворил больше опустошений — под мантией ли юриста, или под широкополой шляпой врача, и разорил ли он больше людей с помощью юриспруденции, чем убил их при посредстве медицины.

Из Парижа, месяца Сафари,
12-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CI
УЗБЕК К ***

Здесь все говорят о Конституции[120]. На днях я зашел в один дом и прежде всего увидел какого-то румяного толстяка[121], говорившего громким голосом: «Я подал докладную записку; не стану отвечать на всё, что вы сказали; прочтите эту записку, и увидите, что я разрешил все ваши сомнения. Я изрядно попотел над ней, — добавил он, проводя рукою по лбу, — мне пришлось пустить в ход всю свою ученость и перечитать уйму римских авторов». — «Еще бы! — вставил другой гость, — ведь это — прекрасное произведение, и я сомневаюсь, чтобы тот иезуит, который так часто у вас бывает, мог бы написать лучше». — «Прочтите же, — сказал первый, — и вы в четверть часа лучше ознакомитесь с этим предметом, чем если бы я целый день говорил вам о нем». Вот как избегал он вступить в разговор и подвергнуть испытанию свою самоуверенность. Но его все-таки прижали к стене, и волей-неволей ему пришлось заговорить; тут он начал выкладывать всякие богословские глупости, причем его поддерживал какой-то дервиш, весьма почтительно ему поддакивая. Когда двое из присутствовавших отвергали какой-нибудь его довод, он прежде всего говорил: «Это не подлежит никакому сомнению: мы так решили, а мы — судьи непогрешимые». — «Позвольте, — сказал я тогда, — а почему, собственно говоря, вы непогрешимы?» — «Да разве вы не видите, — возразил он, — что нас просвещает святой дух?» — «Вот это хорошо, — ответил я ему, — ведь по всему, что вы сегодня говорили, видно, что вы весьма нуждаетесь в просвещении».

Из Парижа, месяца Ребиаба 1,
18-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CII
УЗБЕК К ИББЕНУ В СМИРНУ

Самые могущественные государства Европы — это государства императора и королей французского, испанского

и английского. Италия и большая часть Германии раздроблены на бесчисленное множество мелких государств, правители которых, по правде говоря, мученики власти. У наших славных султанов больше жен, чем у некоторых из этих государей — подданных. Особенно достойны сочувствия итальянские князья, которые еще меньше связаны между собою: их государства, как караван-сараи, открыты для всех, и они обязаны давать у себя приют первому попавшемуся; поэтому итальянским князьям приходится искать покровительства у крупных государей и делиться с ними скорее своими опасениями, чем дружбой.

Бóльшая часть европейских правительств монархические, или, вернее, они так называются, ибо я сомневаюсь, существовали ли когда-нибудь действительно монархические правительства; во всяком случае, трудно допустить, чтобы они могли долго пребывать в чистом виде. Это форма правления насильственная, и она скоро перерождается либо в деспотию, либо в республику: власть никогда не может быть поровну разделена между народом и государем; равновесие трудно сохранять: власть неизбежно уменьшается с одной стороны и соответственно увеличивается — с другой; но преимущество обычно бывает на стороне государя, ибо он стоит во главе армии.

И действительно, власть европейских королей очень велика, можно даже сказать, что они обладают ею в той степени, в какой сами хотят. Но они не пользуются ею так широко, как наши султаны, — во-первых, потому, что не хотят затрагивать нравов и религии народов, а во-вторых, потому, что им невыгодно простирать ее столь далеко.

Ничто не приближает так наших повелителей к их подданным, как осуществляемая ими огромная власть; ничто так не подвергает их переворотам и превратностям судьбы.

Их обыкновение сразу же предавать смерти всякого, кто им не угоден, нарушает равновесие, которое должно быть между преступлением и наказанием и которое является как бы душою государств и гармонией империй; это равновесие, тщательно соблюдаемое христианскими государями, дает им безграничное преимущество перед нашими султанами.

Персиянин, по неосторожности или по несчастной случайности навлекший на себя гнев государя, уверен, что его постигнет смерть: малейшая его ошибка или прихоть повелителя неизбежно влекут за собою такой исход. А если персиянин покусится на жизнь своего государя или предаст врагам его крепости, он точно так же лишится жизни: следовательно, в этом последнем случае он подвергается не большему риску, чем в первом.

Поэтому при малейшей немилости, предвидя неизбежность смерти и зная, что хуже ничего быть не может, персиянин естественно начинает заводить смуту в государстве и составлять заговор против монарха: это единственное средство, которое ему остается.

Иначе обстоит дело с европейскими вельможами, которых немилость государя лишает только его благосклонности и расположения. Они удаляются от двора и помышляют лишь о том, чтобы наслаждаться спокойной жизнью и преимуществами своего происхождения. Их казнят только за оскорбление величества, поэтому они стараются воздержаться от этого преступления, принимая во внимание, как много они при этом потеряют и как мало выиграют. Оттого возмущения здесь редки, и мало государей погибает насильственной смертью.

Если бы при той неограниченной власти, какою обладают наши правители, они не принимали стольких предосторожностей, чтобы обезопасить свою жизнь, они и дня бы не прожили, а если бы они не держали на жалованье бесчисленного количества солдат, чтобы тиранствовать над остальными подданными, власть их не продержалась бы и месяца.

Только четыре-пять веков тому назад французский король[122] завел себе, вопреки тогдашним обычаям, телохранителей, чтобы уберечься от убийц, подосланных к нему незначительным азиатским государем[123]: до тех пор короли жили спокойно среди своих подданных, как отцы среди детей.

Французские короли не только не могут по собственному произволу лишать жизни кого-либо из своих подданных, как наши султаны, но, наоборот, они всегда несут с собою милость для преступников. Если человеку посчастливится

увидеть августейшее лицо государя, этого достаточно, чтобы он перестал быть недостойным жизни. Эти монархи подобны солнцу, всюду несущему тепло и жизнь.

Из Парижа, месяца Ребиаба 2, 8-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CIII

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Чтобы продолжить то, о чем я писал последний раз, расскажу тебе приблизительно, что́ говорил мне на днях один довольно здравомыслящий европеец:

«Самое худшее, что только могли выдумать азиатские государи, это прятаться, как они это делают. Они хотят внушить большее к себе уважение, но на деле внушают уважение лишь к королевскому сану, а не к самому королю, и привязанность подданных относится к трону, а не к определенному лицу, его занимающему.

Невидимая власть, управляющая народом, остается для него всегда одной и той же. Хотя бы целых десять известных ему только по имени государей перерезали друг друга, народ не почувствует ни малейшей разницы, — все равно как если бы им последовательно управляли десять духов.

Если бы гнусный убийца нашего великого короля Генриха IV[124] направил свой удар вместо него на какого-нибудь индийского царя и овладел королевской печатью и несметными сокровищами, как будто именно для него накопленными, он мог бы спокойно взять в свои руки бразды правления, и никто из подданных и не подумал бы возмущаться судьбой короля, его семьи и детей.

Люди удивляются: отчего это никогда не происходит изменений в правлении восточных государей? Да оттого, что управление их тиранично и жестоко.

Изменения могут быть произведены либо государем, либо народом. Но там государи избегают что-либо менять, так как, обладая столь великой властью, они располагают всем, что только можно; если бы они изменили что-либо, то это могло бы нанести им только ущерб.

Что касается подданных, то, если кто-нибудь из них и примет какое-нибудь решение относительно государственных дел, выполнить его он не сможет, так как тогда ему нужно было бы что-то противопоставить страшной и всегда единой власти; для этого у него нет ни времени, ни средств. Зато стоит ему лишь добраться до источника этой власти, и тогда ему достаточно одной руки и одного мгновения. Убийца восходит на престол, в то время как монарх сходит с него, падает и испускает дух у ног бунтовщика.

В Европе недовольные думают, как бы завести какие-нибудь тайные сношения, обратиться к неприятелю, захватить какую-нибудь крепость, возбудить ропот среди подданных. В Азии недовольный идет прямо к государю, захватывает его врасплох, наносит удар и низвергает; он истребляет даже самую мысль о нем; в одно и то же мгновение он раб и господин, в одно и то же мгновение — узурпатор и законный монарх.

Несчастен такой государь, ибо у него только одна голова на плечах! Он словно лишь для того сосредоточивает на ней все свое могущество, чтобы указать первому попавшемуся честолюбцу, где найти это могущество все целиком».

Из Парижа, месяца Ребиаба 2,
17-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CIV

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Не все европейские народы одинаково подчиняются своим государям: например, нетерпеливый нрав англичан никогда не дает их королю возможности упрочить свою власть; покорность и повиновение — добродетели, на которые они притязают меньше всего. На сей счет они высказывают самые диковинные суждения. По их мнению, одна только связь может соединять людей, а именно благодарность: муж, жена, отец и сын связаны между собою только любовью, которую они питают друг к другу, или благодеяниями, которые они друг другу оказывают; и раз-

личные поводы для признательности являются источником возникновения всех государств и всех обществ.

Но если государь, вместо того чтобы обеспечить подданным счастливую жизнь, вздумает их угнетать или истреблять, повод к повиновению прекращается: подданных ничто больше не соединяет с государем, ничто не привязывает к нему, и они возвращаются к своей естественной свободе. Англичане утверждают, что неограниченная власть не может быть законной, потому что происхождение ее ни в каком случае не могло быть законным. Ибо мы не можем, говорят они, дать другому больше власти над нами, чем сколько имеем ее сами. А ведь у нас нет над собою неограниченной власти: мы не можем, например, лишать себя жизни. Стало быть, заключают они, никто на земле не имеет такой власти.

По понятиям англичан, оскорбление величества есть не что иное, как преступление, совершаемое более слабым против более сильного и выражающееся в неповиновении этому последнему, в чем бы оно ни заключалось. Поэтому английский народ, оказавшись сильнее одного из своих королей[125], объявил, что государь, начавший войну против своего народа, повинен в оскорблении величества. Следовательно, они вполне правы, когда говорят, что им нетрудно следовать предписанию их Алкорана, повелевающего им повиноваться властям, так как и невозможно этому предписанию не подчиняться; тем паче что их обязывают повиноваться не наиболее добродетельному, а наиболее сильному.

Англичане рассказывают, что один из их королей, победив и взяв в плен государя, который оспаривал у него корону, вздумал упрекать его за неверность и измену. «Да ведь всего только мгновение тому назад, — ответил ему незадачливый государь, — выяснилось, кто из нас двоих изменник».

Узурпатор объявляет мятежниками всех, кто не угнетал Отечество подобно ему, и, думая, что нет закона там, где не видно судей, приказывает почитать, как веления неба, прихоти случайности и фортуны.

Из Парижа, месяца Ребиаба 2,
20-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CV

РЕДИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

В одном из писем ты много говорил мне о науках и искусствах, процветающих на Западе. Считай меня варваром, но я не уверен, что извлекаемая из них польза искупает то дурное употребление, которое ежедневно из них делается.

Я слышал, что уже одно только изобретение бомб отняло свободу у всех народов Европы. Государи, не имея больше возможности доверить защиту укреплений горожанам, которые сдались бы после первой же бомбы, получили предлог для содержания больших постоянных армий, с помощью которых начали притеснять подданных.

Ты знаешь, что с тех пор как изобретен порох, нет больше неприступных крепостей; иными словами, Узбек, нет больше на земле убежища от несправедливости и насилий.

Я содрогаюсь при мысли, что в конце концов откроют какой-нибудь секрет, при помощи которого станет еще легче уничтожать людей и истреблять целые народы.

Ты читал историков; обрати внимание: почти все государства держались только невежеством и разрушались лишь потому, что процветание искусств достигало в них слишком высокой степени. В этом отношении наша древняя персидская империя может служить красноречивым примером.

Я в Европе недавно, но слышал от осведомленных людей об опустошениях, которые причиняет химия. По-видимому, она является четвертым бичом, разоряющим людей и уничтожающим их понемногу, но беспрестанно, в то время как война, моровая язва, голод уничтожают их во множестве, зато с перерывами.

К чему послужило нам изобретение компаса и открытие множества новых племен, как не к тому, что к нам перешли от них не столько их богатства, сколько болезни? По общему соглашению[126], золото и серебро должны были определять стоимость любых товаров и служить залогом их ценности, так как эти металлы были редки и не годи-

лись для какого бы то ни было иного употребления. Зачем же нужно было, чтобы они стали менее редки и чтобы для обозначения стоимости какой-нибудь снеди у нас было два-три денежных знака вместо одного? От этого произошло только неудобство.

С другой стороны, обнаружение золота стало крайне пагубным для вновь открытых стран. Целые народы были истреблены, а люди, избежавшие смерти, попали в такое жестокое рабство, что мусульман приводит в содрогание один только рассказ о них.

Блаженно невежество детей Магомета! Милая простота, столь любезная нашему пророку, ты всегда напоминаешь мне простодушие первобытных времен и спокойствие, царившее в сердцах наших праотцев.

Из Венеции, месяца Рамазана 5-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CVI

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Или ты совсем не думаешь того, что говоришь, или поступаешь лучше, чем думаешь. Ты оставил отечество, чтобы учиться, а презираешь всякую науку; ты приехал получать образование в страну, где насаждаются искусства, а считаешь их пагубными. Сказать тебе правду, Реди? Я больше согласен с тобою, чем ты сам.

Подумал ли ты о том варварском и жалком состоянии, в которое повергла бы нас утрата искусств?[127] Нет необходимости представлять себе это: это можно видеть воочию. Еще существуют на Земле народы, среди которых какая-нибудь сносно вышколенная обезьяна могла бы жить с честью. Она была бы почти на одном уровне с прочими обитателями; никто не находил бы ее образ мыслей странным, а характер причудливым; жила бы она, как все другие, да еще чего доброго выделялась бы миловидностью.

Ты говоришь, что почти все основатели империй не знали искусств. Не буду отрицать: варварские народы разливались по земле, как неукротимые потоки, и заполонили своими свирепыми армиями самые благоустроенные го-

сударства, но не упускай из виду, что они научились искусствам или приучали к ним покоренные народы; иначе их власть исчезла бы, как гул грома и бурь.

Ты говоришь, что боишься, как бы не изобрели какого-нибудь еще более жестокого, чем теперешний, способа истребления. Нет. Если бы обнаружилось такое роковое открытие, оно вскоре было бы запрещено человеческим правом и по единодушному соглашению народов было бы похоронено. Отнюдь не в интересах государей добиваться завоеваний такими путями: они должны искать подданных, а не пространства.

Ты жалуешься на изобретение пороха и бомб, находишь странным, что нет больше неприступных крепостей, иными словами, ты находишь странным, что в наше время войны кончаются скорее, чем прежде.

Читая исторические сочинения, ты не мог не заметить, что со времени изобретения пороха сражения сделались гораздо менее кровопролитными, чем бывали раньше, потому что теперь почти не бывает рукопашных схваток.

И если бы оказалось, что «данное искусство в каком-нибудь отдельном случае привело к предосудительным последствиям, то следует ли из-за этого его отвергнуть? Или ты думаешь, Реди, что религия, принесенная с неба нашим пророком, пагубна потому, что ей предназначено в один прекрасный день пристыдить и покорить вероломных христиан?

Ты считаешь, что искусства расслабляют народы и поэтому влекут за собою падение империй. Ты говоришь о крушении империи древних персов, явившемся следствием их изнеженности. Но этот пример ровно ничего не доказывает, потому что неоднократно побеждавшие и подчинившие их себе греки с гораздо бо́льшим рвением развивали искусства, чем они.

Когда говорят, что искусства изнеживают людей, то во всяком случае не имеют в виду тех, кто ими занимается, потому что люди эти никогда не бывают праздными, а праздность больше всех пороков ослабляет мужество.

Следовательно, речь идет только о тех, кто пользуется искусствами. Но так как в благоустроенном государстве люди, наслаждающиеся радостями, которые доставляют-

ся каким-нибудь искусством, обязаны и сами заниматься каким-нибудь искусством, чтобы не впасть в постыдную нищету, то из этого следует, что праздность и изнеженность с искусствами несовместимы.

Париж, пожалуй, самый чувственный город на свете, город, где удовольствия всего утонченнее, но в то же время в нем, пожалуй, и живется тяжелее. Чтобы один человек жил наслаждаясь, нужно, чтобы сотня других работала не покладая рук. Какая-нибудь женщина вобьет себе в голову, что ей необходимо появиться на балу в определенном наряде, и с этой минуты пятьдесят ремесленников перестанут спать, и у них не будет времени даже попить и поесть: она повелевает, и ей повинуются куда проворнее, чем даже нашему монарху, ибо выгода — величайший монарх на земле.

Этим пылом к работе, этой страстью к обогащению охвачены все общественные слои, от ремесленников до вельмож. Никто не хочет быть беднее человека, стоящего непосредственно ниже его. В Париже встречаются люди, у которых средств хватит, чтобы прожить до самого Страшного суда, а они, не боясь сократить свои дни, беспрерывно трудятся, чтобы, по их словам, было на что жить.

Весь народ охвачен этим духом: всюду видишь труд и изворотливость. Где же то изнеженное население, о котором ты столько говоришь?

Предположим, Реди, что в каком-нибудь королевстве допускаются только такие искусства, которые совершенно необходимы для обработки земли, — а таких искусств, между прочим, очень много, — все же прочие, которые служат только наслаждению и прихотям, изгнаны. Я утверждаю, что такое государство было бы одним из самых жалких в мире.

Если бы даже его подданные имели достаточно мужества, чтобы обходиться без столь большого количества вещей, необходимых для удовлетворения их потребностей, народ хирел бы с каждым днем, и государство настолько ослабело бы, что его могла бы завоевать любая незначительная держава.

Было бы легко распространиться на этот счет и доказать тебе, что в таком случае доходы частных лиц почти

совсем прекратились бы, а следовательно, прекратились бы и доходы монарха. Не было бы почти никакой связи между способностями граждан; кончился бы оборот капиталов и рост доходов, которые происходят от той зависимости, в какой находятся друг к другу искусства; каждый человек жил бы плодами своей земли и извлекал бы из нее ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. Но так как доходы с земли составляют иной раз только одну двадцатую общих доходов государства, то число жителей соответственно уменьшилось бы и осталась бы только двадцатая их часть.

Обрати внимание, каких размеров достигают доходы от промышленности. Капитал, вложенный в землю, приносит владельцу всего-навсего двадцатую часть своей стоимости, а художник, затратив красок на один пистоль, напишет картину, которая принесет ему пятьдесят пистолей. То же можно сказать о золотых дел мастерах, о мастерах, изготовляющих шерстяные или шелковые ткани, и обо всех вообще ремесленниках.

Из всего этого следует, Реди, что для того, чтобы какой-нибудь государь обладал могуществом, нужно, чтобы его подданные жили в довольстве, нужно, чтобы он стремился доставлять им всевозможные излишества с такой же заботливостью, как и предметы первой необходимости.

Из Парижа, месяца Шальвала
14-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CVII

ГИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Я видел юного Монарха[128]. Подданные весьма дорожат его жизнью, как и вся Европа, потому что смерть его могла бы привести к большим осложнениям. Но короли подобны богам, и пока они живы их следует считать бессмертными. У него величественное, но милое лицо: хорошее воспитание, по-видимому, идет рука об руку со счастливыми природными данными, и он *уже* сейчас подает надежду стать выдающимся государем.

Говорят, что характер западных монархов нельзя узнать до тех пор, пока они не пройдут через два великих испытания: любовницу и духовника. Вскоре эти две силы будут стараться овладеть умом короля, и из-за этого между ними возникнет упорная борьба, ибо при юном государе они всегда соперничают, а при старом — приходят к соглашению и объединяются[129]. При молодом государе дервишу выпадает нелегкая задача, так как сила короля — это слабость дервиша, зато любовница торжествует одинаково и над его слабостью и над силой.

Когда я приехал во Францию, покойным королем полновластно управляли женщины, а между тем, если принять во внимание его возраст, я думаю, что он нуждался в них меньше всех других моиархоз в мире. Однажды я слышал, как некая дама говорила: «Надо что-нибудь сделать для этого молодого полковника; храбрость его мне известна, поговорю о нем с министром». Другая говорила: «Удивительно, что этого молоденького аббата забыли: нужно, чтобы он стал епископом; он благородного происхождения, а за нравственность его я ручаюсь». Однако не думай, что дамы, державшие такие речи, были фаворитками государя: они, может быть, с ним и двух раз в жизни не беседовали, а поговорить с европейскими государями не так уж трудно. Но суть в том, что всякий имеющий какую-либо придворную должность, в Париже или в провинции, действует при помощи какой-нибудь женщины, через руки которой проходят все оказываемые им милости, а иногда и несправедливости. Все эти женщины тесно связаны между собою и составляют своего рода республику, граждане которой проявляют усиленную деятельность, постоянно друг другу помогают и оказывают взаимные услуги. Это как бы государство в государстве; и всякий, кто служит при дворе, в столице, или в провинции и видит, как действуют министры, чиновники, прелаты, но не знает, какие женщины ими управляют, похож на человека, который хоть и видит машину в действии, но не имеет понятия об ее двигателях.

Может быть, ты полагаешь, Иббен, что женщина решается стать любовницей министра, чтобы с ним спать? Ничуть не бывало! Она становится его любовницей для того,

чтобы каждое утро подносить ему пять-шесть прошений. Природное мягкосердечие этих особ выражается в том усердии, с каким они делают добро множеству несчастных, которые доставляют им взамен сотни тысяч ливров ежегодного дохода.

В Персии жалуются на то, что государством управляют две-три женщины. Гораздо хуже обстоит дело во Франции, где управляют женщины вообще и где они не только присваивают себе целиком всю власть, но и делят ее между собою по частям.

Из Парижа, в последний день месяца Шальвала, 1717 года

ПИСЬМО CVIII

УЗБЕК К ***

Существует род книг, совершенно неизвестный в Персии, зато, по-видимому, очень модный здесь: это журналы[130]. Чтение их потворствует лености: люди очень довольны, что в четверть часа могут пробежать тридцать томов.

В большинстве книг автор не успеет еще закончить обычных вступлений, как читатель уже оказывается при последнем издыхании: к самой сути, утопающей в целом море слов, читатель приступает уже полумертвым. Один писатель рассчитывает обессмертить свое имя с помощью книги форматом в двенадцатую долю листа, другой — в четвертую, третий, у кого более высокое призвание, метит на in-folio: следовательно, он должен елико возможно растянуть свою тему; он так и делает без милосердия, ни во что не ставя труд бедного читателя, который выбивается из сил, чтобы сократить то, что автор так старательно раздул.

Не знаю, в чем заслуга сочинителей такого рода книг: мне нетрудно было бы написать что-нибудь в этом роде, если бы я вздумал испортить себе здоровье и разорить книгопродавца.

Большой недостаток журналистов в том, что они говорят только о новых книгах, как будто истина всегда только в новизне. Мне кажется, что, пока не прочтешь всех старых книг, нет никаких оснований предпочитать им новые.

Но, взяв за правило рассуждать только о свежеиспеченных сочинениях, журналисты тем самым берут за правило писать чрезвычайно скучно. Они не смеют критиковать книги, из которых делают извлечения, хотя бы и имели полное к тому основание; и действительно, где же найдется человек, настолько смелый, чтобы наживать себе ежемесячно десять — двенадцать врагов?

Большинство авторов похоже на поэтов, которые безропотно вынесут целый град палочных ударов, но, будучи равнодушны к своим плечам, до такой степени неравнодушны к своим произведениям, что не выносят ни малейшей критики. Вот и приходится остерегаться, как бы не задеть у них столь чувствительную струнку; и журналисты хорошо это знают. Поэтому они поступают прямо наоборот. Они начинают с того, что хвалят тему сочинения — это первая пошлость; затем переходят к похвалам автору — похвалам вынужденным, потому что они имеют дело с людьми, у которых еще не прошел первый пыл и которые вполне готовы постоять за себя и разгромить дерзкого журналиста.

Из Парижа, месяца Зилькаде
5-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CIX

РИКА К ***

Парижский университет — старший сын французских королей и даже очень старый: ему больше девятисот лет; поэтому он иной раз заговаривается.

Мне рассказывали, что в прошлом веке у него произошла ужасная потасовка с несколькими учеными из-за буквы *q**, потому что он хотел, чтобы ее произносили как *k*. Спор разгорелся до того, что кое-кто лишился своего имущества. Парламенту пришлось вмешаться, чтобы положить конец распре: он торжественным постановлением разрешил подданным французского короля произносить эту букву, как им будет угодно. Любопытно было бы посмот-

* Он говорит о случае с Рамусом[131]. (*Прим. автора.*)

реть, как два наиболее почтенных учреждения Европы занимались решением судьбы одной буквы!

Мне кажется, дорогой ***, что го́ловы даже самых великих людей тупеют, когда они соберутся вместе, и что там, где больше всего мудрецов, меньше всего мудрости. Крупные учреждения всегда так привязываются к мелочам и пустым формальностям, что существенное отходит у них на второй план. Я слыхал, что когда некий арагонский король созвал съезд представителей Арагона и Каталонии*, то первые заседания ушли на то, чтобы решить, на каком языке будут вестись прения; спорили горячо, и представители чуть-чуть не разошлись, если бы кому-то не пришло в голову предложить следующий выход: запросы вносить на каталонском наречии, а ответы давать — на арагонском.

Из Парижа, месяца Зильхаже 25-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CX
РИКА К ***

Роль красивой женщины гораздо труднее, чем думают. Нет ничего значительнее того, что происходит по утрам за ее туалетом, когда она окружена горничными: иной главнокомандующий не больше раздумывает над тем, как расположить свой правый фланг или резервы, чем она ломает голову над тем, куда прилепить мушку, которая может оказаться не на месте, а ведь дама ждет от нее успеха или даже уверена в нем.

Сколько нужно усилий ума, сколько предусмотрительности, чтобы постоянно примирять интересы двух соперников; чтобы казаться посторонней для обоих, в то время как она принадлежит и тому и другому; чтобы служить посредницей во всех жалобах, к которым она сама же дает повод!

Сколько хлопот, чтобы распределять и устраивать всяческие развлечения и предупреждать всё, что может их расстроить!

---

* Это было в 1610 г. (*Прим. автора.*)

При всем этом главная трудность состоит не в том, чтобы развлекаться, а в том, чтобы казаться развлекающейся. Какую бы скуку вы светским дамам ни преподнесли, они вам ее простят, лишь бы со стороны казалось, что им весело.

Несколько дней тому назад я был приглашен на ужин, устроенный дамами за городом. По пути туда они без умолку твердили: «По крайней мере повеселимся как следует».

Но общество оказалось плохо подобранным, поэтому было довольно скучно. «Право же, мы славно веселимся, — сказала одна из дам, — во всем Париже не найдется сегодня компании веселее нашей». Когда скука стала совсем одолевать меня, другая дама меня потормошила и сказала: «Ну, разве мы не в чудесном настроении?» — «Еще бы, — отвечал я зевая, — я, кажется, помру со смеху». Тем не менее уныние торжествовало над всеми этими утверждениями, а что касается меня, то я всё зевал, пока не погрузился в беспробудный сон, положивший конец моему буйному веселью.

Из Парижа, месяца Махаррама 11-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXI

УЗБЕК К ***

Царствование покойного короля было так продолжительно, что под конец все забыли его начало. Теперь вошло в моду заниматься только событиями, имевшими место в эпоху его несовершеннолетия, и все заняты чтением мемуаров о том времени.

Вот речь, произнесенная одним из парижских генералов[132] на военном совете. Признаюсь, я в ней ничего не понял.

«Господа! Хотя наши войска были оттеснены с большими потерями, я думаю, что нам легко поправить эту неудачу. У меня совсем готовы шесть куплетов песенки, которую можно пустить в ход, и они, я уверен, восстановят равновесие. Я выбрал несколько звонких голосов, кото-

рые, вырываясь из здоровенных глоток, подбодрят народ. Куплеты положены на мелодию, которая до сих пор производила отменное впечатление.

Если этого будет недостаточно, мы выпустим гравюру с изображением повешенного Мазарини[133].

На наше счастье, он плохо говорит по-французски и так коверкает язык, что дела его не могут идти успешно. Мы не упускаем случая обращать внимание народа на его смешное произношение[134]. Недавно мы подметили у него такую грубую грамматическую ошибку, что над ней потешались на всех перекрестках.

Я надеюсь, что не пройдет и недели, как народ превратит имя Мазарини в нарицательное слово для обозначения всех животных вообще, и в том числе вьючных и упряжных.

С тех пор, как мы потерпели поражение, наши песенки так досаждают ему первородным грехом[135], что ему пришлось распустить всех своих пажей, чтобы не лишиться половины своих сторонников.

Возьмите же себя в руки, ободритесь и будьте уверены, что мы свистками прогоним его обратно за горы».

Из Парижа, месяца Шахбана 4-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXII

РЕДИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Пребывая в Европе, я читаю древних и новейших историков; я сравниваю все времена; я с удовольствием наблюдаю, как они, так сказать, проходят предо мною; меня особенно занимают те великие перемены, благодаря которым века так разнятся между собою, а земля преобразилась до неузнаваемости.

Может быть, ты не обратил внимания на одно обстоятельство, которое постоянно вызывает во мне удивление. Как это вышло, что мир так мало населен теперь[136] по сравнению с тем, каким он был когда-то? Как могла природа лишиться своего поразительного первобытного плодородия? Наступила ли уже ее старость? Началось ли ее увядание?

Я прожил в Италии больше года и видел вокруг себя одни лишь развалины столь славной когда-то древней страны. Хотя все живут там в городах, города эти совершенно пустынны и безлюдны: кажется, будто они все еще существуют только для того, чтобы отмечать местности, где стояли могучие города, о которых столько говорила история.

Есть люди, уверяющие, что в одном только древнем городе Риме некогда жило больше народу[137], чем в любом большом королевстве нынешней Европы. У некоторых римских граждан было по десять и даже по двадцать тысяч рабов, не считая тех, которые работали в их поместьях. А так как в Риме насчитывалось четыреста или пятьсот тысяч граждан, то рассудок просто отказывается установить число его жителей.

Некогда на Сицилии находились могущественные государства и многочисленные народы; впоследствии они исчезли, и теперь на этом острове не осталось ничего замечательного, кроме вулканов.

Греция так пустынна, что в ней не живет и сотая часть ее прежних обитателей.

Испания, когда-то столь населенная, представляет собою ныне только безлюдные пространства, а Франция — ничто по сравнению с той древней Галлией[138], о которой повествует Цезарь.

Северные страны сильно опустели, и там теперь уже далеко не то, что было прежде, когда приходилось выделять людей, точно пчелиные рои, для поисков новых мест поселения и высылать туда колонии и целые племена.

Польша и Европейская Турция теперь уже почти совсем обезлюдели.

В Америке не найдешь и пятидесятой части населения, которое некогда образовало там огромные государства.

Азия отнюдь не в лучшем состоянии. В той самой Малой Азии, где находилось столько могущественных государств и так много больших городов, теперь найдется их только два-три. Что касается Азии вообще, то та ее часть, которая находится под властью турок, населена не гуще Малой Азии, а если сравнить часть, подвластную нашим государям, с цветущим состоянием, в котором она была когда-то, то станет очевидно, что в ней осталась только очень

небольшая часть бесчисленного населения, жившего там во времена Ксеркса и Дария.

Что же касается мелких государств, расположенных вокруг этих больших империй, то они действительно пустынны: таковы царства Имеретинское, Черкесское и Гурийское. Их государи, при всей обширности своих владений, едва насчитывают тысяч пятьдесят подданных.

Египет находится не в меньшем упадке, чем другие страны.

Словом, мысленно обозревая Землю, я нахожу всюду полное оскудение, будто ее только что опустошили мороная язва и голод.

Африка всегда была мало исследована, и о ней нельзя говорить с такою же точностью, как о других частях света, но если обратить внимание только на известное во все времена средиземноморское ее побережье, станет ясно, что она дошла до крайней степени упадка по сравнению с тем, чем она была под властью карфагенян и римлян. В наши дни государства, расположенные по этому побережью, самые слабые на свете.

Произведя подсчет с наибольшей точностью, какая только возможна в таких вопросах, я пришел к выводу, что теперь на земле осталась едва десятая часть людей, живших на ней в древности. И удивительно то, что ее население уменьшается с каждым днем; если так будет продолжаться, через десять столетий она превратится в пустыню.

Вот, любезный мой Узбек, самая страшная катастрофа, когда-либо случавшаяся в мире; но ее почти не ощутили, потому что она началась незаметно и совершалась в течение большого числа веков; это указывает на какой-то внутренний порок, на неведомый тайный яд, на изнурительную болезнь, снедающую человеческую природу.

Из Венеции, месяца Реджеба 10-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXIII
УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Мир, любезный Реди, отнюдь не неизменен. Это относится даже к небесам: астрономы воочию убеждаются в

происходящих там изменениях, которые являются вполне естественным следствием всеобщего движения материи.

Земля, как и прочие планеты, подчинена законам движения; она страждет внутри себя самой от постоянной борьбы ее собственных составных частей: море и материк ведут между собою вечную войну; с каждым мгновением возникают новые сочетания.

Живя на планете, столь подверженной изменениям, люди находятся в довольно неустойчивом положении: могут возникнуть сотни тысяч причин, способных уничтожить их и, тем более, увеличить или уменьшить их число.

Я уже не говорю о тех отдельных катастрофах, о которых так часто упоминают историки и которые разрушили целые города и королевства; случаются и всеобщие катаклизмы, не раз ставившие род людской на край гибели.

История полна рассказов о моровых язвах, неоднократно опустошавших вселенную. Она рассказывает, в частности, о язве, которая так свирепствовала, что до корней выжгла растения и дала себя знать по всему свету, вплоть до самой Китайской империи: будь яд чуть-чуть посильнее, весь род человеческий был бы, вероятно, изничтожен в один день.

Не прошло еще и двух столетий с тех пор, как постыднейшая из болезней распространилась по Европе, Азии и Африке; в самое короткое время она достигла удивительного распространения: если бы она продолжала развиваться с таким же неистовством, людям пришел бы конец. Удрученные с самого рождения всякими недугами, неспособные выносить тягость общественных обязанностей, они погибли бы самым жалким образом.

Что случилось бы, если бы яд был еще немного сильнее? И он стал бы сильнее, если бы, к счастью, не открыли могущественного лекарства[139]. Может быть, эта болезнь, поразив органы размножения, подорвала бы и самое размножение.

Но к чему говорить об истреблении, которому могло бы подвергнуться человечество? Ведь истребление и в действительности имело место. Ведь свел же потоп весь род людской к одной семье?

Некоторые философы различают два творения: творе-

ние вещей и творение человека. Они не могут постичь, что материя и сотворенные вещи насчитывают только шесть тысяч лет, что бог целую вечность медлил со своими трудами и лишь недавно осуществил свое творческое всемогущество. Потому ли это случилось, что он не мог, или потому, что он не хотел? Но если бы он не мог этого сделать в одно время, то не мог бы сделать и в другое. Значит, он не хотел. Но так как над богом не властна последовательность во времени, то, допустив, что однажды он чего-нибудь захотел, мы должны принять, что он хотел этого всегда и с самого начала.

Однако все историки говорят нам об одном родоначальнике. Они рассказывают о том, как зародилась человеческая природа. Философы предполагают, что Адам был так же спасен от какого-нибудь всеобщего бедствия, как Ной от потопа, и что со времени создания мира такие великие катаклизмы не раз случались на Земле.

Но не все разрушения бывают стихийны: мы видим, что во многих местах Земля как бы устает производить нужные для человека плоды. Почем знать, может быть, существуют общие, медленно действующие и неуловимые причины, изнурящие всю Землю?

Я рад, что мог изложить тебе эти общие мысли, прежде чем подробнее ответить на твое письмо об уменьшении народонаселения, случившемся за семнадцать — восемнадцать веков. В следующем письме я докажу тебе, что независимо от физических причин это было вызвано и причинами нравственными.

Из Парижа, месяца Шахбана 8-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXIV

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Ты ищешь причины, почему Земля населена меньше прежнего, но вглядись пристальнее, и ты увидишь, что эта великая перемена явилась следствием той, которая произошла в нравах.

С тех пор как христианская и магометанская религии поделили между собою римский мир, все очень перемени-

лось: обе эти религии далеко не в такой степени благоприятствуют размножению человеческого рода, как религия римлян — этих владык Вселенной.

Римская религия воспрещала многоженство и в этом отношении имела большое преимущество перед магометанской. Развод ею допускался; это давало ей не меньшее преимущество перед христианством.

Я не знаю ничего противоречивее, чем множество жен, разрешенное святым Алкораном, а с другой стороны содержащееся там же повеление удовлетворять их. «Блюдите ваших жен, — говорит пророк, — потому что вы нужны им, как одежда, и потому что они нужны вам, как ваша одежда». Вот наставление, принуждающее любого истинного мусульманина изрядно трудиться. Всякого, у кого есть четыре жены, установленные законом, и хотя бы столько же наложниц или рабынь, такое количество одежд не может не обременять!

«Ваши жены — пашни ваши, — говорит затем пророк. — Прильните к пашням вашим; творите благо вашим душам и некогда вы обрящете его».

Добрый мусульманин представляется мне атлетом, которому суждено бороться без передышки; но, скоро ослабев и согнувшись под бременем усталости, он чахнет на том самом поле, где одержал столько побед, и оказывается, так сказать, погребенным под собственными своими триумфами.

Природа всегда действует неторопливо и, если можно так выразиться, бережно: ее действия никогда не бывают насильственны, в ее произведениях всегда сказывается умеренность; она поступает всегда по правилам и соразмерно; если же ее понуждают, она скоро истощается и всю оставшуюся силу употребляет на самосохранение, совершенно теряя при этом производительную способность и творческую мощь.

В такое-то состояние упадка и приводит нас большое число женщин; оно способно скорее истощить нас, чем доставить удовлетворение. Весьма обычно встретить у нас в многолюдном серале человека, имеющего мало детей; и дети эти зачастую бывают хилыми и болезненными, на них сказывается расслабленность их отцов.

Это еще не все: для этих женщин, осужденных на принудительное воздержание, требуются надзиратели, а ими могут быть только евнухи; религия, ревность, да и разум не позволяют подпускать к женщинам других мужчин. Надзирателей должно быть много как для того, чтобы поддерживать порядок внутри сераля во время беспрестанных склок, которые происходят между женщинами, так и для предупреждения покушений извне. Значит, тому, у кого есть десять жен или наложниц, приходится держать столько же евнухов для надзора за ними. А какая потеря для общества это множество людей, мертвых с самого рождения! Какую убыль в населении должно это вызывать!

Девушки-рабыни, живущие в серале и вместе с евнухами обслуживающие это большое количество женщин, почти всегда доживают до старости в прискорбной девственности; пока они в серале, они не могут выйти замуж, а их госпожи, привыкнув к ним, почти никогда их не отпускают.

Вот так-то один человек ради своего удовольствия держит при себе столько людей обоего пола; для государства они мертвы и к продолжению рода непригодны.

Константинополь и Испагань — столицы двух величайших мировых империй: это средоточие всего, и туда со всех концов земли стекаются люди, привлекаемые самыми разнообразными приманками. Между тем оба эти города погибают сами собой и скоро бы исчезли, если бы государи почти каждое столетие не переселяли туда целые народы. В следующем письме я вернусь к этому предмету.

Из Парижа, месяца Шахбана 13-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXV

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

У римлян было рабов не меньше нашего; было даже больше, но римляне лучше ими пользовались.

Они не только не мешали размножению рабов, применяя насильственные меры, а, напротив, всячески поощряли их к этому, стараясь соединять их чем-то вроде брака. Таким способом римляне обеспечивали себя слугами мужс-

кого и женского пола разных возрастов, а государство — бесчисленным народом.

Дети, из которых со временем составлялось богатство их хозяина, рождались вокруг него в неисчислимом множестве. На нем одном лежала забота об их пропитании и воспитании: отцы, освобожденные от этой тяготы, следовали только влечению природы и размножались, не опасаясь обременить себя большой семьей.

Как я уже говорил, у нас рабы заняты только надзором за нашими женами и больше ничем; по отношению к государству они пребывают в состоянии постоянной спячки, так что занятия искусствами и земледелием ограничиваются небольшим кругом свободных людей и отцов семейства, которые, со своей стороны, стараются заниматься ими возможно меньше.

Не так было у римлян. Республика извлекала бесконечные выгоды из этого множества рабов. Каждый из них располагал личным имуществом, которым владел на условиях, поставленных господином; он работал с помощью собственных инструментов, занимаясь тем, к чему чувствовал способность. У одного был банк, другой вел заморскую торговлю, третий держал мелочную лавочку, четвертый занимался каким-нибудь ремеслом или арендовал землю и добивался повышения ее доходности, но не было такого, кто бы не старался изо всех сил увеличить свое достояние, приносившее ему довольство в его нынешнем подневольном положении и надежду на освобождение в будущем. Все это создавало трудолюбивый народ и поднимало искусства и промышленность.

Разбогатев своим трудом и хлопотами, рабы откупались на волю и становились гражданами. Республика постоянно обновлялась и принимала в свое лоно всё новые и новые семьи, по мере того как распадались старые.

Может быть, в последующих письмах мне представится случай доказать тебе, что чем больше население государства, тем больше процветает в нем торговля; так же легко я докажу, что чем больше процветает торговля, тем больше увеличивается и население: эти две вещи всегда взаимно помогают и споспешествуют друг другу.

А раз это так, то до какой же степени должно было увеличиваться и возрастать число этих всегда трудолюбивых рабов! Их порождали промышленность и изобилие, а они, с своей стороны, порождали изобилие и промышленность.

Из Парижа, месяца Шахбана 16-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXVI

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

До сих пор мы говорили только о магометанских странах и доискивались причины, почему они населены меньше тех, которые были подчинены римскому владычеству. Исследуем теперь, чем было вызвано такое же явление у христиан.

В языческой религии развод был разрешен, а христиане его запретили. Это изменение, казавшееся сначала несущественным, исподволь повлекло за собою такие ужасные последствия, что даже поверить трудно.

Этим не только отняли у брака всю его сладость, но подорвали и самую его основу; желая скрепить его узы, их ослабили и, вместо того чтобы, как рассчитывали, соединить сердца, их навсегда разлучили.

В дело, которое должно быть таким свободным и в котором сердце должно принимать столь большое участие, внесли стеснение, принуждение и даже роковую неизбежность судьбы. Сочли за ничто отвращение, своеволие, несходство характеров; вздумали сковать сердце, то есть то, что является самым изменчивым и непостоянным в природе; безвозвратно и безнадежно связали вместе людей, тяготящихся друг другом и зачастую не подходящих один к другому; поступили, как те тираны, которые приказывали связывать живых людей с мертвецами.

Ничто так не содействовало взаимной привязанности, как возможность развода[140]: мужу и жене легко было переносить тяготы домашней жизни, ибо они знали, что в их власти покончить с ними, и часто, имея всю жизнь эту возможность, они не пользовались ею только потому, что были вольны это сделать.

Иначе обстоит дело у христиан, которых настоящие их печали заставляют отчаиваться и в будущем; в невзгодах супружества они только и видят, что их продолжительность и, так сказать, вечность. Отсюда возникают отвращение, ссоры, неуважение, и от этого страдает потомство. Не проживут люди в браке и трех лет, как уже пренебрегают самым существенным в нем, и живут потом тридцать лет, относясь друг к другу с полным равнодушием; между мужем и женой создается внутренний разлад, столь же глубокий и, может быть, еще более пагубный, чем если бы он был гласным: каждый живет сам по себе, — и все это в ущерб будущим поколениям. Вскоре муж, которому опротивела связанная с ним навеки жена, обращается к женщинам легкого поведения — возникают отношения, постыдные и противообщественные, не соответствующие назначению брака и состоящие, самое большее, лишь в чувственных наслаждениях.

Если одно из двух связанных таким образом лиц неспособно к выполнению природного назначения и продолжению рода, по темпераменту ли, по возрасту ли, оно заживо хоронит с собою и другое, и делает его столь же бесполезным.

Следовательно, нечего и удивляться тому, что у христиан такое большое количество браков доставляет столь малое число граждан. Развод уничтожен; неудачные браки неисправимы; женщины не переходят последовательно, как это было у римлян, от одного мужа к другому, причем мужья извлекали из них по пути все лучшее.

Осмелюсь утверждать: если бы в такой республике, как Лакедемон, где граждан постоянно стесняли странные и хитроумные законы и где не было другой семьи, кроме самой республики, было бы установлено, чтобы ежегодно меняли жен, то от этого народилось бы бесчисленное количество детей.

Трудно объяснить причину, заставившую христиан отменить развод. У всех народов мира брак является договором, допускающим всевозможные условия, за исключением таких, которые могли бы ослабить самую его сущность. Христиане же не смотрят на брак с этой точки зрения, и потому им очень трудно сказать, что же он собою

представляет. Они не допускают, чтобы он заключался только в чувственных наслаждениях; напротив, как я уже тебе говорил, они как будто стараются исключить эти наслаждения, насколько только возможно; он у них лишь какой-то образ, символ, что-то странное, чего я не понимаю.

Из Парижа, месяца Шахбана 19-го дня, 1778 года

ПИСЬМО CXVII

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Запрещение развода — не единственная причина уменьшения населенности христианских стран. Не менее важно в этом отношении и то, что среди христиан есть много евнухов.

Я имею в виду священников и дервишей обоего пола, обрекающих себя на вечное воздержание: у христиан это считается высшей добродетелью, чего я просто не понимаю, ибо какая же это добродетель, раз она не дает никаких плодов?

Я нахожу, что их ученые впадают в явное противоречие, говоря, что брак свят, а противопоставляемое ему безбрачие еще святее, — не говоря уже о том, что в деле предписаний и догматов хорошее всегда бывает наилучшим. Поразительно число людей, превращающих безбрачие в профессию. В былое время отцы обрекали на него своих детей еще с колыбели; теперь дети сами обрекают себя с четырнадцати лет, что почти одно и то же.

Промысел безбрачия уничтожил больше людей, чем все моровые язвы и самые кровопролитные войны. В каждом монастыре видишь вечную семью, в которой никто не родится и которая существует за счет остальных семей. Монастыри зияют, точно бездны, где погребаются будущие поколения.

Такая политика весьма отличается от политики римлян, издававших суровые законы против тех, кто уклонялся от брака и стремился к наслаждению свободой, противной общественной пользе.

Я говорю здесь только о католических странах. Протестантская религия всем предоставляет право производить

на свет детей. Она не терпит ни священников, ни дервишей, и если бы при учреждении этой религии, все возвращающей к временам первобытного христианства, ее основателей не обвиняли беспрестанно в невоздержности, они несомненно, разрешив брак всем, еще смягчили бы его тягость и уничтожили бы все преграды, которые в этом отношении отделяют Назарея от Магомета.

Но как бы там ни было, религия протестантов дает им бесконечные преимущества перед католиками.

Смею утверждать, что при настоящем состоянии Европы католическая религия не просуществует и пятисот лет.

До ослабления могущества Испании католики были гораздо сильнее протестантов. Последним мало-помалу удалось достигнуть равновесия. Протестанты день ото дня будут становиться богаче и могущественнее, а католики — ослабевать.

Протестантские страны должны быть населеннее католических, и это действительно так и есть. Отсюда следует: во-первых, что налоги там значительнее, так как они увеличиваются соответственно числу плательщиков; во-вторых, что земли там лучше обрабатываются; наконец, что и торговля процветает сильнее, потому что там больше людей, которым нужно разбогатеть, и, при большем количестве потребностей, больше средств для их удовлетворения. Когда в стране численность населения достаточна только для земледелия, торговля неизбежно погибает, а когда людей лишь столько, сколько нужно для поддержания торговли, страдает земледелие; иными словами одновременно приходят в упадок оба, потому что населению приходится заниматься одним в ущерб другому.

Что касается стран католических, то не только земледелие в них заброшено, но и образованность стоит на краю гибели: она заключается только в том, чтобы научиться пяти-шести словам какого-нибудь мертвого языка. Когда человек запасется этим, ему нет больше нужды беспокоиться о своем благосостоянии; он находит в монастыре безмятежную жизнь, которая в миру стоила бы ему немало усилий и трудов.

Это еще не всё. Дервиши держат в своих руках почти все богатства государства: это скопище скряг, всегда бе-

рущих и никогда не отдающих; они беспрестанно накопляют доходы, чтобы сколотить капитал. Все эти богатства оказываются, если можно так выразиться, в параличе: нет больше оборотов, нет коммерции, нет ремесел и мануфактур.

Любой протестантский государь получает больше налогов со своих народов, чем получает их папа со своих подданных; тем не менее последние бедны, между тем как первые живут в полном довольстве. У одних все оживляет торговля, у других все умерщвляет монашество.

Из Парижа, месяца Шахбана
26-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXVIII
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Нам нечего больше сказать об Азии и Европе. Перейдем к Африке. Можно говорить только о ее берегах, потому что внутренние ее области не исследованы[141].

Варварийское побережье, где утвердилось магометанство, не населено уже так, как то было во времена римлян, по причинам, о которых я уже говорил. Что касается берегов Гвинеи, то они, вероятно, страшно опустошены вот уже лет двести, с тех пор как тамошние царьки или деревенские старшины стали продавать своих подданных европейским государям для отправки их в американские колонии.

А особенно удивительно, что Америка, ежегодно получающая столько новых обитателей, сама пустынна, и постоянная убыль африканского населения ничуть не идет ей впрок. Рабы, переселенные в иной климат, погибают там тысячами, а рудокопные работы, на которых применяется труд и туземцев и чужестранцев, вредные испарения, выделяющиеся из рудников, ртуть, к которой приходится все время прибегать, беспощадно их губят.

Нет ничего бессмысленнее, чем губить несчетное множество людей для того, чтобы извлекать из недр земли золото и серебро — металлы, сами по себе совершенно бес-

полезные и только потому представляющие ценность, что их избрали мерилом ценности.

Из Парижа, в последний день месяца Шахбана, 1718 года

ПИСЬМО CXIX

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Плодовитость народа зависит порою от самых незначительных обстоятельств, так что иной раз бывает достаточно какой-нибудь новой игры воображения, чтобы народ стал гораздо многочисленнее, чем был.

Евреи, которых постоянно истребляли, постоянно вновь возрождались, восстанавливая свои потери и разрушения единственно в силу надежды, теплящейся у них в каждой семье, — надежды на то, что родится у них могучий царь, который станет властелином Земли.

Древние персидские цари только потому и имели несметные тысячи подданных, что религия магов учила, что наиболее угодные богу людские дела — произвести на свет ребенка, возделать поле и посадить дерево.

Если в Китае так велико народонаселение, то это лишь следствие определенного воззрения: там дети относятся к отцам как к богам, воздают им божеские почести в этой жизни, а после смерти почитают, принося им жертвы, благодаря которым, как они верят, души усопших, уничтоженные в Тиене[142], воспринимают новую жизнь; поэтому каждый китаец стремится увеличить свою семью, столь покорную в этой жизни и столь полезную в будущей.

С другой стороны, государства магометанские с каждым днем становятся все безлюднее вследствие мнения, которое, как бы ни было оно свято, все же влечет за собою крайне гибельные последствия, если оно глубоко укоренилось в умах. Мы считаем себя путниками, которым надлежит помышлять только о другом отечестве: полезная и долговечная работа, забота об обеспечении будущности наших детей, замыслы, выходящие за пределы краткой и преходящей жизни, представляются нам чем-то нелепым. Равнодушные к настоящему, не беспокоясь о будущем,

мы не берем на себя труда ни поддерживать общественные здания, ни распахивать невозделанные земли, ни обрабатывать те, которые уже дают плоды; мы живем в полной бесчувственности и во всем полагаемся на провидение.

Дух тщеславия установил у европейцев несправедливое право старшинства, столь неблагоприятное для продолжения рода, ибо оно побуждает отца все внимание уделять только одному ребенку и отвлекает его от других, вынуждает его противиться благосостоянию нескольких детей, чтобы обеспечить благосостояние старшего, разрушает, наконец, гражданское равенство, на котором зиждется процветание общества.

Из Парижа, месяца Рамазана
4-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXX
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Страны, обитаемые дикарями, бывают обычно мало населенными вследствие того, что почти все дикари чуждаются земледелия. Это злополучное отвращение у них настолько сильно, что когда они проклинают своих врагов, то только того им и желают, чтобы те вынуждены были заниматься земледелием, ибо сами они считают, что только охота и рыболовство — занятия благородные и достойные человека.

Но так как выпадают годы, когда охота и рыболовство приносят очень мало, дикарям зачастую приходится голодать, не говоря уже о том, что нет стран, настолько богатых дичью и рыбой, чтобы они могли доставлять пропитание большому народу, ибо животные всегда уходят из густо населенных мест.

Кроме того, поселения дикарей, насчитывающие двести — триста душ и расположенные вдали друг от друга, причем их интересы так же различны, как интересы каких-нибудь двух империй, не в состоянии друг другу помогать, потому что не располагают возможностями больших государств, все части которых связаны одна с другой и взаимно друг друга поддерживают.

Есть у дикарей еще и другой обычай, не менее пагубный: это зверский обычай женщин вытравлять плод, чтобы не стать противными мужу во время беременности.

Здесь существуют насчет этого извращения страшные законы, доходящие до жестокости. Всякая девушка, не заявившая властям о своей беременности, наказывается смертью, если ее плод погибнет. Ни стыдливость, ни страх позора, ни несчастная случайность не служат ей оправданием.

Из Парижа, месяца Рамазана
9-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXI

УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Следствием колонизации обычно бывает ослабление стран, высылающих колонии[143], причем не заселяются и страны колонизуемые.

Людям следует оставаться на своих местах: существуют болезни, происходящие от перемены хорошего воздуха на дурной, и такие, которые вызываются просто переменой климата.

Воздух, как и растения, насыщен в каждой стране частицами ее почвы. Он до такой степени действует на нас, что им определяется наш темперамент. Перенесясь в другую страну, мы заболеваем. Так как жидкие элементы нашего организма привыкли к определенной консистенции, а твердые — к известному распорядку, то и тем, и другим свойственна определенная степень движения; иной они уже не выносят и всячески сопротивляются новым условиям.

Если страна безлюдна, то это является следствием какого-нибудь особого порока в свойствах почвы или климата. И когда в такую страну переселяют людей из благодатного климата, то поступают как раз обратно тому, чего намеревались достигнуть.

Римляне знали это по опыту: они отправляли всех преступников на Сардинию и туда же переселяли евреев. Приходилось мириться с их потерей, но римлянам это было

нетрудно ввиду презрения, которое они питали к этим несчастным.

Великий Шах-Аббас, стремясь лишить турок возможности содержать большие армии на границах, выселил почти всех армян из их страны и послал в провинцию Гилянь больше двадцати тысяч семейств, которые в короткое время почти все погибли.

Попытки переселять людей, делавшиеся в Константинополе, никогда не удавались.

Огромное количество негров, о которых мы говорили выше, нисколько не наполнило Америку[144].

Со времени истребления евреев при Адриане Палестина остается безлюдной.

Итак, следует признать, что великие избиения почти непоправимы, потому что народ, численность которого падает ниже известного уровня, прозябает потом в том же положении, а если он паче чаяния и возродится, то для этого нужны века.

Если же к состоянию упадка прибавится еще хотя бы малейшее из тех обстоятельств, о которых я тебе говорил, народ не только никогда не возродится, но будет чахнуть день ото дня и клониться к полному вымиранию.

Изгнание мавров из Испании и поныне дает себя знать, как и в первые дни: образовавшаяся пустота не только не заполняется, но все время растет.

Со времени опустошения Америки испанцам, занявшим место ее древних обитателей, так и не удалось вновь ее заселить: наоборот, благодаря какому-то року, который лучше бы назвать божественной справедливостью, истребители сами себя истребляют и изводятся с каждым днем.

Следовательно, государям отнюдь не следует надеяться заселить с помощью колоний большие пространства. Я не отрицаю, иной раз это удается: бывают такие счастливые в климатическом отношении места, что люди там неуклонно размножаются: свидетельством этому служат острова*, куда некоторые корабли высадили больных, а больные сразу же там выздоровели, и вскоре население островов разрослось.

---

* Узбек говорит, вероятно, об острове Бурбон[145]. (*Прим. автора.*)

Но даже если бы колонии преуспевали, то, вместо того чтобы увеличить могущество метрополии, они бы только его раздробили, за исключением тех случаев, когда колонии очень невелики по занимаемому ими пространству, как те, например, которые высылаются, чтобы занять какую-нибудь точку для торговли.

Карфагеняне, так же как и испанцы, открыли Америку, или по крайней мере большие острова, и вели там обширную торговлю. Но когда они заметили, что число обитателей Карфагена при этом уменьшается, мудрое правительство республики запретило своим подданным снаряжать суда для этой торговли.

Я осмеливаюсь утверждать, что, вместо того чтобы направлять в Индию испанцев, следовало бы переселить в Испанию индийцев и метисов; нужно было бы вернуть этому государству все его рассеянные повсюду народы, и если бы сохранилась только половина жителей его больших колоний, то Испания сделалась бы самой грозной державой в Европе.

Империи можно сравнить с деревом, слишком разросшиеся ветви которого высасывают весь сок из ствола и способны только бросать тень.

Пример испанцев и португальцев лучше всего может излечить государей от страсти к далеким завоеваниям.

Эти две нации, с непостижимой быстротой покорив необъятные государства и больше удивившись своим победам, чем побежденные — своему поражению, задумались о средствах к их сохранению и избрали для этого каждая свой путь.

Испанцы, не надеясь удержать побежденные народы в повиновении, решили истребить их и послать на их место из Испании верных людей. Ужасный план был выполнен с необыкновенной точностью. На глазах у всех народ, по численности равнявшийся всем народам Европы, вместе взятым, исчез с лица земли при появлении этих варваров, которые, открывая Индию, задавались, казалось, только целью показать, до каких пределов может быть доведена жестокость.

Благодаря такому варварству испанцы сохранили эту страну под своим владычеством. Суди по этому, насколь-

ко пагубны завоевания, раз они приводят к таким следствиям: ведь в конце концов это ужасное средство было единственным. Как бы иначе могли они удержать в повиновении столько миллионов людей? Как можно было вести гражданскую войну из такой дали? Что бы с ними сталось, если бы они дали этим народам время прийти в себя от удивления, вызванного появлением новых богов, и оправиться от страха перед их громовыми стрелами?

Что касается португальцев, то они избрали противоположный путь, — они не проявили жестокости. Зато вскоре их выгнали из всех открытых ими стран. Голландцы поддерживали восстание этих народов и воспользовались им.

Какой государь позавидует участи этих завоевателей? Кто пожелает делать завоевание при таких условиях? Одни тотчас же были прогнаны из завоеванных земель, другие превратили их в пустыню, да и собственную страну также.

Такова уж судьба героев — разоряться, покоряя страны, которые они сразу же теряют, или подчинять себе народы, которые сами же они потом вынуждены уничтожать; они напоминают безумца, разорявшегося на покупку статуй, которые он бросал в море, и зеркал, которые тут же разбивал.

Из Парижа, месяца Рамазана 18-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXII
УЗБЕК К НЕМУ ЖЕ

Мягкость управления удивительно способствует размножению человеческого рода. Все республики являются постоянным доказательством этого, особенно Швейцария и Голландия, — две самые плохие страны в Европе с точки зрения почвы, и тем не менее самые населенные.

Ничто так не привлекает иностранцев, как свобода и всегда сопутствующее ей богатство: первая привлекательна сама по себе, а потребности наши всегда влекут нас в богатые страны.

Люди размножаются в тех краях, где изобилие дает возможность прокормить детей, не уменьшая благосостояния отцов.

Само гражданское равенство, обычно влекущее за собою и равенство состояний, вносит изобилие и жизнь во все части политического тела и распространяет их всюду.

Иное дело в странах, подчиненных произволу: там государь, придворные и некоторое количество частных лиц владеют всеми богатствами, в то время как все остальные стонут, живя в крайней бедности.

Если человек находится в трудных обстоятельствах и предвидит, что дети у него будут еще беднее, он не женится, а если и женится, будет опасаться обзавестись слишком большим количеством детей, которые окончательно разорят его и сами опустятся ниже отца.

Я согласен, что простолюдин или крестьянин, раз уж он женился, станет размножаться независимо от того, богат ли он, или беден: такое соображение его не заботит, так как у него всегда есть что оставить в наследство детям, а именно — мотыка, и ничто не мешает ему слепо следовать велению природы.

Но к чему государству вся эта масса детей, томящихся в нищете? Почти все они погибают по мере того, как рождаются; в жизни их ожидают одни лишь горести: слабые и хилые, они умирают поодиночке от тысячи причин, а частые повальные болезни, вызываемые нищетой и дурной пищей, уносят их во множестве. Те же, кому удастся избежать смерти, даже в зрелом возрасте не входят в силу и чахнут всю жизнь.

Люди — как растения, которые плохо растут, если за ними нет хорошего ухода: у народов бедных порода мельчает, а иногда и вовсе вырождается.

Франция может служить великим примером всего этого. Во время прошлых войн страх быть зачисленным в ополчение вынуждал юношей жениться, и притом в очень нежном возрасте и находясь в бедности. От этих браков родилось много детей, которых тщетно было бы разыскивать во Франции, так как нищета, голод и болезни истребили их.

Так вот, если подобные вещи замечаются в таком благодатном климате, в таком благоустроенном королевстве, как Франция, то что же делается в других государствах?

Из Парижа, месяца Рамазана 23-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXIII

УЗБЕК К МУЛЛЕ МЕГЕМЕТУ-АЛИ, СТРАЖУ ТРЕХ ГРОБНИЦ, В КОМ

Какая нам польза от постов наших имамов и власяниц благочестивых мулл? Божья десница дважды поразила детей Закона: солнце затмилось и освещает, кажется, только их поражения; армии их собираются и рассыпаются, как прах.

Империя османлисов потрясена двумя величайшими неудачами, какие только приходилось ей испытывать. «Христианский муфтий[146] поддерживает ее с большим трудом. Великий визирь Германии[147] — бич божий, посланный, чтобы покарать отступников Омарова толка[148]; он несет им гнев небесный, вызванный их возмущением и вероломством.

Священный дух имамов! Ночи и дни оплакиваешь ты детей Пророка, совращенных с правого пути презренным Омаром; все твое существо возмущается при виде их несчастий; ты желаешь их обращения, а не гибели; ты хотел бы, чтобы слезы праведников соединили их под знаменем Али, чтобы они не были рассеяны по горам и пустыням, куда бежали они из страха перед неверными.

Из Парижа, месяца Шальвала 1-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXIV

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

В чем заключается причина неизмеримой щедрости государей, изливаемой ими на придворных?[149] Хотят ли они привязать их к себе? Придворные и так уж им преданы, насколько это возможно. А кроме того, если государи и привлекут к себе нескольких подданных, купив их, то тем самым они теряют бесконечное количество других, которых делают беднее.

Когда я думаю, в каком положении находятся монархи, постоянно окруженные алчными и ненасытными людь-

ми, я могу только пожалеть их, и жалею еще больше, если у них нет силы сопротивляться просьбам, всегда тягостным для тех, кто сам не просит ничего.

Всякий раз, как я слышу разговоры о монаршей щедрости, о милостях, о раздаваемых пенсиях, я предаюсь размышлениям: множество мыслей теснится в моем уме; мне кажется, будто я слышу объявление такого указа: «Ввиду того, что неутомимая отвага, с какою некоторые из наших подданных выпрашивали у нас пенсии, беспрестанно вызывала нашу королевскую щедрость, мы, наконец, снизошли ко множеству просьб, обращенных к нам и составлявших до сих пор главную заботу престола. Эти подданные обратили наше внимание на то, что ни разу, с самого восшествия нашего на трон, они не упустили случая присутствовать на наших утренних выходах, что мы всегда видели их на нашем пути, причем они стояли неподвижно, точно столбы, и изо всех сил вытягивались, чтобы поверх более высоких плеч взирать на наше величие. Мы получили много прошений даже от особ прекрасного пола, которые молили нас обратить внимание на то обстоятельство, что содержание их требует больших расходов; некоторые из них, весьма престарелые, даже просили нас, тряся головами, принять во внимание, что они служили украшением дворов наших предшественников, и что если военачальники, командовавшие армиями этих королей, своими воинскими подвигами сделали государство грозным для врагов, то и они не менее того прославили королевский двор своими происками. Посему, желая милостиво поступить с просителями и удовлетворить все их ходатайства, мы повелеваем нижеследующее:

Всякий земледелец, имеющий пятерых детей, должен ежедневно отделять одну пятую часть хлеба, который он им дает. Предлагаем отцам семейств отделять от каждого пайка совершенно одинаковое количество, по полной справедливости.

Строго воспрещаем всем тем, кто занимается возделыванием своих наследственных земель или сдает их другим лицам на правах аренды, производить там какие бы то ни было улучшения.

Повелеваем всем, кто промышляет низким ремесленным трудом и никогда не присутствовал при наших утренних выходах, отныне покупать одежду себе, своим женам и детям не чаще, чем раз в четыре года. Кроме того, строжайше запрещаем те маленькие пирушки, которые они имеют обыкновение устраивать у себя дома в дни больших праздников.

Нам стало известно, что большинство обывателей наших славных городов озабочено тем, как бы обеспечить и пристроить своих дочерей, ничем, кроме унылой и скучной скромности, не отличившихся перед нашим государством. Поэтому мы приказываем обывателям не выдавать дочерей замуж, пока они не достигнут предельного возраста, установленного указами, и пока отцы не будут вынуждены сделать это по необходимости. Запрещаем нашим должностным лицам заботиться о воспитании своих детей».

Из Парижа, месяца Шальвала 1-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXV
РИКА К ***

Во всех религиях возникают большие затруднения, когда приходится дать понятие о наслаждениях, предназначенных в будущей жизни тем, кто благонравно прожил жизнь земную. Грешников легко запугать длинной чередой угрожающих им наказаний, но неизвестно, что пообещать людям добродетельным. Кажется, наслаждения по самой природе своей всегда мимолетны; воображение с трудом представляет их себе иными.

Я читал такие описания рая, которые у всех здравомыслящих людей вызовут только желание отказаться от него: в одних описаниях блаженные тени без устали играют на флейтах, другие осуждают их на муку вечных прогулок, третьи, наконец, сулят, что праведники будут в небесных высотах грезить о земных любовницах, причем тут не принимается в соображение, что сто миллионов лет — срок достаточно долгий, чтобы отнять у них вкус к любовным треволнениям.

Припоминаю в связи с этим историю, слышанную мною от человека, который побывал в стране Великого Могола: из нее следует, что когда дело касается райских наслаждений, у индийских священников воображение не менее бесплодно, чем у других.

Женщина, у которой только что умер муж, торжественно явилась к градоправителю с просьбой разрешить ей сжечь себя на костре, но так как в странах, подвластных магометанам, стараются искоренить этот жестокий обычай, то правитель ей решительно отказал.

Убедившись, что просьбы ее бессильны, она пришла в страшную ярость. «Смотрите, как нас притесняют, — говорила она. — Не позволяют бедной женщине даже сжечь себя, когда ей хочется! Слыхано ли что-либо подобное? Сожгли же себя моя мать, тетка, сестры! А когда я стала просить разрешения у этого проклятого правителя, так он рассердился и стал орать, как полоумный».

В это время там случайно находился молодой бонза[150]. «Нечестивец, — обратился к нему градоправитель, — уж не ты ли внушил женщине это безумие?» — «Нет, — отвечал тот, — я даже никогда с ней не говорил. Но если она меня послушается, она принесет себя в жертву: этим она сделает угодное богу Браме и будет им щедро вознаграждена, ибо обретет на том свете своего мужа и вторично вступит с ним в брак». — «Что ты говоришь? — изумилась женщина. — Я обрету своего мужа? Ну, нет! не буду жечься. Он был ревнивец, придира и вдобавок так стар, что если бог Брама его слегка не подправил, то я ему наверняка не нужна. Сжечь себя ради него!.. Да я и кончика пальца не обожгу, чтобы вытащить его из ада. Двое старых бонз, которые подбивали меня на это, а сами отлично знали, как мы с мужем жили, поостереглись сказать мне всю правду. Если у бога Брамы нет для меня другого подарка, кроме этого, я отказываюсь от такого блаженства. Господин правитель, я принимаю магометанство! А ты, — сказала она, обращаясь к бонзе, — можешь, если хочешь, передать моему мужу, что я как нельзя лучше чувствую себя здесь».

Из Парижа, месяца Шальвала 2-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXVI

ГИКА К УЗБЕКУ В ***

Хотя и жду тебя сюда завтра, все же посылаю тебе письма, прибывшие из Испагани. Мне сообщают, что посол Великого Могола[151] получил приказание покинуть пределы королевства. Прибавляют также, что арестовали принца, дядю государя[152], на которого возложено было его воспитание: принца заключили в замок, где и держат под строгой стражей, лишив всех почестей. Участь его растрогала меня, мне его жаль.

Признаюсь тебе, Узбек, я не могу равнодушно видеть слез; я сострадаю всем несчастным, как будто только они одни — настоящие люди, и даже вельмож, к которым отношусь отрицательно, пока они в милости, я начинаю любить после их падения.

Действительно, на что им мое расположение, когда они процветают? Оно слишком приближается к равенству. Вельможи предпочитают уважение; оно не требует взаимности. Но стоит им пасть с высоты, и одно лишь наше сострадание будет напоминать им о ней.

Есть что-то простодушное и даже великое в словах одного государя, который, перед тем как отдаться в руки врагов, сказал плакавшим вокруг него придворным: «Я вижу по вашим слезам, что я все еще ваш король».

Из Парижа, месяца Шальвала
3-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CXXVII

РИКА К УЗБЕКУ В СМИРНУ

Ты тысячу раз слышал о знаменитом шведском короле[153]. Однажды он вел осаду крепости в королевстве, называемом Норвегией. В то время как он находился вдвоем с инженером в окопе, он получил пулю в голову, от чего и умер. Его первый министр[154] был немедленно арестован; собрались государственные штаты и приговорили его к отсечению головы.

Министра обвиняли в страшном преступлении: в том, что он оклеветал народ и лишил его королевского доверия, то есть в проступке, заслуживающем, по моему мнению, тысячи смертей.

В самом деле, если дурное дело — очернить в глазах государя ничтожнейшего из его подданных, то что же сказать, когда чернят целый народ и лишают его благоволения того лица, которое послано провидением, чтобы составить его счастье?

Мне бы хотелось, чтобы люди разговаривали с королями так, как ангелы говорят с нашим святым пророком.

Ты знаешь, что я поставил себе правилом держать непослушный язык на привязи во время священных пиршеств, когда царь царей сходит с самого величественного престола в мире, чтобы вступить в беседу со своими рабами. Никто никогда не слыхал, чтобы я проронил хоть единое слово, которое могло бы опорочить последнего из его подданных. Когда мне приходилось терять трезвость, я все же оставался честным человеком, и когда нашу верность таким образом подвергали испытанию, я рисковал своей жизнью, но добродетелью — никогда.

Не знаю, отчего это так бывает, но, как бы ни был суров государь, министр его почти всегда еще суровее; если государь совершает что-нибудь дурное, то почти всегда по чьему-либо наущению, так что честолюбие монархов никогда не бывает таким опасным, как душевная низость их советников. Но просто непостижимо, что человек, который только вчера стал министром, а завтра им, чего доброго, уже больше не будет, может в один миг сделаться врагом самому себе, своей семье, отечеству и потомкам тех, кого он собирается притеснять?

У государя есть страсти; министр им потакает. В эту сторону и направляет он свою министерскую деятельность: у него нет другой цели, да он другой и знать не хочет. Придворные развращают государя бесконечными восхвалениями, а министр для него еще опаснее своими льстивыми советами, планами, которые он ему подсказывает, и принципами, которые он ему внушает.

Из Парижа, месяца Сефара
25-го дня, 1719 год

ПИСЬМО CXXVIII

РИКА К УЗБЕКУ В ***

На днях я проходил с приятелем по Новому мосту. Он повстречал знакомого, о котором сказал мне, что это геометр. Да оно и так было видно, ибо человек этот был погружен в глубокое раздумье. Моему приятелю пришлось изрядно подергать его за рукав и потрясти, чтобы он спустился на землю: до такой степени он был занят какой-то кривой, которая мучила его, быть может, уже больше недели. Они наговорили друг другу уйму любезностей и обменялись свежими новостями. За этими разговорами они дошли до дверей кофейни, куда и я вошел вместе с ними.

Я заметил, что нашего геометра все встречают радушно, а официанты уделяют ему куда больше внимания, чем двум мушкетерам, сидящим в углу. Что касается его самого, то ему, по-видимому, приятно было там находиться: морщины у него немного разгладились, и он принялся шутить, словно не имел ни малейшего отношения к геометрии.

Однако его точный ум измерял все, что говорилось во время беседы. Он походил на того человека, который шпагою срезал в саду головки цветов, возвышавшиеся над другими: его, мученика точности, всякая острота оскорбляла, как слишком яркий свет раздражает слабое зрение. Он ко всему относился горячо, лишь бы оно было точно. Зато его разговор производил странное впечатление. В тот день он вернулся из деревни с человеком, который видел там великолепный замок и восхитительные сады; геометр же увидел только здание шестидесяти футов в длину и тридцати пяти в ширину, и рощицу площадью в десять арпанов. Ему бы хотелось, чтобы правила и перспектива были при этом соблюдены так, чтобы все аллеи были одинаковой ширины; для их планировки он дал бы непогрешимо точные указания. Ему там очень понравились часы необычного устройства, но он страшно рассердился на ученого, сидевшего рядом со мною, за то, что тот имел неосторожность спросить, не вавилонское ли они показывают время. Какой-то вестовщик заговорил о бомбардировке крепости Фуэнтарабии»[155], и геометр немедленно объяснил нам свойства линии, которую бомбы описывают в воздухе, и, придя от этого в восторг, совершенно не поин-

тересовался итогами самой бомбардировки. Кто-то пожаловался, что его прошлой зимою разорило наводнение. «Мне очень приятно слышать это, — сказал тогда геометр, — я вижу, что не ошибся в своем наблюдении и что осадков выпало по меньшей мере на два дюйма больше, чем в прошлом году».

Минуту спустя он ушел, и мы последовали за ним. Он шел довольно шибко, не глядя перед собою, и поэтому наткнулся на какого-то встречного. Они так крепко стукнулись друг об друга, что отлетели в разные стороны в соответствии с их скоростью и массой. Когда они несколько пришли в себя, встречный, поднеся руку ко лбу, сказал геометру: «Я очень рад, что вы меня толкнули, так как у меня есть для *вас* большая новость: только что вышел из печати мой Гораций». — «Как? — воскликнул геометр, — да ведь он издан уже две тысячи лет тому назад». — «Вы меня не поняли, — отвечал другой, — я выпустил в свет перевод этого древнего поэта: вот уже двадцать лет, как я занимаюсь переводами». — «Да что вы? — не унимался геометр. — Значит, вы уже двадцать лет не думаете, сударь? Вы говорите за других, а они за вас думают?» — «Милостивый государь! — сказал ученый, — разве вы не считаете, что я оказал большую услугу публике, сделав доступным чтение хороших писателей?» — «Я не совсем так говорю: я не меньше всякого другого почитаю высоких гениев, которых вы переряжаете, но вы-то сами никогда на них не будете похожи, ибо сколько бы ни переводили, вас-то переводить не станут. Переводы — все равно, что медные монеты, которые могут представлять собою ту же ценность, что и червонец, и даже имеют большее хождение в народе, но они всегда неполновесны и низкопробны. Вы говорите, что хотите оживить для нас этих прославленных мертвецов. Признаю: вы даете им тело, но жизни им вы не возвратите: не хватает духа, который оживил бы их. Почему бы вам не заняться поисками прекрасных истин, которые при помощи простого вычисления можно открывать хоть каждый день?»

После этого маленького совета они разошлись, видимо очень недовольные друг другом.

Из Парижа, в последний день месяца Реббиаба 2, 1719 года

ПИСЬМО CXXIX

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Большинство законодателей были людьми ограниченными, которые только случайно оказались во главе других и не считались ни с чем, кроме собственных предрассудков и бредней.

Кажется, будто они даже не сознавали величия и важности своего труда: они забавлялись тем, что сочиняли вздорные узаконения, и действительно угодили ими людям недалеким, зато уронили себя в глазах людей здравомыслящих.

Они пускались в бесполезные подробности, входили во всякие частности, а это свойственно умам узким, которые видят вещи только по частям и бессильны охватить их в целом.

Некоторые законодатели предпочитали пользоваться особым, а не общеупотребительным языком; для законодателя это явная нелепость. Как же соблюдать законы, когда их не знаешь?

Часто они без всякой надобности отменяли ранее установленные законы, то есть ввергали народ в беспорядки, неразлучные с переменами.

Правда, иногда бывает необходимо изменить те или иные законы вследствие некоторойпричудливости, свойственной скорее природе, чем человеческому уму. Но такие случаи редки, и если дело идет и этому, то за него следует браться крайне осмотрительно: нужно соблюдать при этом такую торжественность и принимать столько предосторожностей, чтобы народ пришел к заключению, что законы святы, раз требуется столько формальностей, чтобы их отменить.

Часто делали законы чересчур уж хитрыми и следовали при этом скорее отвлеченным идеям, чем естественной справедливости. Подобные законы вскоре оказывались слишком суровыми, и из чувства справедливости их считали нужным обходить, но такое лекарство представляло собою новую болезнь. Каковы бы ни были законы, их всегда должно соблюдать и считать их общественною совес-

тью, с которою совесть частных лиц должна постоянно сообразоваться.

Следует, однако, признать, что некоторые законодатели проявили мудрую проницательность: они дали отцам большую власть над детьми. Ничто так не облегчает правителей, ничто так не уменьшает количества преступлений, ничто, наконец, не содействует в такой мере спокойствию государства, ибо граждане воспитываются скорее нравами, чем законами.

Родительской властью люди злоупотребляют меньше, чем любой другой: это самый священный из всех авторитетов, единственный, который не зависит ни от каких условий и даже предшествует последним.

Замечено, что в тех странах, где отцам предоставлено широкое право награждать и наказывать, семьи бывают крепче; отцы — подобие творца вселенной, который, хотя и мог бы управлять людьми посредством одной лишь любви, не упускает возможности привязывать их к себе тем, что внушает им надежду и страх.

В заключение хочу обратить твое внимание на причудливость французского ума. Говорят, что французы заимствовали из римских законов много бесполезного и даже того хуже, но не заимствовали из них понятия об отцовской власти, установленной римлянами в качестве первейшей законной силы.

Из Парижа, месяца Джеммади 1, 4-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXX
РИКА К ***

В этом письме я поговорю с тобой о некоем племени, которое называют вестовщиками: они собираются в прекрасном саду[156], где им всегда найдется, чем занять свою праздность. Они совершенно бесполезны государству, и от того, что они наговорят в течение пятидесяти лет, получается не больше толку, чем вышло бы, если бы они столько же времени молчали. Однако вестовщики приписывают себе огромное значение, так как они беседуют о великолепных проектах и толкуют о важных вещах.

Разговоры их основаны на вздорном и пустом любопытстве: нет такого тайного кабинета, в который они не притязали бы проникнуть; они ни за что не признаются, что чего-либо не знают; им известно, сколько жен у нашего августейшего султана, сколько он ежегодно производит на свет детей, и, нисколько не тратясь на соглядатаев, они тем не менее осведомлены о мерах, которые он принимает, чтобы унизить турецкого императора и повелителя моголов.

Не успеют они исчерпать настоящее, как устремляются к будущему и, предвосхищая волю провидения, предупреждают его отношение к любым человеческим поступкам. Они руководят любым полководцем и, расхвалив его за тысячу не сделанных им глупостей, приуготовят ему множество других, которых он тоже никогда не совершит.

Армии у них летают, точно журавли, а стены рассыпаются, как картонные; на всех реках у них мосты, всюду в горах — тайные тропы, среди сыпучих песков — огромные склады: не хватает им только здравого смысла.

Человек, с которым я живу в одном доме, получил следующее письмо от такого вестовщика. Оно показалось мне столь любопытным, что я его сохранил. Вот оно:

«Милостивый государь!

Я редко ошибаюсь в своих предположениях о современных событиях.

1 января 1711 года я предсказал, что император Иосиф умрет в течение этого года. Правда, тогда он чувствовал себя превосходно, и я подумал, что надо мной будут насмехаться, если я выскажу это вполне ясно. Поэтому я пустил в ход выражения немного загадочные, но люди рассудительные отлично меня поняли. 17 апреля того же года император скончался от оспы.

Как только была объявлена война между императором и турками, я отправился разыскивать наших по всем закоулкам Тюильри, собрал их у фонтана и предсказал, что Белград будет осажден и взят. Мне посчастливилось, и предсказание мое оправдалось. Правда, в самый разгар осады я поспорил на сто пистолей, что город будет взят 18 августа*,

* 1717 года. (*Прим. автора.*)

а взяли его только на другой день. Какая досада проиграть такое прекрасное пари!

Когда мне стало известно, что испанский флот высадил десант на Сардинии, я решил, что он ее завоюет: я так и сказал, и мои слова оказались истиной. Возгордившись этим успехом, я добавил, что победоносный флот произведет высадку и в Финале[157], дабы завоевать Миланскую область. Так как мысль эта вызывала возражения, я решил поддержать ее с честью: поспорил на пятьдесят пистолей — и снова проиграл, потому что подлец Альберони, нарушив договоры, послал испанский флот к Сицилии и надул сразу двух великих политиков — герцога Савойского и меня.

Всем этим, сударь, я был приведен в такое замешательство, что решил впредь только предсказывать и никогда не держать пари. Когда-то у нас в Тюильри совсем неизвестен был этот обычай, а покойный граф де Л.[158] и вовсе не выносил пари. Но с тех пор как в нашу среду затесалась куча франтов, мы совсем сбились с толку: стоит только открыть рот, чтобы сообщить какую-нибудь новость, как уж кто-нибудь из этих вертопрахов предлагает пари.

Намедни, только я открыл было свою рукопись я надел на нос очки, а уж некий хвастунишка, воспользовавшись паузой между первым и вторым моим словом, сказал мне: «Держу пари на сто пистолей, что — нет». Я сделал вид, что не обратил внимания на эту выходку, и, повысив голос, продолжал: «Господин маршал де ***, узнавши о том...» — «Это неправда, — сказал молокосос, — у вас всегда нелепые новости; во всем, что вы говорите, нет ни капли здравого смысла».

Прошу вас, милостивый государь, сделать мне удовольствие: одолжить мне тридцать пистолей, ибо, скажу вам по совести, эти пари совсем разорили меня. Посылаю вам копии с двух писем, написанных мною министру.

Имею честь быть, и проч.».

ПИСЬМА ВЕСТОВЩИКА К МИНИСТРУ

«Ваша Светлость!

Я преданнейший слуга Его Величества. Именно я поручил одному из моих друзей осуществить возникшую у меня идею о книге, которая должна доказать, что Людовик Вели-

кий был величайшим из всех государей, заслуживших название «Великий». Я уже давно тружусь над другим произведением, которое еще больше прославит Францию, если Ваша Светлость соблаговолит выдать мне привилегию: я намереваюсь доказать, что с самого возникновения нашего государства французы никогда никем не были побеждены и что все, что говорилось до сих пор историками о наших неудачах, является самой настоящей клеветой. Мне то и дело приходится исправивлять ошибки историков, и я льщу себя надеждой особенно блеснуть в критической части моего труда. Имею честь быть, Ваша Светлость, и проч.».

«Ваша Светлость!

Лишившись его сиятельства графа де Л., умоляем Вас: окажите милость разрешить нам избрать нового председателя. На наших собраниях возникают беспорядки, и государственные дела не обсуждаются уже так тщательно, как прежде; наша молодежь совершенно не считается со старшими и не признает никакой дисциплины: это — сущее Ровоамово сборище[159], где молодые люди задают тон старикам. Тщетно говорим мы им, что были мирными обладателями Тюильри еще за двадцать лет до того, как они родились; они, кажется, в конце концов нас прогонят, а мы, будучи вынуждены покинуть места, где столько раз взывали к теням наших героев, станем собираться для беседы в королевском саду или в каком-нибудь еще более уединенном месте.

Имею честь быть, и проч.».

Из Парижа, месяца Джеммади[160] 2, 7-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXI

РЕДИ К РИКЕ В ПАРИЖ

Одним из вопросов, которые особенно занимают меня по моем приезде в Европу, является история и происхождение республик. Как тебе известно, бо́льшая часть азиатов не имеет даже понятия об этом роде правления, и у них не хватило воображения представить себе, что на земле во-

обще возможно какое-либо иное правление, кроме деспотического.

Первые известные нам правления были монархическими; только случайно и по прошествии многих веков образовались республики.

Когда потоп опустошил Грецию, ее населили новые обитатели. Почти все они вышли из Египта и ближайших азиатских областей, а так как странами этими управляли цари, то народы, вышедшие оттуда, управлялись и в Греции таким же образом. Но когда тирания этих государей стала слишком тягостна, ярмо было сброшено, и из обломков многих царств возникли те самые республики, которые принесли расцвет Греции, — единственной культурной стране среди варваров.

Любовь к свободе, ненависть к деспотам долго ограждали независимость Греции и далеко распространили республиканский образ правления. Греческие города нашли себе союзников в Малой Азии; они основали там колонии, столь же свободные, как и они сами, и эти колонии явились для них оплотом против нападений персидских царей. Это еще не всё: Греция заселила Италию; Италия — Испанию и, может быть, Галлию. Известно, что великою Гесперией[161], столь славившейся у древних, называлась вначале именно Греция, которую ее соседи считали страною счастья. Но греки, не находившие этой страны у себя, направились искать ее в Италию; итальянцы с той же целью двинулись в Испанию, испанцы — в Бетику[162] или Португалию, так что все эти области носили у древних имя Гесперии. Греческие колонии приносили с собою тот дух свободы, который они усвоили в своей прекрасной стране. Поэтому в те отдаленные времена не существовало монархий ни в Италии, ни в Испании, ни в Галлии. Ты скоро увидишь, что народы Севера и Германии были не менее свободны, и если мы и находим у них какие-то следы царской власти, то только потому, что принимаем за царей тех, кто стоял во главе армий или республик.

Так обстояло дело в Европе; что же касается Азии и Африки, то они всегда находились под гнетом деспотизма, за исключением нескольких упомянутых мною малоазиатских городов и республики Карфагена в Африке.

Мир был поделен между двумя могущественными республиками — Римской и Карфагенской. Возникновение Римской республики хорошо известно, зато о происхождении Карфагена мы не знаем решительно ничего. Совершенно неизвестна последовательность африканских царей после Дидоны и то, как они лишились власти. Необычайный рост Римской республики был бы великим счастьем для мира, если бы там не существовало несправедливого различия между римскими гражданами и побежденными народами, если бы правителям провинций предоставляли меньшую власть, если бы соблюдались священные законы, установленные для устранения их тирании и если бы правители не пользовались для принижения законов теми самыми богатствами, которые они накопили благодаря своей несправедливости.

Свобода создана, по-видимому, для европейских народов, а рабство — для азиатских. Римляне тщетно предлагали каппадокийцам[163] этот драгоценный дар: низкий народ кинулся навстречу рабству с такою же поспешностью, как другие народы — навстречу свободе.

Цезарь уничтожил Римскую республику и подчинил ее самодержавной власти.

Долго стонала Европа под властью военного и насильственного управления, и римская мягкость сменилась жестоким гнетом.

Между тем с Севера появилось множество неведомых до того народов; бурным потоком разлились они по римским провинциям, и так как завоевать эти провинции оказалось делом столь же легким, как и разграбить их, нахлынувшие народы расчленили империю и основали ряд государств. Народы эти были свободны и настолько ограничивали власть своих королей, что те были, собственно говоря, всего лишь вождями или военачальниками. Оттого образованные ими государства, хотя и зиждились на силе, вовсе не ощущали ярма победителя. Когда азиатские народы, вроде турок или татар, совершали завоевания, они, будучи сами подчинены воле одного повелителя, помышляли только о том, чтобы доставить ему новых подданных и с помощью оружия утвердить его насильственную власть. Народы же северные, будучи свободными в собственных

странах, отнюдь не предоставляли своим вождям большой власти в завоеванных римских провинциях. Некоторые из этих народов, как, например, вандалы в Африке, готы в Испании, даже смещали своих королей, если были ими недовольны, у других же народов власть государя была ограничена множеством различных способов: эту власть разделяло с ним большое число сеньоров; войны предпринимались только с их согласия; военная добыча делилась между военачальником и воинами; не существовала никаких поборов в пользу государя; законы издавались народными собраниями. Вот основные начала всех этих государств, образовавшихся из обломков Римской империи.

Из Венеции, месяца Реджеба
20-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXII

РИКА К ***

Месяцев пять-шесть тому назад я сидел как-то в кофейне; я заметил там довольно хорошо одетого дворянина, которого внимательно слушали присутствующие. Он говорил о том, как приятно жить в Париже, и сетовал, что обстоятельства вынуждают его прозябать в провинции. «Я получаю пятнадцать тысяч ливров годового дохода с имения, — говорил он, — но я предпочел бы иметь только четверть этого состояния, зато наличными. Как я ни прижимаю своих фермеров, как ни взыскиваю с них судебным порядком, я добиваюсь этим только того, что они становятся еще несостоятельнее: никогда мне не удавалось получить с них хоть сто пистолей сразу. А вот если бы я задолжал десять тысяч франков, мое имение описали бы и я бы пошел по́ миру».

Я ушел, не обратив особого внимания на его слова, но вчера, снова очутившись около той кофейни, я вошел в нее и увидел там хмурого человека с бледным и худым лицом, который, задумавшись, мрачно сидел в кругу пяти-шести собеседников. Потом он вдруг заговорил. «Да, господа, — сказал он, возвысив голос, — я разорен; мне больше нечем жить, потому что у меня в настоящее время двести ты-

сяч ливров банковыми билетами[164] и сто тысяч экю серебром. Я в ужасном положении; считал себя богатым и вдруг оказался ни при чем. Если бы по крайней мере у меня было именьице, куда я мог бы удалиться, то я бы знал, на что жить; но у меня нет ни клочка земли».

Случайно я повернул голову и увидел другого человека, который дергался, как одержимый. «Кому же отныне можно доверять? — вскричал он. — Я считал его лучшим своим другом и дал ему взаймы, а он, предатель, не вернул мне долга! Какое ужасное вероломство! Что он теперь ни делай, в моих глазах он опозорен навеки»[165].

Тут же находился какой-то бедно одетый человек, который говорил, подняв взор к небу: «Да благословит господь планы наших министров! Пусть бы акции[166] поднялись до двух тысяч и все лакеи оказались бы богаче своих господ!» Я полюбопытствовал узнать его имя. «Это чрезвычайно бедный человек, да и ремесло у него мало прибыльное, — отвечали мне, — он составляет генеалогии и надеется, что его искусство будет преуспевать, если люди станут богагеть; тогда все новоявленные богачи будут нуждаться в нем, чтобы подправить свои фамилии, подчистить предков и украсить гербами дверцы карет. Он рассчитывает наделать столько родовитых людей, сколько ему вздумается, и трепещет от радости, видя, что число заказчиков все растет».

Наконец, вошел бледный, сухощавый старик, в котором — не успел он еще и сесть — я сразу признал вестовщика. Он не принадлежал к числу тех, кто победоносно опровергает все неудачи и неизменно предсказывает победы и трофеи: это был, напротив, один из тех вечных нытиков, которые сообщают только печальные новости. «Плохи наши дела в Испании, — сказал он, — у нас на границе нет кавалерии; как бы князь Пио[167], у которого ее целый корпус, не захватил, чего доброго, весь Лангедок».

Напротив меня сидел какой-то философ довольно потрепанного вида; он с сожалением глядел на вестовщика и пожимал плечами, по мере того как тот повышал голос. Я подошел к нему, и он шепнул мне на ухо: «Смотрите, какой дурак! Час битый толкует нам о своих опасениях за Лангедок, а вот я заметил вчера вечером пятно на солнце,

которое, если оно увеличится, погрузит всю природу в оцепенение, да и то я не проронил ни слова».

Из Парижа, месяца Рамазана 17-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXIII

РИКА К ***

На днях я осматривал большую монастырскую библиотеку; она дана дервишам как бы на сохранение, но они обязаны в известные часы допускать в нее всех желающих.

Войдя, я увидел важного человека[168], который прогуливался среди бесчисленного множества томов. Я направился к нему и спросил, что представляют собою книги, выделяющиеся среди других лучшими переплетами. «Я здесь, сударь, — сказал он мне, — как в чужой стране, и никого тут не знаю. Многие задают мне подобные вопросы, но, согласитесь сами, не могу же я прочитать все эти книги, чтобы удовлетворить их любопытство. У меня есть библиотекарь, он вам все объяснит, ведь он день и ночь только тем и занят, что разбирает все, что вы здесь видите; это человек ни на что непригодный и очень для нас обременительный, так как для монастыря он ничего не делает. Однако я слышу, что звонят к трапезе. Люди, стоящие подобно мне во главе общины, должны быть первыми во всех трудах». С этими словами монах вытолкнул меня на улицу, запер дверь и исчез из моих глаз с такой быстротой, точно улетел.

Из Парижа, месяца Рамазана 21-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXIV

РИКА К НЕМУ ЖЕ

На другой день я снова отправился в библиотеку, но нашел там человека, совершенно не похожего на того, которого видел в первый раз: вид у него был простой, лицо — одухотворенное, обращение весьма приветливое. Как толь-

ко я ему сообщил, чту меня интересует, он счел долгом удовлетворить мое любопытство и дать мне, как иностранцу, подробнейшие разъяснения.

«Отец мой! — сказал я ему, — что это за толстые книги, занимающие всю эту сторону библиотеки?» — «Это всё истолкования священного писания», — ответил он. «Как их много, — воскликнул я, — значит, священное писание было когда-то весьма непонятно, а теперь стало совершенно ясно. А остаются еще какие-нибудь сомнения? Есть ли еще в нем спорные места?» — «Есть ли спорные места, боже мой! Еще бы не быть! — отвечал он. — Там что ни строчка, то спорное место». — «Неужели? — сказал я. — Так что же сделали все эти толкователи?» — «Эти толкователи, — отвечал он, — искали в священном писании вовсе не того, во что нужно верить, а то, во что они сами верят; они отнеслись к нему отнюдь не как к книге, содержащей в себе догматы, которые они должны принять, а как к произведению, которое может придать вес их собственным суждениям. Потому-то они и извратили весь его смысл и исказили все изречения. Это такая область, на которую совершают набеги и грабят как только могут представители всех сект; это поле, на котором встречаются и дают друг другу сражения враждующие народы, поле, где нападают друг на друга и где происходят всевозможные потасовки.

Рядом с этими книгами вы видите аскетические произведения и молитвенники, за ними стоят гораздо более полезные книги о морали, а там — богословские, которые вдвойне непонятны — и по содержанию и по тому, как изложено это содержание; наконец, произведения мистиков, то есть благочестивых людей, наделенных нежным сердцем». — «Ах, отец мой! одну минуту; не спешите так, — сказал я, — расскажите мне о мистиках». — «Сударь! — ответил он, — благочестие согревает сердце, расположенное к нежности, и посылает из него в мозг соки, в свою очередь согревающие его; отсюда экстазы и восторги. Это — состояние исступленного благочестия. Подчас оно совершенствуется или, скорее, вырождается в квиетизм[169]; как вы знаете, квиетист не что иное, как человек сумасшедший, благочестивый и своевольный.

А вот и казуисты; они разоблачают ночные тайны, создают в своем воображении все чудовища, какие может породить демон любви, собирают их, сравнивают их и сосредоточивают на них все внимание. И счастье еще, если сердце их не впутывается в это дело и не становится соучастником всех заблуждений, которые они так наивно расписывают и так откровенно изображают.

Вы видите, сударь: я мыслю свободно и говорю вам все, что думаю. Я откровенен по природе, а тем более с вами, с иностранцем, желающим узнать все эти вещи, и притом узнать такими, каковы они есть. Если бы я хотел, я говорил бы обо всем этом не иначе как с восхищением, твердил бы на все лады: «Это божественно! Это достойно уважения! Это чудесно!» — и получилось бы одно из двух: либо я вас обманул бы, либо унизил бы себя в ваших глазах».

На этом мы расстались: какое-то дело отвлекло дервиша, и мы отложили наш разговор до завтра.

Из Парижа, месяца Рамазана
23-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXV

РИКА, К НЕМУ ЖЕ

Я пришел в назначенный час, и мой руководитель привел меня к тому самому месту, где мы расстались. «Вот, — сказал он, — грамматисты, толкователи и комментаторы». — «Отец мой, — спросил я, — а нужен ли всем этим людям здравый смысл? Не могут ли они обходиться без него?» — «Конечно, могут, — ответил он, — и этого даже не заметишь; от отсутствия здравого смысла их произведения не становятся хуже; и это представляет для них большое удобство». — «Справедливое замечание, — сказал я. — Я знаю немало философов, которым хорошо бы заняться такого рода науками». — «Вот, — продолжал он, — ораторы, обладающие талантом убеждать вопреки логике, и геометры, заставляющие человека убеждаться вопреки его воле и доказывающие ему свои положения тиранническими приемами.

Вот книги по метафизике, где рассуждают о столь высоких предметах и где всюду встречаешься с бесконечным; книги физические, которые в устройстве необъятной вселенной видят не более удивительного, чем в самой простой машине, изготовленной нашими ремесленниками; медицинские книги, эти свидетельства хрупкости природы и могущества науки; они приводят нас в содрогание даже тогда, когда говорят о самых легких болезнях, — до того близкой к нам представляют они смерть! — зато они сразу успокаивают нас, когда говорят о действиях лекарств, так что нам кажется, будто мы стали бессмертными.

Совсем рядом с ними стоят книги по анатомии: они содержат в себе не столько описание частей человеческого тела, сколько варварские наименования, которыми их наделили; это не излечивает ни больного от его болезни, ни врача от его невежества.

Вот химия[170], живущая то в больнице, то в сумасшедшем доме, ибо эти жилища ей одинаково подходят.

Вот книги по оккультным наукам, или, вернее, по оккультному невежеству: это книги, содержащие какую-то чертовщину, книги, отвратительные по мнению большинства людей, а по-моему, просто жалкие. Таковы же и книги по астрологии». — «Что вы говорите, отец мой? Книги по астрологии! — возразил я с жаром. — А ведь мы в Персии придаем им огромное значение: ими определяются все наши поступки, все предприятия. Астрологи в сущности истинные наши руководители; больше того: они участвуют в управлении государством». — «Если так, — сказал он мне, — то вы живете под ярмом, куда более тяжелым, чем ярмо разума. Вот уж поистине странное государство! Я жалею семью и еще больше жалею народ, который дает планетам такую власть над собою». — «Мы пользуемся астрологией так же, как вы пользуетесь алгеброй[171], — возразил я ему. — У каждого народа особая наука, сообразуясь с которой он направляет свою политику. Все астрологи, вместе взятые, не наделали столько глупостей у нас в Персии, сколько один алгебраист натворил их у вас. Неужели вы думаете, что случайное расположение светил является менее надежным указанием, чем рассуждения вашего сочинителя систем?[172] Если бы спросить по этому

поводу всех жителей Франции и Персии, то на долю астрологии выпал бы недурной триумф; вычислители были бы основательно посрамлены. Какой пришлось бы сделать о них неблагоприятный вывод!» Наш спор был прерван, и пришлось расстаться.

Из Парижа, месяца Рамазана 26-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXVI

РИКА К НЕМУ ЖЕ

При следующем свидании мой ученый собеседник повел меня в соседнюю комнату. «Вот книги по новой истории, — сказал он мне. — Во-первых, взгляните на историков церкви и пап: я читаю эти книги для поучения, но они часто оказывают на меня совершенно обратное действие.

Вот там стоят историки, писавшие о крушении огромной Римской империи, образовавшейся на обломках стольких государств и на развалинах которой создалось так много новых. Бесчисленное множество варварских народов, — столь же неизвестных, как и страны, где они жили, — нежданно появилось, наводнило Римскую империю, разграбило ее, раздробило на части и образовало те королевства, какие вы сейчас видите в Европе. Эти народы не были в полном смысле варварами, раз они были свободны; но они впали в варварство с тех пор, как, подчинившись в большинстве абсолютной власти, утратили сладостную свободу, столь согласную с разумом, человечностью и природой.

Здесь вы видите историков Германской империи, являющейся лишь тенью Римской; но она, по-моему, представляет собою единственную державу в мире, которую разграбление не ослабило; единственную, думается мне, которая крепнет по мере того как терпит поражения; она медленно пользуется своими успехами, зато становится непобедимой благодаря поражениям.

Вот вам историки Франции, где мы видим сначала образование королевской власти, потом два раза — ее смерть, новое ее возрождение, затем ее прозябание в течение нескольких веков; наконец, вступление ее в последний пери-

од, после того как она мало-помалу восстановила свои силы и распространилась во все стороны; она подобна реке, которая то мелеет или скрывается под землей, то, снова появившись и расширившись благодаря притокам, быстро увлекает за собою все, что противится ее течению.

Вот тут вы видите испанский народ, родившийся среди гор; магометанских государей, столь же незаметно покоренных, сколь быстро покорили они сами; множество королевств, объединенных в обширную монархию, ставшую почти единственной и остававшуюся такой до тех пор, пока, обремененная собственным своим величием и ложным богатством, она не потеряла мощи и даже уважения, так что ей осталось только гордиться своим былым могуществом.

А здесь английские историки; здесь мы видим страну, где свобода развивается среди пламени раздоров и восстаний, где государь чувствует себя нетвердо на незыблемом троне, где народ нетерпеливый, но мудрый в самом своем неистовстве, стал повелителем морей (вещь, дотоле неслыханная) и сочетает торговлю с властью.

Рядом с ними стоят историки другой царицы морей. Голландской республики, столь уважаемой в Европе и столь грозной в Азии, где перед ее купцами простирается во прахе столько царей.

Историки Италии представляют вам нацию, некогда повелительницу мира, а ныне рабыню всех других народов, изображают ее разобщенных между собою и слабых князей, сохранивших из всех атрибутов власти только бесплодные козни.

Вот вам историки республик: Швейцарской, этого образца свободы; Венецианской, все богатство которой заключается в бережливости; Генуэзской, блещущей только своими зданиями.

Вот северные республики, и среди них Польша, до того дурно пользующаяся своей свободой и правом избрания королей, что она словно хочет утешить таким образом соседние народы, утратившие и то и другое».

На этом мы расстались до следующего дня.

Из Парижа, месяца Шальвала
2-го числа, 1719 года

ПИСЬМО CXXXVII

РИКА К НЕМУ ЖЕ

На другой день он повел меня в соседнюю комнату. «Здесь, — сказал он, — помещаются поэты, то есть писатели, назначение которых заключается в том, чтобы ставить препоны здравому смыслу и так же обременять разум всякого рода украшениями, как некогда обременяли женщин всевозможными уборами и нарядами. Вы их знаете: они не редкость и у восточных народов, где солнце, еще более жаркое, как бы распаляет самое воображение. Вот здесь эпические поэмы». — «А что это такое — эпические поэмы?» — «По правде говоря, и сам не знаю; знатоки утверждают, будто их только две и было-то сочинено[173] и что другие, которым придают это название, вовсе ими не являются; об этом тоже не берусь судить. Знатоки говорят даже, что сочинить новую эпическую поэму невозможно, а это еще того удивительнее.

Вот тут поэты драматические; по-моему, это — поэты по преимуществу и властители страстей. Они бывают двух родов: комические, приятно нас трогающие, и трагические, волнующие и потрясающие нас.

А вот лирики, которых я презираю в такой же степени, в какой уважаю других; они превращают свое искусство в сладкозвучную чушь.

Далее вы видите сочинителей идиллий и эклог, которые нравятся даже придворным, ибо, рисуя пастушескую жизнь, дают им представление о безмятежном существовании, от которого придворные весьма далеки.

А вот и самые опасные из всех, каких мы с вами видели: это составители эпиграмм, — маленьких отточенных стрелок, наносящих глубокие и неизлечимые раны.

Вот тут романы, авторы которых являются разновидностью поэтов и, подобно им, извращают язык и ума и сердца. Они всю жизнь охотятся за естественностью, да всё попадают мимо; их герои также далеки от природы, как далеки от нее крылатые драконы и кентавры».

«Я читал, — сказал я ему, — кое-какие из ваших романов, а если бы вы прочитали наши, они бы еще больше вас возмутили. Они тоже мало естественны, а кроме того, им чрезвычайно вредят наши нравы: страсть должна пы-

лать лет десять, прежде чем влюбленному удастся увидеть хотя бы лицо своей возлюбленной. Поэтому сочинители бывают вынуждены томить читателей скучными предварительными перипетиями. При этом нет никакой возможности разнообразить приключения. Сочинителям приходится прибегать к уловкам, еще худшим, чем самое зло, которое хотят устранить, то есть к чудесам. Я уверен, что вам не понравится, если какая-нибудь волшебница выведет из-под земли целую армию или если какой-нибудь герой в одиночку уничтожит стотысячное войско. Между тем наши романы именно таковы. Холодные и однообразные приключения вызывают в нас тоску, а нелепые чудеса приводят в бешенство».

Из Парижа, месяца Шальвала 6-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CXXXVIII

РИКА К ИББЕНУ В СМИРНУ

Министры сменяют и уничтожают здесь друг друга, как времена года: в течение трех лет финансовая система переменилась у меня на глазах четыре раза. В Турции и Персии поныне взимаются те же налоги, что и при основателях этих империй; здесь далеко не так. Правда, мы и не вкладываем в это дело столько ума, как на Западе: мы думаем, что управлять доходами государя труднее, чем управлять состоянием частного лица, лишь в той степени, в какой труднее сосчитать сто тысяч туманов, чем сотню их. Но здесь дело куда более тонкое и мудреное. Здесь над этим приходится денно и нощно трудиться умнейшим людям; они в муках вынашивают всё новые и новые проекты; выслушивают бесчисленные соображения множества людей, которые помогают им, хотя никто их об этом не просит: они уединяются и живут в тиши своих кабинетов, непроницаемых для лиц высокопоставленных и священных для маленьких людей; голова у них всегда набита важными тайнами, чудесными планами, новыми системами; они так погружены в размышления, что лишаются дара слова, а иногда даже забывают и о вежливости.

Едва только покойный король закрыл глаза, как уже начали думать о перемене правительства. Все чувствова-

ли, что дела идут неважно, но не знали, как поступить, чтобы они шли лучше. Из неограниченной власти прежних министров ничего хорошего не вышло: решено было разделить ее между несколькими лицами. Для этого учредили шесть или семь коллегий[174], и эти коллегии управляли Францией с большим, может быть, смыслом, чем все им предшествовавшие, но продержались они недолго, равно как и принесенные ими плоды.

Когда умирал покойный король, Франция представляла собою тело, пораженное множеством болезней: Н*** взял нож[175], отрезал ненужные ткани и приложил к больным местам соответствующие лекарства. Но оставалось еще излечить больного от недуга, таившегося внутри. Явился чужестранец[176] и принялся за лечение. Применив множество сильнодействующих снадобий, он решил, что болящий начинает полнеть, между тем как он просто распух.

Все, кто еще полгода назад были богаты, сейчас ввергнуты в нищету[177], а те, у кого не было даже хлеба, теперь утопают в богатстве. Никогда еще эти две крайности не сходились так близко. Иностранец вывернул наизнанку государство, как старьевщик выворачивает поношенное платье: то, что было изнанкой, он сделал лицом, а из лица сделал изнанку. Какие возникли неожиданные состояния! Не верится даже тем, кому они выпали на долю! Самому богу не удалось бы так молниеносно вывести людей из небытия. Сколько появилось лакеев, которым прислуживают их недавние товарищи, а завтра будут, быть может, прислуживать и господа!

Из всего этого подчас вытекают довольно странные последствия. Лакеи, разбогатевшие при прошлом царствовании, теперь уже хвастаются своим происхождением; на тех, кто только что сбросил ливрею на известной улице[178], они изливают все то презрение, предметом которого были сами всего полгода тому назад; они кричат изо всей мочи: «Дворянство разорено! Что за беспорядок в государстве! Какое смешение званий! В наши дни только какие-то проходимцы и богатеют!» Ручаюсь, что эти *проходимцы* отыграются на тех, кто явится после них, и что лет через тридцать вся эта знать наделает немало шуму.

Из Парижа, месяца Зилькаде
1-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXXXIX

РИКА К НЕМУ ЖЕ

Вот великий пример супружеской любви, великий не только для женщины, но и для королевы. Шведская королева[179], желая во что бы то ни стало приобщить к короне своего супруга-принца и устранить всякие к тому препятствия, объявила государственным чинам, что, в случае его избрания, откажется от регентства.

Лет шестьдесят с небольшим тому назад другая королева, по имени Христина[180], отреклась от трона, чтобы всецело посвятить себя философии. Не знаю, каким из этих двух примеров больше восхищаться.

Хотя я и держусь того мнения, что всякий должен крепко стоять на посту, на который его поставила судьба, и не могу одобрить слабости того, кто, считая себя не удовлетворяющим требованиям, покидает свой пост как дезертир, я все же поражен величием души двух этих принцесс и тем, что одна по своему уму, а другая по сердцу оказались выше своего положения. Христина решила отдаться науке в то время, как прочие думают только об удовольствиях, а другая пожелала наслаждаться жизнью лишь при условии, что все свое счастье она отдаст в руки августейшего супруга.

Из Парижа, месяца Махаррама
27-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXL

РИКА К УЗБЕКУ

Парижский парламент только что сослан[181] в городок, носящий название Понтуаз. Совет послал ему для регистрации или одобрения какое-то позорящее парламент постановление, а парламент зарегистрировал его так, что опозорил совет.

То же угрожает и еще нескольким провинциальным парламентам.

Эти учреждения всегда ненавистны королям: парламенты обращаются к ним только с тем, чтобы высказать

им печальную истину, и в то время как толпа придворных беспрестанно расписывает королям, как счастлив народ под их управлением, парламенты опровергают лесть и повергают к подножию трона стенания и слезы, которые им доверяет народ.

Правда — тяжкое бремя, дорогой Узбек, когда ее приходится доводить до государей! Монархам следовало бы понимать, что те, кто решается на это, бывают к этому вынуждены и что они никогда не решились бы на такой печальный для них же самих и прискорбный шаг, если бы ими не повелевал долг, уважение и даже любовь.

Из Парижа, месяца Джеммади 1,
21-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLI

РИКА К НЕМУ ЖЕ

Я приеду к тебе в конце недели. Как приятно будут протекать дни с тобою!

Недавно я был представлен придворной даме, которой хотелось познакомиться с иностранцем. Это красивая женщина, достойная взоров нашего монарха и высокого положения в священном убежище, где пребывает его сердце.

Она засыпала меня вопросами о нравах персиян и о нашем образе жизни. Мне показалось, что жизнь в серале не пришлась ей по вкусу и что ее покоробило то, что десять — двенадцать женщин делят между собою одного мужчину. Она позавидовала счастью такого мужа и пожалела его жен. Она любит читать, особенно стихи и романы, и пожелала, чтобы я рассказал ей о наших писателях. Мой рассказ подстрекнул ее любопытство, и она попросила меня заказать для нее перевод какого-нибудь отрывка из книг, которые я привез с собою. Я исполнил ее желание и несколько дней спустя послал ей персидскую сказку. Может быть, тебе доставит удовольствие прочитать ее в переводе.

«Во времена Шейх-Али-хана жила-была в Персии женщина по имени Зюлема. Она знала наизусть весь святой Алкоран; она лучше любого дервиша изучила предания о святых пророках; она в совершенстве понимала смысл самых загадочных слов арабских ученых, и со всеми этими

знаниями сочетался у нее живой и веселый ум, так что, когда она говорила, нельзя было догадаться, хочет ли она позабавить слушателя, или научить его чему-нибудь.

Однажды, когда Зюлема находилась с подругами в зале сераля, одна из них спросила ее, что она думает о загробной жизни и верит ли старинному учению наших мудрецов о том, что рай предназначен только для мужчин.

«Это общее мнение, — ответила она. — Чего только не делали, чтобы унизить наш пол! Существует даже народ, распространенный по всей Персии и называемый еврейским, который утверждает на основании своих священных книг, что у нас и души-то нет.

Столь обидные мнения проистекают только из мужской гордыни: мужчинам хочется перенести свое превосходство даже за пределы земной жизни, и они не верят, что в день Страшного суда все создания предстанут перед богом во всем своем ничтожестве и у мужчин не будет никаких преимуществ, кроме тех, которые даст им их добродетель.

Бог не будет ограничивать себя в наградах: мужчины, которые прожили жизнь хорошо и не злоупотребили властью, предоставленной им над нами в этой жизни, попадут в рай, полный восхитительных небесных красавиц, до того пленительных, что если бы какой-нибудь смертный их увидел, то, сгорая нетерпением насладиться ими, в тот же миг лишил бы себя жизни. Точно так же и добродетельные женщины попадут в обитель блаженства, где будут упиваться бурным потоком наслаждений в обществе божественных мужчин, которые им будут подчинены: у каждой будет свой сераль, населенный мужьями, а сторожить их будут евнухи, еще более верные, чем наши.

Я читала в одной арабской книге, — прибавила она, — что некто, по имени Ибрагим, отличался несносной ревностью. У него было двенадцать красавиц жен, с которыми он обращался крайне сурово; он не доверял ни стенам сераля, ни евнухам; он держал жен почти всегда под замком, запирал их в покоях, так что они не могли ни видеться, ни говорить друг с другом, ибо он ревновал даже к невинной дружбе. На всех его поступках лежала печать его природной грубости: никогда ласковое слово не срывалось с его уст, и он помышлял только о том, как бы усугубить их неволю.

Однажды, когда он собрал своих жен в зале сераля, одна из них, которая была посмелее, упрекнула его за дурной нрав. «Когда человек всячески выискивает средства внушить женам страх, — сказала она, — он прежде всего достигает того, что его начинают ненавидеть. Мы так несчастны, что поневоле жаждем перемены. Другие на моем месте пожелали бы тебе смерти, а я хочу смерти только себе; я не надеюсь освободиться от тебя иначе, как с помощью смерти, поэтому я умерла бы с наслаждением». Эти слова, вместо того чтобы растрогать его, привели его в ярость: он выхватил кинжал и вонзил его ей в грудь. «Милые подруги, — сказала она умирающим голосом, — если небо услышит голос моей добродетели, вы будете отомщены». С этими словами она покинула земную юдоль и перенеслась в обитель услад, где праведные женщины наслаждаются вечным блаженством.

Сначала ей представился очаровательный зеленый луг, испещренный ярчайшими цветами; ручеек, прозрачнее хрусталя, извивался там бесконечной лентой. Потом она вошла в прелестную рощу, тишину которой нарушало только сладкое пение птиц. За рощею представились ее взору великолепные сады: природа украсила их со свойственной ей простотой и величием. Наконец, она нашла приготовленный для нее великолепный дворец, населенный небесными мужчинами, предназначенными для ее наслаждений.

Двое из них принялись ее раздевать, другие отвели в ванну и умастили самыми тонкими благовониями. Потом ей предложили одежду, куда роскошнее ее собственной, после чего повели в большой зал, где она увидела очаг, на котором горели благоуханные ветки, и стол, уставленный самыми изысканными яствами. Все, казалось, соревновалось здесь в том, чтобы содействовать упоению ее чувств: с одной стороны, она слышала божественно-нежные напевы, с другой — видела пляски дивных мужчин, старавшихся лишь о том, чтобы понравиться ей. Однако все эти удовольствия служили только преддверием еще бо́льших наслаждений. Ее отвели в опочивальню и, снова раздев, отнесли в роскошную постель, где двое пленительных мужчин приняли ее в свои объятия. Тут-то испытала она истинное упоение! Блаженство превзошло все ее желания!

«Я вне себя, — говорила она, — я бы думала, что сейчас умру, если бы не была уверена в своем бессмертии. Это уж слишком! Оставьте меня: я изнемогаю от наслаждений! Да, вы утолили мою страсть, я начинаю свободно дышать и приходить в себя. Почему унесли светильники? Зачем не могу я теперь любоваться вашей божественной красотой? Зачем не могу видеть... Но зачем видеть? Вы снова погружаете меня в восторги. О боги! как милы эти потемки! Неужели я буду бессмертна, и бессмертна с вами! Я буду... Нет, пощадите меня; сами вы, как видно, никогда не запросите пощады!»

После неоднократных приказаний они подчинились ей; но подчинились только тогда, когда она действительно этого захотела. Она томно предалась отдыху и заснула в их объятиях. Несколько мгновений сна рассеяли ее усталость: внезапно два поцелуя воспламенили ее, и она открыла глаза. «Я беспокоюсь, — сказала она, — я боюсь, что вы разлюбили меня». Ей не хотелось долго мучиться сомнениями, и она сейчас же получила все разъяснения, какие только могла желать. «Вы меня успокоили, — воскликнула она. — Простите! Простите! Теперь я уверена в вас. Вы ничего мне не говорите, зато доказываете мне всё лучше всяких слов. Да, да, признаюсь вам: так меня никто не любил. Но что это? Вы оспариваете друг у друга честь убедить меня? Ах! Если вы станете соревноваться, если к удовольствию победы надо мною прибавите еще и честолюбие, то я погибла: вы оба будете победителями, а побежденной буду я одна; но я дорого продам вам победу».

Все это прекратилось только с рассветом. Верные и заботливые слуги вошли в опочивальню и подняли с постели обоих юношей; два старика отвели их в то помещение, где они содержались для ее удовольствий. Затем встала и она и появилась перед боготворящей ее свитой сперва во всей прелести утреннего наряда, а потом в самом роскошном уборе. За эту ночь она похорошела: цвет лица у нее посвежел, все прелести приняли особую выразительность. День прошел в плясках, пении, пирах, играх, прогулках, и все заметили, что Анаис время от времени исчезает и устремляется к своим двум юным героям. После нескольких драгоценных минут свидания она возвращалась к покинутому обществу, и всякий раз лицо ее стано-

вилось светлее. Наконец, под вечер, она совсем пропала. Она заперлась в серале, где, по ее словам, хотела познакомиться с бессмертными пленниками, которым предстоит вечно жить подле нее. Она заглянула в самые отдаленные и самые очаровательные покои дворца и насчитала там пятьдесят рабов поразительной красоты; всю ночь пробродила она из комнаты в комнату, всюду встречая поклонение, всегда различное и в то же время одинаковое.

Так-то и проводила жизнь бессмертная Анаис, — то среди блистательных удовольствий, то в сокровенных наслаждениях, то ее встречало восторгами блестящее общество, то ласкал обезумевший от страсти любовник. Часто покидала она свой волшебный дворец и уходила в сельский грот; казалось, цветы вырастали у ее ног и всевозможные забавы во множестве устремлялись ей навстречу.

Прошло уже больше недели с тех пор, как она поселилась в этой блаженной обители, а она все еще была вне себя и ни о чем не думала. Она наслаждалась счастьем, сама того не сознавая, и ни разу ни на мгновение не ведала она того покоя, когда душа, так сказать, отдает себе отчет в пережитом и прислушивается к себе в молчании страстей.

Блаженные упиваются удовольствиями столь живыми, что им редко приходится пользоваться этой свободой духа. Поэтому они совершенно забывают о прошлом, будучи непреодолимо прикованы к настоящему, и совсем перестают вспоминать о том, что знали или любили во время своего земного бытия.

Однако Анаис, обладавшая настоящим философским умом, почти всю жизнь провела в размышлениях: мысль ее заходила куда дальше, чем можно было бы ожидать от женщины, предоставленной самой себе. Строгое затворничество, на которое обрек ее муж, оставило ей одно только это преимущество. Именно благодаря своему сильному уму она презрела страх, коим охвачены были ее подруги, и не побоялась смерти, которая положила конец ее страданиям и начало блаженству.

Итак, она мало-помалу освободилась от хмеля наслаждений и уединилась в один из дальних покоев дворца. Она предалась сладким думам о своей прошлой жизни и о настоящем блаженстве, и не могла не растрогаться при мысли о горестной доле своих подруг: люди всегда чувствительны

к мучениям, которые сами перенесли. Анаис не ограничилась простым сочувствием: она загорелась желанием помочь подругам.

Она приказала одному из состоявших при ней юношей принять облик ее мужа, отправиться в его сераль, захватить последний, выгнать оттуда хозяина и оставаться на его месте до тех пор, пока она его не отзовет обратно.

Исполнение не заставило себя ждать: юноша ринулся в воздушное пространство и прилетел к дверям сераля Ибрагима, которого в это время там не было. Посланец стучит: все двери перед ним раскрываются, евнухи падают к его ногам; он устремляется к покоям, где заперты жены Ибрагима; по дороге, став невидимым, он вынимает у ревнивца из кармана ключи. Он входит и прежде всего поражает женщин своим ласковым и приветливым видом, а вскоре затем удивляет их еще больше усердием, проворством и предприимчивостью. Всем им по очереди пришлось изумляться, и они сочли бы это за сон, если бы явь не была так очевидна.

В то время как эти непривычные события разыгрывались в серале, Ибрагим стучится, называет свое имя, бушует и кричит. Преодолев все препоны, он входит и повергает евнухов в крайнее замешательство. Он бросается дальше, но вдруг отступает и точно сваливается с облаков при виде Лже-Ибрагима, своей точной копии, пользующегося всеми правами хозяина. Он зовет на помощь, требует, чтобы евнухи помогли ему убить самозванца, но они не повинуются. У него остается только одно, весьма слабое средство: обратиться к суду своих жен. Но Лже-Ибрагим в один час ублажил всех его судей. Тогда настоящего Ибрагима прогоняют, с позором выталкивают из сераля; его непременно умертвили бы, если бы соперник не повелел сохранить ему жизнь. Оставшись победителем на поле битвы, новый Ибрагим все больше и больше доказывал, что вполне достоин выбора, и проявил себя неведомыми дотоле чудесами.

«Ты не похож на Ибрагима», — говорили женщины. «Скажите лучше, что этот самозванец не похож на меня, — отвечал торжествующий Ибрагим. — Что же еще нужно делать, чтобы быть вашим супругом, если того, что делаю я, недостаточно?» — «Ах! Мы ничуть не сомневаем-

ся, — сказали женщины. — Если ты и не Ибрагим, то с нас хватит того, что ты вполне заслуживаешь право быть им: ты за один день оказался больше Ибрагимом, чем он был им на протяжении десяти лет». — «Стало быть, вы обещаете, — подхватил юноша, — что предпочтете меня этому самозванцу?» — «Будь уверен, — ответили они в один голос, — клянемся тебе в вечной верности; нас слишком долго обманывали; негодяй и не подозревал наших достоинств, он только сознавал свою слабость. Мы теперь отлично видим, что мужчины вовсе не так созданы, как он; несомненно, они похожи именно на тебя. Если бы ты знал, как мы его теперь ненавидим благодаря тебе!» — «Ах! Я еще не раз дам вам повод ненавидеть его, — сказал Лже-Ибрагим, — вы еще не представляете себе, сколько он вам наделал вреда». — «Мы заключаем о его несправедливости по силе нашего мщения», — ответили они. «Да, вы правы, — сказал небесный человек, — я соразмерил искупление с виною и очень рад, что вы довольны тем, как я наказываю». — «Но что же нам делать, — спросили женщины, — если самозванец вернется?» — «Мне думается, что ему теперь трудно будет вас обмануть, — ответил он. — Место, которое я занимаю подле вас, хитростью не займешь, а кроме того, я прогоню его так далеко, что вы никогда о нем больше и не услышите. На будущее время заботу о вашем счастье я беру на себя; я не буду ревнив; я сумею охранять свою честь, не стесняя вас; я достаточно хорошего мнения о собственных достоинствах, чтобы верить, что вы будете мне верны. Уж если и со мною вы не станете добродетельны, то с кем же?»

Долго продолжался такой разговор между ним и женщинами, которые больше дивились разнице между двумя Ибрагимами, чем их сходству; они были до того поражены, что даже не стремились уяснить себе такие чувства. Наконец, отчаявшийся муж вернулся и снова вызвал переполох. Он застал в своем доме безудержное ликование, а жен нашел еще недоверчивее, чем раньше. Этого ревнивец не мог выдержать: он в бешенстве ушел, а Лже-Ибрагим бросился ему вслед, схватил его и перенес по воздуху на расстояние в две тысячи миль.

О боги! В каком же отчаянии были жены, пока отсутствовал их дорогой Ибрагим! Евнухи уже снова вернулись

к своей обычной строгости; весь дом был в слезах; женам казалось порою, что все случившееся — только сон; они глядели друг на друга и припоминали малейшие подробности этих странных приключений. Наконец, небесный Ибрагим возвратился, еще более любезный; они поняли, что путешествие ничуть не утомило его. Поведение нового господина настолько отличалось от поведения старого, что все соседи диву давались. Он прогнал всех евнухов, распахнул двери своего дома для всех, и даже не хотел, чтобы его жены носили покрывала. Странно было видеть, как они пируют среди мужчин и пользуются такой же свободой. Ибрагим правильно рассудил, что обычаи страны созданы не для таких граждан, как он. В то же время он не отказывал себе ни в каких прихотях; он с неимоверной щедростью расточал имущество ревнивца, и когда тот три года спустя вернулся из отдаленной местности, куда был перенесен, он нашел у себя дома только своих жен да тридцать шесть человек детей».

Из Парижа, месяца Джеммади 1, 26-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLII

РИКА К УЗБЕКУ В ***

Вот письмо, полученное мною вчера от одного ученого: оно позабавит тебя.

«Милостивый государь!

Полгода тому назад я получил в наследство от очень богатого дяди около шестисот тысяч ливров и превосходно обставленный дом. Приятно владеть состоянием, когда знаешь, как употребить его с пользой. Я не честолюбив и не склонен к развлечениям: я сижу взаперти в своем кабинете и веду жизнь ученого. Именно тут найдете вы любознательного ценителя почтенной древности.

Когда мой дядя скончался, мне очень хотелось похоронить его по обрядам, принятым у древних греков и римлян, однако в то время у меня не было под рукой ни слезниц, ни урн, ни античных светильников.

Но с тех пор я уже обзавелся этими драгоценными редкостями. Несколько дней тому назад я продал всю сереб-

ряную посуду, чтобы приобрести глиняную лампу, некогда служившую философу-стоику. Я расстался с зеркалами, которые мой дядя развесил по стенам всех своих покоев, и купил маленькое, надтреснутое зеркальце, служившее в древности Вергилию. Я прихожу в восторг, когда мое лицо отражается там, где некогда отражался лик мантуанского лебедя[182]. Это еще не все: я купил за сто луидоров пять-шесть медных монет, бывших в обращении две тысячи лет назад. Теперь в моем доме не найдется ни одного предмета обстановки, который бы не был сделан еще до падения Римской империи. У меня есть небольшое собрание редких и драгоценных рукописей. Я гублю свое зрение, читая их, но все же предпочитаю их печатным изданиям, которые далеко не так исправны и, кроме того, доступны всем и каждому. Я почти не выхожу из дому, и все же увлекаюсь изучением древних дорог, существовавших во времена римлян. Неподалеку от моего дома есть такая дорога; некий проконсул Галлии провел ее приблизительно тысячу двести лет тому назад; отправляясь к себе в деревню, я никогда не упускаю случая проехать по ней, хотя она очень неудобна и удлиняет путь больше чем на милю. Но меня прямо-таки приводит в бешенство, что на ней расставили, через известные промежутки, деревянные столбы с обозначением расстояния до соседних городов; я прихожу в отчаяние, когда вижу эти жалкие указатели вместо милиариев[183], стоявших там когда-то: я непременно поручу своим наследникам восстановить их и выделю в завещании соответствующую сумму. Если у вас, сударь, имеется какая-нибудь персидская рукопись, сделайте мне удовольствие и доставьте мне ее: я заплачу, сколько скажете, и сверх того предложу вам несколько произведений моего пера, благодаря которым вы убедитесь, что я отнюдь не бесполезный гражданин литературной республики. Среди них вы увидите трактат, где я доказываю, что венок, которым пользовались некогда во время триумфов, сплетался из веток дуба, а не лавра. Вы оцените и другой мой труд, в котором я доказываю путем ученых выкладок, извлеченных из сочинений наиболее почтенных греческих авторов, что Камбиз был ранен в левую, а не в правую ногу, и третье сочинение, где я привожу доказательства, что низкий лоб считался у римлян признаком изысканной красо-

ты. Я пришлю вам также том in-quarto, содержащий объяснение одного стиха из шестой песни «Энеиды» Вергилия. Все это вы получите через несколько дней, а сейчас я ограничиваюсь посылкой неизданного отрывка из некоего древнегреческого мифолога, который я обнаружил в недрах старинной библиотеки. Оставляю вас для не терпящего отлагательства дела: мне нужно восстановить одно прекрасное место в сочинении Плиния-натуралиста, которое чудовищно исказили переписчики пятого века.

Имею честь быть, и проч.».

ОТРЫВОК ИЗ СОЧИНЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО МИФОЛОГА

«На острове неподалеку от Оркад родился ребенок[184], отцом которого был бог ветров Эол, а матерью каледонская нимфа. Рассказывают, что он совершенно самостоятельно научился считать по пальцам, а в возрасте четырех лет так превосходно различал металлы, что когда мать дала было ему вместо золотого латунное кольцо, он заметил обман и швырнул кольцо наземь.

Когда он подрос, отец обучил его секрету загонять ветры в бурдюки, и он стал продавать их путешественникам. Но на этот товар не было большого спроса у него на родине; поэтому он покинул ее и пустился по свету в сопровождении слепого бога Случая.

Во время своих скитаний он узнал, что в Бетике повсюду блестит золото, и устремился туда. Сатурн, правивший в то время, оказал ему довольно сухой прием. Но когда этот бог покинул землю, молодой человек стал появляться на перекрестках и, не переставая, кричать хриплым голосом: «Народы Бетики! Вы считаете себя богачами, потому что у вас есть золото и серебро. Весьма скорблю о вашем заблуждении. Поверьте мне: покиньте страну презренных металлов, переселитесь в царство Воображения, и я обещаю вам такие сокровища, что вы придете в изумление». Тотчас же развязал он несколько принесенных с собою бурдюков и роздал свой товар желающим.

На другой день он появился у тех же перекрестков и стал кричать: «Народы Бетики! Хотите быть богатыми? Вообразите себе, что и я и вы очень богаты: каждое утро представляйте себе, что за ночь ваше богатство удвоилось; потом

вставайте, и если у вас есть кредиторы, платите им, черпая из той сокровищницы, что вам вообразилась, и говорите им, чтобы и они ее себе вообразили».

Через несколько дней он появился снова и заговорил так: «Народы Бетики! Я вижу, что ваше воображение уже не так живо, как в первые дни. Предоставьте же моему воображению руководить вами. Каждое утро я стану показывать вам объявление, которое будет служить для вас источником богатств. Объявление это будет содержать в себе только два слова[185], зато они будут полны глубокого значения, ибо умножат приданое ваших жен, наследство ваших детей, содержание ваших слуг. А что касается вас, — обратился он к тем из толпы, кто стоял подле него, — то, возлюбленные дети мои (я имею право называть вас так, потому что благодаря мне вы как бы вторично родились), мое объявление обеспечит великолепие ваших колесниц, роскошь ваших пиров, многочисленность и благосостояние любовниц».

Еще через несколько дней он прибежал, запыхавшись, к перекрестку и, вне себя от гнева, вскричал: «Народы Бетики! Я советовал вам воображать, но вижу, что вы этого не делаете. Хорошо же! Теперь я вам приказываю». Сказав это, он внезапно ушел, но одумался и вернулся. «Я узнал, что некоторые из вас настолько подлы, что припрятали свое золото и серебро. Серебро еще куда ни шло, но золото! Золото! Ах! Это возмущает меня до глубины души! Клянусь священными своими бурдюками, что если вы не принесете мне его, я строго вас накажу»[186]. Затем он прибавил весьма внушительно: «Может быть, вы думаете, что я прошу у вас эти презренные металлы, чтобы присвоить их себе? Свидетельством моей искренности является хотя бы то, что когда вы принесли их мне несколько дней тому назад, я тотчас же вернул вам половину»[187].

На другой день его завидели еще издалека. Он заговорил тихо и вкрадчиво: «Народы Бетики! Я узнал, что часть своих сокровищ вы держите за границей. Прошу вас: доставьте их мне[188]. Вы сделаете мне этим большое удовольствие и обяжете меня вечной признательностью».

Сын Эола говорил все это людям, которым было вовсе не до смеха; все-таки они не могли не рассмеяться, так что

он отвернулся в большом смущении. Но, собравшись с духом, он отважился обратиться к ним с еще одной маленькой просьбой: «Я знаю, что у вас есть драгоценные камни. Заклинаю вас Юпитером, расстаньтесь с ними[189]. Ничто так не разоряет вас, как такого рода вещи. Расстаньтесь с ними, говорю вам! Если вы не можете сделать это сами, то я укажу вам отличных дельцов. Какие богатства посыплются на вас, если вы последуете моему совету! Да, обещаю вам все наилучшее, что только есть в моих бурдюках».

Наконец, он взошел на подмостки и заговорил более уверенным голосом: «Народы Бетики! Я сравнил счастливое положение, в котором вы сейчас находитесь, с тем, в каком вы были, когда я явился сюда, и вижу, что вы богатейший народ на свете. Но для полноты вашего благополучия позвольте мне взять у вас половину ваших богатств»[190]. С этими словами сын Эола исчез, взмахнув крылами, и оставил слушателей в невыразимом смущении. На другой день он вернулся и сказал им: «Я заметил, что моя вчерашняя речь вам не особенно понравилась. Ну, хорошо: считайте, что я ничего вам не говорил. Правда, половина богатств — маловато. Чтобы достичь поставленной мною цели, достаточно прибегнуть к другим средствам. Соберем все наши богатства в одно место: сделать это нетрудно, так как богатств немного». И тотчас три четверти их[191] бесследно исчезло».

Из Парижа, месяца Шахбана 9-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLIII

РИКА К НАФАНАИЛУ ЛЕВИ, ЕВРЕЙСКОМУ ВРАЧУ, В ЛИВОРНО

Ты спрашиваешь меня, что я думаю о свойствах амулетов и о могуществе талисманов. Почему ты обращаешься ко мне? Ты еврей, а я магометанин: стало быть, мы оба достаточно легковерны.

Я всегда ношу при себе более двух тысяч изречений из святого Алкорана; я привязываю к рукам свиточек с именами более чем двухсот дервишей, а имена Али, Фатимы и всех праведников запрятаны в моей одежде в двадцати с лишним местах.

Однако я не осуждаю тех, кто отвергает значение, приписываемое известным словам: нам гораздо труднее возразить на их соображения, чем им — опровергнуть наш опыт.

Я ношу при себе эти священные лоскутки бумага по давней привычке и в соответствии с общепринятым обычаем: мне кажется, что если в них не больше ценности, чем в кольцах и в других украшениях, которыми обвешивают себя люди, то и не меньше. Но ты-то ведь деликом полагаешься на некоторые таинственные письмена и без их охраны пребывал бы в вечном страхе.

Как несчастны люди! Беспрестанно колеблются они между ложными надеждами и нелепыми страхами и, вместо того чтобы опираться на разум, придумывают себе чудовища, которых сами же боятся, или призраки, которые их обольщают.

Какого действия ожидаешь ты от расположения известных букв? Что, по-твоему, может произойти от нарушения их порядка? Разве эти буквы имеют какое-нибудь отношение к ветрам, чтобы утишать бури? Или к пороху, чтобы устранять его действие? Или к тому, что в медицине называется *злокачественными соками* и *болезнетворными началами,* чтобы излечивать от них?

Всего удивительнее то, что людям, которые утруждают свой разум, принуждая его связывать те или иные события с действием оккультных свойств, приходится делать не меньше усилий, чтобы не видеть настоящую их причину.

Ты возразишь мне, что не раз чудеса помогали выигрывать битвы, а я тебе отвечу, что надо быть слепым, чтобы в топографических условиях, в численности или в мужестве солдат, в опытности военачальников не увидеть достаточных оснований для той самой победы, истинных причин которой ты не хочешь признавать.

Соглашусь с тобой на минуту, что чудеса дейтвительно существуют. Согласись и ты на минуту, что их вовсе не бывает, — ведь это не невозможно. Твоя уступка не помешает двум армиям сразиться между собою: или ты полагаешь, что в таком случае ни одна из них не одержит победы? Думаешь ли ты, что до тех пор, пока не явится какая-то невидимая сила, судьба их останется нерешенной и все удары будут нанесены зря, вся предусмотрительность

окажется тщетной, все мужество — бесполезным? Думаешь ли ты, что смерть, являющаяся во множестве видов, не может в таких обстоятельствах вызвать в умах тот панический ужас, который тебе так трудно объяснить? Или, по-твоему, в стотысячной армии не бывает ни одного малодушного? Думаешь ли ты, что паника, проявленная одним, не может вызвать паники у другого, и когда второй бросит на произвол судьбы третьего, то этот третий не бросит четвертого? А этого вполне достаточно, чтобы вся армия внезапно отчаялась в победе, и тут уж панический страх охватит ее тем легче, чем она многочисленнее.

Все знают и все чувствуют, что люди, как и вообще все создания, стремящиеся к самосохранению, страстно любят жизнь. Это известно всем, а между тем доискиваются, почему это в данном частном случае люди побоялись ее потерять.

Хотя священные книги всех народов переполнены этими паническими или сверхъестественными страхами, мне трудно представить себе что-либо более легкомысленное: ведь чтобы убедиться, что какое-нибудь действие, которое может быть произведено сотней тысяч естественных причин, на самом деле сверхъестественно, нужно предварительно исследовать, не действовала ли в данном случае одна из этих многих естественных причин, — а исследовать это невозможно.

Больше я ничего тебе не скажу, Нафанаил: мне кажется, что предмет этот не заслуживает серьезного рассмотрения.

Из Парижа, месяца Шахбана 20-го дня, 1720 года

P. S. Когда я заканчивал это письмо, до меня донесся с улицы крик коробейника: он предлагал письмо какого-то провинциального лекаря к парижскому (ибо здесь печатаются, выпускаются в свет и продаются всякие безделицы). Я решил, что хорошо будет послать его тебе, потому что оно имеет прямое отношение к нашему предмету.

ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВРАЧА К ВРАЧУ ПАРИЖСКОМУ

В нашем городе был больной, который не спал ни минуты целых тридцать пять суток. Врач прописал ему опи-

ум, но больной не мог решиться принять его: возьмет в руки рюмку, и опять сомневается. Наконец, он сказал врачу: «Сударь, прошу у вас отсрочки только до завтра: я знаю человека, который хоть и не занимается медициной, но держит у себя множество лекарств от бессонницы. Разрешите мне послать за ним, а если и в эту ночь я не засну, то обещаю вам вновь прибегнуть к вашей помощи». Когда врач уехал, больной приказал опустить занавески и сказал лакею: «Ступай-ка к господину Анису и попроси его зайти ко мне». Господин Анис является. «Дорогой господин Анис! Я умираю: не могу уснуть. Нет ли у вас в лавке книги по М. Г.[192] или благочестивой книжки сочинения какого-нибудь С. О. И.[193], которой вам не удалось продать? Ведь часто лекарства, которые долго настаиваются, оказываются наилучшими». — «Сударь, — ответил книгопродавец, — у меня есть к вашим услугам «Святой двор» отца Коссена[194], в шести томах; я сейчас пришлю их вам; от души желаю, чтобы они вам помогли. Если вам угодно получить сочинения святого отца Родригеса[195], испанского иезуита, то только скажите. Но, поверьте, остановимся на отце Коссене: я надеюсь, что с божьей помощью одна фраза отца Коссена произведет на вас такое же действие, как целая страница М. Г.». С этими словами господин Анис вышел и побежал в свою лавку за лекарством. «Святой двор» был принесен, с него стерли пыль; сын больного, мальчик-школяр, принялся читать его вслух. Он первый почувствовал на себе действие книги: уже со второй страницы мальчуган стал произносить слова невнятно, а вся остальная компания почувствовала какую-то расслабленность. Минуту спустя все храпели, за исключением больного, но и он после долгих попыток в конце концов тоже заснул.

Рано утром явился врач. «Ну что, принял больной опиум?» Ему не отвечают. Жена, дочь, сын — все вне себя от радости, показывают ему отца Коссена. Он спрашивает, что это такое. Ему отвечают: «Да здравствует отец Коссен! Нужно отдать его в переплет. Ну, кто бы сказал? Кто бы поверил? Это просто чудо! Смотрите, сударь! Поглядите же на отца Коссена: этот том помог нашему отцу уснуть». И затем врачу рассказали, как все это произошло.

ПИСЬМО CXLIV

УЗБЕК К РИКЕ

Несколько дней тому назад я побывал на даче и встретил там двух ученых, пользующихся здесь большою славой. Их повадки немало меня удивили. Речь первого в сущности сводилась к следующему: «То, что я сказал, — истина, потому что я сказал это». Речь его коллеги сводилась к другому: «То, чего я не говорил, не истина, потому что я не говорил этого».

Мне больше понравился первый, ибо мне совершенно безразлично, если кто-нибудь упрям, а вот если он нахален, это уже имеет для меня большое значение. Первый защищает свои взгляды, они — его достояние. Второй нападает на мнения других, а это уж — достояние общее.

О любезный мой Рика, как плохо служит тщеславие тем, кто обладает им в большей мере, чем это необходимо для самосохранения: такие люди желают, чтобы ими восхищались на том основании, что они всем неприятны. Они притязают быть выше других, а между тем даже и не равны им.

Скромные люди! Придите ко мне, дайте мне обнять вас! Вы составляете усладу и привлекательность жизни. Вы думаете, что никого собою не пристыжаете, а на самом деле пристыжаете всех. И когда я мысленно сравниваю вас с теми совершенствами в человеческом образе, которых встречаю на каждом шагу, я сбрасываю их с пьедестала и повергаю к вашим ногам.

Из Парижа, месяца Шахбана 22-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLV[196]

УЗБЕК К ***

Умный человек обычно бывает разборчив в отношении общества; он избирает для себя немногих; ему скучно со всей той массой людей, которую он привык называть *дурным обществом;* поэтому невозможно, чтобы он так или иначе не выказал своего отвращения. А от этого у него множество врагов.

Будучи уверен, что он может понравиться всегда, стоит ему только захотеть, он этим часто пренебрегает.

Он склонен к критике, потому что видит и чувствует многое лучше, чем кто-либо другой.

Он почти всегда расточает свое имущество, потому что ум подсказывает ему для этого множество различных способов.

Он терпит крах в своих предприятиях, потому что на многое отваживается. Его взор, заглядывающий всегда далеко, открывает ему предметы, находящиеся на слишком большом расстоянии, не говоря уже о том, что, когда у него возникает какой-нибудь замысел, его меньше поражают трудности, заключающиеся в самой природе данного дела, чем заботят средства, которые зависят от него и которые он извлекает от своих собственных запасов.

Он пренебрегает мелкими подробностями, от которых, однако, зависит успех почти всех больших предприятий.

Напротив, человек посредственный старается из всего извлечь пользу: он сознает, что не может позволить себе пренебрегать чем бы то ни было.

Всеобщее одобрение бывает обыкновенно на стороне такого среднего человека. Ему всякий рад дать, и всякого же восхищает возможность отнять что-нибудь у человека выдающегося. Над одним тяготеет зависть, и ему ничего не прощают, тогда как в пользу другого делается все: тщеславие становится на его сторону.

Но если просто умному человеку приходится переносить столько невзгод, то что же сказать о тяжелом положении ученых?

Всякий раз, как я задумываюсь над этим, мне вспоминается письмо, написанное одним из них к своему другу. Вот оно:

«Милостивый государь!

Я занимаюсь целые ночи тем, что наблюдаю с помощью тридцатифутовой зрительной трубы те огромные тела, которые вращаются у нас над головой, а когда мне хочется отдохнуть, беру микроскоп и рассматриваю какого-нибудь клеща или моль.

Я небогат, и у меня только одна комната, которую я даже не решаюсь отапливать, ибо в ней помещается мой тер-

мометр, а посторонняя теплота повлияла бы на его показания. В прошлую зиму я чуть было не умер от холода, и хотя мой термометр, стоявший на самом нижнем делении, предупреждал меня, что руки у меня сейчас замерзнут, я нисколько не смущался. Зато я утешаюсь тем, что точно изучил малейшие изменения погоды за весь прошлый год.

Я мало с кем общаюсь и незнаком ни с кем из людей, которых вижу. Но есть один человек в Стокгольме, другой в Лейпциге, третий в Лондоне, которых я никогда не видел и несомненно никогда не увижу, но с которыми я поддерживаю такую деятельную переписку, что не пропускаю ни одного курьера, чтобы не послать с ним письма.

Но хотя я никого и не знаю в своем околотке, за мною упрочилась такая дурная слава, что я вынужден буду уехать отсюда. Лет пять тому назад меня грубо оскорбила соседка за то, что я анатомировал собаку, которая, по ее словам, принадлежала ей. Жена мясника, слышавшая ее обвинения, стала на ее сторону, и в то время как первая осыпала меня отборной бранью, другая начала швырять камнями в меня и в бывшего со мною доктора Л., причем он получил ужасный удар в лобную и затылочную кости, отчего вместилище его разума было сильно потрясено.

С тех пор, как только исчезнет какая-нибудь собака, сейчас же решают, что она попала ко мне в руки. На днях некая добросердечная мещанка, где-то потерявшая свою собачонку, которую, по ее словам, она любила больше собственных детей, явилась ко мне и упала в обморок; не обнаружив у меня собаки, она притянула меня к суду. Я, кажется, никогда не избавлюсь от докучливой злобы этих женщин, они беспрестанно оглушают меня своими визгливыми голосами, своими надгробными речами над всеми автоматами[197], умершими за последние десять лет.

Имею честь быть, и т. д.».

Некогда всех ученых обвиняли в колдовстве. Меня это нисколько не удивляет. Каждый рассуждал про себя: «Я развил свои природные дарования насколько это было возможно, а между тем такой-то ученый, имеет преимущества предо мною: очевидно, тут вмешалась какая-то чертовщина».

В наше время, когда подобные обвинения потеряли убедительность, принялись за другое: ученому никак не удается избежать упреков в безбожии или ереси. И даже если народ: даст ему полное отпущение грехов, все равно рана нанесена: она никогда не закроется и навсегда останется его больным местом. Лет тридцать спустя какой-нибудь соперник скажет ему со смиренным видом: «Взведенное, на вас обвинение не было справедливо, — боже избави! — но все же вам пришлось оправдываться...» Так обращают против него даже его оправдание!

Если он пишет какую-нибудь историю и притом наделен благородством ума и прямотою сердца, то против него возбуждают всяческие преследования. На него натравят власть предержащую за какой-нибудь факт, случившийся тысячу лет назад, и постараются наложить оковы на его перо, если оно не продажно. Однако он все же счастливее тех подлых людей, которые отрекаются от своих убеждений ради ничтожной пенсии, причем за каждый из своих обманов в отдельности не выручают и полушки; которые ниспровергают государственное устройство, умаляют права одной власти и увеличивают права другой; дают государям, отнимают у народов; воскрешают устарелые права; льстят страстям, распространенным в их время, и порокам, пробравшимся на трон, и обманывают потомство тем более недостойным образом, что оно располагает меньшими возможностями опровергнуть их свидетельства.

Но мало того, что ученый испытывает все эти оскорбления, мало того, что он находится в состоянии постоянного беспокойства по поводу успеха своего произведения: когда, наконец, в один прекрасный день это сочинение, так дорого ему обошедшееся, выходит из печати, на него со всех сторон начинают сыпаться нападки. А как их избежать? У человека сложилось известное мнение, он выразил его в своем сочинении, не зная, что в двухстах милях оттуда другой ученый высказал взгляды, совершенно противоположные. И вот между ними начинается война.

Если бы он еще мог надеяться заслужить некоторое уважение! Нет: в лучшем случае его уважают только те, кто занят той же отраслью науки, что и он. Философ свысока глядит на человека, у которого голова набита факта-

ми, а на него, в свою очередь, смотрит как на фантазера тот, кто обладает хорошей памятью.

Что касается людей, сделавших своим ремеслом спесивое невежество, то им бы хотелось, чтобы весь род людской был погружен в полное забвение, какое постигнет их самих.

Человек, лишенный всякого таланта, вознаграждает себя тем, что презирает его: этим он устраняет препятствие, стоящее между ним и заслуженным уважением, и таким образом оказывается на одном уровне с теми, чьи труды его раздражают.

Наконец, к нелестной репутации ученых нужно прибавить еще и другие неприятности: отказ от удовольствий и потерю здоровья.

Из Парижа, месяца Шахбана 20-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLVI

УЗБЕК К РЕДИ В ВЕНЕЦИЮ

Давно уже было сказано, что добросовестность — душа хорошего министра.

Частные лица могут наслаждаться своим незаметным положением: они роняют себя во мнении только нескольких людей, от других же они укрыты. Но у министра, погрешившего против честности, столько же свидетелей, столько же судей, сколько людей состоит под его управлением.

Осмелюсь ли сказать? Величайшее зло, причиняемое нечестным министром, состоит не в том, что он дурно служит своему государю и разоряет народ, а в том, что он подает дурной пример, — а это, полагаю я, в тысячу раз опаснее.

Ты знаешь, что я долго путешествовал по Индии[198]. Я видел там народ, великодушный от природы, но быстро развратившийся, от самого последнего из подданных до самого высокопоставленного, благодаря дурному примеру, поданному одним министром. Я видел там, как целый народ, испокон веков отличавшийся великодушием, честностью, душевной чистотой и добросовестностью, внезапно сделался последним из народов; как зло распространя-

лось, не щадя даже наиболее здоровых членов; как самые добродетельные люди совершали недостойные поступки и попирали самые основные начала справедливости под тем пустым предлогом, что они были попраны в отношении их самих.

Они ссылались на отвратительные законы в оправдание самых подлых действий и называли необходимостью несправедливость и вероломство.

Я видел, как подорвана была вера в нерушимость договоров, как попраны были священнейшие соглашения, как нарушены были все семейные законы. Я видел, как алчные должники, — эти недостойные орудия свирепых законов и сурового времени, — гордясь своей наглой нищетой, притворялись, будто платят долг, а на самом деле вонзали нож в грудь своих благодетелей[199].

Я видел, как другие, еще более недостойные, покупали почти даром или, вернее, попросту подбирали с земли дубовые листья[200] и подменяли ими пропитание вдов и сирот.

Я видел, как внезапно во всех сердцах зародилась неутолимая жажда богатства. Я видел, как в одно мгновение создался отвратительный заговор с целью разбогатеть не при помощи честного труда и благородной изобретательности, но путем разорения монарха, государства и сограждан.

В это лихое время я видел, как честный гражданин не ложился спать иначе, как со словами: «Сегодня я разорил одно семейство, завтра пущу по миру другое».

«Я хожу, — говорил другой, — с черным человеком, несущим чернильницу в руке и отточенную железку за ухом, чтобы убивать всех, кому я чем-либо обязан».

Третий говорил: «Дела мои идут на лад. Правда, когда три дня тому назад я расплатился с кредитором, я оставил там целую семью в слезах, обратил в ничто приданое двух честных девушек, лишил образования сынишку. Отец их умрет с горя, мать изнывает с тоски; но я не сделал ничего такого, что не было бы дозволено законом»[201].

Может ли быть преступление больше того, какое совершает министр, когда он развращает нравы целого народа, оскверняет самые благородные души, лишает блеска человеческие достоинства, помрачает самую добродетель и подвергает общему презрению даже наиболее прославленные имена?[202]

Что скажет потомство, когда ему придется краснеть от стыда за своих отцов? Что скажет молодое поколение, когда сравнит железо своих предков с золотом тех, кому оно непосредственно обязано жизнью? Я не сомневаюсь, что дворяне вычеркнут из своих родословных это недостойное, позорящее их звено и оставят нынешнее поколение в том ужасающем ничтожестве, в которое оно впало по собственной вине.

Из Парижа, месяца Рамазана 11-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CXLVII[203]

ГЛАВНЫЙ ЕВНУХ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Положение у нас стало совершенно невозможным: твои жены вообразили, будто в твое отсутствие им предоставлена полная безнаказанность. Здесь происходят ужаснейшие вещи. Я содрогаюсь при мысли о жестоком отчете, который собираюсь представить тебе.

Несколько дней тому назад Зели, отправляясь в мечеть, откинула покрывало и появилась перед всем народом почти что с открытым лицом.

Я застал Заши в постели с одной из ее рабынь, — она позволила себе нарушить строжайший закон сераля.

Благодаря исключительному случаю я перехватил прилагаемое при сем письмо: мне так и не удалось установить, кому оно было предназначено.

Вчера вечером в саду сераля был обнаружен какой-то юноша, но он перелез через стену и убежал.

Прибавь к этому еще и все то, что могло остаться мне неизвестным; ибо нет сомнений, что тебе изменяют. Жду твоих приказаний, а впредь до счастливого часа, когда я их получу, я буду жить в смертельной тревоге. Но если ты не предоставишь мне поступать с этими женщинами по моему усмотрению, я не отвечаю ни за одну из них, и мне каждодневно придется сообщать тебе такие же печальные новости, как сегодня.

Из испаганского сераля, месяца Реджеба 1-го дня, 1717 года

ПИСЬМО CXLVIII

УЗБЕК К ГЛАВНОМУ ЕВНУХУ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Настоящим письмом вручаю тебе безграничную власть над всем сералем; распоряжайся так же полновластно, как делал бы я сам. Пусть страх и трепет сопутствуют тебе; поспешай из покоя в покой, наказывая и карая. Пусть все пребывают в ужасе; пусть все исходят слезами перед тобой. Допроси весь сераль; начни с рабынь. Не считайся с моей любовью; пусть все без исключения пройдут перед твоим грозным судом. Раскрой самые сокровенные тайны. Очисти это нечестивое место и верни в него изгнанную добродетель; с этой минуты на твою голову падут малейшие проступки, которые будут там совершены. Я подозреваю, что перехваченное тобою письмо предназначалось Зели. Рассмотри все это глазами рыси.

*Из ***, месяца Зильхаже 11-го дня, 1718 года*

ПИСЬМО CXLIX

НАРСИТ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Блистательный повелитель! Главный евнух умер. Как старейший из твоих рабов, я заступил его место до тех пор, пока ты не соблаговолишь сообщить, на кого пал твой выбор.

Два дня спустя после его смерти мне подали твое письмо, присланное на его имя. Я не осмелился вскрыть его; я его благоговейно завернул и запер в ожидании, когда ты сообщишь мне свою священную волю.

Вчера, посреди ночи, меня разбудил раб и сказал, что обнаружил в серале какого-то юношу. Я встал, разобрался в деле и пришел к выводу, что ему просто померещилось.

Лобзаю твои стопы, высокий повелитель, и прошу тебя положиться на мое усердие, опытность и старость.

Из испаганского сераля, месяца Джеммади 1, 5-го дня, 1718 года

ПИСЬМО CL

УЗБЕК К НАРСИТУ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Несчастный! В твоих руках письма, содержащие срочные и строжайшие распоряжения: малейшая проволочка может ввергнуть меня в отчаяние, а ты под пустым предлогом бездействуешь!

Происходят страшные вещи: быть может, половина моих рабов заслуживает смерти. Пересылаю тебе письмо, которое написал мне об этом перед смертью евнух. Если бы ты вскрыл мое послание к нему, то нашел бы там кровавые приказания. Прочти же их и знай, что тебе несдобровать, если не выполнишь всё в точности.

*Из ***, месяца Шальвала 25-го дня, 1718 года*

ПИСЬМО CLI

СОЛИМ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Если бы я дольше хранил молчание, я был бы так же виновен, как преступники, которые завелись у тебя в серале.

Я был поверенным главного евнуха, преданнейшего из твоих рабов. Когда он понял, что приходит ему конец, он послал за мною и сказал мне следующие слова: «Я умираю; но, покидая жизнь, я скорблю лишь о том, что в последние минуты мне довелось стать свидетелем преступного поведения жен моего господина. Да упасет его небо от тех несчастий, которые я предвижу! Пусть грозная тень моя после смерти явится и напомнит этим вероломным об их долге и устрашит их еще раз! Вот ключи от запретных покоев. Отнеси их самому старому из черных евнухов. Но если после моей смерти окажется, что он проявляет мало бдительности, немедленно доложи об этом нашему повелителю». С этими словами он испустил дух у меня на руках.

Я знаю, что незадолго до смерти он написал тебе о поведении твоих жен. В серале хранится твое письмо, которое привело бы всех в ужас, будь оно распечатано. Другое

же, написанное тобою позже, было перехвачено за три мили отсюда. Не знаю, в чем тут дело: невзгоды преследуют нас.

Между тем твои жены совершенно распустились: с того дня, как умер главный евнух, им как будто все стало позволено. Одна только Роксана осталась верна долгу и попрежнему скромна. Добронравие забывается с каждым днем. На лицах твоих жен не видна уже былая добродетель, дышавшая силой и строгостью; в серале заметно какое-то небывалое ликование, свидетельствующее об утрате этой добродетели и происходящее, по-моему, от недавно полученного удовлетворения. Даже в мелочах замечаю я неведомые доселе вольности. Даже среди рабов воцарилось явное пренебрежение к своим обязанностям и к соблюдению правил, что меня очень удивляет: у них уже не видно того пылкого усердия к твоей службе, которое раньше, казалось, одушевляло весь сераль.

Твои жены провели неделю в деревне на одной из самых уединенных твоих дач. Говорят, смотритель дачи был подкуплен и за день до их приезда спрятал двоих мужчин в каменном чулане, устроенном в стене главного покоя, и что эти мужчины выходили оттуда по вечерам, когда мы удалялись. Старый евнух, возглавляющий нас в настоящее время, — дурак, которого можно уверить в чем угодно.

Я охвачен гневом и жаждой мести за такое вероломство, и если бы небу угодно было, для пользы твоей службы, чтобы ты почел меня способным управлять сералем, обещаю тебе, что если твои жены и не станут добродетельными, то станут по крайней мере верными.

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 6-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CLII

НАРСИТ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Роксана и Зели пожелали поехать на дачу: я не нашел целесообразным им отказать. Счастливый Узбек! У тебя верные жены и бдительные рабы; я начальствую над ме-

стами, которые добродетель как будто избрала себе убежищем. Будь уверен: здесь не случится ничего, что могло бы оскорбить твой взор.

У нас случилась беда, которою я очень удручен. «Армянские купцы, приехавшие недавно в Испагань, привезли мне письмо от тебя; я послал за ним раба; на обратном пути его ограбили, и письмо пропало. Напиши мне поскорее, ибо, думаю, ввиду наступивших перемен у тебя должны быть для меня важные приказания.

Из сераля Фатимы, месяца Ребиаба 1, 6-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CLIII

УЗБЕК К СОЛИМУ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Влагаю в твои руки меч. Я доверяю тебе то, что для меня в настоящее время дороже всего на свете: месть. Вступи в новую должность, и не знай при этом ни жалости, ни сострадания. Я пишу к своим женам, чтобы они слепо тебе повиновались. Устыдясь стольких преступлений, они склонятся перед твоим взором. Пусть буду я тебе обязан своим счастьем и покоем. Приведи мой сераль в то же состояние, в каком я его оставил; но начни с возмездия: уничтожь виновных и приведи в содрогание тех, кто уже готов был провиниться. За такие заслуги можешь надеяться на любую награду! От тебя одного зависит возвыситься над своим настоящим положением и получить такие награды, о которых ты и не мечтал.

Из Парижа, месяца Шахбана 4-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CLIV

УЗБЕК К СВОИМ ЖЕНАМ В ИСПАГАНСКИЙ СЕРАЛЬ

Пусть это письмо разразится над вами, как гром среди молний и бури! Солим назначен вашим главным евнухом не для того, чтобы стеречь вас, но чтобы вас наказывать.

Пусть весь сераль преклонится перед ним! Он должен судить вас за ваши прошлые поступки, а в будущем станет держать вас под таким суровым ярмом, что вы пожалеете о прежней своей свободе, раз уж не жалеете о своей добродетели.

Из Парижа, месяца Шахбана 4-го дня, 1719 года

ПИСЬМО CLV

УЗБЕК К НЕССИРУ В ИСПАГАНЬ

Счастлив тот, кто, зная всю цену приятной и спокойной жизни, отдыхает сердцем в лоне своей семьи и не знает иной страны, кроме той, которая дала ему жизнь.

Я живу в варварской стране, общаясь со всем, что мне несносно, лишенный всего, что мне дорого. Безысходная тоска охватывает меня; я впадаю в страшное уныние: мне кажется, будто я умер, и я прихожу в себя лишь тогда, когда мрачная ревность разгорается во мне и порождает в душе моей страх, подозрения, ненависть и сожаление.

Ты знаешь меня, Нессир: ты всегда читал в моем сердце, как в своем собственном. Ты пожалел бы меня, если бы знал, в каком плачевном состоянии я нахожусь. Иногда по целых полгода ожидаю я вестей из сераля: я считаю бегущие мгновения; нетерпение еще больше удлиняет их, а когда долгожданный миг приближается, в моем сердце совершается внезапная перемена: рука дрожит, распечатывая роковое письмо. Терзавшее меня беспокойство я начинаю считать самым для себя счастливым состоянием и боюсь, что меня выведет из него удар, более жестокий, нежели тысяча смертей.

Но как бы ни были основательны причины, заставившие меня покинуть родину, как ни обязан я этому отъезду самою жизнью, я не могу больше, Нессир, терпеть это ужасное изгнание. Здесь я все равно умру от тоски. Я тысячу раз убеждал Рику уехать из этой чужой земли, но он противится всем моим доводам; он удерживает меня здесь под всяческими предлогами; он как будто забыл отчизну или скорее забыл обо мне: до такой степени он равнодушен к моим страданиям.

О, я несчастный! Я жажду вновь увидеть родину, может быть для того только, чтобы стать еще несчастнее! Да и что мне там делать? Я головою выдам себя моим врагам. Это еще не все: я войду в сераль, и мне придется потребовать отчет за печальное время моего отсутствия. А что будет со мною, если в серале найдутся провинившиеся? Если одна только мысль об этом удручает меня, когда я так далеко, то что же будет, когда в моем присутствии она обратится в действительность? Что будет, если я увижу, если услышу то, чего и вообразить себе не могу без содрогания? Что будет, наконец, если приговор, который я сам же и произнесу, останется вечным свидетельством моего позора и отчаяния?

Я затворюсь в стенах сераля, еще более страшных для меня, чем для охраняемых за ними женщин. Я принесу туда все мои подозрения; ласки жен меня не разуверят; в постели, в их объятиях я буду испытывать только тревогу; мой ревнивый ум будет предаваться размышлениям в мгновения, столь мало для них подходящие. Недостойное отребье человеческой природы, подлые рабы, сердца которых навеки замкнулись для любви, вы бы не жаловались так на свое положение, если бы знали, что я переживаю!

Из Парижа, месяца Шахбана 4-го дня, 1713 года

ПИСЬМО CLVI

РОКСАНА К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Ужас, мрак и отчаяние царят в серале, он погружен в страшное отчаяние. Тигр каждую минуту проявляет здесь свою ярость: он подверг пыткам двух белых евнухов, которым не в чем было признаваться, кроме своей невиновности; он продал часть наших рабынь и заставил нас поменяться оставшимися. Заши и Зели подверглись в своей комнате, под покровом ночи, унизительному наказанию: гнусный нечестивец не побоялся поднять на них свою подлую руку. Он держит нас взаперти в наших комнатах и, хотя мы там одни, принуждает нас носить покрывала. Нам запрещено разговаривать друг с другом; переписываться

было бы целым преступлением; нам предоставлено только одно: плакать.

В серале появилось много новых евнухов; они досаждают нам ночью и днем; они беспрестанно прерывают наш сон из-за притворной или действительной тревоги. Меня утешает только то, что все это продлится недолго, что страдания эти окончатся вместе с моей жизнью. А жить мне осталось немного, жестокий Узбек. Я не стану дожидаться, пока ты прекратишь все эти оскорбления.

Из испаганского сераля, месяца Махаррама 2-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CLVII

ЗАШИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

О небо! Варвар жестоко оскорбил меня даже самым способом наказания. Он подверг меня тому истязанию, которое вызывает в нас чувство стыда и повергает нас в крайнее унижение — истязанию, которое возвращает нас, так сказать, к детству.

Сначала я совсем растерялась от стыда, но затем овладела собою и начала было возмущаться, но тут своды покоев огласились моими воплями. Тот, до кого они доносились, слышал, как я просила пощады у подлейшего из людей и взывала о снисхождении, между тем как он становился все неумолимее.

С того времени его наглая и рабская душа подчинила себе мою. Его присутствие, взоры, слова, всевозможные притеснения угнетают меня. Когда я бываю одна, я утешаюсь хоть тем, что проливаю слезы, но стоит мне увидеть его, как я прихожу в ярость, чувствую все ее бессилие и впадаю в отчаяние.

Тигр осмеливается говорить мне, что все эти жестокости исходят от тебя. Ему бы хотелось отнять у меня мою любовь и до самой глубины осквернить мое сердце. Когда он произносит имя того, кого я люблю, мне нечего уже больше жаловаться, остается только умереть.

Я переносила твое отсутствие и сохраняла любовь к тебе с помощью ее самой. Все мои ночи, дни, самые мгнове-

ния — всё принадлежало тебе. Я гордилась своею любовью, а твоя любовь окружала меня здесь уважением. Но теперь... Нет, я не могу больше выносить унижения, до которого меня довели! Если я невинна, вернись, чтобы любить меня. Если я виновна, вернись, чтобы я умерла у ног твоих.

Из испаганского сераля, месяца Махаррама 2-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CLVIII

ЗЕЛИ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Находясь за тысячу миль от меня, ты решаешь, что я виновна; находясь за тысячу миль, ты наказываешь меня.

Когда варвар-евнух поднимает на меня свою подлую руку, он действует по твоему приказанию. Не тот, кто выполняет приказания тирана, а сам тиран оскорбляет меня.

Ты можешь, если тебе вздумается, еще хуже обращаться со мной. Сердце мое спокойно с тех пор, как оно не может больше любить тебя.

Душа твоя низко пала, и ты становишься жестоким. Будь же уверен, что нет тебе больше счастья! Прощай.

Из испаганского сераля, месяца Махаррама 2-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CLIX

СОЛИМ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Жалею себя, блистательный повелитель, и жалею тебя: никогда еще ни один верный слуга не доходил до такого жестокого отчаяния, до какого дошел я. Вот в чем твои и мои несчастья. Пишу тебе о них содрогаясь.

Клянусь всеми небесными пророками, что с тех пор, как ты доверил мне своих жен, я бодрствовал над ними ночи и дни, ни на мгновение не успокаивался. Я начал свое управление с наказаний, но, и прекратив их, не отрешился от своей природной суровости.

Да стоит ли говорить об этом? Зачем хвалиться верностью, которая оказалась бесполезной? Забудь все мои прошлые заслуги; считай меня изменником и накажи за все преступления, которых я не в силах был предотвратить.

Роксана, надменная Роксана... О небо! Кому же доверять отныне? Ты подозревал Зели и питал полнейшее доверие к Роксане. Но ее суровая добродетель оказалась коварным притворством: то было лишь покрывало ее вероломства. Я застал ее в объятиях юноши; поняв, что попался, он бросился на меня и нанес мне два удара кинжалом. Сбежавшиеся на шум евнухи окружили его. Он долго защищался, ранил несколько человек и порывался даже вернуться в комнату Роксаны, чтобы, как он говорил, умереть на ее глазах. Но в конце концов не выдержал нашего численного превосходства и пал к нашим ногам.

Я, вероятно, не буду дожидаться твоих строгих приказаний, высокий повелитель: ты передал мщение в мои руки. Я не должен откладывать его.

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 8-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CLX

СОЛИМ К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Я принял решение: твои горести скоро прекратятся, я накажу виновницу.

Я уже чувствую тайную радость; наши с тобою души умиротворятся: мы искореним преступление, а невинность устрашится.

О вы, для того только, кажется, и созданные, чтобы не познавать собственных своих чувств и возмущаться даже собственными своими желаниями, вы, вечные жертвы позора и стыдливости, почему не могу я загнать вас целыми толпами в этот несчастный сераль, чтобы удивить вас потоками крови, которую я тут пролью!

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 8-го дня, 1720 года

ПИСЬМО CLXI

РОКСАНА К УЗБЕКУ В ПАРИЖ

Да, я изменила тебе: я подкупила твоих евнухов, я насмеялась над твоею ревностью и сумела обратить твой отвратительный сераль в место наслаждений и ликования.

Я скоро умру; скоро яд разольется по моим жилам. Что мне вообще здесь делать, раз не стало единственного человека, который привязывал меня к жизни? Я умираю, но тень моя отлетает с целою свитой: я только что выслала вперед нечестивых рабов, проливших чистейшую в мире кровь.

Как мог ты считать меня настолько легковерной, чтобы думать, будто единственное назначение мое в мире — преклоняться перед твоими прихотями, будто ты имеешь право подавлять все мои желания, в то время как ты всё себе позволяешь? Нет! Я жила в неволе, но всегда была свободна: я заменила твои законы законами природы, и ум мой всегда был независим.

Ты должен бы быть мне благодарным за жертву, которую я тебе приносила: за то, что я унижалась, притворяясь верной тебе, что трусливо скрывала в своем сердце то, что должна была бы открыть всему миру, и, наконец, за то, что я оскверняла добродетель, допуская, чтобы этим именем называли мою покорность твоим причудам.

Ты удивлялся, что не находил во мне упоения любовью. Если бы ты знал меня лучше, ты бы догадался по этому о силе моей ненависти к тебе.

Но ты долгое время мог обольщаться приятным сознанием, что сердце, подобное моему, тебе покорно. Мы оба были счастливы: ты думал, что обманываешь меня, а я тебя обманывала.

Такая речь несомненно удивит тебя. Возможно ли, чтобы, причинив тебе горе, я вдобавок принудила тебя восхищаться моим мужеством? Но все кончено: яд меня пожирает, силы оставляют, перо выпадает из рук; чувствую, что слабею, слабеет даже моя ненависть; я умираю.

Из испаганского сераля, месяца Ребиаба 1, 8-го дня, 1720 года

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН

DE LA GRANDEUR ET DE LA DÉCADENCE DES ROMAINS

1734

ГЛАВА I

НАЧАЛО РИМА. ЕГО ВОЙНЫ

Когда мы думаем о начале Рима, то не следует представлять себе, что он имел вид современного города; скорее, он напоминал города Крыма[1], построенные для того, чтобы содержать в их стенах военную добычу, скот и продовольствие. Все древние названия главных мест Рима ведут свое происхождение от этого обычая.

Город не имел даже улиц, если не называть этим именем продолжения дорог, кончавшихся в нем. Дома были очень малы и разбросаны без всякого порядка, ибо мужчины, всегда работавшие в поле или находившиеся на форуме[2], совсем не жили в них.

Но величие Рима вскоре проявилось в его общественных зданиях. Сооружения, которые теперь, как и в былые времена, дают самое возвышенное представление о его могуществе, были построены при царях[3]. Уже тогда начали строить Вечный город.

Ромул[4] и его преемники почти все время вели войны со своими соседями для того, чтобы иметь больше граждан, женщин или земель; они возвращались в город с добычей, взятой у побежденных народов; добыча, состоявшая из хлебных снопов и стад, вызывала великую радость у жителей. Это послужило началом триумфов, которые впоследствии стали главной причиной того величия, которого достиг город.

Рим увеличил свои силы благодаря объединению с сабинами[5], суровым и воинственным народом, напоминавшим лакедемонян[6], от которых они происходили. Ромул заимствовал у них большой щит вместо маленького аргивского щита, которым он пользовался ранее, — следует заметить, что римляне стали владыками мира главным образом благодаря тому обстоятельству, что, непрерывно воюя со всеми народами, они всегда отказывались от своих обы-

чаев, как только замечали, что их можно заменить лучшими.

Итальянские республики[7] считали тогда, что договоры, заключенные с одним царем, не налагают на них никаких обязанностей по отношению к его преемнику; это было для них своего рода международным правом. Таким образом, все народы, покоренные одним царем Рима, считали себя свободными по отношению к другому — так что войны все время порождали войны.

Долгое и мирное царствование Нумы[8] имело своим следствием то, что Рим сохранил свои прежние пределы; если бы он имел тогда более значительную территорию и был более могущественным, то, вероятно, его судьба была бы предопределена навсегда.

Одна из причин процветания Рима состояла в том, что все его цари были великими людьми. Мы не имеем в истории другого примера подобной непрерывной последовательности таких выдающихся государственных людей и полководцев.

Строй обществ при их возникновении устанавливается главами республик; в дальнейшем, наоборот, строй воспитывает глав республик.

Тарквиний[9] захватил власть, не будучи избран ни сенатом, ни народом. Власть становилась наследственной; он сделал ее абсолютной. За этими двумя революциями последовала третья.

Его сын Секст, учинив насилие над Лукрецией[10], совершил преступление, которое почти всегда служило причиною изгнания тиранов из тех городов, где они были начальниками; ибо народ, которого подобный поступок всегда заставляет сильно почувствовать свое рабское состояние, прибегает тогда немедленно к крайним мерам.

Народ легко выносит, когда его облагают новыми налогами; он не знает, не употребят ли взятые у него деньги таким образом, что и он извлечет некоторую пользу из этого. Но когда ему наносят обиду, он только чувствует свое несчастие и представляет себе при этом все то зло, которое ему могут причинить.

Однако нет сомнения, что смерть Лукреции была только поводом для той революции, которая произошла, ибо

гордый, предприимчивый и смелый народ, заключенный в своих стенах, неизбежно либо смирится, либо свергнет иго, наложенное на него.

Должно было произойти одно из двух: или Рим должен был изменить свое правительство, или он остался бы маленькой и бедной монархией.

Удивительно, что и современная история дает нам пример того, что произошло тогда в Риме: ибо люди во все времена испытывают одинаковые страсти, но поводы, приводящие к великим переменам, различны, хотя причины всегда те же самые.

Подобно тому как Генрих VII, король Англии[11], увеличил власть общин для того, чтобы унизить лордов, Сервий Туллий[12] до него расширил права народа для того, чтобы ослабить сенат[13]. Но народ, став более дерзким, ниспроверг как ту, так и другую монархию.

Портрет Тарквиния, оставленный нам потомством, не лестен для него; нет ни одного оратора, выступавшего против тирании, который не упомянул бы его имени. Но его поведение до случившегося с ним несчастья, которое он предвидел, его кротость по отношению к побежденным народам, щедрость по отношению к солдатам, искусство, с которым он сумел привлечь на свою сторону множество людей, его общественные сооружения, его смелость в войне, стойкость в несчастьях, двадцатилетняя война, которую он вел или побудил союзников вести против римского народа, не имея ни царства, ни богатств, постоянные ресурсы, которые он находил для ведения войны, — все это доказывает, что он был незаурядным человеком.

Оценка, которую потомство дает деятелю, зависит, как и все прочее, от капризов фортуны; но горе репутации всякого государя, которого победила партия, ставшая впоследствии господствующей, или который пытался разрушить предрассудок, переживший его.

Рим, изгнав царей, установил должность ежегодных консулов[14]; это возвело его на вершину могущества. В жизни каждого государя бывает период честолюбия; но за ним следуют периоды господства других страстей и даже лености. Но консулы республики, сменявшиеся каждый год и стремившиеся прославить свое правление, чтобы вновь

получить свою должность, не теряли ни одного мгновения для проявления своего честолюбия: они побуждали сенат предлагать народу объявлять войну и каждый день указывали ему новых врагов.

Сенат и сам по себе был склонен к ведению войны; народ непрерывно докучал ему своими жалобами и требованиями, и, чтобы рассеять его беспокойство, он стремился занять его внешними делами.

Война же почти всегда была приятна народу, ибо начальники в разумном распределении добычи нашли средство сделать ее полезной ему.

Рим не был торговым городом, в нем почти не было ремесел; грабеж был единственным способом обогащения его граждан.

В самом грабеже соблюдалась известная дисциплина; он производился приблизительно в том же порядке, какой мы видим теперь у крымских татар.

Добыча считалась общей, и ее распределяли между солдатами; ничего не пропадало, потому что до отправления на войну каждый давал клятву, что он ничего не похитит из добычи в свою личную пользу. А римляне добросовестнее всех народов в мире соблюдали клятву, которая всегда была движущей силой их военной дисциплины.

Наконец, граждане, которые оставались в городе, также пользовались плодами победы. Часть земель побежденного народа подвергалась конфискации, причем она делилась на две доли: одна продавалась в пользу государства, другая же распределялась между бедными гражданами, которые обязаны были выплачивать ренту в пользу республики.

Консулы, которым декретировали триумф только в том случае, если они совершили завоевание или одержали победу, вели войну чрезвычайно стремительно, они шли прямо на врага, и сила вскоре решала участь войны.

Рим находился в состоянии непрерывной и жестокой войны; но нация, которая все время ведет войну, нация у которой война служит принципом правительства, неизбежно должна погибнуть или же восторжествовать над всеми другими нациями, которые как во время войны, так и во время мира не приспособлены в такой степени к ведению наступательной или оборонительной войны.

Благодаря этому римляне приобрели глубокие познания в военном искусстве. При кратковременных войнах большинство примеров пропадает даром; мир дает другое направление мыслям, люди забывают не только свои ошибки, но даже и свои подвиги.

Другое следствие принципа непрерывной войны состояло в том, что римляне всегда заключали мир только в качестве победителей. Действительно, какой смысл был заключать позорный мир с одним народом для того, чтобы затем напасть на другой народ?

Руководствуясь этой идеей, они увеличивали свои требования по мере того, как терпели поражения. Этим они повергали в ужас своих победителей и ставили самих себя в такое положение, которое настоятельно требовало от них победы.

Так как они все время подвергались опасности самого ужасного мщения, то настойчивость и мужество стали для них необходимыми добродетелями. Эти добродетели сливались у них воедино с любовью к себе, к своей семье, к своему отечеству, словом, ко всему самому дорогому для человека.

Народы Италии совершенно не умели тогда пользоваться осадными машинами; более того, так как солдаты не получали жалования, то их нельзя было долго удерживать для осады на одном месте, поэтому очень немногие войны вели к решительному исходу. Сражались только для того, чтобы разграбить лагерь неприятеля или его земли: после этого как победитель, так и побежденный возвращались обратно в свои города. Это увеличивало сопротивление народов Италии и в то же время делало римлян более настойчивыми в их стремлении покорить эти народы; это доставило римлянам такие победы, которые не испортили их и оставили при всей прежней бедности.

Если бы они быстро покорили все соседние города, то при нашествиях Пирра, галлов и Ганнибала[15] они уже находились бы в состоянии упадка. Они испытали бы участь почти всех народов в мире, перейдя слишком быстро от бедности к богатству и от богатства к испорченности.

Но Рим, прилагая все время усилия и неизменно встречая препятствия, заставлял народы чувствовать свое могущество, не имея возможности распространить его; в преде-

лах узкого круга он упражнялся в добродетелях, которые должны были стать роковыми для вселенной.

Не все народы Италии были одинаково воинственны: туски были изнежены богатством и роскошью, тарентинцы, капуанцы, жители почти всех городов Кампании и Великой Греции томились в бездействии и предавались наслаждениям. Но латины, герники, сабины, эквы и вольски[16] страстно любили войну; они жили вокруг Рима, оказывали ему отчаянное сопротивление и стали его учителями в упорстве.

Латинские города были колониями Альбы[17], основанными Латином Сильвием[18]. Жители их имели общее происхождение и общие обряды с римлянами. Сервий Туллий побуждал их строить в Риме храм, который должен был стать центром объединения двух народов. После того как латины потерпели поражение в большой битве у озера Регилла, они принуждены были вступить в союз с римлянами и заключить с ними военный договор[19].

В течение непродолжительной тирании децемвиров[20] с очевидностью обнаружилось, до какой степени величие Рима было связано с его свободой. Государство как будто потеряло душу, оживлявшую его.

В городе оставалось только два рода людей: одни терпели рабство, а другие в своих частных интересах стремились навязать его народу. Сенаторы удалились из Рима как из чужого города, и соседние народы не встречали никакого сопротивления.

После того как сенат нашел способ платить жалование солдатам, была предпринята осада Вей[21], длившаяся десять лет. Римляне стали более искусными, они нашли новый способ ведения войны, их успехи стали более блестящими, они лучше использовали свои победы, сделали более крупные завоевания, основали больше колоний, наконец, взятие Вей было своего рода революцией.

Но положение их не стало более легким. Правда, они нанесли жестокие удары тускам, эквам и вольскам; но из-за этого их союзники — латины и герники, — имевшие то же оружие, что и они, и введшие у себя ту же дисциплину, покинули их; туски образовали лиги, а самниты[22], наиболее воинственные из всех народов Италии, вступили с ними в ожесточенную войну.

После того как сенат стал выплачивать жалование солдатам, он перестал распределять между ними земли побежденных народов. Он возложил на последних другие обязанности: так, например, он обязал их выплачивать солдатам жалование в течение определенного времени, снабжать их хлебом и одеждой.

Взятие Рима галлами нисколько не ослабило его сил: армия, скорее рассеянная, чем побежденная, удалилась почти целиком в Вейи; народ спасся в соседних городах; пожар уничтожил только несколько пастушеских хижин.

ГЛАВА II

О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ У РИМЛЯН

Так как римляне предназначали себя к войне и считали ее единственным истинным искусством, то они сосредоточили весь свой ум и все свои мысли на том, чтобы усовершенствовать это искусство. Без сомнения, говорит Вегеций, некий бог внушил им устройство легиона[23].

Они считали, что нужно дать солдатам легиона более сильное и более тяжелое наступательное и оборонительное оружие, чем оружие любого другого народа.

Но так как на войне приходится делать много такого, на что не способен тяжело вооруженный солдат, то они включили в легион легкий отряд, который мог выходить из легиона, чтобы завязать битву, и отступать обратно, когда этого требовала необходимость. Легион имел еще кавалерию, стрелков и пращников, которые должны были преследовать бегущих и закреплять победу; он защищался всевозможными военными машинами, которые возил за собой; когда легион окапывался, то он представлял собой, как говорит Вегеций, нечто вроде укрепленного лагеря.

Римляне должны были особенно закалить себя, чтобы носить такое оружие, тяжести которого не мог выдержать обыкновенный человек. Они достигали этого благодаря непрерывному труду, укреплявшему организм, и благодаря упражнениям, развивавшим в них ловкость, которая есть не что иное, как правильное распределение своих сил.

Мы замечаем теперь, что наши армии теряют очень много людей вследствие того, что солдат заставляют слиш-

ком много работать; между тем римляне сохраняли свои войска именно благодаря усиленному труду. Я думаю, это объясняется тем, что они трудились непрерывно, в то время как наши солдаты от чрезмерного труда сразу переходят к полнейшему безделью: это и губит их больше всего.

Здесь я считаю нужным привести то, что наши авторы говорят о воспитании римских солдат. Их приучали ходить военным шагом, т. е. проходить в пять часов 20 миль, а иногда и 24. Во время этих маршей их заставляли нести на себе тяжести, весившие 60 ливров[24]. Их приучали бегать и прыгать в полном вооружении; во время этих упражнений они имели при себе мечи, дротики и стрелы, имевшие двойной вес по сравнению с обыкновенными; эти упражнения производились систематически.

Военной школой служил не только лагерь; в городе находилась площадь, где упражнялись граждане (Марсово поле). После военных занятий они бросались в Тибр[25], чтобы совершенствоваться в плавании и смывать с себя пыль и пот.

Мы теперь не имеем правильного представления о телесных упражнениях; мы пренебрежительно относимся к человеку, который слишком много занимается ими, потому что большинство этих упражнений не имеет другой цели, кроме развлечения. Но у древних все они, вплоть до танцев, составляли часть военного искусства.

У нас даже дошло до того, что слишком большая ловкость в употреблении того оружия, которым мы пользуемся на войне, стала казаться чем-то смешным; ибо, после того как вошли в обычай поединки, фехтование стало рассматриваться как наука забияк или трусов.

Те, кто критикует Гомера[26] за то, что он восхваляет в своих героях силу, ловкость или проворство, должны находить смешным и Саллюстия, который хвалит Помпея[27] за то, что он состязался с другими в беге, прыгании и ношении тяжестей.

Всякий раз, когда римляне считали, что им угрожает опасность или хотели исправить какой-либо ущерб, они начинали укреплять военную дисциплину. Когда нужно было объявить войну латинам — народу, столь же воинственному, как они сами, — Манлий[28] позаботился о повышении авторитета командования и подверг казни сво-

его сына за то, что тот победил врага вопреки его приказу. После поражения римлян при Нуманции Сципион Эмилиан[29] немедленно лишил солдат всего, что приводило их к изнеженности. Когда римские легионы прошли под игом в Нумидии, Метелл[30] исправил этот позор тем, что восстановил старую дисциплину. Чтобы победить кимвров и тевтонов, Марий[31] начал с того, что отвел течение рек; точно так же Сулла заставил солдат своей армии, устрашившихся войны против Митридата[32], работать так много, что солдаты потребовали повести их в бой, суливший конец их мучениям.

Консул Публий Назика заставил своих солдат без всякой нужды строить флот; опасались праздности больше, чем врагов.

Авл Геллий[33] неубедительно объясняет обычай римлян пускать кровь солдатам, совершившим какое-либо преступление. Истинная причина этого состояла в том, что поскольку сила составляла главное достоинство солдата, ослабить его значило унизить его.

Столь закаленные люди обыкновенно отличались хорошим здоровьем. Древние авторы не отмечают больших потерь от болезней в римских армиях, воевавших в странах с самыми различными климатами, между тем современные армии, ни разу не побывав в бою, можно сказать, тают в течение кампании.

У нас очень часты случаи дезертирства, ибо солдат набирают из самых подонков каждой нации; так что нет ни одной нации, которая имела бы известные преимущества перед другими в этом отношении или считала бы, что она их имеет. У римлян дезертирство происходило реже: солдаты, набиравшиеся из среды столь надменного и гордого народа, столь уверенного в том, что он должен господствовать над другими, не могли унизиться до такой степени, чтобы желать перестать быть римлянами.

Так как армии римлян были немногочисленны, то их легко было снабжать продовольствием: командир мог лучше знать своих солдат и скорее замечать ошибки и нарушения военной дисциплины.

Закалка, приобретенная благодаря упражнениям, и прекрасные дороги, построенные римлянами, делали их спо-

собными быстро совершать большие марши. Их внезапное появление приводило в ужас врагов; излюбленным приемом их было атаковать после того, как они потерпели поражение, когда их враги становились беспечными вследствие победы.

В наших современных сражениях отдельный воин полагается на толпу; но всякий римлянин, более сильный и закаленный в боях, чем его враг, рассчитывал всегда на самого себя: он имел природную храбрость, т. е. ту добродетель, которая состоит в сознании своих собственных сил.

Римские отряды были всегда в высшей степени дисциплинированны, поэтому даже в самом неудачном сражении редко случалось, чтобы они не сплотились на том или ином участке или чтобы не возникло расстройство в рядах врагов. Вот почему в их истории мы все время видим, что, если даже иной раз враги и одерживали верх над ними благодаря своему численному перевесу или боевому пылу, в последнем счете римляне все-таки всегда вырывали победу из рук неприятеля.

Они обращали главное внимание на исследование того, в чем неприятель мог превосходить их, и быстро наводили порядок в этой области. Они приучались видеть кровь и раны в гладиаторских играх, которые они переняли у этрусков[34].

Острые мечи галлов, слоны Пирра захватили их врасплох только в первый раз. Они усилили свою кавалерию сначала тем, что уничтожили поводья, дабы ничто не могло противостоять их натиску; затем они присоединили к ней велитов[35]. Когда они познакомились с испанским мечом, то отказались от своего. Они одержали верх над искусством лоцманов благодаря изобретению машины, описанной Полибием[36]. Наконец, как говорит Иосиф[37], во время войны они размышляли, во время мира упражнялись.

Если какая-либо нация имела в чем-либо преимущество перед ними по своей природе или благодаря своим учреждениям, то они вскоре перенимали его. Так, они сделали все, чтобы иметь нумидийских лошадей[38], критских лучников[39], балеарских пращников[40], родосские суда.

Наконец, ни одна нация не подготовляла войну так благоразумно и не вела ее так отважно.

ГЛАВА III

КАКИМ ОБРАЗОМ РИМЛЯНЕ СМОГЛИ ВОЗВЫСИТЬСЯ

Так как теперь народы Европы имеют почти одинаковое военное искусство, то же оружие, ту же дисциплину, тот же способ ведения войны, то поразительная судьба Рима нам кажется непонятной. Далее, теперь имеется такая диспропорция между силами, что маленькому государству невозможно своими собственными силами выйти из того смиренного положения, в какое его поставило провидение.

Это требует размышления; без него мы будем наблюдать события, не понимая их. Если мы не поймем разницы между положением римлян и новых народов, то при чтении древней истории нам покажется, что перед нами люди какой-то другой породы.

Многолетний опыт доказал Европе, что государь, имеющий миллион подданных, не может содержать войско превышающее 10 тысяч человек, не губя своего собственного государства, поэтому только великие нации могут иметь армию.

Но не так обстояло дело в древних республиках, ибо пропорция между количеством солдат и остального населения, которая теперь равняется одной сотой, тогда легко могла быть доведена до восьми сотых.

Основатели древних республик разделили землю между гражданами поровну; одного этого было достаточно, чтобы народ был могущественным, т. е. составлял благоустроенное общество; благодаря этому же он имел хорошую армию, ибо каждый был кровно заинтересован в том, чтобы защищать свое отечество.

Когда законы перестали строго соблюдаться, дела дошли до такого состояния, в каком они находятся сейчас у нас. Жадность одних и расточительность других привели к тому, что земли перешли в руки немногих; вскоре появились ремесла, обслуживавшие взаимные нужды как богатых, так и бедных. В результате почти не осталось ни граждан, ни солдат, ибо участки земли, предназначавшиеся сначала для содержания солдат, теперь должны были кормить рабов и ремесленников, ставших орудиями рос-

коши новых владельцев. Но государство, которое должно существовать, несмотря на царящий в нем беспорядок, обречено на гибель, если в нем не будет солдат. До того как началась эта порча нравов, первоначальные доходы государства делились между солдатами, т. е. свободными земледельцами. Но, когда нравы в республике испортились, земли перешли тотчас к богачам, которые отдали их рабам и ремесленникам; известная часть их доходов в форме налогов употреблялась для содержания солдат.

Но эти люди совершенно не годились для ведения войны: они были трусливы и уже испорчены роскошью городов, а часто даже и самим своим искусством. Кроме того, так как по существу они не имели отечества и всюду могли употреблять свое искусство, им нечего было терять или сохранять.

Перепись Рима, произведенная через некоторое время после изгнания царей, и перепись Афин, произведенная Деметрием Фалерским[41], показали, что оба города имели почти одинаковое число жителей: Рим — 440 тысяч, а Афины — 431 тысячу. Но перепись Рима была произведена в то время, когда он находился в самом цветущем состоянии, перепись же Афин — тогда, когда город подвергся уже полной порче. Число взрослых граждан составляло в Риме четверть его населения, в Афинах же — менее одной двадцатой. Таким образом, могущество Рима относилось к могуществу Афин в эти разные эпохи приблизительно так, как одна четверть к одной двадцатой. Это значит, что Рим был в 5 раз сильнее, чем Афины.

В эпоху царей Агиса и Клеомена Спарта вместо 9 тысяч граждан, которых она имела в эпоху Ликурга[42], насчитывала всего 700, причем не больше 100 из них владело землями, остальные составляли трусливую чернь. Эти цари возобновили старые законы, и Спарта восстановила свое первоначальное могущество и стала грозной для всех греков.

Равное распределение земель дало Риму возможность выйти из своего первоначального ничтожества, что стало особенно заметно, когда он подвергся порче.

Он был маленькой республикой, когда латины отказали ему в той военной помощи, которую они обязаны были

предоставить ему; и все же город тотчас же выставил в поле десять легионов. «Вряд ли Рим, — говорил Тит Ливий[43], — для которого теперь тесен стал весь мир, мог бы сделать то же самое, если бы неприятель внезапно появился перед его стенами: верный признак того, что мы вовсе не возвысились, но что мы только увеличили роскошь и богатства, которые расслабляют нас».

«Скажите мне, — обращался Тиберий Гракх[44] к знатным, — кто ценнее — гражданин или вечный раб, солдат или человек, неспособный к войне? Неужели вы согласны ради того, чтобы иметь на несколько десятин больше земли, чем все прочие граждане, отказаться от надежды покорить остальную часть мира или подвергнуться той угрозе, что те земли, которые вы отказываетесь дать нам, будут захвачены врагами?»

ГЛАВА IV

О ГАЛЛАХ[45]. О ПИРРЕ[46]. ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ КАРФАГЕНОМ И РИМОМ. ВОЙНА ПРОТИВ ГАННИБАЛА

Римляне много воевали с галлами. Оба народа отличались одинаковой любовью к славе, презрением к смерти, упорным стремлением к победе. Но оружие у них было различное: щит у галлов был маленький, а меч — плохой, поэтому римляне относились к ним приблизительно так, как в последние века испанцы относились к мексиканцам. Но удивительно, что те народы, которых римляне побеждали почти во всех странах и во все эпохи, допускали уничтожать себя один за другим, даже не попытавшись узнать причину своих несчастий и предупредить ее.

Пирр начал войну с римлянами в ту эпоху, когда они были способны противостоять ему и учиться у него, на его победах; он научил их окапываться, выбирать место для лагеря и разбивать его, он приучил их к слонам и подготовил их к более серьезным войнам.

Величие Пирра состояло только в его личных достоинствах. Плутарх говорит, что он принужден был вести македонскую войну[47], потому что у него не было средств со-

держать шесть тысяч пехотинцев и 500 коней. Этот государь, глава маленького государства, о котором после него больше ничего не было слышно[48], был авантюристом, непрестанно затевавшим различные предприятия, потому что он мог существовать только в качестве искателя приключений.

В союзном ему Таренте[49] учреждения его лакедемонских предков уже сильно выродились. Он мог совершить великие дела и при помощи самнитов, но римляне их почти уничтожили.

Карфаген[50] разбогател раньше Рима и пришел в упадок также раньше его; так, в то время как в Риме общественные должности предоставлялись только на основании добродетели и не приносили никакой другой выгоды, кроме почестей и предпочтения при исполнении обязанностей, в Карфагене все, что государство могло предоставить частным лицам, продавалось и всякая услуга, оказанная частными лицами, оплачивалась государством.

Тирания государя не столь губительна для государства, как равнодушие к общему благу в республике. Преимущество свободного государства состоит в том, что в нем доходы лучше распределяются; но что же сказать, если они распределяются хуже? Преимущество свободного государства состоит также в том, что в нем нет фаворитов; но если дело обстоит не так, если, вместо того чтобы обогащать друзей и родственников государя, приходится обогащать друзей и родственников всех тех, кто принимает участие в правительстве, тогда все погибло. Обход законов оказывается более опасным, чем нарушение их государем, который как первый гражданин государства всегда больше всех заинтересован в его сохранении.

Старинные нравы, бедность, почти вошедшая в обычай, уравнивали в Риме все состояния. Но в Карфагене частные лица обладали царскими богатствами.

Из двух партий, господствовавших в Карфагене, одна всегда хотела мира, другая — войны; в результате невозможно было ни наслаждаться миром, ни хорошо вести войну.

В то время как в Риме война объединяла все интересы, в Карфагене она их еще больше разделяла.

В монархиях раздоры легко прекращаются, потому что государь обладает принудительной властью, которая укрощает обе партии. В республиках они более длительны, потому что зло поражает обычно ту самую власть, которая могла бы его устранить.

В Риме, управлявшемся посредством законов, народ позволял, чтобы сенат руководил внешними делами. В Карфагене, управлявшемся посредством злоупотреблений, народ хотел все делать сам.

Карфаген, воевавший с бедностью Рима при помощи своего богатства, по этой самой причине находился в худшем положении: золото и серебро истощаются, но добродетель, постоянство, сила и бедность никогда не истощаются.

Римляне были честолюбивы вследствие своей гордости, карфагеняне же — вследствие своей жадности; одни хотели господствовать, другие же — приобретать; непрерывно подсчитывая издержки и прибыль, карфагеняне вели все время войну без любви к ней.

Проигранные сражения, уменьшение населения, упадок торговли, истощение государственной казны, возмущения соседних наций могли заставить Карфаген принять самые жестокие условия мира. Но Рим никогда не считался с выгодами и потерями, он думал только о своей славе. Он не представлял себе, что он может существовать, не господствуя, и поэтому никакие надежды или опасения не заставили бы его принять такой мир, в котором не он диктует условия противнику.

Нет ничего могущественнее такой республики, где законы соблюдаются не вследствие страха или разумных соображений, но вследствие страстной привязанности к ним, как это было в Риме и Лакедемоне, ибо тогда к мудрости хорошего правительства присоединяется вся та сила страсти, которой может обладать партия.

Карфагеняне пользовались иностранными войсками, римляне употребляли свои собственные армии. Так как римляне всегда смотрели на побежденных как на средство для будущих триумфов, то они набирали солдат среди всех народов, которых они покорили; и чем больше труда им стоило победить тот или иной народ, тем более достойным

они считали его к тому, чтобы включить его в свою республику. Так, мы видим, что самниты, которые были покорены лишь после 24 триумфов, стали поставлять вспомогательные войска Риму; а незадолго до 2-й Пунической войны[51] римляне и их союзники, жившие в стране, не превышавшей размерами папскую область или неаполитанское королевство[52], выставили против галлов армию, состоявшую из 700 тысяч пехотинцев и 70 тысяч всадников.

В разгар 2-й Пунической войны Рим имел в полной боевой готовности от 22 до 24 легионов; но, по данным Тита Ливия, численность граждан Рима в то время составляла всего около 137 тысяч человек,

Карфаген употреблял большую часть своих сил для нападения, Рим — для защиты. Последний, как мы только что сказали, вооружил колоссальное количество людей против галлов и Ганнибала, которые нападали на него; но он посылал только два легиона против самых великих царей; это сделало его силы неистощимыми.

Положение Карфагена в Африке было менее прочное, чем Рима в Италии: последний был окружен 30 колониями, которые представляли собой как бы его передовые укрепления. До битвы при Каннах[53] ни один союзник его не покинул: это произошло потому, что самниты и другие народы Италии уже привыкли к его владычеству.

Большинство городов Африки, будучи слабо укреплены, тотчас же сдавалось всякому, появлявшемуся перед их стенами. Все, кто там высаживался, — Агафокл, Регул[54], Сципион — тотчас же повергали Карфаген в отчаяние.

Можно считать, что только плохое правительство ответственно за все то, что произошло с карфагенянами во время войны, которую вел против них первый Сципион[55]. Их город и даже их армия терпели голод, в то время как римляне имели все в изобилии.

У карфагенян армии, потерпевшие поражение, становились более своевольными; они иногда распинали на кресте своих генералов и наказывали их за свою собственную трусость. У римлян консул подвергал казни каждого десятого в армии, бежавшей перед неприятелем, и снова вел ее в бой.

Правление карфагенян было очень суровое; они так сильно притесняли народы Испании[56], что, когда туда пришли римляне, их встретили как освободителей. Если мы примем во внимание громадные суммы, которые карфагеняне затратили на ведение войны, окончившейся их поражением, то мы убедимся, что несправедливость мало сберегает и что она не достигает даже тех целей, которые она себе ставит.

После того как была основана Александрия[57], торговля Карфагена значительно сократилась. В древнейшие времена суеверие, можно сказать, изгоняло иностранцев из Египта, так что, когда персы покорили его, они думали только о том, чтобы ослабить своих новых подданных. Но при греческих царях Египет[58] завладел почти всей торговлей мира, а торговля Карфагена начала приходить в упадок.

Государства, основанные благодаря торговле, могут существовать долго, если ведут себя скромно; но они существуют недолго, если становятся великими. Они возвышаются постепенно и незаметно, ибо они не совершают ничего такого, что заставило бы говорить о них и показало бы их могущество. Но когда они становятся настолько сильными, что это уже невозможно более скрыть, все стремятся лишить их преимущества, которого они добились, так сказать, обманом.

Карфагенская кавалерия была лучше римской по двум причинам: во-первых, нумидийские и испанские кони были лучше итальянских, во-вторых, римская кавалерия была плохо вооружена. Это видно из того, что, по словам Полибия, римляне изменили свой способ ведения войны только во время тех войн, которые они вели в Греции.

В 1-й Пунической войне Регул был разбит, как только карфагеняне выбрали для битвы равнину, где могла сражаться их кавалерия; во 2-й Пунической войне своими главными победами Ганнибал был обязан нумидийцам.

Сципион лишил карфагенян этого преимущества, когда он покорил Испанию и заключил союз с Масиниссой: как раз нумидийская кавалерия выиграла битву при Заме[59] и закончила войну.

Карфагеняне были более опытны на море и лучше умели управлять кораблями, чем римляне. Но мне кажется,

что это преимущество тогда не имело такого значения, какое оно имело бы теперь.

Древние, не имея компаса, могли плавать только у берегов, поэтому они пользовались только гребными судами, маленькими и плоскодонными; почти все рейды служили для них портами; лоцманское искусство было очень несовершенным, так что управление кораблями имело очень небольшое значение. Так, Аристотель[60] говорит, что нет нужды в особой профессии моряков, так как имеется достаточно земледельцев, которые могут их заменить.

Морское искусство было столь несовершенным, что при помощи тысячи весел добивались таких же результатов, как теперь при помощи ста.

Большие суда были неудобны в том отношении, что гребцы двигали их с трудом, в силу чего они не могли совершать необходимых поворотов. В битве при Акции Антоний сделал пагубный опыт: его большие суда не могли быстро поворачиваться, между тем как Август[61] со своими более легкими судами нападал на него со всех сторон.

Суда у древних народов были гребные. Более легкие суда без труда ломали весла более крупных, которые тогда становились неподвижными громадами, подобно тому как ими становятся наши суда, лишенные парусов.

После изобретения компаса морское дело изменилось: весла вышли из употребления, корабли стали удаляться от берегов, начали строить большие суда, их механизм стал более сложным, искусство управления кораблем — более совершенным.

Изобретение пороха привело к таким следствиям, о которых раньше и не подозревали: сила морских армий более чем когда-либо стала зависеть от морского искусства. Необходимо было построить большие корабли, которые могли бы выдерживать обстрелы из пушек и уклонялись бы от более сильного огня. Но по мере увеличения размера кораблей должно было совершенствоваться и морское искусство.

Маленькие суда древних внезапно сцеплялись друг с другом, и между солдатами завязывалось сражение; на кораблях помещали целую сухопутную армию: в морской битве, в которой победили Регул с его товарищами, 130 ты-

сяч римлян сражалось против 150 тысяч карфагенян. В то время солдаты играли главную роль, а матросы — второстепенную; теперь же солдаты ничего не значат или же значат очень мало, а матросы — много.

Победа консула Дуилия[62] показала эту разницу. Римляне не имели никаких познаний в искусстве мореплавания. Когда у их берегов карфагенская галера села на мель, они воспользовались ею как моделью для того, чтобы построить новую. В три месяца они обучили матросов, построили флот, оснастили и вооружили его; он был спущен в море, встретился с карфагенским флотом и разбил его.

Современному государю не хватило бы целой жизни для того, чтобы построить флот, способный сражаться против державы, которая уже господствует на море. Это, может быть, единственная область, где деньги оказываются бессильными. И если в наши дни одному великому государю это удалось, то опыт других доказал, что этим примером можно больше восхищаться, чем подражать ему[63].

2-я Пуническая война настолько известна, что ее знает каждый. Когда мы рассматриваем множество препятствий, которые встали перед Ганнибалом и были преодолены этим необыкновенным человеком, то мы видим самое прекрасное зрелище, которое нам доставила древность.

Рим проявил чудеса стойкости. После поражений при Тесине, Требии и Тразимене[64], после еще более рокового поражения при Каннах он не попросил мира, несмотря на то, что был покинут почти всеми народами Италии. Сенат неукоснительно соблюдал древние принципы: в войне с Ганнибалом он действовал так же, как когда-то в войне с Пирром, с которым он отказывался вести переговоры, пока тот находился в Италии. Я нахожу у Дионисия Галикарнасского[65], что при переговорах с Кориоланом[66] сенат заявил, что он никогда не нарушит старинных обычаев, согласно которым римский народ не может заключать мира с неприятелем, находящимся на его земле; но если вольски отступят, тогда он удовлетворит все их справедливые требования.

Рим был спасен силою своего строя. После битвы при Каннах не позволили даже женщинам проливать слезы; сенат отказался выкупать пленных; жалкие остатки ар-

мии были посланы воевать в Сицилию; никому не выдавали вознаграждения и не воздавали никаких воинских почестей, пока Ганнибал не был изгнан из Италии.

С другой стороны, консул Теренций Варрон позорно бежал вплоть до Венузии[67]. Этот человек самого низкого происхождения был избран консулом только для того, чтобы оскорбить знать. Но сенат не захотел воспользоваться этим злосчастным триумфом; он видел, как важно ему было в данном случае завоевать доверие народа; он вышел навстречу Варрону и поблагодарил его за то, что тот не отчаялся в спасении республики.

Самыми гибельными для государства являются обычно не действительные потери, понесенные в битве (т. е. несколько тысяч человек), но воображаемые потери и упадок боевого духа, лишающий государство даже тех сил, которые оставила ему фортуна.

Есть такие вещи, которые все повторяют, потому что они уже были кем-то когда-то сказаны. Принято считать, что Ганнибал совершил большую ошибку, не осадив Рима после битвы при Каннах. Действительно, город был сначала охвачен сильным испугом; но уныние воинственного народа почти всегда обращается в мужество в отличие от уныния низменной черни, которая чувствует только свою слабость. Осада Рима кончилась бы неудачно для Ганнибала; доказательством этому служит то, что Рим оказался в состоянии послать повсюду подкрепления.

Говорят еще, что Ганнибал сделал большую ошибку, отведя свою армию в Капую[68], где она изнежилась; но при этом не доходят до настоящей причины. Разве солдаты этой армии, разбогатевшие после стольких побед, не нашли бы повсюду Капуи? Александр[69], командовавший собственными подданными, в подобном же случае прибег к приему, которым не мог воспользоваться Ганнибал, имевший только наемные отряды: он велел поджечь обоз и таким образом уничтожил как богатства солдат, так и свои собственные. Говорят, что Кули Хан[70] после победы над индийцами позволил солдатам взять только по 100 рупий денег.

Сами победы Ганнибала начали изменять судьбу этой войны. Он не был послан в Италию магистратами Карфагена; он получил очень мало подкреплений либо вследст-

вие зависти со стороны противной партии, либо вследствие слишком большого доверия со стороны другой. Пока он имел при себе всю свою армию, он разбивал римлян; но, когда ему пришлось оставлять гарнизоны в городах, защищать своих союзников, осаждать крепости или заставлять римлян снимать осаду с крепостей, его силы оказались недостаточными, и он мало-помалу потерял значительную часть своей армии. Одерживать победы легко, потому что их одерживают при помощи всех своих сил; но их трудно сохранять, потому что для этого приходится употреблять только часть своих сил.

ГЛАВА V

О СОСТОЯНИИ ГРЕЦИИ, МАКЕДОНИИ, СИРИИ И ЕГИПТА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ КАРФАГЕНА

Я думаю, что Ганнибал высказал очень мало остроумных изречений, в особенности благоприятных для Фабия или Марцелла[71] и неблагоприятных для него самого. Мне жаль, когда я вижу, как Тит Ливий украшает титанов античности цветами; я бы предпочел, чтобы он поступал подобно Гомеру, который не заботится об украшении своих героев, но так хорошо заставляет их действовать.

Во всяком случае следовало бы, чтобы те речи, которые приписывают Ганнибалу, были разумными. Если бы, узнав о поражении своего брата, он действительно признался, что предвидит разрушение Карфагена, то это было бы лучшим средством, чтобы привести в отчаяние народы, доверившиеся ему, и лишить мужества армию, ожидавшую великих наград после окончания войны.

Так как все армии, которые карфагеняне выставили в Испании, Сицилии и Сардинии[72], терпели поражения, а враги их все время усиливались, то Ганнибал принужден был перейти к оборонительной войне. Это внушило римлянам мысль перенести войну в Африку, и Сципион высадился в Африке. Его успехи заставили карфагенян призвать обратно из Италии Ганнибала, который плакал от огорчения, уступая римлянам эту землю, где он одержал столько побед над ними.

Для спасения своего отечества Ганнибал сделал все, что может сделать великий государственный деятель и великий полководец. Не имея возможности принудить Сципиона к миру, он дал битву, где судьба как будто насмеялась над его ловкостью, опытностью и здравым смыслом[73].

Карфаген получил мир, который был продиктован не врагом, но господином. Он обязался выплачивать 10 тысяч талантов[74] в течение 50 лет, выдать заложников, передать римлянам свои суда и своих слонов, не объявлять никому войны без согласия римского народа; желая окончательно унизить Карфаген, Рим увеличил могущество его наследственного врага — Масиниссы.

После покорения карфагенян Рим вел только малые войны и одерживал большие победы, в то время как раньше он имел малые победы и вел большие войны.

В эту эпоху существовали как бы два отдельных друг от друга мира. В одном сражались карфагеняне и римляне. Другой терзали раздоры, длившиеся после смерти Александра; там совершенно не думали о том, что делалось на Западе; ибо, хотя Филипп, царь Македонии[75], и заключил союз с Ганнибалом, договор этот не имел почти никаких последствий; этот государь, оказавший очень слабую поддержку карфагенянам, по отношению к римлянам обнаружил лишь бесполезное недоброжелательство.

Когда два великих народа ведут долгую и упорную войну, то часто оказывается плохим политиком тот, кто думает, что может при этом оставаться спокойным наблюдателем, ибо тот из двух народов, который оказывается победителем, предпринимает новые войны, и нация, состоящая из солдат, начинает сражаться против народов, которые состоят только из граждан.

Это обнаружилось очень ясно в ту эпоху: ибо, как только римляне покорили карфагенян, они напали на другие народы и появились во всех странах с тем, чтобы все захватить.

На Востоке тогда существовали только четыре державы, способные сопротивляться римлянам: Греция, Македонское царство, Сирия и Египет[76]. Рассмотрим, каково было состояние этих двух первых держав, ибо римляне начали с того, что покорили их первыми.

В Греции тогда было три значительных народа: этолийцы, ахейцы и беотийцы;[77] они составляли союзы свободных городов, имели общие собрания и общих начальников. Этолийцы были воинственны, смелы, дерзки, корыстолюбивы, они не держали ни своего слова, ни своих клятв, вели войны по всей земле, подобно тому как это делают пираты на море. Ахейцам все время докучали их соседи или неудобные защитники. Беотийцы, наиболее тупые из всех греков, меньше всех участвовали в общих делах. Руководствуясь исключительно чувством мгновенного блага или зла, они не имели достаточно ума для того, чтобы ораторы могли их легко возбуждать. Но наиболее удивительным является то, что их республика сохранялась при самой анархии.

Лакедемон сохранял свое могущество, т. е. тот воинственный дух, который ему внушили учреждения Ликурга. Фессалийцы[78] были в некотором смысле порабощены македонянами. Цари Иллирии[79] были уже совершенно разбиты римлянами.

Акарнания[80] и Афамания опустошались то войсками Македонии, то Этолии. Афиняне, не имевшие собственных сил и лишенные союзников, отныне удивляли мир только своей лестью царям. На ту трибуну, откуда говорил Демосфен[81], оратор поднимался только для того, чтобы предлагать самые позорные и самые бесславные декреты.

Впрочем, Греция была страшна благодаря своему положению, силе, множеству городов, количеству солдат, своему государственному строю, нравам, законам; она любила войну, знала военное искусство и была бы непобедимой, если бы была единой.

Она была сильно удивлена действиями Филиппа, Александра и Антипатра[82], но не была покорена; и цари Македонии, не отказывавшиеся от своих требований и от своих надежд, упорно старались поработить ее.

Македония была почти со всех сторон окружена неприступными горами; народы, жившие в ней, больше всех других годились к военной службе: они были храбры, послушны, трудолюбивы, неутомимы. Следует думать, что они обязаны этими качествами своему климату, ибо еще и

теперь жители этих областей дают самых лучших солдат турецкой империи.

Греция сохраняла некоторый род равновесия: лакедемоняне бывали обычно союзниками этолийцев, а македоняне — ахейцев. Но прибытие римлян нарушило это равновесие.

Так как цари Македонии не могли содержать многочисленного войска, то малейшая неудача была для них очень чувствительной. Кроме того, им трудно было возвыситься, так как их намерения не оставались скрытыми: за каждым их шагом все время зорко наблюдали. Если они добивались успеха в войнах, предпринятых ради их союзников, то сами союзники считали этот успех злом, которое они стремились немедленно исправить.

Но обычно цари Македонии были искусными государями. Их монархия не принадлежала к числу тех, которые все время движутся по направлению, данному им сначала. Они постоянно учитывали опыт, вынесенный ими из военных опасностей и внешних дел, и вмешивались во все распри, волновавшие греков; им нужно было привлекать к себе знать городов, ослеплять народы своими успехами, разделять или объединять интересы; и, наконец, им постоянно приходилось рисковать своей жизнью.

Филипп[83], заслуживший в начале своего царствования умеренностью любовь и доверие греков, вдруг переменился: он стал кровавым тираном в такое время, когда ему надо было быть справедливым по соображениям политики и честолюбия. Он видел, хотя издали, карфагенян и римлян, силы которых стали громадными; он окончил войну с выгодою для своих союзников — ахейцев и примирился с этолийцами. Ему следовало бы подумать об объединении всей Греции под своим скипетром для того, чтобы помешать чужеземцам водвориться в ней. Но он возбудил ее против себя мелкими захватами; тратя время на защиту мелких интересов, когда встал вопрос о его существовании, он тремя или четырьмя плохими поступками возбудил против себя ненависть и отвращение всех греков.

Этолийцы были более всех раздражены против него. Римляне, воспользовавшись как поводом их желанием

мести или, скорее, их безумием, заключив союз с ними, вступили в Грецию и вооружили ее против Филиппа.

Этот государь был побежден под Киноскефалами[84]; этой победе отчасти содействовало мужество этолийцев. Филипп был до такой степени потрясен, что согласился на договор, который в меньшей степени давал ему мир, чем требовал от него отказа от собственных сил. Он вывел свои гарнизоны из всей Греции, выдал свои суда и обязался выплатить тысячу талантов в течение десяти лет.

Полибий с его обычным здравым смыслом сравнивает боевой строй римлян с боевым строем македонян, принятым всеми царями — преемниками Александра. Он показывает достоинства и недостатки фаланги[85] и легиона и отдает преимущество боевому строю римлян; по-видимому, он прав, если судить по событиям этой эпохи.

Ганнибал во 2-й Пунической войне с самого начала вооружил своих солдат по римскому образцу, что в значительной степени содействовало тому, что положение римлян стало опасным. Но греки не переменили ни своего оружия, ни своего способа сражаться; они и не подумали отказаться от обычаев, которые принесли им великие победы.

Успех, достигнутый римлянами в войне против Филиппа, был самым крупным шагом по направлению к завоеванию всего Востока. Чтобы утвердиться в Греции, они всеми способами унижали этолийцев, которые помогли им победить; более того, они распорядились, чтобы каждый греческий город, который принадлежал Филиппу или какому-либо другому государю, впредь управлялся по собственным законам.

Мы ясно видим, что эти мелкие республики не могли сохранить свою свободу. Греки предались глупой радости и поверили, что они на самом деле свободны, потому что Рим объявил их свободными.

Этолийцы, которые воображали, что они будут господствовать над Грецией, заметив, что навязали себе владык, впали в отчаяние; и так как они всегда принимали крайние решения, то, желая исправить одно безумие другим, они призвали в Грецию Антиоха[86], царя Сирии, подобно тому как в свое время призвали римлян.

Цари Сирии были самыми могущественными из преемников Александра, ибо они владели почти всеми областями Дария[87], за исключением Египта; но за это время произошли события, которые в значительной степени ослабили их могущество.

Селевк, основавший империю Сирии, к концу своей жизни покорил царство Лизимаха[88]. Несколько провинций возмутилось во время этого замешательства; образовались царства Пергама, Каппадокии и Вифинии[89]. Но эти маленькие робкие государства считали всегда счастьем для себя унижение своих прежних владык.

Так как цари Сирии взирали всегда с завистью на благополучие Египетского царства[90], то они только и думали, как бы его покорить. Это привело к тому, что, пренебрегая Востоком, они потеряли там много провинций и им очень плохо повиновались в других.

Наконец, цари Сирии владели верхней и нижней Азией. Но опыт показал, что когда столица и главные силы расположены в нижних провинциях Азии, то нельзя сохранить верхние; если же центр империи находится в верхних провинциях, то у государства нет сил удержать нижние провинции. Персидская и сирийская империи никогда не были так сильны, как парфянская[91], которая охватывала только часть провинций двух первых империй. Если бы Кир не победил лидийского царства[92], а Селевк остался в Вавилоне[93], отказавшись от приморских провинций в пользу преемников Антигона[94], то персидская империя была бы непобедима для греков, а империя Селевка — для римлян. Чтобы укротить честолюбие людей, природа поставила известные границы государствам: когда их переходили римляне, парфяне почти всегда уничтожали их; когда же парфяне осмелились их перейти, то они вскоре принуждены были возвратиться; и в наше время турки, перейдя за эти пределы, принуждены были отступить назад.

Цари Сирии и Египта имели в своих странах подданных двоякого рода: победившие народы и побежденные народы. Первыми народами, еще гордившимися своим происхождением, было очень трудно управлять. У них не было духа независимости, побуждающего сбросить иго, но у них

было нетерпение, заставляющее желать переменить господина.

Но главной слабостью сирийского царства был двор, ибо там царствовали преемники Дария, а не Александра. В нем все время господствовали роскошь, тщеславие и изнеженность, которые никогда не покидали дворов Азии; зло перешло на народ и на солдат и стало заражать и самих римлян, так что время войны против Антиоха стало настоящей эпохой их испорченности.

Таково было положение сирийского царства, когда Антиох, совершивший великие подвиги, начал войну против римлян; но он не проявил даже того благоразумия, какое требуется в обычных делах. Ганнибал советовал для возобновления войны в Италии привлечь Филиппа[95] или обеспечить себе его нейтралитет. Антиох не послушался его советов; он появился в Греции с малою частью своих сил; он целиком предался своим наслаждениям, как будто желал наблюдать войну, а не вести ее. Будучи разбит, он убежал в Азию, более испуганный, чем побежденный.

В этой войне Филипп, увлеченный римлянами, как потоком, служил им всеми своими силами и стал инструментом их побед. Его склонили к этому жажда мстить Этолии и опустошить ее, обещание, данное ему, уменьшить дань, которую он выплачивал, и оставить ему несколько городов, зависть, которую он испытывал к Антиоху, и, наконец, разные мелкие мотивы. Не осмеливаясь думать о свержении ярма, он думал лишь о том, чтобы смягчить его суровость.

Антиох так плохо оценивал положение, что вообразил, будто римляне оставят его в покое в Азии; но они последовали за ним. Он был еще раз побежден и в своем смятении согласился на самый позорный договор, который великий государь когда-либо заключал.

Я не знаю ничего более великодушного, чем решение, принятое монархом, царствовавшим в наше время; он соглашался скорее погибнуть под развалинами трона, чем принять такие предложения, которые несовместимы с царским достоинством. Он имел слишком гордую душу, чтобы опуститься ниже того положения, в которое его поставили его несчастия; он хорошо понимал, что корону может укрепить мужество, но не бесчестный поступок[96].

Мы часто видим государей, которые умеют давать сражения; но очень мало таких государей, которые умеют вести войну, которые одинаково хорошо умеют использовать фортуну и выжидать ее милостей, которые сомневаются до начала предприятия, но уже ничего не боятся, начав его.

После укрощения Антиоха оставались только мелкие державы, если не считать Египта, который мог быть грозным благодаря своему положению, плодородию почвы, торговле, числу своих жителей, своим морским и сухопутным силам. Но жестокость его царей[97], их трусость, жадность, слабоумие, ужасное сладострастие сделали их столь ненавистными их подданным, что они большей частью удерживались на троне лишь благодаря покровительству римлян.

В известном смысле можно считать основным законом Египта, что сестры наследовали престол вместе с братьями; а для того чтобы обеспечить единство правления, брат обыкновенно вступал в брак с сестрой. Но трудно представить себе нечто более опасное в политическом отношении, чем подобный порядок престолонаследия, ибо все мелкие домашние ссоры превращались в раздоры внутри государства. Тот из двух, кто питал малейшую обиду против другого, вскоре подымал мятеж среди населения Александрии, многочисленной черни, всегда готовой пристать к тому из царей, который желал ее возмутить. Мало того, киренское и кипрское царства[98] обычно находились в руках других государей той же династии, имевших такие же права. Поэтому почти все время имелись царствующие государи и претенденты на престол, и положение этих царей на троне всегда было неустойчивым. Цари, чувствуя себя непрочно внутри страны, не имели никакой силы вне государства.

Сила египетских царей, как и других азиатских царей, заключалась в их вспомогательных греческих войсках. Греки были проникнуты духом свободы, чести и славы; кроме того, они непрерывно занимались всякого рода телесными упражнениями: в их главных городах были установлены игры, где победители получали венки на глазах у всей Греции; это возбуждало всеобщее соревнование. Но

поскольку в ту эпоху сражались оружием, где успех зависит от силы и ловкости пользующегося им, то нет сомнения, что люди, занимавшиеся такими упражнениями, имели громадное преимущество над варварскими толпами, которых набирали огулом и вели в бой без разбора, как это хорошо видно на армиях Дария.

Чтобы отнять у царей такое войско и без шума лишить их главных сил, римляне сделали следующее: во-первых, они постепенно заставили греческие города принять за правило, что без согласия римлян они не могут заключать никакого союза, не могут оказывать помощь или объявлять войну кому бы то ни было; во-вторых, заключая договоры с царями, они им запрещали производить наборы среди союзников римлян; таким образом, цари должны были удовольствоваться своими национальными войсками.

ГЛАВА VI

КАКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ РИМЛЯНЕ, ЧТОБЫ ПОКОРИТЬ ВСЕ НАРОДЫ

При стольких удачах, которые обыкновенно приводят к небрежности, сенат действовал все с той же основательностью; в то время как войска поражали врагов, он держал в повиновении уже разбитые народы.

Он присвоил себе роль трибунала, который судил все народы; по окончании каждой войны он выносил постановления о наказаниях и наградах, которые каждый заслужил. Он отнимал часть земли у побежденного народа с тем, чтобы отдавать ее союзникам. При этом он достигал двух целей: он заставлял теснее примыкать к Риму тех царей, которые не внушали ему особых опасений и от которых он мог многого ожидать; он ослаблял других, от которых он не мог ожидать никакой помощи и которых он должен был сильно опасаться.

Союзниками пользовались, чтобы вести войну с неприятелем; но тотчас же после победы в свою очередь расправлялись с ними. Филипп был побежден при помощи этолийцев, которые вслед за тем были сами уничтожены за то, что присоединились к Антиоху. Антиох был побежден при

поддержке родосцев[99]; но, после того как им дали блестящие награды, они были уничтожены навсегда под тем предлогом, что они потребовали заключения мира с Персеем[100].

Когда римляне имели против себя нескольких противников, они заключали перемирие с более слабым, который считал себя счастливым, получив его, и рассчитывал на некоторое время отсрочить свою гибель.

Когда они вели большую войну, сенат терпеливо выносил всякого рода оскорбления, молчаливо ожидая случая, когда он сможет наказать обидчика. Когда какой-либо народ выдавал ему виновных, он отказывался их наказывать, предпочитая объявлять всю нацию виновной и сохраняя для себя возможность полезного мщения.

Хотя римляне причиняли своим врагам громадные бедствия, все же против них не составлялись лиги, ибо тот, кто находился дальше всех от опасности, не хотел приблизить ее.

Таким образом, им редко объявляли войну, но они всегда ее объявляли в наиболее подходящее время, наиболее выгодным для себя способом тому народу, с которым им было наиболее удобно сражаться. Среди народов, на которых они нападали, было очень мало таких, которые не выносили бы от них всякого рода оскорблений, лишь бы их оставили в покое.

Так как они имели обычай говорить всегда в тоне владык, то послы, которых они посылали к народам, которые еще не почувствовали их могущества, обычно встречали плохой прием. Это служило римлянам верным поводом к тому, чтобы объявлять войну.

Так как они никогда не заключали мира искренно и стремились все захватить, то их договоры, собственно говоря, являлись только перерывами в войне. Они включали в них условия, служившие всегда зародышем гибели государства, которое их принимало: они заставляли выводить гарнизоны из крепостей или ограничивали число сухопутных войск, или требовали выдачи им лошадей и слонов. Если же народ был сильным на море, то они его обязывали сжечь свои корабли, а иногда требовали его выселения из прежнего места вглубь страны.

После того как они уничтожали войска какого-либо государя, они истощали его финансы чрезмерными нало-

гами или данями, которые они взимали под тем предлогом, что он должен оплатить военные расходы: новый род тирании, который заставлял его притеснять своих подданных и терять их любовь.

Когда они заключали мир с каким-либо государем, то брали в качестве заложников кого-либо из его братьев или сыновей. Это давало им возможность по своей прихоти возбуждать смуты в его государстве. Имея в своих руках ближайшего наследника престола, они стращали им сидящего на троне. Если же у них был более далекий родственник царя, то им пользовались для того, чтобы возбуждать мятежи среди народов.

Если какой-либо князь или народ отказывался повиноваться своему государю, то они тотчас же давали возмутившемуся титул союзника римского народа, благодаря чему он становился священным и неприкосновенным. Таким образом, не было ни одного царя, даже самого великого, который мог бы быть всегда спокоен насчет своих подданных или даже насчет своей семьи.

Несмотря на то, что титул союзника был известным родом рабства, за ним очень гнались, ибо получивший его мог быть уверен, что он будет получать оскорбления только от римлян, и мог надеяться, что эти оскорбления будут не очень значительными. Таким образом, ради того чтобы получить этот титул, народы и цари готовы были оказывать любые услуги и совершать любые низости.

Римляне имели союзников нескольких родов. Одних они делали своими союзниками, даруя им привилегии и уделяя им часть своих выгод, как это было с латинами и герниками[101]. Другие, например колонии, считались их союзниками с самого момента своего основания. С некоторыми они заключали союзы ввиду услуг, оказанных последними, — так было с Масиниссой, Эвменом и Атталом[102], которые получили от римлян свое государство или обязаны были им своим возвышением. С иными они заключали добровольные договоры, но когда союз длился долго, то союзники постепенно переходили в разряд подданных, как это было с царями Египта, Вифинии и Каппадокии и с большей частью греческих городов. Многим, наконец, они навязывали силой договоры, принуждая их к сдаче, как это было с Филиппом и Антиохом. Ибо они

никогда не заключали мирного договора с врагом, который не соглашался стать их союзником, а это значит, что каждый покоренный ими народ служил орудием к дальнейшим завоеваниям римлян.

Когда они предоставляли некоторым городам пользоваться свободой, то вскоре по их наущению там возникали раздоры между гражданами: одни защищали законы и свободу своей страны, другие же считали, что единственным законом является воля римлян; и так как последние всегда были гораздо сильнее, то само собой понятно, что подобная свобода существовала только по имени.

Иногда они становились владыками страны под тем предлогом, что получили ее в наследство. Они вступили в Азию, Вифинию и Ливию на основании завещаний Аттала, Никомеда[103] и Аппиона; Египет был подчинен на основании завещания царя Кирены.

Чтобы не дать крупным государям возможности усилиться, они не позволяли им вступать в союзы с теми государствами, которые были союзниками римлян; а так как они никогда не отказывались заключить союз с любым соседом могущественного государя, то это условие, включавшееся в мирный договор, лишало этого государя всяких союзников.

Кроме того, когда они побеждали какого-либо крупного государя, то заключали с ним мир на условии, что он не будет иметь права разрешать посредством войны свои споры с союзниками римлян (т. е. обыкновенно со всеми своими соседями). Он обязан был признавать римлян в качестве третейского судьи: это отнимало у него возможность воспользоваться в будущем своими военными силами.

Чтобы сохранить за собой исключительное право объявления войны, они лишили этого права даже своих союзников. Как только между последними возникало какое-либо разногласие, они отправляли своих послов, которые заставляли их заключить мир. Стоит только вспомнить, как они прекратили войну между Атталом и Прусием[104].

Когда какой-либо государь одерживал победу, которая часто истощала его, тотчас же являлся римский посол, который похищал эту победу из его рук. Среди тысячи примеров можно напомнить случай, когда римляне одним лишь словом изгнали Антиоха из Египта[105].

Зная, в какой степени народы Европы пригодны для войны, они приняли закон, согласно которому ни один царь не имеет права вторгаться в Европу и подчинять себе какой-либо европейский народ. Объявляя войну Митридату, они выставили в качестве главной причины то, что он нарушил это запрещение, покорив некоторые варварские народы Европы.

Если они видели, что два народа ведут между собой войну, причем они не состояли ни с одним из них ни в дружеских, ни во враждебных отношениях, то все же не пропускали случая появиться на сцене и, подобно нашим странствующим рыцарям, всегда принимали сторону более слабого. Как говорит Дионисий Галикарнасский, римляне издавна соблюдали обычай всегда оказывать помощь тому, кто умолял их об этом.

Не следует думать, что римляне придерживались этих обычаев только в отдельных случаях; они были основаны на постоянных принципах. Это можно легко доказать, ибо по отношению к самым великим державам они придерживались точно тех же правил, какими они руководствовались в начале своей истории по отношению к малым городам, окружавшим их.

Они воспользовались Эвменом и Масиниссой для покорения Филиппа и Антиоха, подобно тому как раньше воспользовались латинами и герниками для покорения вольсков и тусков; они заставили Карфаген и царей Азии выдать им их флоты, подобно тому как прежде лишили Антий[106] его плоскодонных кораблей; они уничтожили политический и гражданский союз между четырьмя частями Македонии, подобно тому как они когда-то расторгли союз между малыми латинскими городами.

Они всегда придерживались правила разделять силы народов. Ахейская республика состояла из союза свободных городов; сенат объявил, что отныне каждый город будет управляться по своим собственным законам и не будет зависеть от общей власти.

Беотийская республика точно так же представляла собой лигу многих городов. Но так как в войне Рима против Персея одни города поддерживали этого государя, а другие — римлян, то они простили последних, благодаря чему был расторгнут общий союз.

Если бы великий государь, царствовавший в наше время, руководствовался этими правилами тогда, когда государь соседней страны был свергнут с трона, то он употребил бы все свои силы, чтобы поддержать его и ограничить его власть тем островом, который оставался ему верным; разделив единственную державу, которая могла сопротивляться его намерениям, он извлек бы громадную выгоду даже из несчастья своего союзника[107].

Когда в каком-либо государстве возникали раздоры, римляне немедленно брали на себя роль судей. Благодаря этому они получали уверенность в том, что против них будет выступать только та сторона, которую они осудили. Если претенденты на престол имели общих предков, то они иногда объявляли обоих царями; если же один из них был малолетним, то они решали дело в его пользу и брали на себя его опеку в качестве защитников всего мира. Дошло до того, что цари и народы стали их подданными, не зная даже точно, на каком юридическом основании; ибо римляне считали, что достаточно было какому-либо народу услышать о них, чтобы тем самым он стал их подданным.

Они никогда не вели войн с отдельными народами, не обеспечив себя предварительно вблизи врага каким-либо союзником, который мог бы посылать им вспомогательные отряды; и так как армия, которую они посылали, никогда не была многочисленной, то они всегда держали вторую армию в провинции, расположенной ближе всего к врагу, и третью — в Риме, которая всегда была готова выступить в поход. Таким образом, они рисковали лишь весьма незначительной частью своих сил, в то время как их противник ставил на карту все свои силы.

Иногда они злоупотребляли тонкостью терминов своего языка. Они разрушили Карфаген, ссылаясь на то, что они обещали сохранить государство, но не город. Известно, как были обмануты этолийцы, положившиеся на верность римлян. Римляне заявили, что слова «положиться на верность врага» обозначают потерю всех вещей, людей, земель, городов, храмов и даже гробниц.

Они произвольно толковали даже договоры. Так, когда римляне захотели унизить родосцев, то сказали, что дан-

ную родосцам Ликию[108] следует рассматривать не как дар, но как дружественную, союзную Риму страну.

Когда какой-либо из римских генералов заключал мирный договор для спасения своей армии от неминуемой гибели, сенат, никогда не соглашавшийся ратифицировать этот договор, пользовался этим миром для продолжения войны. Так, когда Югурта[109] запер римскую армию и затем отпустил ее, положившись на договор, то в борьбе против него использовались те самые войска, которые он пощадил. Когда нумантинцы принудили 20 тысяч римлян, умиравших с голоду, попросить мира, то мирный договор, спасший столько граждан, был расторгнут в Риме, а от ответственности перед общественным мнением уклонились тем, что послали к нумантинцам консула, подписавшего договор.

Иногда они заключали мирный договор с государем на справедливых условиях, и когда он выполнял их, они прибавляли такие условия, что ему приходилось снова начинать войну. Так, когда они заставили Югурту выдать им своих слонов, своих лошадей, свои сокровища, бывших у него перебежчиков, они потребовали, чтобы он выдал себя самого; но это составляет самое ужасное несчастье для государя и не может быть выставлено в качестве условия заключения мира.

Они, наконец, судили царей за их частные преступления и ошибки. Они выслушивали жалобы тех, кто вступал в спор с Филиппом; отправляли послов для охраны безопасности его противников; выслушивали обвинения Персея в том, что он убил нескольких граждан союзных с Римом городов и вступил в споры с другими.

Так как о славе генерала судили по количеству золота и серебра, которое он приносил при своем триумфе, то побежденному врагу ничего не оставляли. Рим все время обогащался, и каждая война давала ему возможность начать новую.

Все народы, бывшие их друзьями или союзниками, разорялись вследствие громадных подарков, которые они приносили римлянам, чтобы сохранить их расположение или сделать еще более благосклонными к себе. Половины тех денег, которые посылали римлянам с этой целью, было бы достаточно, чтобы победить их.

Как владыки вселенной, они присваивали себе все ее сокровища; они грабили более справедливо как завоеватели, чем как законодатели. Узнав, что Птоломей, царь Кипра, обладает несметными богатствами, они по предложению одного трибуна приняли закон, согласно которому объявили себя наследниками еще живого человека и конфисковали имущество союзного государя.

Корыстолюбие отдельных граждан разграбило все то, что ускользнуло от алчности государства. Судьи и правители продавали свое правосудие царям. Спорящие стороны разоряли себя наперебой, чтобы купить всегда сомнительное благоволение судьи против соперника, который еще не окончательно истощил себя, ибо здесь не соблюдалась даже справедливость разбойников, которые при совершении своих преступлений соблюдают известную добросовестность. Наконец, государи, зная, что их законные или узурпированные права могут быть подтверждены только посредством подкупа, для того чтобы получить деньги, грабили храмы и подвергали конфискации имущества самых богатых граждан; они совершали тысячи преступлений для того, чтобы отдать римлянам все сокровища мира.

Но больше всего выгоды Рим извлекал из того уважения, которое он внушал всем народам. Вскоре он заставил замолчать царей и как бы ошеломил их. Вопрос уже не ставился о степени их власти, ибо сама их личность подвергалась опасности: объявить войну это значило подвергнуться риску плена, смерти или позора при триумфе. Таким образом, цари, жившие в неге и роскоши, не осмеливались смотреть прямо в глаза римскому народу; потеряв мужество, они надеялись терпением и низостью оттянуть наступление тех несчастий, которые им угрожали.

Обратите внимание на поведение римлян. После поражения Антиоха они стали владыками Азии, Африки и Греции, почти не заняв городов. Казалось, они побеждали только ради того, чтобы отдавать. Но они оставались владыками настолько, что, объявляя войну какому-либо государю, они, так сказать, обрушивали на него тяжесть всей вселенной.

Еще не наступило время овладеть всеми завоеванными странами. Если бы они сохранили за собой города, взятые

у Филиппа, то открыли бы глаза грекам. Если бы после 2-й Пунической войны или войны против Антиоха они захватили земли в Африке или в Азии, то они не могли бы сохранить их за собой, ибо победа еще не была окончательно упрочена.

Перед тем как начать повелевать нациями как подданными, следовало подождать, пока они привыкнут повиноваться как свободные и как союзники и постепенно растворятся в римской республике.

Посмотрите на договор, который они заключили с латинами после победы у озера Регилла[110]; он был одним из главных фундаментов их могущества; в нем нет ни одного слова, которое дало бы повод заподозрить их в стремлении к власти.

Они завоевывали постепенно. Когда побеждали какой-либо народ, то удовлетворялись тем, что ослабляли его; ставили ему такие условия, которые незаметно подтачивали его; если он поправлялся, его еще больше унижали: он становился подданным, причем нельзя было указать точно, в какой момент это произошло.

Таким образом, Рим, собственно говоря, не был ни монархией, ни республикой, но головой тела, состоявшего из всех народов мира.

Если бы испанцы после завоевания Мексики и Перу следовали такому же плану, им не нужно было бы все разрушать для того, чтобы все сохранить.

Безумие победителей состоит в том, что они желают навязать всем народам свои законы и свои обычаи. Это ни к чему не служит, ибо люди способны повиноваться при всяком роде правления.

Но Рим не предписывал никаких общих законов, поэтому народы не имели между собой никаких опасных связей; они составляли одно тело только в смысле общего повиновения; не будучи соотечественниками, они все были римлянами.

На это можно возразить, что империи, основанные на феодальных законах, никогда не были ни прочными, ни сильными. Но нет ничего столь противоположного друг другу, как строй римского государства и варварских государств. Говоря кратко, можно сказать, что первый был

основан на силе, второй — на слабости; в одном случае существовало чрезмерное подчинение, в другом — чрезмерная независимость. В государствах, завоеванных германскими нациями, власть находилась в руках вассалов и только право — в руках государя; в Риме все обстояло наоборот.

ГЛАВА VII

ПОЧЕМУ МИТРИДАТ[111] МОГ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ РИМЛЯНАМ?

Из всех царей, на которых нападали римляне, один Митридат защищался мужественно и поставил их в опасное положение.

Его владения были выгодно расположены в военном отношении. Они находились по соседству с недоступным Кавказом, полным воинственных племен, которых можно было использовать для ведения войны; отсюда его владения распространялись на Черное море, на котором плавали многочисленные корабли Митридата. Он все время покупал новые армии у скифов[112]; Азия была открыта для его нашествий; он был богат, потому что его города на Черном море вели выгодную торговлю с менее промышленными народами.

Проскрипции[113], которые вошли в обычай в эту эпоху, принудили многих римлян покинуть свое отечество. Митридат, приняв их с распростертыми объятиями, распределил их между легионами, сформированными им; эти легионы стали лучшими в его армии.

С другой стороны, Рим, терзаемый гражданскими раздорами, занятый непосредственно угрожавшими ему несчастьями, отнесся пренебрежительно к азиатским делам: он позволил Митридату распространять свои победы и поправляться после поражений.

Большинство царей погибало именно потому, что они слишком явно обнаруживали свое желание заключить мир. Этим они лишали все другие народы желания разделять с ними опасности, которых они сами так сильно стремились избежать. Но Митридат с самого начала показал все-

му миру, что он является врагом римлян и останется им навсегда.

Наконец, города Греции и Азии, увидев, что иго римлян становится с каждым днем все тяжелее, возложили свои надежды на этого варварского царя, который призывал их к свободе.

Такое положение дел привело к трем великим войнам, образующим одну из самых прекрасных страниц римской истории, ибо мы здесь видим не государей, уже побежденных наслаждениями и гордостью, как Антиох и Тигран[114], или страхом, как Филипп, Персей и Югурта, но великодушного царя, который в своих несчастьях, подобно льву, видящему свои раны, еще более свирепеет.

Эти войны носят своеобразный характер, потому что все время сопровождаются неожиданными переворотами, ибо, хотя Митридат мог легко возмещать свои потери, однако при неблагоприятном положении дел, когда полководец больше всего нуждается в послушных и дисциплинированных солдатах, его варварские отряды покидали его. Если он обладал искусством возбуждать народы и подымать мятежи в городах, то ему в свою очередь изменяли его полководцы, его дети и жены. И, наконец, если, с одной стороны, он имел дело с неспособными римскими генералами, то, с другой стороны, против него посылали в разное время Суллу, Лукулла[115] и Помпея.

Этот государь после того, как он разбил римских генералов и покорил Азию, Македонию и Грецию, был в свою очередь побежден Суллой[116], заставившим его по мирному договору ограничиться своими прежними владениями. Утомленный римскими генералами, став еще раз их победителем и покорителем Азии, изгнанный Лукуллом, преследуемый в своей собственной стране, он принужден был скрываться у Тиграна. Видя себя побежденным и оставшимся после своего поражения без всяких ресурсов, рассчитывая только на самого себя, он нашел убежище в своих собственных владениях и там восстановил свои силы.

За Лукуллом последовал Помпей, и Митридат был побежден; он убегает из своих владений, переправляется через Аракс, проходит по земле лазов[117], подвергаясь многочисленным опасностям; набирая на своем пути войска у

варваров, он появляется у Босфора[118] перед своим сыном Махаром, заключившим мир с римлянами.

Находясь в отчаянном положении, Митридат составляет план, согласно которому он должен был перенести войну в Италию и пойти походом на Рим с теми же самыми племенами, которые покорили римлян несколько веков спустя, и по тому же самому пути, по которому эти племена потом пошли.

Преданный Фарнаком[119], своим другим сыном, и армией, устрашенной грандиозностью предприятий Митридата и опасностями, связанными с ними, Митридат умирает по-царски.

Тогда Помпей своими быстрыми победами завершил великолепное и величественное здание Рима. Он присоединил к своей империи бесчисленные страны, но это больше увеличило блеск Римской империи, чем ее действительное могущество. Хотя на таблицах, которые несли при его триумфе[120], было написано, что он увеличил доходы казны более чем на треть, силы государства не увеличились, а свобода народа оказалась в более угрожаемом положении, чем когда бы то ни было раньше.

ГЛАВА VIII

О РАЗДОРАХ, РАЗДЕЛЯВШИХ ВСЕ ВРЕМЯ ГОРОД

В то время как Рим покорял вселенную, в его собственных стенах происходила скрытая война. Этот пламень был подобен огню вулкана, который выбрасывается тотчас же, как только какая-либо материя увеличивает в нем брожение.

После изгнания царей правление стало аристократическим: все магистратуры[121] и все должности занимали только патрицианские[122] фамилии, следовательно, они получали также все военные и гражданские почести.

Патриции, желая помешать возвращению царей, стремились увеличить возбуждение в народе. Но они сделали больше, чем желали сами: внушив народу ненависть к царям, они внушили ему безграничное стремление к свободе. Когда царская власть перешла целиком к консулам, на-

род почувствовал, что не обладает той свободой, столь сильную любовь к которой желали ему внушить; поэтому он старался ослабить консулат, назначать плебейских магистратов[123] и занимать курульные должности наравне со знатными. Патриции принуждены были уступить всем его требованиям, ибо в городе, где бедность считали общественной добродетелью и презирали богатство — тайный путь к приобретению власти, — рождение и знатность не обладали значительными преимуществами. Власть должна была перейти к большинству народа, и аристократическое государство постепенно превратилось в демократическое.

Те, кто повинуется царю, меньше терзаются завистью и ревностью, чем те, кто живет при режиме наследственной аристократии. Государь так далек от своих подданных, что они его почти не видят; он так сильно возвышается над ними, что они не могут себе представить такое отношение между ними, которое оскорбляло бы их. Но знатные, которые управляют, находятся на глазах у всех; они не настолько возвышаются над остальными гражданами, чтобы последние не делали все время неприятных сравнений. Поэтому народ во все времена, да и теперь, ненавидит сенаторов. Республики, где рождение не дает никаких прав на участие в правительстве, в этом отношении самые счастливые, ибо народ меньше завидует власти, которую он дает кому хочет и отнимает по своей прихоти.

Народ, недовольный патрициями, удалился на Священную гору. К нему направили послов, успокоивших его[124]. Но так как все обязались взаимно помогать друг другу в том случае, если патриции нарушат данное ими слово, — что всегда вызывало волнения и мешало магистратам правильно исполнять свои обязанности, — то предпочли создать новую магистратуру[125], которая помешала бы совершать несправедливости по отношению к плебеям. Но вследствие исконной человеческой слабости плебеи, которые получили трибунов для своей защиты, воспользовались ими для нападения; они понемногу лишили патрициев всех их прерогатив. Это привело к непрерывным раздорам. Народ поддерживали или, скорее, возбуждали трибуны, патрициев же защищал сенат, почти весь составленный из патрициев, более склонный соблюдать старинные правила

и опасавшийся, как бы чернь не сделала какого-либо трибуна тираном.

Народ пользовался своими собственными средствами, а именно: своим численным преобладанием на выборах, отказом отправляться на войну, угрозами удалиться на Священную гору, односторонними народными постановлениями и, наконец, обвинениями против тех, которые слишком упорно ему сопротивлялись. Сенат оборонялся своей мудростью, своей справедливостью и любовью, которую он внушал к отечеству, своими благодеяниями и мудрым распределением сокровищ республики, уважением, которое народ питал к славе первых семейств и к добродетели великих людей, религией, старинными учреждениями, отменой дней собраний под тем предлогом, что ауспиции[126] неблагоприятны, клиентами[127], противопоставлением одного трибуна другому, назначением диктатора, объявлением новой войны и общими несчастьями, объединявшими интересы всех. Сенат отстаивал себя еще и тем, что проявлял отеческую снисходительность к народу, соглашаясь удовлетворить часть его требований с тем, чтобы он отказался от остальных, и всегда придерживался того правила, что надо предпочесть сохранение республики прерогативам какого-либо сословия или какой-либо магистратуры.

С течением времени, когда плебеи настолько ослабили патрициев, что это различие потеряло всякое значение, когда и те, и другие стали равно получать почести, возникли новые раздоры между простым народом, волнуемым своими трибунами, и главными патрицианскими и плебейскими семействами, которых стали называть знатью и из которых был составлен сенат, отстаивавший их интересы. Но за это время исчезли старинные простые нравы, а частные лица приобрели огромные богатства; но так как богатство не может не доставлять власти, то новые знатные сопротивлялись гораздо сильнее, чем прежние патриции. Это послужило причиной смерти Гракхов[128] и многих из тех, кто хотел воплотить их намерения в жизнь.

Теперь я перехожу к той магистратуре, которая сильно содействовала укреплению власти правительства, а именно — к цензуре[129]. Цензоры занимались переписью наро-

да; кроме того, так как сила республики состояла в дисциплине, строгости нравов и постоянном соблюдении известных обычаев, они исправляли те злоупотребления, которые не были предусмотрены законом или за которые другие магистраты не могли карать. Бывают плохие примеры, которые хуже преступлений; больше государств погибло от того, что оскорбляли нравы, чем от того, что нарушали законы. Цензоры запрещали вводить опасные новшества, которые могли бы изменить настроение духа или ума гражданина и прервать цепь непрерывной традиции, они улаживали домашние и общественные беспорядки. Они могли исключить из сената кого им угодно, отнять у всадника[130] коня, содержавшегося за счет государства, переместить гражданина в другую трибу[131] или даже зачислить его в такую, члены которой вносили денежные подати в пользу города, но были лишены привилегий, которыми обладали остальные граждане.

Цензор М. Ливий заклеймил даже народ: из 35 триб он зачислил 34 в разряд тех, члены которых были лишены привилегий, которыми обладали граждане города. «Ибо, — говорил он, — после того как вы меня осудили, вы меня же назначили консулом и цензором. Следовательно, или вы поступили противозаконно один раз, наложив на меня кару, или два раза, назначив меня сперва консулом, а потом цензором».

М. Дуроний, народный трибун, был исключен цензорами из сената за то, что во время своей магистратуры он отменил закон, ограничивавший расходы на празднества.

Цензура была очень мудрым учреждением. Цензоры не могли лишить кого-либо магистратуры, потому что это внесло бы расстройство в выполнение государственных функций, но они могли снизить гражданина в его звании и ранге, лишив его, таким образом, той знатности, которая, так сказать, принадлежала ему лично.

Сервий Туллий произвел знаменитое деление граждан по центуриям[132], которое так хорошо объяснили Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский. Он разделил 193 центурии на шесть классов и зачислил весь простой народ в последнюю центурию, которая одна составляла шестой класс. Мы видим, что такое распределение отнимало у простого

народа право голоса хотя не юридически, но фактически. Впоследствии было установлено, что, за исключением отдельных случаев, голосование должно производиться соответственно делению по трибам.

Было 35 триб, из которых каждая обладала одним голосом: 4 трибы городских, а 31 — сельская. Главные граждане, т. е. землевладельцы, естественно, входили в сельские трибы; простой же народ входил исключительно в городские трибы и имел очень мало влияния на государственные дела; именно это рассматривалось как спасение республики. Когда Фабий зачислил в 4 городские трибы простой народ, который Аппий Клавдий распределил по всем трибам, то он получил прозвище Величайшего[133]. Цензоры каждые пять лет проверяли положение республики в данный момент и распределяли народ по различным трибам таким образом, чтобы трибуны и честолюбцы не могли предопределить исход голосований и чтобы сам народ не мог злоупотреблять своей властью.

Рим имел прекрасное правительство, поскольку он с самого начала имел такое устройство, что или дух народа, или сила сената, или авторитет известных магистратов могли всегда исправить всякое злоупотребление властью.

Карфаген погиб потому, что не мог терпеть, чтобы сам Ганнибал исправлял злоупотребления. Афины пали потому, что жителям города их заблуждения казались столь приятными, что они не хотели исцелиться от них. В наше время итальянские республики, которые кичатся устойчивостью своих правительств, должны кичиться только долговечностью их злоупотреблений; они имеют не больше свободы, чем Рим при децемвирах[134].

Мудрость английского правительства заключается в том, что в нем есть учреждение, которое все время проверяет правительство и в то же время проверяет самого себя[135]; поэтому ошибки правительства никогда не бывают длительными и часто даже становятся полезными, благодаря тому что они обращают на себя внимание нации.

Одним словом, свободное государство, т. е. постоянно волнуемое борьбой партий, может сохранять себя только в том случае, если оно способно исправлять свои ошибки благодаря своим собственным законам.

ГЛАВА IX

ДВЕ ПРИЧИНЫ ГИБЕЛИ РИМА

Республика могла легко существовать, пока владычество Рима ограничивалось Италией. Всякий солдат был одновременно гражданином; каждый консул набирал армию; под командованием следующего консула другие граждане отправлялись на войну. Число отрядов не было слишком велико; старались принимать в армию только тех граждан, которые обладали достаточным имуществом для того, чтобы быть заинтересованными в сохранении города. И, наконец, сенат внимательно наблюдал за поведением генералов, так что у них не могла возникнуть даже и мысль поступить вопреки своему долгу.

Но когда легионы перешли через Альпы и переправились через море, то солдаты, которых на время нескольких кампаний пришлось оставить в покоренных странах, мало-помалу потеряли добродетели, свойственные гражданину; генералы, распоряжавшиеся армиями и царствами, почувствовали свою силу и перестали повиноваться.

Солдаты начали признавать только своего генерала, возлагать на него все свои надежды и меньше любить свое отечество. Они уже не были больше солдатами республики, а солдатами Суллы, Мария, Помпея, Цезаря[136]. Рим не мог больше знать, является ли командующий армией в провинции его генералом или же его врагом.

Пока народ в Риме совращался лишь трибунами, которым он мог поручить только такую власть, какой обладал он сам, сенат мог легко защищаться, потому что он действовал последовательно, а чернь все время переходила от крайнего неистовства к крайней слабости. Но когда любимцы народа получили колоссальную власть за пределами страны, вся мудрость сената стала бесполезной и республика погибла.

Причина того, что свободные государства менее долговечны, чем другие, состоит в том, что как их несчастья, так и их удачи почти всегда приводят к потере ими свободы. Но удачи и несчастья государства, где народ подчинен, одинаково закрепляют его рабство. Мудрая респуб-

лика не должна отваживаться на такие предприятия, исход которых зависит от превратностей судьбы. Единственное благо, к которому она должна стремиться, — это устойчивость государств.

Величие города погубило республику не в меньшей степени, чем величие империи.

Рим покорил всю вселенную при помощи народов Италии, которых он в разное время наделил различными привилегиями. Большая часть народов сначала мало заботилась о получении права римского гражданства; некоторые даже предпочитали сохранить свои старые обычаи. Но когда это право стало признаком господства над вселенной, когда человек, не бывший римским гражданином, был ничем, а получавший это звание становился всем, народы Италии решили или погибнуть, или стать римскими гражданами. Не сумев добиться своей цели домогательствами и просьбами, они взялись за оружие; жители всей той страны, которая обращена к Ионическому морю, подняли восстание[137]. Другие союзники готовы были присоединиться к ним. Рим, вынужденный сражаться против тех, кто, так сказать, был его руками, посредством которых он сковывал вселенную, стоял на краю гибели. Ему угрожала участь ограничиться пределами своих стен. Он согласился дать это столь желанное право тем союзникам, которые еще оставались ему верными. Мало-помалу он дал его всем.

С тех пор Рим перестал быть городом, где народ был воодушевлен тем же духом, той же любовью к свободе, той же ненавистью к тирании, где борьба за власть против сената и стремление лишить знать ее прерогатив были смешаны с уважением и являлись не чем иным, как только любовью к равенству. Когда народы Италии стали гражданами Рима, каждый город, сохраняя свои характерные черты, стал отстаивать свои частные интересы, обнаруживать свою зависимость от какого-либо сильного покровителя. Город, граждане которого были рассеяны по всей Италии, не составлял больше единого целого. Так как человек становился римским гражданином посредством своеобразной юридической фикции, но на самом деле магистраты, стены, боги, храмы, гробницы не были общими, то

на Рим перестали смотреть прежними глазами, не испытывали больше прежней любви к отечеству, и привязанность к Риму исчезла.

Честолюбцы приводили в Рим население других городов и целых племен, чтобы производить беспорядки во время выборов или повлиять на их исход в свою пользу; собрания приняли характер настоящих заговоров; «комициями»[138] называли шайку, состоящую из нескольких мятежников; авторитет народа, его законы стали воображаемыми вещами, перестали считаться и с самим народом; анархия достигла такой степени, что нельзя было больше узнать, принял ли народ какое-либо постановление или же нет.

Авторы, пишущие о Риме, все время говорят о раздорах, погубивших его. Но при этом они не замечают, что эти раздоры были необходимы, что они существовали всегда и должны были существовать всегда. Единственное зло заключалось в обширности республики, вследствие чего народные беспорядки превратились в гражданские войны. В Риме неизбежно должны были существовать раздоры; его воины, столь гордые, смелые и грозные для врагов, не могли быть очень смирными дома. Требовать, чтобы свободное государство состояло из людей, отважных на войне и робких во время мира, это значит желать невозможного. Можно установить общее правило, что всякий раз, когда мы замечаем, что в государстве, называющем себя республикой, все спокойно, то можно быть уверенным, что в нем нет свободы.

То, что называют в политическом организме союзом, является весьма двусмысленной вещью. Настоящий союз — это гармонический союз, который заставляет содействовать благу всего общества все части, какими бы противоположными они нам ни казались, подобно тому как диссонансы в музыке содействуют общему аккорду. В государстве, которое производит впечатление беспорядка, может существовать союз, т. е. гармония, из которой проистекает благополучие, составляющее истинный мир. В нем дело обстоит так же, как с частями вселенной, вечно связанными друг с другом посредством действия одних частей и противодействия других.

Но под согласием азиатского деспотизма, т. е. всякого правительства, которое не носит умеренного характера, всегда скрывается настоящий раздор. Земледелец, воин, купец, чиновник, дворянин объединены между собою только тем, что одни притесняют других, не встречая с их стороны сопротивления. И если здесь видят союз, соединение, то это объединение не граждан, а мертвых тел, похороненных рядом друг с другом.

Правда, в дальнейшем римские законы стали бессильны для управления республикой; но всегда наблюдается такое явление, что законы, которые сделали маленькую республику большой, становятся для нее неудобны, когда она увеличивается, потому что их естественное действие состоит в том, чтобы создать великий народ, но не в том, чтобы управлять им.

Имеется большое различие между законами хорошими и целесообразными, между теми, которые делают народ владыкой других народов, и теми, которые поддерживают приобретенное им могущество.

В наше время существует республика, которую почти никто не знает, но которая в тишине и молчании с каждым днем увеличивает свои силы[139]. Нет сомнения, что, если она когда-нибудь достигнет того величия, которое предназначено ей ее мудростью, она неизбежно изменит свои законы; и это не будет делом законодателя, но следствием самой ее испорченности.

Рим был создан для того, чтобы возвыситься, и для этой цели его законы были превосходны. Так, какую бы форму правления Рим ни имел, монархическую, аристократическую или демократическую, он никогда не отказывался совершать великие предприятия, которые требовали целенаправленной деятельности, в чем он и успевал. Он не один раз, а всегда поступал умнее других государств, он во все времена держался одинаково превосходно, был ли он малым, средним или великим государством; не было такой удачи, из которой он не извлек бы выгоды, и такого несчастья, которое не послужило бы ему на пользу.

Он потерял свою свободу потому, что слишком рано завершил свое творение.

ГЛАВА X
ОБ ИСПОРЧЕННОСТИ РИМЛЯН

Я думаю, что школа Эпикура[140], распространившаяся в Риме к концу республики, сильно содействовала тому, чтобы испортить сердце и дух римлян. Греки пристрастились к этой школе до них и раньше испортились. Полибий говорит нам, что в его время никто не доверял греку, давшему клятву; но римлянин считал себя, так сказать, связанным ею.

Есть одно письмо Цицерона к Аттику[141], которое показывает нам, насколько римляне изменились в этом отношении со времени Полибия.

«Меммий, — говорит он, — только что сообщил сенату о соглашении, которое он и его соперник заключили с консулами. Согласно ему последние обязались содействовать их стараниям получить консульское звание на следующий год; они же, со своей стороны, обязались уплатить консулам 400 тысяч сестерций[142] в том случае, если не доставят им трех авгуров[143], которые заявят, что они присутствовали при том, как народ принимал куриатский закон, хотя этого совсем не было, и двух консуляров[144], которые подтвердят, что они присутствовали при подписании сенатского постановления, регулирующего положение их провинций, хотя этого вовсе не было». Сколько бесчестных людей в одном контракте!

Независимо от того, что религия является лучшей опорой нравственности, особенностью римлян было то, что у них любовь к отечеству носила религиозный оттенок. Этот город, основанный при наилучших ауспициях, Ромул, их царь и бог, этот Капитолий[145], вечный, как город, и город, вечный, как его основатель, произвели когда-то на души римлян такое впечатление, которое желательно было бы сохранить навсегда.

Величие государства доставило громадные сокровища частным лицам. Но так как довольство заключается в добрых нравах, а не в великолепии, то колоссальные богатства римлян привели к неслыханной роскоши и расточительству. Те, которые сначала стали испорченными из-за своих богатств, потом стали испорченными вследствие

своей бедности. Трудно быть хорошим гражданином, имея очень большое богатство; разорившиеся крупные богачи, привыкшие к роскошной жизни и сожалевшие о потере своего состояния, были готовы на все преступления; как говорит Саллюстий, появилось поколение людей, которые сами не могли иметь состояние, но не могли терпеть, чтобы им обладали другие.

Однако, какова бы ни была испорченность Рима, она не сопровождалась всеми бедствиями, которые она обыкновенно влечет за собой. Сила его строя была такова, что Рим сохранил героическую доблесть и всю свою боеспособность среди богатств, изнеженности и сладострастия. Я думаю, к этому не была способна никакая другая нация.

Римские граждане считали торговлю и ремесла рабскими занятиями; они ими совсем не занимались. Исключение составляли лишь некоторые вольноотпущенники[146], которые продолжали заниматься своим прежним делом. Но вообще римляне знали только военное искусство, которое служило единственным средством для получения магистратских званий и почестей. Таким образом, военные добродетели остались у них и после того, как они утратили все остальные.

ГЛАВА XI

О СУЛЛЕ[147]. О ПОМПЕЕ[148] И ЦЕЗАРЕ[149]

Я прошу разрешить мне не останавливаться на ужасах, имевших место во время войн Мария с Суллой; потрясающий рассказ о них мы найдем у Аппиана[150]. Не только оба вождя испытывали чувства зависти и честолюбия и производили жестокие расправы над своими противниками, все римляне находились в состоянии бешенства; новые граждане и старые не считали больше друг друга членами единой республики; они вели войну, которая носила своеобразный характер, будучи одновременно гражданской и внешней.

Сулла издал законы, которые могли бы уничтожить причину беспорядков, волновавших город. Они повысили

авторитет сената, ограничили власть народа, регулировали власть трибунов. Прихоть, побудившая его отказаться от диктатуры, как бы вернула жизнь республике; но, упоенный своими успехами, он совершил такие действия, которые лишили Рим возможности сохранить свою свободу.

Он уничтожил всякую военную дисциплину во время своих азиатских походов; он приучил свою армию к грабежам, развил в ней такие потребности, которых она раньше не имела; он окончательно развратил солдат, которые в дальнейшем должны были развратить полководцев.

Он ввел вооруженную армию в Рим и научил римских генералов нарушать убежище свободы.

Он роздал земли граждан солдатам и развил в них ненасытную алчность, ибо начиная с этого момента не было ни одного воина, который не ожидал бы случая, чтобы овладеть имуществом своих сограждан.

Он придумал проскрипции[151] и оценил головы всех тех, которые не принадлежали к его партии. С тех пор ни один гражданин не мог служить республике, ибо между двумя честолюбцами, оспаривавшими друг у друга победу, те, которые сохраняли нейтралитет и принадлежали к партии свободы, могли быть уверены, что любой из двух соперников, оставшись победителем, внесет их в проскрипционные списки. Поэтому было благоразумно примкнуть к одному из двух.

После Суллы, говорит Цицерон, появился человек, который защищал преступное дело и одержал еще более позорную победу; он конфисковал не только достояния частных лиц, но навлек это бедствие на целые провинции.

Сулла, отрекаясь от диктатуры, как бы желал этим показать, что хочет жить только под покровительством данных им самим законов. Но этот поступок, обнаруживавший такую умеренность, сам явился следствием его насилий. Он наделил земельными участками 47 легионов в разных областях Италии. Эти люди, говорит Аппиан, считая свое имущество связанным с его жизнью, заботились о его безопасности и были всегда готовы прийти к нему на помощь или отомстить за его смерть.

Республика неизбежно должна была погибнуть; вопрос был только в том, кто ее низвергнет и каким образом.

Два одинаково честолюбивых человека, отличавшиеся лишь тем, что один не стремился к своей цели так прямо, как другой, затмили всех остальных граждан своим влиянием, своими подвигами, своими выдающимися качествами: Помпей выступил первым, Цезарь — непосредственно вслед за ним.

Помпей, чтобы привлечь к себе расположение народа, отменил законы Суллы, ограничивавшие власть народа. Так как он принес в жертву своему честолюбию самые полезные законы своего отечества, то получил все, чего желал: народ проявил по отношению к нему безграничное легкомыслие.

Законы Рима разумно распределили государственную власть между большим количеством магистратур, которые поддерживали, останавливали и ограничивали друг друга. Так как магистраты имели только ограниченную власть, то любой гражданин мог добиться любой должности. Народ, видя, как разные лица исполняют ту же самую должность, не привыкал ни к одному из них. Но в эту эпоху система республики изменилась; наиболее влиятельные граждане добились того, что народ стал давать им чрезвычайные поручения. Это уничтожило власть народа и магистратов и дало возможность одному или нескольким лицам сосредоточить в своих руках все важнейшие дела.

Нужно было объявить войну Серторию[152] — ее ведение поручали Помпею. Следовало объявить ее Митридату — все требовали Помпея. Требовалось доставить зерно в Рим — народ считал себя погибшим, если это дело не поручат Помпею. Желали ли истребить пиратов? Нет никого, кроме Помпея. И когда Цезарь угрожает захватить Италию, сенат в свою очередь призывает Помпея и возлагает на него все свои надежды.

«Я думаю, — обращался Марк к народу, — что Помпей, которого ожидают знатные, предпочтет укрепить вашу свободу, чем их господство. Но было время, когда каждый из вас находился под покровительством многих, а не все под покровительством одного, когда считалось неслыханным, чтобы один смертный мог давать или отнимать что-либо подобное».

Рим, созданный для того, чтобы возвыситься, должен был объединить в одних и тех же лицах почести и власть; в смутное время это давало возможность сосредоточить в одном гражданине управление народом.

Когда дают почести, то точно знают, что это значит; но когда к ним присоединяется также и власть, то нельзя сказать, каких размеров она может достигнуть.

Когда одному гражданину оказывают в республике исключительное предпочтение, то это неизбежно приводит к следующему результату: или возбуждает в народе зависть к нему, или же безмерную любовь.

Помпей, возвращаясь в Рим, дважды имел возможность уничтожить республику; но он проявил умеренность, распустил свои войска, прежде чем вступить в город, и появился в нем в качестве простого гражданина. Эти действия, увенчавшие его славой, привели к тому, что какой бы противозаконный акт он ни совершил, сенат всегда становился на его сторону.

Честолюбие Помпея было не столь стремительным, как у Цезаря: оно носило более спокойный характер. Цезарь, подобно Сулле, хотел овладеть верховной властью с оружием в руках. Помпею не нравился такой способ действия; он хотел получить диктатуру, но с согласия народа; он не соглашался насильственно захватить власть, но хотел, чтобы ему ее вручили.

Благосклонность народа не отличается постоянством; поэтому наступило время, когда влияние Помпея стало падать. Его особенно задевало то, что люди, которых он презирал, увеличили свое влияние и стали пользоваться им в ущерб ему!

Это заставило Помпея совершить три одинаково роковые ошибки. Он развратил народ при помощи денег и подкупал каждого гражданина за определенную сумму во время выборов.

Кроме того, он пользовался самой презренной чернью, чтобы мешать магистратам исполнять свои обязанности. Он надеялся, что благоразумные люди, устав от анархии, с отчаяния сделают его диктатором.

Наконец, он соединил свои интересы с интересами Цезаря и Красса[153]. Катон[154] говорил, что республику погу-

била не их вражда, но их союз. Действительно, Рим находился в таком злосчастном положении, что гражданские войны его удручали меньше, чем мир, который, объединяя намерения и интересы вождей государства, приводил к тирании.

Помпей не помогал своим авторитетом Цезарю; но, сам не зная того, он пожертвовал им ради Цезаря. Цезарь тотчас же употребил против него не только те силы, которые он ему предоставил, но и его ухищрения. Он возмущал город посредством своих тайных агентов и получил решающее влияние на исход выборов: консулы, преторы, трибуны покупались за ту цену, какую они сами себе назначали.

Сенат, видевший ясно намерения Цезаря, обратился за помощью к Помпею. Он умолял его взять на себя защиту республики, если еще можно было называть этим именем форму правления, которая нуждается в покровительстве одного из своих сограждан.

Я думаю, Помпея погубил стыд, который он испытывал при мысли о том, что, возвышая Цезаря, он обнаружил недостаточную прозорливость. Он долго не мог привыкнуть к этой мысли; он не принимал мер для своей защиты, чтобы не сознаться в том, что поставил себя в опасное положение; он уверял сенат, что Цезарь не посмеет объявить войну; и, так как он говорил это столько раз, то он стал повторять это всегда.

По-видимому, одно обстоятельство дало возможность Цезарю решиться на все. Оно состояло в том, что вследствие злополучного созвучия имен, поручив ему управление Цизальпинской Галлией, к ней присоединили и Трансальпийскую Галлию[155].

Политические соображения не позволяли, чтобы вблизи Рима находились армии: но они же требовали и того, чтобы Италия не оставалась без войск. Это привело к тому, что держали значительные силы в Цизальпинской Галлии, т. е. в стране, расположенной по ту сторону Рубикона — маленькой речки в Романии[156] — и простирающейся до Альп. Но для того чтобы обезопасить Рим от этих отрядов, было издано знаменитое сенатское постановление, которое можно видеть еще и теперь высеченным на камне,

находящемся на пути из Римини в Цезену. Оно посвящает подземным богам и объявляет святотатцем и изменником родины каждого, кто перейдет через Рубикон с армией, легионом или даже с когортой[157].

К этой провинции, управление которой давало возможность угрожать городу, присоединили другую, еще более важную, а именно — Трансальпийскую Галлию, в которую входила южная часть Франции. Она предоставляла Цезарю удобные поводы в течение нескольких лет объявлять войну тем народам, которым он захочет, благодаря чему его солдаты стали его ветеранами, сердца которых он покорил не в меньшей степени, чем земли варваров. Если бы Цезарь не получил управления Трансальпийской Галлией, он не развратил бы своих солдат и не доставил бы своему имени того почтения, какое он заслужил столькими победами. Если бы он не получил управления Цизальпинской Галлией, Помпей мог бы преградить ему проход через Альпы. Вместо этого последний принужден был в самом начале войны покинуть Италию. Это погубило репутацию его партии, составляющую главную силу в гражданских войнах.

Цезарь, переправившись через Рубикон, привел Рим в такой же ужас, какой этот город испытал некогда после победы Ганнибала при Каннах. Помпей, растерявшийся в первые же моменты войны, принял решение, к какому прибегают только в безнадежном положении: он не нашел ничего лучшего, как уступать и убегать. Он выступил из Рима, оставив государственное казначейство; у него не было никаких способов задержать победителя; он оставил часть своих войск, всю Италию и переправился через море.

Много говорят о счастье Цезаря; но этот необыкновенный человек обладал такими великими достоинствами, не имея ни одного недостатка, при многих пороках, что всегда оставался бы победителем, какой бы армией ни командовал, и управлял бы любой республикой, в какой бы он ни родился.

Цезарь, нанеся поражение наместникам Помпея в Испании, отправился в Грецию, чтобы встретиться с самим Помпеем. Армия Цезаря, находившаяся в тяжелом положении и терпевшая голод, могла быть уничтожена Помпеем,

господствовавшим над берегом моря и имевшим гораздо более значительные силы. Но главной слабостью Помпея было то, что он желал получать одобрение, поэтому он прислушивался к пустым разговорам окружавших его людей, которые все время издевались над ним и обвиняли его. «Он хочет, — говорил один, — стать бессменным главнокомандующим, быть, подобно Агамемнону[158], царем царей». «Я объявляю вам, — говорил другой, — что в этом году мы не будем есть тускуланских фиг». Некоторые частные успехи, одержанные Помпеем, окончательно вскружили голову этой сенаторской шайке. Таким образом, желая избежать упреков, Помпей предпринял такой шаг, за который его всегда будет упрекать потомство: он пожертвовал всеми своими преимуществами, чтобы отправиться с новыми войсками сражаться против армии, увенчанной столькими победами.

Остатки войск, разбитых при Фарсале[159], отступили в Африку. Сципион, командовавший ими, не пожелал следовать советам Катона[160], рекомендовавшего ему затягивать войну. Возгордившись несколькими победами, одержанными им, он рискнул всем и погубил все. Когда Брут и Кассий восстановили положение, то такая же опрометчивость с их стороны погубила республику в третий раз[161].

Можно заметить, что при этих продолжительных гражданских войнах внешнее могущество Рима все время возрастало. При Марии, Сулле, Помпее, Цезаре, Антонии и Августе Рим, становясь все более грозным, закончил уничтожение всех царей, которые еще оставались.

Ни одно государство не представляет такой сильной угрозы для остальных, как то, которое испытало ужасы гражданской войны. Все его граждане — знатные, горожане, ремесленники, крестьяне — становятся солдатами. Когда после установления мира их силы объединяются, это государство обладает великими преимуществами по сравнению с теми, которые имеют только граждан. Далее, гражданские войны часто способствуют появлению великих людей, ибо в этой общей смуте выдвигаются те, кто имеет заслуги, и соответственно этому они занимают место и получают должность. Но в мирное время дело обстоит почти всегда наоборот: каждый получает свою должность по воле

других. Оставим римлян и возьмем примеры из нового времени. Французы никогда не были более грозны для других народов, как после раздоров бургонского и орлеанского домов, после смут при лиге, после гражданских войн при малолетстве Людовика XIII и Людовика XIV[162]. Англия никогда не пользовалась таким уважением, как при Кромвеле, после войн, происходивших при долгом парламенте[163]. Немцы получили преобладание над турками только после германских гражданских войн[164]. Испанцы при Филиппе V, вскоре после гражданских войн за наследство, обнаружили в Сицилии такую силу[165], которая изумила Европу. А теперь Персия возрождается из пепла после гражданской войны и побеждает Турцию[166].

Республика была, наконец, уничтожена; в этом исходе не следует обвинять честолюбие отдельных лиц, но человека вообще, который тем более стремится к власти, чем больше он ее имеет, и который, обладая многим, желает обладать всем.

Если бы Цезарь и Помпей мыслили, как Катон, то другие мыслили бы, как Цезарь и Помпей; республика, обреченная на гибель, была бы увлечена в пропасть другими людьми.

Цезарь простил всем своим противникам; но мне кажется, что не заслуживает больши́х похвал умеренность, которую проявляют, захватив все.

Что бы ни говорили о стремительности Цезаря после битвы при Фарсале, Цицерон справедливо обвиняет его в медлительности. Он пишет Кассию[167], что сенаторская партия никогда бы не поверила, что помпеянцы так быстро восстановят свое положение в Испании и Африке, и что если бы она могла предвидеть, что Цезарь будет терять время в александрийской войне[168], то никогда не заключила бы с ним мира, но удалилась бы вместе с Катоном и Сципионом в Африку.

Безумная любовь заставила Цезаря вести четыре войны; в двух последних он поставил под вопрос все плоды своей победы при Фарсале[169].

Цезарь управлял сначала под титулом магистрата, ибо титулы больше всего задевают людей. Подобно тому как народы Азии питают отвращение к званиям консула и про-

консула[170], так народы Европы ненавидят звание царя; так что в те времена эти имена составляли счастье народов или приводили их в отчаяние. Цезарь не отвергал попыток его приверженцев надеть ему на голову диадему; но, увидев, что народ прекратил свои рукоплескания, он отказался от короны. Он предпринял еще и другие попытки; я не понимаю, как он мог подумать, что римляне, терпя тирана, полюбили вследствие этого тиранию или сочли, что сделанное ими они сделали по своей воле.

Однажды сенат декретировал ему известные почести, но он не поднялся с места. С тех пор наиболее значительные сенаторы стали терять терпение.

Люди больше всего оскорбляются тогда, когда нарушают их обычаи и церемонии. Попробуйте их угнетать — это иногда является доказательством уважения к ним; но нарушение их обычаев служит всегда признаком презрения к людям.

Цезарь, бывший всегда врагом сената, не мог скрыть своего презрения к этому учреждению, которое, потеряв власть, приняло почти смешной характер. Таким образом, даже кротость Цезаря стала оскорбительной; считали, что он не прощал, но не удостаивал наказывать.

Он довел свое презрение к сенату до такой степени, что сам составлял сенатские постановления; он подписывал их именами первых пришедших ему на ум сенаторов. «Я узнаю, — пишет Цицерон, — что в Сирию и Армению[171] доставлено сенатское постановление, принятое, как говорят, по моему предложению раньше, чем вообще было сделано какое-либо упоминание об этом. От царей далеких окраин мне уже доставляли письма, в которых они благодарят меня за то, что я в высказанном мною мнении назвал их царями, а я не знал не только того, что они названы царями, но даже того, что они вообще родились».

Из писем некоторых выдающихся людей этой эпохи, вошедших в издание писем Цицерона, потому что большая часть их составлена им, можно видеть, в какое уныние и отчаяние повергла первых людей республики эта внезапная революция, которая лишила их почестей и оставила не у дел. Из этих писем видно лучше, чем из рассказов историков, что, когда сенат перестал выполнять свои функции, сановники потеряли то уважение, которым поль-

зовались во всем мире, и стали возлагать все свои надежды на одно лицо. Эти письма с великолепной наивностью передают настроение людей, объединенных общей скорбью, и того века, где притворная вежливость не распространила повсюду привычки ко лжи. В них, в отличие от авторов современных писем, люди не желают обманывать друг друга; несчастные друзья говорят друг другу все, что лежит у них на сердце.

Цезарю было очень трудно защитить свою жизнь, ибо большинство заговорщиков принадлежало к его партии или было осыпано им благодеяниями. Этот заговор был составлен по вполне естественной причине. Заговорщики получили большие преимущества благодаря победам Цезаря; но чем лучше становилось их положение, тем сильнее они чувствовали общее бедствие, ибо для человека, который ничего не имеет, с известной точки зрения довольно безразлично, какое правительство он имеет.

Кроме того, существовал некоторый род международного права, мнение, установленное во всех республиках Греции и Италии, согласно которому убийца человека, захватившего верховную власть насилием, должен был рассматриваться как добродетельный гражданин. В Риме, особенно после изгнания царей, был точно сформулирован закон относительно тираноубийства, освящавший его. Республика вооружала руку каждого гражданина, облекала его для этой цели властью магистрата и признавала его своим защитником.

Брут осмеливался говорить своим друзьям, что, если бы его отец вернулся на землю, он бы его все равно убил[172]. И хотя при продолжавшемся господстве тирании этот дух свободы мало-помалу заглох, все же с начала правления Августа заговоры не прекращались.

Любовь к отечеству была господствующей страстью, которая, выходя за обыкновенные рамки пороков и добродетелей, повиновалась только себе самой и не считалась ни с гражданином, ни с другом, ни с благодетелем, ни с отцом; добродетель как бы забывала себя для того, чтобы превзойти самое себя. Добродетель заставляла восхищаться как божественным таким поступком, который сначала нельзя было одобрить из-за его жестокости.

Действительно, преступление Цезаря, жившего при свободном правительстве, было таково, что оно могло быть наказано только посредством убийства. Спрашивать, почему его не преследовали открыто или на основании законов, значило бы то же самое, что требовать у него отчета в его преступлениях.

ГЛАВА XII
О СОСТОЯНИИ РИМА ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ

До такой степени невозможно было восстановить республику, что случилось невиданное: не было больше тирана, но не было и свободы, ибо сохранились причины, уничтожившие республику.

Заговорщики составили только общий план заговора, но ничего не сделали для предотвращения дальнейших трудностей, вытекавших из него.

После убийства Цезаря они отступили к Капитолию. Сенат не собирался. На следующий день Лепид[173], стремившийся производить беспорядки, занял своими вооруженными отрядами Форум.

Ветераны, опасавшиеся, чтобы у них не потребовали обратно громадных даров, полученных ими, вступили в Рим. Вследствие этого сенат одобрил все акты Цезаря и, стремясь примирить крайние направления, провозгласил амнистию заговорщикам. Таким образом наступил притворный мир.

Цезарь, готовясь к походу против парфян, назначил на случай своей смерти магистратов на несколько лет, желая иметь людей, которые в его отсутствие поддерживали бы порядок в государстве. Таким образом сторонники его партии были надолго обеспечены после его смерти ресурсами.

Так как сенат одобрил все акты Цезаря без ограничений и поручил их выполнение консулам, то Антоний, бывший тогда консулом, завладел записной книгой Цезаря и подкупил его секретаря, благодаря чему он мог внести в нее все, что хотел. Таким образом, диктатор господствовал после смерти Цезаря более самовластно, чем при жизни. Антоний делал то, чего никогда не делал бы Цезарь;

он раздавал деньги, которых тот никогда не роздал бы; и всякий, обнаруживший дурные намерения против республики, неожиданно находил вознаграждение в записной книге Цезаря.

В довершение несчастья Цезарь собрал для своего похода громадные денежные суммы, положенные им на хранение в храме богини Опс[174]. Антоний, имея его записную книгу, располагал ими по своему усмотрению.

Заговорщики сначала решили бросить тело Цезаря в Тибр. Они не встретили бы никаких препятствий к этому, ибо в моменты растерянности, которые следуют за неожиданным действием, легко сделать все, на что можно отважиться. Их намерение не было выполнено, и вот что из-за этого произошло.

Сенат считал себя обязанным разрешить похороны Цезаря. Действительно, так как он не был объявлен тираном, то ему нельзя было отказать в погребении. Но у римлян существовал обычай, столь восхваляемый Полибием, носить во время похорон изображения предков и произносить в честь умершего надгробную речь. Антоний, произносивший ее, показал народу окровавленную одежду Цезаря, прочитал его завещание, по которому народ получал щедрые подарки, и привел его в такую ярость, что он стал поджигать дома заговорщиков.

Мы имеем признание Цицерона, управлявшего сенатом во время этих событий, что следовало бы действовать более энергично, даже рискуя гибелью, и что при этом никто не погиб бы. Он ищет оправдания в том, что сенат был созван тогда, когда было уже поздно. Тот, кто знает, какое значение имеет даже мгновение при событиях, в которых народ принимает главное участие, не удивится этому.

А вот и другой случай: когда происходили игры в честь Цезаря, в течение семи дней была видна длинная хвостатая комета; народ верил, что это душа Цезаря, принятая на небо.

Народы Греции и Азии имели обычай строить храмы в честь царей и даже проконсулов, управлявших ими. Им это разрешали, так как это было наиболее ярким свидетельством их рабства. В своих ларариях[175], или частных храмах, римляне также могли воздавать божественные

почести своим предкам. Но я не знаю случая, чтобы какой-либо римлянин от Ромула до Цезаря был причислен к общенародным божествам.

Управление Македонией было поручено Антонию; но он хотел получить управление обеими Галлиями — мы хорошо знаем, по каким мотивам. Когда Децим Брут, управлявший Цизальпинской Галлией, отказался уступить ее ему, он решил его прогнать. Это вызвало гражданскую войну, в которой сенат объявил Антония врагом отечества.

Цицерон, желая погубить своего личного врага Антония, принял плохое решение способствовать возвышению Октавия[176]. Вместо того чтобы заставить народ забыть Цезаря, он таким образом все время напоминал ему о нем.

Октавий вел себя очень ловко по отношению к Цицерону: он льстил ему, хвалил его, совещался с ним, словом, употреблял те уловки, на которые всегда попадается тщеславие.

Почти все дела портит то, что люди, предпринимающие их, кроме главной цели стремятся еще достигнуть мелких частных успехов, которые льстят их самолюбию и их самодовольству.

Я думаю, если бы Катон[177] был сохранен для республики, он дал бы совершенно другое направление делам. Цицерон, который мог прекрасно играть вторые роли, не был способен к первым. Он обладал великим умом, но обыкновенной душой. Для Цицерона на втором плане стояла добродетель, для Катона — слава. Цицерон в первую очередь думал о себе, Катон всегда забывал себя; последний хотел спасти республику ради нее самой, первый — ради своего тщеславия.

Развивая дальше эту параллель между ними, можно было бы сказать, что Катон предвидел, а Цицерон боялся; там, где Катон надеялся, Цицерон доверялся; первый всегда сохранял хладнокровие, второй видел все через призму сотни мелких страстей.

Антоний потерпел поражение при Модене; оба консула — Гирций[178] и Панса — погибли. Сенат, считая, что преодолел все трудности, желал унизить Октавия, который, со своей стороны, прекратив борьбу против Антония, повел свою армию в Рим и заставил провозгласить себя консулом.

Вот каким образом Цицерон, который хвастался тем, что он своим мирным искусством уничтожил войска Антония, направил против республики более опасного врага, потому что его имя было дороже народу, а его права носили по видимости более законный характер.

Потерпевший поражение Антоний нашел убежище в Трансальпийской Галлии, где его принял Лепид. Они оба соединились с Октавием, согласившись пожертвовать жизнью тех, которые были друзьями одних и врагами других. Лепид остался в Риме; Антоний и Октавий отправились навстречу Бруту и Кассию и столкнулись с ними в тех местах, где три раза сражались за владычество над миром[179].

Брут и Кассий покончили с собой вследствие непростительной опрометчивости. Читая об этом, невольно испытываешь чувство жалости к республике, которая была покинута таким образом. Катон покончил с собой к концу трагедии; первые два как бы начали ее своей смертью.

Можно привести несколько причин в объяснение обычая кончать жизнь самоубийством, столь распространенного у римлян, а именно: успехи стоической школы, поощрявшей к этому; установление триумфов и рабства, которые привели некоторых великих людей к мысли о том, что не следует переживать своего поражения; выгоды, которые получал обвиняемый, кончая собой, ибо благодаря этому он избегал приговора, осуждавшего его память и подвергавшего его имущество конфискации; своеобразное понимание чести, может быть более разумное, чем то, которое заставляет нас теперь убивать своего друга на дуэли за жест или слово; и, наконец, весьма удобный повод для проявления героизма, ибо всякий кончал пьесу, которую он разыгрывал в мире, именно в том месте, где он хотел.

Можно было бы прибавить еще одну причину, вследствие которой самоубийство совершалось очень легко: душа, всецело занятая действием, которое она собирается совершить, мотивом, который его определяет, опасностью, которую она стремится избегнуть, собственно говоря, совсем не замечает смерти, потому что страсть заставляет чувствовать, но вовсе не видеть.

Самолюбие, любовь к самосохранению принимают столь разнообразные формы и действуют согласно столь противо-

положным принципам, что они заставляют нас жертвовать нашим существом из-за любви к нашему существу. Мы такого высокого мнения о себе, что соглашаемся прекратить жизнь по естественному и смутному инстинкту, который заставляет нас любить себя даже больше, чем нашу жизнь.

ГЛАВА XIII
АВГУСТ[180]

Секст Помпей владел Сицилией и Сардинией; господствуя над морем, он имел при себе бесчисленное множество изгнанных и опальных, возлагавших все свои надежды на сражения. Октавий вел против него две очень тяжелые войны, после больших неудач он победил его благодаря искусству Агриппы[181].

Почти все заговорщики плохо окончили свою жизнь; вполне естественно, что люди, стоявшие во главе партии, потерпевшей столько поражений в войнах, в которых никому не давали пощады, погибли насильственной смертью. Отсюда, однако, сделали вывод о небесном мщении, каравшем убийц Цезаря и осуждавшем их дело.

Октавий привлек на свою сторону солдат Лепида и отнял у него власть триумвира. Он даже лишил его утешения жить в безвестности, принудив его присутствовать на народных собраниях в качестве частного лица. Унижение Лепида доставляет нам большое удовлетворение. Он был самым плохим гражданином в республике: первый возбуждал смуты и непрерывно составлял вредные планы, для исполнения которых ему, однако, приходилось заключать союз с людьми, более ловкими, чем он. Одному современному автору угодно было похвалить Лепида; он ссылается на Антония, который в одном из своих писем дает ему эпитет «честного человека»; но «честный человек» для Антония вовсе не должен быть таким для других.

Я думаю, Октавий — единственный из всех римских полководцев, возбудивший к себе любовь солдат благодаря тому, что он постоянно проявлял перед ними природную трусость. В эту эпоху солдаты больше ценили генерала за

его щедрость, чем за его храбрость. Возможно, что именно отсутствие храбрости — качества, которое может доставить власть, — составило счастье Октавия и даже возвысило его: его меньше боялись. Возможно, что его наиболее позорные действия больше всего послужили ему на пользу. Если бы он с самого начала обнаружил великую душу, все остерегались бы его; если бы он обладал смелостью, то не позволил бы Антонию совершить все те сумасбродства, которые того погубили.

Антоний, готовясь к войне против Октавия, поклялся своим солдатам, что через два месяца после победы он восстановит республику. Из этого ясно видно, что даже солдаты дорожили свободой своего отечества, хотя они все время уничтожали ее, ибо нет ничего более безрассудного, чем армия.

Была дана битва при Акции; Клеопатра[182] обратилась в бегство и увлекла вслед за собой Антония. Нет сомнения, что впоследствии она его предала. Возможно, что, побуждаемая чрезмерным женским кокетством, она составила план увидеть у своих ног третьего владыку мира.

Женщина, ради которой Антоний пожертвовал всем миром, изменила ему. От него отступилось множество полководцев и царей, которых он возвысил или облек в это достоинство. Но как бы в доказательство того, что благородство может быть связано с рабством, отряд гладиаторов сохранил ему героическую верность. Осыпьте человека благодеяниями, первой мыслью, которую вы ему внушите, будут поиски средств к их сохранению: у него будут новые интересы, которые ему нужно будет защищать.

В этих войнах изумляет то, что одна битва решала исход всего предприятия и что поражения носили окончательный характер.

Римские солдаты не принадлежали, собственно, ни к одной партии; они сражались не за известное дело, а за известную личность; они знали только своего вождя, который, привлекая их на свою сторону, сулил им громадные выгоды. Но, поскольку разбитый полководец не был в состоянии выполнить свои обещания, они переходили к другому. Провинции не принимали искреннего участия в раздорах, потому что для них было совершенно безразлично,

кто победит — сенат или народ. Как только один из вождей терпел поражение, они становились на сторону другого, ибо каждый город заботился о том, чтобы оправдаться перед победителем, который должен был пожертвовать наиболее провинившейся областью для того, чтобы сдержать непомерные обещания, данные солдатам.

Мы имели во Франции гражданские войны двух родов: предлогом для одних была религия, и они были продолжительными, потому что и после победы сохранялся мотив, побуждавший к ним; другие не имели, собственно говоря, никакого мотива и начинались вследствие легкомыслия или честолюбия нескольких вельмож, почему они и подавлялись с самого начала.

Август (имя, которое лесть дала Октавию) восстановил порядок, т. е. постоянное рабство, ибо в свободном государстве, где захватчик только что овладел верховной властью, называют порядком все то, что может укрепить неограниченный авторитет одного человека; смутой же, раздором и плохим правлением называют все то, что может поддержать благородную свободу подданных.

Все питавшие честолюбивые планы содействовали тому, чтобы водворить в республике некоторого рода анархию. Помпей, Красс и Цезарь достигли в этом направлении удивительных успехов. Они установили безнаказанность всех государственных преступлений; они уничтожили все, что могло помешать порче нравов, все, что могло содействовать прекращению беспорядков; подобно тому как хорошие законодатели желают сделать своих сограждан лучшими, они стремились сделать их худшими. Они ввели обычай подкупать народ деньгами; когда обвиняли кого-либо в происках, подкупали судей; они производили беспорядки при выборах посредством всякого рода насилий; когда привлекали кого-либо к суду, наводили страх на судей; уничтожена была даже власть народа, свидетельством чего служит Габиний, который бесстыдно потребовал триумфа по поводу того, что он вооруженной рукой восстановил на престоле Птоломея[183] вопреки воле народа.

Первые люди республики стремились внушить народу отвращение к его власти и сделаться для него необходимыми, доведя до крайностей неудобства республиканского об-

раза правления. Но, когда Август стал владыкой, политические соображения побудили его восстановить порядок, чтобы дать почувствовать выгоды единовластия.

Когда Август вел войны, он опасался мятежей солдат, а не заговоров граждан; вот почему он щадил первых и был так жесток ко вторым. Когда наступил мир, он стал бояться заговоров; он имел всегда перед глазами судьбу Цезаря, и, чтобы избежать его участи, он решил держаться другого направления: в этом ключ к объяснению всей жизни Августа. В сенате он носил под одеждой панцирь; он отказался от звания диктатора; Цезарь говорил заносчиво, что республика ничто и что его слова являются законом, Август же говорил все время о достоинстве сената и о своем уважении к республике. Он хотел восстановить наиболее приемлемое для граждан правительство, которое в то же время не наносило бы ущерба его интересам. Он создал аристократическое правительство в гражданском отношении и монархическое в военном. То было колеблющееся правительство, которое не могло держаться своими собственными силами и существовало лишь пока оно было угодно монарху. В этом смысле оно носило совершенно монархический характер.

Часто ставили вопрос: намеревался ли Август действительно отказаться от власти? Но кто не видит, что если бы он пожелал, то добился бы этого? Что это было лишь игрой, видно из того, что Август каждые десять лет просил освободить его от бремени власти и все же продолжал носить ее тяжесть. Он пользовался мелкими уловками, чтобы заставить дать ему то, что, по его мнению, недоставало ему для полноты власти. К такому заключению приводит вся жизнь Августа. Хотя люди очень своенравны, все же очень редко случается, чтобы они отказались в какой-либо момент от планов, которые вынашивали всю жизнь. Все действия Августа, все его распоряжения явно клонились к установлению монархии. И Сулла отказывался от диктатуры, но вся его жизнь служит доказательством того, что он был настроен республикански, несмотря даже на учинявшиеся им насилия. Все его распоряжения, даже выполнявшиеся тиранически, клонились всегда к установлению известной формы республики. Крутой Сулла на-

сильственно ведет римлян к свободе; Август, хитрый тиран, незаметно приводит их к рабству. При Сулле республика восстанавливала свои силы, но все кричали о тирании; при Августе же укреплялась тирания, а говорили только о свободе.

Обычай триумфов, так сильно содействовавший величию Рима, при Августе исчез, или, говоря правильнее, эта почесть стала привилегией верховной власти. Большинство перемен, введенных императорами, имело свое начало в обычаях республики, с которыми их следует сближать. При республике только тот имел право требовать триумфа, под верховным руководством которого велась война; но теперь она велась всегда под верховным руководством императора, бывшего главой всех армий.

Основной принцип республики состоял в том, чтобы непрерывно воевать, императоры же руководствовались правилом — поддерживать мир: победы причиняли им только беспокойство, ибо они опасались, что войска потребуют за них слишком высокую цену.

Начальники, имевшие некоторую власть над войском, боялись слишком великих дел. Следовало уменьшать свою славу настолько, чтобы она возбуждала лишь внимание, но не зависть государя, и избегать слишком большого блеска, которого не могли бы вынести его глаза.

Август очень скупо раздавал право римского гражданства; он издал законы, значительно ограничивавшие освобождение рабов. В своем завещании он советовал соблюдать эти два правила и не стремиться к расширению границ империи посредством новых войн.

Эти три вещи были тесно связаны между собой; как только прекратились войны, исчезла надобность в новых гражданах и вольноотпущенниках.

Когда Рим вел непрерывные войны, ему нужно было все время восстанавливать свои потери в людях. Первоначально в него переселяли часть жителей побежденного города. Впоследствии в него прибывали некоторые граждане соседних городов для участия в выборах; их количество бывало так велико, что по жалобам союзников их часто отсылали обратно. И, наконец, множество людей прибывало из провинций. Законы благоприятствовали бракам и

даже делали их обязательными. В каждой войне Рим приобретал громадное количество рабов. Когда римляне сильно разбогатели, они стали покупать их повсюду, но и освобождать в большом числе, кто по великодушию, кто по скупости, кто по мягкости характера. Одни хотели вознаградить верных рабов; другие желали получать от их имени хлеб, который республика распределяла между бедными гражданами; третьи, наконец, хотели, чтобы их траурную колесницу сопровождали многочисленные вольноотпущенники с венками на головах. Почти весь народ состоял из вольноотпущенников. Таким образом, эти владыки мира были рабского происхождения не только в первоначальный период, но и во все эпохи своей истории.

Когда чернь, почти целиком состоявшая из вольноотпущенников и их потомков, становилась в тягость, то создавали колонии, посредством которых обеспечивали себе верность провинций. Население всего мира совершало свой кругооборот в Риме: он получал рабов и высылал римлян.

Воспользовавшись как предлогом беспорядками во время выборов. Август назначил городского начальника Рима и поместил в городе гарнизон. Он организовал корпуса из «бессмертных легионов», которых он разместил на границах империи, и учредил специальное казначейство для их оплаты; он установил, что ветераны будут получать вознаграждение деньгами, а не землями.

Распределение земель, произведенное после Суллы, принесло печальные результаты. Собственность граждан стала необеспеченной. Если не помещали солдат одной когорты в одном и том же месте, они получали отвращение к своему поселению, земли оставались необработанными, а солдаты становились опасными гражданами. Если же солдат распределяли по легионам, то честолюбцы могли в любой момент найти армии, готовые выступить против республики.

Август создал постоянную организацию морской службы. Подобно тому как до него римляне не имели постоянных сухопутных войск, они не имели и постоянных военно-морских войск. Флот Августа имел своей главной целью обеспечить безопасность торгового флота и охранять коммуникации между разными частями империи, ибо с

тех пор римляне стали владыками всего бассейна Средиземного моря. В ту эпоху плавали только по этому морю, и римляне не имели врагов, которых им следовало бы опасаться.

Дион[184] замечает вполне справедливо, что начиная с эпохи императоров стало труднее писать историю: все стало секретным.

Все депеши из провинций посылались в императорскую канцелярию; известным становилось лишь то, чего не желали скрывать безумие или наглость тиранов, или же то, о чем историки догадывались.

ГЛАВА XIV

ТИБЕРИЙ[185]

Подобно тому как поток медленно и бесшумно подмывает плотину, затем сразу разрушает ее и покрывает поля, которые она защищала, так и верховная власть при Августе действует незаметно, а при Тиберии бурно опрокидывает все.

В Риме существовал *закон об оскорблении величества,* направленный против тех, кто покушался на римский народ. Тиберий воспользовался им и стал применять его не к тем, против которых он был издан, но ко всем, которых ему указывали его ненависть и недоверчивость. Под этот закон подпадали не только поступки, но и слова, и знаки, и даже мысли, ибо слова, которые произносятся при откровенных беседах двух друзей, могут рассматриваться только как мысли. Не было больше свободы на пирах, доверия между родственниками, верности в рабах; притворство и мрачность государя сообщались всем. Дружба стала рассматриваться как опасность, искренность — как неблагоразумие, добродетель — как аффектация, способная напомнить народам о счастье минувших времен.

Нет более жестокой тирании, чем та, которая прикрывается законами и видимостью правосудия, когда, если можно так выразиться, несчастных топят на той самой доске, на которой они спаслись.

Никогда не бывало, чтобы тиран не нашел орудий своей тирании, и Тиберий всегда находил судей, готовых осу-

дить всех, кого он подозревал. Сенат, который как таковой никогда не занимался делами частных лиц при республике, по поручению народа выносил приговоры по преступлениям, в которых обвиняли союзников. Тиберий поручал ему разбирать все дела, в которых он усматривал *оскорбление своего величества.* Это учреждение совершало такие подлости, которые невозможно описать. Сенаторы устремились навстречу рабству; под покровительством Сеяна знатнейшие из них занимались ремеслом доносчиков[186].

Я нахожу несколько причин духа рабства, господствовавшего тогда в сенате. После победы Цезаря над республиканской партией и друзья, и враги его в сенате одинаково содействовали уничтожению всех законных ограничений его власти и присуждению ему чрезмерных почестей: одни стремились приобрести его расположение, другие — сделать его ненавистным. По словам Диона, некоторые дошли до того, что предложили разрешить ему обладать всеми женщинами, которые ему понравятся. Это привело к тому, что он не остерегался сената и был там убит. Но это имело своим результатом также и то, что при следующих императорах не было такой лести, которая осталась бы без примера и могла вызвать возмущение.

До установления в Риме единовластия первые люди в нем обладали колоссальными богатствами, которые они приобрели самыми различными путями. Но они их лишились почти совсем при императорах; сенаторы не имели больше тех крупных клиентов, которые щедро наделяли их богатствами. Когда по провинциям были назначены прокураторы[187], которые по своей должности равнялись приблизительно нашим интендантам[188], то все их доходы поступали к императору. Между тем, хотя источники доходов у них были отняты, сенаторы продолжали вести прежний образ жизни и расходовали значительные суммы денег, которые они могли получить только по милости императора.

Август отнял у народа право издавать законы и судить за государственные преступления; но он оставил ему — или делал вид, что оставил, — право выбирать магистратов. Тиберий, опасавшийся собраний столь многочисленного народа, отнял у него эту привилегию и передал ее се-

нату, т. е. себе самому. Однако трудно поверить, до какой низости довело вельмож падение власти народа. Когда народ раздавал важные должности, магистраты, домогавшиеся их, совершали много подлостей; однако их прикрывала известная пышность, поскольку магистраты устраивали для народа игры и пиры или же раздавали народу деньги и хлеб. Хотя мотивы были низменные, но средства носили в известной степени благородный вид, ибо вельможе всегда подобает добиваться благосклонности народа посредством щедрых раздач. Но когда народ ничего не мог давать, а государь располагал всеми должностями от имени сената, то их стали просить и получать недостойными путями; необходимыми средствами достижения их стали лесть, подлость, преступления.

Между тем нельзя сказать, что Тиберий хотел унизить сенат. Он больше всего жаловался на склонность этого учреждения отдаваться в рабство; в течение всей своей жизни он не переставал обнаруживать свое отвращение к такому поведению, но, подобно большинству людей, он желал соединить противоположное. Его общая политика не находилась в согласии с его личными склонностями. Он желал бы иметь свободный сенат, способный внушать уважение к его правлению; но в то же время он желал бы иметь сенат, готовый в любой момент рассеять все его опасения, удовлетворить его зависть и его ненависть. В последнем счете государственный деятель всегда уступал в нем частному человеку.

Мы говорили, что народ добился когда-то от патрициев права назначать своих магистратов, которые должны были защищать его от оскорблений и несправедливостей. Они были объявлены священными и неприкосновенными, дабы они могли отправлять беспрепятственно свою должность. Было установлено, что всякий, кто оскорбит трибуна делом или словом, немедленно подвергнется смертной казни. Но императоры были облечены трибунской властью и получили соответствующие привилегии. На этом основании было казнено столько людей, что доносчики могли совершенно спокойно заниматься своим ремеслом. Так как обвинение в оскорблении величества могло быть распространено на кого угодно, то доносчики, как говорит Пли-

ний[189], могли обвинять в этом преступлении любого человека, которому нельзя было приписать никакого преступления.

Я думаю, однако, что некоторые из этих обвинений вовсе не были такими нелепыми, какими они кажутся нам теперь. Я не могу себе представить, чтобы Тиберий заставил обвинять человека в том, что он продал вместе со своим домом статую императора, чтобы Домициан[190] велел осудить на смерть женщину за то, что она разделась перед его изображением, а гражданина — за то, что на стенах его комнаты было описание всей земли, представленное живописью, если бы эти поступки вызывали в умах римлян такие же представления, как и теперь. Я думаю, это было отчасти вызвано переменой римского правительства, когда стало казаться важным то, что для нас не имеет никакого значения. Я так заключаю из того, что мы ныне видим нацию, которую никто не заподозрит в тирании, где, однако, запрещено выпивать за здоровье некоторой особы.

Я не должен пропустить ничего, что может послужить к познанию духа римского народа. Этот народ так привык повиноваться и считать, что все его благополучие зависит от его владык, что, когда умер Германик[191], он выражал свою печаль, сожаление и отчаяние с такой силой, какой мы не находим у нас. Историки описывают, какую великую, долгую и необузданную скорбь народ обнаруживал при этом несчастье; она не была притворной, ибо целый народ не прикидывается, не льстит, не обманывает.

Римский народ, не принимавший больше участия в правлении, состоявший почти исключительно из вольноотпущенников и из людей, не занятых ремеслом, живших на счет государственной казны, чувствовал лишь свое бессилие. Он сокрушался подобно детям и женщинам, которые, чувствуя свою слабость, впадают в отчаяние; он был в плохом состоянии; он боялся за жизнь Германика, на которого возложил все свои надежды; и когда тот был у него похищен, он впал в отчаяние.

Больше всех опасаются несчастий те, кто мог бы быть спокойным ввиду крайней бедности, и должен был бы сказать вместе с Андромахой[192]: «дай бог, чтобы я боялась». В Неаполе[193] сейчас живет 50 тысяч человек, питающихся

только зеленью и одетых в лохмотья. Но эти самые несчастные люди на земле впадают в ужасное уныние при малейшем дыме на Везувии[194]: по своей глупости они боятся стать несчастными.

ГЛАВА XV
ОБ ИМПЕРАТОРАХ ОТ ГАЯ КАЛИГУЛЫ[195] ДО АНТОНИНА[196]

Тиберию наследовал Калигула. Про него говорили, что никогда не было лучшего раба и худшего господина. Эти две вещи тесно связаны между собой, ибо то же самое расположение духа, при котором человека живо поражает мысль о беспредельном могуществе власти, приводит к тому, что он бывает не менее сильно потрясен, когда сам становится правителем.

Калигула восстановил комиции[197], уничтоженные Тиберием. Он отменил изданный при Тиберии произвольно применявшийся закон об оскорблении величества. Отсюда видно, что начало царствования плохих государей бывает часто таким же хорошим, как конец добрых, ибо, руководствуясь духом противоречия к поведению своих предшественников, они могут делать то, что другие делают по своей добродетели; именно этому духу противоречия мы обязаны многими как хорошими распоряжениями, так и плохими.

Выиграли ли римляне при этом? Калигула отменил обвинения в оскорблении величества; но всех, попавших к нему в немилость, он казнил по военному обычаю. Так поступали не только с отдельными сенаторами, неугодными императору; его меч висел над всем сенатом, который он угрожал уничтожить целиком.

Эта ужасная тирания императоров происходила от общего настроения умов римлян. Так как они неожиданно очутились под произвольной властью, у них почти не было интервала между состоянием господства и рабства, так что они не были подготовлены к этому переходу мягкими нравами: они оставались такими же жестокими. С римскими гражданами обращались так же, как они сами обра-

щались с побежденными врагами, ими управляли по тому же образцу. Сулла при своем вступлении в Рим не был другим человеком, чем при своем вступлении в Афины; он пользовался тем же международным правом. Когда государства приводятся в подчинение постепенно, то даже при отсутствии законов они все еще управляются нравами.

Зрелище непрерывных гладиаторских боев сделало римлян чрезвычайно жестокими. Было замечено, что Клавдий[198] вследствие частого присутствия на подобного рода спектаклях стал гораздо более склонен к пролитию крови. Пример этого императора, бывшего мягким по природе и все же совершившего столько жестокостей, показывает, что воспитание этой эпохи отличалось от нашего.

Римляне, привыкшие распоряжаться судьбой людей в лице своих детей и рабов, не могли обладать той добродетелью, которую мы называем гуманностью. Откуда происходит жестокость жителей наших колоний, как не от обычая наказывать злополучную часть человеческого рода? Если люди проявляют жестокость в гражданском быту, можно ли ожидать от них мягкости и естественной справедливости?

Читая историю императоров, приходишь в ужас от бесконечного количества казненных ради конфискации их имущества. В современной истории мы не находим ничего подобного. Это, как мы только что сказали, следует приписать более мягким нравам и более кроткой религии; кроме того, теперь нет таких сенаторских фамилий, которые ограбили бы весь мир. Наши умеренные богатства доставляют нам ту выгоду, что они более обеспечены; не стоит труда похищать их у нас.

Римский народ, называвшийся «плебсом», не испытывал ненависти даже к самым плохим императорам. С тех пор, как он потерял власть и не был более занят ведением войн, он стал самым презренным из народов. Торговлю и ремесла он считал занятиями, пригодными только для рабов; бесплатное распределение хлеба привело к тому, что он перестал обрабатывать землю; его приучили к играм и зрелищам. Когда у него не стало больше трибунов, которых он мог бы выслушивать, и магистратов, которых он должен был бы выбирать, эти пустые развлечения стали

для него необходимыми и праздность развила в нем вкус к ним. Именно безумства Калигулы, Нерона, Коммода и Каракаллы[199] заставили народ жалеть об их смерти. Они страстно любили то, что любил народ, и употребляли всю свою власть, чтобы доставить ему удовольствие, участвуя в зрелищах даже лично; они расточали для него все богатства империи; а когда они были истощены, народ взирал без сожаления на ограбление всех знатных фамилий; он наслаждался плодами тирании, он испытывал чистое наслаждение, потому что находил свою безопасность в своей низости. Подобные государи, естественно, ненавидели добропорядочных людей; они знали, что последние не одобряют их поведения. Возмущенные явным или молчаливым протестом строгого гражданина, опьяненные аплодисментами черни, они стали воображать, что при их правлении общество процветает и что только злоумышленники могут находить в нем недостатки.

Калигула показал себя настоящим софистом в своей жестокости. Так как он происходил и от Антония, и от Августа, то он говорил, что будет наказывать консулов как в том случае, если они будут праздновать день, установленный в память победы при Акции, так и в том случае, если они не будут праздновать его. Когда умерла Друзилла[200], которой он велел воздавать божественные почести, то было преступлением плакать по ней, потому что она была богиней, и не плакать, потому что она была сестрой императора.

Здесь нужно отдать себе отчет в превратности человеческих дел. История Рима представляет нашим очам столько предпринятых войн, столько пролитой крови, столько истребленных народов, столько великих дел, столько триумфов, столько политики, мудрости, благоразумия, постоянства, мужества; этот план покорить весь мир, так хорошо задуманный, выполненный и завершенный, кончается только тем, что утоляет алчное желание пяти-шести чудовищ. Как! Разве для того сенат уничтожил столько царей, чтобы самому потом попасть в самое позорное рабство к нескольким своим наиболее недостойным гражданам или погубить себя посредством своих собственных решений. Мы возвышаемся только для того, чтобы тем стремительнее нас низвергли. Люди стремятся усилить свою власть

только для того, чтобы увидеть, как она попадает в более удачные руки и используется против них самих.

После убийства Калигулы сенат собрался для того, чтобы установить форму правительства. Пока он обсуждал этот вопрос, несколько солдат проникло во дворец с целью грабежа. Они нашли в укромном месте человека, дрожавшего от страха; то был Клавдий; они его приветствовали как императора.

Клавдий окончательно уничтожил старый порядок, дав своим чиновникам право отправлять правосудие. Марий и Сулла воевали между собой главным образом для того, чтобы решить, кому будет принадлежать это право — сенаторам или всадникам. Прихоть глупца лишила этого права как одних, так и других: странное окончание спора, который зажег пожар во вселенной!

Нет более абсолютной власти, чем та, которой располагает государь, ставший преемником республики, ибо он сосредоточивает в себе всю власть народа, не сумевшего ограничить самого себя. Так и теперь датские короли обладают наиболее абсолютной властью в Европе.

Народ был унижен не меньше, чем сенаторы и всадники. Как мы видели, до эпохи императоров он был таким воинственным, что армии, набранные в городе, здесь же на месте выстраивались в боевой порядок и шли прямо на врага. В период гражданских войн Вителлия и Веспасиана[201] Рим, ставший добычей честолюбцев и полный робких граждан, трепетал перед первой попавшейся шайкой солдат, которая приближалась к городу.

Не лучше было и положение императоров, так как право выбирать императора дерзко присваивала себе не одна армия; ибо стоило кому-либо быть выбранным одной армией, чтобы стать неприемлемым для других, которые тотчас же выставляли против него соперников.

Таким образом, подобно тому как обширность республики стала роковой для республиканского правительства, обширность империи стала таковой для жизни императоров. Если бы они должны были защищать страну, имеющую умеренные размеры, то императоры должны были бы содержать только главную армию, которая, выбрав их, уважала бы создание своих рук.

Солдаты были привязаны к фамилии Цезаря, которая гарантировала им преимущества, доставшиеся им благодаря революции. Наступило время, когда все знатные фамилии Рима были уничтожены фамилией Цезаря, которая в лице Нерона сама потом погибла. Гражданская власть, которую все время ниспровергали, оказалась не в силах уравновешивать военную: каждая армия хотела иметь своего императора.

Сравним различные эпохи. Когда Тиберий начал царствовать, он извлек из существования сената большие выгоды. Он узнал, что иллирийская и германская армии подняли мятеж; он удовлетворил некоторые их требования, утверждая, что остальные разберет сенат; он послал к ним членов этого учреждения. Те, кто перестает бояться власти, могут все же уважать ее авторитет. Когда показали солдатам, каким опасностям подвергались в римской армии дети императора и послы римского сената, они раскаялись и дошли даже до того, что сами на себя налагали кары. Но, когда сенат был окончательно унижен, его пример никого не трогал. Тщетно Оттон[202] в своих речах к солдатам говорит о достоинстве сената; тщетно Вителлий посылает самых знатных сенаторов заключить мир с Веспасианом; нельзя вернуть сословиям государства то уважение, которого так давно их лишили. Армии смотрели на этих послов как на самых гнусных рабов господина, от которого они уже отказались.

У римлян существовал старый обычай, согласно которому триумфатор раздавал несколько динариев[203] каждому солдату. То была незначительная сумма. Во время гражданских войн эти подарки были увеличены. Когда-то раздавали деньги, взятые у неприятеля; в эти бедственные времена стали давать деньги, взятые у граждан; хотя и не было военной добычи, солдаты требовали своей доли. Эти распределения производились после окончания войны; Нерон стал производить их в мирное время. Солдаты привыкли к ним; они роптали на Гальбу[204], смело ответившего им, что он умеет набирать солдат, но не покупать их.

Гальба, Оттон, Вителлий были мимолетными явлениями. Подобно им, Веспасиан был выбран солдатами. Во все время своего царствования он думал только о том, чтобы

восстановить империю, в которой последовательно царствовали шесть одинаково жестоких тиранов, почти все бешеные, часто слабоумные и в довершение несчастий все безумно расточительные.

Тит[205], наследовавший ему, был отрадой римского народа. В лице Домициана опять появился изверг, более жестокий или по крайней мере более беспощадный, чем все его предшественники, потому что он был более труслив.

Самые близкие к нему вольноотпущенники и, судя по словам некоторых, даже его жена, увидя, что он одинаково опасен и в дружбе, и в ненависти и что нет пределов его подозрительности и обвинениям, отделались от него. Прежде чем нанести ему удар, они подумали о преемнике и выбрали Нерву[206], почтенного старца.

Нерва усыновил Траяна[207], самого лучшего государя в истории. Счастьем считали родиться в его царствование, римский народ не имел более счастливого и славного царя. Великий государственный деятель и полководец, он имел доброе сердце, влекшее его к благу, просвещенный ум, указывавший ему самое лучшее, благородную, великую и прекрасную душу, где все добродетели уравновешивали друг друга. То был человек, более всех способный украшать человеческую природу и представлять божественную.

Он привел в исполнение план Цезаря, успешно воюя против парфян. Всякий другой пал бы под тяжестью предприятия, где опасности были всегда перед глазами, а ресурсы далеки, где следовало безусловно победить и где после победы нельзя было считать себя в безопасности.

Трудность состояла как в положении обеих империй, так и в способе ведения войны обоих народов. Можно было отправиться через Армению к истокам Тигра и Евфрата. Но там была гористая и недоступная страна, где невозможно было подвозить припасы, так что армия была бы наполовину уничтожена еще до ее прибытия в Мидию[208]. Можно было отправиться гораздо ниже к югу, через Нисибис[209]. Но там была ужасная пустыня, разделявшая обе империи. Можно было отправиться еще ниже, через Месопотамию[210]. Тогда пришлось бы пройти по стране, которая отчасти необработана, а отчасти покрыта водой. Так как Тигр и Евфрат текут там от севера к югу, то невозможно

проникнуть вглубь страны, не покидая рек, и отойти от рек, не рискуя гибелью.

Что касается способа ведения войны обоих народов, то сила римлян заключалась в их пехоте, самой сильной, самой стойкой и самой дисциплинированной на свете.

У парфян не было пехоты, но они имели замечательную кавалерию. Они сражались издали, за пределами досягаемости римского оружия. Дротик мог их редко поразить; их оружие состояло из лука и страшных стрел. Они скорее осаждали армию, чем сражались против нее; преследовать их было бесполезно, потому что они сражались, убегая и отступая назад по мере того, как к ним приближались. Они оставляли в крепостях только гарнизоны. Когда брали эти крепости, их необходимо было разрушать. Они нарочно выжигали всю местность вблизи неприятельской армии, так что не оставалось даже и травы. Они вели войну тогда приблизительно так, как ведут ее теперь в этих же странах.

Далее, иллирийские и германские легионы, которых перевезли туда, не были приспособлены к этой войне. Солдаты, привыкшие в своих странах много есть, почти все погибали.

Таким образом, парфянам удалось то, что не удалось ни одному народу, — избегнуть ига римлян. Это произошло не потому, что они были непобедимы, а потому, что они были недоступны.

Адриан[211] отказался от завоеваний Траяна, ограничив империю Евфратом. Удивительно, что после стольких войн римляне потеряли только то, чего не хотели удержать за собой, подобно морю, которое занимает меньшее пространство только тогда, когда оно отступает само.

Поведение Адриана вызвало сильный ропот. В священных книгах римлян было написано, что когда Тарквиний хотел построить Капитолий, то нашел, что наиболее подходящее место для него уже было занято статуями многих богов. Он употребил свой дар прорицания, чтобы узнать, желают ли они уступить свое место Юпитеру; все согласились, за исключением Марса, Юности и бога границ — Термина[212]. Отсюда возникло три религиозных мнения: что народ Марса никому не уступит занятого им места; что

римская юность никогда не будет преодолена и, наконец, что бог римлян Термин никогда не отступит, что, однако, произошло при Адриане.

ГЛАВА XVI

О СОСТОЯНИИ ИМПЕРИИ ОТ АНТОНИНА ДО ПРОБА[213]

В это время стоическая школа распространилась по империи и стала пользоваться значительным влиянием. Казалось, человеческая природа сделала усилие, чтобы из самой себя произвести эту удивительную школу, похожую на те растения, которые порождает земля в местах, куда никогда не проникает луч солнца.

Римляне были ей обязаны своими лучшими императорами. Невозможно забыть первого Антонина, а тем более — усыновленного им Марка Аврелия[214]. Мы чувствуем тайное удовольствие, говоря об этом императоре. Читая о его жизни, испытываешь некоторый род умиления. Она производит такое впечатление, что мы начинаем думать лучше о себе самих, потому что мы имеем лучшее мнение о других.

Мудрость Нервы, слава Траяна, мужество Адриана, добродетель обоих Антонинов внушали уважение солдатам. Но когда новые изверги заняли их место, злоупотребления военного правления обнаружились во всей своей силе. Солдаты, продававшие империю, убивали императоров для того, чтобы получить новое вознаграждение.

Говорят, некий государь старается в течение 15 лет уничтожить в своем государстве гражданское правление, чтобы ввести вместо него военное[215]. Я не хочу заниматься праздными рассуждениями по поводу этого намерения; скажу только, что для охраны жизни государя достаточно 200 гвардейцев, а не 80 тысяч, не говоря уже о том, что опаснее притеснять вооруженный народ, чем невооруженный.

Коммод наследовал своему отцу Марку Аврелию. То был изверг, который следовал не только всем своим страстям, но и всем прихотям своих министров и придворных. Те, которые освободили мир от него, поставили на его место

Пертинакса[216], почтенного старца, которого преторианские солдаты вскоре убили.

Они стали продавать империю с аукциона, и Дидий Юлиан[217] получил ее, обещав солдатам несметные сокровища. Это вызвало всеобщее возмущение, ибо, хотя империю часто покупали, однако, никто еще ею не торговал. Песценний Нигер, Север и Альбин[218] были провозглашены императорами, а Юлиан, не имея возможности уплатить громадные суммы денег, обещанные им, был покинут своими солдатами.

Север разбил Нигера и Альбина. Он имел великие достоинства, но ему недоставало кротости — этой первой добродетели государей.

Власть императоров могла гораздо легче казаться тиранической, чем власть нынешних государей. Так как их звание слагалось из всех римских магистратур и они были диктаторами под именем императоров, народными трибунами, проконсулами, цензорами, верховными жрецами и, когда хотели, консулами, то они часто распределяли награды и наказания. Это легко могло навлечь на них подозрение в том, что осужденные ими несправедливо подвергаются истязаниям, ибо народ обыкновенно судит о злоупотреблении власти в соответствии с ее обширностью. Вместо этого короли Европы, будучи законодателями, а не исполнителями законов, государями, а не судьями, отказались от той части власти, которая может навлечь на них ненависть; оставив за собой право помилования, они поручили особым чиновникам наложение наказаний.

Мало было императоров, которые так ревниво оберегали бы свою власть, как Тиберий и Север; между тем ими управляли самым позорным образом: первым — Сеян, а вторым — Плавтиан.

Злополучный обычай проскрипций, введенный Суллой, продолжал действовать и при императорах. Чтобы отказаться от него, государь должен был бы быть в некоторой степени добродетельным, ибо его министры и фавориты, стремясь в первую очередь к конфискациям имущества граждан, говорили ему только о необходимости наказаний и об опасностях, связанных с милосердием.

Проскрипции Севера привели к тому, что многие из солдат Нигера ушли к парфянам. Они научили их совершен-

ствовать свое военное искусство, а именно: не только употреблять римское оружие, но и изготовлять его. Результатом было то, что эти народы, которые обычно ограничивались обороной, потом почти повсюду перешли в наступление.

Стоит отметить, что во время этих непрерывно продолжавшихся гражданских войн командиры европейских легионов почти всегда побеждали командиров азиатских легионов. Мы читаем в истории Севера, что он не мог взять в Аравии[219] города Атра, потому что он принужден был воспользоваться сирийскими легионами ввиду мятежа, поднятого европейскими легионами.

Это различие стало заметно, когда начали набирать войска в провинциях; армии отличались между собой в такой же степени, как и сами народы, которые больше или меньше способны к войне, в зависимости от природы или воспитания.

Эти наборы, производившиеся в провинциях, приводили к другому результату: императоры, избиравшиеся обыкновенно из военных деятелей, были почти все иностранцы, а иногда и варвары. Римляне перестали быть владыками мира и были принуждены повиноваться законам всех народов.

Каждый император вводил что-либо из своей страны. Эти нововведения касались или поведения, или нравов, или государственного устройства, или богослужения. А Гелиогабал[220] намеревался уничтожить все культы в Риме и вывезти богов из храмов, чтобы поставить там своего бога.

Не говоря о тайных божьих путях, известных только ему одному, можно считать, что эти нововведения сильно способствовали утверждению христианской религии, ибо жителям Римской империи ничто не казалось чуждым и все они были подготовлены к принятию тех обычаев, какие только пожелал бы ввести император.

Известно, что римляне приняли в свой город чужеземных богов; они их приняли как победители и носили их во время триумфов наравне с другими вещами. Но когда чужеземцы хотели ввести свое богослужение, против этого были приняты решительные меры. Кроме того, известно, что у римлян был обычай давать чужеземным богам имена тех своих богов, которые были больше всего похожи на

них. Но когда чужеземные жрецы хотели побудить римлян почитать их богов под их собственными именами, им не позволили этого; это очень сильно препятствовало распространению христианской религии.

Каракаллу следует называть не тираном, но истребителем рода человеческого. Калигула, Нерон и Домициан проявляли свою жестокость только в Риме; Каракалла же терзал всю вселенную.

Север для накопления несметных сокровищ использовал незаконные поборы, взимавшиеся в течение его долгого царствования, и проскрипции, которым подвергались приверженцы противной партии.

Каракалла, начав свое царствование собственноручным убийством своего брата — Геты, употребил свои сокровища для того, чтобы загладить свое преступление перед солдатами, любившими Гету и говорившими, что они присягали двум сыновьям Севера, а не одному.

Эти собранные государями сокровища почти всегда приводили к пагубным результатам. Ослепленный ими наследник легко впадал в пороки; и если они не развращали его сердца, то развращали его ум. Он немедленно приступал к великим предприятиям, опираясь на власть, которая зависит от случая и не может быть длительной, которая носит неестественный характер и скорее искусственно раздута, чем увеличена по природе.

Каракалла прибавил жалование солдатам. Макрин[221] писал сенату, что эта прибавка доходила до 70 миллионов драхм[222]. По-видимому, последний приводит преувеличенные цифры. Если сравним расходы на жалование нашим солдатам с другими общенародными расходами и будем считать, что у римлян соблюдалась та же пропорция, то мы увидим, что эта сумма колоссальна.

Нужно исследовать, какое жалование получали римские солдаты. Орозий[223] говорит, что Домициан увеличил это жалование на одну четверть. Из речи одного солдата у Тацита[224] видно, что ко времени смерти Августа это жалование равнялось 10 унциям[225] меди. У Светония[226] находим, что Цезарь удвоил жалование солдатам. Плиний говорит, что во 2-ю Пуническую войну его уменьшили на одну пятую. Итак, оно состояло почти из 6 унций меди в 1-ю Пуническую войну; из 5 — во 2-ю Пуническую войну; из

10 — при Цезаре; из 13 с третью — при Домициане. Я намерен здесь продолжить некоторые рассуждения.

Когда республика расходовала маленькие суммы, вела каждый год войну и каждый год получала военную добычу, она легко могла платить жалование солдатам. Но в 1-ю Пуническую войну, когда она распространила силу своего оружия за пределы Италии, должна была вести длительную войну и содержать многочисленные армии, она не в состоянии была платить жалование солдатам, не входя в долги.

Во 2-ю Пуническую войну жалование было сведено к 5 унциям меди; это уменьшение можно было произвести без риска в ту эпоху, когда бо́льшая часть граждан стыдилась брать жалование и хотела служить на свои средства.

Сокровища Персея[227] и многих других царей, которые все время привозились в Рим, были причиной того, что перестали взимать подати. Поскольку разбогатели как отдельные граждане, так и все государство, было благоразумно не увеличивать жалования, равнявшегося 5 унциям в месяц.

Хотя известная часть этого жалования вычиталась за хлеб, одежду и оружие, его было достаточно для солдата, ибо на службу брали только имущих граждан.

Марий, принимая в армию людей, не имевших ничего, подал другим повод следовать его примеру, и Цезарь был принужден увеличить жалование.

Так как эта прибавка сохранялась и после смерти Цезаря, то при консулах Гирции и Пансе пришлось восстановить взимание податей.

Уступчивость Домициана, увеличившего жалование на одну четверть, нанесла громадный ущерб государству, для которого главное бедствие состоит не в роскоши, а в том, что люди, которые по природе вещей должны иметь только то, что необходимо для удовлетворения первых потребностей, живут не по средствам. Наконец, Каракалла, сделав новую прибавку, привел империю в такое состояние, что, не имея возможности существовать без солдат, она не могла существовать и с ними.

Каракалла, желая смягчить ужасное впечатление, произведенное его братоубийством, возвел убитого в ранг богов. Удивительно то, что по отношению к нему точно так

же поступил и Макрин, который после убийства Каракаллы, желая укротить гнев преторианских солдат, приведенных в отчаяние смертью столь щедрого к ним государя, воздвиг ему храм и назначил фламинов[228] в его честь. Это и было причиной того, что память его не была предана поруганию. Сенат, не осмеливаясь осудить его, не причислил его к тиранам, как он это сделал с Коммодом, который заслуживал этого не больше Каракаллы.

Адриан и Север — два великих императора, из которых один восстановил воинскую дисциплину, а другой ослабил ее. Результаты точно соответствовали причинам: цари, следовавшие за Адрианом, управляли благополучно и спокойно; но после Севера наступило ужасное замешательство.

Каракалла проявил безмерную щедрость по отношению к солдатам. Он точно следовал совету, который дал ему умирающий отец: обогащать солдат и не заботиться о других.

Но эта политика была хороша только для одного царствования, ибо наследник, не имевший возможности быть столь же щедрым, немедленно убивался солдатами. Таким образом, мудрые императоры убивались солдатами, а плохие погибали от заговоров или по постановлениям сената.

Когда тиран, опиравшийся на военных, оставлял граждан без защиты против их насилий и грабежей, то это могло продолжаться не дольше одного царствования; ибо солдаты, разоряя все время население, доходили до того, что сами себя лишали жалования. Поэтому следовало подумать о восстановлении военной дисциплины; но покушавшийся на такое мероприятие всегда терял при этом жизнь.

Когда Каракалла был убит по козням Макрина, солдаты, впавшие в отчаяние по случаю смерти столь щедрого к ним государя, выбрали императором Гелиогабала; когда последний, проводивший все свое время в гнусных оргиях, дал им полную волю, то они возненавидели его и убили. Точно так же они убили Александра[229], стремившегося восстановить дисциплину и грозившего им наказаниями.

Таким образом, тиран, который не столько старался сохранить свою жизнь, сколько беспрепятственно совершать преступления, погибал с тем печальным преимуществом,

что преемник его, желавший поступать лучше, точно так же погибал после него.

После Александра был избран Максимин, который был первым императором варварского происхождения. Он выделялся громадным ростом и силой. Он был убит вместе с сыном своими солдатами. Два первых Гордиана погибли в Африке. Максим, Бальбин и третий Гордиан были зарезаны. Филипп, который убил молодого Гордиана, был сам убит вместе с сыном. Деций, выбранный императором на его место, в свою очередь погиб вследствие измены Галла[230].

То, что называли Римской империей в этот век, было чем-то вроде неправильной республики, напоминавшей аристократию в Алжире, где войско, обладающее самодержавной властью, возводит на трон и низлагает чиновника, называемого деем[231]. Можно считать общим правилом, что военное правление в некоторых отношениях является скорее республикой, чем монархией.

Пусть не возражают, что солдаты принимали участие в правлении только своим неповиновением и своими возмущениями. Разве речи, которые держали перед ними императоры, не носили в конечном счете такого же характера, как те речи, с которыми некогда обращались к народам консулы и трибуны? Не распоряжались ли войска полновластно участью государства, хотя они не имели специального места для собраний, не соблюдали определенных форм и не всегда сохраняли хладнокровие, рассуждая мало и действуя много. Чем был император, как не министром правительства, учинявшего насилия и избранного солдатами в их специальных интересах?

Когда армия выбрала соправителем империи Филиппа, бывшего префектом претория[232] при третьем Гордиане, последний потребовал, чтобы ему предоставили полную власть, — он не мог получить ее; он обратился к армии с речью, предлагая предоставить обоим соправителям одинаковые права, — он не мог добиться этого; он униженно просил, чтобы ему оставили титул цезаря, — ему было отказано и в этом; он хотел быть префектом претория, — его просьба была отвергнута; он, наконец, стал умолять о сохранении ему жизни. Армия пользовалась верховной властью, вынося эти различные решения.

Варвары, не известные сначала римлянам, потом стали им в тягость и, наконец, сделались страшными для них. По чрезвычайному стечению обстоятельств Рим так основательно уничтожил все народы, что когда он сам был побежден, то казалось, что земля произвела новых людей на его погибель.

Властители великих государств обыкновенно имеют мало соседних стран, которые могли бы стать объектом их честолюбия. Если бы они имели таких соседей, то покорили бы их силой своего оружия. Итак, границами таких государств служат моря, горы и обширные пустыни, скудость которых обеспечивает им безопасность. Поэтому римляне оставляли в покое германцев[233] в их лесах и северные народы в их льдах; там сохранились или даже вновь образовались народы, которые, наконец, покорили самих римлян.

В царствование Галла многочисленные народы, ставшие потом знаменитыми, опустошили Европу. Персы, захватившие Сирию, отказались от завоеванных ими стран только для того, чтобы сохранить полученную ими добычу.

Толпы варваров, вышедших некогда с севера, теперь не появляются более. Насилия римлян заставили южные народы отступить к северу. Пока сохранялась сила, удерживавшая их в их границах, они оставались там; но когда она ослабела, они распространились повсюду. То же самое произошло спустя несколько веков. Завоевания Карла Великого и его притеснения заставили южные народы во второй раз отступить к северу; но как только его империя ослабела, они вторично переселились с севера на юг[234]. Если бы теперь какой-либо государь произвел подобные же опустошения в Европе, народы, вытесненные к северу, к пределам вселенной, держались бы там стойко до того момента, когда бы они наводнили Европу и завоевали ее в третий раз.

Когда ужасный беспорядок, наступивший в империи, достиг своих крайних пределов к концу царствования Валериана и в течение правления его сына Галлиена[235], на сцену появилось тридцать различных претендентов; они по большей части взаимно уничтожили друг друга, процарствовав весьма короткое время, и были названы тиранами.

---

* См. ниже, Примечание 283 к стр. 362.

После взятия в плен персами Валериана его сын Галлиен не принял во внимание государственных соображений и позволил варварам распространиться повсюду; империя тогда находилась в таком же состоянии, в каком она очутилась почти век спустя на Западе. Она погибла бы уже тогда, если бы счастливое стечение обстоятельств не остановило ее гибели.

Князь Пальмиры Оденат[236], союзник римлян, прогнал персов, захвативших почти всю Азию. Войско, набранное в городе Риме из его граждан, удалило из него варваров, собиравшихся разграбить его. Громадная армия скифов, переправившаяся через море на 6 тысячах кораблей, погибла вследствие кораблекрушения, нужды, голода и самой своей многочисленности. После убийства Галлиена царствовали Клавдий, Аврелиан, Тацит[237] и Проб — четыре великих государя, которые по счастливому стечению обстоятельств правили друг за другом и отвратили от империи неминуемую гибель.

ГЛАВА XVII

ПЕРЕМЕНА В ГОСУДАРСТВЕ

Для предупреждения непрерывных измен со стороны солдат императоры стали выбирать себе соправителей из лиц, к которым они питали доверие. Ссылаясь на обширность государственных дел, Домициан установил, что в империи всегда будет два императора и два цезаря. Он считал, что четыре главные армии, находившиеся под командованием лиц, правящих империей, будут взаимно внушать страх друг другу, что другие армии, не имея сил сделать своего предводителя императором, постепенно отвыкнут от обычая выбирать его и что, наконец, поскольку достоинство цезаря будет всегда подчиненным, власть, разделенная между четырьмя правителями с целью обеспечения безопасности государства, будет находиться во всем своем объеме лишь в руках двоих.

Но еще больше сдерживало военных то обстоятельство, что вследствие сильного уменьшения богатства как частных лиц, так и государства императоры не могли больше так щедро вознаграждать солдат; так что вознаграждение

не соответствовало больше опасностям, сопряженным с выбором нового императора.

Кроме того, префекты претория, которые по объему своей власти и по своей должности походили на великих визирей нашего времени и по своему произволу убивали императоров, чтобы занять их место, были значительно ослаблены Константином[238], который оставил за ними только отправление гражданских обязанностей и назначил вместо двух четырех.

Жизнь императоров начала становиться более безопасной; они могли умирать на своем ложе, и, казалось, это несколько смягчило нравы; они стали воздерживаться от кровопролитий. Но так как эта громадная власть должна была где-либо выступить из своих пределов, появился другой род тирании, не столь явный. Место смертных казней заняли неправедные суды — формы правосудия, которые, по-видимому, отдаляли смерть только для того, чтобы покрыть позором жизнь. Двор управлялся и управлял более хитро, с отменным искусством, в величайшем молчании. И, наконец, вместо дерзости при задумывании преступлений и стремительности при их выполнении воцарились пороки слабых душ, строго обдуманные преступления.

Установился новый род разврата. Первые императоры любили наслаждения, эти — изнеженность; они меньше вращались среди военных, они стали более праздными, больше слушались своих придворных, стали более привязаны к своим дворцам и меньше занимались делами империи.

Придворная зараза все усиливалась по мере того, как двор отстранялся от государственных дел; ничего не говорили прямо, но все намеками; подвергались гонению все, прославившиеся чем-либо; министры и военачальники должны были все время поступать по усмотрению людей такого рода, которые сами не могут служить государству, но не выносят, чтобы другие служили ему с честью.

Окончательно исчезла приветливость первых императоров, которая одна только давала им возможность знакомиться с делами. Государь узнавал обо всем из отчетов некоторых своих приближенных, которые, действуя по взаимному соглашению, хотя они часто притворно противоречили друг другу, на самом деле исполняли при нем должность одного.

Пребывание многочисленных императоров в Азии и их вечное соперничество с персидскими царями привели к тому, что они стали требовать такого же поклонения; Диоклетиан, а по словам других — Галерий[239], издал соответствующий эдикт.

Так привыкли к пышности и азиатскому великолепию, что когда Юлиан[240] хотел вести себя просто и скромно, то стали называть забвением достоинства то, что на самом деле было воспоминанием о древних нравах.

Хотя после Марка Аврелия правили вместе многие императоры, империя не была разделена; поскольку провинция признавала авторитет их всех, это была единая власть, отправлявшаяся посредством многих.

Ввиду раздоров между Галерием и Констанцием Хлором[241] империя была действительно разделена; вследствие этого примера, которому потом следовал Константин, принявший план Галерия, а не Диоклетиана, был введен этот обычай, который следует считать скорее революцией, чем простой переменой[242].

Кроме того, желание основать новый город и тщеславное стремление дать ему свое имя побудили Константина перенести столицу империи на Восток[243]. Хотя окружность Рима была гораздо меньше, чем теперь, предместья занимали большое пространство. Италия, полная вилл, была, собственно говоря, только садом Рима; в Сицилии, Африке и Египте были земледельцы, а в Италии — садовники; землю пахали почти исключительно рабы римских граждан. Но когда столица империи была перенесена на Восток, сюда переселился почти весь Рим. Вельможи перевели сюда своих рабов, т. е. почти весь народ, и Италия лишилась своих жителей.

Не желая, чтобы новый город уступал в чем-либо древнему, Константин постановил, чтобы в нем также производилась раздача хлеба, и приказал привозить зерно из Египта в Константинополь, а из Африки в Рим. Мне кажется, что это было не очень благоразумно.

Во время республики, когда римский народ господствовал над всеми другими, он, естественно, должен был получить свою долю при распределении даней; это было причиной того, что сенат сначала продавал ему хлеб по низким ценам, а потом стал раздавать бесплатно. Когда

правительство стало монархическим, этот обычай сохранился, несмотря на то, что он противоречит принципам монархии. Не отказались от этого плохого обычая по причине затруднений, которые могли произойти в случае его отмены. Но Константин, основывая новый город, установил его без всяких разумных оснований.

Когда Август завоевал Египет, он привез в Рим сокровища Птоломея; это произвело почти такую же революцию, какую потом произвело в Европе открытие Америки и какую в наше время произвели некоторые системы. Ценность денег упала наполовину. И так как Рим по-прежнему привлекал к себе сокровища Александрии, которая в свою очередь получала их из Африки и с Востока, то золото и серебро в большом количестве распространились по Европе; это дало возможность народам выплачивать очень большие налоги в звонкой монете.

Но когда империя была разделена, эти сокровища перешли в Константинополь. Впрочем, известно, что рудники в Германии тогда еще не были открыты, что их было очень мало в Италии и в Галлии и что рудники в Испании после карфагенян не разрабатывались или по крайней мере не были столь обильны металлами, как прежде. Италия, имевшая только запущенные сады, никоим образом не могла привлечь к себе деньги с Востока, между тем как Запад для получения товаров оттуда все время посылал туда свои. Таким образом, золото и серебро стали чрезвычайно редки в Европе; но императоры хотели получать те же налоги, и это погубило все.

Когда правительство имеет издавна установленную форму и дела приведены в известный порядок, то почти всегда благоразумие предписывает нам оставить все по-прежнему; ибо причины, часто сложные и неизвестные, приведшие к такому положению вещей, продолжают действовать и теперь. Но когда система меняется целиком, то можно предотвратить только затруднения, представляющиеся в теории, но оставляют нетронутыми те, которые обнаруживаются только на практике.

Итак, хотя империя была очень велика, однако разделение привело ее к гибели; ибо все части этого огромного тела, существовавшие издавна вместе, приноровились, так

сказать, друг к другу в такой степени, что оставались в одном состоянии и зависели друг от друга.

Константин, ослабив столицу, нанес удар и пограничным областям; он отвел легионы, расположенные по берегам великих рек, и разместил их в провинциях. Это привело к двум плохим результатам: во-первых, была снята преграда, сдерживавшая столько племен; во-вторых, солдаты, присутствуя постоянно в цирках и театрах, стали расслабленными.

Когда Константин послал Юлиана в Галлию, тот нашел, что 50 городов по Рейну были взяты варварами, что провинции были разорены огнем и мечом, что там оставалась только тень римской армии, которая обращалась в бегство при одном лишь имени неприятеля.

Константин своей мудростью, своим постоянством, своей бережливостью, своим поведением, своей храбростью и непрерывным рядом героических действий прогнал варваров; страх, который внушало им его имя, сдерживал их, пока он жил.

Кратковременность царствований, различные политические партии, различные религии, особые секты этих религий были причиной того, что мы имеем совершенно неправильное представление о характере этих императоров. Я приведу только два примера: Александр, столь трусливый у Геродиана[244], очень мужествен у Лампридия[245]; Грациан, столь восхваляемый правоверными, сравнивается Филосторгием[246] с Нероном.

Валентиниан понял лучше всех необходимость проведения в жизнь старого плана; он употребил всю свою жизнь на укрепление рейнских берегов, на набор там войск, на строение замков, на размещение там войск и изыскание способов к их содержанию[247]. Но в мире произошло такое событие, которое заставило его брата Валента открыть Дунай, что привело к ужасным последствиям[248].

В стране, лежащей между Азовским морем, Кавказскими горами и Каспийским морем, жили многочисленные народы по большей части гуннского или аланского происхождения[249]; их земли были очень плодородны; они любили войну и грабежи; они почти все время проводили на конях или в повозках и скитались по стране, из которой не могли выйти. Они, правда, произвели некоторые опус-

тошения в Персии и Армении, но Каспийские ворота[250] легко охранялись, а по другим дорогам они могли проникнуть в Персию лишь с трудом. Так как они не представляли себе, что возможно переправиться через Азовское море, то римляне были им неизвестны; и между тем как другие варварские народы разоряли империю, они оставались в границах, предписанных им их невежеством.

Некоторые рассказывают, что ил, нанесенный Доном, образовал нечто вроде коры по Киммерийскому Босфору[251], по которой они переправились. Другие говорят, что два молодых скифа, преследуя лань, перешедшую этот морской рукав, перешли его также вслед за нею. Они были изумлены, увидев новый свет; возвратившись домой, они рассказали своим соотечественникам о новых землях и, если можно так выразиться, об открытии ими Америки.

Тотчас же двинулись несметные орды гуннов; встретив первыми готов[252], они погнали их перед собой. Казалось, что эти племена хлынули друг на друга и что Азия, давя на Европу, стала еще тяжелее.

Устрашенные готы пришли к дунайским берегам и униженно просили убежища. Льстецы Валента воспользовались этим поводом и представили ему это событие как возможность счастливого покорения нового народа, который будет защищать и обогащать империю.

Валент приказал пропустить их без оружия; но чиновники его за деньги разрешили им взять сколько угодно оружия. Он дал им земли, но готы в отличие от гуннов не занимались земледелием; их лишили обещанного им хлеба; они умирали с голоду, находясь в богатой стране; они были вооружены и терпели несправедливости. Они опустошили всю страну от Дуная до Босфора, погубили Валента с его армией и перешли обратно Дунай только для того, чтобы оставить опустошенную ими окончательно страну.

ГЛАВА XVIII

НОВЫЕ МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ РИМЛЯНАМИ

Иногда трусость императора, а часто слабость империи были причиной того, что стремились при помощи денег

склонить к миру народы, угрожавшие напасть на империю. Но мир нельзя купить, ибо продавший его тем более в состоянии еще раз заставить купить его.

Лучше подвергнуть себя риску несчастной войны, чем покупать мир за деньги; ибо всегда уважают такого государя, о котором известно, что его можно победить лишь после долгого сопротивления.

Впрочем, эти денежные награды превращались в дань; добровольные вначале, они потом стали принудительными; они рассматривались как приобретенные права; когда император отказывался давать их какому-либо народу или хотел дать меньше, тот становился его смертельным врагом. Вот некоторые из тысячи примеров: армия Юлиана, выступавшая против персов, подверглась при своем отступлении преследованию со стороны арабов, которым он отказался платить обычную дань; вскоре после того, в царствование Валентиниана, аллеманы[253], которым предложили менее ценные подарки, чем обычно, пришли в негодование; и эти северные народы, уже зараженные понятием соблюдения чести, отомстили за эту мнимую обиду жестокой войной.

Все эти племена, окружавшие империю в Европе и Азии, мало-помалу истощили все сокровища римлян; подобно тому как римляне стали могущественными, потому что к ним перешли золото и серебро всех царей, они ослабели, когда их золото и серебро перешли к другим.

Ошибки, которые делают государственные деятели, не всегда зависят от их воли; часто они являются неизбежным следствием того положения, в каком мы находимся; и одни затруднения влекут за собой другие.

Войско, как мы уже видели, стало тяжелой обузой для государства. Солдаты получали троякого рода вознаграждение: обыкновенное жалование, награждения после окончания службы и случайные дары, которые очень часто превращались в права для людей, распоряжавшихся народом и государем.

Невозможность содержать столь дорогое войско привела к тому, что стали набирать менее дорогое. Заключали договоры с варварскими племенами, которые не привыкли к роскошной жизни римских солдат, имели другие склонности и предъявляли другие требования.

К этому присоединялось и другое преимущество: так как варвары неожиданно нападали на страну, не делая никаких приготовлений после принятия решения о выступлении, то трудно было в провинциях производить наборы вовремя; поэтому для оказания отпора врагу набирали другой отряд из варваров, которые всегда готовы были получать деньги, грабить и сражаться. Ими пользовались для данного момента; но усмирять эти варварские отряды потом стоило такого же труда, как покорять врагов.

Первые римляне всегда старались, чтобы их войско было многочисленнее вспомогательного. Хотя их союзники были их подданными, однако они не хотели иметь подданными народы, более воинственные, чем они сами.

Но в последнее время они не только перестали соблюдать эту пропорцию по отношению к вспомогательным войскам, но наполнили варварскими солдатами свои собственные войска.

Они, таким образом, ввели обычаи, совершенно противоречащие тем, благодаря которым они стали владыками мира. В то время как раньше постоянная политика римлян состояла в том, чтобы сохранить за собой военное искусство и лишить его всех своих соседей, они теперь уничтожили его у себя и вводили его среди других народов.

Кратко вот в чем заключается история Рима. Римляне победили все народы благодаря своим принципам; но когда они выполнили свое намерение, то оказалось, что республика не могла больше существовать. Следовало переменить образ правления; и когда при новом правлении стали применять принципы, противоречившие предыдущим, то они привели к падению величия Рима.

Миром управляет не фортуна; доказательством этому служат римляне, дела которых все время кончались благополучно, пока они управлялись по известному плану, но которые стали непрерывно терпеть поражения, когда начали поступать другим образом. Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, т. е. частная причина, погубила государство, то это значит,

что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала.

Мы видим, что около двух веков датские войска почти всегда терпят поражения в битвах со шведами[254]. Независимо от храбрости обеих наций и от случайностей войны в датском военном или гражданском управлении должен существовать какой-то внутренний порок, который производит это действие. Я думаю, что его нетрудно открыть.

Римляне потеряли, наконец, свою военную дисциплину; они также отказались от своего собственного оружия. Вегеций говорит, что солдаты, считая свое оружие слишком тяжелым, получили от императора Грациана разрешение оставить латы, а затем и шлем. Таким образом, не имея защиты от ударов, они находили себе спасение только в бегстве.

Он прибавляет, что у них вышел из употребления обычай укреплять свои лагери; вследствие этой небрежности их армии часто брались в плен кавалерией варваров.

Первые римляне имели немногочисленную кавалерию: она составляла только одиннадцатую часть легиона, а часто даже и меньше. Возбуждает удивление, что они имели гораздо меньше кавалерии, чем мы, а между тем нам приходится осаждать столько городов, где она почти бесполезна. Когда римляне пришли в состояние упадка, они имели почти одну только кавалерию. Мне кажется, чем искуснее народ в военном деле, тем больше он пользуется пехотой, и обратно, чем он менее искусен, тем больше он увеличивает свою кавалерию, ибо без военной дисциплины тяжелая или легкая пехота ничего не стоит. Но кавалерия действует всегда, даже при беспорядке. Ее действие состоит больше в стремительности и в некотором ударе; действие же пехоты в сопротивлении и известной неподвижности, так что оно скорее противодействие, чем действие. И, наконец, сила кавалерии носит мгновенный характер, пехота же действует долговременно; но она должна быть подчинена дисциплине, чтобы могла действовать долго.

Римляне сделались повелителями всех народов не только благодаря своему военному искусству, но и благодаря

своему благоразумию, своей мудрости, своему постоянству, своей любви к славе и к отечеству. Когда при императорах все эти добродетели исчезли, у них сохранилось военное искусство, благодаря которому они удержали все завоеванные ими земли, несмотря на слабость и тиранию их государей; но когда разложилось и войско, римляне стали добычей всех народов.

Империя, основанная на силе оружия, должна и сохранять ее посредством оружия. Но когда в государстве происходят замешательства, никто не представляет себе, как они могут быть прекращены; точно так же, когда оно наслаждается миром и внушает страх благодаря своему могуществу, никому не приходит в голову, что все это может прекратиться; таким образом, государство, которое ничего не ожидает от войска и испытывает по его поводу только опасения, оставляет его без внимания, а часто даже старается ослабить его.

Первые римляне считали непреложным правилом, что солдат, оставивший свой пост или бросивший свое оружие в сражении, подвергается смертной казни. Юлиан и Валентиниан восстановили старые наказания за эти преступления. Но нанимавшиеся римлянами варвары, привыкшие воевать по образцу современных татар[255], т. е. убегать, чтобы еще биться, думать больше о добыче, чем о чести, неспособны были выносить такую дисциплину.

Дисциплина первых римлян была такая строгая, что генералы осуждали на смерть своих детей, одерживавших победу вопреки их приказу[256]. Но когда римляне смешались с варварами, то они заразились от них духом независимости, свойственным этим народам. Когда мы читаем о войнах Велизария[257] против готов, то мы видим, что офицеры почти никогда не слушались своих генералов.

Сулла и Серторий, ведя самые жестокие гражданские войны, предпочитали погибнуть, чем совершить такое действие, из которого мог бы извлечь пользу Митридат. Но в последующие времена, когда какой-либо министр или вельможа находил, что для удовлетворения его алчности, его мщения или честолюбия не бесполезно будет впустить варваров в империю, то он предавал ее им на поток и разграбление.

Чем больше слабеет государство, тем более оно нуждается в податях; таким образом, чем меньше население было в состоянии вносить налоги, тем больше приходилось их увеличивать, и вскоре в римских провинциях подати стали невыносимы.

У Сальвиана[258] мы читаем об ужасных вымогательствах, которым подвергались народы. Граждане, угнетаемые откупщиками, не имели другого выхода, как убегать к варварам или продавать свою свободу первому, желавшему купить ее.

В истории нашей Франции это объясняет, почему галлы так терпеливо выносили революцию, которая должна была установить тягостное различие между знатными и простонародьем. Варвары, превращая столько граждан в крепостных, т. е. прикрепляя их к земле, не ввели ничего такого, чего не делали бы с жестокостью еще раньше их.

ГЛАВА XIX

ВЕЛИЧИЕ АТТИЛЫ[259]. ПРИЧИНЫ ПОСЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВ. ПОЧЕМУ ПЕРВОЙ БЫЛА РАЗБИТА ЗАПАДНАЯ ИМПЕРИЯ

Так как в период ослабления империи христианская религия усиливалась, то христиане упрекали язычников в этом упадке, а язычники возлагали всю вину на христианскую религию. Христиане говорили, что Диоклетиан погубил империю, сделав трех своих товарищей соправителями; каждый император хотел жить столь же роскошно и содержать такие же сильные армии, как если бы он был один. Так как число получающих доходы превысило число платящих налоги, тяготы стали невыносимы, земли были брошены пахарями и превратились в леса. Так говорили христиане. Язычники же, напротив, все время бранили новое богослужение, неслыханное до тех пор; подобно тому как в эпоху расцвета Рима разливы Тибра и другие природные бедствия приписывали гневу богов, так теперь в умирающем Риме вину за все несчастья возлагали на новое богослужение и ниспровержение древних алтарей.

Городской префект Симмах[260] в письмах, обращенных к императорам по поводу алтаря победы, привел против христианской религии следующие общедоступные доводы, которые именно поэтому были наиболее убедительны.

«Какая вещь, — писал он, — может лучше привести нас к познанию богов, чем учение, почерпнутое из наших прошлых успехов? Взирая на множество протекших веков, мы должны сохранить им верность и следовать нашим отцам, подобно тому как они благополучно следовали своим. Вообразите себе, что Рим говорит вам так: «Великие государи, отцы отечества, уважайте мои годы, в течение которых я всегда соблюдал обряды моих предков; этот культ подчинил вселенную моим законам; эти святыни отогнали от наших стен Ганнибала, а галлов от Капитолия». Мы просим мира ради богов отечества, мы просим его ради туземных богов. Мы не вступаем в споры, которые приличествуют только праздным людям. Мы приносим мольбы, а не вызываем на бой».

Три знаменитых автора ответили Симмаху. Орозий составил свою историю, чтобы показать, что в мире всегда были такие великие бедствия, на какие тогда жаловались язычники. Сальвиан написал свое сочинение, где он доказывал, что безнравственность христиан была причиной опустошений, причиненных варварами. А святой Августин[261] показал, что град божий отличается от града земного, где древние римляне за некоторые человеческие добродетели получили столь же суетные воздаяния, как сами эти добродетели.

Мы говорили, что в первое время политика римлян состояла в том, чтобы разделять все те державы, которые стояли на их пути; впоследствии они не могли добиться этого. Римлянам пришлось спокойно взирать, как Аттила покорил все северные племена; он распространил свою державу от Дуная до Рейна, разрушил все укрепления и все сооружения, построенные у этих рек, и наложил дань на обе империи.

«Феодосий[262], — говорил он дерзко, — сын благородного отца так же, как и я; но, платя мне дань, он лишился своего благородства и стал моим рабом; ему не приличествует строить козни против своего господина, подобно коварному рабу».

«Императору не подобает, — говорит он по другому поводу, — быть лжецом. Он обещал одному из моих подданных выдать за него замуж дочь Сатурнила; если он не хочет сдержать свое слово, я ему объявляю войну; если же он не может и находится в таком положении, что его приказания не ставятся ни во что, я приду к нему на помощь».

Не следует думать, что Аттила пощадил римлян благодаря своей умеренности; он следовал нравам своего народа, которые влекли его к тому, чтобы налагать на народы дань, а не к тому, чтобы включать их земли в свое Государство. Этот государь — в своем деревянном доме, как его изображает Приск, — владыка всех варварских племен, а некоторым образом и почти всех цивилизованных народов, был одним из великих монархов, о которых упоминает история.

При его дворе находились послы от восточных и западных римлян, которые получали от него законы или умоляли его о милости. Иногда он требовал, чтобы ему вернули гуннских перебежчиков или бежавших римских рабов; иногда он желал, чтобы ему выдали какого-либо министра императора. Он наложил на Восточную Римскую империю дань в 2 тысячи 100 фунтов золота. Он посылал в Константинополь тех, кого он желал вознаградить, с тем чтобы они могли обогащаться, обращая в свою пользу страх, который он внушал римлянам.

Его подданные боялись его, но, кажется, не ненавидели. Чрезвычайно гордый, но в то же время хитрый, яростный в гневе, но умеющий прощать или откладывать наказание соответственно своим интересам, он никогда не объявлял войны, когда мир мог ему дать такие же выгоды. Ему верно служили даже те цари, которые от него зависели. Он один сохранял старинную простоту гуннских нравов. Впрочем, трудно хвалить храбрость вождя народа там, где дети приходили в исступление при рассказах о военных подвигах отцов, а отцы проливали слезы по поводу того, что они не могут подражать своим детям.

После смерти Аттилы все варварские народы вновь разделились, но римляне были так слабы, что им мог вредить даже самый маленький народ.

Империю погубило не какое-либо определенное нашествие, но все нашествия вместе. После общего нашествия

при Галле[263] Рим как будто был восстановлен, потому что не потерял территории: но мало-помалу он приближался к своему падению, рухнув при Аркадии и Гонории[264].

Напрасно прогнали варваров обратно в их страну; они бы сами вернулись туда, чтобы добиться безопасности для своей добычи. Тщетно их истребили: города уже были разорены, деревни сожжены, семейства убиты или рассеяны.

Когда одна провинция бывала разорена, варвары, не находя в ней ничего, переходили в другую. Сначала разорили только Фракию, Мезию, Паннонию[265]; когда эти страны были опустошены, такой же участи подверглись Македония, Фессалия, Греция; оттуда перешли в страну нориков[266]. Империя, т. е. обитаемая область, все больше сужалась, и Италия стала пограничной страной.

Причина, по которой варвары не поселились в империи уже при Галле и Галлиене, состояла в том, что у них было еще что грабить.

Таким же образом, когда норманны[267], уподобившиеся завоевателям империи, в течение нескольких веков разоряли Францию, то, не найдя в ней больше ничего, что можно было бы взять, они заняли совершенно разоренную провинцию и разделили ее между собой.

Скифия в это время была почти опустошена, так что народы часто терпели голод. Они получали пропитание отчасти благодаря торговле с римлянами, которые привозили им жизненные припасы из соседних провинций, расположенных по Дунаю. Варвары давали в обмен награбленные ими вещи, захваченных пленников, золото и серебро, полученные ими как выкуп за мир. Но когда уплачиваемая им дань стала недостаточной для того, чтобы они могли существовать, они переселились в империю.

Западная империя пала первой. Причины этого следующие.

Варвары, перейдя через Дунай, имели по левую сторону Босфор, Константинополь и все военные силы Восточной империи, которые их остановили; вследствие этого они повернули на правую сторону, к Иллирии, и продвинулись к западу. С той стороны переселялись народы подобно морскому отливу. Поскольку азиатские проходы охранялись лучше, все обратились к Европе; во время же первого нашествия при Галле силы варваров были раздроблены.

Когда империя была действительно разделена, то восточные императоры, заключившие союзы с варварами, не хотели их нарушить, чтобы помочь западным. Это разделение управления, говорит Приск, оказалось очень вредным для Западной империи. Восточные римляне отказались предоставить свое морское войско западным римлянам, ввиду того что они были в союзе с вандалами[268]. Вестготы[269], заключив союз с Аркадием, напали на Запад, и Гонорий принужден был бежать в Равенну[270]. Напоследок Зенон, чтобы отделаться от Теодориха[271], убедил его напасть на Италию, разоренную уже Аларихом[272]. Между Аттилой и Гензерихом, царем вандалов, существовал очень тесный союз. Последний боялся го́тов, он женил своего сына на дочери готского царя, а потом, отрезав ей нос, отослал ее обратно. Опасаясь мщения, он заключил союз с Аттилой. Обе империи, как будто скованные этими двумя государями, не осмеливались помогать друг другу. Особенно печально было положение Западной империи: она не имела морских сил; они все находились на Востоке, в Египте, на Кипре, в Финикии, Ионии[273] и в Греции — единственных странах, которые тогда занимались торговлей. Вандалы и другие народы со всех сторон нападали на берега Западной империи. Итальянцы отправили посольство в Константинополь, говорит Приск, чтобы дать знать, что без примирения с вандалами нет никакой надежды на спасение.

Правители Запада не лишены были политической мудрости. Они считали, что нужно спасти Италию, которая была некоторым образом головой и сердцем империи. Заставили варваров перейти к границам империи, где их разместили. План был хорошо задуман и хорошо выполнен. Эти народы искали только пропитания, им дали равнины, но сохранили для себя горные области, проходы через реки, ущелья, укрепления, расположенные по великим рекам; удержали за собой верховную власть. Казалось, что эти народы принуждены были стать римлянами; легкость, с которой эти разрушители сами были погублены франками, греками и маврами[274], показывает справедливость этой мысли. Вся эта система была опрокинута революцией, имевшей более роковые последствия, чем все остальные.

Итальянская армия, состоящая из чужеземцев, потребовала для себя того, что было предоставлено чужеземным народностям. Она образовала при Одоакре[275] аристократию, которая захватила треть итальянских земель. То был смертельный удар, нанесенный империи.

Мы с грустным любопытством следим за судьбой Рима среди стольких несчастий. Он, так сказать, остался без защиты; он мог быть легко взят измором; большая протяженность его стен была причиной того, что их было очень трудно охранять. Так как он был расположен на равнине, то его легко можно было взять приступом; нельзя было искать помощи в народе, так как население очень сильно уменьшилось. Императоры принуждены были жить в Равенне — в городе, который некогда был защищен морем, подобно тому как теперь Венеция[276].

Римский народ, почти всегда оставлявшийся своими государями, стал сам управлять собой и заключать договоры в целях своего сохранения. Это наиболее законное средство приобретения верховной власти. Таким образом Арморика и Британия[277] начали жить по своим собственным законам.

Таков был конец Западной империи. Рим возвысился благодаря тому, что он всегда вел одну войну вслед за другой; ибо, к его несказанному счастью, один народ начинал с ним войну тогда, когда другой уже был побежден. Рим был разрушен потому, что все народы сразу напали на него и растерзали его на части.

ГЛАВА XX

О ПОБЕДАХ ЮСТИНИАНА[278]. О ЕГО ПРАВЛЕНИИ

Так как все эти народы вступали в империю как попало, то они стесняли друг друга; вся политика этого времени состояла в том, чтобы натравливать их друг на друга, что было легко ввиду их свирепости и алчности. Они по большей части погубили друг друга прежде, чем могли утвердиться. Это было причиной того, что Восточная империя просуществовала еще некоторое время.

Кроме того, изнуренный Север[279] не мог больше высылать бесчисленные армии, как это было раньше, ибо после первых нашествий вестготов и гуннов, особенно после смерти Аттилы, эти и последовавшие за ними народы наступали с меньшими силами.

Когда эти племена, действовавшие совместными силами, рассеялись по разным народам, они сильно ослабели. Распространившись по завоеванным ими странам, они сами стали подвергаться нападениям.

При этих обстоятельствах Юстиниан решил вновь покорить Африку и Италию и сделать то, что наши французы выполнили так же успешно по отношению к вестготам, бургундам, лангобардам и сарацинам[280].

Когда христианская религия распространилась среди варваров, в империи господствовала арианская секта[281]. Валент послал к варварам арианских священников, которые стали их первыми апостолами. Но за время, протекшее между их обращением и поселением в империи, эта секта была истреблена среди римлян. Варвары — последователи арианской ереси не могли снискать расположения жителей страны, которые все были правоверными; и императорам было нетрудно их возмутить.

Кроме того, эти варвары, не обладая искусством осады городов и не имея способности к этому, будучи еще менее расположены защищать их, не считали нужным укреплять разваливавшиеся стены. Прокопий[282] пишет, что Велизарий нашел итальянские города в подобном состоянии. В Африке города лишились защищавших их стен по повелению Гензериха, а в Испании они были приведены в такое состояние Витисой[283], который думал таким образом лучше удержать их жителей в повиновении.

Большинство северных народов, поселившихся в южных странах, стали изнеженными и неспособными выносить военные трудности. Вандалы утопали в роскоши; они так привыкли к изысканным кушаньям, мягким одеждам, баням, музыке, танцам, садам и театрам, что не могли без них обойтись.

Как говорит Малх, они не причиняли больше тревоги римлянам с тех пор, как они перестали доставлять Гензериху армии, которые он держал везде наготове, с которы-

ми он предупреждал нападения своих врагов и поражал весь мир быстротой своих походов.

Римская кавалерия очень хорошо стреляла из лука; но готы и вандалы употребляли только меч и копье и не могли сражаться издали. Этой разнице Велизарий приписывал часть своих успехов.

Римляне, особенно при Юстиниане, извлекли большую пользу из гуннских народов, от которых произошли парфяне и которые бились так же, как они. Поражение Аттилы и разделы его владений, произведенные его многочисленными детьми, привели к падению могущества гуннов; с тех пор они стали доставлять римлянам вспомогательные войска, из которых образовалась их лучшая кавалерия.

Каждое варварское племя отличалось от других по своему способу сражаться и вооружаться. Готы и вандалы были страшны с мечом в руках, гунны замечательно стреляли из лука; свевы[284] были хорошими пехотинцами; аланы служили в тяжелой пехоте, а герулы[285] — в легкой. Римляне, когда этого требовали обстоятельства, брали различные отряды из всех этих племен и сражались с одним народом, имея преимущества всех других.

Удивительно, что наиболее слабые племена распространились по самым обширным областям; мы сильно ошибемся, если будем судить об их силах по их завоеваниям. В течение долгого времени, когда производились эти набеги, варварские народы, или, скорее, толпы, отделившиеся от них, все истребляли или же сами подвергались истреблению. Все зависело от обстоятельств; какое-либо великое племя могло быть разбито или задержано, а шайка авантюристов, напав на открытую страну, причиняла ужасные разрушения. Готы, оружие которых ставило их в невыгодное положение по отношению ко многим народностям, утвердились в Италии, Галлии и Испании; вандалы, покинув Испанию ввиду своей слабости, переправились в Африку, где основали великую империю.

Юстиниан мог снарядить против вандалов лишь 50 кораблей. Когда Велизарий высадился на берег, он имел не более 5 тысяч солдат. Это было очень смелое предприятие. Лев[286], пославший некогда против вестготов флот, со-

стоявший из собранных на всем Востоке кораблей, не покорил Африки и чуть не лишился своего государства.

Сильные флоты никогда не имели успеха, так же как и великие сухопутные армии. Они обыкновенно истощают государство, если поход продолжительный; если с ними случится какое-либо несчастье, то им нельзя помочь или поправить их положение; если погибает часть, то оставшееся ничего не стоит, потому что военные корабли, транспортные суда, кавалерия, пехота, боевые припасы и, наконец, различные части необходимы для того, чтобы флот мог действовать как целое. Медлительность предприятия дает всегда возможность неприятелю подготовиться, кроме того, редко можно выступить в поход в удобное время года; он часто начинается в период сильных бурь, ибо такое множество вещей почти всегда бывает готово на несколько месяцев позже того срока, который первоначально ставили себе.

Велизарий вступил в Африку. Его успеху сильно способствовало то, что он получил из Сицилии большое количество съестных припасов благодаря договору, заключенному им с готской царицей Амаласонтой. Когда он был послан для нападения на Италию, то он начал с покорения Сицилии, откуда готы получали почти весь свой хлеб; его враги терпели голод, в то время, как он имел в изобилии все нужное ему.

Велизарий взял Карфаген, Рим и Равенну; он послал нескольких пленных готских и вандальских царей в Константинополь, где были возобновлены древние триумфы по истечении столь долгого времени.

Причины его успехов можно найти в достоинствах этого великого мужа. Под предводительством генерала, действовавшего по правилам первых римлян, сформировалась армия, не уступавшая по своим боевым качествам древним римским армиям.

Великие добродетели обычно скрываются или теряются при рабстве; но тираническое правление Юстиниана не могло затмить величия души Велизария и превосходства его гения.

Евнух Нарсес[287] содействовал также возвеличению царствования Юстиниана. Будучи воспитан во дворце, он поль-

зовался большим доверием императора, ибо государи всегда считают своих придворных своими наиболее верными подданными.

Но дурное правление Юстиниана — его расточительность, притеснения, вымогательства, неистовое стремление к строительству, переменам, преобразованиям, — жестокое и слабое правление, ставшее еще более тягостным вследствие его продолжительной старости, составляло действительное бедствие, смешанное с бесполезными успехами и суетной славой.

Эти завоевания, ставившие себе целью не силу империи, но некоторые частные интересы, погубили все. Между тем как армии были заняты покорением разных стран, новые народы переправились через Дунай, опустошили Иллирию, Македонию и Грецию, а персы произвели четыре нашествия и нанесли Востоку неизлечимые раны.

Чем скорее были сделаны завоевания, тем менее прочными они были. Едва только были покорены Италия и Африка, как пришлось вновь завоевывать их.

Юстиниан взял жену, которая за время своего долговременного пребывания в театре привыкла к разврату; она имела над Юстинианом такую власть, примера которой нет в истории. Она беспрестанно вмешивалась в дела и направляла их согласно страстям и прихотям своего пола; она уничтожила плоды самых счастливых успехов и побед[288].

На Востоке во все времена брали много жен, чтобы лишить их той удивительной власти, которую они имеют над нами в странах нашего климата. Но в Константинополе закон, запрещавший иметь больше одной жены, вручил власть этому полу; вследствие этого правление становилось иногда слабым.

Народ в Константинополе всегда делился на две партии: «синих» и «зеленых»; они вели свое происхождение от большего или меньшего пристрастия зрителей театра к известным актерам. На конских ристалищах возницы, одетые в зеленое платье, оспаривали призы у тех, кто был одет в синее платье. Каждый из зрителей принимал в этом горячее участие.

Эти две партии, распространившиеся по всем городам империи, неистово выступали друг против друга в зависи-

мости от величины городов, т. е. от праздности значительной части народа.

Но раздоры, служащие всегда утверждению республиканского правления, вредны для монархического правления, потому что они приводят только к смене государей, а не к утверждению законов и прекращению злоупотреблений.

Юстиниан, покровительствовавший «синим» и отказывавший во всяком правосудии «зеленым», ожесточил друг против друга обе партии и таким образом усилил их. Они дошли до того, что стали отрицать власть магистратов. «Синие» не повиновались законам, потому что император защищал их от действий этих законов; «зеленые» перестали их уважать, потому что законы не могли их больше защищать.

Все узы дружбы, родства, долга, признательности были разорваны; семья восстала против семьи. Всякий преступник, собиравшийся совершить преступление, присоединялся к партии «синих»; всякий же ограбленный или убитый оказывался из партии «зеленых».

Это неблагоразумное правление еще в большей степени было жестоким. Император, не довольствуясь тем, что он совершал общую несправедливость, истощая своих подданных непосильными налогами, терзал их еще всякого рода тиранническими поступками, вмешиваясь в их частные дела.

Я по своей природе не склонен доверять всему тому, что нам сообщает Прокопий в своей «Тайной истории», потому что пышные похвалы, которые он расточает Юстиниану в своих других сочинениях, ослабляют его свидетельство в указанном сочинении, где он рисует Юстиниана как самого глупого, жестокого тирана.

Но я признаюсь, что два обстоятельства склоняют меня отдать предпочтение «Тайной истории». Первое состоит в том, что она лучше согласуется с удивительной слабостью, в которой находилась империя к концу царствования Юстиниана и в правление его преемников.

Второе заключается в памятнике, который сохранился до сих пор. Это законы императора, из которых видно, что юриспруденция в течение нескольких лет испытала больше перемен, чем за последние 300 лет нашей монархии.

Эти перемены относятся большею частью к столь незначительным вещам, что мы не видим никаких соображений, которые могли бы побудить законодателя произвести их, если только не объяснять их «Тайной историей», которая говорит нам, что при этом государе как суды, так и законы были одинаково продажны.

Но больше всего повредил политическому положению правительства проект, задуманный государем и состоявший в том, чтобы привести всех людей к одному мнению по религиозным вопросам при таких обстоятельствах, которые делали его религиозное рвение совершенно безрассудным.

Древние римляне укрепили свою империю, предоставив свободу всем культам; но потом империя была обращена в ничто вследствие того, что всякую негосподствовавшую секту запрещали.

Эти секты охватывали целые народы. Одни после того, как были покорены римлянами, сохранили свою древнюю религию: таковы были самаритяне и иудеи[289]. Другие распространились в одной какой-либо стране — так обстояло дело с последователями Монтана во Фригии[290]; манихеяне, саббатеяне[291] и ариане распространились по другим провинциям. Кроме того, значительная часть населения состояла из идолопоклонников, упорно придерживавшихся религии, столь же грубой, как они сами.

Юстиниан, уничтожая эти секты мечом и силою законов, вызвал возмущение против себя; это в свою очередь принудило его истребить их окончательно, вследствие чего провинции пришли в запустение. Он хотел увеличить число правоверных; вместо этого он лишь уменьшил число людей.

Прокопий сообщает нам, что вследствие истребления самаритян опустела Палестина[292]. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что вследствие излишнего усердия к религии ослабили ту часть империи, через которую после нескольких царствований проникли арабы, чтобы погубить ее.

Особенно усиливало замешательство то обстоятельство, что император, несмотря на всю свою нетерпимость в делах веры, не был согласен с императрицей по наиболее

важным пунктам: он придерживался постановлений Халкедонского собора[293], императрица же покровительствовала противникам этого собора. Евагр говорит, что неизвестно, думали ли они так в самом деле или же поступали так вследствие глубоко обдуманного намерения.

Когда мы читаем у Прокопия о постройках Юстиниана и об укреплениях, воздвигнутых им повсюду, можно думать, что государство находилось в цветущем состоянии.

Сначала римляне не имели укрепленных мест. Они возлагали все свои надежды на армии, которые они размещали по берегам рек, где на известных расстояниях друг от друга были построены башни, служившие жилищами для солдат.

Но когда остались только плохие войска — часто не оставалось даже никакого войска, — граница перестала защищать внутренние области империи; пришлось приступить к ее укреплению. Тогда получилось больше укрепленных мест, но меньше сил, больше убежищ, но меньше безопасности. Построены были повсюду также укрепления для защиты сельского населения от неприятельских нападений. Империя находилась в таком же положении, как Франция в эпоху норманнов, которая никогда не была так слаба, как в тот период, когда все ее деревни были окружены стенами[294].

Таким образом, все списки укрепленных мест, построенных Юстинианом, которые занимают у Прокопия целые страницы, являются только памятниками слабости империи.

ГЛАВА XXI

БЕСПОРЯДКИ В ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ

В это время персы находились в лучшем положении, чем римляне. Они мало опасались гуннов, потому что их отделяла от них часть гор Тавра[295], расположенная между Каспийским и Черным морями; кроме того, они стерегли очень узкий проход, образованный Каспийскими воротами, составлявший единственное место, по которому могла пройти кавалерия. Во всех других местах варварам при-

шлось бы спускаться по пропастям и бросить свою кавалерию, составлявшую всю их силу. Им преграждал путь еще Аракс — глубокая река, текущая с запада на восток, переправу через которую можно было легко защищать.

Кроме того, персы были в безопасности со стороны востока; с юга они были ограждены морем. Им легко было поддерживать раздоры между арабскими князьями, думавшими только о том, чтобы грабить друг друга. Таким образом, персы имели своими врагами только римлян. «Мы знаем, — говорил их посол Гормисдас, — что римляне заняты многими войнами и должны сражаться почти со всеми народами; они же, наоборот, знают, что мы должны воевать только против них».

Персы стали упражняться в военном искусстве и совершенствовать его в такой же степени, в какой римляне стали пренебрегать им. «Персы, — говорил Велизарий своим солдатам, — не превосходят вас в храбрости, но имеют то преимущество перед вами, что строго соблюдают дисциплину».

В переговорах они обнаруживали такое же превосходство, как и в войне. Под тем предлогом, что они держали гарнизон в Каспийских воротах, они требовали от римлян дани, как будто каждый народ не должен был охранять свои границы. Они брали выкуп за мир, за перемирие, за прекращение военных действий, за время, проведенное в переговорах, за время, потраченное на ведение войны.

Когда авары[296] переправились через Дунай, то римляне, в большинстве случаев не имевшие войск для их отражения и будучи заняты войной против персов тогда, когда надо было сражаться против аваров, и войной против аваров, когда надо было отражать персов, были принуждены платить дань и аварам. Вследствие этого авторитет империи значительно пал у всех народов.

Юстин, Тиберий и Маврикий[297] прилагали большие усилия для защиты империи. Последний обладал известными добродетелями, но он затмил их бесконечной алчностью, недостойной великого государя.

Аварский царь предложил Маврикию выкупить находившихся у него римских пленников, заплатив за каждого половину мелкой серебряной монеты. Когда Маврикий

отказался дать выкуп, царь приказал зарезать их. Охваченная негодованием, римская армия возмутилась; в это же время подняли мятеж и «зеленые». Был выбран императором центурион по имени Фока[298], который казнил Маврикия и его детей.

История Греческой империи (так мы будем называть в дальнейшем Римскую империю)[299] есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств. Подданные не имели никакого представления о верности государю. Порядок в наследовании престола так часто прерывался, что титул «багрянородный», обозначавший ребенка, родившегося в покоях, где разрешались от бремени императрицы, стал отличительным титулом, который носили лишь немногие государи из различных династий.

Все способы были хороши, чтобы прийти к власти: императорами становились при помощи солдат, духовенства, сената, крестьян, населения Константинополя и других городов.

Когда христианская религия стала господствующей, в империи последовательно возникли многочисленные ереси, которые следовало предавать осуждению. Арий отрицал божественность слова, Македоний — святого духа; Несторий отрицал единство личности Иисуса Христа, Евтихий — его две природы, монотелиты отрицали в нем две воли[300]. Нужно было опровергать их заблуждения на соборах; но, поскольку решения соборов не были тотчас же признаны всеми, многие императоры впадали в осужденные ереси. Так как не было народа, который питал бы такую глубокую ненависть к еретикам, как греки[301], считавшие себя оскверненными, если говорили с еретиком или жили с ним, то многие императоры потеряли расположение своих подданных и народы привыкли думать, что государи, столь часто восстававшие против бога, не могли быть выбраны провидением для управления ими.

Известное мнение, возникшее из представления что не следовало проливать христианскую кровь, все больше распространявшееся по мере появления магометан[302], было причиной того, что преступления, не касавшиеся непосредственно религии, наказывались слабо. Удовлетворялись тем, что выкалывали глаза, отрезали нос или волосы или

уродовали каким-либо другим способом тех, кто подымал мятеж или покушался на особу государя. Подобные злодеяния можно было совершать без риска; от лиц, покушавшихся на них, не требовалось даже и смелости.

Известное почтение к императорским украшениям имело своим следствием то, что тот, кто отваживался надеть их, немедленно становился предметом всеобщего внимания. Носить или иметь у себя пурпурную одежду считалось преступлением. Но как только человек облекался в пурпур, он немедленно находил приверженцев, ибо одеянию оказывали больше почтения, чем лицу.

Далее, честолюбие возбуждалось странной манией, господствовавшей в это время: почти не было ни одного выдающегося человека, который не опирался бы на какое-либо предсказание, сулившее ему престол.

Так как болезни духа неизлечимы, то астрология и гидромантия, т. е. искусство гадать по образам, появляющимся в сосуде с водой, заменили у христиан гадания по внутренностям жертвенных животных и по полету птиц, уничтоженные вместе с язычеством. Пустые обещания стали побудительной причиной большей части безрассудных предприятий частных лиц, точно так же как они сделались мудростью в Совете государей.

Все увеличивавшиеся бедствия империи заставили население приписывать дурному правлению государей как неудачи на войне, так и позорные мирные договоры.

Сами революции порождали революции, и действие само становилось причиной. Так как греки видели множество правящих династий, сменявших друг друга, то они не были привязаны ни к одной. Так как фортуна возводила на трон людей всякого звания, то каждый мог надеяться стать императором, сколь бы низкого происхождения он ни был и как бы мало заслуг он ни имел.

Многие примеры, освященные в народе, сформировали его характер и претворились в нравы, царствующие столь же полновластно, как и законы.

Кажется, что в настоящее время гораздо труднее воплощать великие замыслы, чем в древние времена. Их нелегко скрывать, потому что теперь гораздо живее сообщения между народами, потому что каждый государь имеет по-

слов при каждом дворе и может иметь изменников во всех кабинетах.

Учреждение почты привело к тому, что новости мчатся и приходят со всех сторон.

Так как великие предприятия не могут быть выполнены без денег, а после изобретения векселей[303] все важные предприятия стали целиком зависеть от купцов, то дела купцов очень часто тесно сплетаются с государственными тайнами; и они не жалеют никаких усилий, чтобы проникнуть в них.

Изменения вексельного курса без известной причины приводят к тому, что многие стремятся проводить такие изменения и добиваются их.

Изобретение книгопечатания, давшее всем возможность пользоваться книгами, изобретение гравюр, сделавшее географические карты столь доступными, и, наконец, появление газет дают каждому возможность узнать, в чем состоят общие интересы, а тем самым легче разгадать смысл тайных фактов.

Заговоры в государстве стали трудны, потому что после учреждения почты все тайны частных лиц находятся во власти общества.

Государи могут действовать быстро, потому что они распоряжаются силами государства; заговорщики должны действовать медленно, потому что им не хватает всего; но теперь, когда все обнаруживается легко и скоро, заговоры раскрываются уже в тот короткий период времени, который нужно употребить на то, чтобы только сговориться друг с другом.

ГЛАВА XXII

СЛАБОСТЬ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ

При этих смутных обстоятельствах Фока не мог утвердиться на престоле. Гераклий[304] пришел из Африки и велел его казнить; провинции были в руках врагов, а легионы истреблены.

Он едва успел отвратить эти бедствия, как арабы вышли из своей страны, распространяя свою религию и расширяя империю, одновременно основанные Магометом[305].

Никогда не видели столь быстрых успехов; арабы скоро покорили Сирию, Палестину, Египет, Африку и захватили Персию.

Бог допустил, что его религия перестала быть господствующей во многих странах. Это не значит, что он отверг ее от своего лица, ибо будет ли она в славе или в состоянии крайнего унижения, она одинаково способна производить свойственные ей действия, состоящие в духовном просвещении человека.

Религия процветает при других условиях, чем государство. Знаменитый автор[306] говорил, что он желал бы быть больным, ибо болезнь есть истинное состояние христианина. Точно так же можно было бы сказать, что унижение церкви, гонения на нее, разрушение ее храмов, страдания ее мучеников служат ее прославлению; но когда она в глазах мира торжествует, то это показывает, что она находится в периоде своего падения.

Чтобы объяснить себе причину такого необыкновенного явления, как завоевание арабами стольких стран, не следует приписывать ее одному лишь энтузиазму их. Сарацины издавна выделялись храбростью среди римских и персидских вспомогательных войск; озроенийцы и они были лучшими лучниками в мире. Александр Север и Максимин навербовали их, сколько могли, и пользовались ими с большим успехом против германцев, которых они убивали издали; при Валенте готы не могли выдерживать их натиск; сарацины и озроенийцы составляли в это время лучшую кавалерию в мире.

Мы говорили, что у римлян европейские легионы были лучше азиатских. Но как раз обратное следует утверждать о кавалерии; я говорю о кавалерии парфян, озроенийцев и сарацин. Они удержали натиск римлян, потому что после Антиоха верхней Азией завладел новый татарский народ, а именно парфяне, имевшие лучшую кавалерию в мире.

Эта кавалерия имела тяжелое оружие, европейская же — легкое; теперь мы видим как раз обратное. Голландия и Фрисландия[307] не были еще, так сказать, созданы; Германия же была покрыта лесами, озерами и болотами, где кавалерия была бесполезна.

Вследствие того, что реки получили определенные русла и болота высохли, Германия изменила свой вид. Укрепления Валентиниана при Неккаре[308], а римлян на Рейне произвели значительные перемены; после установления торговли жители тех стран, где раньше не было коней, стали стараться разводить их и пользоваться ими.

После того как Константин, сын Гераклия, был отравлен, а его сын Констант убит в Сицилии, на престол вступил Константин Бородатый, старший сын Константа. Когда собрались вельможи Восточной империи, то они хотели венчать на царство двух его братьев, утверждая, что, подобно тому как следует верить в святую троицу, подобает иметь и трех императоров[309].

Греческая история[310] представляет множество таких характерных черт; так как слабоумие стало характером всего народа, то не было больше мудрости в предприятиях; мятежи возникали без причин, революции происходили без мотивов.

Всеобщее ханжество уничтожило смелость в людях и привело в оцепенение всю империю. Константинополь, собственно говоря, являлся единственной страной на Востоке, где господствовала христианская религия[311]. Но эта трусость, леность, расслабленность азиатских народов смешались с самой набожностью. Приведу из тысячи примеров только следующий: Филиппин, генерал Маврикия, перед тем как дать сражение, стал плакать при мысли о том, какое множество людей должно погибнуть.

Совсем другие слезы были у арабов, которые плакали с досады, что их генерал заключил перемирие, помешавшее им проливать христианскую кровь.

Дело в том, что фанатическая армия имеет совершенно другой характер, чем ханжеская. В знаменитую революцию, происходившую в наше время, армии Кромвеля были похожи на арабские, а армии Ирландии и Шотландии — на греческие[312].

Грубое суеверие, которое в такой же степени унижает ум, в какой религия его возвышает, полагало всю добродетель и возлагало все упования на тупое почитание икон; таким образом, некоторые генералы снимали осады и теряли города, чтобы получить мощи.

Христианская религия в Греческой империи пришла в такое же состояние упадка, в каком она находилась в наше время у московитов до того, как царь Петр I возродил этот народ и ввел в управляемом государстве больше перемен, чем это делают завоеватели в покоренных ими странах.

Легко поверить, что греки впали в некоторого рода идолопоклонство. Никто не станет обвинять итальянцев и немцев того времени в том, что они плохо соблюдали внешние церковные обряды. Между тем, когда греческие историки говорят о презрении, которое питают эти народы к мощам и иконам, то можно было бы подумать, что дело идет о наших ученых толкователях, ожесточенно нападающих на учение Кальвина[313]. Когда немцы проходили по Армении во время крестовых походов, то, по словам Никиты[314], армяне встречали их как друзей, потому что они не молились иконам. Но если, по мнению греков, итальянцы и немцы недостаточно почитали иконы, то какой же степени достигло у них иконопочитание?

На Востоке произошла почти такая же революция, какая была на Западе около 200 лет тому назад, когда при возрождении наук начали замечать злоупотребления и беспорядки и каждый начал искать способов отвратить зло, но вместо исправления церкви смелые и необузданные люди растерзали ее.

Лев Исавр, Константин Копроним и Лев, его сын[315], начали гонения против икон; после того как императрица Ирина восстановила иконопочитание, Лев Армянин, Михаил Заика и Теофил[316] вновь отменили его. Эти государи думали, что можно положить предел иконопочитанию, только уничтожив его. Они вели ожесточенную борьбу против монахов, причинявших вред государству; прибегая все время к крайним мерам, они хотели истребить их мечом вместо того, чтобы стараться ограничить их влияние.

Монахи, которых сторонники новых верований обвиняли в идолопоклонстве, платили им той же монетой, обвиняя их в волшебстве; показывая народу церкви, лишенные икон и всех других предметов, вызывавших его поклонение, они старались его уверить, что все это не имеет никакой другой цели, кроме жертвоприношения демонам.

Спор по поводу иконопочитания был таким ожесточенным (так что впоследствии разумные люди не могли найти способа ввести умеренное иконопочитание) по той причине, что он был связан с очень щекотливым вопросом: спор шел о власти. Монахи, захватив власть, могли усилить или удержать ее только таким образом, что делали все более пышным внешнее богослужение, часть которого составляли они сами.

Вот почему цари, возбуждавшие гонения на иконы, всегда воевали против монахов; когда иконоборцы достигли своей цели, их власть не имела больше границ.

Тогда произошло то же самое, что произошло несколько веков спустя при спорах Варлаама и Акиндина с монахами[317], волновавших империю вплоть до ее гибели. Спорили о том, был ли свет, окружавший Иисуса Христа на горе Фаворе[318], сотворенным или несотворенным. По существу монахи меньше всего беспокоились о том, был ли он сотворенным или несотворенным; но так как Варлаам нападал прямо на них, то непременно нужно было, чтобы этот свет был несотворенным.

Война, объявленная монахам императорами-иконоборцами, привела к тому, что отчасти вернулись к старым принципам управления: стали употреблять государственные доходы на пользу общества, и государство напоследок избавилось от наложенных на него пут.

Когда я думаю о глубоком невежестве, в которое греческое духовенство погрузило мирян, я не могу не сравнить их со скифами, которые, по словам Геродота[319], выкалывали глаза своим рабам с той целью, чтобы ничто не развлекало их и не мешало им сбивать молоко.

Императрица Феодора[320] восстановила иконопочитание, и монахи начали злоупотреблять благочестием народа; они дошли до того, что стали притеснять белое духовенство; они завладели всеми важными местами и мало-помалу лишили всех церковнослужителей права получать сан епископа[321]. Все это навлекло ненависть на монахов. Если провести параллель с латинским духовенством и сравнить поведение пап с поведением константинопольских патриархов, то, насколько одни были мудры, настолько другие были неблагоразумны.

Вот странные противоречия человеческого ума. Священнослужители первых римлян, не будучи исключены из гражданского общества и имея право занимать в нем должности, мало заботились о делах этого общества. Когда была установлена христианская религия, духовенство, более отдаленное от мирских дел, вмешивалось в них только изредка. Но когда при упадке Римской империи одни только монахи составляли духовенство, эти люди, обязанные по специальному обету избегать мирских дел и опасаться их, пользовались всяким поводом, чтобы вмешиваться в эти дела. Они повсюду не переставали производить шум и волновать мир, который они покинули.

Никакое государственное дело, никакой мир, никакая война, никакое перемирие, никакие дипломатические переговоры, никакой брак не совершались без участия монахов. Ими были полны советы государей, в народных собраниях почти никого не видно было, кроме них.

Трудно представить себе все то зло, которое явилось в результате этого. Монахи расслабили умы государей и заставили их поступать безрассудно, даже когда они совершали добрые дела. В то время как военные матросы по повелению Василия[322] были заняты постройкой церкви святого Михаила, сарацины грабили Сицилию и взяли Сиракузы. А когда его преемник Лев[323] употреблял свой флот для той же цели, он позволил сарацинам захватить Тавромению и остров Лемнос[324]. Андроник Палеолог[325] перестал заботиться о флоте, потому что его уверили, что бог так доволен его ревностным стремлением вернуть мир церкви, что враги не посмеют напасть на него. Он боялся, что бог потребует у него отчета за время, употребленное на управление государством, которое он мог провести в религиозных размышлениях.

Греки — великие говоруны, великие спорщики, софисты по природе — постоянно вступали в религиозные споры. Так как монахи пользовались большим влиянием при дворе, слабевшем по мере того, как он развращался, то получилось, что монахи и двор взаимно развращали друг друга и что зло заразило обоих. В результате все внимание императоров было поглощено тем, чтобы то успокаивать, то возбуждать богословские споры, относительно ко-

торых замечено, что они становились тем горячее, чем незначительнее была причина, вызвавшая их.

Михаил Палеолог[326], в правление которого происходили горячие религиозные споры, видя ужасные опустошения, причиненные турками в Азии, говорил, вздыхая, что безрассудное религиозное рвение некоторых людей, которые, порицая его поступки, возмутили против него его подданных, заставило его употребить все усилия для сохранения собственной жизни и пренебречь разоряемыми провинциями. «Я удовольствовался тем, — говорил он, — что поручил устройство отдаленных провинций правителям, которые скрывали от меня их бедственное положение, потому ли что они были подкуплены деньгами или же потому, что они боялись наказания».

Константинопольские патриархи обладали громадной властью. Так как во время народных волнений императоры и вельможи государства укрывались в церквах, где патриарх мог их выдать или нет, причем он пользовался этим правом по своему усмотрению, то он, хотя и косвенно, играл решающую роль во всех государственных делах.

Когда старый Андроник[327] велел сказать патриарху, чтобы тот занимался церковными делами, а управление государством предоставил ему, то патриарх ответил: «Это все равно, как если бы тело говорило душе: «я не желаю иметь ничего общего с тобой, я не нуждаюсь в твоей помощи для отправления свойственных мне обязанностей».

Государи часто считали невыносимыми чудовищные притязания патриархов и лишали их престола. Но у суеверного народа, взиравшего с отвращением на все церковные службы, отправлявшиеся патриархом, которого он считал самозванцем, это приводило к непрерывным расколам; всякий патриарх — старый, новый, новейший — находил своих приверженцев.

Эти раздоры были гораздо хуже тех, которые возникали по поводу религиозных догм, ибо они появлялись снова, как только какого-либо патриарха сгоняли с его престола.

Страсть к спорам была настолько свойственна грекам, что когда Кантакузен взял Константинополь, то император Иоанн и императрица Анна[328] были заняты спорами

на соборе, созванном монахами против их врагов. Осада Магометом II Константинополя[329] не привела к прекращению вражды, возникшей из богословских споров; там были больше заняты Флорентийским собором[330], чем турецкой армией.

При обыкновенных спорах, когда каждый чувствует, что может ошибаться, упрямство и настойчивость не бывают чрезмерными; но при религиозных спорах, где каждый по природе предмета считает свое мнение правильным, мы возмущаемся против тех, кто, вместо того чтобы изменить свое мнение, упорно старается заставить нас изменить наше мнение.

Читая историю Пахимера, мы убеждаемся, что богословы своими собственными силами никогда не были и не будут в состоянии прекратить свои споры. Мы видим императора, который занят только тем, что созывает богословов, выслушивает их, примиряет их; с другой стороны, непримиримая злоба богословов приводит к вечным спорам; и мы понимаем, что, если следовать тому же методу, обнаруживать то же терпение, возлагать те же надежды, чувствовать то же желание привести спор к концу, проявлять то же чистосердечие по отношению к интригам и то же почтение к злобе богословов, — они все равно никогда не примирятся до скончания мира.

Вот замечательный пример. По просьбе императора сторонники патриарха Арсения заключили договор со сторонниками патриарха Иосифа[331], согласно которому обе стороны должны были написать свое мнение, каждая на отдельном листе; эти два листа следовало бросить в огонь; если один из них останется невредим, то следует положиться на волю божию; если же сгорят оба листа, то обе стороны должны прекратить свои споры. Огонь уничтожил оба листа; обе стороны объединились, но мир продолжался только один день; на следующий день спорящие стороны утверждали, что их обращение должно зависеть от внутреннего убеждения, а не от случая. Война возобновилась с удвоенной силой.

На богословские споры следует обращать большое внимание, но это внимание следует скрывать насколько возможно, так как явное стремление успокоить их всегда

придает им слишком большое значение, указывая, что образ мыслей богословов настолько важен, что от него зависят спокойствие государства и безопасность государя.

Богословские споры так же трудно кончать посредством тонких различений, как невозможно уничтожить дуэли, устраивая школы, где особенно тщательно разбирались бы вопросы чести.

Греческие императоры были так мало благоразумны, что, когда споры затихали, они старались по своему безумию вновь возбудить их. Анастасий, Юстиниан, Гераклий, Мануил Комнин[332] предлагали разбирать спорные вопросы веры своему духовенству и народу, которые не признали бы правильными мнения императоров, если бы даже они нашли истину. Таким образом, ошибаясь всегда по форме, а часто и по существу, желая показать свою проницательность, которую они могли бы так же хорошо проявить и в других доверенных им делах, императоры возбуждали суетные споры о природе бога, которая, не поддаваясь изысканиям ученых вследствие их гордости, не более открыта и для владык земли.

Ошибочно думать, будто на свете существует человеческая власть, деспотическая во всех отношениях; такой власти никогда не было и не будет; самая большая власть всегда ограничена в каком-либо отношении. Пусть султан наложит новую подать на Константинополь; крик, который тотчас же подымется со всех сторон, покажет ему пределы, которых он раньше не знал. Персидский царь может легко заставить сына убить отца, а отца — сына, но не может принудить своих подданных пить вино. У каждой нации существует общий дух, на котором основана и сама власть; когда она хочет оскорбить этот дух, она наталкивается на самое себя и неизбежно останавливается.

Наиболее отравленный источник всех бедствий греков заключался в том, что они никогда не знали природы и пределов духовной и светской власти; это привело к тому, что и с той, и с другой стороны постоянно впадали в заблуждения.

Это великое различие, служащее базисом, на котором покоится благополучие народа, само основано не только на религии, но и на разуме, и на природе, в силу которых

никогда не следует смешивать все то, что в действительности разделено и может существовать только отдельно друг от друга.

Хотя у древних римлян духовенство не существовало как отдельное сословие, однако им это различие было так же хорошо известно, как и нам. Клодий посвятил Свободе дом Цицерона[333], который, вернувшись из ссылки, потребовал дом обратно. Понтифики[334] решили, что если он был посвящен без определенного постановления народа, то, не оскорбляя религии, можно вернуть Цицерону его дом. «Они заявили, — говорит Цицерон, — что они рассматривали только законность посвящения, а не закон, изданный народом; что они обсуждали первый пункт как понтифики, но будут обсуждать второй пункт как сенаторы».

ГЛАВА XXIII

ПРИЧИНЫ ПРОЧНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ. ЕЕ ГИБЕЛЬ

После всего сказанного мною о Греческой империи естественно напрашивается вопрос, как она могла существовать так долго. Я думаю, что в состоянии объяснить причины этого. Арабы, напав на империю, завоевав несколько провинций, не могли двинуться дальше ввиду раздоров, возникших между их вождями по поводу халифата[335]. Первый жар их религиозного рвения претворился в гражданские разногласия.

Когда те же арабы, завоевав Персию, разделились и ослабели, то избавили греков от необходимости держать на Евфрате главные силы своей империи.

Архитектор по имени Каллиник, пришедший из Сирии в Константинополь, нашел такой состав огня, пускаемого через трубку, что вода и все другие вещества, служащие для тушения огня, только увеличивали его жар. Греки, пользовавшиеся им, были в состоянии в течение нескольких веков сжигать все флоты своих врагов, в особенности арабов, которые приплывали из Африки и Сирии и нападали на греков вплоть до Константинополя. Этот огонь считался государственной тайной; Константин Багрянород-

ный[336] в сочинении об управлении империей, посвященном его сыну Роману, предупреждает его, что если варвары будут у него требовать «греческого огня», то он должен ответить, что ему не позволено дать его им; ибо ангел, принесший его императору Константину, запретил передавать его другим народам; так что те, которые дерзнули это сделать, были уничтожены небесным огнем, как только вошли в церковь[337].

Константинополь владел в самых обширных размерах и почти монопольно торговлей в такое время, когда готические племена, с одной стороны, и арабы — с другой, уничтожили торговлю и промышленность во всех странах. Производство шелка перешло туда из Персии; после нашествия арабов оно пришло в упадок в самой Персии; кроме того, греки владели морем. Это принесло государству громадные богатства и открыло значительные ресурсы. Как только империя получала некоторое облегчение, общество приходило опять в цветущее состояние.

Вот замечательный пример этого. Старый Андроник Комнин был Нероном греков, но так как при всех его пороках он обнаружил удивительную твердость в защите народа от несправедливостей и вымогательств вельмож, то было замечено, что в течение его трехлетнего царствования провинции опять поправились.

Наконец, варвары, жившие по берегам Дуная, окончательно осели; тогда они уже перестали внушать опасения и сами послужили барьером против других варварских племен.

Между тем как империя при плохом правлении клонилась к упадку, имелись, однако, специальные причины, поддерживавшие ее. Точно так же мы видим ныне, что некоторые европейские нации, несмотря на свою слабость, сохраняются благодаря американским сокровищам[338]; а светские владения папы сохраняются благодаря уважению, которое внушает их государь. Корсары Берберии[339] держатся благодаря тому, что они чинят препятствия торговле маленьких наций, что делает их полезными великим нациям.

Турецкая империя находится теперь почти в таком же состоянии слабости, в каком находилась некогда гречес-

кая; тем не менее она будет существовать долго. Ибо, если бы какой-либо государь во время своих завоеваний подверг эту империю опасности, три торговые державы Европы слишком хорошо понимают свою пользу, чтобы не выступить немедленно на ее защиту.

Это уже счастье некоторых наций, что бог дозволил им без всякой пользы для себя владеть великими империями.

Во время Василия Багрянородного[340] могущество арабов было сломлено в Персии; Магомет, сын Самбраила, царствовавший там, призвал на помощь с севера 3 тысячи турок. Ввиду недовольства, возбужденного ими, он послал против них армию, но они ее обратили в бегство. Магомет, возмущенный своими солдатами, приказал им явиться перед ним одетыми в женское платье. Но они соединились с турками, которые немедленно напали на гарнизон, охранявший мост через Аракс, и открыли проход бесчисленному множеству своих соотечественников.

Завоевав Персию, они[341] распространились с востока на запад по землям империи; Роман Диоген[342], желавший их задержать, был взят ими в плен, после чего они покорили почти все греческие владения в Азии, вплоть до Босфора.

Через некоторое время при правлении Алексея Комнина латины[343] напали на Запад. Издавна существовавший злополучный раскол возбудил непримиримую вражду между греками и латинами, придерживавшимися различных обрядов. Он бы вспыхнул раньше, если бы итальянцы не думали больше об оказании отпора германским императорам, которых они опасались, чем о греческих императорах, которых они только ненавидели.

При таких обстоятельствах вдруг распространилось в Европе религиозное убеждение, что поскольку места, где родился и пострадал Иисус Христос, осквернены неверными, то, кто желает получить отпущение грехов, должен взяться за оружие, чтобы выгнать неверных оттуда. Европа была полна людей, любивших войну, имевших много преступлений на своей совести, которым предложили искупать эти грехи, следуя своей господствующей страсти: все нашили себе кресты и взялись за оружие[344].

Крестоносцы, прибыв на Восток и осадив Никею[345], взяли ее; они ее вернули грекам; воспользовавшись тяжелым

положением неверных, Алексей и Иоанн Комнины прогнали турок вплоть до Евфрата.

Но каковы бы ни были выгоды, которые греки извлекали из крестовых походов, не было ни одного императора, который не трепетал бы от страха при виде опасности, угрожавшей его владениям, по которым проходили последовательно столь смелые герои и столь многочисленные армии.

Поэтому они старались отвратить европейцев от этих предприятий; крестоносцы находили повсюду предательства и измены и все, чего можно ожидать от трусливого неприятеля.

Следует признать, что французы, начавшие эти походы, нисколько не старались сделать себя приятными. Жалобы, направленные против нас Алексеем Комнином, показывают на самом деле, что мы нисколько не стеснялись, находясь среди чужого народа, и что мы уже тогда имели те самые пороки, в которых нас упрекают ныне.

Французский граф хотел было сесть на трон императора, граф Балдуин[346] схватил его за руку и сказал ему:

«Вы должны знать, что, находясь в чужой стране, нужно следовать ее обычаям». «Но ведь это настоящий мужик, — возразил тот, — он сидит здесь, когда столько полководцев стоят!»

Немцы, пришедшие потом, самые прекрасные люди на свете, очень дорого заплатили за наши безрассудства, так как их всюду встречали с отвращением, виной чего были мы.

Наконец, ненависть достигла высшей степени; некоторые обиды, учиненные венецианским купцам, честолюбие, жадность, ложное религиозное рвение побудили французов и венецианцев предпринять крестовый поход против греков[347].

Они нашли их в таком же расслабленном состоянии, в каком в наше время татары нашли китайцев[348]. Французы, смеясь над пышной одеждой греков, ходили по улицам Константинополя, облаченные в художественно изукрашенные одежды, носили в руке чернильницу и бумагу в насмешку над этим народом, переставшим упражняться в военном искусстве; после окончания войны они отказались принять в свое войско кого-либо из греков.

Они завоевали всю западную часть империи и избрали императором графа фландрского[349], который ввиду отдаленности его владений не мог причинить итальянцам никакого беспокойства. Греки, отделенные от турок горами, а от латинов морем, удержали восточную часть.

Латины, не встретившие никаких препятствий при своих завоеваниях, встретили их бесконечное число при своем стремлении удержать завоеванное; греки перешли опять из Азии в Европу, возвратили себе Константинополь и почти весь Запад[350].

Но эта новая империя была только тенью прежней; она не имела никаких ресурсов к своему восстановлению и никакого могущества.

В Азии она владела только провинциями, расположенными по сю сторону Меандра[351] и Сангария; большая часть европейских провинций была разделена на мелкие владения.

Кроме того, в течение тех 60 лет, когда Константинополем владели латины[352], побежденные рассеялись по другим странам, а победители были заняты войнами, вследствие чего торговлей завладели целиком итальянские города и Константинополь лишился своих богатств.

Даже внутренняя торговля находилась в руках латинов. Греки, вернувшие свои потерянные владения и опасавшиеся всего, хотели примириться с генуэзцами[353]; они им предоставили право беспошлинной торговли. Венецианцы же не заключили мира, а согласились только на перемирие; воспользовавшись тем, что греки не хотели их раздражать, они также ничего не платили.

Хотя до взятия Константинополя флот пришел в упадок вследствие небрежности Мануила Комнина, однако, поскольку еще существовала торговля, его можно было легко восстановить. Но когда при новой империи совершенно отказались от флота, зло стало непоправимым, так как силы империи становились все меньше.

Это государство, господствовавшее над многими островами, разделенное морем и окруженное им со многих сторон, не имело флота, чтобы плавать по нему. Провинции не имели больше сообщения между собой; народ был принужден удаляться вглубь страны, чтобы спастись от пира-

тов; когда же он это делал, ему приказывали укрываться в крепостях, чтобы спастись от турок.

Турки вели тогда против греков своеобразную войну; они, собственно говоря, отправлялись на охоту за людьми; они иногда проходили до 200 миль, разоряя страну. Так как ими управляли многие султаны, то невозможно было склонить их всех к миру посредством подарков; а заключать мир с некоторыми из них было бесполезно. Они приняли магометанскую веру; их религиозное рвение особенно побуждало их разорять христианские земли. Далее, так как эти народы были самые безобразные на земле, то жены их были столь же отвратительны, как они; когда они видели гречанок, то не могли больше терпеть других женщин. Это побуждало их непрерывно похищать гречанок. Они всегда были склонны к грабежам; это были те же самые гунны, которые когда-то причинили столько бедствий Римской империи.

После завоевания турками остальных азиатских областей греческой империи жители, которые могли от них скрыться, бежали вплоть до Босфора. Те, которые нашли корабли, убежали в европейскую часть империи; это значительно увеличило число ее жителей. Но оно скоро сильно уменьшилось. Между ними происходили такие жестокие гражданские войны, что обе стороны призывали на помощь различных турецких султанов на том условии, столь же необыкновенном, как и варварском, что все жители противной стороны, которые будут захвачены турками, будут увезены ими в рабство. Каждая сторона, стремясь уничтожить своих врагов, содействовала истреблению народа.

После покорения Баязетом[354] всех других султанов турки сделали бы уже тогда то, что привели в исполнение потом, при Магомете II, если бы им самим не угрожала опасность истребления их татарами.

Я не имею смелости говорить о последующих бедствиях. Скажу только, что при последних императорах империя, ограниченная предместьями Константинополя, кончилась, подобно Рейну, который кажется не более ручья, теряясь а океане.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА

Здесь мы используем примечания (комментарии), опубликованные в издании: Шарль Монтескье. Персидские письма. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1956 г. Для настоящего издания комментарии были исправлены и дополнены В. Е. Климановым.

При жизни Монтескье «Персидские письма» выдержали двенадцать изданий: в 1721 г., кроме первого, содержавшего сто пятьдесят писем, вышло тождественное с ним второе, а также третье, появившееся под названием «Второе издание, просмотренное, исправленное, сокращенное и дополненное автором»; оно заключало в себе сто сорок писем. Последнее прижизненное издание «Персидских писем» вышло в 1754 г. под наблюдением автора. В нем было сто пятьдесят писем и приложение, содержавшее в себе еще одиннадцать писем и «Несколько замечаний о «Персидских письмах». Это издание, заключавшее в себе, таким образом, сто шестьдесят одно письмо, было положено в основу всех последующих изданий.

В «Нескольких замечаниях о «Персидских письмах» Монтескье подводит итоги тридцатитрехлетнему существованию своей книги:

«Читателю нравилось в «Персидских письмах» больше всего то, что он неожиданно встречал в них своего рода роман. Мы находим там завязку, развитие и развязку последнего: герои связаны между собою соединяющею их цепью. По мере того как затягивается их пребывание в Европе, нравы этой части света начинают им представляться менее удивительными и странными, а поражаются они этой удивительностью и странностью в большей или меньшей степени в зависимости от их характеров. С другой стороны, по мере того как растет страсть и уменьшается любовь, в азиатском серале все увеличивается беспорядок.

Впрочем, такого рода романы обычно имеют успех потому, что читатель благодаря им отдает себе отчет в своем собственном положении, а вследствие этого страсти постигаются им лучше, чем с помощью каких бы то ни было рассказов. В этом — причина успеха нескольких восхитительных произведений, вышедших в свет после «Персидских писем».

Наконец, в обыкновенных романах отступления позволительны лишь в той мере, в какой сами эти отступления образуют новый роман. Там нельзя примешивать к фабуле рассуждения, так как это нарушает замысел и характер сочинения: ведь действующие лица выведены в нем вовсе не для рассуждений. Но в форме писем, при

которой действующие лица не подобраны и где сюжет не зависит от какого-либо замысла или определенного плана, автор позволил себе присоединить к роману философию, политику и мораль, связав все это таинственною и некоторым образом незаметною цепью.

На «Персидские письма» сразу же возник такой поразительный спрос, что книгопродавцы пускались на всё, чтобы заполучить продолжение. Они хватали за полу всех встречных и поперечных. «Сударь! — говорили они, — сочините мне «Персидские письма».

Но только что сказанного мною достаточно, чтобы было ясно, что «Письма» не допускают никакого продолжения*, а тем более смешения с письмами, написанными другой рукой, как бы талантливы они ни были**.

Многие нашли чересчур смелыми некоторые черты, отличающие «Персидские письма». Но я прошу этих лиц обратить внимание на характер самого произведения. Персияне, которым отведена там столь большая роль, оказались внезапно пересаженными в Европу, то есть в другой мир. Их надо было изображать на протяжении некоторой части книги исполненными невежества и предрассудков; автор старался проследить за тем, как возникали и развивались их мысли. А первые их мысли должны были быть странными: автору, кажется, только и оставалось, что придавать им такую степень странности, которая все же согласовалась бы с наличием у них ума. Надо было лишь описывать чувства, которые вызывала у них всякая вещь, казавшаяся им необыкновенной. Отнюдь не помышляя задеть какой-нибудь догмат нашей религии, мы и не подозревали своей неосторожности. Суждения персиян всегда вызываются чувством неожиданности и изумлением, а вовсе не намерением исследовать или тем паче критиковать. Говоря о нашей вере, персияне не должны были производить впечатления более образованных, чем в тех случаях, когда они говорят о наших обычаях и привычках. Если же они иногда находят странными наши догматы, то эта странность объясняется всегда их совершенным незнанием тех связей, которые существуют между этими догматами и другими истинами, которые мы признаем.

Мы приводим здесь настоящее оправдание из любви к этим великим истинам, независимо от уважения к человеческому роду, который мы вовсе не хотели затронуть в самом чувствительном месте. Мы просим поэтому читателя ни на миг не упускать из виду, что те особенности в суждениях персиян, о которых я говорю, являются следствием удивления людей, которые не могли не удивляться, или парадоксами, высказывавшимися людьми, которые не вправе были их высказывать. Мы просим читателя обратить внимание на то, что вся прелесть заключается в резком контрасте между реальными ве-

---

* Вероятно, намек на появившиеся в 1735 г. в Лондоне «Новые персидские письма». (*Прим. ред.*)

** Намек на «Турецкие письма» де Сен-Фуа, прибавленные к изданию 1744 г. (*Прим. ред.*)

щами и странной, наивной или причудливой манерой, с какой эти вещи воспринимались. Конечно, характер и замысел «Персидских писем» настолько ясны, что не введут в заблуждение никого, кроме тех, кто сами хотят ввести себя в заблуждение».

Рассчитанно наивная попытка убедить строгих блюстителей благочестия, что в «Персидских письмах» нет мыслей «кощунственных» и фривольных и что все эти мысли — итог персидской необразованности и варварства, цели, разумеется, не достигала: читатели отлично понимали, чего хочет анонимный, но всем давно известный автор.

[1] *Девы, давшей миру двенадцать пророков.* — По мусульманским сказаниям, это — Фатима, дочь Магомета и жена его племянника Али, бывшего халифом с 656 по 661 гг. Легенда говорит, что аллах взял Фатиму на небо. К ней взывают, как к пречистой деве, матери двенадцати пророков, наместников аллаха на земле.

Вероятно, именно из-за этого указания на Фатиму, в котором был усмотрен намек на богородицу, из второго издания «Персидских писем» это письмо было изъято.

[2] *Сафар* — второй месяц мусульманского лунного года. В 1711 г., т. е. в 1123 году хиджры (мусульманская эра), он соответствовал французскому февралю.

[3] *Сераль* (*франц.* sérail, от *перс.* saray — дворец) — дворец турецкого султана; иногда сералем называли и его внутреннюю, женскую часть (гарем).

[4] *Махаррам* — первый месяц мусульманского лунного года.

[5] *Ребиаб 1.* — В мусульманском календаре есть два месяца Ребиаба: первый и второй. Это — третий и четвертый месяцы мусульманского лунного года.

[6] *В страну этих нечестивцев.* — Турки-османлисы, признающие, кроме Корана, еще и священное предание — сунну (отсюда их название «сунниты»), рассматриваются персами-шиитами как еретики.

[7] *Тайная ревность, пожирающая меня.* — В «Духе законов» (кн. XVI, гл. 13) Монтескье говорит, что «следует различать ревность, вытекающую из страсти, от ревности, связанной с обычаями, нравами, законами. Первая — это пожирающая человека жаркая лихорадка, а вторая — ревность холодная, но порою ужасающая, может сочетаться с безразличием и презрением».

[8] *Джеммади 2.* — Пятый и шестой месяцы мусульманского лунного календаря носят название Джеммади 1 и Джеммади 2.

[9] *Если верить историкам.* — Монтескье имеет в виду рассказы Геродота (IV, 133), Плутарха («Жизнь Марка-Антония») и Помпония Мелы. Эти историки утверждали, что в Африке было несколько народов, носивших имя троглодитов. В частности, Мела говорит, что они жили в Эфиопия, обитали в пещерах, не имели собственности, ели сырое мясо и скорее свиристели, чем говорили.

[10] История троглодитов содержит в зародышах основные идеи «Духа законов». Таковы мысли о разделе земли как источнике богатства

и неравенства, о добродетели, как принадлежности республиканского строя, о монархии, как строе, созданном ради обеспечения безнаказанности богачей и насильников, и т. д. См. «Дух законов», кн. 111, гл. 3—7; кн. IV, гл. 2—5.

[11] *Стражу трех гробниц* — гробницы Фатимы и двух других «святых» из ее семьи.

[12] *Зуфагар* — меч, по преданию полученный Али от Магомета и сохранявшийся в доме халифов, пока один из них его не сломал.

[13] *Тринадцатый имам* — комплимент Узбека Мегемету-Али: всех имамов, то есть пророков, преемников Магомета, мусульмане насчитывают двенадцать.

[14] *Эмпирей* — в древних космогониях так называется самая высокая часть неба.

[15] *Шахбан* — восьмой месяц мусульманского лунного календаря.

[16] *Это больное тело поддерживается.* — Монтескье имеет в виду экономическую слабость тогдашней Турецкой империи, доживавшей последние годы своего прежнего величия, и деспотическое управление султанов, парализовавшее естественное развитие производительных сил богатейших областей империи. Он говорит об этом также в своем «Рассуждении о величии и падении римлян» (гл. 23).

[17] *Рамазан* — девятый месяц мусульманского лунного года.

[18] *Зилькаде* — одиннадцатый месяц мусульманского лунного года.

[19] Письмо это отсутствует во втором издании («исправленном» и т. д.); оно было изъято за насмешку над учением о троице и над таинством пресуществления.

[20] *Французский король* — Людовик XIV.

[21] *Продажа титулов* действительно составляла крупный источник доходов для казны: например, в 1711 г. она принесла правительству около 127 млн. ливров.

[22] *Одно экю равно двум.* — Короли считали своим правом устанавливать по произволу денежные курсы.

[23] *Излечивают их от всех болезней.* — Чудесная сила исцеления больных золотухой прикосновением рук приписывалась французским и английским королям. Процесс возложения королевских рук на больных входил в ритуал коронации; во Франции в последний раз он имел место при коронации Карла X, в 1824 г.

[24] *Большое послание.* — Речь идет, несомненно, об известной булле папы Климента XI «Unigenitus», направленной против книги богослова Кенеля (Quesnel) «Моральные размышления» и содержавшей в себе резкие нападки на свободу мысли, на янсенизм и галликанство. Булла эта, под названием «Конституция», была в XVIII в. источником споров и столкновений между различными слоями французского духовенства и образованных кругов. Булла была издана в 1713 г., следовательно не за два года, как пишет Рика, до его письма, а год спустя.

[25] *В отношении государя это удалось.* — Людовик XIV сам просил вмешательства папы в надоевшие ему богословские споры французских католиков.

[26] *Множество невидимых врагов* — то есть янсенистов, с которыми, несмотря на всяческие преследования, не могла справиться светская и духовная полиция Людовика XIV.

[27] *Усилия некоторых дервишей* — то есть усилия иезуитов.

[28] *Реджаб* — седьмой месяц мусульманского лунного года.

[29] *Представление, которое... называют комедией.* — Речь идет о театре Комеди Франсез (Французская комедия) в Париже.

[30] *На подмостках, именуемых театром* — то есть на сцене. В старинных театрах часть зрителей из привилегированного общества помещалась во время действия на сцене, что создавало неудобство для актеров и для остальной публики и вызывало протесты партера, переходившие иногда в драки.

[31] *Внизу стоит толпа.* — В партере не было стульев или скамеек, все зрители стояли.

[32] *Но особенно суетятся несколько человек* — так называемые петиметры, т. е. щеголи, представители парижской золотой молодежи.

[33] *Залы, где представляется особого рода комедия...* — театральное фойе.

[34] *Шальвал* — десятый месяц мусульманского лунного календаря.

[35] *Справлять рамазан* — поститься.

[36] *Дервиши* — так Рика, по аналогии с мусульманскими монахами, называет католических монахов и особенно иезуитов.

[37] *Деревянные зернышки* — четки, которыми пользуются молящиеся, чтобы отсчитывать, сколько раз ими произнесена та или иная молитва.

[38] *Два куска сукна, пришитых к двум лентам* — нарамник, часть церковного облачения.

[39] *Галисия* — одна из провинций Испании, в которой находится монастырь св. Якова из Компостеллы. Паломничество в монастырь Сант-Яго являлось признаком благочестия и принималось во внимание инквизицией.

[40] *Рубашку, пропитанную серой.* — Такую рубашку надевали на приговоренных к сожжению.

[41] *Отчуждают в свою пользу все имущество этих несчастных.* — Свое глубокое возмущение инквизицией Монтескье выражает в книгах XXV (гл. 13) и XXVI (гл. 2 и 12) «Духа законов».

[42] Письмо это было изъято из второго издания за первую его фразу.

[43] *Некий дом, в котором довольно плохо содержится около трехсот человек* — убежище Quinze-Vingts, дом призрения для трехсот слепых; учрежден в 1254 г. королем Людовиком IX для рыцарей-крестоносцев, ослепленных сарацинами.

[44] *Не осуждаю напитков, которые оживляют его* — то есть кофе и шербетов.

[45] *Зильхаже* — двенадцатый и последний месяц мусульманского лунного календаря.

[46] Это письмо вызвало резкие нападки на Монтескье со стороны патера Готье, выпустившего в 1751 г. брошюру под названием «Персидские письма» — кощунственная книга».

[47] *«Торжествующее многоженство»* — книга на латинском языке, выпущенная, вероятно, в Амстердаме, в конце XVII в., как сочинение Феофила Алетия. В этой книге, подлинным автором которой был некто Джон Лизер, на пятистах шестидесяти четырех страницах защищаются по всем правилам схоластической казуистики девяносто тезисов, утверждающих законность и святость многоженства, якобы установленного в книгах Ветхого и Нового заветов.

[48] *Есть даже дом.* — Имеется в виду кафе «Прокоп», открывшееся в 1689 г.; в XVIII в. там собирались литераторы, философы и публицисты.

[49] *Древнегреческого поэта.* — Автор намекает на спор о Гомере и его поэтических достоинствах, который шел в 1714—1716 гг. между Ламоттом и мадам Дасье. Это отголосок спора о преимуществах античных и современных писателей, возникшего в 1687 г. между Шарлем Перро и Николя Буало.

[50] *Пользуются языком варварским* — то есть средневековой схоластической латынью.

[51] *Существуют кварталы* — кварталы Сорбонны и университета.

[52] *Целый народ* — ирландцы. Автор намекает на ирландских католических богословов, изгнанных из Ирландии после подавления Кромвелем восстания и при последующих гонениях на католиков.

[53] Несмотря на вызванную цензурными соображениями сдержанность выражений, беспощадно иронический тон этого письма выдает настоящее отношение Монтескье к Людовику XIV, которого он презирал.

[54] *Король Франции стар.* — В 1713 г. Людовику XIV было семьдесят пять лет (род. 1638), и он был королем уже семьдесят лет (с 1643 г.).

[55] *Так высоко ценит он восточную политику.* — Монтескье имеет в виду, вероятно, рассказ о том, как однажды придворные в присутствии пятнадцатилетнего Людовика говорили о самодержавии султанов, полных властелинов над жизнью и имуществом своих подданных, и король с восхищением воскликнул: «Вот это называется царствовать!» Маршал д'Эстре, бывший при этом и испуганный перспективами, вытекавшими из королевского заявления, сказал. «Однако, государь, в течение одной только моей жизни придушили уже двух или трех таких самодержцев».

[56] *Министр, которому всего восемнадцать лет.* — Речь идет, по-видимому, о Луи Барбезье (сыне Лувуа), который стал военным министром в двадцатитрехлетнем возрасте (1668—1701).

[57] *Возлюбленная, которой восемьдесят* — мадам де Ментенон. В 1713 г. ей было семьдесят восемь лет.

[58] *Терпеть не может тех, кто говорит, что ее надо соблюдать.* — Имеются в виду янсенисты.

[59] *В его садах* — в Версале.

[60] *Государя, перед которым падают ниц все троны* — то есть шаха персидского.

[61] *Савроматы* — Геродот рассказывает (кн. IV, гл. 110—147) о народе, возникшем из соединения скифов с амазонками.

[62] *Три сословия.* — Автор имеет в виду привилегированные сословия: духовенство и дворянство, делившееся на «дворянство шпаги», то есть служившее в войсках, и «дворянство мантии», то есть занимавшее высшие судейские должности. Обычно же третьим сословием называлась во Франции совокупность всех подданных, не входивших в состав духовенства и дворянства, то есть купцов, промышленников, ремесленников, крестьян, лиц свободных профессий.

[63] *Николя Фланель* — присяжный писец Парижского университета (1330—1418), наживший большое состояние ловкими коммерческими операциями. Быстрое обогащение Фламеля вызвало легенду о нем, как о чернокнижнике и обладателе философского камня, превращающего в золото неблагородные металлы.

[64] *Раймунд Люллий* — средневековый философ и алхимик, родом испанец (1235—1315).

[65] *Курук* — предостережение, которое выкрикивали евнухи, сопровождавшие носилки с женщинами гарема, предупреждая прохожих, чтобы они уходили с дороги. Любопытствующих разгоняли палочными ударами. Для жен султана «курук» объявлялся заранее, и всякий, кто не обращал на это внимания, рисковал жизнью.

[66] В первом абзаце этого письма Монтескье говорит о самом себе.

[67] *Казвин* — город в Персии, славившийся своим монастырем.

[68] *Провинциал* — монах, стоящий во главе нескольких монастырских общин одного и того же ордена.

[69] *Царь царей* — титул персидского шаха.

[70] *Эти нравы теперь переменились.* — Этого примечания не было в первом издании «Персидских писем».

[71] *Царствующий ныне государь.* — Петр I.

[72] *Французы почти никогда не говорят о своих женах.* — Это было правилом хорошего тона; Ларошфуко говорит в своих «Изречениях» (364): «Всем известно, что не следует говорить о своей жене, но не все знают, что следовало бы еще меньше говорить о самом себе».

[73] *Есть такие, которых все ненавидят: это — ревнивцы.* — Эта фраза в некоторых изданиях отсутствует.

[74] *Порядочный человек.* — Выражение «порядочные люди» (honnêtes gens) в XVII и XVIII вв. означало — знатные люди, люди из хорошего общества.

[75] *Для уничтожения ереси.* — Монтескье имеет в виду отмену в 1685 г. Нантского эдикта, вызвавшую массовую эмиграцию гугенотов из Франции.

[76] *Запрещение дуэлей* — Дуэли, ставшие бичом дворянства во Франции, были запрещены строгими эдиктами Людовика XIII, по инициативе кардинала Ришелье; участие в них каралось смертной казнью.

[77] *Стали преследовать христиан.* — Намек на отмену Нантского эдикта.

[78] *Пусть бы раз навсегда между Али и Абубекром был заключен мир.* — Абубекр — один из первых последователей Магомета и его тесть по второй жене Айше; он был первым халифом после смерти Магомета, между тем как Али, племянник и зять Магомета, имев-

ший большее право на халифат, стал из-за происков ненавидевшей его Айши только четвертым по счету халифом.

[79] *Нотр-Дам* — собор Парижской богоматери.

[80] *Камбиз* — вероятно, имеется в виду отец царя Кира.

[81] *Бейрам* — гарем.

[82] *Балк* — древний город в Бактрии.

[83] *Гистасп* — персидский сатрап, отец царя Дария I.

[84] *Огорасп*—легендарная личность, почитаемая огнепоклонниками.

[85] *Туман* — золотая персидская монета.

[86] *Некий живописец* — древнегреческий живописец Зевксис, который писал по заказу жителей Акраганта портрет Елены Спартанской.

[87] *Таверные и Шарден.* — Жан-Батист Таверные (1605—1689) и Жан Шарден (1643—1713) — известные французские путешественники по Персии; у них Монтескье заимствовал свои сведения об этой стране.

[88] *Французская Академия* — учреждение, возникшее из кружка ученых, собиравшихся для рассуждений о французском языке и литературе; кардинал Ришелье превратил его в 1635 г. в государственный институт, состоящий из сорока членов, избираемых абсолютным большинством. В 1694 г. Академией был выпущен в свет словарь французского языка. О нем-то и идет речь ниже.

[89] *Свод постановлений* — словарь.

[90] *Незаконное дитя* — словарь, выпущенный в 1685 г., то есть за девять лет до выхода в свет академического словаря, членом Академии Антуаном Фюретьером (1619—1688). Появление этого «незаконнорожденного» словаря вызвало огромный скандал в академических кругах, и Фюретьер был исключен из Академии по обвинению в том, что воспользовался трудами своих академических коллег.

[91] *Страсть к панегирикам* — намек на похвальные речи, произносившиеся академиками по самым разнообразным поводам.

[92] *Социнианин* — последователь итальянского еретика Социна (1525—1562), отрицавшего троичность бога.

[93] Рассуждение Монтескье о самоубийстве, находящееся в резком противоречии с католической доктриной о безусловной греховности самоубийства, подверглось ожесточенным нападкам со стороны католической критики, и в издании 1754 г. автор вставил следующее, LXXVII письмо, чтобы несколько сгладить резкость предыдущего.

[94] *Хуан де Кастро* — собственно, не генерал, а ученый географ-исследователь, бывший вице-королем португальской Индии (1500—1548).

[95] *Книга, в которой показана нелепость всех остальных.* — Подразумевается «Дон Кихот».

[96] *Батуэки* — горные жители провинции Эстремадуры в Испании. Что испанцы будто бы не подозревали об их существовании — чья-то шутка, которую Монтескье либо принял всерьез, либо воспроизвел нарочно.

[97] Это письмо, в котором уже во весь рост встает будущий автор «Духа законов», внушило Беккарии основную мысль его «Трактата о преступлениях и наказаниях» (1764), как это видно из его письма к Морелле. «Всего пять лет тому назад, — пишет он в 1770 г. Морелле, — произошло мое обращение к философии, и я обязан этим чтению «Персидских писем». В «Духе законов» идея настоящего письма развита в главах 9 и 12 книги VI.

[98] *Турецкий император* Осман — Осман II (1618— 1622), свергнутый и задушенный янычарами.

[99] *Мустафа* — турецкий султан с 1617 по 1618 гг. Он был свергнут, и султаном был провозглашен Осман II. По низложении Османа вновь возведен на престол, но немного спустя свергнут вторично и задушен.

[100] *Некоторые из народов, разгромивших Римскую империю.* — Монтескье имеет в виду гуннов.

[101] *Картезианцы* — монахи католического ордена, основанного в 1084 г. и отличающегося строгим уставом.

[102] *Стук молотка, крепко колотящего в дверь.* — В старину у входных дверей вместо звонков были молотки.

[103] *Дворец Инвалидов* — убежище для военных ветеранов, основанное в 1670 г. Людовиком XIV по совету военного министра Лувуа.

[104] Это письмо является протестом против отмены Нантского эдикта.

[105] *Шах-Аббас* — персидский шах, правивший в 1587—1629 гг.

[106] *Уходить в Индию.* — Потомки этих переселенцев, под именем парсов, живут в Индии и до сих пор; они сохраняют свои священные книги и по-прежнему поклоняются огню.

[107] *Место, где отправляется правосудие.* — Дворец правосудия в Париже, старинный замок французских королей, в котором помещаются в течение уже нескольких сот лет судебные учреждения.

[108] *Дабы отец не оставался в неведении относительно ее нужд.* — Согласно римскому закону, реципированному законодательством южных провинций Франции, дочери могли судебным порядком обязывать отцов дать им приданое (см. «Дух законов», кн. XXXII, гл. 8).

[109] *Такое испытание столь же позорно для женщины.* — Этот обычай, вошедший в жизнь в XIV в., был отменен парламентом в 1677 г.

[110] В этом письме содержится зародыш теории трех основных видов государственного строя, изложенной впоследствии Монтескье в кн. III «Духа законов».

[111] *Пистоль* — старинная золотая монета.

[112] Рассказанная в этом письме история действительно имела место. По-видимому, перс, выдававший себя за посла шаха, был просто послан в Париж одним из самовластных персидских губернаторов для торговых сделок и ради придания себе большего веса выдал себя за посла. Вел он себя несоответственно своему мнимому званию, скандалил и дебоширил, но был французским правительством принят с пом-

пой. В конце концов «посол» отбыл на родину, прихватив с собою некую замужнюю даму, принявшую магометанство.

[113] *Он скончался 1 сентября 1715 года.* — Людовику XIV было тогда семьдесят семь лет без пяти дней; он процарствовал 72 года (с 14 марта 1643 г.).

[114] *Принц, его дядя* — герцог Филипп Орлеанский (1674—1723). Он был женат на дочери Людовика XIV от мадам де Монтеспан и в качестве старшего из Бурбонов после смерти короля имел все права на регентство, а в случае смерти малолетнего Людовика XV — и на престол. Интриги мадам де Ментенон и герцога дю Мэна (сына Людовика XIV от де Монтеспан) привели к тому, что король в своем завещании учредил регентский совет, сводивший почти на нет права Филиппа Орлеанского. Но парламент стал на сторону регента и утвердил его полномочия. За это Филипп на первых порах вернул эдиктом от 16 сентября 1715 г. парламентам отнятое у них Людовиком XIV право обращаться к королю с представлениями по важным государственным делам.

[115] *Вот вам и общество, и причина его возникновения.* — В первом абзаце этого письма реалист Монтескье предвосхищает учение Руссо об общественном договоре и в то же время возражает на него, указывая на приоритет общества перед индивидуумом и социальных отношений — перед юридическими нормами.

[116] *Висапур* — город в Ост-Индии.

[117] *Мазандаран* — персидская провинция.

[118] *Их прогоняют сквозь весьма узкое ущелье.* — Ввиду крайнего истощения казны в результате войн и огромных трат Людовика XIV, правительство регента в поисках денег принялось за откупщиков, наживавших колоссальные состояния.

[119] *Есть тут министр.* — Имеется в виду герцог Адриен-Морис де Ноай (1678—1766), маршал Франции; он был назначен при регенте председателем финансового совета.

[120] *Управляется законами, созданными вовсе не для него,* — то есть законами, реципированными из римского законодательства и каноническими.

[121] *Конституция* — булла «Unigenitus». См. прим. 23.

[122] *Румяный толстяк* — епископ.

[123] *Французский король.* — Речь идет о Филиппе-Августе (1165—1223), участнике третьего крестового похода.

[124] *Азиатским государем* — Аладином, из династии так называемых Горных Старцев, воинственных сарацинских князьков в Антиливане, настолько терроризировавших восточных государей своими набегами и убийствами, что страх перед ними передался и в Западную Европу.

[125] *Убийца короля Генриха IV* — Франсуа Равайяк (1578—1610), ученик иезуитов, бывший монах, страдавший религиозным помешательством, убил Генриха за покровительство гугенотам и был четвертован.

[126] *Сильнее одного из своих королей.* — Имеется в виду Карл I, казненный в 1649 г.

[127] *По общему соглашению.* — Утверждение ошибочное: «общего соглашения» о драгоценных металлах, как валюте, никогда не было.

[128] *Утрата искусств.* — Под словом «искусства» Монтескье понимает не только искусства в узком смысле слова, но и ремесла.

[129] *«Я видел юного Монарха»* — Людовика XV (1710—1774; на престоле с 1 сентября 1715 г.).

[130] *Приходят к соглашению и объединяются.* — Намек на мадам де Ментенон и иезуитов, имевших большое влияние на Людовика XIV.

[131] *Журналы.* — Французские журналы в XVIII в. представляли собою литературные обозрения, выходившие периодически книжками небольшого формата, и содержали в себе лишь одни рецензии на книги.

[132] *Рамус* — Пьер Рамус (1515—1572; латинизированная фамилия Пьера Ла Раме) — французский философ и лингвист, преподавал в Королевском коллеже в Париже. Буря по поводу буквы *q* (кю), латинской *q* (ку) поднята была сорбоннскими схоластиками из-за того, что Рамус требовал, чтобы она произносилась перед гласными как обыкновенное *к*, а не как *кв* (например, quisquam — *кискам, а не квисквам — лат.* «некто»). Ненависть университета против Рамуса объяснялась, конечно, не одними лингвистическими разногласиями, но и тем, что он был ярым гугенотом. В Варфоломеевскую ночь его убили университетские служители.

[133] *Одним из парижских генералов.* — По-видимому, речь идет о генерале Шарле Монши д'Окенкуре (Monchy d'Hocquincourt, 1599—1658), произведенном в маршалы в 1651 г.

[134] *Мазарини.* — Джулио Мазарини (1602—1661) — кардинал, французский государственный деятель, выходец из Италии.

[135] *Смешное произношение.* — Мазарини до конца дней не научился хорошо говорить по-французски и коверкал слова. Монтескье в примечании к этому месту письма (второе издание, 1721 г.) говорит, что здесь имеется в виду случай, когда Мазарини, выступая в парламенте, вместо «l'arrêt d'union» («постановление о единстве») сказал «l'arrêt d'oignon» («постановление о луковице»).

[136] *Наши песенки так досаждают ему первородным грехом.* — По адресу Мазарини распевались песенки, так называемые «мазаринады», в которых высмеивалась его связь с королевой-регентшей Анной Австрийской.

[137] *Мир так мало населен теперь.* — Неизвестно, какими сведениями руководствовался Монтескье, выставляя такое утверждение.

[138] *В Риме некогда жило больше народу...* — Предположение неверное: площадь древнего Рима, как можно установить по остаткам старинной стены, не могла вмещать очень большого населения.

[139] *Франция — ничто по сравнению с древней Галлией.* — Утверждение ошибочное: именно во времена Цезаря Галлия была покрыта

огромными густыми лесами, и население ее не могло быть особенно велико.

[140] *Могущественное лекарство* — ртуть.

[141] *Ничто так не содействовало взаимной привязанности, как возможность развода.* — Нельзя сказать, что это утверждение соответствует свидетельствам античных писателей: здесь, как и во многих других случаях, Монтескье-историк идет на поводу у Монтескье-теоретика.

[142] *Внутренние ее области не исследованы.* — Африканский континент стал предметом исследования только в XIX в. (путешествия Ливингстона, Стенли, Виссмана, Мунго-Парка и др.).

[143] *Тиен* — небо в китайской мифологии.

[144] *Следствием колонизации обычно бывает ослабление стран, высылающих колонии.* — Утверждение и для тех времен неверное; на Монтескье произвел большое впечатление пример Испании и Португалии, не характерный для процесса колонизации.

[145] *Огромное количество негров нисколько не наполнило Америку.* — Вопреки этому мнению, негритянское население в Америке со времени XVIII в. сильно увеличилось.

[146] *Остров Бурбон* — теперь Реюньон, французская колония к востоку от Африки.

[147] *Христианский муфтий*—кардинал Джулио Альберони (1664—1752), министр испанского короля Филиппа V.

[148] *Великий визирь Германии* — австрийский полководец принц Евгений Савойский (1663—1736); он нанес туркам поражение под Петервардейном и заключил в 1718 г. выгодный для империи мир с Турцией.

[149] *Отступники Омарова толка* — турки-сунниты, последователи Абубекра и Омара, второго халифа (см. прим. 5).

[150] *В чем причина неизмеримой щедрости государей, изливаемой ими на придворных?* — Вопрос риторический; Монтескье, конечно, отлично знал причины этой щедрости, особенно по отношению к придворным дамам.

[151] *Молодой бонза* — ошибка: бонзы — буддийские священники; Монтескье хотел сказать «брамин».

[152] *Посол Великого Могола.* — Намек на посла испанского короля (Филиппа V, внука Людовика XIV) князя Антонио Челламаре, который был выслан из Франции (1718) за то, что организовал заговор против регента Филиппа Орлеанского с целью передачи регентства над Людовиком XV испанскому королю. В этом деле было замешано много французских вельмож.

[153] *Принц, дядя государя* — герцог дю Мэн. См. прим. 114. Дю Мэн был двоюродным дедом Людовика XV, т. е. побочным братом деда Людовика XV.

[154] *Знаменитый шведский король* — Карл XII; был убит при осаде крепости Фредериксгальд в 1718 г.

[155] *Его первый министр* — барон Георг-Генрих Гертц (1668—1719), близкий друг и сотрудник Карла XII, авантюрист, уроженец герцогства Гольштейн; пытался примирить Карла XII и Петра I, чтобы ценой уступки России прибалтийских шведских провинций, и так уже потерянных в ходе Северной войны, получить военную помощь российского государства для завоевания принадлежавшей Дании Норвегии. После гибели Карла XII Гертц был казнен по обвинению в государственной измене.

[156] *Фуэнтарабия*—город в испанской провинции Гипускоа, взятый французским маршалом Бервиком в 1719 г.

[157] *Собираются в прекрасном саду* — т. е. есть в саду королевского дворца Тюильри, который был модным местом для прогулок. Дюфрени пишет о нем в своей книге «Entretiens»: «Неудобство этих прогулок (в саду Тюильри) состоит в том, что посетителей мучают там разные насекомые: летом мухи, осенью комары, а все время — вестовщики».

[158] *Финале* — приморский город в итальянской провинции Эмилии.

[159] *Граф де Л.* — граф де Лионн, сын министра иностранных дел, считавшийся главой «вестовщиков» (умер в 1708 г.).

[160] *Ровоамово сборище* — в Библии собрание легкомысленных советников царя Ровоама, сына Соломона, подававших ему дурные советы; их противопоставляют благоразумным старым советникам его отца.

[161] Письмо, предвосхищающее изложенную впоследствии в «Духе законов» теорию деления государств на республики, монархии и деспотии. Это деление носит у Монтескье не только исторический, но и географический характер: республиканское правление — это правление греческих городов-государств и Рима; деспотия — принадлежность Азии, за пределы которой она не выходит; монархия существует только в Европе, у народов, образовавшихся из смешения римлян и германцев.

[162] *Гесперия* — буквально страна вечера, заходящего солнца, то есть Запад.

[163] *Бетика* — Франция.

[164] *Римляне тщетно предлагали каппадокийцам* — В 69 г. до н. э., когда римляне после победы над Митридатом вновь заняли Каппадокию, они предложили каппадокийцам независимость и республиканский строй, но те потребовали царя и получили его в лице Ариобарзана.

[165] *Двести тысяч ливров банковыми билетами.* — Речь идет о девальвации, произведенной правительством, когда дела банка Джона Ло пошли плохо: казна не принимала в уплату банковых билетов и требовала взносов серебром или золотом, притом по паритету с обесцененными бумажными деньгами.

[166] *Он опозорен навеки.* — Обесценение денег давало возможность должникам разорять своих кредиторов, уплачивая им в срок номинальную сумму долга, реально во много раз меньшую.

[167] *Акции* — акции банка Ло; говорящий мечтает, чтобы они поднялись до двух тысяч ливров.

[168] *Князь Пио* — испанский главнокомандующий.

[169] *Важный человек* — аббат или настоятель монастыря.

[170] *Квиетизм* — мистическое учение испанского богослова Молины; во Франции распространилось благодаря работам г-жи Гюийон (1648—1717).

[171] *Химия* — Монтескье имеет в виду алхимию.

[172] *Алгебра* — Монтескье употребляет здесь слово «алгебра» и «алгебраисты» в особом смысле: алгебра — это финансовые расчеты и вычисления, а алгебраисты — составители финансовых систем вроде Ло, Террасона и т. п. Термины эти в то время были общеупотребительны.

[173] *Сочинитель систем* — Джон Ло.

[174] *Знатоки утверждают, будто их только две и было-то сочинено.* — Имеются в виду «Илиада» и «Одиссея».

[175] *Шесть или семь коллегий.* — Эдиктом от 16 сентября 1715 г. было учреждено шесть коллегий вместо должностей государственных секретарей, существовавших при Людовике XIV.

[176] *Н*** взял нож.* — Имеется в виду герцог де Ноай; см. прим. 118.

[177] *Явился чужестранец* — то есть Джон Ло.

[178] *Ввергнуты в нищету* — вследствие падения акций банка Ло и обесценения бумажных денег.

[179] *На известной улице* — на улице Кенкампуа, где помещалась биржа и совершались фондовые сделки.

[180] *Шведская королева* — Ульрика-Элеонора (1685—1741), сестра Карла XII, после его смерти провозглашенная королевой (1718). Она отреклась от престола в 1720 г. в пользу своего мужа, принца Фридриха Гессен-Кассельского.

[181] *Христина* — королева шведская с 1632 по 1654 гг., одна из образованнейших женщин XVII в.

[182] *Парижский парламент только что сослан...* — 21 июля 1720 г. Заигрывания Филиппа Орлеанского с парламентом скоро кончились, ибо парламент занял резко оппозиционное положение относительно финансовой политики правительства и прожектерства Джона Ло, с одной стороны, а с другой — начал выступать с настойчивыми требованиями, чтобы с ним считались, как с собранием народных представителей. Париж ответил на изгнание парламента в Понтуаз дождем эпиграмм и песенок, в которых одинаково доставалось обеим сторонам.

[183] *Мантуанский лебедь* — Вергилий: он был уроженец Мантуи.

[184] *Милиарий* — столб, которым в древности отмечалась на дорогах каждая римская миля (около 1,5 *км*).

[185] *Родился ребенок.* — Речь идет о Джоне Ло: он был родом из Шотландии (в древности — Каледонии). Весь этот мнимый отрывок из старинной рукописи — сатира на «систему» Ло. Ср. «Дух законов», кн. XXII. гл. 10.

Ло (Law) *Джон* (1671—1729) — французский финансист, родом из Британии. В своем сочинении «Money and Trade» (1705 г.) и других работах доказывал целесообразность введения бумажных денег; в 1716 г. основал в Париже частный акционерный банк, превращенный в 1718 г. в государственный; учредил акционерную компанию для эксплуатации земель вдоль реки Миссисипи в Луизиане (Compagnie des Indes); с 1719 г. — генеральный контролер финансов Франции. Выпуск акций Compagnie des Indes вызвал бешеную биржевую спекуляцию, скоро приведшую к страшному краху. Банк, выпустивший при ничтожном обеспечении 3 млрд. ливров бумажных денег, оказался несостоятельным. Наступило его полное разорение. В 1720 г. Ло бежал в Брюссель.

[186] *Только два слова* — «курс акций».

[187] *Я строго вас накажу...* — Намек на приказ правительства о сдаче золота в казну.

[188] *Я тотчас же вернул вам половину.* — Вначале банк производил платежи наполовину своими билетами, наполовину звонкой монетой.

[189] *Доставьте их мне.* — Намек на королевский ордонанс от 20 июня 1720 г. о представлении в казну иностранной валюты.

[190] *Расстаньтесь с ними...* — Намек на правительственное постановление от 4 июля 1720 г.

[191] *Взять у вас половину ваших богатств.* — Намек на девальвацию.

[192] *И тотчас три четверти их бесследно исчезло.* — Постановлением от 15 сентября 1720 г. было объявлено, что банк отвечает за вложенные в него капиталы только четвертью золотого покрытия.

[193] *М. Г.* — комментаторы предполагают, что это означает «Мировая география».

[194] *С. О. И.* — по-видимому, «святой отец иезуит».

[195] *Отец Коссен* — Николя Коссен (1583—1651) — иезуит, духовник Людовика XIII, высланный из Парижа кардиналом Ришелье за попытки убедить короля отправить Ришелье в отставку и отказаться от проводимой кардиналом внешней политики.

[196] *Отец Родригес* — Альфонсо Родригес (1526—1616) — испанский прелат и богослов, иезуит, автор трактата «Зерцало человеческой жизни».

[197] Это письмо в некоторых изданиях отсутствует.

[198] *Автоматы* — животные. Декарт учил, что животные не имеют собственной воли, как и души вообще, и являются чисто «материальными» существами, действующими автоматически.

[199] *Я долго путешествовал по Инбии* — то есть по Франции.

[200] *Вонзали нож в грудь своих благодетелей.* — См. прим. 165.

[201] *Дубовые листья* — листы бумаги, ассигнации.

[202] *Я не сделал ничего такого, что не было бы дозволено законом* — то есть заплатил обесцененными кредитными билетами долг, сделанный в полноценной валюте.

[203] *Подвергает общему презрению даже наиболее прославленные имена.* — Монтескье намекает на судьбу одного из виднейших представителей высшей французской аристократии — Анри-Жана де Комон герцога де ла Форса (1675—1726), члена Французской Академии с 1715 г. Он был вице-президентом совета финансов и членом совета регентства, покровительствовал Джону Ло и после краха последнего подвергся преследованиям по обвинению в биржевой спекуляции.

[204] Это письмо, как и последующие, посвящено домашним делам Узбека. Автор поместил эти письма в конце книги, отказавшись от соблюдения хронологического порядка.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН

Это один из главных трудов Монтескье, явившийся результатом огромной работы автора над историческими и философскими источниками древности, с которыми Монтескье основательно ознакомился еще в период своего обучения в коллеже. При жизни автора это сочинение было издано два раза — в 1734 и в 1748 гг. Последнее издание было исправлено Монтескье. В основу настоящего русского перевода, выполненного А. И. Рубиным, положено издание 1748 г.

[1] *...скорее, он напоминал города Крыма...* — имеются в виду города Херсонеса Таврического (так назывался колонизованный в VI—V вв. до н. э. греками Крымский полуостров) и Боспорского царства: Херсонес (около современного Севастополя), Пантикапей (ныне Керчь), Феодосия, Нимфей и Мирмекей.

[2] *Форум* (*лат.* forum — рыночная площадь) — центр политической и культурной жизни римского города (площадь для народного собрания, отправления правосудия, местонахождения наиболее значительного храма). Наиболее известным был Римский форум (Forum Romanum).

[3] *...были построены при царях...* — царский период римской истории начался примерно в 750 г. до н. э. и продолжался 240 лет — примерно до 510 г. до н. э. Всего царей было 7. Первый из них — легендарный Ромул, за которым следовали Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций и 3 последних царя, происходивших из этрусской династии Тарквиниев — Тарквиний Приск (Древний), Сервий Туллий и самый последний римский царь Тарквиний Гордый, свержением и изгнанием которого закончился царский период и начался период Республики (см. Прим. 9 и 10).

[4] *Ромул* — первый римский царь Ромул (Romulos), который, согласно легенде, со своим братом-близнецом Ремом (оба они, согласно той же легенде, — сыновья Реи Сильвии, дочери царя Нумитора из Альба Лонги, и бога Марса — были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом) в 753 г. до н. э. основал на реке Тибр город Рим. Убив брата, Ромул населил Рим бесприютными беглецами, дал им в жены сабинянок и установил гражданское и военное устройство.

[5] *Сабины* (сабиняне) — италийское племя, жившее в центральной Италии севернее Рима. Занимались преимущественно скотоводством. В правление легендарного царя Тита Тация на сабинов напал Ромул. Согласно легенде о «похищении сабинянок», в недавно основанном Риме царила нехватка женщин. Ромул устроил игры, на которые пригласил соседних сабинов вместе с их семьями. Во время игр римляне похитили незамужних сабинянок. Это послужило причиной войны. Позже, во время битвы, сабинянки, ставшие уже женами и матерями римлян, бросились между сражающимися и тем самым принудили их заключить мир. После этого сабины переселились в Рим.

Второй легендарный римский царь Нума был сабином. От сабинов ведут свой род самниты и другие древнеиталийские племена. В 290 г. до н. э. М. Курий Дентат победил сабинов; они получили римское гражданство без права голоса (sine suffragio)

Сабеллы (Sabelli) — общее обозначение древнеиталийских племен, ведущих свое начало от сабинов: марруцины, марсы, пелигны, эквы, эквикулы, герники, вестины, пицены, самниты (наиболее могущественные), гирпины, френтаны, луканы и брутии. В современной научной исторической терминологии термином сабеллы чаще всего обозначают малые среднеиталийские племена, включая самих сабинов, противопоставляя им умбров на севере и самнитов-осков на юге.

[6] *Лакедемоняне* — жители Лакедемона, т. е. Лаконики, т. е. Спарты. В древности юго-восточная, гористая часть Пелопоннесского полуострова именовалась Лаконикой, откуда и пошли второе и третье название этого государства. В качестве официального названия Спарты почти всегда употреблялось «Лакедемон».

[7] *Итальянские республики...* — Монтескье имеет в виду множество италийских племенных государственных образований, многие из которых имели демократическую основу.

[8] *Нума* Помпилий (примерно 715—672) — по преданию, второй из семи римских царей, сабин по происхождению. С его именем, связан ряд правовых и религиозных реформ: установление законов, разделение граждан на сословия, введение религиозных обрядов, строительство храмов, учреждение жреческих и ремесленных коллегий и т. д. (именно он основал государственную религию, главнейшими богами которой были Юпитер, Юнона, Янус, Веста, Марс и Квирин, и установил культ, покоившийся на строгом церемониале).

[9] *Тарквиний* (Tarquinius) Гордый (правил с 508 по 507 г. до н. э.) — седьмой и последний царь так называемого царского периода Римской империи, представитель этрусского аристократического рода из города Тарквиния. Своей политикой вызвал недовольство родовой

знати. Прославился жестоким обращением с народом и патрициями, а также суровыми расправами со своими врагами. Был изгнан из Рима в результате восстания.

[10] *Секст* — старший сын последнего римского царя Тарквиния Гордого. Согласно преданию, он силой завладел женой Л. Тарквиния Коллатина Лукрецией, после чего та покончила с собой.

Лукреция — в римской истории прекрасная и добродетельная супруга Л. Т. Коллатина, опозоренная Секстом Тарквинием. Согласно легендарной версии именно ее самоубийство послужило поводом к началу восстания, которое в конечном итоге привело к свержению Тарквиния Гордого, изгнанию из Рима этрусков и к ликвидации в Риме царской власти. По преданию, именно с этого периода в Риме начинают избирать консулов, первой парой которых были муж Лукреции Л. Тарквиний Коллатин и Л. Юний Брут.

[11] *Генрих VII* (1457—1509) — английский король с 1485 г., первый из династии Тюдоров. Вступил на престол, одержав победу над Ричардом III в битве при Босворте. При нем были заложены основы английского абсолютизма.

[12] *Туллий* Сервий (578—535 гг. до н. э.) — шестой царь царского периода Древнего Рима, согласно легенде — сын одного из богов и рабыни Тарквиния Приска, который сделал его своим зятем. С его именем связана новая конституция Рима, опиравшаяся на греческие образцы, особенно на Солона. Ввиду значительно возросшего числа плебеев, выражавших все большее недовольство своим бесправным положением, что становилось опасным, он провел ряд существенных реформ, расцененных недовольными патрициями как недопустимо высокое покровительство плебеям. В результате организованного ими заговора Сервий был убит своим зятем Тарквинием Гордым.

Прежде всего Сервий разделил Рим на 4 трибы (вместо 3, существовавших до этого). Затем разделил все населения Рима на 5 классов по имуществу, с подразделением на центурии: во вновь учрежденных comitia centuriata право голосования имели и плебеи. Нет сомнения, что первоначально в центуриях были только люди, способные носить оружие, но они должны были быть также иметь недвижимое и движимое имущество. В основу деления, вероятно, было положено недвижимое имущество, т. е. земля с полным инвентарем. Не имевшие минимального ценза (proletarii или capite censi) — т. е. 6-й класс — были лишены права военной службы и голосования comitia centuriata; равным образом освобождались от военной службы сироты, вдовцы, ремесленники и вольноотпущенники. Пехота состояла из 170 центурий, всадников было 18 центурий; кроме того было еще 5 центурий (столяров, кузнецов, музыкантов и т. д.). Каждая центурия имела 1 голос. В первом классе было 98 центурий (из которых — 18 центурий всадников), а в остальных четырех классах вместе — 95 центурий; следовательно первый класс имел значительный перевес; но для плебеев было важно уже и то, что они были признаны гражданами и могли что-то решать в государственных делах вместе с патрициями.

[13] *Сенат* (senatus от *лат.* senex — старец, совет старейшин) — верховный орган власти в Древнем Риме периода Республики. В качестве совета старейшин существовал в Риме еще во время царей. С установлением республики он наряду с магистратами и народным собранием стал существенной составной частью общественной жизни. В его состав пожизненно входили бывшие магистраты и т. о. в сенате концентрировались политические силы и опыт Рима. Члены сената делились по рангам в соответствии с ранее занимаемыми должностями (консулы, преторы, эдилы, трибуны, квесторы). Во время дискуссий сенаторы получали слово согласно этим рангам. Во главе сената стоял наиболее заслуженный из сенаторов (princeps senatus). Сенат утверждал законы и результаты выборов, контролировал деятельность магистратов и давал им советы, решал вопросы внешней политики, вел надзор за финансами и соблюдением священных ритуалов. Таким образом, сенат фактически осуществлял руководство государством. Постановления сената (сенатус-консульты) имели силу закона, так же как и постановления народного собрания и собрания плебеев (плебисциты). Во времена Империи значение сената уменьшилось (он стал собранием представителей знатных семейств, не имеющим большого политического влияния). Сенатус-консульты сохранили силу законов, но принимались обычно по инициативе императора. Сначала сенаторов было 100 человек, с течением времени это число все возрастало, достигнув во времена поздней античности 2000 человек.

[14] *Консул* — одно из двух высших должностных лиц в Древнем Риме периода Республики (возможно, с 450 г. до н. э.), избиравшихся народным собранием сроком на 1 год. Консулы обладали высшей гражданской и военной властью. Вначале их избирали из числа патрициев, а с 367 г. до н. э. (Leges Liciniae Sestiae) один консул избирался из плебеев. В эпоху Империи консулы утратили реальное значение, их назначал на эту должность император. Звание консула превратилось в почетный титул, который, однако, давал возможность для продвижения на поприще государственной и военной службы. Кроме того, число консулов увеличилось.

[15] *Пирр* (*лат.* Pyrrhus) (319—272 до н. э.) — один из могущественнейших эллинистических властителей, талантливый полководец и дипломат; с 306 г. до н. э. — царь Эпира; пытался создать великую державу в системе эллинистических государств на Западе Средиземного моря, подобную той, что Александр Македонский создал на Востоке. Используя войну между диадохами, Пирр на короткое время занял Македонию (289—288 гг. до н. э.), затем Фессалию (287 г. до н. э.) и в 280 г. до н. э. высадился в Италии, где в том же году победил римлян в битве при Гераклее. Несмотря на тяжелые потери, он одержал победу при Аускуле (знаменитая «Пиррова победа»). Высадившись в Сицилии, завоевал почти все карфагенские крепости на острове (278—276 гг. до н. э.). В 275 г. до н. э., потерпев поражение в битве при Беневенте, возвратился в Эпир. В 274 г. до н. э. Пирр вновь завоевал Македонию, а в 273 г. до н. э. напал на Пелопоннесс, где и погиб в уличных боях в Аргосе.

Галлы (*лат.* galli) — римляне называли галлами жителей позднейшей Франции, а также Италии; современное обозначение этих племен — кельты. Это древние индоевропейские племена, обитавшие во 2-й половине I тысячелетия до н. э. на территории современных Франции, Бельгии, Швейцарии, южной части Германии, Австрии, северной Италии, северной и западной Испании, Британских островов, Чехии, частично Венгрии и Болгарии. Наиболее значительные племенные группы: бойи, гельветы, белги, секваны, эдуи и др.

В Италию галлы пришли, очевидно, с севера (но не из Франции); в 387 г. до н. э. они нанесли римлянам тяжелое поражение и захватили Рим. К началу 2-й Пунической войны римляне покорили бо́льшую часть галльской Италии (Цизальпийская Галлия); после войны все галлы в Италии оказались подвластными Риму. После окончательного покорения Галлии Цезарем (середина I в. до н. э.), ее жители подверглись стремительной романизации. Уже в середине I в. н. э. галльские ораторы могли с успехом выступать в Риме; доримский галльский язык стал постепенно отмирать.

Галлия (*лат.* Gallia) — в древности область, занимавшая территорию между рекой По и Альпами (Цизальпийская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия). Около 220 г. до н. э. территория Цизальпийской Галлии была подчинена римлянами и превращена в римскую провинцию; в 58—51 гг. до н. э. Цезарем была завоевана территория Трансальпийской Галлии, которая в 16 г. до н. э. была разделена на 4 римские провинции: Нарбонскую Галлию, Лугдунскую Галлию, Аквитанию и Белгику.

Ганнибал (*пунич.* Hannibal — дар Ваала) (247/246—183 до н. э.) — знаменитый карфагенский полководец, прославившийся военными действиями против римлян, сын Гамилькара Барки. С 221 г. до н. э. был главнокомандующим карфагенскими войсками в Испании. В ходе 2-й Пунической войны, чтобы помешать римским наступательным планам против Испании и Африки, предпринял поход через Пиренеи и Альпы, одержал победы при реках Тицин и Треббия (в 218 г. до н. э.), у Тразименского озера (в 217 г. до н. э.), при Каннах (в 216 г. до н. э.), после чего вторгся в Италию (в 211 г. до н. э. он угрожал Риму). Узнав о высадке П. Корнелия Сципиона в Африке в 203 г. до н. э. Ганнибал был вынужден вернуться в Карфаген. В 202 г. до н. э. при Заме (Северная Африка) он был побежден римлянами. Это поражение было его единственным военным поражением. Карфаген утратил значение великой державы. Ганнибал пытался провести там демократические реформы, но по требованию своих политических противников был вынужден покинуть город и отправиться в Сирию к Антиоху III. Однако после поражения, нанесенного в 190 г. до н. э. Антиоху римлянами, Ганнибал был вынужден вновь бежать — теперь уже в Вифинию к Прусию I. Когда в 183 г. до н. э. Рим потребовал его выдачи, Ганнибал отравился.

[16] *...туски были изнежены богатством и роскошью, тарентинцы, капуанцы, жители почти всех городов Кампании и Великой Гре-*

ции томились в бездействии и предавались наслаждениям. Но латины, герники, сабины, эквы и вольски страстно любили войну... —

Туски (этруски) (*лат.* etrusci, tusci, *греч.* tyrrhenoi, tyrsenoi) — среднеитальянский оседлый народ, населявший главным образом Этрурию, неевропейского (возможно, малоазиатского) происхождения. На базе высокоразвитой металлургии бронзы и железа и сельскохозяйственной техники у этрусков быстро произошел переход к латифундистским формам хозяйствования, образованию военной и жреческой знати (лукомоны) и к союзу рабовладельческих городов. С VI в. до н. э. этруски продвинулись на север, а долину реки По (Спина), на запад (Корсика) и на юг до Капуи, вследствие чего римляне попали под владычество этрусских царей Тарквиниев. Однако греки Южной Италии оттеснили этрусков обратно на север (524 и 474 гг. до н. э. — поражение при Кумах). В 510 г. до н. э. этруски потеряли Рим (в результате восстания против Тарквиния Гордого — см. Прим. 9 и 10), а в 421 г. до н. э. — Капую. В 400 г. до н. э. они были вытеснены галлами из Верхней Италии. К 282 г. до н. э. этрусков постепенно покорили римляне. Последняя попытка восстания этрусков против римского владычества была жестоко подавлена Суллой. С течением времени остатки этрусского населения были постепенно романизированы.

Тарентинцы — жители Тарента (см. Прим. 49).

Капуанцы — жители Капуи (см. Прим. 68).

Кампания — область на западе Италии; древнейшее население — оски. В VIII—VI вв. до н. э. Кампания интенсивно колонизовалась греками. В конце VI в. до н. э. она была захвачена этрусками, которые основали там город Капую и правили этой областью вплоть до 2-й половины V в. до н. э. (далее см. Прим. 68).

Великая Греция (*лат.* Magna Graecia) — группа греческих городов, находящихся в Южной Италии. Основание здесь городов греками началось в VIII в. до н. э. и наиболее древним из них был город Кимы. Наиболее важную роль в Великой Греции играли города Тарент, Сибарис, Кротон, Регий, Посидония и Неаполь. Внутренняя часть Южной Италии была населена италийскими племенами, с которыми у греков-поселенцев вскоре начались конфликты, к этому добавилась борьба между отдельными городами. Греческие колонии основывались в первую очередь как земледельческие поселения, однако вскоре преобладающим занятием их населения стала торговая деятельность. После того как Кротон в 510 г. до н. э. разрушил богатый, конкурировавший с ним Сибарис, наступил общий упадок. Впоследствии южноиталийские греческие города вели постоянную борьбу сначала с этрусками, затем с карфагенянами и, наконец, с римлянами, которым они в конечном итоге и уступили. Последним, после упорной борьбы, продолжавшейся с 282 по 272 гг. до н. э. пал Тарент. Греческий элемент в Великой Греции сохранился вплоть до эпохи Империи.

Латины — жители Лация, одно из основных италийских племен, проживавшее на территории от долины нижнего течения Тибра до Альбанской горы и на побережье Центральной Италии. В отношения с Римом латины вступили в период разложения у них родового

строя. С древних времен они занимались земледелием, скотоводством, умели проводить осушение почвы, проживали в укрепленных поселениях и имели общие святилища.

Герники — древнеиталийские племена, входившие в общую группу сабеллов, ведущих свое начало от сабинов (см. Прим. 5). Их отношения с Римом развивались примерно так же, как и у латинов, т. е они так же, как и все другие италийские народы, входившие в римско-италийский союз, пользовались урезанными правами римского гражданства (sine suffragio) без права голоса и только после Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) им были предоставлены права римского гражданства. (см. Прим. 19).

Эквы — древнеиталийские племена, входившие в общую группу сабеллов, ведущих свое начало от сабинов (см. Прим. 5).

Вольски (*лат.* volsci) — италийское (оскское) племя, населявшее долину реки Лириса на юге Лация. Вольски успешно воевали с римлянами с начала V в. до н. э. В 338 г. до н. э. они были окончательно покорены римлянами. Города вольсков получили право римского гражданства (sine suffragio — без права голоса), т. е. статус муниципиев. Вскоре вольски романизовались и в античных источниках как самостоятельный народ не засвидетельствованы.

[17] *Альба* — имеется в виду город Альба Лонга (близ современного города Альбано), основанный, по преданию, Юлом, мифическим сыном Энея, у подножия Альбанской горы и считающийся предтечей Рима. В Древней Италии Альба Лонга был столицей и культурным центром латинов. По преданию же, одним из царей Альба Лонги был Нумитор, отец Реи Сильвии, который был свергнут своим братом Амулием, но позднее был возвращен на престол своими внуками Ромулом и Ремом. Согласно легенде, Альба Лонга была разрушена третьим римским царем Туллом Гостилием (Tullus Hostilius — 672—640 гг. до н. э.), который начал римскую экспансию; жителей Альба Лонги он переселил на Целийские холмы. Гостилий вел борьбу также и с сабинами и победил их. По преданию, он не почитал богов, за что они, разгневавшись, поразили его молнией.

[18] *Латин Сильвий* — Монтескье имеет в виду мифологического повелителя одного из царств в Древней Италии, сына Фавна и нимфы, супруга Аматы. Латин приютил Энея и отдал ему в жены свою дочь Лавинию. У Энея и Лавинии родился сын Юл (Асканий) — прародитель римского рода Юлиев и будущий основатель Альба Лонги. (В греческой мифологии Латин был сыном Одиссея и Кирки.)

[19] В 496 г. до н. э. римляне разбили латинов в битве у Регильского озера и в 493 г. до н. э. заключили с ними союз. Города, вошедшие в Латинский союз, обладали меньшими правами, чем Рим, и попытались в 340 г. до н. э. избавиться от его господствующего положения. В 338 г. до н. э. они потерпели окончательное поражение. Жители латинских городов, вошедших после этого в римско-италийский союз, пользовались урезанными правами римского гражданства (lus sine suffragio). Только после Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) латинам были предоставлены права римского гражданства.

[20] *Децемвиры* — (*лат.* decemviri — десять мужей, от decem — десять и vir — муж, человек) — в Древнем Риме всякая коллегия из 10 человек (чиновников, судей, жрецов и т. д., избираемая для выполнения специальных государственных поручений (судебных дел, вопросов культа, записи законов и т. д.). Наиболее известны коллегии децемвиров 451 и 450 гг. до н. э. Коллегия Д. 451 до н. э., состоявшая из патрициев, была избрана под давлением плебеев для написания законов. В 450 до н. э. для завершения законотворческой работы была избрана новая коллегия Д. из 5 патрициев и 5 плебеев. На время деятельности децемвиров консулы сложили с себя полномочия и вся полнота власти принадлежала децемвирам. Результатом деятельности коллегий децемвиров 451—450 гг. до н. э. явились знаменитые Законы двенадцати таблиц.

[21] *Вейи* (*лат.* Vei, близ совр. Изола-ди-Фарнезе) — богатый и могущественный этрусский город на берегу реки Кремеры (совр. Фосса-ди-Валка) к северу от Рима. После длительной борьбы с Римом (406—396 гг. до н. э.) Вейи были взяты Камиллом; жители были порабощены, город разгромлен, а владения Вейев объявлены общественной землей (ager publicus).

[22] *Самниты* — италийские племена Средней Италии, не составлявшие прочного политического единства; населяли центральную и южную часть Аппенин; в результате Самнитских войн к началу III в. до н. э. были покорены римлянами. Рим заложил в Самнии многочисленные колонии и конфисковал бóльшую часть плодородных земель. В 88 г. до н. э. самниты, как и все прочие италики, получили права римского гражданства.

Самнитские войны (в общей сложности 3 войны: с 343 до 290 гг. до н. э.) — между Римом и союзом италийских племен во главе с самнитами; велись за господство в Центральной Италии. В результате войн союз был распущен, а италийские племена подчинены Риму.

[23] *Вегеций* Ренат Флавий (Flavius Vegetius Renatus) — автор написанного около 400 г. н. э. «Краткого изложения военного дела» («Epitoma rei militaris») — своего рода устава староримской армии. Вегеций стремился путем возрождения римских традиций способствовать воссозданию боевого духа римской армии. Он составил также учебник по ветеринарии (Mulomedicina).

Легион (*лат.* legio от *лат.* legere — выбирать, собирать) — основное подразделение в армии Древнего Рима; первое название всего римского войска. В республиканский период легион насчитывал 4200 пехотинцев (принципы, гастаты, велиты) и 300 всадников. В IV в. до н. э. была проведена реформа, которая приписывается Камиллу, в результате которой легион стал включать в себя 10 манипул, каждая из которых делилась на 2 центурии. К началу 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) легион состоял уже из 30 манипул, сведенных в 10 когорт. Боевой порядок легиона состоял из 3 линий по 10 манипул в каждой. При Цезаре численность легиона составляла 3000 пехотинцев, 2000—3000 всадников, и 4000—5000 всадников, набранных из представителей галльских племен. При Августе была проведена но-

вая реорганизация легиона, и его численность возросла до 6100 пехотинцев и 726 всадников. В состав легиона входили также легкие и вспомогательные войска. К концу правления Августа римская армия насчитывала около 25 легионов и окончательно стала регулярной. В эпоху Империи легион состоял из 10 когорт (в когорте 5 центурий) и насчитывал 6095 пехотинцев, 726 всадников и вспомогательные войска. Легион имел парк метательных орудий, а также значительное количество различной боевой техники и оружейные мастерские.

[24] *Ливр* (*франц.* livre от *лат.* libra — римский фунт) — мера массы во Франции до введения метрической системы мер (1 ливр = 489,5 грамма).

[25] *Марсово поле* (Campus Martius) — низменность на левом берегу реки Тибр в Риме, расположенная за чертой города между рекой и холмами Панций, Капитолий и Квиринал, где устраивались военные смотры в честь бога войны Марса, а затем проводились спортивные соревнования и проходили народные собрания — центуриатные комиции.

Тибр (*лат.* Tiberus, *ит.* Tevere) — река в Центральной Италии, на берегу которой легендарная волчица нашла младенцев, братьев-близнецов Ромула и Рема — будущих основателей Рима, и вскормила их своим молоком. Истоки — в Апеннинах, в Ареццо, почти на пересечении границ современных провинций Тоскана, Марке и Эмилия-Романья; впадает в Тирренское море. В древности служила границей между Этрурией на западе и Умбрией на востоке, а позже между Этрурией с одной стороны и Лацием и территорией сабинов — с другой. Из-за суживающегося чуть ниже Рима русла Тибра, лежащие в низине районы города постоянно находились под угрозой затопления.

[26] *Гомер* (*греч.* Homeros, *лат.* Homerus) — полулегендарный эпический поэт Древней Греции, которому со времен античной традиции приписывается авторство эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», а также некоторых других произведений. Уже в древности о личности и времени жизни Гомера не было известно ничего достоверного. Принято считать, что он жил приблизительно в VIII в. до н. э. Будучи поэтом классической древности, он одновременно является великим учителем-наставником и образцом для всей античности. Легенды рисуют его слепым странствующим певцом, одним из аэдов. Полуфантастический образ Гомера породил в науке так называемый гомеровский вопрос, из проблемы авторства выросший до совокупности проблем, касающихся происхождения и развития древнегреческого эпоса (в том числе соотношения в нем фольклора и собственно литературного творчества. Монтескье неоднократно обращался к гомеровскому эпосу как замечательному памятнику древнего творчества.

[27] *Саллюстий* (Sallustius), Гай Саллюстий Крисп (86 — ок. 35 г. до н. э.) — римский политический деятель, сторонник Цезаря и ярый противник Цицерона, позже историк. Был противником власти нобилей и сторонником народной партии. Занимал посты квестора, народного трибуна, заседал в сенате. Во время гражданской войны сражался на стороне Цезаря, и тот назначил его претором с проконсульски-

ми полномочиями в новую провинцию Африка. Из сочинений Саллюстия до нас дошли письма к Цезарю, монографии «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», во фрагментах «История» в 5 книгах, охватывающая события 78—66 гг. до н. э. в Риме. Великий римский историк Тацит называл Саллюстия самым блистательным историком Рима.

Помпей Великий (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Будучи крупным землевладельцем (хотя и плебейского рода), выражал интересы аристократических кругов. В 70 г. до н. э. был консулом (совместно с Крассом). Несмотря на сопротивление сената, в 67 г. до н. э. получил на 3 года чрезвычайные полномочия для подавления морских разбоев и в течение 3 месяцев очистил Средиземное море от пиратов. В 66—64 гг. до н. э. одержал победы над Тиграном II и Митридатом VI Евпатором и создал в Передней Азии несколько провинциальных и клиентельских царств. После своего возвращения в Рим оказался в политическрй изоляции, ибо сенат и оптиматы боялись влиятельного полководца, а популяры уже имели своего вождя в лице Цезаря. В 60 г. до н. э. вступил в состав 1-го триумвирата, включавшего двух могущественных тогда деятелей Рима Красса и Цезаря. Триумвират был возобновлен в 56 г. до н. э. в Лукке. В 55 г. до н. э. Помпей снова стал консулом, после чего на 5 лет получил в управление Испанию. В политическом отношении сблизился с оптиматами и в 49 г. до н. э. стал верховным главнокомандующим над войсками партии сената. После вторжения Цезаря в Италию Помпей со своими войсками отправился в Грецию, где в 48 г. до н. э. потерпел поражение в битве при Фарсале, бежал в Египет, и там был предательски убит по приказу Птолемея XIII.

[28] *Манлий* — Тит Манлий Торкват, один из представителей патрицианского рода Манлиев (Manlius) в Древнем Риме. Получил прозвище «Торкват» после того, как победил в поединке галла и захватил в качестве трофея ожерелье (*лат.* torques). Консул во время одной из Латинских войн. Несмотря на победу, одержанную его сыном, приказал казнить его за неповиновение. Позднее его имя сделалось символом дисциплины в духе традиций Древнего Рима.

[29] *Нуманция* — иберийский город в Кастилии (Испания), центр сопротивления местных племен римской экспансии. В 133 г. до н. э. Сципион Младший разбил повстанцев и после 9-месячной осады разрушил Нуманцию.

Сципион Эмилиан — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну. Римское предание изображает Сципиона ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

[30] *Нумидия* — область в Северной Африке, выходящая к Средиземному морю; в древности была заселена племенами берберов (хамитского происхождения) и занимала территорию современного Алжира и часть Туниса. В 203 г. до н. э. была объединена под властью царя Масиниссы. Позднее стала занимать лишь восточную часть со-

временного Алжира. После гибели Югурты (104 г. до н. э.) западная область Нумидии отошла к Мавритании. В 46 г. до н. э. в результате римского завоевания Нумидия вошла в состав провинции Африка, а в 30 г. до н. э., при Юбе II, вновь приобрела формальную самостоятельность. В 25 г. до н. э. на правах диоцеза (с главным городом Кирта) она была объединена с римской провинцией Африка Проконсульская. Статус особой провинции (главный город Ламбесис) Нумидия впервые приобрела при Септимии Севере в 198 г. до н. э. В правление Диоклетиана Нумидия была разделена на 2 части: Нумидия Циртенская (главный город Цирта) и Милициана (главный город Ламбесис). Кульминацией борьбы против римского гнета было восстание под руководством Такфарината (17—24 гг. н. э.) и движение циркумцеллионов (IV—V вв. н. э.) Расцвет Нумидии, как и соседствующей с ней Африки, приходится на период римского владычества; в дальнейшем, при переселении народов, Нумидия также делила судьбу с Африкой: в V в. они были захвачены вандалами, в VI в. — византийцами, в конце VII в. — начале VIII в. — арабами.

Метелл Квинт Цецилий Нумидийский — римский государственный деятель и военачальник, консул в 109 г. до н. э.; предшественник Мария на посту главнокомандующего римской армией в войне с Югуртой (отсюда прозвище «Нумидийский»). В 100 г. до н. э. был сослан на остров Родос, поскольку оказался единственным сенатором, отказавшимся пообещать не препятствовать проведению в жизнь аграрного законопроекта, внесенного сторонником Мария Сатурнином.

[31] *Кимвры* (*лат.* Kimbrer) — германские племена, впервые появившиеся в Восточных Альпах в 113 г. до н. э. (пришли с Северного моря). Одерживая победу за победой над римскими войсками, проникли в Испанию, там соединились с родственными им тевтонами и вместе с ними достигли Италии; в 101 г. до н. э. были разбиты римским полководцем Гаем Марием при Верцеллах.

Тевтоны (*лат.* Teutonae) — германские племена; в 110 г. до н. э. вторглись в Галлию; соединившись с кимврами, вторглись в римские владения, в 102 г. до н. э. разбиты Марием при Аквах Секстийских. Позднее тевтонами иногда называли германцев вообще.

Марий (Marius) Гай (около 157—86 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, консул (в 107, 104—101, 100, 86 гг. до н. э.). Представитель интересов сословия «всадников». Провел реформу римской армии, заменив гражданское ополчение постоянной наемной армией, что способствовало профессионализации войска. Вследствие этой реформы по время гражданских войн в период поздней Республики армия стала орудием в борьбе за власть между богатыми и влиятельными политическими деятелями. Одержал победу над Югуртой (триумф в 104 г. до н. э.), разбил тевтонов и кимвров. В гражданской войне, положившей начало кризису республиканского строя и открывшей путь к установлению единоличной власти, возглавил противников оптиматов. После поражения бежал от Суллы в Африку. В 87 г. до н. э. захватил Рим и организовал жестокую расправу над своими политическими противниками.

[32] *Сулла* (Sulla) Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец, консул (в 88 до н. э.). Победив Гая Мария в гражданской войне, стал римским диктатором (82 г. до н. э.), проводил массовые репрессии. Его диктатура была направлена против всех демократических установлений и имела целью преодолеть государственный кризис Рима в духе идей оптиматов. Сулла вновь передал суды в руки сенаторов, ограничил полномочия народных трибунов и тем самым лишил главной опоры популяров и плебеев. Социальную основу диктатуры составляли сенаторская олигархия и войско. В 79 г. до н. э., признав, что не достиг своих целей, Сулла сложил с себя полномочия диктарора и вернулся к частной жизни.

Митридат — речь идет о понтийском царе Митридате VI Евпаторе (род. в 132 г. до н. э. в Синопе). По отцовской линии вел свое происхождение от Ахеменидов, был воспитан в духе традиций эллинистической культуры. В ходе территориальной экспансии столкнулся в Малой Азии с интересами Рима (завоевал Вифинию, Каппадокию, Пафлагонию, вступил в союз с царем Армении Тиграном II). Вел с Римом 3 войны: в 89—84, в 83—82 и в 74—64 гг. до н. э. В ходе 1-й войны Митридат захватил всю Малую Азию (римская провинция Азия), где приказал убить 80 тысяч римлян, разграбил Афины, но был разбит Суллой в битве при Херонее. Во 2-й войне Митридат защищал свои основные владения. В 3-й войне он потерпел окончательное поражение, попытался найти убежище у своего сына Фарнака, а когда тот поднял против отца мятеж, приказал рабу убить себя (в 63 г. до н. э. в Пантикапее).

[33] *Авл Геллий* (Aulus Gellius) — римский писатель, живший в Риме, родился около 130 г. н. э. Работая в Афинах, составил собрание трудов в 20 книгах «Аттические ночи» («Noctes atticae»). В этих книгах в форме непринужденных бесед и поучений изложены материалы из различных областей науки (история литературы и языка, философия, мифология, история). Сочетая научность и развлекательность, автор стремился содействовать использованию научных достижений в интересах всеобщего образования. Труды Геллия представляют весьма большую ценность, так как в них содержатся многочисленные выписки и цитаты из утраченных произведений античности.

[34] *Этруски* — см. Прим. 16 (*Туски*).

[35] *Велиты* (*лат.* velites, от velum — полотно) — одетые в холщовые рубахи, а не в металлические доспехи, легковооруженные солдаты, самые молодые и самые бедные воины римской армии. До реформы Мария (107 г. до н. э.) в каждом римском легионе было 1200 велитов, вооруженных каждый шестью 2-метровыми дротиками, луком, стрелами и пращой. Велиты использовались главным образом против боевых слонов.

[36] *Полибий* (ок. 200 — 120 гг. до н. э.) — древнегреческий историк из Мегалополиса, политик и командующий конницей ахейцев, сын влиятельного политического деятеля Ахейского союза. Принимал активное участие в политической жизни. Во время войн Рима против Македонии вначале занимал нейтральную позицию, но вско-

ре, хотя и довольно сдержанно, начал симпатизировать римлянам. После победы Рима под Пидной был обвинен своими противниками во враждебном отношении к Риму и вместе с тысячью других представителей ахейской знати был увезен в Италию и интернирован в Риме на 16 лет как заложник. Здесь под влиянием подружившегося с ним Сципиона Младшего, бывшего ревностным поклонником эллинской культуры, стал почитателем римского величия и власти. Сопровождал Сципиона в некоторых его походах. После разрушения Коринфа, опираясь на свое влияние, сумел улучшить участь побежденных, которые в знак благодарности воздвигли в его честь мраморную статую. Принимал участие в организации нового провинциального управления у ахейцев. Был автором «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились только первые 5), в которой осветил политическую историю отдельных стран и Рима в период, начиная с 264 г. до н. э. Полибий был сторонником такой формы правления, в которой сочетались бы монархические, аристократические и демократические установления. Таким идеальным политическим устройством он считал римский государственный сгрой. Монтескье привлекали компромиссные идеи Полибия.

Говоря о победе римлян над искусством лоцманов, Монтескье очевидно имеет в виду известные уже к тому времени навигационные приборы, в частности — лаг — подводное колесо с лопастями, вращаемое напором воды при движении судна и соединенное со счетчиком оборотов, показывающим пройденный путь.

[37] *Иосиф* Флавий (Iosephus Flavius) (род. в 37 г. н. э. в Иерусалиме — ум. ок. 100 г. в Риме) — древнееврейский писатель-историк; происходил из иудейского священнического рода. В качестве полководца участвовал в Иудейской войне (66—70 гг.); в 67 г. был взят в плен, а затем освобожден Веспасианом (отсюда имя Флавий). Принимал участие в походе римлян против его родины. Автор 7 книг «Иудейской войны» и 20 книг «Иудейских древностей» (от сотворения мира до Нерона), в которых показывает историческое значение своего народа наряду с другими народами. В сочинении «Против Апиона» выступает против клеветы, содержавшейся в памфлете против иудеев, написанном александрийцем Апионом. В своей автобиографии «Жизнь» пытается оправдаться от возводимых на него обвинений в измене своему народу.

[38] Монтескье имеет в виду случай, когда нумидийский царь Масинисса предоставив свою конницу Сципиону, тем самым сыграв решающую роль в его победе над Ганнибалом в 202 г. до н. э. в битве при Заме (см. Прим. 59).

[39] Лук, первоначально считавшийся греками оружием варваров, был принят на вооружение отрядов, поддерживающих порядок (скифские лучники в Афинах), а впоследствии, со времен Персидских войн, все в большей степени стал применяться как боевое тактическое оружие. Славой особо искусных лучников пользовались жители Крита. Высокие боевые качества лука были оценены римлянами в сражениях с германцами и ближневосточными народами; из лучников формировались специальные вспомогательные отряды.

[40] Пращники составляли отряд легковооруженных воинов, которые наряду с лучниками и метателями копий начинали дальний бой с помощью пращи — примитивного оружия пастухов. Раскрутив сплетенную из кожи петлю, пращники метали в противника камни и куски свинца. Они сражались в армиях ассирийцев, персов и греков. В карфагенском войске пращники являлись важным фактором боя. Большей частью ими были балеарские наемники, которые рассыпа́лись перед фронтом и прикрывали весь боевой порядок. Римляне также начали пользоваться пращниками с Балеарских островов начиная со 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н. э.). сначала в качестве наемников, а затем как союзников.

Карфагеняне, отвоевавшие Балеарские острова (Мальорка, Минорка и ряд мелких островов) у финикийцев, взяли на вооружение не только пращников, но и знаменитые балеарские метательные машины, которые впоследствии с таким успехом использовали и римляне. С 123—122 гг. до н. э. Балеарские острова окончательно отошли к Риму и, согласно августовскому административному делению, вошли в состав провинции Hispania Tarraconensis.

[41] *Афины* (Athenai) — город-государство (полис) в Аттике, игравшее ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни Греции; классический образец рабовладельческой демократии, достигший расцвета при Перикле (2-я половина V в. до н. э.). Вели постоянную борьбу (с переменным успехом) за гегемонию в Греции со Спартой, Фивами, Эгиной, Коринфом Пелопоннесским союзом и другими влиятельными (в разное время) греческими государствами и союзами государств. Во время Греко-персидских войн (500—449 до н. э.) играли видную роль в освободительной борьбе греков. В 480 и 479 гг. до н. э. были завоеваны персами, но продолжили борьбу (создав и возглавив, в частности, Афинский морской союз) вплоть до освобождения греческих малоазийских городов. В 404 г. до н. э. потерпели поражение в Пелопоннесской войне от государств Пелопоннесского союза. После битвы при Херонее в 338 г. до н. э. заключили союз с Македонией. Во время похода Александра Македонского в Азию предприняли попытку освободиться от македонской гегемонии, однако в 322 г. до н. э. потерпели поражение в Ламийской войне. С 317 по 307 гг. до н. э. находились под властью олигархического режима во главе с Деметрием Фалерским, доверенным лицом диадоха Кассандра. В последующий период играли незначительную политическую роль и находились под македонским влиянием. С 146 г. до н. э. по 395 г. н. э. были под властью Рима. В 88 г. до н. э. объединились с Митридатом VI Евпатором в борьбе против римлян; в 86 г. были завоеваны Суллой. С 395 по 1204 гг. Афины находились под властью Византии. С 1204 г. существовало Афинское герцогство со столицей в г. Афины, которое в 1458 г. было захвачено турками.

Деметрий Фалерский (*лат.* Demetrius Phalereus) (350—283 гг. до н. э.) — афинский философ и государственный деятель, сторонник Македонского царства, противник демократов. По поручению Кассандра в 317—307 гг. до н. э. управлял Афинами, в 307 г. до н. э. был из-

гнан Деметрием Полиоркетом, впоследствии приобрел доверие Птолемея I и стал его советником. Из 45 сочинений, написанных Деметрием Фалерским, имеются риторические, филологические, философские, исторические и политические труды (сохранились в виде фрагментов), в том числе отчет об управлнеии в Афинах.

[42] *Агис* — имеется в виду Агис IV — спартанский царь, правивший в 244—241 гг. до н. э., который задумал восстановить Ликургово устройство Спарты, с целью укрепления ее экономическгого и политического положения в Греции. Он начал с проведения в жизнь социально-экономической реформы, которая предусматривала раздачу земельных владений, принадлежащих знати, безземельным спартанцам. За этим последовал пересмотр норм, регулирующих имущественные отношения, возврат к строгим правилам жизни и поведения, а также к строгому военному воспитанию по традиции Ликурга. Планы Агиса IV были сорваны царем Леонидом II (в 241 г. до н. э. Агис был убит). Однако его реформы впоследствии были продолжены Клеоменом III.

Клеомен — имеется в виду спартанский царь Клеомен III (царствовал с 235 по 222 гг. до н. э.), сын Леонида II, боровшегося против реформ Агиса IV. После победы Спарты над Ахейским союзом Клеомен продолжил реформаторскую деятельность Агиса IV, действуя политическими мерами — ликвидировал должность эфоров и герусию (по его указу были убиты четыре эфора). Клеомен провел преобразования не только конституционно-правового характера, он организовал армию (по Македонскому образцу) и перестроил систему воспитания юношества в соответствии с принципами Ликурга. Стремясь предотвратить революционизирующее влияние спартанских реформ и воспрепятствовать распространению влияния Спарты на весь Пелопоннесс, Арат и Антигон Дозон заключили союз против Клеомена и разбили его при Салласии в 222 г. до н. э. Клеомен бежал в Египет и там покончил с собой в 219 г. до н. э. После его падения эфорат был вновь восстановлен. Политику Клеомена продолжал Набис.

Спарта (Лакедемон) — древнегреческий полис в Лаконике на полуострове Пелопоннес, превратившийся (после завоевания в VIII—VI вв. до н. э. южной части Пелопоннеса) в крупное государство. По преданию, государственный строй в Спарте был установлен Ликургом (IX—VIII вв. до н. э.). Спартиаты владели равными участками государственной земли с прикрепленными к ним илотами, сами занимаясь главным образом военным делом. Ремесло и торговля находились в руках периэков. Спарта являлась классическим образцом полиса с олигархическим государственным строем; государственные дела решала герусия, затем коллегия эфоров. Соперничество между Афинами и Спартой привело к Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.), победив в которой, Спарта утвердила свою гегемонию над всей Грецией. После поражения в войне с Фивами (сражения при Левктрах в 371 г. до н. э. и при Мантинее в 362 г. до н. э.) Спарта превратилась во второстепенное государство. В 146 г. до н. э. она была подчинена Римом, а в 27 г. до н. э. вошла в состав римской провинции Ахайя.

Ликург (ок. VIII в. до н. э.) — легендарный законодатель Спарты, создатель спартанского государственного строя. Якобы по велению Дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита в период между IX в. и 1-й половиной VII в. до н. э. он создал политические институты спартанского общества. В Спарте ему воздавались божественные почести. Личность Ликурга, так же как и приписываемые ему реформы, недостоверны. Согласно этим реформам вся земля была разделена на 9 или 10 тысяч равных участков и отдана в собственность жителям Спарты. В этой реформе нашел отражение переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому классовому обществу.

[43] *Ливий* Тит (Titus Livius) (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города» (142 книги; из них сохранилось 35 — о событиях периода до 293 г. до н. э. и 218—168 гг. до н. э.), в которой он дал описание быта и нравов древних римлян. Симпатии Ливия на стороне республики, тем не менее он не был в оппозиции к политическому режиму империи. Трудами Ливия Монтескье пользовался как источниками древности.

[44] *Гракхи*, братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus) (162—133 до н. э.), римский народный трибун 133 г. до н. э.; 2) Гай (Gaius Gracchus) (153—121 до н. э.), римский народный трибун 123 и 122 г. до н. э. Выдающиеся политические деятели Древнего Рима, выходцы из знатного плебейского рода. Целью проводимых ими реформ было возрождение свободного крестьянства и укрепление римского войска.

Реформа Тиберия Гракха была направлена на борьбу с обеднением оседлого крестьянства. Поскольку свободных земель для наделения ими граждан в Риме не было, Гракх предложил воспользоваться той частью общественной земли, которая была занята частными лицами на праве владения (possesio), а не собственности (dominium). Излишек земли предназначался Тиберием для наделения безземельных граждан участками в 30 югеров, не подлежавшими продаже или отчуждению и обложенными податью. Остававшиеся у владельцев 500 югеров обращались в их полную собственность. Вокруг этой идеи Гракха разразилась ожесточенная борьба, поскольку ее реализация противоречила интересам многих оптиматов и поэтому встретила сильное противодействие со стороны сената. В результате закон все-таки удалось принять, но ценой смещения (всенародным голосованием) второго трибуна Октавия, наложившего на закон Гракха вето. Недовольство знати было столь сильным, что во время выборов трибунов на следующий год (132 до н. э.) ею были организованы крупные беспорядки, в результате которых Тиберий Гракх был убит.

Через 10 лет, несмотря на сопротивления знати, народным трибуном был избран брат Тиберия Гракха Гай Гракх. Он избирался трибуном 2 года подряд и за это время предложил целый ряд законопроектов. Два из них были направлены на ограничение власти сената, которому принадлежало право распределять провинции между состоявшими в должности консулами и преторами, и он пользовался им для усиления своего влияния. Lex de provinciis consularibus Гракха обя-

зывала сенат определять заранее, до избрания новых консулов, те провинции, куда он предполагал их послать. Lex judiciaria выдвигал против сената новую капиталистическую аристократию, предоставив судебную власть в процессах против провинциальных магистратов всадникам вместо сенаторов. Другой ряд законов имел целью помочь римскому демосу. Сюда относится аграрный закон, о котором не сохранилось никаких сведений, и закон de re militari, сокращавший срок военной службы и устанавливавший выдачу солдатам амуниции за счет казны. Другими законами были законы lex frementaria, предоставлявший римским гражданам возможность покупать хлеб в общественных магазинах за полцены; lex viaria — закон о строительстве дорог, реализация которого предоставила в руки Гракха как строителя громадные денежные средства и давала ему возможность осуществлять вдоль новых дорог его аграрный закон и создавать новые поселения римских граждан в Италии. Далее шел закон о выведении 12 римских колоний в провинции и закон о предоставлении союзникам права римского гражданства. Против двух последних законов с ожесточением выступила сенатская партия. Довольно длительная борьба закончилась тем, что Гай Гракх не был избран трибуном в очередной раз, начались очередные беспорядками, Гракх бежал из Рима и приказал своему рабу убить себя.

[45] См. Прим. 15.

[46] См. Прим. 15 и 48.

[47] *Плутарх* (ок. 46—126 гг.) — писатель Древнего мира. Его произведения посвящены вопросам этики, религии, истории и биографиям греческих и римских деятелей. В них он выступает как философ-моралист, как приверженец монархического строя и поклонник Римской империи. Монтескье с большим уважением относился к Плутарху, считая его выдающимся мыслителем античности.

Македонская война — см. Прим. 15 (*Пирр*).

[48] *Эпир* (греч. Epeiros) — историко-географическая область на западе Греции, большей частью в горах Пинд (главный город — Янина); первоначальное местопребывание греков. Жители острова Керкира называли Эпиром противолежащий материк, позднее — местность к западу от Фессалии по другую сторону горной цепи Пинд. Эпир был заселен иллирийскими племенами, греки рассматривали их как варваров. Вследствие влажного климата Эпир развивался как аграрная страна, политическая и хозяйственная отсталость которой стояли на пути ее дальнейшего прогресса. Лишь в IV в. до н. э. началось постепенное становление городской культуры с ростом торговли и ремесел, с эллинизированием племен и образованием единого государства под властью племенного царства молоссов, к которому принадлежал Пирр.

При Пирре в конце IV — начале III вв. до н. э. на территории Эпира образовалось одноименное государство. После смерти Пирра (с 234—233 гг. до н. э.) Эпир оставался слабым племенным союзом, который до римской оккупации в 168 г. до н. э. находился под сильным македонским влиянием (Эпирская симмахия). В римской империи Эпир

был первоначально частью провинции Ахайя, в 27 г. до н. э. отделенной от Македонии, а позднее стал самостоятельной провинцией.

[49] *Тарент* (*лат.* Tarent, *греч.* Taras, *ит.* Taranto) — город и порт в Южной Италии на берегу залива Таранто, занимавший удобное географическое положение. Был заселен еще в микенское время; в 708 г. до н. э. превратился в колонию Спарты; в IV в. до н. э. достиг своего наивысшего рацвета. При Архите Тарентском, философе (представителе пифагореизма) и видном государственном деятеле, Тарент становится во главе союза италийских греческих городов. В 282 г. до н. э. Тарент ищет защиты от Рима у Пирра Эпирского, а в 272 г. до н. э. становится уже союзником Рима. В 212—209 гг. до н. э. Ганнибал захватил город, непокоренной осталась лишь крепость. В 123 г. до н. э. Тарент становится римской колонией (Colonia Neptunia), а после отсготского господства, в середине VI в., превращается в византийский город.

[50] *Карфаген* (*лат.* Carthago, *греч.* Karchedon, *пунийское* Kart Hadšt — Новый город) — древний город-государство в Северной Африке (в районе современного города Тунис). Был основан в 825 г. до н. э. финикийцами, колонистами из Тира, как торговое поселение, которое должно было служить промежуточным пунктом на пути в Южную Испанию. С 600 г. до н. э. Карфаген превращается в важнейший торговый и портовый город Западного Средиземноморья, господствующий над всеми финикийскими поселениями побережья Северной Африки, Южной Испании, Сицилии и Сардинии. Карфагенские купцы блокировали западную часть Средиземного моря и не допускали туда никого. Попытки греков проникнуть в эту область пресекалась карфагенянами и их союзниками — этрусками и римлянами. В начале V в. до н. э. началась жестокая борьба между карфагенянами и сицилийскими греками за Сицилию. К началу III в. до н. э., завоевав Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Южную Испанию превратился в могущественную рабовладельческую державу Средиземноморья. Борьба Карфагена с противниками в Западном Средиземноморье велась с переменным успехом, пока в дело не вмешались римляне (264 г. до н. э., 1-я Пуническая война). Победив Пирра (в 275 г. до н. э.) и подчинив Тарент (в 272 г. до н. э.), Рим стал наиболее мощным противником Карфагена, одержав победу над ним в ходе 3-х Пунических войн. (Далее см. Прим. 51).

[51] *Пунические войны* — общее обозначение трех войн Рима против карфагенян (пунийцев). К III в. до н. э., когда Карфаген превратился в сильнейшую торговую и морскую державу Западного Средиземноморья, а Рим стал владыкой всей Италии, их стремления к господству столкнулись. Начавшиеся войны были с обеих сторон заранее спланированными и захватническими. В 1-й Пунической войне (264—241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. Гасдрубал в 226 г. до н. э. основал Новый Карфаген и заключил с Римом так называемый Эбрский договор, согласно которому река Эбро (Ибер) была признана границей между областями, тяготеющими к Риму, и областями, тяготеющими к Карфагену. После того, как Карфаген в

218 г. до н. э. разрушил союзный Риму Сагунт, Рим объявил Карфагену войну. Началась 2-я Пуническая война, в ходе которой (218—201 гг. до н. э.) Ганнибал в 218—216 гг. до н. э. чуть не завоевал Италию, но после потери Капуи, Сиракуз и Тарента в Испании вынужден был вернуться в Африку, где потерпел в 202 г. до н. э. от Сципиона поражение в битве при Заме. Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы. Однако при помощи реформ (переход к рабскому интенсивному плантаторскому хозяйству) он смог относительно быстро преодолеть последствия поражения и снова достиг экономической мощи. В Риме решили навеки уничтожить Карфаген как своего конкурента. Поэтому в 3-й Пунической войне (149—146 гг. до н. э.) он был разрушен, а его жители превращены в рабов. Город и страна стали составной частью Римского государства (провинция Африка).

[52] *Папская область* (Церковная область) — теократическое государство в 756—1870 гг. в Средней Италии, возглавлявшееся римским папой. Начало Папской области положил франкский король Пипин Короткий, подаривший папе территорию бывшего Равеннского экзархата. В 1861—1870 гг. Папская область вошла в состав Итальянского королевства.

Неаполитанское королевство — Монтескье имеет в виду государство в южной части Аппенинского полуострова, образовавшееся при распаде Сицилийского королевства и существовавшее с 1282 г. (формально с 1302 г.) по 1504 г. (с перерывом в 1442—1458 гг.). В 1504 г. Неаполитанское королевство стало владением Испании и вошло в состав Королевства обеих Сицилий.

[53] *Битва при Каннах* — битва, в которой Ганнибал в 216 г. до н. э. одержал знаменитую победу над численно превосходящими силами римлян с помощью искусного тактического маневра. Вошла в сокровищницу военного искусства как пример флангового охвата войск противника.

Канны — небольшой древнеиталийский городок, не имеющий ничего общего с французскими Каннами, расположенными на берегу Средиземного моря. Древние Канны находились в Апулии на реке Ауфид (Офанто), вблизи побережья Адриатического моря.

[54] *Агафокл* (*лат.* Agathocles) (360—289 гг. до н. э.) — сиракузский тиран (с 317 или с 316 гг. до н. э.). До 317 г. был предводителем войска, состоявшего из наемников и искателей приключений. В 313 г. до н. э., в период войны против Карфагена, основал Сицилийский союз городов, к которому при гегемонии Сиракуз принадлежали греческие города с сохранением их внутренней автономии. В 311—310 гг. до н. э. в союзе с Этрурией направился с войском к берегам Африки и подошел к самому Карфагену. После многочисленных сражений с карфагенянами и победы над своими политическими противниками к 304 г. до н. э. подчинил себе практически всю греческую часть Сицилии (почти все греческие города). Для поднятия политического престижа женился на дочери Птолемея I, отдал свою дочь замуж за Пирра и короновал себя царем сицилийцев. Агафокл планировал подчи-

нить себе также и южную часть Италии. Однако замыслы его были раскрыты, и он был отравлен. Поскольку у Агафокла не было сыновей, его преемников, в Сиракузах было восстановлено, согласно завещанию самого тирана, демократическое правление.

Регул Марк Атиллий — римский консул в 267 и 256 гг. до н. э. В 267 г. до н. э. завоевал Брундизий, в 256 г. до н. э. нанес поражение флоту Карфагена при Экноме (Южная Сицилия), после чего осуществил высадку римских войск в Африке, закончившуюся поражением и пленением самого Регула. Согласно легенде, после 5 лет плена он был отправлен в Рим с целью переговоров о мире и подготовки обмена пленными. Однако в речи перед римским сенатом сам Регул отверг предложения Карфагена, с которыми приехал, но будучи верен своему обещанию, вернулся в Карфаген, где был подвергнут мучительной смерти.

[55] *...первый Сципион...* — Публий Корнелий Сципион (235—183 гг. до н. э.) — знаменитый римский военачальник и государственный деятель. Принимал участие во 2-й Пунической войне, сражался у Течина и при Каннах, в 211 г. до н. э. стал проконсулом в Испании и получил верховное командование без предварительного прохождения магистратур; в 205 г. до н. э., после изгнания карфагенян из Испании, стал консулом, в 204 г. до н. э. руководил высадкой в Африке (отсюда прозвище Африканский Старший), в 202 г. до н. э. решил в пользу Рима исход битвы при Заме и тем самым исход всей 2-й Пунической войны.

[56] *Испания* — в древности территорию нынешней Испании заселяли иберы, в V—III вв. до н. э. там расселились кельты. К концу III в. до н. э. бóльшая часть этой территории оказалась под властью Карфагена, а к концу I в. до н. э. вся Испания была покорена Римом. Римлян сменили вестготы, раннефеодальное государство которых, существовавшее со 2-й половины V в. н. э., уничтожили арабы, в 711—718 гг. захватившие почти всю территорию Испании и создавшие ряд феодальных государств. В ходе Реконкисты (718—1492) возникли Испанские королевства Арагон, Кастилия и др. Со времени династической унии Кастилии и Арагона в 1479 г. Испания существует как единое государство.

[57] *Александрия* (*лат.* Alexandria) — поселение, основанное Александром Македонским в 332—332 гг. до н. э. в Египте в дельте Нила и служившее первоначально его стратегическим и административным целям. Из-за удобного расположения Птолемей сделал Александрию столицей своего государства (323—30 гг. до н. э.) и она довольно быстро превратилась в международный торговый, научный (Александрия была центром неоплатонизма и христианского богословия) и культурный центр Востока. План города разработал архитектор Дегинократ. Морской вход в Александрию украшало одно из семи чудес света — 110-метровый маяк на острове Фарос. В IV—V вв. постепенно наступил экономический и культурный упадок города, который полностью потерял свое экономическое, политическое и культурное значение с арабским завоеванием в 640 г. н. э..

[58] *...когда персы покорили его, они думали только о том, чтобы ослабить своих новых подданных. Но при греческих царях Египет завладел почти всей торговлей мира...* — в 322 г. до н. э. Египет, находившийся в то время под персидским владычеством (он являлся тогда провинцией Персии), был покорен Александром Македонским, после смерти которого полководец Александра, диадох Птолемей Сотер, сын Лага, в 305 г. до н. э. провозгласил себя царем Египта Птолемеем I, основав царскую династию Птолемеев (Лагидов). В истории Египта началась почти трехсотлетняя эллинистическая эпоха. Под владычеством Птолемеев национальная египетская культура постепенно вытесняется греческой, а город Александрия становится центром греческой учености. При последней представительнице династии царице Клеопатре после битвы при Акциуме в 30 г. до н. э. Египет был завоеван Римом и вошел в состав Римской империи в качестве провинции.

[59] *Масинисса* (ок. 240—149 гг. до н. э.) — царь массилиев, населявших Восточную Нумидию. Во 2-й Пунической войне поначалу был союзником Карфагена, однако в 206 г. до н. э. перешел на сторону Рима. Предоставив свою конницу Сципиону, Масинисса тем самым сыграл решающую роль в его победе над Ганнибалом в 202 г. до н. э. в битве при Заме. Вторжение Масинисса на карфагенскую территорию дало повод римлянам для начала 3-й Пунической войны (149—146 гг. до н. э.).

Битва при Заме — сражение между римлянами и карфагенянами, состояшееся в 202 г. до н. э. при городе Зама (Zama Regia), после того, как Ганнибал, потеряв Капую, Сиракузы и Тарент, был вынужден вернуться в Африку). Результатом сражения был полный разгром карфагенской армии римлянами, возглавляемыми Публием Корнелием Сципионом (это было единственное военное поражение Ганнибала), и окончание 2-й Пунической войны. Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы.

[60] *Аристотель* (384—322 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий мыслитель и педагог (создатель и руководитель афинского Ликея), учитель и воспитатель Александра Македонского, родом из города Стагира на востоке Халкидики). В своих трудах разрабатывал вопросы философии, логики, естествознания, психологии, истории, политики, этики, эстетики и т. д. Сторонник рабства, которое он оправдывал при помощи ссылок на биологию. Много внимания уделял проблеме государства и права. В отличие от Платона признавал объективное существование природы. Каждая вещь, по Аристотелю, состоит из материи и формы. Последняя является началом, организующим и одухотворяющим мертвую материю. В результате соединения материи и формы образуются новые вещи, явления и пр. Монтескье интересовался Аристотелем как теоретиком государства и права, выдающимся историком, но критиковал его за оправдание рабства.

[61] *...битва при Акции...* — В сражении при Акциуме, состоявшемся в 31 г. до н. э., триумвир Октавиан Август одержал решающую победу над над Марком Антонием и египетской царицей Клеопат-

рой, завершив тем самым гражданские войны (43—31 до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря.

Антоний Марк (Marcus Antonius) (ок. 83—30 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, сторонник Цезаря. В 43 г. до н. э. вместе с Октавианом и Лепидом образовал 2-й триумвират, разбив войска Брута и Кассия. В 42 г. до н. э. его войска одержали победу над убийцами Цезаря при Филиппах; Антоний получил в управление (практически единовластное) восточные области римской державы и стал быстро обогащаться за счет жестокой эксплуатации населения провинций. Сблизился с египетской царицей Клеопатрой, а затем и женился на ней. После объявления сенатом войны Клеопатре, поражения египетского флота и вступления возглавляемых Октавианом римских войск в Александрию, покончил жизнь самоубийством.

Август (до 27 г. до н. э. Октавиан) (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (с 27 г. до н. э.). Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. После смерти Цезаря принял участие в борьбе за власть и в октябре 43 г. до н. э. вместе со своим противником (в то время правителем Рима) римским полководцем Марком Антонием и Лепидом составил 2-й Триумвират. Победой при Акциуме завершил гражданские войны (43—31 до н. э.); сосредоточил в своих руках власть, сохранив, однако, традиционные республиканские учреждения — этот режим получил название принципат; преобразовал управление в провинциях; восстановил дисциплину в войске (при нем было завершено завоевание Испании, Паннонии, Далмации и Иллирии); украсил Рим великолепными архитектурными сооружениями; при Августе был золотой век римской литературы. Полное имя императора — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (Gaius Julius Caesar Octavianus Augustus).

[62] *Дуилий* Гай (Gaius Duilius) (годы рождения и смерти неизвестны) — римский полководец и политический деятель Будучи консулом в период 1-й Пунической войны (в 260 г. до н. э.), выиграл у карфагенян морское сражение при Милах, отмеченное триумфом Дуилия и сооружением на Форуме в Риме ростральной колонны, украшенной носами захваченных кораблей. Цензор в 158 г. до н. э.

[63] Монтескье здесь скорее всего имеет в виду создание (практически с «нуля») русского военного флота при Петре I в начале XVIII в., одержавшего ряд блистательных побед во время Северной войны, либо энергичные усилия выдающихся государственных деятелей Франции XVII в. кардинала де Ришелье и Ж. Б. Кольбера, направленные на развитие военно-морской мощи Франции (фактически на создание нового военного флота).

[64] *Сражения при Тесине, Требии и Тразимене... — Тесина* (Тицин, *лат.* Ticinus, ныне Ticini, или Tessino) — левый приток реки По, впадающий в последнюю ниже города Тицин (ныне Павия). Здесь в 218 г. до н. э. Ганнибал разбил римлян.

Требия (*лат.* Trebia, современная Trebbia — Треббия) — правый приток реки По. В 218 г. до н. э. Ганнибал разбил на Требии войска римского консула Семпрония Лонга.

Тразименское (*лат.* Trasumenus, или Trasymenus, или Trasimenus) озеро — озеро на востоке Этрурии, западнее Перурузии (ныне Lago di Perugia — Перуджа). Во время 2-й Пунической войны Ганнибал в 217 г. до н. э. разбил здесь римские войска Фламиния.

[65] *Дионисий Галикарнасский* (I в. до н. э. — I в. н. э.) — древнегреческий ритор и исторический писатель. В 30 г. до н. э. приехал в Рим, изучил латинский язык и был принят в аристократических кругах. Известен как представитель аттицизма, который писал также риторические труды и критические статьи о стиле аттических авторов, в том числе Фукидида, Демосфена и др. В написанных в риторическом стиле 20 книгах «Римских древностей», появившихся в 7 г. до н. э., исследуется римская история с древнейших времен до 1-й Пунической войны. Дионисий задался целью доказать мудрость римских законов и показать римскую доблесть, что должно было, по его мысли, примирить греков с римским господством (Дионисий отстаивал теорию о греческом происхождении римлян). Этот труд с 1-й по 10-ю книги сохранился полностью, 11-я книга сильно повреждена, а 12—20-я сохранились лишь в выдержках.

[66] *Кориолан* Гней Марций — легендарный полководец и герой римской истории, согласно преданиям завоевавший в 493 г. до н. э. вольский город Кориолы, за что и получил свое прозвище. В 491 г. до н. э. боролся против плебеев, которые добились затем его изгнания. Кориолан бежал к вольскам, с которыми в 489—488 гг. до н. э. выступил против Рима. Лишь уговоры матери Кориолана Ветурии и его жены Волумнии склонили Кориолана отступить от города. Когда Кориолан попытался оправдать свое решение перед вольсками в народном собрании, те набросились на него с камнями в руках и убили.

[67] *Венузия* (Venusia) — город в Апулии (ныне — Веноза (Venosa), на реке Ауфидус (Aufidus), у подножия горы Вултур (Vultur); место рождения Горация.

Теренций Варрон — Гай Теренций Варрон — римский консул III в. до н. э., (одновременно с Павлом Эмилием). Проиграл битву при Каннах против Ганнибала в 216 г. до н. э. (Не путать с военным и государственным деятелем, а затем великим ученым-энциклопедистом Марком Терренцием Варроном, жившим на век позже.)

[68] *Капуя* (Капуа — Capua) — город и крепость в Италии в провинции Казерта (Кампания), на реке Вольтурно. Древняя Капуя располагалась на 4 *км* восточнее современной. Согласно преданию она была основана Ремом и построена около 600 г. до н. э. этрусками. В 438 г. Капуя попала под самнитское господство. В борьбе против самнитов в 340 г. до н. э. она заключила союз с Римом. В 295 г. до н. э. в Капую была проложена Аппиева дорога. Во время 2-й Пунической войны в 216 г. до н. э. Капуя отделилась от Рима, однако в 211 г. до н. э. была подчинена им вновь. Многие из городских жителей были казнены, а капуанские земли объявлены ager publicus. В капуанской школе гладиаторов началось восстание Спартака. В 456 г. н. э. Капуя была разрушена вандалами.

[69] *Александр Великий* — Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г., выдающийся полководец и государственный деятель, прославился своими военными походами, благодаря которым маленькое государство Македония разрослось до гигантских размеров. Сын царя Филиппа II, воспитывался Аристотелем. В 338 г. участвовал в победе над греками при Херонее, в 336 г. подавил восстание греков, в 335 г. разрушил Фивы и был провозглашен предводителем греков в войне с персами. Победив персов при Гранике (334), Иссе (333) и Гавгамелах (331), подчинил себе царство Ахеменидов, вторгся в Среднюю Азию (329), завоевал земли до реки Инд, создав крупнейшую мировую монархию древности, которая, будучи лишенной прочной внутренней связи распалась после его смерти (умер в 323 г. в Вавилоне).

[70] *Кули Хан* — Монтескье по-видимому имеет в виду Тахмасп-Кули-хана, настоящее имя которого было Надир-шах. Имя и титул Тахмасп-Кули-хана он принял после того, как персидский хан Тахмасп II назначил его начальником своего войска (Тахмасп-Кули-хан означает «Хан — раб Тахмаспа»). После смерти Тахмаспа II Надир-шах сверг его преемника и узурпировал власть в Персии. В 1737—1738 гг. он совершил захватнический поход в Индию, захватил города Лахор и Дели, из которых вывез несметные сокровища. (См. Прим. 166).

[71] *Фабий* (Fabius) — Квинт Фабий Максим Веррукос — римский консул (в 233 г. до н. э.), а после поражения у Тразименского озера в 217 г. до н. э. — диктатор. Вел против войск Ганнибала сдерживающую войну (отсюда прозвище Кунктатор — Медлитель); в конце 2-й Пунической войны был противником наступательной стратегии Сципиона.

Марцелл Клавдий — римский военачальник и государственный деятель, происходивший из плебейской ветви Клавдиев. В 222—208 гг. до н. э. 5 раз избирался консулом, одержал победу над инсубрами; после поражения в битве при Каннах был противником Квинта Фабия Максима, делавшего ставку на изматывание сил противника длительной войной; позднее командовал армией, осаждавшей и захватившей Сиракузы (в 213—212 гг. до н. э.); в 207 г. до н. э. погиб в битве с Ганнибалом.

[72] *Сицилия* (греч. Fabius) — крупнейший остров Средиземного моря, преимущественно гористый, с вулканами, и с очень плодородным побережьем. Коренными жителями Сицилии были иберийцы-сиканы на западе и индоевропейцы-сикулы на востоке, перекочевавшие из Италии и давшие острову имя, а также элимы — остатки средиземноморского населения, жившие на западе близ города Сегеста. Первыми из колонистов на Сицилии появились финикийцы, основавшие здесь и на близлежащих островах многочисленные торговые поселения. С середины VIII в. до н. э. Сицилию начинают колонизировать греки, причем, сначала ионийцы, а затем дорийцы. Большинство их городов лежало на восточном и южном побережье (Сиракузы, Акрагант, Леонтина, Мессана и др.). В войне 409—405 гг. Сицилией, наконец, овладел Карфаген, которому не удалось захватить лишь Сиракузы, оказавшие под командованием Дионисия I ожесточенное сопротивление захватчикам. Дальнейшая история древней

Сицилии — это, практически, история Сиракуз. С Карфагеном с переменным успехом боролись на Сицилии цари Дионисий I, Тимолеон, Агафокл и Пирр. После 1-й Пунической войны Карфагену пришлось отказаться от Сицилии, которая в 227 г. до н. э. стала римским союзником и первой провинцией Рима (за исключением Сиракузского царства). После 2-й Пунической войны Марцелл в 212 г. до н. э. захватил Сицилию, которая превратилась в житницу Италии. Концентрация и усиление эксплуатации огромного числа рабов, трудившихся на местных латифундиях, привели к крупным восстаниям рабов, которые переросли в войны (136—132 и 104—99 гг. до н. э.). Секст Помпей в 43—36 гг. до н. э. превратил Сицилию в центр борьбы против Октавиана. В 440 г. н. э. на острове появились вандалы, в 453 г. — остготы. В 535 г. Сицилия стала византийской, а после 827 г. ее захватили сарацины, после которых в 1061 г. на Сицилию пришли норманны.

Сардиния (*греч.* Sardo) — крупнейший после Сицилии остров Средиземного моря, неиндоевропейское древнее население которого было родственно иберам. Примерно с 500 г. до н. э. остров колонизировали карфагеняне, изгнавшие греческих колонистов. В 238 г. до н. э. римляне. нарушив мир, заключенный после 1-й Пунической войны, захватили Сардинию и объявили ее римской провинцией. Тем не менее воинственные племена внутри острова не были покорены Римом. Римляне вели с ними жестокие войны. Так, Тиберий Семпроний Гракх, отец будущих трибунов, истребил и обратил в рабство 80 тысяч сардинцев. Главным городом острова был Каралес (ныне Кальяри). Около 450 г. н. э. Сардиния была захвачена вандалами.

[73] Имеется ввиду битва при Заме. (См. Прим. 59).

[74] *Талант* (*греч.* и *лат.* взвешенное) — самая крупная единица массы и денежно-счетная единица в Древней Греции. Как единица массы заимствована из Передней Азии, в Аттике равнялась 26,2 *кг*. Из одного таланта чеканили 6000 драхм (1 талант = 60 мин = 6000 драхм).

[75] *Филипп* — имеется в виду македонский царь Филипп V (238—179 гг. до н. э.), царствовавший с 221 г. до н. э. В 216 г. до н. э. заключил союз с Ганнибалом против Рима, но в 197 г. до н. э. был побежден Т. Квинкцием Фламинином у Киноскефал, что означало потерю гегемонии над Грецией.

Македония — Древняя Македония (*лат.* Macedonia) — историческая область на севере Греции, населенная скотоводами и земледельцами; позднее — государство V—II вв. до н. э., управляемое наследственным монархом, пользовавшимся поддержкой армии, и Советом военачальников, состоявшем из представителей богатых аристократических родов. Царь Филипп II к середине IV в. до н. э. завершил объединение собственно Македонии. С 359 по 338 гг. до н. э. он присоединил Фокиду, Фессалию, Халкидику, Фракию и другие государства и территории. В зависимость от Македонии попала Греция. Сын Филиппа Александр Македонский, завоевав территорию персидской державы, образовал огромную монархию, которая распалась

после его смерти (в 323 г. до н. э.). В самой Македонии в результате борьбы за власть между диадохами утвердилась династия Антигонидов. В результате Македонских войн (215—205, 200—197, 171—168 гг. до н. э.) с Римом Македония потерпела поражение и в 148 г. до н. э. была превращена в римскую провинцию.

[76] *Греция* — Древняя Греция (Эллада) — общее название территории древнегреческих государств на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря, побережье Фракии, по западной береговой полосе Малой Азии. Этнический состав греков в 3-м тысячелетии до н. э. весьма пестр: пеласги, лелеги и др., которых вытеснили и ассимилировали протогреческие племена — ахейцы и ионийцы. Первые раннеклассовые государства ахейцев (Кнос, Фест, Микены, Тиринф, Пилос и др.) образовались в начале 2-го тысячелетия до н. э. в эпоху бронзы. Вторжение дорийцев (ок. 1200 г. до н. э.) повлекло распад государств и оживление родовых отношений. К IX в. до н. э. Грецию заселяли: эолийцы — Северную Грецию, дорийцы — Среднюю Грецию и Пелопоннес, ионийцы — Аттику и острова. В результате борьбы демоса с родовой аристократией в VIII—VI вв. до н. э. в Греции сформировались полисы (города-государства). В зависимости от результатов борьбы земледельцев и ремесленников с родовой знатью государственная власть в полисе была либо демократической (в Афинах), либо олигархической (в Спарте, на острове Крит). В экономически развитых полисах (Коринф, Афины и др.) широко распространилось рабство; в Спарте, Аргосе и других государствах долго сохранялись пережитки родового строя. V—VI вв. — период высшего расцвета полисов. Он связан с возвышением Афин в результате победы греков в греко-персидских войнах (500—449 до н. э.) и созданием Делосского союза (во главе с Афинами). Время наивысшего могущества Афин, наибольшей демократизации политического строя и расцвета культуры — годы правления Перикла (443—429 до н. э.). Борьба между Афинами и Спартой за гегемонию в Греции и противоречия между Афинами и Коринфом за торговые пути привели к Пелопоннесской войне (431—404 до н. э.), которая завершилась поражением Афин. В середине IV в. до н. э. на севере Греции возвысилась Македония. Ее царь Филипп II, одержав победу при Херонее (338 до н. э.) над коалицией греческих городов, подчинил Грецию. После распада державы Александра Македонского, в так называемый период эллинизма (III—II вв. до н. э.) в Греции преобладали государства и союзы военного типа (Македония, Ахейский союз, Этолийский союз), оспаривавшие господство в Греции. Со 146 г. до н. э. (после разгрома римлянами Ахейского союза) Греция подчинялась Риму (с 27 г. до н. э. на ее территории образована римская провинция Ахайя). С IV в. н. э. Греция стала основной частью Восточной Римской империи.

Сирия — в начале 2-го тысячелетия до н. э. на территории современной Сирии существовали раннеклассовые государства. С середины 2-го тысячелетия до н. э. до 30-х гг. VII в. н. э. Сирия последовательно входила в состав государств Ближнего Востока (Древний Египет, Хеттское царство, Митанни, Ассирия, Нововавилонское царство,

государство Ахеменидов), была частью державы Александра Македонского, затем государства Селевкидов, Римской и Византийской империй. В VII в. н. э. была включена в состав Арабского халифата; в 661—750 гг. была политическим и культурным центром халифата Омейядов. В X — начале XVI вв. находилась под властью арабских, египетских, тюркских династий, а также крестоносцев.

Египет — Историю Древнего Египта принято делить на следующие периоды: Древнее царство (конец 4-го — 3-е тысячелетия до н. э.), Среднее царство (до XVI в. до н. э.), Новое царство (до конца XI в. до н. э.), поздний и персидский период (XI—IV вв. до н. э.. в VI—IV вв. до н. э. — под властью персов), эллинистический период (IV—I вв. до н. э. в составе государства Птолемеев). О Египте Птолемеевского периода см. Прим. 58.

[77] *Этолийцы* (этоляне) — жители Этолии — гористой местности в центральной части Древней Греции, занимавшиеся охотой и скотоводством (коневодством). Политическую роль этолийские племена стали играть в период правления Александра Македонского и во времена войн диадохов. В 370 г. до н. э. они основали Этолийский союз, к которому примкнули локряне и аркадяне; он представлял в центральной части Греции политический противовес Македонии. В 200—197 гг. до н. э. этолийцы сражались на стороне Рима против Македонии, а в 192 г. до н. э. вступили в союз с Антиохом III против римлян, которые в 146 г. до н. э. превратили некогда союзную им область в римскую провинцию.

Ахейцы — одно из основных древнегреческих племен, обитавших в Фессалии, с начала 2-го тысячелетия до н. э., и на Пелопоннесе. Государствами ахейцев были Микены, Пилос и др. Ахейцы участвовали в Троянской войне. В XII в. до н. э. они были вытеснены дорийцами в Малую Азию, на Кипр и другие острова, на север Пелопоннеса (область получила название Ахайя).

Ахейский союз — антимакедонская федерация древнегреческих городов в Пелопоннесе (ок. 280—146 гг. до н. э.). Распущен после завоевания Греции Римом.

Ахайя (*лат.* Achaia) — область, населенная ахейцами на севере Пелопоннеса. После победы над Македонией римляне подразумевали под Ахайей всю Грецию (как часть римской провинции Македония; с 27 г. до н. э. Ахайя — сенатская провинция с центром в Коринфе). В 67 г. н. э., в период правления Нерона, греки получили освобождение от налогов. С 395 г. н. э. Ахайя являлась частью Восточной Римкой империи.

Беотийцы — жители Беотии; афиняне считали их грубыми, мужиковатыми и неуклюжими людьми.

Беотия — наряду с соседней Аттикой наиболее значительная область в Центральной Греции. Славилась развитым высокоурожайным сельским хозяйством (виноградарство, зерноводство, скотоводство). Ведущую роль в союзе с другими беотийскими городами играли Фивы, которые после победы над спартанцами в 371 г. до н. э. при Левктрах временно распространили свое влияние на всю Гре-

цию; у Гомера — «семивратные Фивы». По преданию, основан Кадмом после того, как доиндоевропейское население было вытеснено греками (постройка крепости Кадмеи, 1400 г. до н. э.)

[78] *Фессалийцы* (фессалы) — племена, в X в. до н. э. заселившие Фессалию.

Фессалия — область на северо-востоке Греции, представляющая собой плодородную равнину, окруженную со всех сторон горами; в древности через нее проходили пути проникавших в Грецию различных племен, отсюда частое упоминание Фессалии в легендах и мифах. Фессалийцы почти всегда поддерживали добрые отношения с Афинами. В VI в. до н. э. Фессалия подверглась нападению со стороны Персии. Вследствие разногласий в фессалийских полисах в период с 369 по 358 гг. до н. э. власть над областью захватил Александр, тиран Фер, а с 352 г. до н. э. Фессалия находилась под протекторатом Македонии. После битвы при Киноскефалах (197 г. до н. э.) она попала под власть Рима, а с 27 г. до н. э. входила в состав римской провинции Ахайя.

[79] *Иллирия* (*лат.* Illyricum) — первоначальное название средней части Адриатического побережья около Шкодера (Северная Албания), распространившееся затем на весь северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная. Иллирийские племена прибрежных районов с 228 г. до н. э. попали под влияние римлян. С 168 г. до н. э. появляется римская провинция Иллирия, однако внутренние ее области были подчинены только Августом. После подавления Иллирийского восстания (6—9 гг. н. э.) провинция была поделена на Нижнюю Иллирию — Паннонию (*лат.* Provincia Illyricum inferior) и Верхнюю Иллирию — Далмацию (*лат.* Provincia Illyricum superior). Как таможенная зона, однако, Иллирия включала также Рецию, Норик, Мёзию и Дакию. Со времени Константина I Иллирия стала одной из четырех крупных префектур Римской, а затем и Восточной Римской империи и простиралась от нижнего течения Дуная до Греции.

[80] *Акарнания* (*лат.* Acarnania) — западная прибрежная область Центральной Греции между Амбракским заливом (современный Артрийский залив) и Коринфским заливом (современный Каледонический залив), омываемая Ионическим морем. Жители области занимались преимущественно выращиванием зерновых культур и винограда. Акарнания с ее открытым западным побережьем и расположенными в непосредственной близости от него островами Итака, Кефалления и Левкас имела важное стратегическое значение. В 342 г. до н. э. она заключила союз с Афинами против Спарты. В 27 г. до н. э. Акарнания была включена в состав римской сенатской провинции Ахайя. Жители Акарнании считались отсталыми в культурном отношении.

[81] *Демосфен* — выдающийся афинский оратор и политический деятель (384—322 гг. до н. э.), сын богатого оружейного мастера. В раннем возрасте потерял отца и обманом был лишен наследства опекунами. Несмотря на физический недостаток, он целеустремленно упражнялся в красноречии и привлек своих опекунов к суду. Впоследствии сочинял судебные речи для других. От адвокатской деятельности Де-

мосфен перешел к политике. Возглавив антимакедонскую партию в Афинах, он стал идейным вождем в борьбе против Филиппа II Македонского, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы (три «филиппики» и три «олинфские» речи против Филиппа Македонского), боролся за сохранение рабовладельческой демократии и за независимость Афин от Македонии. Демосфен был впутан в аферу с подкупом и вынужден был бежать из Афин (324 г. до н. э.). Хотя после смерти Александра Македонского Демосфен был призван в Афины, но после их очередного захвата македонцами он был осужден на смерть и принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей (македонского царя Антипатра и его сторонников). Сохранилась запись около 40 его речей.

[82] *Филипп* — имеется в виду македонский царь (примерно с 355 г. до н. э.; до этого, с 359 г. до н. э., был регентом) Филипп II (382—336 до н. э.), положивший начало македонскому господству в Греции и создавший предпосылки для создания мировой державы своего сына Александра. В 59 г. до н. э. завершил объединение Македонии. В 359—336 гг. до н. э. завоевал Фессалию, часть Иллирии, Эпир, Фракию и др. В 338 г. до н. э. (после битвы при Херонее) установил гегемонию Македонии над Грецией.

Антипатр (ум. в 319 г. до н. э.) — македонский полководец при Филиппе II и Александре III Македонском. Во время похода последнего в Азию, являлся наместником Македонии. В 331 г. до н. э. подавил восстание спартанцев, а после смерти Александра в 323 г. до н. э. — греков (Ламийская война). С кончиной Антипатра начался процесс распада империи Александра Македонского и возникновение государств диадохов (преемников Александра).

[83] Имеется в виду Филипп V (см. Прим. 75).

[84] *Киноскефалы* (*греч.* собачьи головы) — два холма в центральной Фессалии. В 364 г. до н. э. здесь, в сражении с Александром Ферским погиб Пелопид; в 197 г. до н. э. римляне под предводительством Квинтия Фламинина победили тут Филиппа V; на этом завершилось македонское владычество над Грецией.

[85] *Фаланга* (*греч.* palanx) — тесно сомкнутое линейное построение пехоты и конницы в Древней Греции и Македонии. Тяжелая пехотная фаланга имела 8—16 (реже 25) шеренг. Обладала большой ударной силой, но была малоподвижна. Спартанская фаланга состояла из 8 шеренг, причем расстояние между шеренгами на марше составляло 2 *м*, во время атаки — 1 *м*, а при отражении нападения — 0,5 *м*; фронтальная протяженность при 8-тысячной численности войска достигала 1 *км*. Афинская фаланга напоминала спартанскую. Македонская фаланга состояла из 16—18 тысяч воинов и была построена в 8, 10, 12 и 24 шеренги. Численность фаланги в армиях государств диадохов доходила до 16 584 воинов.

Ударная сила фаланги заключалась во фронтальном ударе, наносимом на короткой дистанции; фаланга была уязвима на флангах и в тылу; кроме того, она была не состоянии сражаться на пересеченной местности.

На раннем этапе римской истории легион, подобно фаланге, выстраивался из 8 шеренг; позднее он был заменен подвижными подразделениями, называемыми манипулами и когортами. В период распада рабовладельческого строя в Древнем Риме (начиная с IV н. э.) снова возвратились к фаланговому построению, которое, в общем, подходило только для обороны.

[86] *Антиох* (Fabius) — речь идет о сирийском царе с 223 г. до н. э. Антиохе III Великом (242—187 до н. э.), правнуке Селевка I, который продолжил войну против Египта и сделал попытку распространить свою власть на восточные и западные территории. На Востоке после захвата в 209 г. Индии и Бактрии ему удалось расширить свои владения вплоть до Индии (206 г. до н. э.). На Западе его экспансия, натолкнувшись на упорное сопротивление римлян, окончилась неудачей (196 г. до н. э.). Антиох III потерпел поражение при Фермопилах в 191 г. до н. э. и при Магнесии в 190 г. до н. э. Ему пришлось отказаться от своих притязаний на территории к западу от Тавра и заплатить дань победителям (Арамейский мир 188 г. до н. э.).

[87] *Цари Сирии были самыми могущественными из преемников Александра.* — Цари Сирии — диадох Селевк и его преемники.

Преемники Александра — диадохи (*греч.* последователи) — полководцы Александра Македонского, которые после его смерти разделили между собой завоеванные территории, благодаря чему возникли новые государственные образования. Важнейшими из диадохов были: Антипатр в Македонии и Греции, Антигон во Фригии, Ликии и Памфилии, Птолемей в Египте, Селевк в Вавилонии и Сирии, Лисимах в Понте и Фракии. В результате борьбы диадохов за власть развились эллинистические государства Селевкидов (Вавилония и Сирия), Птолемеидов (Египет), Атталидов (Малая Азия, Пергам) и Антигонидов (Македония, Греция).

Дарий (*греч.* Dareios, *др.-перс.* Daraiavus) — здесь имеется в виду Дарий III (336—330 гг. до н. э.), царь огромного государства Ахеменидов, созданного еще Дарием I. Потерпел поражение от Александра Македонского в битвах при Иссе и Гавгамелах.

[88] *Селевк* (*греч.* Seleukos) — Селевк I Никатор (Победитель) (ок. 356—281 гг. до н. э.) — полководец Александра Македонского, основатель царства Селевкидов. С 323 г. до н. э. — сатрап, в 305—304 г. до н. э. принял царский титул. В результате победы над Антигоном при Ипсе в 301 г. до н. э. завоевал Сирию. В 281 г. до н. э., победив Лисимаха при Курупедионе, захватил многие области Малой Азии; благодаря этому его государство почти достигло размеров царства Александра Македонского. Разделил свое государство на несколько десятков областей, в которых многие города греческого типа (полисы) получили право на самоуправление. Предпринял поход на Македонию и в 281 г. до н. э. был убит.

Лизимах — Лисимах (род. ок. 360 г. до н. э. в Пелле) — военачальник и один из телохранителей Александра Македонского, диадох; с 305 г. до н. э. царь Фракии, которая досталась ему при разделе империи Александра наряду с частью Малой Азии. Был про-

тивником сохранения мировой империи Александра. Провозгласив себя царем, он не только создал самостоятельное государство, но и способствовал становлению других эллинистических государств. В войне против диадоха Деметрия и эпирского царя Пирра обеспечил свое господство над Македонией, частью Балканского полуострова и западными областями Малой Азии (там находилась его столица (Лисимахия). Погиб в битве с войсками Селевка при Курупедионе в 281 г. до н. э.

[89] *...царства Пергама, Каппадокии и Вифинии... — Пергам* (совр. Бергама) — крепость и город на северо-западе Малой Азии. В течение 150 лет существовал как самостоятельное государство (с 283 г. до н. э. и до завоевания Римом в 133 г. до н. э.). История Пергама как самостоятельного царства начинается с основания династии Атталидов. Оно достигло государственной независимости при царе Филетере (283—263 гг. до н. э.), ловко использовавшем в своих целях борьбу диадохов Лисимаха и Селевка. Эвмен I (263—241 гг. до н. э.) расширил Пергамское царство до побережья и до горы Иды (неподалеку от Трои). При царях Аттале I (241—197 гг. до н. э.) и его сыне Эвмене II (197—159 гг. до н. э.) Пергам не только сохранил свою независимость, но достиг высочайшего развития хозяйства, науки и культуры. В 133 г. до н. э., согласно завещанию Аттала III, Пергам стал римской территорией, тем самым лишившись своей независимости, хотя город Пергам и стал столицей римской провинции Азия (в 129 г. до н. э), которая страдала от эксплуатации римских откупщиков и дельцов, а также от высоких налогов.

Каппадокия — область в Малой Азии между Галисом и Евфратом; разделялась на Понтийскую Каппадокию (побережье Черного моря) и Внутреннюю Каппадокию. До 547 г. до н. э. была лидийской, а затем — персидской сатрапией (при Кире II); с 302 г. до н. э. была самостоятельной, а около 100 г. до н. э. ею завладел Митридат VI Евпатор; с 17 г. н. э. Каппадокия — римская провинция. Из Каппадокии вывозили алебастр, хрусталь и соль.

Вифиния — область на северо-западе Малой Азии, омываемая Пропонтидой и Понтом Эвксинским, первоначально населенная фракийцами. В период персидского господства в V в. до н. э. в Вифинии возросла власть местных племенных вождей, которым после продолжительной борьбы против диадохов удалось завоевать независимость. Никомед I основал в 264 г. до н. э. царство Никомедию. В период правления Никомеда II Вифиния превратилась в 149—128 гг. до н. э. в вассальное римское государство. В 74 г. до н. э. Никомед IV завещал его Риму. Вместе с Понтом Вифиния образовала римскую провинцию, наместником которой в 111—112 гг. до н. э. был Плиний Младший.

[90] *Египетское царство* — имеется в виду эллинистическое государство Птолемеидов (см. Прим. 58).

[91] *Персия* — государство в Азии, основанное царем Киром II Великим (? —530 до н. э.) путем объединения персов и мидян в одно государственное образование — Древнеперсидское царство. Преемник Кира

Камбиз (с 529 по 522 до н. э.) завоевал Египет. После подавления восстания Лжесмердиса (522—521 до н. э.) Дарий I Гистасп (с 522 по 486 до н. э.) восстановил государство и покорил после похода на скифов в 515 г. до н. э. Фракию и Македонию. Попытки Дария, а также его преемника Ксеркса I (с 486 по 465 до н. э.), подчинить себе греков закончились неудачей (480—479 до н. э.). При Артаксерксе I Лонгимане (Долгоруком) (с 465 по 424 до н. э.), Дарии II (с 423 по 404 до н. э.), Артаксерксе II Мнемоне (с 404 по 358 до н. э.) и Артаксерксе III Охе (с 358 по 338 до н. э.) Персия постоянно страдала от мятежей сатрапов и при Дарии III Кодомане (с 336 по 330 до н. э.) была покорена Александром Македонским. После распада Империи Александра на территории Персии сначала царствовали Селевкиды (312—256 до н. э.), затем, почти половину тысячелетия, Аршакиды, которые основали Парфянское царство (250 до н. э. — 224 н. э.). В 226 г. н. э. Ардашир-Папакан (Артаксеркс) (ок. 180 — 239 или 241) основал Среднеперсидское государство и династию Сасанидов. При Шапуре I (? —272), Шапуре II (? —370), Шапуре III (? —387) и Варахране IV (с 389 по 399) Персия процветала. При Хосрове I Ануширване (? —579) государство Сасанидов достигло наибольшего могущества, а при Хосрове II Парвизе (? —628), присоединившем к Персии восточные и южные провинции Византии, расширилось до максимальных пределов. Но уже в 651 г. персидские войска были разгромлены арабами, Персия стала частью Арабского халифата, а персы приняли ислам.

Персы — индо-европейский народ, названный по имени исторической области Персида (или Парса) (Parsua) в Юго-Западном Иране (совр. Фарса).

Парфянское царство — древнее государство в Азии (к юго-востоку от Каспийского моря), созданное в 250 г. до н. э. в результате завоевания независимости парфянами (иранское племя индо-европейского происхождения), руководимыми первым царем династии Аршакидов (Арсакидов), правившей Парфией весь период ее почти полутысячелетнего существования (до 224 г. н. э.). Период наивысшего расцвета царства приходится на середину I в. до н. э., когда его территория простиралась от Двуречья до Инда. Парфия была соперником Рима на Востоке. С 224 г. н. э. ее территория вошла в состав государства Сасанидов.

[92] *Кир* — Кир II Великий (Старший) (? —530 до н. э.) — первый царь (с 558 г. до н. э.) государства Ахеменидов. Завоевал Мидию, Лидию, греческие города в Малой Азии, значительную часть Средней Азии. В 539 г. до н. э. покорил Вавилон и Месопотамию. Погиб в 529 г. до н. э. во время похода в Среднюю Азию. Согласно античной традиции Кир Великий был смел, добр и терпим к покоренным народам. Так, он освободил иудеев из вавилонского плена, восстановил Иерусалим. Жизнь Кира II описали Геродот и Ксенофонт В романе «Киропедия» («Воспитание Кира») последний представил Кира идеальным правителем.

Лидийское царство — Лидия — историческая область на западе Малой Азии, располагавшаяся главным образом в долинах рек Герм

и Меандр, населенная племенами лидийцев. Через нее проходили важные торговые пути на Восток. После распада фригийского государства роль лидийцев усилилась, они освободились от власти киммерийцев, в VII в. до н. э. создали независимое государство, покорили греческие города на западном побережье Малой Азии, с которыми издавна поддерживали торговые и культурные связи. Столицей государства стал город Сарды, а правящей династией — Мермнады, которые утвердили свою власть над всем востоке Малой Азии до реки Галис. В 547 г. до н. э. персидский царь Кир II нанес поражение лидийскому царю Крезу, и Лидия стала персидской сатрапией. В 334 г. до н. э. Лидия стала частью державы Александра Македонского, а затем входила сначала в состав государства Селевкидов, затем Пергама и, наконец, Рима (составляла часть римской провинции Азия.).

[93] *Вавилон* — древний город в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада. В XIX—VI вв. до н. э. был столицей Вавилонии.

Вавилония — государство, существовавшее с начала 2-го тысячелетия до н. э. на юге Месопотамии (территория современного Ирака). В период своего расцвета (при Хаммурапи, в XVII в. до н. э.) представляло собой централизованное рабовладельческое государство. В 539 г. до н. э. было завоевано персами. В 331 г. до н. э. территория Вавилонии была отвоевана у персов Александром Македонским. После этого она вплоть до 140 г. до н. э. входила в состав государства Селевкидов, затем была завоевана парфянами и оставалась под их господством до 227 г. н. э. Римляне, боровшиеся с парфянами во времена императора Траяна (115 н. э.) и затем Септимия Севера (199 г.). на короткое время захватывали и Вавилонию. Наследниками парфян в плане господства в Вавилонии стали персы династии Сасанидов.

В данном случае Монтескье имеет в виду и Вавилон, и Вавилонию.

[94] *Антигон* — Монтескье имеет в виду Антигона I Одноглазого (ок. 319—301 до н. э.) — полководца Александра Македонского, одного из диадохов. Будучи наместником Фригии, Ликии и Памфилии, сделал попытку вместе с сыном Деметрием Полиоркетом основать собственное государство в Малой Азии (принял царский титул в 306 г. до н. э.). В 301 г. до н. э. потерпел поражение при Ипсе от Лисимаха и Селевка, что привело к окончательному расчленению Империи Александра Македонского.

[95] Филипп V Македонский.

[96] Монтескье говорит о ситуации, сложившейся к 1709 г. во Франции, в ходе так называемой Войны за Испанское наследство. Потерпев тяжелые поражения от войск антифранцузской коалиции, Людовик XIV пошел на переговоры с противником, соглашаясь на крупные территориальные и политические уступки. Однако, когда от него потребовали выступить против его внука Филиппа V, короля Испанского (ради утверждения которого на троне Испании и велась эта война), и свергнуть его с престола, старый король предпочел прервать переговоры и возобновить войну в крайне неблагоприятных для Франции условиях.

[97] Птолемеи.

[98] *Киренское царство* — Кирена — город и область (Киренаика) в Северной Африке. В 630 г. до н. э. здесь возникла греческая колония, основанная выходцами из Фер. Кирена была важным торговым пунктом: тут перегружали африканские товары, отсюда отправляли сильфий, пользовавшийся большим спросом как приправа и лекарственное растение. Кирена была единственной греческой колонией, в которой существовала царская власть. Особую значимость она приобрела благодаря школам врачей и философским школам (в Кирене родился Аристипп — философ, основавший киренскую сократическую школу древнегреческой философии). В IV в. до н. э. Кирена попала под власть Птолемеев, а в начале I в. до н. э. — римлян. В окончательное запустение Кирена пришла после потопленного в крови восстания иудеев 117 г. н. э.

Кипрское царство — Кипр (*греч.* Kypros) — остров в восточной части Средиземного моря, богатый медными месторождениями, откуда и произошло латинское название меди — cuprum); в древности — один из центров эгейской культуры. В XIII в до н. э. был колонизирован греками (ахейцами). С древнейших времен был важным культурным центром и главным перевалочным пунктом греческой торговли с Востоком и Африкой. Часто попадал под иноземное господство. С 1500 г. до н. э. и до колонизации ахейцами он принадлежал Египту, в 800 г. до н. э. перешел к финикийцам, в 709—669 гг. до н. э. на нем господствовали ассирийцы, а в 569—526 гг. до н. э. снова египтяне, которых сменили персы, которых, в свою очередь, в 333 г. до н. э. сменили македоняне, в 294 г. уступившие место птолемеевскому Египту. С 58 г. до н. э. Кипр вошел в состав римской провинции Киликия, а с 395 г. н. э. находился в составе Византии. В 648 г. он был завоеван арабами, в 965 г. — снова Византией, в 1191 г. — крестоносцами, в 1489—1571 гг. вновь принадлежал Византии, а в 1571—1878 гг. — Турции. Политический расцвет Кипра приходится на время правления царя города Саламин Евагора (411—374 гг. до н. э.. пользовавшегося большой самостоятельностью в составе персидской державы. Здесь речь идет о Кипре времен правления в Египте птолемеевской династии.

[99] *Родос* (*греч.* Rhodos — остров роз) — большой плодородный лесистый и гористый (до 1215 *м*) остров в Эгейском море у юго-западного побережья Малой Азии в группе островов Южные Спорады; с XIV в. до н. э. был занят ахейцами, которые около 1000 г. до н. э. были вытеснены дорийцами, поделившими территорию острова между тремя городами — Линдом, Ялисом и Камиром, которые вместе с Галикарнасом, Книдом и Косом составили так называемый дорийский Гексаполис (Союз шести городов). Города острова были участниками Афинского морского союза. В 411—407 г. до н. э. остров обретает политическую самостоятельность и, благодаря исключительно благоприятному для морской торговли с Азией и Египтом положению, превращается в торговый центр мирового значения. После смерти Александра Македонского Родос стремился отстоять свою независимость от эллинистических монархий и путем строго нейтралитета обеспечить

беспрепятственность торговых операций. В 305—304 гг. до н. э. городу Родос удалось успешно удержать осаду войск Деметрия Полиоркета. В память об этом событии при входе в гавань Родоса была поставлена бронзовая статуя Гелиоса (бога-покровителя острова) высотой около 37 *м* (Колосс Родосский, одно из 7-ми чудес света; в 227 г. до н. э. он обрушился в результате землетрясения). Наряду с Афинами и Александрией Родос становится одним из центров греческой культуры и науки, что сделало этот остров и крупным центром образования, особенно популярным среди знатных представителей римской молодежи: на Родосе обучались Тиберий Гракх, Помпей, Цицерон, Цезарь, Лукреций и Тиберий.

За поддержку римской политики Родос после победы над Антиохом III получил, помимо своих старых материковых владений (Перея), Карию и Ликию. Большей части этих территорий Родос лишился за промакедонскую позицию во время 3-й Македонской войны. Со 164 г. до н. э. Родос становится верным союзником Рима и сохраняет видимость политической самостоятельности. В 88 г. до н. э. Митридат VI Евпатор безуспешно пытался взять Родос осадой. В 1309 г. н. э. после двукратной смены владельцев он переходит в руки ордена иоаннитов.

[100] *Персей* (*лат.* Perseus) (род. ок. 213 г. до н. э.) — имеется в виду последний царь Македонии (с 179 по 168 до н. э.), во время своего правления попытавшийся восстановить македонскую гегемонию и противостоять римской экспансии на Восток; организовал и возглавил антиримскую коалицию и одержал несколько побед. Однако римской дипломатии при помощи его противника Эвмена II Пергамского удалось в значительной степени изолироватть Персея, несмотря на то, что он заключил союзы с греческими государствами и восточными владыками (Селевк IV, Прусий II). Когда римляне в 171 г. до н. э. начали против него 3-ю Македонскую войну, от Персея отпала основная часть союзников. После первых успехов (в союзе с Иллирией) Персей был разбит Эмилием Павлом в битве при Пидне (168 г. до н. э.). Это означало конец военного противостояния греческих городов и Македонии Риму. Умер Персей в 165 или 162 гг. до н. э. в плену в Альбе Фуцетс.

[101] *...латины и герники...* — см. Прим. 16, 19 и 5 (*Сабеллы*).

[102] *Аттал* — имеется в виду Аттал I Сотер (годы правления 241—197 до н. э.) — пергамский царь (Атталид), вел успешные оборонительные войны против племен галатов (кельтов) и галлов, но потерял часть своего государства при Селевкидах. В первой римско-македонской войне 215—205 гг. до н. э. выступал союзником Рима. Аттал I приказал возвести в Афинах и Дельфах роскошные здания, при его дворе жили ученые, художники, поэты, он собирал произведения искусства.

Эвмен — имеется в виду Эвмен II (*греч.*, *лат.* Eumenes), старший сын Аттала I, царь Пергама, сумевший дать отпор галатам. Его царство распространялось до Тавра, и благодаря союзу с Римом Эвмен II достиг господствующего положения в Малой Азии. Он оставил после

себя город Пергам в цветущем состоянии (строительство знаменитого алтаря Зевса); считался эллинистическим меценатом. При нем Пергам пережил наивысший расцвет в области науки (Гален) и искусства («пергамское барокко»).

[103] *Азия* — имеется в виду римская провинция Азия, столицей которой был город Пергам, который был также и столицей входящего в провинцию Азия бывшего Пергамского царства.

Ливия (*греч.* Libye, *лат.* Libya) — греческое название Африки. Позднее Ливией называли северо-восточную часть Африки (к западу от Египта) в отличие от римской провинции Африка, располагавшейся на территории к западу от Большого Сирта и к северу от Эфиопии.

Аттал — имеется в виду пергамский царь Аттал III, который в 133 г. до н. э. в своем завещании сделал римлян наследниками Пергамского царства при условии, что греческие города сохранят независимость.

Никомед — имеется в виду Никомед IV, завещавший Риму Вифинию, в которой он правил.

[104] *Прусий* — имя царей Вифинии. Прусий I (ок. 235—182 гг. до н. э.) — шурин, свояк или зять (муж сестры) Филиппа V Македонского. Принял бежавшего к нему из Сирии Ганнибала, которого по приказу римлян в 183 г. до н. э. собирался убить или выдать римлянам. Ганнибал опередил его, отравившись сам. Прусий II — сын Прусия I, царь Вифинии с 182 по 148 гг. до н. э.

[105] Монтескье имеет в виду историю с римским легатом Попилием, который очертил круг около Антиоха и сказал ему: «Раньше, чем выйти из этого круга, дай ответ, который я мог бы передать сенату». Антиох после небольших колебаний ответил: «Я исполню все то, что требует сенат».

[106] *Антий* (Antium) — укрепленный город вольсков в Лации, ныне Porto d'Anzo.

[107] Монтескье имеет в виду отношение Людовика XV к английскому королю Якову II, свергнутому с престола во время революции 1688 г.

[108] *Ликия* — горная местность в юго-восточной части Малой Азии; крупнейшие города Тлос и Ксанф; с 546 г. до н. э. находилась под властью персов. Затем население Ликии добровольно подчинилось Александру Македонскому. В III в. до н. э. Ликия вошла в состав царства Птолемеев, а в 197 г. до н. э. была завоевана Антиохом III. После разгрома армии Антиоха римляне передали Ликию Родосу. Ликийцы 3 раза восставали против власти Родоса и в 169 г. до н. э. завоевали независимость. Ликия объединила 23 города в самостоятельный союз. В 43 г. н. э. она стала римской провинцией.

[109] *Югурта* (Jugurtha) (160—104 до н. э.) — царь Нумидии с 117 г. до н. э., внук Масиниссы, унаследовал трон после смерти своего дяди Миципсы. Потерпел поражение от возглавляемых Марием римлян в Югуртинской войне 111—105 гг. до н. э., бежал к своему тестю, царю Мавретании Бокху I, который, однако, выдал Югурту Сулле, которого Марий послал к Бокху на переговоры. Югурта был проведен

пленником в триумфе Мария, а затем казнен. Нумидия после поражения в войне была расчленена на 2 зависимые от Рима области.

[110] *Озеро Регилла* — имеется в виду Регильское озеро (см. Прим. 19).

[111] *Митридат* — см. Прим. 32.

[112] *Скифы* — собирательное название племен, населявших Северное Причерноморье с VII в. до н. э. по III в. н. э. Делились на царских скифов, скифов-кочевников и скифов-пахарей. Занимались земледелием, скотоводством, обработкой металлов, торговали с античными городами и государствами Северного Причерноморья. В 514 г. до н. э. скифы отразили нашествие персов. Их конница считалась грозной силой. В IV в. до н. э. они создали Скифское государство со столицей в Неаполе скифском, которое представляло собой объединение народов Северного Причерноморья во главе со скифами, и которое было уничтожено в III в. н. э. готами (после чего скифы растворились среди других племен). К концу прошлой эры и в первые века новой эры скифами чаще стали называть вытесняющих их из Северного Причерноморья сарматов (последнее собственно скифское княжество в Крыму еще во II в. до н. э. вошло в состав Понтийского царства); таким образом название «скифы» перешло впоследствии на племена сарматов и на большинство других кочевников, населявших причерноморские области.

[113] *Проскрипции* (*лат.* обнародованные объявления) — особые списки, на основании которых лица, попавшие в них, объявлялись вне закона. Всякий, кто убивал и выдавал этих людей, получал награду; имущество их подлежало конфискации, а рабы становились свободными. Имущество осужденных продавалось с аукциона. Известны в первую очередь пресловутые проскрипции Суллы 82 г. до н. э., при помощи которых он избавился от врагов сенатского и всаднического сословия. Конфискации имущества, связанные с проскрипциями Суллы, распространившиеся на членов семей, позволяли доносчикам обогащаться за счет невинно осужденных. Все это вело к значительным изменениям в сфере землевладения.

[114] *Тигран* — имеется в виду армянский царь Тигран II Великий (95—55 гг. до н. э.), прославленный объединитель армянских земель, зять Митридата VI Евпатора, царя Понта. Тигран II захватил часть Месопотамии, Сирию, Киликию, Каппадокию; в 77 г. до н. э. основал новую столицу — Тигранакерт. Его отказ выдать римлянам бежавшего Митридата послужил причиной начала войны с Лукуллом (69 г. до н. э.), окончившейся для Тиграна II неудачно. Более успешно он боролся против своего восставшего сына и парфян, но в 66 г. до н. э. вынужден был сложить оружие перед Помпеем и отказаться от захваченных ранее земель.

[115] *Лукулл* Луций Лициний (ок. 117—56 до н. э.) — римский полководец, квестор Суллы, в 86—80 гг. до н. э. проквестор восточной части Средиземного моря, в 79 г. до н. э. — эдил, в 78 г. до н. э. — претор, в 74—70 гг. до н. э. — проконсул Киликии в Азии. Нанес поражение царю Понта Митридату VI Евпатору, в 69 г. до н. э. разгро-

мил войска армянского царя Тиграна II. Однако неоднократно вспыхивавшие мятежи легионеров и недовольство влиятельных откупщиков налогов в Азии мерами, предпринимаемыми Лукуллом против спекуляции и ростовщичества (например, снижение процентной ставки с 48% до 12%) привели к закату его карьеры и смещению в 67 г. до н. э. с поста главнокомандующего. После отставки Лукулл жил в Риме и, будучи (по преданию) одним из богатейших людей своего времени, устраивал пышные пиры (отсюда выражение «лукуллов пир»).

[116] *... был в свою очередь побежден Суллой...* — см. Прим. 32.

[117] *Аракс* (Fabius) — река в Закавказье, приток Куры; верховья — в Турции; бо́льшая часть протекает по границе Армении с Турцией и Ираном, и по границе Азербайджана с Ираном.

Ла́зы (чаны) — одно из древних грузинских племен. В настоящее время — этнографическая группа грузин. Проживают в Турции и, частично, в Аджарии. Язык — чанский (лазский).

[118] *Босфор* — Боспор — название проливов, соединяющих Черное море с Мраморным и Азовское море с Черным. Первый из них назывался Фракийским Боспором, а второй — Киммерийским Боспором. Здесь Монтескье говорит о Фракийском Боспоре, соединявшем Пропонтиду (Мраморное море) и Понт Эвксинский (Черное море) и разделяющем Европу и Азию. Слово Боспор имеет, очевидно, фракийское происхождение и в греческом народном толковании значит «бычий брод».

[119] *Фарнак* — имеется в виду Фарнак II, сын Митридата VI Евпатора (Понтийского). В 64 г. до н. э., будучи наместником Боспора, отделился от отца, организовав мятеж и изгнав отца, когда тот попытался найти у него убежище, и был назначен Помпеем царем Боспорского государства (63—47 гг. до н. э.). Во время войны между Цезарем и Помпеем попытался отвоевать бывшее Понтийское царство, но был разбит в 47 г. до н. э. Цезарем под Зелой со знаменитым цезаревским лозунгом «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил») и вскоре был убит.

[120] *Хотя на таблицах, которые несли при его триумфе...* — имеется в виду триумф Помпея Великого в честь его победы над Митридатом VI Евпатором. (См. Прим. 27).

Триумф (в Древнем Риме) (*лат.* triumphus) — торжество в честь полководца-победителя. Триумф мог состояться только с разрешения сената и только в случае достойной победы (victoria iusta); это значило, что в ходе сражения должно было быть уничтожено не менее 5000 врагов. Триумф был заимствован римлянами у этрусков и в первоначальном виде представлял собой религиозный акт; лишь позже он приобрел вид торжественного восхваления победителя. Триумф устраивался только в честь диктатора, консула или претора, а в эпоху Римской империи и в честь принцепса. Триумфальное шествие, приветствуемое народом, начиналось на Марсовом поле и, пройдя через весь город к Форуму, заканчивалось у Капитолия. Шествие возглавляли сенаторы и магистраты, за ними несли военные трофеи, и толь-

ко потом следовал сам триумфатор в одежде пурпурного цвета, расшитой золотом, со скипетром из слоновой кости в руке и лавровым венком на голове (corona triumphalis). Триумфатор стоял на богато украшенной колеснице, которую везли лошади белой масти. За ним следовали воевавшие под его командованием солдаты, а также захваченные в сражении пленные. Заканчивалось торжество религиозными обрядами и угощением народа и воинов. Если повод для организации триумфального шествия казался недостаточным, то в этом случае полководцу-победителю устраивали небольшой триумф — овацию (ovatio).

[121] *Магистраты* (от *лат.* magistratus — начальник) — в Древнем Риме магистратуры — государственные должности, а люди их занимающие — магистраты. Высшие (курульные) магистраты — диктатор, децемвиры, консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы; низшие (некурульные) — народные трибуны, эдилы, квесторы и др. Высшие магистраты обладали верховной властью, все остальные имели право издавать указы по кругу своих обязанностей и налагать штрафы. Магистраты в Древнем Риме делились еще по одному принципу: на ординарных и экстраординарных. К последним относились, в частности, должности диктатора, командующего конницей и интеррекса. Ординарные магистраты выбирались, как правило, на 1 год и исполнялись, как минимум, 2-мя людьми (коллегиальный принцип).

После отмены царской власти (ок. 500 г. до н. э.) во главе Республики стояли 2 высших магистрата, принадлежавшие к патрициям. До конца не установлено, как они назывались (консулы или преторы), в чем заключалась их деятельность (только командование армией армией или также осуществление высшей гражданской власти). С середины V в. до н. э. дополнительно каждые 5 лет избирали 2-х цензоров на 18 месяцев и 2-х квесторов, заведовавших городскими финансами; с конца V в. до н. э. стали избирать еще 2-х квесторов, распоряжавшихся продажей пленных и военной добычей. В V — начале IV вв. до н. э. существовала высшая магистратурная должность — Tri-buni militum consulari potestate (военный трибун с консульской властью). Интересы плебеев защищали особые должностные лица — 2 плебей-ских эдила и 6 плебейских трибунов (постепенно их стало 10). С 367 г. до н. э. (по закону Лициния—Секстия) во главе высшей исполнительной власти стояли 2 консула (из которых один должен был быть плебеем) и 1 претор, а также 2 курульных эдила, принадлежавших к патрициям. По закону Виллия (180 г. до н. э.) был установлен минимальный возрастной ценз для магистратов, впоследствии неоднократно менявшейся. При Сулле (44 г. до н. э.) стали выбирать, кроме 2-х консулов, 8 преторов и 20 квесторов. Минимальный возрастной ценз составлял для претора 40, а для консула 43 года. Цезарь (в 44 г. до н. э.) довел число плебейских эдилов до 4, преторов — до 14—16, квесторов — до 40. В эпоху Империи выборные должности утратили политическое значение, но сохранились в сенатской Cursus honorum в качестве предпосылки для занятия новых, влиятельных постов.

Диктатор — в ранней Римской республике должностное лицо с чрезвычайными полномочиями на срок, не превышающий 6 месяцев. Назначался одним из консулов по предложению сената (в последний раз это произошло в 202 г. до н. э.). Позднейшие диктаторы (Сулла, Цезарь) не могут быть приравнены к диктаторам ранней Республики, поскольку далеко превосходили их как в отношении длительности пребывания в своей должности, так и по своим задачам и полноте власти.

Претор — в Древнем Риме первоначально высшее должностное лицо, затем с 367 (или 366) г. до н. э. младший коллега консула. С 242 г. до н. э. избирались 2 претора: один для ведения судебных дел между римскими гражданами, другой — между гражданами и чужеземцами.

Эдил (от *лат.* aedes □ храм) — городской магистрат. Наиболее известны римские магистраты. Первоначально, начиная с 491 г. до н. э., эдилы были помощниками народных трибунов и защищали интересы плебеев. Законами, изданными в 367 г. до н. э., в период правления Лициния и Секстия, к ним были добавлены 2 эдила, избиравшиеся из патрициев (курульные эдилы). В их обязанность входили надзор за строительством, состоянием улиц, храмов и рынков, а также раздача хлеба, проведение общественных игр и охрана государственной казны. В императорскую эпоху эдилы постепенно утратили свое значение.

Цензор (*лат.* censor) — римский магистрат, избиравшийся, как правило, каждые 5 лет на срок 18 месяцев из числа консуляров (бывших консулов). Основной задачей цензоров было проведение ценза и ревизия прежнего списка всадников и сенаторов. Цензор имел право исключать из списка имена и вписывать туда новые. Цензоры, таким образом, брали на себя функцию блюстителей нравственности граждан. Кроме того, в обязанности цензоров входило управление государственным бюджетом (отдача сбора налогов на откуп) и государственным имуществом и надзор за возведением и содержанием государственных построек — улиц, храмов, городских стен и т. д. В императорскую эпоху функции цензоров исполняли сами императоры.

Народные трибуны — или трибуны плебейские (*лат.* tribuni plebis) — в Древнем Риме выборные должностные лица из плебеев (с начала V в. до н. э.); обладали правом налагать запрет на постановления магистратов и сената. Избирались ежегодно на плебейских собраниях сначала 2, 4, потом 10 народных трибунов. Личность народного трибуна считалась неприкосновенной. В период империи они потеряли свое значение.

Квестор (*лат.* quaestor — изыскатель) — название 2-х финансовых магистратов в Риме, которые вначале назначались консулами, а с 447 г. до н. э. избирались народом. С 421 г. до н. э. существовало 4 квесторские должности, с 267 г. до н. э. — 8, при Сулле — 20, при Цезаре временно — 40. Городские квесторы заведовали казной, провинциальные — финансовым управлением провинций. Начиная с Суллы, квесторы образовывали низший класс в сенате. В императорское время вместе с уменьшением роли сената упало и значение квесто-

ров, поскольку управление имперскими финансами находилось в руках императора. Для этой цели в его распоряжении имелся собственный аппарат управления, руководимый чиновниками из всадников.

[122] *Патриции* — потомки patres (отцов), которые когда-то составляли царский сенат, в противоположность другому древнему сословию — плебсу. Различия между патрициями и плебеями в ходе борьбы сословий стирались, но все же у патрициев было преимущественное право по сравнению с плебеями в области религии. В то же время им оставались недоступными плебейские должности: трибунат и плебейский эдилитет. Помимо плебейских эдилов с 366 г. до н. э. начали действовать 2 курульных эдила. В одежде патриции отличались от других сословий особой обувью. Хотя ко времени принципата старые патрицианские роды вымерли, сословие пополнилось за счет неофитов, которых возвел в патрицианское достоинство император. В эпоху домината урожденных патрициев в основном не существовало. Титулом патриция награждал император. Этот титул был одним из высших званий в государстве, но он не был связан с должностью, а являлся только почетным званием (как более поздние «Ваша светлость» и «Ваше превосходительство»). В средние века патрициями называли высшие гражданские сословия.

[123] *Плебеи*, или *плебс* — (*лат.* plebeii, plebs) — в Древнем Риме вся масса римского народа, противопоставляемая патрициям. Первоначально свободное население, не входившее в родовую общину и не имевшее прав на пользование общинной землей. В результате упорной борьбы между сословиями (нач. V в. до н. э. — нач. III в. до н. э.) плебс добился включения в состав римского народа, уравнения в правах с патрициями. Важной вехой на этом пути явились Законы 12 таблиц. Начиная с 367 г. до н. э. один из двух консулов должен был быть плебеем.

Позже понятие «плебса» распространилось на низшие слои народа. Как в Риме, так и в других городах сохранялись различия между плебсом и привилегированными слоями населения. Но между ними не существовало непреодолимых барьеров, так как богатство и благосостояние были самым важным критерием. В позднеантичный период законодательство различало городской и сельский плебс. Приравнивание плебса к пролетариату неверно, поскольку плебс представлял собой народную массу, состоявшую из самых разных элементов: к их числу принадлежали врачи, художники, учителя, ремесленники, так называемый люмпен-пролетарат и др. В средние века плебеями (плебейством) называли низший, беднейший слой городского населения.

[124] *Народ, недовольный патрициями, удалился на Священную гору...* — Гортензий (Hortensius) Квинт (римский государственный деятель, в 287 г. до н. э., диктатор) убедил удалившихся на холм Яникул плебеев возвратиться в город, проведя закон о том, что решения плебса по трибам (плебисцит) ставятся наравне с постановлениями центуриатных комиций законами (leges), благодаря чему народные трибуны получили законодательную инициативу (закон Гортензия — *Lex*

Hortensia — *лат.*). Этим окончилось внутриполитическое развитие ранней Республики (борьба сословий).

[125] Монтескье имеет в виду народных трибунов.

[126] *Аусписция* (*лат.* auspicia — наблюдение за полетом птиц) — в Древнем Риме гадания по полету птиц и другие «божественным знамениям» (по крику животных, различным явлениям на небе и т. д.) с целью узнать волю богов. Право аусписции принадлежало магистратам. Совершались они перед началом какого-либо важного государственного акта в течение одного дня на том месте, где акт должен совершиться. Магистрат ночью в молчании садился на магистратское кресло в специальной палатке, произносил ряд формул и условий и ждал знамений.

[127] *Клиенты* — (*лат.* ед. ч. cliens) — в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдававшиеся под покровительство патрона; они получали его родовое имя и земельные наделы, неся сельскохозяйственные и военные повинности в его пользу. Происхождение класса спорно: это либо получившие свободу рабы, либо добровольно ушедшие в зависимость свободные жители Лациума. Не следует путать клиентов с плебеями.

Клиентела (лат. clientela, от cliens букв. послушный) — форма социальной зависимости, характерная для ранней стадии рабовладельческого строя в Италии (VI—III вв. до н. э.). Выражалась в персональном или коллективном подчинении клиентов главе рода или большой семьи, которому клиент был обязан прежде всего сельскохозяйственными повинностями с надельной земли и военной службой. Клиентами становились либо чужеродные, а позднее иноплеменники, попавшие в зависимость в результате завоевания, либо младшие сородичи. У знаменитых римских полководцев в клиентелах пребывали целые завоеванные ими народы.

[128] См. Прим. 44.

[129] *Цензура* — ценз (*лат.* census, от censeo — делаю опись, перепись) — в Древнем Риме перепись граждан всех граждан обоего пола с указанием имущества для определения их социально-политического, военного и податного положения, производившаяся в Риме каждые 5 лет цензорами, в обязанности которых входила классификация граждан по различным экономическим и политическим признакам. На основании переписи осуществлялось налогообложение и набор в армию. Одновременно каждый новый ценз служил ревизией предыдущего. Для ценза требовались такие данные, как полное имя, место рождения, имя отца или (для вольноотпущенных рабов) бывшего хозяина, возраст, подлежащая обложению налогом собственность. Каждый юридически самостоятельный гражданин был обязан сообщить эти данные лично под клятвой. Сведения о других лицах предоставлялись главой фамилии (pater familias) или опекуном. Важнейшим элементом в цензе было зачисление каждого гражданина в одну из триб, значение которых сильно возросло в середине V в. до н. э.: политические права граждан осуществлялись прежде всего именно в трибах (через участие в трибутных комициях). Цензоры имели право ис-

ключать гражданина из системы триб, признать всадника негодным к службе в коннице и вывести сенатора из состава сената. При этом они принимали в расчет не только чисто политические и административные соображения, но и личную жизнь каждого гражданина.

[130] *Всадники* (*греч.* hippéis, от hippos — конь; *лат.* equites, от equus — конь) — в ряде античных государств (Афинах, Риме, Фессалии и др.) наряду с аристократией — привилегированное сословие с высоким имущественным цензом; к всадникам принадлежали землевладельцы, военные, ростовщики, крупные торговцы и др.

В Риме, первоначально, в царскую эпоху (до 510 г. до н. э.) и в раннереспубликанский период — сражавшаяся верхом патрицианская знать. Впоследствии, в связи с образованием в Риме нобилитета в III в. до н. э. всадники превратились во второе после сенаторов сословие с имущественным цензом 400 тыс. сестерциев, развившееся позднее в римскую денежную аристократию.

[131] *Триба* — *tribus* (от *лат.* tres — три) — первоначально — каждое из 3 подразделений, на которые делилось население Рима по происхождению: Ramnes (Рамны — римляне), Taties (Тации — сабиняне) и Luceres (Луцеры — альбанцы или этруски). Позже трибы стали образовываться по территориальному признаку (4 городские и 16 провинциальных). Еще позднее Сервий Туллий разделил территорию Рима уже на 35 административных округов: 4 городские трибы (tribus urbanae) и 31 сельская (tribus rusticae).

[132] См. Прим. 12.

Центурия (*лат.* centuria — сотня) — введенная Сервием Туллием единица имущественно-возрастной классификации римских граждан, на основе которой комплектовалось войско. Кроме того, по центуриям проводились народные собрания — центуриатные комиции. Каждая центурия должна была выставлять по 100 воинов (реально, как правило, меньше), которые подчинялись центуриону. Несколько центурий вместе составляли класс (classis). (Вторым значением слова «центурия» является мера земельной площади, равнявшаяся двумстам югерам (первоначально — 100 наделов по 2 югера)).

[133] *Фабий* — очевидно Монтескье имеет в виду Максима Руллиана Фабия (Fabius) — римского консула, дважды бывшего диктатором, в 296 г. до н. э. победившего самнитов и галлов при Септиуме, умершего в 296 до н. э.

Аппий Клавдий Слепой — римский государственный деятель, цензор в 312 г. до н. э., консул в 307 и 296 гг. до н. э., претор в 295 г. до н. э., с 292 по 285 гг. до н. э. — диктатор. Несмотря на патрицианское происхождение, Аппий Клавдий реформами ликвидировал некоторые привилегии патрициев и расширил права плебеев; ввел в сенат потомков вольноотпущенников и зачислил в трибы безземельных граждан. При нем был построен первый римский водопровод и сооружена Аппиева дорога, соединившая Рим с Капуей; он дополнил римский алфавит. Аппия Клавдия считают также основателем юриспруденции. В 280 г. до н. э., уже будучи слепым, он произнес перед членами сената речь, в которой высказался против принятия мирных предложений Пирра.

[134] См. Прим. 20.

[135] Вероятно, Монтескье имеет в виду контрольную функцию Парламента Англии, которому после так называемой Славной революции 1688 г. подчинялся кабинет министров, формируемый на основе парламентского большинства.

[136] *Цезарь* (Caesar) Гай Юлий (102 или 100 с 44 до н. э.) — выдающийся политический деятель древности, римский диктатор (в 49, 48—46, 45 гг. до н. э., с 44 г. до н. э. — пожизненно), а также выдающийся полководец. В 84 г. до н. э. по политическим соображениям женился на дочери противника Суллы Цинны. Политическую свою карьеру начал после смерти Суллы в 789 г. до н. э., обвиняя сулланцев в деспотизме. В 74 г. до н. э. участвовал в войне против Митридата VI Евпатора и в 68 г. до н. э. был избран квестором. В 65 г. до н. э. женился на племяннице Суллы Помпее. В том же году, будучи уже эдилом, зовоевал расположение народа устройством пышных зрелищ и обновлением памятников Марию. В 63 г. до н. э. стал верховным жрецом (понтификом). После неудавшегося государственного переворота, предпринятого Катилиной, старался во время его разбирательства в сенате отклонить смертный приговор его участникам. После претуры в 62 г. до н. э. управлял провинцией Испания, где составил состояние и выплатил свои долги. В 59 г. до н. э. был избран консулом. Вместе с Помпеем и Крассом заключил первый триумвират. В должности консула ему удалось вопреки упорному противодействию сената провести в жизнь 2 аграрных закона в пользу ветеранов и неимущих граждан.

В 3-й раз Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, консула в 58 г. до н. э. Свою дочь Юлию он выдал замуж за Помпея. Как проконсулу народ назначил Цезарю на срок до 54 г. до н. э. Цизальпийскую Галлию с Иллириком, к которым сенат добавил еще Трансальпийскую Галлию (Южную Францию); затем этот срок был продлен еще на последующие 5 лет. В 58—51 гг. Цезарь захватил всю Галлию, 2 раза переправлялся через Рейн и также 2 раза высаживался в Британии. Во время встречи в Лукке был возобновлен союз между Цезарем, Помпеем и Крассом. Гибель Красса в 53 г. до н. э. возле Карр и смерть Юлии ослабили узы дружбы между Цезарем и Помпеем, который снова сблизился с оптиматами и предпринял попытку лишить Цезаря власти. После объявления в Риме военного положения Цезарь был поставлен перед выбором: либо сложить с себя власть, либо утвердиться с помощью военной силы. 10 января 49 г. до н. э. он начал войну форсированием реки Рубикон, игравшей в то время роль границы между Цизальпийской Галлией и Италией. В 48 г. до н. э. он нанес Помпею решительное поражение при Фарсале. Помпей бежал и был убит в Египте. После этого Цезарь одержал победу в Александрийской войне и сделал Клеопатру властительницей Египта. В 48 г. до н. э. он разбил при Тапсе собравшихся в Африке помпеянцев во главе с сыном Помпея Секстом, Катоном и другими, а в 47 г. до н. э. разгромил войска боспорского царя Фарнака. Возвратившись в Рим. Цезарь отпраздновал блестящие триумфы. В 45 г. до н. э. по-

бедой при Мунде ему удалось положить конец вооруженному сопротивлению сыновей Помпея. Теперь Цезарь являлся неограниченным властителем римского государства.

Стремясь привлечь на свою сторону как можно большее число представителей высших слоев общества, Цезарь проявил снисхождение в отношении побежденных. После победы при Фарсале он был объявлен пожизненно диктатором; ему были даны цензорские полномочия, трибунская власть. Сенат даровал Цезарю титул «императора» с правом передачи его потомкам и титул «отца отечества» (от титула rex — царь — он отказался). Однако против него большинством его бывших приверженцев был организован заговор во главе с Брутом и Кассием (по-существу, это был заговор сенатской аристократии, которую Цезарь так и не смог отстранить от управления государством) и во время созыва сената на мартовские иды 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит (заколот).

Стремясь к единовластию, Цезарь не пренебрегал никакими мерами для захвата власти. Он резко негативно относился как к аристократии (хотя по происхождению был аристократом), так и к демократии (хотя из демагогических целей организовал разгромленную Суллой демократическую партию), презирал религию (хотя был верховным жрецом римского государства). Стремясь свергнуть власть сената, использовал римскую демократию для давления на последний. Понятие «цезаризм» впоследствии становится обозначением военно-абсолютистской власти, лавирующей между социальными группировками. Прославился Цезарь и как писатель, автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданских войнах». Он провел также реформу календаря (Юлианский календарь). Монтескье, описывая законы германских народов, пользовался упомянутым выше трудом Цезаря «De bello Gallico».

[137] *...жители всей той страны, которая обращена к Ионическому морю, подняли восстание...* — Монтескье имеет в виду Союзническую войну — восстание автономных италийских племен против Рима в 90—88 гг. до н. э., предоставлявших римлянам вспомогательные войска и конницу, однако не имевших гражданских прав и потому подвергавшихся произволу римских властей (лишение права участия в распределении земли, строгое наказание непокорных, захват римскими латифундистами земель италийских крестьян). В ходе восстания бóльшая часть италийцев, объединившихся под предводительством марсов и самнитов (за исключением этрусков и умбров, у которых крупные землевладельцы обладали огромной властью и оставались верными Риму), основали самостоятельное государство со столицей, названной «Италия» (Корфиний), и, несмотря на ряд военных неудач, сумели путем вооруженной борьбы добиться предоставления им прав римских граждан, иными словами, равноправия.

[138] *Комиций* (от *лат.* co(m)ire — собираться) — народные собрания в Римской республике. Старейшей формой таких собраний был куриатский комиций, во главе которого стоял консул; затем Сервием Туллием был учрежден центуриатский комиций, охватывавший всех

граждан, имевших право носить оружие; позднее его сменил трибутский комиций под председательством трибунов и эдилов.

[139] Возможно, Монтескье имеет в виду Великобританию, которую он вполне мог назвать республикой, если учесть его пристрастное (положительное) отношение к происходящим в этой стране экономическим и социальным изменениям.

[140] *Эпикур* (ок. 341 — ок. 270 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, продолжатель «линии Демокрита» в философии. На основании накопленного после Демокрита опыта Эпикур развил дальше демокритовский атомизм. В учении Эпикура выражена догадка о внутреннем источнике движения материи. Признавая движение материи вечным, он пытался объяснить причину движения тяжестью. В теории познания Эпикур был сенсуалистом. Эпикур представляет интерес и как теоретик государства. У него впервые встречается представление о том, что государство покоится на общественном договоре.

[141] *Цицерон* (Cicero) Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, близкий к стоикам философ-эклектик, оратор и писатель. Сторонник республиканского строя. Из сочинений сохранились 58 судебных и политических речей, 19 трактатов по риторике, политике, философии и более 800 писем. В трактате «Республика» Цицерон освещает вопрос о лучших формах государственного устройства. Конституцию Римской республики он рассматривал как удачное сочетание демократии, аристократии и монархии, а в трактате «О законах» расценивает законы Рима как образец для всякого законодательства. Сочинения Цицерона — источник сведений об эпохе гражданских войн в Риме. Монтескье с большим интересом изучал работы этого мыслителя.

Аттик Тит Помпоний (110— 32 до н. э.) — богатый и влиятельный римский всадник, получивший имя Аттик вследствие того, что более 20 лет жил в Афинах. Будучи состоятельным землевладельцем, торговцем и финансистом, старался занять в неспокойное с политической точки зрения время нейтральную позицию между противоборствующими партиями. Это ограждало его от посягательств на его состояние и обеспечивало посредническую роль. Письма, написанные Цицероном, которого связывала с Аттиком многолетняя дружба, представляют собой исторический документ той эпохи. Аттик являлся высокообразованным и просвещенным человеком, он снискал себе известность публикацией и распространением литературных произведений. Для этой цели он располагал образованными рабами-переписчиками. Его собственное сочинение «Хроника» («Liber annalis») — краткий хронологический очерк об истории Рима со дня его основания.

[142] *Сестерций* (*лат.* sestertius, от semis tertius — половина трети) — первоначально (со 2-й половины III в. до н. э.) самая мелкая древнеримская серебряная монета достоинством 2,5 асса (а также 2,5 динария), бывшая в обращении до самого конца существования римского государства. В период поздней Римской республики сестерций был уже бронзовой (медной) монетой; Август велел чеканить его весом

23,7 *г* из латуни. В начальный период Римской империи вес сестерция часто уменьшался. После хозяйственных неурядиц в III в. н. э. чеканка сестериция прекратилась.

[143] *Авгуры* — римские жрецы, ритуалы которых были связаны первоначально с божествами плодородия; они улавливали поданные божеством знаки и их толковали. С течением времени выработалась целая наука авгуров, которые для своих предсказаний (авгурий) пользовались атмосферными явлениями (громом, молнией и т. д.), полетом и голосами птиц, кормлением священных кур, встречами с дикими зверями, отголосками звуков и пр. Особое значение придавалось гаданию по полету птиц (ауспиция). Облеченные властью римские государственные деятели должны были прибегать к ауспиции перед каждым крупным политическим или военным актом (выборами, битвами и т. д.), который совершался только при благополучном исходе гадания. Коллегия авгуров существовала вплоть до эпохи Империи. С течением времени гадания авгуров превратились в формальную процедуру; сами авгуры не верили в свои предсказания и смеялись над ними — отсюда выражение «улыбка авгуров».

[144] *Консуляр* (*лат.* consularis) — бывший консул; в императорскую эпоху этот титул давался как особое отличие также и тем, кто прежде консулом не являлся. В позднюю эпоху Римской империи консуляров посылали губернаторами в провинции.

[145] *Капитолий* (*лат.* Mons Capitolinus или Capitolium) — в широком смысле — один из 7-ми римских холмов; в узком смысле — одна из 2-х вершин Капитолийского холма (на другой вершине располагалась римская крепость (arx). Капитолий издревле был политическим и культовым центром Рима. При Тарквинии Древнем было начато, а при Тарквинии Гордом закончено строительство храма трех богов — Юпитера, Юноны и Минервы (Templum Iovis Capitolini); к этому храму восходили римские полководцы во время триумфальных шествий. На Капитолии находился государственный архив (Tabularium), а 269 г. до н. э. на другой вершине холма, где располагалась крепость, был возведен храм Юноны Монеты (Советчицы), при котором был римский монетный двор. Седловина между двумя вершинами холма стала позднее застраиваться домами богатой знати.

[146] *Вольноотпущенники* (*лат.* libertus, libertinus) — рабы, отпущенные на волю актом освобождения. В Греции было также распространено т. н. культовое освобождение, когда рабы посвящались богу и благодаря этому становились свободными, хотя и не гражданами (положение греческих вольноотпущенников было близко к положению метеков в Афинах). Кроме освобождения по воле господ, рабы, особенно в поздние времена, могли выкупить себя на свои сбережения. Греческие вольноотпущенники не получали гражданских прав. В Риме они могли подняться до высоких постов в государстве (особенно при Клавдии); сыновья вольноотпущенников во времена Империи могли стать всадниками и даже императорами (например Диоклетиан); но в основном они принадлежали к классу мелких производителей и были доверенными лицами своих патронов.

[147] См. Прим. 32.

[148] См. Прим. 27.

[149] См. Прим. 136.

[150] *Аппиан* (? — 70-е годы II в. н. э.) — историк Древнего Рима из Александрии, грек, приверженец монархического строя. Значение его трудов состоит в том, что он обратил известное внимание на роль классовой борьбы. Автор «Римской истории» от основания Рима до начала II в. (на греческом языке); из 24 книг до нас дошли целиком 6—9 и 11—17, полностью утрачены 18—24. Излагал историю отдельных областей Римской империи от начала борьбы этих областей с римлянами и до их завоевания Римом.

[151] См. Прим. 113.

[152] *Серторий* (123—72 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Под предводительством Мария воевал против кимвров и тевтонов. Будучи сторонником Мария и Цинны, оказался во вражде с Суллой и в результате его происков в 83 г. до н. э. был отправлен претором в Испанию. Оттуда он бежал в Мавретанию, но в 80 г. до н. э. вернулся и установил независимый от Рима режим, поддерживаемый старыми марианцами и местной аристократией. Победить Сертория после первоначальных неудач в 75 г. до н. э. (когда он заключил договор о взаимопомощи с Митридатом) удалось лишь Помпею. В 72 г. до н. э. Серторий погиб в результате заговора.

[153] *Красс* (Crassus) — Марк Лициний Красс, прозванный Богатым (ок. 115 — 53 до н. э.) — римский полководец; представитель оптиматов, сторонник Суллы; в период проскрипций Суллы на казнях и конфискациях нажил огромное состояние, которым умело пользовался в политических целях (например, финансировал устройство публичной трапезы на 10 тыс. столах). В 71 г. до н. э. подавил восстание Спартака. В 70 и 55 гг. до н. э. избирался консулом В 60 г. до н. э., вместе с Цезарем и Помпеем, заключил 1-й триумвират, в котором богатство Красса сочеталось с властью Помпея и мудростью Цезаря, и в 55 г. до н. э. на 5 лет получил римскую провинцию Сирию. Погиб во время войны с парфянами в сражении при Каррах (возле излучины Евфрата в северо-восточной Месопотамии).

[154] *Катон* (Cato) Марк Порций, названный Утическим или Младшим (96—46 до н. э.) — внук Катона Старшего; изучал в Риме философию: приверженец стоического учения; представлял интересы оптиматов. В 72 г. до н. э. вместе с войсками Красса сражался против Спартака; в 62 г. до н. э. в качестве трибуна голосовал в сенате с консулом Цицероном за казнь участников заговора Катилины. Выступая за сохранение аристократической республики, видел в Цезаре опаснейшего врага и решительным образом объявил себя его противником. В 49 г. до н. э., с началом гражданской войны, вынужден был бежать, спасаясь от Цезаря, через Сицилию, Родос и Кирену в Утику (Северная Африка), где в 46 г. до н. э. после поражения при Тапсе решился на добровольную смерть, бросившись на собственный меч. Яростный поборник Римской республики как государственной формы правления, Катон считался позднее противником единовластия. Сво-

им современникам он казался самодовольным политиком и доктринером. Несмотря на это, его влияние было столь огромным, что Цезарь вынужден был написать 2 памфлета, направленных против прославления Катона его современниками, в первую очередь Цицероном.

[155] См. Прим. 136 и 15.

[156] *Рубикон* (*лат.* Rubico) — река, стекавшая со склонов Апеннин и впадавшая в Адриатическое море к северу от города Аримина (Ariminium) (ныне город Римини), по которой до 42 г. до н. э. проходила граница между Италией и Цизальпийской Галлией (Северной Италией). Точная идентификация Рубикона с какой-либо из современных рек затруднена тем, что со времен античности реки в данной местности изменили направления течение. В 1932 г. название Рубикон было официально присвоено реке Фьюмичино.

Романия — Романья (Romagna) — историческая область на северо-западе Италии, находившаяся на территории южной части современной провинции Эмилия-Романья.

[157] *...Но для того чтобы обезопасить Рим от этих отрядов, было издано знаменитое сенатское постановление, которое можно видеть еще и теперь высеченным на камне, находящемся на пути из Римини в Цезену. Оно посвящает подземным богам и объявляет святотатцем и изменником родины каждого, кто перейдет через Рубикон с армией, легионом или даже с когортой...* — Нарушение этого сенатского постановления, т. е. закона, было преступлением, на которое можно было решиться лишь в крайнем случае, имея перед собой какие-то грандиозные цели. Цезарь, переходя в 49 г. до н. э. Рубикон со словами «жребий брошен», фактически объявлял войну Помпею и в его лице сенату, т. е. начинал гражданскую войну. Отсюда выражение «перейти Рубикон» — означающее принятие бесповоротного решения.

Римини (Rimini) — (см. Прим. 154).

Цезена — Чезена (Cesena) — город в в современной итальянской провинции Эмилия-Романья; известна своей знаменитой библиотекой.

Когорта (*лат.* cohors — группа собранных вместе людей, свита, вереница) — первоначально — военное соединение римских союзников; их пехотинцы составляли когорту численностью 500 человек и располагались на флангах легиона. Позднее когортой именовалось подразделение легиона. Вспомогательные войска римской армии, состоявшие из неримлян (auxilia), при Августе стали также подразделяться на алы и когорты.

[158] *Агамемнон* — мифический царь Микен, сын Атрея (поэтому называемый также Атридом) и Аэропы, брат Менелая; предводитель греческого войска в Троянской войне (в «Илиаде»). Славился мужеством и богатством, одновременно отличался властностью и надменностью. Для того, чтобы его флот мог отплыть к Трое, ему пришлось принести в жертву свою дочь Ифигению. После покорения Трои вернулся домой с плененной царевной Кассандрой и был коварно убит собственной женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом, которым отомстил сын Агамемнона Орест (трагедии Эсхила).

[159] *Фарсал* (*лат.* Pharsalus) — город в Фессалии, осажденный римлянами в 197 г. до н. э. во 2-й Македонской войне. Близ Фарсала в 48 г. до н. э. Цезарь одержал победу над Помпеем.

[160] *Сципион* — один из представителей патрицианского рода Корнелиев, потомок Павла Корнелия Сципиона, Павла Корнелия Сципиона Эмилиана и др.

Катон — имеется в виду Катон Младший, Утический. (См. Прим. 154.)

[161] *Когда Брут и Кассий восстановили положение, то такая же опрометчивость с их стороны погубила республику в третий раз.* — Монтескье, по-видимому, имеет в виду сначала убийство Брутом и Кассием Юлия Цезаря (чем они восстановили положение, т. е республику), а затем сокрушительное поражение собранного ими войска от войск триумвиров Октавиана и Антония (что и погубило республику в третий раз).

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — политический сторонник Цицерона; с 48 г. до н. э. — сторонник Цезаря, который в 46 г. до н. э. назначил его наместником римской провинции Цизальпийская Галлия, а в 44 г. до н. э. — претором. Позднее вместе с Гаем Кассием участвовал в заговоре против Цезаря, направленном на сохранение республиканской власти сената. После убийства Цезаря Бруту и Кассию пришлось бежать из Рима. Их войско потерпело поражение от войск Октавиана и Антония. Как убежденный стоик, Брут покончил жизнь самоубийством.

Кассий — Гай Кассий Лонгин — в 53 г. до н. э. в должности квестора спас от окончательного разгрома при Каррах римские войска, предводимые погибшим в сражении Крассом. После решительной битве при Фарсале он во главе отряда флота встретился в Геллеспонте с Цезарем, был им помилован и даже назначен легатом. В 44 г. до н. э. получил должность претора и тогда же вместе со своим шурином Брутом принял участие в заговоре против Цезаря. После поражения около Филипп в 42 г. до н. э. приказал одному из своих вольноотпущенников убить себя.

[162] В начале XIV в. при впавшем в безумие короле Карле VI Валуа образовались две феодальные группировки, боровшиеся за регентство. Одну возглавлял дядя короля герцог Филипп Бургундский (бургиньоны); другую брат Карла — герцог Людовик Орлеанский (орлеанцы или арманьяки — по имени родственника герцога, графа Бернара VII д'Арманьяка, представителя влиятельного южно-французского рода, коннетабля Франции). В 1407 г. герцог Орлеанский был убит по приказу герцога Бургундского, и между двумя партиями началась кровопролитная гражданская война, продолжавшаяся до 1435 г. В это же время возобновились военные действия между Францией и Англией (Столетняя война); герцоги Бургундские перешли на сторону англичан, которые с их помощью чуть не захватили всю Францию, тогда как арманьяки поддерживали дофина Карла (будущий Карл VII). Поражения англичан в войне с дофином побудили Филиппа Доброго, герцога Бургундского, разорвать союз с Англией и присоеди-

ниться к французам (Аррасский дорговор 1435 г.), что ускорило изгнание английских войск из Франции и окончание Столетней войны.

Лига (Святая Лига) — военно-политическая группировка французских ультра-католиков во время Религиозных войн XVI в, ставившая своей целью полное искоренение протестантов во Франции, а когда стала очевидной обреченность дома Валуа — и отстранение от престола вождя гугенотов Генриха Бурбона, короля Наваррского, ближайшего родственника пресекшейся династии Валуа. Возглавляли Лигу принцы Лотарингского дома (Гиз, Майенн, Меркёр и др.); некоторые из них сами претендовали на трон Франции. Военные победы Генриха Наваррского, его переход в католичество и политика личных сделок с вождями Лиги привели ее к полному краху и постепенному переходу ее вождей на сторону короля и объединению французской знати вокруг трона после 30 лет гражданских войн.

В царствование Людовика XIII, взошедшего на престол в 9-летнем возрасте принцы и крупные феодалы неоднократно поднимали мятежи против центрального правительства, однако так и не смогли разжечь крупномасштабной гражданской войны. Результатом этих мятежей стало усиление королевской власти и дальнейшее ослабление влияния высшей знати на дела государства во время нахождения у власти первого министра Людовика XIII кардинала А.-Ж. де Ришелье (1624—1642).

Гораздо более серьезными были смуты начала царствования Людовика XIV, получившие в истории название Фронда (1648—1653). Во Фронде соединились феодальные мятежи, городские и крестьянские восстания, сепаратистские движения отдельных провинций. Некоторые историки считают Фронду ранней и неудавшейся буржуазной революцией. Вооруженной силой, интригами и подкупом лидеров оппозиции правительство королевы-регентши Анны Австрийской, возглавляемое первым министром кардиналом Д. Мазарини, разгромило вооруженную оппозицию. Победа над Фрондой подготовила почву для расцвета абсолютизма в царствование Людовика XIV, начавшего самостоятельное правление с 1660 г.

[163] *Долгий парламент* (в Англии) — был созван королем Карлом I в 1640 г. и фактически стал законодательным органом начавшейся английской буржуазной революции XVII в. В ходе 1-й (1642—1646) и 2-й (1648) гражданских войн между сторонниками Долгого парламента и роялистами созданная О. Кромвелем парламентская армия нанесла решающее поражение королевской армии Карла I Стюарта у Нейзби (1645) и Престоне (1648); в 1649 г. король был казнен и была провозглашена республика. В 1653 г. Долгий парламент был разогнан Кромвелем.

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599—1568) — деятель Английской буржуазной революции XVII в., руководитель индепендентов. Опираясь на армию, в 1648 г. изгнал из парламента пресвитериан, содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 г. — лорд-генерал (главком всех вооруженных сил). Подавил

движения левеллеров и диггеров и освободительные движения в Ирландии и Шотландии. В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат Кромвеля.

[164] *...Германские гражданские войны...* — Монтескье, по-видимому, имеет в виду религиозные и политические конфликты в Священной Римской империи в XVI в. после начала Реформации: 1) Рыцарское восстание 1522—1523 гг. (немецкие рыцари намеревались объединить страну, расколотую на множество светских и церковных княжеств, под властью наследственного императора (корона Империи была формально выборной, хотя фактически к тому времени уже закрепилась за домом Габсбургов) при полном господстве дворянского сословия. Восстание было подавлено регулярными войсками князей, а его вождь Франц фон Зиккинген погиб в бою; 2) Великую крестьянскую войну 1524—1525 гг., потрясшую всю Германию; а также войны императора со Шмалькальденским союзом протестантских князей (1-я и 2-я Шмалькальденские войны 1546—1548 и 1554—1555 гг.). Если в первой император одержал победу, то во второй потерпел полное поражение и был вынужден признать права князей самим устанавливать вероисповедание в своих владениях (принцип: «Cujus regio — ejus religio», т. е. «Чья страна — того и вера»).

В 1531 г. император Карл V Габсбург, пытаясь остановить дальнейшее продвижение турок в Европу, организовал успешный поход в Тунис и завоевал его, однако, дальнейшая борьба за Северную Африку была неудачной для императора.

[165] В ходе войны за Испанское наследство Сицилия, принадлежавшая Испании, была отторгнута от нее и передана герцогу Савойскому, а затем перешла под власть Австрии в обмен на Сардинию. В 1720 г. Испания, несколько укрепившая свои позиции, вернула Сицилию под свою власть.

[166] В начале XVIII в. Персию потрясла целая серия крестьянских восстаний и мятежей сепаратистски настроенной феодальной знати, усугублявшаяся религиозными раздорами. В ходе этой борьбы выдвинулся талантливый военачальник Надир-кули, который в 1736 г. сверг царствующую династию Сефевидов и захватил трон под именем Надир-шаха. На короткое время Надиру удалось возродить могущество и влияние Персии. Он вел успешные войны с Турцией (о чем говорит Монтескье), завоевал Бухару и Хиву, совершил успешный поход на Индию (1737—1738 гг.). Но постоянные войны истощили Персию, жестокость Надир-шаха вызвала к нему всеобщую ненависть и в 1747 г. он был убит своими приближенными. (См. Прим. 70).

[167] *Кассий* — См. Прим. 161.

[168] *Александрийская война* — см. Прим. 169 и 136.

[169] *Безумная любовь заставила Цезаря вести четыре войны; в двух последних он поставил под вопрос все плоды своей победы при Фарсале.* — После того как Цезарь одержал победу над Помпеем в битве при Фарсале, он, несмотря на отчаянное положение своих войск, сумел добиться победы и в Александрийской войне, после чего сделал Клеопатру властительницей Египта. От Цезаря у Клеопатры, поразившей его своей красотой, родился сын Цезарион.

[170] *Проконсул* (от *лат.* pro consule — на месте консула) — во время Римской республики бывший консул, наместник провинции; во времена Империи — наместник сенатской провинции. Проконсул был наделен полномочиями консула. Аналогично проконсулам бывшие преторы правили в провинциях как пропреторы.

[171] *Армения* — горная страна, расположенная в верхнем течении Евфрата и Тигра и далее на восток к берегам Аракса. Классовое общество на территории Армении возникло в начале 1-го тысячелетия до н. э. (IX—VI вв. до н. э. — государство Урарту). Во 2-й половине 1-го тысячелетия до н. э. в основном сложилась армянская народность. В VI в. до н. э. возникло армянское царство (под властью Ахеменидов и Селевкидов) — Великая Армения (Armenia major) — просуществовавшая до 387 г. н. э. Его столицами были города Армавир и Арташат, а расцвет пришелся на I в. до н. э. (время правления царя Тиграна II). Армения вела войны с Римом, Ираном, позднее — с Византией. С I в. до н. э. она стала объектом борьбы между Римом и Парфией. Со времен Нерона правителями Великой Армении являлись Аршакиды — побочная линия парфянского царского рода, — которых в III в. н. э. свергли Сасаниды. Христианская религия была принята в Армении в качестве государственной около 300 г. н. э. еще до издания Константином I миланского эдикта в 313 г. н. э. В IV в. н. э. Армения стала феодальным государством, а в 387 г. была разделена между Персией и Византией. С VI в. армянская церковь стала в отличие от диофизитской православной церкви монофизитской. В VII—XV в. армяне пережили нашествия арабов, византийцев, сельджуков, монголо-татар и Тимура, в конечном итоге все-таки сохранив самостоятельное государство и самобытную культуру.

Малая Армения — историческая область в верховьях реки Евфрат. Входила в Хеттское государство, затем в Древнюю Персию; с 322 г. до н. э. и до конца II в. до н. э. была самостоятельным царством со столицей в городе Ани-Камах, населенном предками армян. В конце II в. до н. э. была включена во владения Понтийского государства, позже — во владения Римской империи. После поражения царя Великой Армении Тиграна II в 66 г. до н. э. от римлян, к западу от Евфрата было образовано княжество Малая Армения (Armenia minor), а к востоку от Евфрата лежали области Великой Армении. В конце I в. до н. э. Малая Армения была вновь присоединена к Великой Армении.

[172] Брут считался незаконнорожденным сыном Цезаря.

[173] *Лепид* Марк Эмилий (ок. 90—12 до н. э.) — приверженец Юлия Цезаря; будучи претором, добился в 49 г. до н. э. предоставления Цезарю диктаторских полномочий, в 48—47 гг. до н. э. наместник Ближней Испании, консул в 46 г. до н. э. вместе с Цезарем; магистр конницы Цезаря; после его убийства примкнул к Марку Антонию, который добился провозглашения его великим понтификом; в 43—38 гг. до н. э. (в 38—36 союз был продлен) входил в состав 2-го триумвирата (вместе с Антонием и Октавианом). В 42 г. до н. э. второй раз был избран консулом. В соответствии с заключенным в Брундизии согла-

шением получил в управление африканские провинции. После установления единоличной власти Октавиана не играл никакой роли в политической жизни.

[174] *Опс* (Опа) — богиня урожая, ставшая затем богиней богатства (в ее храме Цезарь хранил государственную казну). В ее честь справлялись праздники Опиконсивии (Ops Consivia — Сиятельница) 25 августа и Опалии 19 декабря. Отождествлялась с Реей, супругой Кроноса (Сатурна).

[175] *Ларарий* — стоящий в нише особый шкаф (иногда только рисунок его), считавшися местом почитания лар, пенатов и других богов, охранявших дом и семью. Перед лараариями, имевшимися в каждом римском доме (в атрии или в кухне вблизи очага) ежедневно совершались культовые действия.

[176] См. Прим. 61.

[177] Имеется в виду Катон Младший, Уттический (см. Прим. 154).

[178] *Модена* — город в современной Италии. В древности — Мутина — этрусский город на Паданской равнине между притоками реки По; с 183 г. до н. э. — римская колония. Из-за благоприятного в стратегическом отношения положения Мутина часто оказывалась в центре боевых действий; в 43 г. до н. э. здесь укрепился Брут, против которого двинулся со своим войском М. Антоний. Здесь одержал победу над римской армией Спартак.

Гирций Авл (*лат.* Hirtius) — соратник и доверенное лицо Цезаря, вероятно, руководитель его канцелярии. В 46 г. до н. э. — претор, в 43 г. до н. э. — консул; 21 марта 43 г. до н. э. пал в битве при Мутине. Присоединил к «Галльской войне» Цезаря 8-ю книгу; его авторство «Александрийской войны» оспаривается.

[179] См. Прим 178.

[180] См. Прим. 61.

[181] *Секст Помпей* (73—35 до н. э.) — младший сын Помпея Великого; воевал в Испании и Африке против Цезаря, в 43 г. до н. э. получил от сената командование флотом. Владел Сицилией, имевшей чрезвычайно важное значение для снабжения Рима зерном. Принимал бежавших к нему многочисленных рабов и сторонников сената. Представлял собой серьезную опасность для членов 2-го триумвирата. В 36 г. до н. э. был разбит Агриппой при Милах.

Агриппа Марк Випсаний (Agrippa) (ок. 64/63—12 до н. э.) — римский полководец и политический деятель незнатного происхождения, друг, сподвижник и влиятельный военачальник Августа; родился в Далмации. Во время гражданской войны сопровождал будущего императора; одержал победы при Перузии в 40 г. до н. э. и в решающих морских сражениях над Секстом Помпеем при Милах и Навлохе в 36 г. до н. э., а также над Клеопатрой и Антонием при Акции в 31 г. до н. э. В период наместничества в Галлии в 39—38 гг. до н. э. переправился со своими войсками через Рейн и основал поселение убиев на территории вокруг Кёльна. Был консулом в 37, 28 и 27 гг. до н. э. Женился на дочери Августа Юлии, упрочив свое положение второго человека в Империи. До самой смерти он определял

военную политику императора и являлся его полномочным представителем в Риме и в провинциях. Ему принадлежит решающая роль в основании принципата. Он сам финансировал строительство многочисленных общественных зданий и сооружений в Риме (водопровод, храм Пантеон, термы) и в Галлии.

[182] *Клеопатра* VII Египетская (*греч.* Kleopatra — славная по отцу) (69—30 до н. э.) — последняя царица Египта (с 51 г. до н. э.) из династии Птолемеев; отличалась умом и высокой степенью образованности. Сначала соправителем был ее брат и супруг Птолемей XIII, а после его смерти Птолемей XIV, который отнял у нее трон, в борьбе за возвращение которого Клеопатра использовала и политический расчет, и лесть, и свое женское обаяние, прибегнув к помощи Цезаря, чьей любовницей она стала. В 47 г. до н. э. Клеопатра родила Цезарю сына, которого объявила «сыном Исиды» («царем-богом»). С 46 по 44 гг. до н. э. она жила в Риме, но после убийства Цезаря и смерти Птолемея XIV вернулась в Египет и стала царствовать самовластно. Ее сын Цезарион (Птолемей XV) был ее соправителем лишь номинально. С 41 г. до н. э. Клеопатра была союзницей и любовницей Антония. В 37 г. до н. э. она стала его женой. В том же году в качестве свадебного подарка Антоний преподнес Клеопатре богатые области Крита и Киликии. Клеопатра поддерживала Антония в его борьбе за власть с Октавианом: с помощью Египта (его материальных средств и мощного флота) Антоний хотел занять на Востоке прочное положение, чтобы бороться как с парфянами, так и со своими противниками в Риме. В 34 г. до н. э. Антоний как «бог и благодетель» (Дионис—Осирис) объявил свою супругу «Исиду» владычицей Востока («царицей царей»). Но Антония ослепляло тщеславие политика и человеческая страсть. Это привело к неудачам, имевшим далеко идущие последствия. После поражения при Акции в 31 г. до н. э. и самоубийства Антония Клеопатре не удалось сохранить царскую корону, и тогда она покончила с собой (возможно, с помощью ядовитой змеи), чтобы Октавиан не отвез ее в Рим и не провел как пленницу в триумфальном шествии. Троих детей Клеопатры, рожденных ею от Антония, взяла на воспитание Октавия, сестра Октавиана и разведенная жена Антония. Цезарион же был убит по приказу Октавиана.

[183] *Габиний* Авл (Gabinius Aulus) — римский народный трибун; именно благодаря «Закону Габиния» Помпей Великий получил на 3 года чрезвычайные полномочия для подавления морских разбоев. В 57 г. до н. э. подавил восстание в Иудее; до 54 г. до н. э. управлял Сирией; восстановил на престоле государства Птолемеидов свергнутую династию Птолемеев; в 48—47 гг. до н. э. неудачно воевал с далматами; умер в 47 гг. до н. э.

[184] *Дион* — Кассий Дион Коккеян (ок. 160—235 гг. н. э.) — греческий историк и римский сенатор из Никеи в Вифинии. В период правления императоров из династии Северов был наместником некоторых провинций и консулом в 229 г. н. э. Написал на греческом языке анналистическую римскую историю в 80-ти книгах от основания Рима до своего консульства. Сочинения Кассия Диона — важный источник

сведений о последнем периоде римской республики и первых столетиях римской империи — представляли собой попытку автора найти органичное соединение прав и привилегий своего сословия с неограниченной императорской властью.

[185] *Тиберий* Клавдий Нерон (Tiberius, Claudius Nero) (42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император (с 14 г. н. э.) из династии Юлиев-Клавдиев; сын сенатора Тиберия Клавдия Нерона и Ливии Друзиллы, пасынок Августа после повторного замужества Ливии; считался первым после Агриппы полководцем в армии Августа. В 20 г. до н. э. предпринял поход в Армению; в 15 г. до н. э. вместе со своим братом Друзом захватил территорию ретов, дошел до истоков Дуная; с 12 по 9 гг. до н. э. сражался с паннонцами. а с 8 по 7 гг. до н. э. — с германцами. По династическим соображениям в 12 г. до н. э. развелся со своей первой женой Випсанией и женился на дочери Августа — Юлии. В 6 г. до н. э. уехал на остров Родос, где жил в добровольном изгнании до 2 г. н. э. Только после смерти всех претендентов на престол Август в 4 г. н. э. усыновил Тиберия, дал ему имя Тиберий Юлий Цезарь и объявил своим наследником. Тот факт, что он длительное время находился в тени, не мог не сказаться на нем и его противоречивом характере. С 4 по 6 гг. н. э. Тиберий снова в Германии, где ему в 5 г. н. э. удается при поддержке армии и флота дойти до Эльбы. Тиберий готовился воевать с маркоманами, во главе которых стоял Марабод, но вынужден был вернуться в Паннонию и Далмацию для подавления мятежей (6—9 н. э.). После поражения от херусков Тиберий в 10—12 гг. н. э. укрепил границы вдоль Рейна. В 13 г. н. э. он стал соправителем, а после смерти Августа — императором.

Став во главе государства, Тиберий продолжал проводить политику Августа. Во время его правления укрепилась монархическая власть, увеличилась государственная казна, улучшилась система управления в провинциях. Он частично отказался от отдачи сбора налогов на откуп. В то же время плебеи потеряли свои последние политические права, так как при Тиберии комиции больше не созывались. Начиная с 15 г. н. э. все судебные процессы по обвинению в нарушении закона об оскорблении величия были направлены против представителей оппозиции сената, результатом чего стали бесчисленные ссылки, конфискации имущества и казни. Преторианская гвардия была размещена в Риме, а ее префекты из сословия всадников приобрели огромное влияние. Со вступлением на престол Тиберий вынужден был также заниматься подавлением военных мятежей в Германии и Паннонии, усмирением восставших под предводительством Такфарината в Нумидии в 17—24 гг., а также наведением порядка в Галлии и Фракии в 21 г. Завоевание Германии было прекращено с отзывом в Рим Германика. В 18 г. Тиберий провозгласил римские провинции Каппадокию и Коммагену.

Со временем Тиберий стал нелюдимым и подозрительным, что и стало причиной его решения покинуть Рим и уехать в Кампанию на Капри; в Рим он больше не возвращался. Начиная с 21 г. и по 31 г. страной практически правил префект преторианцев Сеян, жертвой честолюбия которого среди прочих стал и сын Тиберия Друз. После

смерти Сеяна его место занял Макрон. Тиберий умер в поместье у Мизенского мыса. Чаще всего он изображался тираном и лицемером, но эту характеристику опровергают последние исследования ученых.

[186] *Сеян* Луций Элий (ок. 20/16 до н. э. — 31 н. э.) — фаворит императора Тиберия. С 14 г. н. э. был префектом преторианцев, потом единственным командиром императорской гвардии, которую сконцентрировал в лагере на Виминале в Риме. Как префект преторианцев пользовался большим влиянием. Так, в 26 г. н. э. он склонил императора покинуть Рим, чтобы самому править им в качестве его заместителя. Устранял всех неугодных ему людей, так, например, сына императора Друза в 23 г. н. э., преследовал семью Германика и сам стремился к трону. По обвинению в государственной измене был смещен с должности и казнен.

[187] *Прокуратор* (*лат.* управляющий) — в эпоху Римской империи высокая всадническая должность. Прокураторы собирали налоги или управляли небольшими провинциями. Второе значение слова «прокуратор» — в римском частном праве: а) представитель истца или ответчика перед судом; б) управляющий имуществом в богатой семье.

[188] *Интендант* (от *фр.* intendant — управляющий, заведующий) — во Франции XV—XVIII вв. должностное лицо, ведавшее отдельной областью государственного управления (военной, морской, торговой, финасами и др.); в XVII—XVIII вв. существовали также интенданты провинций, которые обладали судебно-полицейской, финансовой и отчасти военной властью на местах.

[189] *Плиний Старший* (C. P. Secundus) (23/24—79 н. э.) — римский государственный деятель, историк и писатель; командовал флотом в Мизене, состоял в тесных связях с династией Флавиев. Из его многочисленных трудов сохранилась лишь «Естественная история», («Naturalis historia») в 37 книгах, представляющая собой своеобразную энциклопедию, т. е. сборник по биологии, ботанике, космогонии, географии, этнографии и другим наукам. В своем огромном труде Плиний обобщил естественнонаучные познания своего времени, добавив к ним свои наблюдения. Он не проводил собственных исследований и не высказывал критических суждений; тщательно отобранный им материал служил общеобразовательной цели. Плиний Старший погиб, участвуя в спасательных работах во время извержения Везувия.

[190] *Домициан* (лат. Domicianus) Тит Флавий (51—96 н. э.) — римский император (с 81 г.) из династии Флавиев, младший сын Веспасиана, брат Тита. В 83 г. победил хаттов, организовал строительство лимеса для обеспечения безопасности завоеванных декуматских полей (Decumates agri) и основал провинции Нижняя и Верхняя Германия (Germania Inferior и Superior). В 85—92 гг. вел борьбу на Дунае против дакского царя Децебала, а также против маркоманов, квадов и сарматов. Из-за этого Домициан был вынужден приостановить наступление Агриколы в Британии. Проводя самодержавную политику, систематически ограничивал влияние сената и опирался на всадников, войско и провинции. Впервые велел называть себя «господином и богом»

(«dominus et deus») и оживил императорский культ. С 85 г. сосредоточил в своих руках цензорские функции. Роскошные постройки (в том числе арки Тита) и праздничные игры обременяли государственную казну. После подавления восстания 89 г. возросло число процессов по обвинению в «оскорблении величия» и казней. Были начаты преследования философов-стоиков, возрастала оппозиция сенаторов. Домициан был убит в результате заговора и проклят сенатом.

[191] *Германик* Юлий Цезарь (Germanicus) — римский полководец (15 до н. э. — 19 н. э.), сын Друза, племянник и приемный сын Тиберия; был женат на Агриппине, отец Калигулы и Агриппины (матери будущего императора Нерона); отличался высокой образованностью; перевел «Явления» Арата. В 13 г. н. э. был назначен главнокомандующим римскими войсками на Рейне, после смерти Августа отклонил провозглашение себя императором, исходившее от легионов, и в 14—16 гг. предпринял большие походы против германцев. В 16 г. он продвинулся до Везера, победил Арминия при Идиставизо и Ангриварии-эрвале, но был отозван Тиберием и в 17 г. отправлен с чрезвычайными полномочиями в восточные провинции. Умер в Антиохии. Предполагают, что он был отравлен по поручению императора.

[192] *Андромаха* — в греческой мифологии супруга троянца Гектора (сцена расставания Гектора и Андромахи у Гомера); горько оплакивала смерть супруга; после падения Трои стала пленницей Неоптолема, сына Ахилла. Сын Андромахи Астианакт был убит греками. После смерти Неоптолема Андромаха вышла замуж за его брата, прорицателя Гелена из Эпира.

[193] *Неаполь* (Napóli) — город и порт в Южной Италии у подножия Везувия, на берегу Неаполитанского залива Тирренского моря; административный центр провинции Неаполь и области Кампания. Был образован как греческая колония Партенопея, позже переименованная в Неаполь (*греч.* Nea Polis — новый город); в 326 г. до н. э. попал под власть Рима. В античности отставал в развитии от соседних городов Кумы и Дикеархия (последняя получила у римлян название Путеолы после их победы над Ганнибалом). После разрушения близлежащей местности с городами Помпеи и Геркуланум в результате извержения Везувия в 79 г. н. э. значение Неаполя возросло. Во 2-й половине XIII в. н. э. был столицей Сицилийского королевства, в 1282—1442, 1501—1504, 1806—1815 гг. — столицей Неаполитанского королевства, в 1815—1860 гг. — столицей Королевства обеих Сицилий.

[194] *Везувий* (Vesuvio) — действующий вулкан на юге Италии близ Неаполя. Высота 1277 *м*. Образует 3 конуса, как бы вставленных друг в друга (наружный — Монте-Сомма, сильно разрушен). Выходы газов и пара; при извержении выбрасывает много пепла (в нижних частях плодороднейших склонов всегда были замечательные сады и виноградники). Во время извержения в 79 г. н. э. погибли города Помпеи и Геркуланум. Последнее извержение было в 1957—1959 гг.

[195] *Калигула* — прозвище Гая Цезаря Германика (12—41 н. э.) — римский император с 31 г., сын Германика и Агриппины; воспитывался в Германии и вырос в военном лагере среди солдат; прозвище

свое получил от солдатской обуви (caligae), которую носил с детства. В избрании Калигулы императором существенную роль сыграл префект претория Маркон. Правление Калигулы отличалось деспотическим произволом, разбазариванием государственных средств, притеснениями населения, конфискациями и ростом налогов. По примеру эллинистических царей Калигула требовал, чтобы его чтили как бога, и, по-видимому, впал в так называемое кесарево безумие. Введенный культ императора вызвал волнения среди евреев в Александрии и в Палестине. В 40 г. Мавретанское царство было преобразовано в римскую провинцию. После 2-х раскрытых в 39—40 гг. заговоров сенатской оппозиции Калигула был убит участниками 3-го заговора трибунов преторианской гвардии. После его смерти вновь был затронут вопрос о возвращении Рима к республиканской форме правления

[196] *Антонин* Пий (86—161) — римский император с 138 г., выходец из галльского сенаторского рода крупных землевладельцев из Немауза (современный Ним); в 120 г. был избран консулом, являлся проконсулом Азии и был усыновлен Адрианом в 138 г. в качестве преемника. После смерти Адриана Антонин добился причисления своего приемного отца к богам и построил мавзолей. По этой причине сенат, которому он благоволил, нарек его Пием (т. е. «благочестивый», «исполняющий долг в отношении богов и родных»). В период правления Антонина Римская империя сохранила свои владения и упрочила границы. По указу Антонина в Шотландии был возведен оборонительный вал от залива Ферт-оф-Клайд до залива Ферт-оф-Форт, названный его именем, а также продвинуты и укреплены государственные границы в Германии и Реции. Однако вспыхнувшие в провинциях Германия, Мавретания, Египет и Иудея восстания против римского владычества, предвещали скорый конец стабильности. Антонин усыновил Марка Аврелия, женил его на своей дочери Фаустине, провозгласил императором и основал просуществовавшую до кончины Коммода в 192 г. династию Антонинов. Деятельность Антонина как миролюбивого (т. е. не ведшего войн) императора оценивалась очень высоко. Вплоть до IV в. он слыл в сенатской историографии образцовым правителем.

[197] См. Прим. 185.

[198] *Клавдий* — Тиберий Клавдий Нерон Германик (10—54 н. э.) — римский император с 41 г., сын Друза. Болезненный и слабохарактерный по природе, он первоначально находился в стороне от государственных дел, ревностно занимаясь науками, в частности, историей Рима и этрусков; он пытался также ввести в обиход новые латинские буквы. После убийства Калигулы преторианцы провозгласили Клавдия как последнего из Клавдиев императором. Клавдий за это щедро одарил стражу, будучи обязанным ей своим возвышением. После вступления Клавдия на престол власть фактически перешла в руки его 3-й жены Мессалины и ее любовников: вольноотпущенников Нарцисса, Каллиста и Палласа. В период правления Клавдия по его личному почину был проведен ряд прогрессивных мероприяний, например, дарование полного гражданства внеиталийским общинам,

что сыграло существенную роль в романизации провинций; были внесены изменения в брачное и рабское право; государственная казна была возвращена в управление квесторов и др., были основаны многочисленные колонии, проложены дороги и возведены технические сооружения, например, шлюз для отвода воды из Фуцинского озера и новая гавань в Остии. В этот же период к Римской Империи были присоединены Южная Британия и Мавретания. После смерти Мессалины женой Клавдия стала его племянница Агриппина (дочь полководца Германика), которая, боясь, чтобы Клавдий не лишил престола ее сына Нерона, отравила его.

[199] *Нерон* (Nero) (37—68) — римский император, последний из династии Юлиев-Клавдиев. При рождении получил имя Луций Домиций Агенобарб. Был усыновлен императором Клавдием, получил имя Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь и женился на дочери Клавдия Октавии. После отравления Клавдия Агриппиной был возведен преторианцами на престол (в 54 г.). Согласно источникам — жестокий, самовлюбленный, развратный. В 59 г. убил свою мать Агриппину, а в 62 г. — жену Октавию; по его приказу покончили с собой его учитель Сенека, а также Лукан и Петроний. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя разные слои римского общества. В 64 г. после страшного пожара, уничтожившего $^2/_3$ города Рима, Нерон, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, обвинил в нем евреев и христиан (первое гонение христиан). С этого же года он стал выступать как актер, певец и возница на арене цирка. Свергнутый Гальбой, 9 июня 68 г. Нерон покончил с собой, а Гальба провозгласил себя императором.

Коммод — Марк Аврелий Коммод Антонин (161—192) — римский император со 180 г., сын Марка Аврелия и Фаустины. Уже в 166 г. был провозглашен цезарем, а в 177 г. августом и соправителем. Вступив на императорский престол, Коммод поспешил заключить мир с маркоманами, квадами и сарматами, отказавшись от агрессивной политики его предшественников в придунайских районах; одновременно им были подавлены многочисленные восстания в провинциях: Британии, Галлии, Германии и Африке. В период своего правления Коммод всецело опирался на римскую армию и поручил управление государством преторианским префектам и своим фаворитам. Он покончил с благосклонной к сенату прежней политикой своего отца, требовал своего обожествления, участвовал в боях гладиаторов, всемерно поощрял распространение ближневосточных культов и стремился к установлению неограниченной самодержавной монархии. Кровавое подавление заговора в 183 г. и становившаяся все более очевидной жестокость Коммода (в особенности с 191 г.) привели к образованию враждебной ему оппозиции со стороны сената. В 192 г. любовница Коммода Марция, вольноотпущенник Эклект и преторианский префект Лет, узнав случайно, что Коммод решил их казнить, убили его. Сенат одобрил их поступок и объявил Коммода врагом отечества.

Каракалла (Caracalla) — прозвище римского императора Марка Аврелия Севера Антонина (Marcus Aurelius Severus Antonius) (186—217), полученное им за пристрастие к галльской одежде. Первоначально но-

сил имя Септимий Бассиан, был сыном первого провозглашенного солдатами императора Септимия Севера. Со 194 г. сопровождал отца в военных походах; в 197 г. подавил восстание иудеев; в 196 г. был удостоен титула цезаря, а в 198 г. — августа. В 211 г. вместе со своим братом Гетой вступил на престол, но не пожелал делить с ним власть. В 212 г. убил брата и многих его сторонников и стал единоличным правителем Империи. В том же году издал эдикт о даровании прав римского гражданства жителям римских провинций. Как солдатский император в своей деятельности прежде всего опирался на поддержку армии. Способствовал увеличению доходов от сборов налогов. Кроме того, в его правление закончилось формирование Рима как столицы Империи. В 212 г. вел войны против аллеманнов и хаттов. Охваченный тщеславными помыслами, пытался, как ранее Александр Македонский, завоевать Парфянское царство (в 216—217 гг.). Возросшие расходы на войну вынудили Каракаллу в этот период понизить содержание серебра в монетах. Политика давления на сенат, казни знати, избиение жителей Александрии, противившихся дополнительному набору в армию, жестокий и тиранический характер Каракаллы, вызывали недовольство и во время одного из походов привели к его убийству заговорщиками по приказанию префекта преторианцев Опеллия Макрина, ставшего затем, правда на короткий срок, его преемником.

[200] *Друзилла* Юлия (16—38 н. э.) — 2-я дочь Германика и Агриппины Старшей (внучки Октавиана Августа); сестра и любовница императора Калигулы.

[201] *Вителлий* Авл (A. Vitellius) (12—69 н. э.) — римский император в 69 г. В 48 г. был консулом; в 68 г. Гальба поручил ему командование рейнскими легионами, которые в 69 г. провозгласили Вителлия императором. Армия Вителлия через Альпы достигла Италии и в апреле 69 г. одержала победу над Отоном в битве при Бедриаке. Однако уже в июле в восточных провинциях императором был провозглашен Веспасиан; его легионы в октябре победили армию Вителлия в битве близ Кремоны и в декабре заняли Рим. Вителлий был убит солдатами Веспасиана.

Веспасиан Тит Флавий (Titus Flavius Vespasianus) (9—79 н. э.) — римский император, основатель династии Флавиев. Сын откупщика и первый император несенаторского происхождения; при Тиберии вошел в состав сената, командовал одним из рейнских легионов, участвовал в завоевании Южной Британии, при Калигуле был военным трибуном, а затем консулом (в 51 г.); при Нероне (в 67 г.) покорил Иудею (за исключением Иерусалима). После низвержения Нерона в 69 г. был провозглашен египетскими войсками императором. На его сторону встали и дунайские легионы, что позволило ему победить своего соперника Вителлия. В декабре 69 г. Веспасиан был признан и сенатом. Он восстановил порядок в расстроенной гражданской войной Империи (прежде всего в области финансов, а также в правосудии и в армии). В 74 г. из Италии были изгнаны стоические философы как носители оппозиционных настроений. Соправителем Веспасиан сде-

лал своего сына Тита, который в 70 г. завершил иудейскую войну. В 77 г. полководец Гней Юлий Агрикола расширил римское владычество на севере Британии. Веспасиан заботился о повышении благосостояния населения; значительно шире, чем его предшественники, распространял на провинциалов права римского и латинского гражданства, города Испании получили гражданское право латинян; состав сената при Веспасиане был пополнен представителями муниципальной аристократии Италии и западных провинций. При нем было построено множество дорог и амфитеатр Колизей. Трезвая и энергичная политика Веспасиана делает его самым выдающимся после Августа правителем раннего принципата.

[202] *Оттон* Марк Сальвий (*лат.* Otto M. Salvius) (32—69) — римский император в 69 г. Происходил из этрусского рода, был другом Нерона. С 58 по 68 гг. был наместником Лузитании. Поддержал направленный против Нерона мятеж Гальбы, но интриговал и против последнего, так как не был назначен наследником. С помощью преторианской гвардии в январе 69 г. сверг Гальбу и провозгласил себя императором. В борьбе против своего соперника Вителлия, которого поддерживали войска на Рейне, в Галлии и в Британии, потерпел поражение в битве при Бедриаке близ Кремоны и покончил с собой.

[203] *Динарий — денарий* (от *лат.* deni — по десять) — римская серебряная монета, первоначально равная 10 ассам; стала чеканиться, по-видимому, со времени 2-й Пунической войны; была сначала весом 4,55 *г* ($^1/_{72}$ фунта). Во время Империи масса денария уменьшилась; сначала он стал весить 3,9 *г.*, а при Нероне — уже 3,4 *г.* В дальнейшем денарий еще больше обесценился. В средние века денарием назывался ряд различных монет (*франц.* denier). Название «денарий» сохранилось в названиях монет — «динар» (Югославия, Иордания, Иран, Ирак) и в сокращениях для пфеннига и для английского пенса.

[204] *Гальба* Сервий Сульпиций (Galba) (3—69 н. э.) — римский император с 86 г. Происходил из старинного патрицианского рода. В 33 г. был консулом и наместником многих провинций. На Рейне одержал победу над хаттами. С 60 г. был наместником провинции Испания Тарраконская (Hispania Tarraconensis). Опираясь на испанские легионы, принял участие в восстании против Нерона и после свержения последнего был провозглашен императором. Был строг и бережлив. Пытался наладить развалившееся римское хозяйство, отказал в денежных подношениях (donativum) солдатам. Обойденный при урегулировании вопроса о престолонаследии Отон поднял восстание недовольной преторианской гвардии, во время которого Гальба был убит на Форуме в Риме.

[205] *Тит* Флавий Веспасиан (39—81 н. э.) — римский император с 79 г., старший сын и наследник Веспасиана. Во время Иудейской войны был назначен командиром легиона в армии отца. После провозглашения Веспасиана императором в 69 г. принял от него командование в Палестине; в 70 г., подавив восстание иудеев, захватил и разрушил Иерусалим. В память об этих событиях и в честь Тита была заложена триумфальная арка, строительство которой завершилось лишь

после его смерти. В 71 г. Тит стал префектом преторианской гвардии и соправителем отца, в 73—74 гг. — цензором. Правил страной в согласии с сенатом. В римской историографии Тит считался одним из лучших императоров («amor et deliciae generis humani» — «любовь и утешение человеческого рода»). Когда в 79 г. извержение Везувия уничтожило Помпеи, Тит попытался, как это уже однажды было во время пожара в Риме, действенными мерами уменьшить страдания народа Кампании. Умер он в 81 г. от лихорадки.

[206] *Нерва* Марк Кокцей (30—98 н. э.) — римский император с 96 г. Происходил из сенаторского рода из Умбрии. В 71 и 90 гг. был консулом; после убийства Домициана был провозглашен императором. Правил, согласовывая свои действия с сенатом, который он восстановил в правах. С помощью экономии Нервой была приведена в порядок государственная казна, осуществлялась раздача земли безземельным гражданам, был учрежден так называемый алиментационный фонд для нищих детей. В 97 г. Нерва под нажимом военных усыновил Траяна, сделав его соправителем и наследником трона.

[207] *Траян* Марк Ульпий (Traianus M. Ulpius) (53—117) — римский император с 98 г. Родился в Италике в Южной Испании в семье аристократа. В период правления Нерона отец Траяна стал сенатором. В Испании Траян командовал легионом в армии Домициана. В 91 г. он был консулом, в 96 г. — наместником в Германии (Germania superior). В 97 г. Нерва усыновил любимого всеми солдатами сенатора, а после смерти Нервы Траян стал первым в Римской империи императором — выходцем из провинции. Его внешняя политика отличалась агрессивностью: в 101—102 гг. Траян начал войну с даками и подчинил их себе; в 105—106 гг. он снова напал на Дакию и в 107 г. объявил ее римской провинцией. В честь побед Траяна в Риме в 113 г. был воздвигнут монумент — колонна Траяна высотой 33 *м* с рельефным поясом длиной 200 *м*. Под Турну-Северином Аполлодор Дамасский построил для Траяна первый постоянный мост через Дунай, длина которого составила 1 *км*. В 106 г. Набатийское царство было превращено Траяном в провинцию Аравия, в 114—117 гг. в войне с Парфией он присоединил к Риму Армению и Месопотамию, в 116 г. дошел до Персидского залива, захватил Ктесифон. Однако волнения в тылу, прежде всего восстание евреев, остановили его дальнейшее продвижение. В августе 117 г. в Киликии (Малая Азия) на пути в Рим Траян скончался. Во время правления Траяна Римская империя максимально расширила свои границы и пережила период своего наивысшего расцвета. Среди всех императоров Траян был самым великим и одновременно последним завоевателем.

Во внутренней политике Траян охранял интересы сената, за что в 114 г. ему был дан титул Optimus princeps (Наилучший император). В 114 г. в городе Беневенто была сооружена Триумфальная арка Траяна, на которой сохранилось богатое рельефное украшение. Императорскую власть Траян еще больше укрепил путем расширения сети государственных учреждений, усиления армии и ужесточения контроля за римскими провинциями. Как тонкого политика Траяна ха-

рактеризует его переписка с Плинием Младшим, наместником в Вифинии. В ней затрагиваются не только важные для того времени вопросы, но и второстепенные, например касающиеся отношений с христианами. Траян заботился об укреплении границ Империи вдоль Рейна и Дуная (лимес и вал в Добрудже), основал новые колонии, например Ульпия Траяна (Ксантен), Новиомаг (Неймеген), Тамугади (Тимгад). Активное строительство (общественные здания, храмы, порты, прокладка улиц и т. п.), дальнейшее увеличение учрежденных Нервой алиментарных фондов, богатые пожертвования и роскошные зрелища — все это сделало Траяна любимым даже в среде простого народа императором, но в то же время опустошало, несмотря на приток дакского золота, государственную казну. Брак Траяна с Плотиной оказался бездетным и он усыновил Адриана, который впоследствии стал императором.

[208] *Тигр* (*греч.* Tigris, предположительно из *древнеперс.* Tigra, *вавилоно-ассир.* Idiqlat, *араб.* Digla) — одна из 2-х великих рек в Месопотамии, берет начало в горах Тавра в Армении. В период расцвета городов Селевкии и Ктесифона Тигр был соединен сложной системой каналов с рекой Евфрат. На левом берегу в верхнем течении Тигра лежала Ассирия (позже Адиабене) с городом Ниневия.

Евфрат (*греч.* Euphrates от *аккад.* puratu — широкий) — вторая великая река в Месопотамии, берет начало севернее истоков Тигра, недалеко от современного города Эрзурум в Турции (примерно там же, где берет начало Аракс). Евфрат имел большое значение как водный путь и в своем верхнем течении как граница между Римской империей и Парфянским, а позднее Персидским государством. Еще во времена Александра Македонского Тигр и Евфрат имели отдельные устья и впадали в Персидский залив раздельно, но позже обе реки слились в нижнем течении и образовали единое русло — Шатт-эль-Араб.

Мидия (Fabius) — историческая область и государство в Западной Азии, получившие свое название от мидян — индоевропейского народа, основным занятием которого было скотоводство. Мидяне завоевали ряд западных областей Иранского нагорья и дали им название Мидия, которое упоминается уже с IX в. до н. э. в ассирийских клинописных текстах. Геродот сообщает сведения о возникновении Мидийской державы и расширении ее территории вплоть до реки Галис а Анатолии. Лишь поражение в битве с лидийцами в 585 г. до н. э. положило конец этой экспансии. В середине VI в. до н. э. мидийцы были покорены родственными по происхождению и языку персами.

[209] *Нисибис* — современный Нусайбин — город на турецко-сирийской границе; с 1-го тысячелетия до н. э. — узловой пункт важных торговых путей в Северной Месопотамии. С 163 г. н. э. стал принадлежать Римской империи. Как военная крепость и главный город римской провинции Месопотамия Нисибис в III—IV вв. стал объектом ожесточенной борьбы между римлянами и персами. Последние захватили его в 363 г., а в 640 г. он был захвачен арабами.

[210] *Месопотамия* (Fabius) — (Двуречье) — область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат (в Западной Азии). Один из

древнейших очагов цивилизации. На территории Месопотамии в 4—3-м тысячелетии до н. э. сформировались раннеклассические государства (Ур, Урук, Лагаш и др.).

[211] *Адриан* П. Элий (Hadrianus) (76—138) — римский император со 117 г. Происходил из Италики (Южная Испания), как и его родственник Траян, который был его опекуном и в 100 г. женил его на своей внучатой племяннице Сабине. Адриан принимал участие в Дакийской и Парфянской войнах Траяна, в 108 г. был консулом и наместником в Паннонии и Сирии. Благодаря влиянию Плотины, бездетной жены Траяна, был перед смертью Траяна усыновлен и объявлен наследником. Адриан отказался от завоевательной политики своего предшественника, в 117 г. он закончил Парфянскую войну, отказавшись от Армении и Месопотамии и ограничившись защитой и обеспечением безопасности своих границ. В Северной Британии в 122 г. он начал строительство оборонительного вала Адриана. Верхнегерманская защитная полоса (лимес) была расширена, укреплена граница на Дунае. В продолжительных поездках в 121—125 гг. Адриан инспектировал («путешествия императора») западные и восточные провинции, в 128 г. — Африку и в 128—132 гг. вновь восточные провинции. Последнее крупное восстание иудеев под руководством Бар-Кохбы (132—135) Адриан подавил с крайней жестокостью. Во внутриполитической сфере он уменьшил влияние сената. В 118 г. он велел казнить 4-х сенаторов-полководцев Траяна, в 136 г. — некоторых других сенаторов. Власть императора была укреплена созданием чиновничьего аппарата. Прежде всего вместо вольноотпущенников к сотрудничеству были привлечены всадники, в том числе во вновь созданный Государственный совет (Consilium principis). Бессрочный эдикт (Edictum perpetuum) 128 г. благодаря унификации завершил развитие преторского права. Наряду с правовой и финансовой реформами была проведена реформа войска, которая давала солдатам возможность подняться до сословия всадников. Ослабление налогов, продолжение действия алиментарных учреждений, забота о колонах, гуманизация рабского права должны были привести к консолидации государства. Незадолго до смерти (в Байях) бездетный Адриан усыновил своего наследника Антонина Пия. Адриан вел интенсивную строительную деятельность, причем не только в Риме, но и в Афинах, украсив их роскошными постройками. В провинциях им поощрялась романизация, основывались города и колонии, в том числе Адрианополь. Он способствовал развитию искусства и философии, оказал влияние на архаизм. Отчетливо выраженный филэллинизм Адриана заметен на фоне развивающейся итало-эллинистической государственной культуры.

[212] *Термин* (*лат.* terminus — предел, граница) — римский бог межей и пограничных межевых знаков, особенно почитался крестьянами. В честь термина был учрежден праздник терминалии, который отмечался 23 февраля.

[213] *Проб* Марк Аврелий (232—282) — римский император с 276 г.; воевал при императорах Валериане, Галлиене, Клавдии II и Аврелиане; был провозглашен войском императором. Достиг выдающихся

успехов в войнах против франков, вандалов и прочих германцев, а также персов. Принудил армию заниматься мирными строительными работами и был за это убит недовольными солдатами. Он отменил введенный Домицианом запрет на занятия виноградорством вне Италии и требовал расширения виноградарства в Галлии, Испании и Придунайских землях.

[214] *Марк Аврелий* (Marcus Aurelius) Антонин (121—180) — римский император (с 161 г.) из династии Антонинов. Сам родом из сенаторской семьи (испанского происхождения), он опирался на сенаторское сословие. Период его правления отмечен ожесточенными оборонительными сражениями, знаменовавшими конец относительно спокойного развития эпохи принципата. Аврелий восстановил римский протекторат над Арменией и захватил Месопотамию в войне 162—166 гг. с парфянами. Для внутренней политки Аврелия характерно согласие императора с сенатом при одновременном укреплении государственного аппарата Империи и расширении его функций. Пленных варваров не превращали в рабов, а в качестве колонов оставляли в особых пограничных поселениях. С 146 г. Марк Аврелий начал проявлять интерес к философии и в конце концов стал одним из наиболее выдающихся представителей поздней (эклектической) стоической философии («Наедине с собой»). Умер Марк Аврелий в 180 г. от чумы.

[215] Видимо, Монтескье имеет в виду длительную борьбу Людовика XV с парламентами — высшими судебными учреждениями дореволюционной Франции. Должности членов парламента покупались и передавались по наследству, что делало их обладателей относительно независимыми по отношению к королевской власти.

[216] *Пертинакс* П. Гельвий (126—193) — римский император с 193 г., сын вольноотпущенника. При Марке Аврелии офицер и администратор на всаднической должности, затем член сената. В 175 и 192 гг. — консул, префект нескольких провинций, городской префект. После убийства Коммода был провозглашен императором. Правил в согласии с сенатом, пытался улучшить финансовое положение и упорядочить воинскую дисциплину. Это вызвало неудовольствие преторианцев, которые убили Пертинакса во время мятежа в Риме.

[217] *Дидий Юлиан* Марк Север (Didius Iulianus) (133—193) — римский император с 193 г. Происходил из миланской сенаторской семьи, был наместником нескольких провинций, около 175 г. — консул. После убийства Пертинакса преторианцы провозгласили его в Риме императором, однако отстоять престол от кандидата дунайских легионов Септимия Севера не смог и вскоре был свергнут и убит (правил лишь 2 месяца).

[218] *Песценний Нигер* — легат Сирии, провозглашенный восточными войсками императором (правил с апреля 193 по октябрь 194 гг.). Происходил из италийского всаднического рода. В 191 г. был консулом. Проявил себя только в восточных провинциях. Потерпел поражение во время гражданской войны с Септимием Севером.

Север — здесь речь идет о Септимии Севере Л. (146—211) римском императоре с 193 г. Происходил из романизированной пуний-

ской семьи из Лепсис Магна в Северной Африке. При Марке Аврелии стал сенатором, управлял несколькими провинциями и в 190 г. был назначен консулом. Коммод назначил его наместником Верхней Паннонии. После убийства Пертинакса в Карнунте легионы провозгласили Септимия Севера своим императором. В 3-х гражданских войнах он победил всех остальных претендентов на трон: в 193 г. — Дидия Юлиана, выдвинутого преторианцами в Риме; в 194 г. — Песценния Нигера, которого провозгласили императором восточные легионы; в 197 г. Клодия Альбина, кандидата от войск Британии и аристократии Галлии. В боях против парфян он в 195 г. захватил Адиабену и Осроэну, в 197—199 гг — Месопотамию. В 208—211 гг. Септимий Север в Британии возглавил поход против каледонцев. По его указанию был укреплен Адрианов вал. Умер в Эбуракуме (Йорк).

Септимий Север — первый из так называемых солдатских императоров, который попытался преодолеть внутриполитический кризис Римской империи путем установления открытой военной монархии. Власть императора распространилась на все области, власть сената была еще более ослаблена, многочисленные сторонники врагов императора были казнены, а их имущество конфисковано. Для укрепления административного аппарата император выдвигал всадников и представителей провинциальной муниципальной аристократии. Политически опасная гвардия преторианцев, свергшая Пертинакса, была распущена и воссоздана вновь из иллирийских войсковых частей. Солдаты как основная опора императора получили еще бóльшие привилегии. Например, им еще больше был облегчен путь в сословие всадников. Италия частично потеряла свои преимущества, и ее положение было приближено к положению провинций.

Септимий Север способствовал совершенствованию правосудия. При нем действовали такие известные юристы, как Папиниан (префект преторианцев), Павел и Ульпиан. При нем были возведены многочисленные сооружения, в том числе и в провинции (особенно в Африке). В Риме в 203 г. по случаю побед над парфянами была воздвигнута триумфальная арка, великолепное здание Септизония и начато строительство терм Каракаллы. Септимий Север был женат на сириянке Юлии Домне, которая содействовала усилению влияния восточной культуры. Своих сыновей он объявил (соответственно в 198 и 209 гг.) соорегентами.

Альбин — имеется в виду Клодий Альбин римский император 193—197 гг. (см. выше, в этом же Примечании).

[219] *Аравия* — Аравией раньше называли населенный арабскими племенами Аравийский полуостров — крупнейший полуостров на земном шаре, расположенный на Юго-Западе Азии, между Персидским заливом, Аравийским и Красным морями и соединенный Суэцким перешейком с Африкой.

[220] *Гелиогабал* (от *сирийск.* позднеантичного Heliogabalus — бог солнца) — Элагабал (*лат.* Elagabalus) — прозвище М. Аврелия Антонина (204—222), римского императора с 218 г. Происходил из сирийской крупнопоместной аристократии, рода жрецов города Эмес (Хомс). С

217 г. был верховным жрецом бога солнца Элагабала, от него и получил свое второе имя. Благодаря влиянию своей бабки Юлии Мезы, сестра которой Юлия Домна была супругой Септимия Севера, Элагабал стал императором. Он пытался сделать сирийского бога солнца универсальным государственным богом и его культ превратить в общеримский. Священный метеорит из Эмесы был установлен в специально построенном для этого храме на Палатинском холме в Риме. Опрометчивая ориентализация, расточительный образ жизни и хозяйничанье фаворитов быстро породили всеобщую оппозицию. Чтобы спасти династию, Юлия Меза добилась провозглашения цезарем двоюродного брата Элагабала Александра Севера и в 221 г. сделала его наследником бездетного императора. Элагабала вместе с его матерью Юлией Соэмиадой убили преторианцы.

[221] *Макрин* М. Опеллий Север (164—218 — римский император с 217 г. Был первым императором, не принадлежавшим к сенатской аристократии; выходец из сословия всадников, по происхождению мавр из Кесарии. Макрин сделал карьеру в административном аппарате, в 212 г. был назначен префектом претория и в 217 г. во время войны с парфянами организовал свержение Каракаллы. Эта война явилась главным событием короткого периода его правления; он был вынужден заключить мир на тяжелых для римлян условиях. Макрин погиб в борьбе с мятежниками, которые выступили против него в результате происков Юлии Мезы, стремившейся посадить на императорский престол Элагабала.

[222] *Драхма* (*греч.* схваченное рукой) — греческая весовая и денежная единица различного достоинства. Вначале употреблялась на Пелопонессе. Масса афинской серебрянной драхмы (= 6 оболов) составляла 4,36 *г*. Основной монетой Афин была тетрадрахма, равная 4 драхмам, что приблизительно равнялось немецкому талеру. Во времена Солона медимн (52,5 *л*) зерна стоил 1 драхму, бык — 5 драхм, при Перикле прожиточный минимум семьи составлял $^1/_3$ драхмы в день.

[223] *Орозий* Павел (Orosius Paulus) (начало V в. н. э.) — испанский священник и писатель. Его основной труд — написанные под влиянием Блаженного Августина 7 книг «Истории против язычников» («Historiae adversus paganos») — очерк мировой истории, дополняющий августиновский «О граде Божием». В своем труде Орозий следует Даниилу и делит историю на 4 периода. «История» Орозия была весьма популярной в средние века универсальной всеобщей историей; принятое в ней деление мировой истории на эпохи сохранялось до XVIII в.

[224] *Тацит* — Публий Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus) (ок. 58 — ок. 117) — знаменитый римский историк и политический деятель (был консулом в 97 г.) эпохи ранней империи. Симпатизируя римской аристократии, выступал против деспотизма римских императоров, но то же время не был и сторонником республики. Главные его труды посвящены истории Рима, Римской империи («Анналы» и «История» в 14 книгах, из которых до нас дошли 1—4 и начало 5-й) и истории древних германцев. Его труд «Нравы германцев» («De origi-

ne, situ, moribus ac populis Germaniae») является ценным источником для изучения религии, общественного устройства и быта германских племен его времени. Произведения Тацита пронизаны морализаторством и пессимизмом.

[225] *Унция* (*лат.* uncia — двенадцатая часть) — двенадцатая часть какой-либо единицы измерения в Риме. Например, весовая унция — $^1/_{12}$ фунта — 27,3 *г*; линейная унция — $^1/_{12}$ фута — 27,4 *мм* (дюйм). В настоящее время в унциях изменяется вес боксерских перчаток и теннистых ракеток.

[226] *Светоний* — Гай Светоний Транквилл (ок. 170 — ок. 140 н. э.) — римский писатель. Происходил из сословия всадников, служил при дворе Траяна, а при Адриане руководил императорской канцелярией. Впав в немилость и, отставленный от дел, посвятил себя писательской деятельности. Из его многочисленных трудов полностью сохранились жизнеописания 12 первых императоров — от Цезаря до Домициана («De vita Caesarum» — «О жизни цезарей»). В них использованы архивы и сообщения современников. Биографии расположены согласно четкой схеме и призваны развлекать читателя. Наряду с исторически ценными фактами в них содержатся многочисленные анекдоты. Светоний поднимает жанр исторической биографии до уровня исторического исследования. От второго его крупного произведения, содержавшего биографии известных поэтов, риторов, грамматиков и историков («De viris illustribus» — «О блистательных мужах»), сохранились лишь отрывки. Остальные исторические и историко-культурные труды Светония погибли, за исключением мелких фрагментов. Светоний оказал сильное влияние на биографов поздней античности и средневековья.

[227] Имеется в виду македонский царь Персей. (См. Прим. 100).

[228] *Фламин* (Flaminus) — в Риме жрец определенного бога. Должность фламина появилась в раннем периоде истории Рима (при Нуме). К числу 3-х великих фламинов принадлежали фламин Юпитера (F. Dialis), фламин Марса (F. Martialis) и фламин Квирина (F. Quirinalis), происходившие из патрицианских семей. Позднее 12 младших фламинов служили другим богам, впоследствии стало неясно, каким именно. Во времена Империи обожествленным императорам тоже назначались фламины.

[229] *Север Александр* Марк Аврелий (208—235 н. э.) — римский император с 222 г. Происходил из сирийской землевладельческой аристократии; в 221 г. был усыновлен своим двоюродным братом императором Элагабалом и провозглашен цезарем. Достиг власти благодаря влиянию своей бабушки Юлии Мезы (сестра которой Юлия Домна была супругой Септимия Севера) и своей матери Юлии Маммеи. Фактически обе женщины правили государством с помощью совета, в котором большим влиянием пользовались юристы Ульпиан и Павел. Проведение религиозной политики Элагабала было прекращено, а государственная политика велась в согласии с сенатом. Коллегии ремесленников были поставлены под контроль государства, а расходы на нужды армии снижены. В 232—233 гг. Север Александр вел оборо-

нительные войны против персидского государства Сасанидов в Армении и Месопотамии, а в 234—235 гг. — против алеманнов на Рейне. Обострение отношений между императором и солдатами привело к тому, что вместе со своей матерью он был убит близ нынешнего Майнца. Вместе с его смертью прекратилась династия Северов.

[230] *Максимин* — Г. Юлий Вер Максимин Фракиец (*лат.* Thrax) (ок. 172/173—238) — римский император с марта 235 г. Родился в семье фракийского крестьянина и прошел путь от рядового воина до высших армейских чинов. Во время войны на германской границе после расправы под Майнцем над Александром Севером войска провозгласили его императором. Максимин нанес ряд поражений алеманнам в 235 г., сарматам и дакам в 236—237 гг. Его политика, затрагивавшая интересы сената и крупных землевладельцев и направленная на удовлетворение нужд воинов, послужила причиной поднятого Гордианами в 238 г. восстания против «солдатского» императора. В войне с сенатской партией Максимин и его провозглашенный цезарем сын осадили Аквилею и погибли во время вспыхнувшего в собственном лагере мятежа.

...Два первых Гордиана погибли в Африке... — Марк Антоний Гордиан I (*лат.* Gordianus) (159—238) — римский император в апреле — мае 238 г. н. э. Происходил из малоазиатской провинциальной (по другим сведениям — из римской) аристократии. В 222 г. был консулом, в 237—238 гг. — проконсулом Африки. Как представитель крупных африканских землевладельцев был выдвинут претендентом в императоры. Сенат поддержал его против Максимина Фракийца. Гордиан сделал соправителем своего сына, носящего то же имя.

Гордиан II (191/192—238) погиб у Карфагена в битве против нумидийского легиона, оставшегося верным Максимину. Гордиан I после этого покончил с собой.

...Максим, Бальбин и третий Гордиан были зарезаны... — Марк Клодий Пупиен Максим — выходец из плебеев, и Целий Бальбин в 238 г. н. были провозглашены сенатом императорами Рима. Через 3 месяца оба они были убиты солдатами преторианской гвардии.

Марк Антоний Гордиан III (Gordianus) (225—244) римский император с июля — августа 238 г. н. э.; сын Гордиана II и внук Гордиана I. После убийства Максимина и кратковременного правления императоров Максима Пупиена и Бальбина преторианцы провозгласили его императором. После пограничных боев на Дунае в 242—244 гг. Гордиан III возглавил борьбу против персов в Сирии и Месопотамии и погиб на Евфрате.

Филипп Марк Юлий Павел Араб (*лат.* Arabs) (ок. 200—249) — римский император с марта 244 г., араб по происхождению. В 243 г. стал преторианским префектом императора Гордиана III и вскоре его преемником. Он заключил мир с персами, в 245—247 гг. сражался на Дунае с готами и другими германскими племенами, а также против многих узурпаторов. Несмотря на тяжелое внутреннее и внешнее положение Империи 21 апреля 248 г. устроил пышные торжества в честь 1000-летнего юбилея Рима. Пал в битве с императором Децием под Вероной.

Деций — Гай Мессий Квин Деций Траян (*лат.* Decius) (195—251) — римский император с 249 по 251 гг. С его именем связано начало возвышения иллирийцев. Будучи сенатором и верховным главнокомандующим в Паннонии и Мёзии, своими войсками был провозглашен императором в противовес Филиппу; организовал во всем государстве первое систематическое преследование христиан. Погиб в борьбе против вторгшихся в пределы Империи карпов и готов в битве у Абритта в Мёзии.

Галл Требониан (Gallus C. Vibius Trebonianus) — римский военачальник и император в 251—253 г. н. э.; воевал с готами и заключил с ними мир на условии выплаты ими ежегодной дани. Потерпел поражение в сражении с Эмилианом, наместником Мёзии.

[231] В 1711 г. Алжиром управляли (вплоть до завоевания его Францией в 1830 г.) местные правители (деи) — вассалы турецкого султана.

[232] *Префект претория* — главная административная и командная военная должность в претории, которым во времена Империи являлась главная квартира (резиденция) императора с его лейб-гвардией, называвшейся преторианской гвардией, главной задачей которой была охрана императора. Префект претория был не только главным администратором штаб-квартиры и дворца императора, но и командиром преторианских гвардейцев.

Преторий — палатка полководца в середине римского лагеря; в постоянных лагерях дворец главнокомандующего; во времена Империи — резиденция императора.

Преторианцы — императорская гвардия. Август создал во 2 г. н. э. 9 когорт преторианцев под командованием 2-х префектов (Praefecti praetorio) — префектов претория, 3 когорты в Риме, 6 в других италийских городах. В 23 г. н. э. префект претория Сеян объединил всех преторианцев в Castra praetoria в Риме (перед Виминальскими воротами, под надежным укрытием). Служба преторианцев предоставляла большие преимущества, большое денежное довольствие и более короткое время службы. Преторианцы часто выступали во время смены императоров и отстаивали выбор кандидатов в императоры, предоставлявших им наиболее дорогие подарки. Преторианская гвардия была упразднена в 312 г. Константином.

Префект (*лат.* praefectus — начальник, командующий) — титул высших должностных лиц из всадников и сенаторов в армии и на гражданской службе. Командующий военными подразделениями: Praefectus castrorum (командир лагеря легиона), Praefectus classis (командующий флотом), Praefectus alae, cohortis (командующий алы, или когорты) из сословия всадников. 2. Должностное административное лицо из всадников: Praefectus Aegypti (наместник Египта), Praefectus praetorio (префект претория), Praefectus vigilum (командир пожарных в Риме), Praefectus annonae (заведующий зерновым хозяйством). 3. Должностные лица из сенаторов: Praefectus aerari Saturni или militaris (высший пост финансовой должности), Praefectus urbi (городской префект, обладатель полицейской власти и представитель правосудия в Риме).

Префектура — должность, сфера деятельности префекта, прежде всего префекта претория и городского префекта (Praefectura praetoriana или Praefectura urbana). Со времени реформ Диоклетиана и Константина I Империя подразделялась на 4 префектуры, по 2 в западной и восточной частях Империи. Таким образом, они составляли высшие подразделения территориального управления: Восток, Иллирия, Италия с Африкой, Галлия с Британией и Испанией. Со своей стороны префектуры делились на викариаты или диоцезы с многочисленными провинциями.

[233] *Германцы* — древние племена индо-европейской языковой группы, обитавшие в I в. до н. э. между Северным и Балтийским морями, Рейном, Дунаем и Вислой и в Южной Скандинавии. Их главными занятиями были земледелие и скотоводство. Жили они родовым строем, который в первые века н. э. находился в стадии разложения. В IV—VI вв. сыграли главную роль в так называемом Великом переселении народов, захватили большую часть западной Римской империи, образовав ряд раннефеодальных королевств — вестготов, вандалов, остготов, бургундов, франков, лангобардов.

[234] После смерти Карла Великого его империя (неоднократно делившаяся между его наследниками и окончательно распавшаяся в 843 г.) подвергалась набегам норманнов (людей Севера), называемых также викингами — выходцев из Скандинавии. Викинги, великолепные мореплаватели и воины, проходили на своих судах-драккарах по рекам вглубь страны, подвергая ее грабежам. Постепенно викинги стали захватывать территории и оседать на них, образуя там свои феодальные княжества (в 1061 г. они, например, захватили даже Сицилию). Наиболее крупным и могущественным из норманнских государственных образований стало основанное ими в IX в. герцогство Нормандия (буквально: «Земля норманнов»).

[235] *Валериан* Публий Лициний (ок. 193 — после 260) — римский император с 253 г. по 259 гг. Происходил из италийской сенаторской фамилии. В Реции своими войсками был провозглашен императором. Соправителем сделал своего сына Галлиена. Во время их совместного правления кризис III в. достиг высшей точки. Так как под угрозой нападения находились все границы Империи, Валериан поручил в 254 г. своему сыну защиту рейнско-дунайской границы, а сам отправился в восточные провинции, где с 257 г. безуспешно пытался отражать нападения персов на Каппадокию и Сирию. Инфляция, узурпация власти в провинциях и гонения на христиан в 257—258 гг. увеличивали всеобщую анархию. Валериан потерпел поражение от персидского царя Шапура I при Эдессе, попал в плен и умер в персидской темнице.

Галлиен Публий Лициний Эгнаций (Gallienus) — римский император с 253 г., сын Валериана и до 259 г. его соправитель. В 254—259 гг. оборонял рейнско-дунайскую границу от вторжения в Римскую империю франков, алеманнов, готов и других племен. В 259 г. нанес поражение продвинувшимся до Медиолана (Милана) алеманнам. После того как его отец попал в плен, Галлиен стал единодержавным прави-

телем. Все время его правления было заполнено борьбой против многочисленных узурпаторов в провинциях, которые в большинстве случаев поддерживались местной аристократией. В западной части Империи в 259 г. возникло галльское государство Постума, на востоке — царство Пальмира. Мелких узурпаторов Галлиену удалось устранить. Вследствие вторжения варваров отпали Дакия (в 255 г.), Декуматские поля (в 259 г.), временно была потеряна также Реция. Внутренний и внешний политический кризис III в. достиг при Галлиене своей высшей точки. Во внутренней политике император опирался на муниципальную аристократию. В 262—263 гг. в ходе армейской реформы он закрыл сенаторам доступ в армию в пользу всадников, создал кавалерию, в основном из иллирийских отрядов. Начатые его отцом гонения на христиан он прекратил. Как образованный филэллин и друг Плотина, Галлиен покровительствовал неоплатонизму. Он был убит возле Медиолана в результате восстания командира конницы Авреола.

[236] *Пальмира* — город близ современного Тадмора, крупный центр караванной торговли и ремесла в северо-восточной Сирии, который развился благодаря посредничеству в торговле между Востоком и Западом. С I в. н. э. Пальмира находилась в сфере римского владычества, от Каракаллы она получила статус римской колонии. Оденат расширил ее владения, захватив месопотамские земли. После убийства Одената его жена и преемница Зенобия, продолжила экспансионистскую политику. Она захватила Египет и большую часть римских владений на Востоке. В 272 г. Пальмира была вновь завоевана императором Аврелианом, при Диоклетиане заново укреплена, а в 634 г. захвачена арабами.

Оденат Септимий — арабский принц, правитель Пальмиры ок. 250—266/267 гг. н. э. После пленения Валериана Галлиеном, в 261 г. был назначен верховным главнокомандующим на Востоке. Получил фактическую самостоятельность, вынудив Галлиена признать за ним титул августа; изгнал персов из Сирии и, частично из Месопотамии, и достиг Ктесифона. После убийства Одената в 267 г. в Эмесе его вдова Зенобия (соучаствовавшая в убийстве мужа) продолжила расширение и укрепление независимости Пальмирского царства.

[237] *Клавдий* — Марк Аврелий Клавдий Готик — римский император в 268—270 гг., родился в 219 г. в Далмации. Одержал победу над готами (отсюда прозвище «Готик») при Наиссе. Во время реорганизации придунайских провинций и принудительного заселения готами безлюдных римских территорий умер от чумы в Сирмии.

Аврелиан Луций Домиций (214—275) — римский император с 270 г.; родом из Мизии в Иллирии; происходил из незнатной семьи, очевидно, из семьи колона. Вступив в римское войско при Клавдии II, стал начальником конницы и после смерти императора был провозглашен солдатами дунайских легионов в Сирмии императором. Победы, одержанные над ютунгами, сарматами, вандалами и готами, позволили восстановить дунайские границы Империи. Однако в 271 г. Аврелиан был вынужден уступить готам провинцию Дакию (бóль-

шую часть современной Румынии). В том же году у Павии было остановлено вторжение алеманнов в Италию. Для защиты от возможных нападений в будущем Аврелиан отдал распоряжение о строительстве дополнительных укреплений вокруг Рима и сохранившейся до наших дней так называемой Аврелиановой стены длиной 18,8 *км*. Покорением Пальмирского царства Зенобии в 272—273 гг. и подчинением Галлии, узурпатор которой Тетрик в 274 г. сдался римлянам, Аврелиану удалось воссоединить с Империей почти все области и восстановить ее единство. За это Аврелиан был увенчан почетным титулом «Restitutior orbis». Для укрепления империи он провел денежную реформу и ввел культ ближневосточного бога солнца (Sol invictus), который в 274 г. был провозглашен высшим государственным божеством. Правление Аврелиана подготовило начавшийся с правления Диоклетиана доминат как выражение неограниченной власти императора. Аврелиан первым официально именовался господином и богом (Dominus et Deus) и носил диадему. Он был убит, пав жертвой заговора во время похода против персов.

Тацит Марк Клавдий (*лат.* M. Claudius) — римский император в 275—276 гг., богатый сенатор из Интерамны (современный город Терни) в Умбрии, в 273 г. — консул, после длительного междуцарствия после смерти Аврелиана в возрасте 75 лет стал императором. В Малой Азии он разгромил готов, захвативших территорию от Черного моря и до Киликии. Почти десятимесячное правление Тацита отражало реакцию знати на политику «солдатских императоров» — обострение отношений между сенатом и армией.

[238] *Константин* Великий (ок. 285—337) — Гай Флавий Валерий Константин I Великий (Gaius Flavius Valerius Constantinus) — римский император; в 306 г. избран войском в августы. После победы над Максенцием в 312 г. и над Лицинием в 323 г. стал единоличным правителем в Империи. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, в то же время сохраняя языческие культы. В 324—330 гг. основал новую столицу империи Константинополь на месте Византия, упрочил положение сенаторов и активно привлекал их к управлению государством. Начатое еще Галлиеном разграничение военного и гражданского управления получило при Константине окончательное оформление. Усилилось профессиональное прикрепление сословий, в первую очередь колонов, к земле. Введение в обращение золотого солида стабилизировало денежную единицу. Константин I — основатель так называемой 2-й династии Флавиев (или династии Константина). Русская православная и армянская григорианская церкви чтят Константина Великого как святого.

[239] *Диоклетиан* — см. ниже, Прим. 242.

Галерий Гай Валерий Максимиан (*лат.* Galerius) (250—311) — римский император с 305 г. Был человеком простого происхождения из местности Сердика (София), служил офицером при Диоклетиане, который в 293 г. усыновил его, назначил цезарем и выдал за него свою дочь Валерию. В качестве соправителя проживал в Сирмии на

Саве. В сферу его деятельности входила охрана границ на Дунае и управление балканскими провинциями. В 293—296 гг. вел войну на Дунае с сарматами и готами, в 296—298 гг. — с персами в Армении, Сирии и Месопотамии. Активно участвовал в организованном Диоклетианом преследовании христиан. Став в 306 г. августом, тщетно пытался при держиваться диоклетиановского порядка наследования (см. Прим. 297). Умер в Никомедии от рака.

[240] *Юлиан* Отступник — Флавий Клавдий Юлиан (332—363) — сын Юлия Констанция, племянник Константина I. В 337 г. вместе со своим старшим сводным братом Констанцием Галлом уцелел в солдатской резне, жертвой которой пали его отец и другие родственники. Получил строгое христианское воспитание, но уже в юные годы занимался языческой литературой и философией. Познакомившись с антиохийским ритором Либанием и неоплатоником Максимом, который стал его учителем, под их влиянием обратился к язычеству (отсюда прозвище «Отступник»). В 355 г. Констанций II провозгласил его цезарем (возможным наследником трона) и послал в Галлию для защиты рейнских границ. Юлиан успешно воевал против франков и алеманнов (победа при Аргенторате в 357 г.). В 360 г. в Лютеции (Париж) солдаты провозгласили его императором, но до конфликта с Констанцием II не дошло ввиду смерти последнего в 361 г. Стремясь улучшить положение страны, Юлиан провел реформы финансовой и налоговой систем, расширил права муниципальных курий, усовершенствовал армию и почту. Его усилия по реставрации язычества не имели под собой прочной социальной базы. В 363 г. Юлиан предпринял давно подготовливаемый поход против новой персидской державы, которой правил Шапур II Сасанид, достиг вражеской столицы, Ктесифона, но взять ее не смог и принужден был повернуть обратно. В сражении при Маранге Юлиан получил тяжелые раны и скончался.

[241] *Констанций Хлор* — Флавий Валерий Констанций I Хлор (Бледный) (ок. 250—305) — римский император, отец Константина I. Сын романизированного иллирийца, Констанций был сначала наместников в Далмации, затем в 293 г. усыновлен Максимианом, провозглашен цезарем и соправителем, получил в удел Галлию и отвоеванную им у узурпаторов Британию и основал свою резиденцию в Трире. В 294—299 гг. на рейнской линии разбил франков, фризов и алеманнов. Когда Диоклетиан организовал гонения на христиан, Констанций в своих провинциях не придал им кровавого характера. В 305 г., после отречения Диоклетиана, Констанций стал августом западной части Римской империи. В июле 306 г. он умер в Эборакуме (Йорк) во время похода против пиктов и скотов.

[242] *Диоклетиан* (Diocletianus) Гай Аврелий Валерий (245—316) — римский император с 284 по 305 гг. Происходил из Далмации, сын вольноотпущенника. При Каре был командиром императорской лейб-гвардии и после смерти Нумериана был провозглашен своими отрядами императором. Предпринимал множество военных походов. С целью устранения влияния сената на войска власть цезарей была усилена созданием многочисленного аппарата чиновников и установле-

нием придворных церемоний в восточных традициях. С 297 г. в качестве основного налога за землевладение начала взиматься регулярная плата натурой (annona). Это привело к прикреплению колонов к обрабатываемой земле, что позже было законодательно закреплено Константином. Многие профессии постепенно становились наследственными, например, ремесленники были принудительно объединены в коллегии. В 301 г. Диоклетианом был издан эдикт о ценах. Будучи приверженцем римских традиций, Диоклетиан в целях идеологического укрепления бюрократического государства поощрял культ Юпитера, единообразный для всей империи, безрезультатно пытался замедлить распространение христианства организацией всеобщего преследования христиан (с 303 г.). В 305 г. отрекся от престола. С реформами Диоклетиана начался также доминат, который носил на всех своих формах отпечаток восточной позднеантичной абсолютной монархии. Отсчет эры, названной его именем, начался с 29 августа 284 г. и по сей день сохранился у коптов и эфиопских христиан.

Для стабилизации управления страной и обеспечения защиты границ, а также с целью предотвращения узурпации Диоклетиан ввел административное и территориальное разделение власти — тетрархию. При сохранении в руках Диоклетиана верховного управления Максимиан управлял западной частью Империи уже с 286 г. как второй август. Оба августа были с 293 г. поддержаны 2 цезарями Галерием и Констанцием I, которые считались преемниками. Хотя Рим и оставался номинально столицей Империи, тетрархи правили из приграничных городов-резиденций Никомедии, Антиохии, Медиолана, Сирмии, Фессалоник и Трира. Этим было подготовлено позднейшее расчленение государства, произошедшее в 395 г. после смерти императора Феодосия I. Римская империя разделилась на 2 части: Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю. Граница между обеими половинами империи проходила в Европе приблизительно к западу от Греции и Дакии, а в Северной Африке — к западу от Киренаики.

Западная Римская империя. — Тенденции к расколу Римской империи на западную и восточную части созревали исподволь с середины III в. Институционно раскол был подготовлен реформами Диоклетиана и Константина I. Окончательно разделение империи произошло в 395 г., хотя номинально имперское единство продолжало существовать. Столицей по-прежнему считался Рим, а главными императорскими резиденциями в западной части были вначале Милан, а затем Равенна. Наиболее выдающимися правителями Западной Римской империи были Гонорий и Валентиниан III. В продолжение всего своего существования с 395 по 476 гг. Западная Римская империя находилась в состоянии непрерывного упадка, завершившегося государственным распадом. Британия, Галлия, Испания, Африка и Паннония были захвачены германскими племенами.

В то время как Западная Римская империя пала одновременно с низложением последнего западно-римского императора Ромула Августула (в 476 г.) царем ругиев римским наемником Одоакром, Восточ-

ная Римская (Византийская) империя просуществовала до 1453 г., т. е. еще почти 1000 лет.

Восточная Римская империя (Византийская империя, Византия) — государство IV—XV вв., образованное при распаде Римской империи, в ее восточной части (Балканский полуостров, Малая Азия, юго-восточное Средиземноморье). Столица — Константинополь. Население — греки, сирийцы, копты, армяне и др. Господствующий язык — греческий. В IV — начале VII вв. в Византии стал складываться феодализм (при сохранении в VII в. рабовладения). Особенности византийского феодализма: сохранившиеся в раннее Средневековье города как центры ремесла и торговли; централизованный государственный аппарат и налоговая система; отсутствие сословной замкнутости господствующего класса, развитой вассально-ленной системы; непрочность торгово-ремесленных корпораций, сельской общины, городских коммун.

Наибольшего территориального расширения Византия достигла в VI в. при Юстиниане I, превратившись могущественную в средиземноморскую державу. Завоевания VII — середины IX вв. арабов, славян, лангобардов свели ее территорию в основном к части Балканского полуострова и Малой Азии. Захват в 1204 г. участниками 4-го Крестового похода Константинополя привел к падению Византийской империи, основанию Латинской империи, а на незавоеванной крестоносцами территории — греческих государств (Никейской и Трапезундской империй и Эпирского государства). Византийская империя была восстановлена Михаилом VIII в 1261 г. Взятие в 1453 г. Константинополя турецкими войсками положило окончательный конец Византии.

Римская имперская идея не прекращала своего существования в Византии, а также — в измененной форме — в Священнной римской империи германской нации, прекратившей существование в 1806 г.

[243] *Константинополь* (Царьград) — столица Восточной Римской империи. Основан Константином I в 324—330 гг. на месте города Византий. В 1204 г. стал столицей созданной крестоносцами Латинской империи. Был отвоеван византийцами в 1261 г. В 1453 г. был взят турками и переименован в Стамбул.

[244] *Геродиан* (*лат.* Herodianus) — греческий историк III в. н. э., возможно родом из Сирии; его исторический труд «Tes metra Markon basileias historia» («История от царствования Марка») излагает римскую историю от смерти Марка Аврелия до Гордиана III (180—238). Труд довольно непритязателен и не всегда надежен. Монтескье имеет в виду оценку Геродианом императора Александра Севера.

[245] *Лампридий* Элий (*лат.* Lampridius Aelius) — римский историк IV в. н. э.; его сочинения входят в состав так называемой «Scriptores Historiae Augustae».

[246] *Грациан* Флавий (*лат.* Gratianus) (359—383) — римский император с 375 г., сын Валентиниана I. Еще ребенком в 367 г. стал соправителем своего отца. После его смерти он принял в Трире управление западной частью Римской империи и опекунство над своим

сводным братом Валентинианом II. Под влиянием своего воспитателя и советника Авзония старался наладить добрые отношения с сенатом. В 378—383 гг. по его инициативе шла борьба с алеманнами, сарматами и вестготами на Рейне и Дунае. После поражения у Адрианополя и смерти своего дяди Валента Грациан назначил Феодосия I императором Восточной Римской империи. Как ревностный христианин, Грациан под влиянием Амвросия выступил против язычников, ариан и донатистов. Он сложил с себя обязанности великого понтифика и покончил с терпимостью в отношении различных направлений веры. Когда начался мятеж узурпатора Максима в Британии, император был покинут своими войсками и убит.

Филосторгий (ок. 368—440) — живший в Константинополе еретик (Eunomianer — законник), автор «Церковной истории», охватывающей период с 315 до 425 гг. Сохранились значительные фрагменты этого труда.

[247] *...Валентиниан понял лучше всех необходимость проведения в жизнь старого плана; он употребил всю свою жизнь на укрепление рейнских берегов, на набор там войск, на строение замков, на размещение там войск и изыскание способов к их содержанию...* — Имеется в виду Флавий Валентиниан I (321—375) — римский император с 364 г. Был офицером в римской армии. После смерти Иовиана войско, стоящее в Никее, провозгласило Валентиниана императором. Своего брата Валента Валентиниан провозгласил августом и своим соправителем в восточной части Империи. В 366 г. Валентиниан изгнал алеманнов из Галлии, вплоть до 374 г. успешно вел, находясь по большей части в Трире, оборонительные войны с франками и саксами на Рейнской границе. В 368 г. он совершил военную экспедицию в правобережную Германию и дошел до истоков Дуная. В Британии римская власть при Валентиниане была восстановлена до вала Адриана, в Африке в 372—374 гг. было подавлено восстание. По приказу этого императора вдоль Рейна и Дуная была возведена разветвленная система пограничных укреплений. Держа в страхе сенат, Валентиниан стремился улучшить деятельность администрации и судопроизводство. Будучи ортодоксальным христианином умеренного направления, он терпимо относился к язычникам. Его правление было последним периодом превосходства западной части Империи над восточной. В 367 г. Валентиниан сделал соправителем своего сына Грациана, основав тем самым династию Валентиниана-Феодосия.

[248] *...Но в мире произошло такое событие, которое заставило его брата Валента открыть Дунай, что привело к ужасным последствиям...* — Валент Флавий (328—378) — римский император с 364 г. Был объявлен августом и соправителем своего брата Валентиниана I; правил восточной частью Римской империи. В 365—366 гг. свергнул узурпатора Прокопия; в 367—369 гг. победил готов на Нижнем Дунае. В 370—378 гг. находился в восточных провинциях, ведя войны с персидским царем Шапуром II. В 376 г. вытесненные гуннами вестготы осели во Фракии в качестве федератов (именно это событие име-

ет в виду Монтескье). В 377 г. вестготы, возмущенные произволом римских чиновников, подняли восстание. Валент, не дожидаясь вспомогательных частей Грациана, вступил с ними в бой, но потерпел поражение и был убит. Валент был последним римским императором, поддерживавшим арианство.

[249] *Гунны* — кочевой народ, сложившийся во II—IV вв. н. э. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов. Массовое передвижение гуннов на Запад (с 70-х гг. IV в.) дало толчок так называемому Великому переселению народов. Подчинив ряд германских и других племен, гунны возглавили мощный союз племен, предпринимавший опустошительные походы во многие страны. Наибольшего могущества они достигли при Аттиле. Продвижение гуннов на Запад было остановлено их разгромом на Каталаунских полях (451 г.). После смерти Аттилы (453 г.) союз племен распался.

Аланы — кочевые иранские племена, родственные сарматам. В I в. н. э. пришли из Внутренней Азии и осели на Южно-Русской равнине восточнее Дона и севернее Кавказа. Первые упоминания об аланах относятся к середине I в. н. э. В III в аланы неоднократно вторгались в пределы римской провинции Фракия; в 242 г. они достигли стен Филиппополя. Около 370 г. аланы были вытеснены гуннами с их оседлых территорий на Запад. В V в. часть из них примкнула к свевам и вандалам в Галлии и Испании. Отдельные отряды аланов переправились в 429 г. вместе с королем вандалов Гейзерихом в Северную Африку, где их следы затерялись. Одна из ветвей аланов — роксоланы (рыжие аланы) по мнению некоторых историков является предками русских.

[250] *Каспийские ворота* — узкий проход между Каспийским морем и упирающимися в него труднопроходимыми Кавказскими горами; расположен в районе города Дербент (Дагестан), который в прежние времена представлял собой древние ворота народов, через которые в исторические и доисторические времена из Азии в Европу двигались целые народы. В городе до сих пор сохранилась крепость и две стены, спускающиеся от нее к морю и уходящие под воду. Они-то и замыкали Дербентский проход. Бóльшая часть города до сих пор находится внутри крепостных стен (для того, чтобы проложить полотно автомобильной трассы и железной дороги Ростов—Баку пришлось разобрать часть этих стен).

[251] *Киммерийский Босфор* — Киммерийский Боспор — древнее название Керченского пролива между Херсонесом Таврическим (Крым) и Таманским полуостровом, соединяющим Черное и Азовское моря. На берегах Киммерийского Боспора в древности располагалась греческая (милетская) область со столицей Боспорского государства Пантикапеем (в византийские времена — Боспорос) на европейском и Фанагорией (колония Теоса) на азиатском побережье пролива. Киммерийский Боспор играл важную роль в развитии торговых связей с придонскими зерновыми районами. Слово «Боспор» имеет, очевидно, фракийское происхождение и в греческом народном толковании означает «бычий брод».

[252] *Готы* (*лат.* Goti) — основная часть германских племен. В III в. н. э. жили в Северном Причерноморье. Делились на вестготов (западных готов) и остготов (восточных готов).

Иногда готами называли восточных германцев, в латинских источниках они называются готонами или готами. В I в. н. э. готоны упоминаются как племена, жившие в низовьях Вислы. Позже ими было создано легендарное государство на Днепре. С 330-х гг. готы становятся соседями Римской империи на Нижнем Дунае. В древности готов иногда причисляли к гетам и скифам. Со 2-й трети III в. между римлянами и готами начались столкновения. Римские императоры Клавдий II и Аврелиан нанесли готам поражение. В 470-х гг. часть готов искала убежище у гуннов на римских землях. Вестготы одержали победу над императором Валентом в битве при Адрианополе. Остготы были подданными гуннов. Названия вестготов и остготов (благодаря созвучию со странами света) являются искаженным от «визиготы» и «аустроготы». С уходом вестготов и остготов на запад готы остались на востоке (так называемые малые готы на Балканском полуострове и крымские готы; остатки их языка сохранялись еще в XVI в.). Готы внесли большой вклад в распространение христианства в Германии. На готском языке написаны древнейшие германские литературные памятники (Вульфилой — умер в 383 г. — была переведена Библия). Литературный материал готов использован в германской и северной героической поэзии.

[253] *Алеманны* (*лат.* Alamanni) (швабы) — германское племя (от них произошло название исторической области Швабия). В ряде романских языков слово «алеманн» сохранилось как наименование немцев.

С конца III в. н. э. алеманнами римляне называли германцев, живших в верховьях Дуная и Рейна на противоположном римским владениям берегу. Германское по происхождению, слово «алеманны» означало нечто схожее по смыслу с «толпой». Вероятно, оно служило названием, которым именовали себя вооруженные отряды, вторгшиеся из Южной Германии в Галлию. Однако сами алеманны, в отличие от римлян, называли себя швабами. Алеманнские наемники, по всей видимости, уже с IV в. стали играть заметную роль в Римской Империи. Так, в 306 г. алеманн Крокус способствовал выдвижению Константина I. Константином II войска алеманнов были обращены против его соперника, императора Магнеция. Однако в 357 г. их разбил Юлиан Отступник при Аргенторате (современный Страсбур). В позднем среднелатинском название Alamannia трансформировалось в «Германия», во французском и испанском языках соответственно в Allemagne и Alemania.

[254] С конца XIV в. Швеция, Норвегия и Дания были объединены личной унией (Кальмарская уния), в которой фактически установилось господство Дании. В XV в. в Швеции началось движение за независимость (восстание 1434—1435 гг.), правление Карла Кнутсона (1448—1470 гг., с перерывами), правление дома Стуре (с 1471 г.). Попытки Дании вернуть власть над Швецией потерпели полное поражение. В дальнейшем, при династиях Ваза и Виттельсбахов (XVI—

XVII вв.), Швеция превратилась в самое могущественное государство Северной Европы и отняло у Дании юг Скандинавского полуострова, до тех пор принадлежавший ей).

[255] Современными татарами Монтескье, возможно, называет либо татаро-монголов, либо казаков, много позаимствовавших из их тактики, в частности, упоминаемое им ложное отступление с целью заманить противника в засаду. Именно эта тактика позволяла татарам громить рыцарские армии в XIII в.

[256] См. Прим. 28.

[257] *Велизарий* (505—565) — полководец Юстиниана, германец по происхождению. В 532 г. подавил восстание «Ника». Своими военными походами и завоеваниями проводил в жизнь политику Юстиниана, направленную на реставрацию Римской империи. В 534 г. разгромил вандалов; в 535—540 и в 544—548 гг. вел военные действия против остготов в Италии; в 542 г. сдерживал наступление персов, а в 559 г. — гуннов. Кампании Велизария описаны Прокопием, сопровождавшим его в походах. В 562 г. Велизария обвинили в заговоре против императора; через год его оправдали. Предание, будто Велизарий был ослеплен и был вынужден просить милостыню, очевидно, неверно, хотя и зафиксировано в среднегреческом эпосе.

[258] *Сальвиан* (ок. 400—480) — христианский писатель; с 425 г. — монах Леринского монастыря; с 439 г. — священник в Марселе. Известен прежде всего как автор труда «О власти Господа» («De gubernatione Dei»). Этот труд повествует о нужде и падении нравов в среде римско-католического населения, вызванных великим переселением народов. Мысли Сальвиана об истории носят апокалипсически-эсхатологический характер. Крушение Римской империи следует понимать как карающий суд Бога. Варвары же, по мнению Сальвиана, намного превосходят римское население с точки зрения морали и религии. В 9 письмах и в послании «К церкви» («Ad ecclesiam») он выдвигает предложения, как преодолеть социальные пороки. Его стиль отличается риторическим блеском, хотя и несет в себе элементы вульгарности.

[259] *Аттила* (ок. 434—453) — могущественный царь, который объединил под своей властью кочевой народ гуннов и другие племена (остготов, герулов, аланов). Аттила захватил и разграбил римские провинции на Балканах и вынудил восточно-римского императора Феодосия II платить ему дань. Во время похода против Галлии Аттила в 451 г. потерпел поражение от войск под предводительством Аэция. От осады Рима Аттила отказался в связи со вспышкой эпидемии в войске. Умер он в своем лагере в Паннонии в ночь после своей свадьбы с Ильдекой (предположительно германкой по происхождению). Существует версия, что именно Ильдека убила Аттилу, отомстив ему за истребление своего народа. После кончины Аттилы его государство распалось. В «Песне о Нибелунгах» Аттила изображен под именем короля Этцеля.

[260] *Симмах* Квинт Аврелий (ок. 345—403) — латинский оратор; в 384—385 гг. — префект Рима; в 391 г. — консул; глава «Кружка

Симмаха», объединявшего представителей сенаторской аристократии, боровшихся против наступления христианства, за возрождение римской веры и сохранение римского культурного наследия, в первую очередь литературы. При этом они вели филологическую работу с произведениями древнейших римских поэтов (в частности, Ливия и Вергилия), переиздавали их и тем самым спасали от гибели драгоценные памятники культуры. Симмах — автор «Посланий» (сохранилось 10 книг) и «Речей» (среди них — реляции, т. е. служебные письма императорам). В третьей реляции Симмах выступает за восстановление алтаря Виктории в зале сената.

[261] *Августин* Аврелий (354—430 гг.) — епископ Гиппонский (в Северной Африке), один из первых христианских богословов (крупнейший древнехристианский богослов вообще), философ-мистик, сторонник неоплатонизма. Августин был ревностным защитником рабства и частной собственности, вел пропаганду мирового владычества церкви. История, по воззрениям Августина, есть борьба между сторонниками христианской церкви и сторонниками «сатаны».

[262] *Феодосий* II (401—450) — восточно-римский император с 408 г., сын императора Аркадия, внук Феодосия I; еще ребенком стал августом. Будучи правителем Восточной Римской империи, он всю свою жизнь был марионеткой в руках своих министров и женщин. Например, с 408 по 414 г. он находился под влиянием префекта Анфемия, потом своей сестры Пульхерии, затем своей жены Атенаис-Евдоксии. В период правления Феодосия II велись войны с персами и армянами, а также набиравшими силу гуннами, жившими тогда в бассейне Дуная. Чтобы установить добрые отношения с гуннами, Феодосий начал с 430 г. платить дань их королю Аттиле. В 424—425 гг. Феодосий помог Валентиниану III и его династии утвердиться в Западной Римской империи. Духовенство вело догматические дискуссии по христологическому вопросу, в котором император отдавал предпочтение монофизитству. В 429—438 гг. Феодосий подготовил свод императорских законов (начиная с 313 г.), вышедший под названием «Кодекс Феодосия» («Codex Theodosianus») и действовавший в обеих частях Римской империи. В целях защиты в 413—439 гг. Константинополь был обнесен мощными стенами («стены Феодосия»); в 425 г. здесь был построен университет.

[263] Монтескье, по-видимому, имеет в виду Констанция Галла, старшего сводного брата Юлиана Отступника, бывшего предположительно императором в 351—354 гг. На период его правления приходятся первые вторжения франков, алеманнов и саксов в Галлию.

[264] *Аркадий* Флавий (377—408) — восточно-римский император с 395 г. Был сыном Феодосия I и уже в 383 г. был провозглашен августом и соправителем. После смерти отца и окончательного раздела империи в 395 г. получил восточную половину государства и стал первым императором Восточной Римской империи. Являлся слабым и малоспособным человеком, находился в постоянной зависимости от придворных чиновников и советников, прежде всего от Руфина, евнуха Евтропия, а позднее и от супруги Евдоксии. Его правление знаме-

новалось ожесточенными оборонительными сражениями с германцами и гуннами, а также гонениями на язычников и еретиков.

Гонорий Флавий (*лат.* Honorius) (384—423) — император Западной Римской империи с 395 г. Был младшим сыном Феодосия I и уже с 393 г. был назначен августом и соправителем. При разделе Империи после смерти своего отца в 395 г. получил ее западную половину. До 408 г. юный император правил при опеке полководца Стилихона, которого он затем велел убить, подозревая его в измене. После этого вестготы под предводительством Алариха I вторглись в Италию, в 410 г. взяли Рим и разграбили его. После смерти Стилихона Гонорий находился в зависимости от министров и полководцев, в особенности от ставшего его соправителем Констанция III (с 411 по 421 гг.). Хотя на короткое время удалось покончить с узурпацией в Италии и почти во всех провинциях, правительство Гонория не могло больше сдерживать дальнейшее проникновение германцев и других варваров и связанный с этим продолжающийся распад Западной Римской империи. В 407 г. была фактически оставлена Британия. Гонорий поддерживал церковь и боролся с язычниками и еретиками, особенно с донатистами. Его резиденцией сначала был Милан, а с 404 г. постоянно — Равенна (где он и умер), которая во время его правления развивалась как столица Западной Римской империи.

[265] *Фракия* — историческая область на востоке и юго-востоке Балканского полуострова, простиравшаяся от Карпат до Эгейского моря (с севера на юг) и от Черного и Мраморного морей до реки Аксий (ныне Вардар), служившей границей между Фракией и Македонией (с востока на запад). Получила свое название по названию многочисленных фракийских племен, еще с бронзового века населявших ее территорию. С VIII в. до н. э. греки, особенно жители ионийского города Милет, начали основывать на побережье Эгейского и Черного морей колонии, поддерживавшие с фракийскими племенами оживленные культурные и торговые связи. Фракия попала под власть Филиппа II, затем его сына Александра III (Македонского), а с 46 г. н. э. стала римской провинцией. В настоящее время Восточная Фракия с городом Эдирне находится в составе современной Турции (от Мраморного моря до реки Марица на границе с Грецией), Западная Фракия с городами Ксанти и Комотини (на северо-востоке Греции) — в составе современной Греции, Северная Фракия — это, практически, бóльшая часть современной Болгарии (границы между Турцией, Грецией и Болгарией были установлены Лозаннским мирным договором 1923 г.).

Фракийцы — общее название многочисленной группы индоевропейских племен, населявших Балканский полуостров и встречавшихся в Малой Азии. Впервые это название упоминается в «Илиаде, где фракийцы выступают союзниками Трои. Основные племена: бессы, геты, трибаллы, мизийцы, одрисы, фригийцы, возможно, и даки. В VI—III вв. до н. э. существовало самостоятельное государство Фракия во главе с одрисами. Греки считали фракийцев дикими, склонными к пьянству варварами и искусными наездниками. В III в. до н. э.

фракийцы попадают под власть кельтов. Арес, Дионис и Орфей были родом из Фракии.

Мёзия (Moesia) — древняя область между Нижним Дунаем и Балканами, первоначально населенная фракийскими племенами. В период правления Августа здесь дислоцировались 2 легиона. В VII—VI вв. до н. э. эту территорию колонизовали греки; с конца I в. до н. э. она находилась под властью Рима, в составе римской провинции Македония, а после прихода к власти Тиберия (14—37 гг. н. э.) получила статус самостоятельной провинции, названной Мёзией. При Домициане (примерно в 85 г. н. э.) Мёзия была разделена на 2 провинции: Верхняя Мёзия (примерно территории современной Сербии) и Нижняя Мёзия (территория между Дунаем и Балканами). При Траяне в состав Мёзии временно входили также земли севернее Дуная. После эвакуации римских войск при Аврелиане (270—275) из Дакии, частично из Верхней и Нижней Мёзии вместе с Фракией были созданы 2 провинции со столицами Ратиария (близ Видина на Дунае, на западе Болгарии) и Сердика (современная София). После окончательного разделения Римской империи эти территории были включены в Восточную Римскую империю и находились под властью Византии вплоть до создания в 681 г. 1-го Болгарского царства. С середины III в. в Мёзию непрерывно вторгались сначала племена германцев (готы, которые и осели здесь в IV в.) и гуннов, а затем аваров и славян (болгар, в VI—VII вв.).

Паннония (Pannonia) — римская провинция между Восточными Альпами и реками Дунаем и Савой, занимала часть современных Венгрии, Югославии и Австрии, получила название от населявших ее иллирийских племен — паннонцев. Захват этого региона римлянами начался еще при Августе в 35—33 г. до н. э. и продолжался при острейшем сопротивлении местного иллирийско-кельтского населения вплоть до подавления Паннонского восстания (6—10 гг. н. э.) Тиберием, ставшим впоследствии императором. В 8 г. н. э. были учреждены провинции Верхний Иллирик (позднее Далмация) и Нижний Иллирик (со времени около I в. н. э. — Паннония). Несмотря на то, что жизнь в Паннонии как в пограничной провинции определялась военными столкновениями с варварами, тем не менее она быстро достигла экономического и культурного расцвета (в глубине ее территории создавались, росли и процветали города, застроенные богатыми виллами и т. д.), который продолжался до III в. С начала II в. Паннония была разделена на Верхнюю и Нижнюю. С середины III в. постоянные варварские нападения (вандалы, свевы, сарматы и др.) способствовали упадку обеих Панноний, каждая из которых при Диоклетиане была снова разделена: Верхняя — на Первую Паннонию и Савию, а Нижняя — на Вторую Паннонию и Валерию. В IV в. императоры часто отправлялись в Паннонию, преимущественно затем, чтобы вести там войны. Гуннское нашествие в V в. привело к постепенному отказу Рима от паннонских провинций. Последняя попытка вновь завоевать Паннонию около середины V в. успеха не имела.

[266] *Страна нориков* — Норик (Noricum) — область кельтско-иллирийских племен, занимавшая приблизительно территорию современ-

ной Австрии (между верхним течением Дравы и Дунаем), богатая полезными ископаемыми. В 16—15 гг. до н. э. Норик был включен в состав Римской империи, после чего начался быстрый процесс его романизации. При Клавдии или Нероне Норик был превращен в римскую провинцию, при Диоклетиане — разделен на 2 провинции: придунайскую (Noricum ripensis) и внутреннюю (Noricum mediterranium). Со II по VI вв. Норик подвергался опустошительным набегам соседних племен: в конце 408 г. н. э. его территория была завоевана Аларихом I, а в конце V в. — остготами. В VI в. он был занят славянами, а часть отошла к Италии.

[267] *Норманны* («северные люди»), т. е. викинги — скандинавы, участники морских торгово-грабительских и завоевательных походов в конце VIII — середине XI вв. в страны Европы. На Руси их называли варягами, в Западной Европе норманнами. В IX в. они завоевали Северо-Восточную Англию, в X в. — Северную Францию (Нормандия). Достигли Северной Америки.

[268] *Вандалы* — группа восточных германских племен, первоначально населявших полуостров Ютландию, а с I в. до н. э. — территорию между Одером, Вислой, Судетами и Карпатами. Подразделявшиеся на 2 ветви (силингов и хасдингов), вандалы во II в. н. э. приняли участие в Маркоманских войнах и продвинулись до территории современной Северной Венгрии. Обосновавшись в IV в. н. э. в Паннонии, вандалы поставляли римскому войску наемников, из среды которых вышел ряд талантливых полководцев, в том числе военачальник Стилихон. В 406 г. вандалы вместе с аланами и свевами двинулись на запад и, перейдя Рейн и пройдя всю Галлию, в 409 г. достигли Испании, о чем до сих пор напоминает названия провинции Андалусия (Вандалусия). Силинги были почти полностью уничтожены в Испании вестготами, а хасдинги в 429—439 гг. под предводительством Гензериха захватили римскую Северную Африку и обосновались на территории современного Туниса, основав раннефеодальное государство. Королевство вандалов стало первым германским королевством на земле Римской империи. Флот вандалов завоевал господство на Средиземном море. В 455 г. вандалы разграбили Рим, уничтожив многие памятники античной культуры (отсюда — вандализм) захватили Балеарские острова, Сардинию и Корсику. В их государстве не произошло никаких революционных социально-экономических сдвигов. Усиление религиозных разногласий между вандалами-арианами и местным католическим населением облегчило в 533—534 гг. византийскому полководцу Велизарию завоевание королевства.

[269] *Вестготы* (визиготы), или тервинги — германское племя, западная ветвь готов, отделившаяся от остготов задолго до завоевания Рима Аларихом. В начале V в. н. э. вестготы вторглись в Италию; в 410 г. они, возглавляемые королем Аларихом I, разграбили Рим. В 418 г. они были поселены на территории Южной Галлии между устьями рек Гаронны и Луары в качестве федератов. В 475 г. они стали независимыми и образовали раннефеодальное Тулузское королевство. После этого начинается экспансия вестготов в Испании, где в 507 г.

возникает Толедское королевство. В 507 г. Аларих II в битве при Пуатье потерпел поражение от короля франков Хлодвига и был вынужден отдать франками почти все владения вестготов в Галлии. С 552 г. и приблизительно до 625 г. некоторые части Южной Испании находились под властью Византии, однако Толедскому королевству удалось укрепить свое могущество за счет включения в 585 г. в свой состав государства свевов и официального принятия католицизма в 589 г. (с тех пор Вселенские соборы западной церкви проводились в Толедо). В VII в. в государстве вестготов произошел значительный культурный подъем, выразившийся в деятельности таких энциклопедистов, как Исидо Севильский, а также в развитии архитектуры и законодательства. Одновременно наблюдались экономические сдвиги, подготовившие утверждение феодальных отношений (букцеллярии; становление ленной формы зависимости). Несмотря на усилившееся самосознание и харизматический ореол божественного происхождения королевской власти в государстве вестготов, она оказалась неспособной противодействовать в VII в. центробежным тенденциям готской знати и свободолюбивым устремлениям отдельных народностей (например, басков). В силу этих причин государство вестготов при Родерихе в 711 г. пало под ударами арабов. Возникшая позднее идея испанской Реконкисты своим происхождением обязана главным образом длительному сохранению в Северной Испании остатков готов.

[270] *Равенна* (Ravenna) — город и порт в Северной Италии на Адриатическом море, административный центр современной провинции Равенна. С 404 по 423 гг. (при императоре Гонории) была столицей Западной Римской империи. В VI в. н. э. (до 584 г.) был образован Равеннский экзархат — византийское владение в Северной Италии с центром в Равенне. Его целью было служить в качестве форпоста против наступления варваров. Равеннский экзархат был завоеван лангобардами в 751 г. В городе до сих пор сохранились мавзолей Галлы Пласидии (V в. н. э.), мавзолей Теодориха (VI в.) и остатки так называемого дворца Теодориха (VI—VIII вв.).

[271] *Зенон* Исавр — византийский император в 474—491 гг. В 468 г. женился на Ариадне, дочери Льва I, умершего в 474 г., в результате чего Зенон стал регентом малолетнего сына, после смерти которого провозгласил себя императором. В 475 г. он был вынужден бежать из Константинополя от возведенного народом на престол императора Василиска. В 477 г. Зенон с помощью интриг вновь взошел на престол.

Теодорих (Theodorich, Theoderich) (ок. 454—526 н. э.) — король остготов с 471 г. н. э. Родился в Паннонии; в детстве был заложником в Константинополе. По приказу византийского императора Зенона воевал против Одоакра. После взятия Равенны и убийства в 493 г. Одоакра основал в Италии относительно независимое от Византийской империи государство остготов. Проводил политику сближения остготов с франками, вестготами, бургундами, вандалами и особенно с римлянами, для чего поручал военные должности готам, а гражданские передал в руки знатных римлян, например Кассиодора. Однако эта его политика потерпела неудачу, а вследствие борьбы за власть

среди многочисленных жертв оказался и Боэций, философ и советник Теодориха, которого обвинили в государственной измене. После смерти Теодориха, его похоронили в Равенне, в двухярусном купольном склепе, хорошо сохранившемся до наших дней.

[272] *Аларих* I (Alaricus, Alarich) (ок. 370—410 н. э.) — король вестготов с 395 г. н. э. Первоначально являлся союзником Феодосия I, в дальнейшем добился у Аркадия самостоятельности внутри Восточной Римской империи, став наместником Иллирии. В 401 г. он вторгся в пределы Италии и оказался в самом центре событий в Западной Римской империи. В качестве компенсации за утрату своего положения в Иллирии Аларих I должен был получить Галлию, однако смерть Стилихона сорвала эти планы. В 409 г. Аларих провозгласил королем Аталла и в 410 г. захватил Рим (падение Рима явилось очередным тяжелым поражением Западной Римской империи). Умер Аларих в том же году в Казенции.

[273] *Финикия* (*греч.* Phoinike) — древняя страна на восточном побережье Средиземного моря. Города-государства Финикии (Библ, Тир, Сидон и др.) вели активную морскую и сухопутную торговлю, основали ряд колоний в Средиземноморье, в том числе Карфаген. В VI в. до н. э. Финикия была завоевана персами, а в 332 г. до н. э. — Александром Македонским.

Иония — область, населенная ионянами, лежащая на западном побережье Малой Азии, близ Лидии и Карии, с островами Хиос м Самос и с 12 городами: Хиос, Эритрея, Теос, Колофон, Эфес, Самос, Приена, Милет, Фокея, Клазомены, Лебедос, Миунт. Позднее к Ионии стали относить прежде эолийскую Смирну. Общим святилищем Ионийского союза был Панионий на мысе Микале близ Приены, где ежегодно происходили всеионийские празднества (Паниония). Название Ионического моря и Ионических островов на западе Греции не связано с Ионией.

[274] *...эти разрушители сами были погублены франками, греками и маврами...* — имеются в виду варварские племена, о которых Монтескье говорит в предыдущем абзаце. В 409—411 гг. — в период правления императора Гонория — вандалы, аланы, свевы поселились в Испании, вестготы, франки, бургунды и алеманны вторглись в Галлию, гунны с 409 г. — в Паннонию. Началось создание государств-федератов.

Франки — группа германских племен, появившихся в III в. н. э. на Нижнем и Среднем Рейне. В конце V — начале VI вв. завоевали Галлию, образовав Франкское государство. Позднее разделились на 2 группы: рипуарские франки расселились по Среднему Рейну, а салические (т. е. приморские) франки — по Нижнему Рейну. Именно салические франки, завоевав в конце V — начале VI вв. Галлию, основали Франкское государство.

Согласно другой версии разделение франков на рипуарских и салических не соответствует действительности, так как о рипуариях можно с уверенностью говорить с VIII в. н. э., а к этому времени название «салии» уже исчезло.

К IV в. н. э. франки занимали высшие посты в Римской империи; франкского происхождения был полководец Сильван, в 355 г. домогавшийся императорского титула. Франкский король Хильдерик (умер в 482 г.) и его сын Хлодвиг (умер в 511 г.) носили почетные римские титулы и даже были римскими должностными лицами. После побед над Сиагрием и Аларихом II Хлодвиг овладел большей частью Галлии. Он принял христианство и пользовался поддержкой католической церкви, опирался на церковные и государственные организации римлян в Галлии. На основе последних строилось управление в государстве Меровингов: francus при Меровингах было не национальным, а сословным обозначением; вещное наследство эпохи Меровингов следует назвать не франкским, а меровингским.

Название «франки» впервые упоминается в 291 г. н. э. Оно служит для обозначения морских и прибрежных разбойников и связано прежде всего с местностью к востоку от Рейна. Поскольку франкские разбойничьи отряды селились в районе устья этой реки и совершали набеги вниз по течению, франки стали собирательным названием для варваров, живших к востоку от Нижнего Рейна. Начиная с последней трети IV в. франки и германцы стали одной группой людей.

Мавры (*лат.* Mauri, от *греч.* mauros — темный) — в древности римское название коренного населения Мавретании (не путать с современной Мавританией), в средние века в Западной Европе название мусульманского населения Пиренейского полуострова в Западной части Северной Африки.

[275] *Одоакр* (Odoacer) (ок. 431/433—493) — германский правитель Италии с 476 г.; сын царя ругиев Эдикона; командовал отрядами германских наемников в императорской гвардии. В 476 г. возглавил мятеж восточногерманских наемников против императора Ромула Августула, низложение которого означало фактический конец Западной Римской империи. Формально Одоакр в 477 г. подчинился византийскому императору Зенону и правил как назначенный Зеноном Patricius и Magister militum (полководец). В действительности же Одоакр в 476—493 гг. был первым германским правителем Италии. Существовавший до него общественный уклад оставался, однако, почти без изменений. Одоакр имел резиденцию в Равенне. Его власть опиралась на германские наемные войска, получившие земельные наделы. Одоакр постарался наладить добрые отношения с сенатской аристократией, а также с католической церковью, хотя сам он был арианином. В 476—477 гг. он отбил у вандалов Сицилию, в 481 г. присоединил Далмацию, в 487—488 гг. уничтожил государство ругиев (ругов) в Норике. Однако ему пришлось отказаться от дунайских границ и от провинции Норик. С 486 г. ухудшились отношения Одоакра с Зеноном, а в 488 г. остготы во главе с Теодорихом вторглись в Италию. В 489—490 гг. Одоакр потерпел несколько поражений в Северной Италии, в течение 3-х лет был осажден в Равенне и после взятия города убит самим Теодорихом. В Италии после этого возникло государство остготов.

[276] *Венеция* (Venezia) — город в Северной Италии, расположенный преимущественно на островах Венецианской лагуны Адриатического

моря; административный центр провинции Венеция и области Венеция. Поселение Венеция известно уже с V в. до н. э. город — с начала IX в. н. э. С IX—X по XVI вв. — крупный центр посреднической торговли между Западной Европой и Востоком. В средние века являлась республикой (с конца XIII в. олигархическая, с дожем во главе) со значительной подвластной ей территорией. В 1797—1805 гг. и 1815—1866 гг. Венеция была владением Австрии.

[277] *Арморика* (Armorica) — в древности кельтское название северо-западной Галлии (территория современной Бретани).

Британия (*лат.* Britannia, *греч.* Prettanike) — наиболее крупный из Британских островов и находившаяся на его территории римская провинция. Впервые в поле зрения греков Британия попала благодаря финикийским мореплаваниям к богатому цинковыми залежами Корнуолу. В сочинении «Ora maritima» Авиен именует Британию Альбионом, в отличие от Ирландии (Ierne). Британия была населена еще в эпоху палеолита; примерно с 500 г. до н. э. сюда стали переселяться кельтские племена. В 55 и 54 гг. до н. э. Юлий Цезарь предпринял 2 экспедиции в Британию. При Клавдии в 43 г. н. э. римляне захватили южные области острова и провозгласили их римской провинцией. В 61 г. Светоний Паулин подавил восстание икенов, возглавляемое их царицей Боудиккой. Во времена Флавиев римляне благодаря Юлию Агриколе, тестю знаменитого историка Тацита, расширили свои владения в Британии в северном направлении до Клоты и Бодотрии. Однако Адриану пришлось оставить территорию нынешней Южной Шотландии. По его указу для обеспечения безопасности римских владений в Британии был сооружен оборонительный вал от Карлайла до Ньюкасла, строительство которого завершилось в 127 г. При Антонине Пие в 143 г. граница вновь была продвинута на север и укреплена оборонительным валом. Несмотря на это, в 184 г. Септимий Север, разделивший Британию на 2 провинции — Нижнюю Британию (Britannia inferior) на востоке острова и Верхнюю Британию (Britannia superior) на западе острова — снова был вынужден отойти к Адрианову валу. В 259—268 гг. Британия входила в состав империи узурпатора Постума; при Караузии и Аллекте Британия в 286—297 гг. отделилась от Римской империи, но была вновь возвращена в ее состав Констанцием Хлором. В IV в. Британия подвергалась частым нападениям пиктов и скотов из Шотландии (Каледонии), а также германских племен (франков, саксов). В начале V в. римляне вывели свои войска из Британии. Власть на острове перешла в руки местных племен и вторгшихся в его пределы англов, саксов и ютов. Наиболее сильно романизированными областями Британии стали южные и юго-восточные районы, где римляне основали города Эбуракум (Йорк), Лондиниум (Лондон) и Камулодунум (Колчестер).

[278] *Юстиниан* (Юстиниан I, 482—565) — император Восточной римской империи в 527—565 гг. Стремился к экономической и политической стабилизации восточно-римского государства и к восстановлению Римской империи в ее прежних границах. С этой целью вел войны на границах. Его полководцы Велизарий и Нарсес временно от-

воевали захваченные варварами области Западной римской империи: в 533—534 гг. — Северную Африку у вандалов, в 535—554 гг. — Италию у остготов, в 554 г. часть Юго-Восточной Испании у вестготов. Однако на восточных границах периодически возобновлялись войны с персами (лишь в 562 г. был заключен первый прочный мир с Хосровом I). Стремясь создать сильную самодержавную власть, боролся с влиятельным сенатским сословием и пытался ограничить рост крупного землевладения. В своей деятельности опирался на широкий слой средних землевладельцев и куриалов, а также на бюрократическую верхушку. Увеличение налогов затрагивало прежде всего крестьян, однако привело также к сильным волнениям среди городского населения. Мощное восстание «Ника», охватившее все население Константинополя в 532 г., по приказу Юстиниана было жестоко подавлено. Огромное значение имело проведенное по инициативе Юстиниана собрание и кодификация действовашего римского права («Свод гражданского права» — «Corpus iuris civilis», 529 г.). При Юстиниане процветали литература и искусство (архитектура, особенно строительство церквей, и искусство мозаики). Однако попытка реставрации Римской империи, предпринятая Юстинианом, истощила экономические ресурсы государства и держава Юстиниана при его наследниках лишилась его территориальных приобретений и распалась. Юстиниан поддерживал ортодоксальную христианскую церковь, боролся против монофизитов и в 529 г. закрыл афинскую философскую школу (афинскую Академию), оплот неоплатонизма.

[279] Вероятно, Монтескье имеет в виду одного из последних западноримских императоров Ливия Севера (461—465).

[280] *Бургунды* — Бургундия — Бургонь (Bourgogne) — историческая провинция во Франции, в бассейне реки Сена и немного южнее. На ее территории расположены департаменты современной Франции Кот-д'Ор, Сона и Луара, частично Йонна. Главный город — Дижон. В средние века названия Бургундия носили различные государства и территориальные образования: королевства (с центром в Лионе в V—VI вв. и с центром в Арле в X—XIV вв.), графство, герцогство (с центром в Дижоне) в IX—XV вв., вошедшее в 1477 г. в состав Французского королевства. До 1790 г. Бургундия имела статус провинции.

Лангобарды — германское племя, согласно преданию, некогда населявшее Скандинавию. В период принципата Августа они заняли оба берега в районе нижнего течения Эльбы и в V в. н. э. оказали ожесточенное сопротивление римским войскам под командованием Тиберия. Одно время лангобарды входили с созданный Марободом союз племен. Во время великого переселения народов они в 568 г. вторглись в Северную Италию и образовали там свое королевство (отсюда название современной Ломбардии) со столицей в Павии. Кроме того существовали лангобардские герцогства Сполето и Беневент. В VII в. лангобарды-ариане перешли в католическую веру и издали на латинском языке «Лангобардскую правду» — свод законов, которым обязаны были подчиняться как сами лангобарды, так и римское население. Были покорены Карлом Великим.

Сарацины (*греч.* sarakenoi) — в древности арабское бедуинское племя, обитавшее в пустыне северо-западной Аравии и Синайского полуострова (ныне между Суэцким каналом и Газой живет маленькое бедуинское племя саварке); имели контакты с римскими наместниками провинции Аравия. Византийцы и христианские авторы средневековья называли сарацинами всех арабов или же всех мусульман, а иногда даже всех нехристиан.

[281] *Ариане — арианство* — течение в христианстве в IV—VI вв. Его зачинатель — священник Арий (умер в 336 г.) из города Александрия. Ариане не принимали один из основных догматов официальной христианской церкви о единосущности Бога-отца и Бога-сына (Христа); по учению Ария, Христос как творение Бога-отца — существо, ниже него стоящее. Было осуждено как ересь Никейским (в 325 г.) и Константинопольским (в 381 г.) вселенскими соборами.

[282] *Прокопий* (*лат.* Procopius) (ок. 500 — после 565) из Кесарии (Палестина) — юрист и ритор из сенатской аристократии, секретарь восточно-римского полководца Велизария, высший сановник и историк эпохи Юстиниана I. Выдающийся представитель восточно-римской историографии; был консервативен и привержен сенатской верхушке. Помимо панегирика строительной деятельности Юстиниана «О постройках» («Peri ktismaton»), написал историю войн Юстиниана против персов, вандалов и остготов («Войны»). После смерти Юстиниана в посмертно опубликованной «неизданной» (anecdota) «Тайной истории» критиковал политику Юстниниана и Феодоры с позиций старой сенатской знати. Прокопий, который писал на аттическом греческом языке, считается предтечей поздней византийской историографии; в его работах нашло отражение развитие военно-исторической мысли его времени.

[283] *Витиса* (Витица) (ум. 710 г.) — король испанских вестготов, свергнут Родериком (Родриго).

[284] *Свевы* (*лат.* suebi, suevi) — большая группа западно-германских народов, племена которых с I в. до н. э. распространились от Северной и Южной Германии до Центрального Дуная. Часть свевов под началом Ариовиста (германский король, приглашенный одной из партий галльской знати в качестве своего рода «наемного лидера» и приобретший в дальнейшем самостоятельное значение) в 70-х годах I в. до н. э. устремились в Галлию. В 59 г. до н. э. Цезарь способствовал признанию сенатом Ариовиста «другом римского народа», однако в 58 г. до н. э. изгнал его из Галлии, так как он мешал его планам дальнейшего завоевания страны.

[285] *Герулы* (*лат.*) — восточно-германское племя. В середине III в. н. э. было вытеснено датчанами из Скандинавии. Западные герулы переселились в низовья Рейна и предпринимали до V в. разбойничьи походы (в том числе и по морю) в Галлию и Испанию. В VI в. они были покорены франками. Восточные герулы двинулись к Черному и Азовскому морям и с 267 г. вместе с готами теснили римлян. В IV—V вв. герулы некоторое время были под остготским, затем гуннским господством; во 2-й половине V в. они образовали большое государ-

ство на Дунае, разрушенное лангобардами в начале VI в. Западные и восточные герулы в III—VI вв. поставляли римлянам многочисленные вспомогательные отряды. На герулов опирался Одоакр при разгроме в 476 г. Западно-римской империи, а позднее Юстиниан в своих завоевательных походах.

[286] *Лев* (505—565) — Монтескье, по-видимому, имеет в виду византийского императора (с 457 по 474 гг.) Льва I, по происхождению фракийца, возведенного на престол верховным военачальником Аспаром, которого он затем сместил с помощью исавров. Лев стремился восстановить единство Римской империи. Его попытки навязать ортодоксальное христианство потерпели неудачу. Поражением закончился также его поход против вандалов (в 468 г.).

[287] *Евнух Нарсес* (*греч.* Narses) (ок. 478—568) — византийский государственный деятель и полководец, приближенный Юстиниана I; армянин по происхождению, евнух. Разбил в Италии армию остготов под командованием Тотилы и Тейи (552—555). В 555 г. был назначен первым наместником (экзархом) Италии (правил до 567 г.).

[288] Женой Юстиниана была Феодора. В молодости она была цирковой артисткой. Согласно ряду источников, эта императрица была необычайно красива и умна. Обладая к тому же сильной волей и жажде власти, она до конца жизни оказывала практически безграничное влияние на императора.

[289] *Самаритяне* — в Палестине — этническая группа и религиозная секта, отшедшая в VI в. до н. э. от иудаизма.

Как этническая группа, самаритяне являются потомками переселенных ассирийцами в Самарию в 772 г. до н. э. жителей Двуречья, впоследствии смешавшихся с местным древнеизраильским населением. Как религиозная секта самаритяне сформировались в V в. до н. э. в противовес Иерусалимской общине. Остатки самаритянской общины сохранились до нашего времени — в Наблусе и Холоне (численность около 500 человек).

Самария — город и местность в Центральной Палестине к западу от Иордана, на границе между Галилеей и Иудеей. Город Самария позже в честь Августа был переименован в Себасту (ныне Себастия).

Иудеи — приверженцы иудейской религии, т. е. традиционного иудаизма.

[290] *...последователи Монтана во Фригии... — Монтанисты* — ранняя христианская секта, основанная в середине II в. в Малой Азии Монтаном, который считал себя предвестником «второго пришествия». Монтанисты проповедовали приближающийся конец света, наступление 1000-летнего царства, призывали вести аскетический образ жизни. В III в. этот призыв в основном послужил причиной враждебного отношения к секте со стороны официальной церкви, тогда как проповедь ожидания в скором будущем «второго пришествия» не играла никакой роли. Монтанисты выступили продолжателями традиций первых христианских общин.

Фригия — древняя страна в северо-западной и центральной части Малой Азии. В XII в. до н. э. была заселена фракийскими племена-

ми, которые после падения Хеттского царства продвинулись с Балкан в Малую Азию и в VIII в. до н. э. основали свое царство (столица Гордион), охватившее бо́льшую часть Малой Азии; самым известным царем был Мидас. После вторжения киммерийцев в 695 г. до н. э. государство фригийцев было уничтожено. Около 600 г. до н. э. Фригия была завоевана лидийскими, затем персидскими царями; в эллинистический период была разделена между Галатией, Вифинией и Сирией; с 116 г. до н. э. стала частью римской провинции Азия.

[291] *Манихеяне* — манихейцы — приверженцы религиозного учения, основанного в III в. н. э. Мани (*перс.* Manes, *греч.* Manichaios (216—273) — принадлежал к знатному роду, воспитывался в христианской хилиастической секте), который, по преданию, проповедовал в Персии, Средней Азии и Индии. В основе манихейства, связанного с гностицизмом, лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. В 1-м тысячелетии н. э. манихейство распространилось от Китая до Испании, подвергаясь гонениям со стороны зороастризма, римского язычества, христианства, ислама и др. В IV в. оно, наряду с христианством, являлось основной религией поздней античности. В VIII в. манихейство было господствующей религией в Уйгурском царстве. Оно оказало влияние на средневековые дуалистические ереси (катары, богомилы, альбигойцы и др.).

Саббатеяне — возможно, Монтескье имеет в виду последователей Сабелия (Sabellius) — ересиарха III в., основателя sabellianisme, отрицавшего различение трех лиц в Святой Троице.

[292] *Палестина* (от *древнеевр.* пелиштим — филистимляне) — историческая область в Западной Азии. В 3-м тысячелетии до н. э. здесь осели племена ханаанеев. В XII в. до н. э. побережье Палестины было завоевано филистимлянами; на остальной территории в XI в. до н. э. древнееврейские племена основали Израильско-Иудейское царство, распавшееся около 928 г. до н. э. на два царства: Израильское (существовало до 722 г. до н. э.) и Иудейское (существовало до 586 г. до н. э.). Впоследствии Палестина входила в состав государства Ахеменидов (после 539 г. до н. э.), Птолемеев и Селевкидов (в II—II вв. до н. э.), Рима (с 63 г. до н. э.), Византии (с 395 г. н. э.). В VII в. Палестину завоевали арабы, в XII в. — крестоносцы, в XII в. — египетские султаны, а в 1516 г. она вошла в состав Османской империи.

[293] *Халкедонский собор* — IV Вселенский собор — был созван восточно-римским императором Маркианом в 451 г. для обсуждения ереси Евтихия и состоялся в городе Халкедон (Chalkedon), располагавшемся на берегу Босфора напротив Константинополя (основан в 675 г. до н. э. — разрушен турками-османами). Собор выработал Халкедонский символ веры, принятый католиками и протестантами.

[294] Набеги норманнов (викингов) и неспособность королевской власти их отразить способствовали установлению феодально-ленной системы, усилению местных владетелей, сепаратизму и раздробленности государства. Именно победы в борьбе с норманнами возвысили графов Парижских Робера Сильного и его потомков Робертинов, впо-

следствии овладевших престолом и основавших 3-ю династию французских королей — Капетингов (по прозвищу одного из первых ее представителей Гуго Капета).

[295] *Тавр* — покрытый лесами, довольно протяженный известняковый горный хребет на юге Малой Азии, круто спускающийся к Средиземному морю. Протянулся от ликийского побережья до Киликийских ворот (Тавр в узком понимании). Его высокая часть с вершиной на горе Эрджияс (3916 *м*) является северной границей Сирии. Во время похода Александра Македонского греки прошли через горный массив, который являлся продолжением Тавра и протянулся через всю Азию с запада на восток. Этому массиву также было дано название «Тавр» (Тавр в широком понимании). Дикеарх (ок. 300 г. до н. э.) соединял Исский залив и океан на востоке воображаемой линией, делившей Азию на северную, холодную, и южную, теплую, части.

[296] *Авары* — кочевой народ тюркского происхождения, вторгшийся позднее 550 г. н. э. в пределы Юго-Восточной Азии и Центральной Европы. Принятые Юстинианом, они пошли против дунайских славян, угрожавших Римской империи, покорили их и основали в Паннонии свое царство. Одновременно авары вели войну против византийцев и франков, находившихся под властью династии Меровингов. Потерпев поражение, Византия была вынуждена платить аварам дань. После поражения при Константинополе в 626 г. авары утратили свое могущество. Их царство было завоевано и уничтожено Карлом Великим. Однако сам народ не прекратил своего существования.

[297] *Юстин* II (Justinus) — император Восточной Римской империи в 565—578 гг. н. э., племянника и наследника Юстиниана I.

Тиберий II Константин (Tiberius II) — восточно-римский император в 578—582 гг. н. э., по происхождению фракиец; был усыновлен Юстином II, который в 574 г. сделал его соправителем. Вел борьбу со славянами, одержал победы над персами, потерпел поражение от аваров; стремился к устранению социальных и экономических неурядиц в стране.

Маврикий (Mauritius) (ок. 539—602) — восточно-римский император; реформами в армии вызвал в 588 г. восстание, которое ему удалось подавить с большим трудом; вел продолжительные войны с аварами. Был свергнут узурпатором Фокой.

[298] *Фока* (? —610) — восточно-римский император с 602 г. Будучи центурионом (сотником) в 602 г. возглавил восстание войска Восточной римской империи на Дунае и занял престол, свергнув императора Маврикия. Проводил политику террора по отношению к аристократии. Был низложен и казнен Ираклием.

[299] Монтескье имеет в виду Восточную римскую империю, поскольку к тому времени реально существовала только она. Западная римская империя была захвачена (частями) вестготами, остготами, вандалами, франками, саксами и др.

[300] *Арий* — александрийский пресвитер, противник Афанасия; родом из Ливии. В 318—319 гг. н. э. в Александрии отлучен от церкви в связи с проповедью собственного христологического учения. На пер-

вом Вселенском соборе в Никее в 325 г. был осужден, в 327 г. реабилитирован, в 333 г. вновь осужден Константином I, а в 335 г. снова реабилитирован собором в Тире и Иерусалиме. Вскоре после этого он умер. Из его произведений сохранились фрагменты. Главным произведением Ария является «Фалея» («Thaleia» — званый пир), представляющее собой изложение его учения в прозе и поэтической форме. Учение Ария культивировалось его сторонниками и последователями — арианами — вплоть до V в. (См. Прим. 281 — *Ариане*).

Македоний — константинопольский епископ (355—359 н. э.); признавал Святого Духа сотворенным; ересь македониан была осуждена Вселенским собором 381 г.

Несторий (Nestorios) — константинопольский патриарх с 428 г. по 431 г. н. э.; родился после 381 г.; по происхождению перс. В 431 г. по настоянию Кирилла Александрийского, противника Нестория в области церковной политики, на соборе в Эфесе был осужден за учение, согласно которому он резко разграничивал человеческую и божественную природу в Иисусе Христе, был лишен сана и сослан в Оазис (Египет), где он и умер в 440 г. (по другой версии — после 451 г.). Ввиду того, что Несторий возглавлял крупнейшее еретическое учение, от его сочинений сохранились лишь отдельные фрагменты.

Несторианство — учение, утверждавшее, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал сыном Божиим (мессией), а Дева Мария является не Богоматерью, а матерью человека Иисуса Христа. Было осуждено как ересь на Эфесском соборе 431 г. Пользовалось значительным влиянием вплоть до XIII в. в Иране, куда переселились и в 484 г. отделились от основной церкви сподвижники Нестория, и на территории от Средней Азии до Китая. В настоящее время несторианские общины имеются в Иране, Ираке и Сирии.

Евтихий — евтихианцы (монофизиты — от mono и *греч.* physis — природа, естество) — сторонники учения Евтихия, возникшего в Византии в V в. (как реакция на несторианство), признававшего в Христе одну лишь воплощенную божественную природу и трактовавшего соединение двух природ во Христе как поглощение человеческого начала божественным. Учение монофизитов, распространившееся в восточных провинциях Византии (Египте, Сирии, Армении) и утвержденное на так называемом разбойничьем соборе в Эфесе в 449 г., стало знаменем политического сепаратизма и было осуждено на Халкидонском соборе в 451 г. как еретическое; после этого монофизиты отделились от государственной церкви. В настоящее время учение монофизитов господствует в армянской, эфиопской, коптской (египетской) и сирийской (здесь их чаще называют «яковитами») церквах.

Монотелиты (монофелиты — от mono и *греч.* thelema — воля) — сторонники христианского учения, сложившегося в 633 г. в Византии как официальный компромисс между ортодоксальной догмой и монофизитами. В определенном смысле это учение представляет собой разновидность монофизитства. Согласно ему, Христос обладал двумя природами, но одной волей и «энергией» (богочеловеческой). Учение монофелитов было осуждено на константинопольском 6-м Вселенском

соборе 680—681 гг. Остатки монофелитов сохранились в виде секты маронитов.

[301] Греками традиционно называли все население Восточной Римской империи.

[302] *Магометане* — т. е. последователи Магомета. Одно из названий людей, исповедующих ислам. То же, что и мусульмане.

[303] *Вексель* (*нем.* Wechsel, буквально — обмен) — вид ценной бумаги, абстрактное денежное обязательство строго установленной законом формы, безусловный и бесспорный долговой документ. В международной торговле и во внутреннем обороте развитых стран используется как одно из важных средств расчетов и кредитования. Различают два вида векселей: простой и переводный (тратта).

[304] *Гераклий* (Ираклий) (Heraklios) — восточно-римский император в 610—641 гг.; теснимый персами и аварами, должен был отказаться от испанских владений и купить мир у аваров в 620 г. С 622 г. предпринял ряд блестящих походов на персов, в результате которых окончательным разгромом персидских войск в 628 г. у развалин Ниневии (Месопотамия), закончил наконец многолетнюю войну с ними, расширив территорию Византии в Азии почти до прежних границ. Однако скоро (в 632 г.) в Сирии появились арабы, которые к 640 г. захватили уже всю Месопотамию и Египет.

[305] *...распространяя свою религию и расширяя империю, одновременно основанные Магометом...* — пророк Мухаммед (Мохаммед, Магомет) (ок. 570—632 н. э.) считается и основателем ислама, и создателем, а также главой первого мусульманского (исламского) теократического государства (в 630—631 гг.) в Аравии, в скором времени превратившегося (в результате завоеваний) в огромную империю — Арабский халифат.

[306] Монтескье имеет в виду выдающегося французского математика и физика Б. Паскаля (1623—1662).

[307] *Голландия* (Holland) — средневековое графство, затем провинция в составе Нидерландов исторических. В составе современных Нидерландов разделена на 2 провинции: Северную Голландию с административным центром в городе Харлем и Южную Голландию с центром в городе Гаага.

Фрисландия (Friesland, Vriesland) — историческая область в Нидерландах и северо-западная провинция современных Нидерландов, с административным центром в городе Леуварден и крупным портом Харлинген.

[308] *Неккар* (Neckar) — река на юго-западе Германии, правый приток Рейна; берет начало в Шварцвальде, протекает через города Штутгарт и Мангейм.

[309] *...После того как Константин, сын Гераклия, был отравлен, а его сын Констант убит в Сицилии, на престол вступил Константин Бородатый, старший сын Константа. Когда собрались вельможи Восточной империи, то они хотели венчать на царство двух его братьев, утверждая, что, подобно тому как следует верить в святую троицу, подобает иметь и трех императоров...*

...Константин, сын Гераклия... — Константин III (612—641), император, правивший 3 месяца.

Констант II (Constans) (641—668) — восточно-римский император, сын Константина, внук Гераклия; в 654 г. потерпел поражение от арабов близ берегов Ликии, в 657 г. подчинил часть нынешней Славонии. Убийство им его брата Феодосия и его жестокое тираническое правление вообще привели в 661 г. к восстанию в Константинополе, в результате которого он был изгнан из столицы, бежал в Сицилию, в 663 г. устроил в Сиракузах свою резиденцию, где и был убит одним из своих слуг.

Константин IV Бородатый (668—685) — сын Константа II; отразил первый поход арабов на Константинополь (674—678), во многом благодаря применению «греческого огня».

[310] Имеется в виду история Восточной Римской империи (Византии).

[311] *Константинополь* — имеется в виду Восточная Римская империя, столицей которой был Константинополь.

[312] Монтескье имеет в виду религиозный фанатизм солдат Кромвеля, бывших ревностными пуританами, тогда как к у их противников-роялистов такого фанатизма не было.

[313] *Кальвин* (Calvin, Calvinus) Жан (1509—1564) — один из виднейших деятелей Реформации, основатель кальвинизма. Француз. Главное сочинение — «Наставление в христианской вере». Став в 1541 г. фактическим диктатором Женевы, превратил ее в один из центров Реформации. Отличался крайней религиозной нетерпимостью.

[314] Германские крестоносцы проходили по территории Киликийской Армении (на п-ове Малая Азия). В средние века именно там был центр армянской государственности, тогда как территория нынешней Армении находилась под властью сельджуков.

Никита Хониат (сер. XII в. — 1213 г.) — византийский историк.

[315] *Лев Исавр* — Лев III (ок. 675—741) — византийский император с 717 г., основатель Исаврийской династии. Отразил натиск арабов в 718 г. у Константинополя, а в 740 г. — близ Акроиноса. Тем не менее Византия потеряла Равенну и Анкону в Италии. Лев Исавр положил начало иконоборчеству: именно со времени его правления в Византии начинается столетний период иконоборческой распри. В 726 г. он издал Эклогу; улучшил положение земледельцев.

Константин Копроним — Константин V Копроним (719—755) — византийский император с 741 г., сын Льва III Исавра. В 743 г подавил восстание столичной знати. Одержал победы над арабами (в 746 и в 752 гг.) и болгарами (у Анхиала в 763 и др.). Продолжал начатую его отцом политику иконоборчества.

...и Лев, его сын... — Лев IV Хазар (775—790) — сын Константина Копронима. Продолжал иконоборческую политику отца и деда.

[316] *...императрица Ирина* — жена византийского императора Льва IV Хазара (сына Льва Исавра), родом афинянка. В 780 г. после смерти мужа вступила на престол в качестве опекунши своего 9-летнего сына Константина VI. В 787 г. на Никейском соборе восстановила

иконопочитание. В 791 г. была свергнута с престола Константином VI. В 787 г. организовала заговор и приказала ослепить сына. В 802 г. была свергнута полководцем Никифором и отправлена на осторов Лесбос, где и умерла в 803 г.

Лев Армянин — византийский император Лев V (с 813 по 820 гг.), армянин по происхождению; отразил нападение болгар, осаждавших столицу, и вновь начал гонения на иконопочитателей. Был убит заговорщиками.

Михаил Заика — Михаил Косноязычный — византийский император с 820 по 829 г., отец будущего императора Феофила; вступив на престол после убийства Льва Армянина, он продолжил его иконоборческую политику.

Теофил — Феофил — византийский император с 829 г.; продолжал иконоборческую политику, начатую Львом III и продолженную Львом Армянином; украсил Константинополь роскошными постройками. Умер в 842 г.

[317] *...спорах Варлаама и Акиндина с монахами...* — речь идет о спорах византийских монахов XIV в. Акиндина и Варлаама Калабрийского (перейдя в католичество, последний умер в 1348 г., будучи епископом в Калабрии) с приверженцами исихазма, крупнейшим представителем которого был философ и богослов Григорий Палама. Именно поэтому сторонников исихазма называли паламитами, а его противников — варлаамитами.

Исихазм (гесихазм) (от *греч.* hesychia — покой, безмолвие, отрешенность) — учение, более всего почитаемое в XIV в. среди афинских монахов, утверждавших существование вечного несозданного света, который явился на горе Фавор. Для восприятия этого «Фаворского света» они могли днями и ночами неподвижно стоять, уставившись на свой живот в районе пупа. В широком смысле исихазм — это этико-аскетическое учение о пути к единению человека с богом через «очищение сердца» слезами и самососредоточение сознания; включало систему психофизического контроля, имеющую некоторое внешнее сходство с методами йоги. Возникло в IV—VII вв., возродилось в XIV в. В узком смысле слова исихазм — это учение Григория Паламы.

[318] *Фавор* — гора к востоку от Назарета в Палестине (высота 600 *м*); место Преображения Господня.

[319] *Геродот* (из Галикарнаса) — выдающийся древнегреческий историк, которого Цицерон назвал «отцом истории». Родился между 490 и 480 гг. — ок. 425 г. до н. э. Сторонник афинской рабовладельческой демократии. Предпринимал продолжительные путешествия, хорошо знал прибрежные малоазиатские области с прилегающими к ним островами, часть Передней Азии, Египет, Кирену и т. д. Оставил после себя записанное на ионийском диалекте «Изложение событий» («Histories Apodeixis»), которое в Александрии было разделено на 9 книг; во II в. н. э. каждая книга была названа именем одной из 9 муз. Геродот проследил историю отношений между древне-восточными деспотиями (Азия) и греческими рабовладельческими государствами (Европа), кульминационным пунктом которых стали греко-персидские вой-

ны. Труд охватывает весь исторический период, исключая мифологическую эпоху. Наряду со строгим, критическим отношением к источникам он изобилует фольклорным материалом, принятым на веру.

[320] *Феодора* — жена византийского императора Феофила (с 829 по 842 гг.). После смерти мужа в 842 г. восстановила почитание икон; была регентшей при малолетнем сыне Михаиле III (с 856 по 867 гг.) и правила Империей 14 лет (до 856 г.).

[321] *Епископ* — (*греч.* episkopos) — в православных, католических, англиканских церквах высшее духовное лицо, глава церковно-административной территориальной единицы (епархии, диоцеза). С IV в. утвердилось следующее иерархиченское деление епископов: патриархи, митрополиты (часть из которых имеет титул архиепископов) и собственно епископы.

[322] *Василий* — имеется в виду византийский император Василий I Македонянин (ок. 836—886), основатель Македонской династии, которая правила Империей с небольшими перерывами до 1056 г. Вступил на престол после организованного им убийства Михаила III (см. Прим. 320). Вел довольно успешную борьбу против арабов на востоке империи и в Италии. Подавил движение павликиан. Начал собрание дополнений к законам Юстиниана (сборник «Базилика»).

[323] *Лев* — имеется в виду византийский император с 886 г. Лев VI Мудрый (или Философ) (866—912). Издал указы (новеллы), пересматривавшие старые законодательные нормы, и Василики. Вел войны с арабами, которые вновь вторглись в пределы Империи. Потерпел поражение в войне 894—896 гг. с Болгарией; вел также неудачные войны с корсарами на Средиземном море.

[324] *Тавромения* — Тавромений (*лат.* Taormina) — древний город, основанный в 396 г. до н. э. сикулами; был эллинизирован беженцами с острова Наксос (в 358 г. до н. э.): они построили театр, который позже был обновлен римлянами (наряду со своим маленьким театром и купальней).

Лемнос — остров в северной части Эгейского моря, был заселен карийцами, фракийцами (VIII в. до н. э.) и тирренцами (до 550 г. до н. э.); в 512—480 гг. до н. э. находился под властью персов. В 478—477 гг. до н. э. входил в Афинский морской союз; в 387—166 гг. до н. э. (с перерывами) подчинялся Афинам. На Лемносе находилось святилище Гефеста (культ земли и огня).

[325] *Андроник Палеолог* — византийский император из династии Палеологов (с 1261 г. по 1453 г.), основанной Михаилом VIII Палеологом. Последним императором династии был Константин XI, племянница которого Зоя (Софья) была замужем за великим князем, государем всея Руси Иваном III Васильевичем.

[326] *Михаил Палеолог* — Михаил VIII Палеолог (никейский император с 1259 г.) — византийский император с 1261 по 1282 гг. С помощью генуэзцев отвоевал у крестоносцев Константинополь и восстановил Византийскую империю, но ему не удалось подчинить себе все прежние области империи. За ослепление законного наследника престола, сына

Феодора II, в 1261 г. был отлучен от церкви Константинопольским патриархом Арсением Авторианом.

[327] *Старый Андроник* — Монтескье имеет в виду Андроника I Комнина (ок. 1123—1185) — императора Византии с 1183 г., который захватил престол, добившись поддержки народных масс с помощью демагогии. Проводил политику террора по отношению к аристократии. Был свергнут знатью Константинополя при поддержке все тех же народных масс (положение которых в годы его правления не улучшилось) и казнен.

[328] *Кантакузен* — семья, сыгравшая важную роль в византийской и румынской истории. Иоанн Кантакузен, опекун Иоанна V Палеолога, чей трон он впоследствии узурпировал, царствовал 1341—1354 гг. под именем Иоанна VI и отрекся от царствования в пользу своего сына Матвея, который, потерпев поражение от Иоанна Палеолога, был вынужден уйти в монастырь.

Иоанн — Иоанн VIII Палеолог — византийский император с 1425 по 1448 гг., вассал турецкого султана Мурада II; безуспешно пытался ввести флорентийскую унию 1439 г., с целью привлечь на свою сторону в борьбе против турок западно-европейские государства.

Анна — вероятно, имеется в виду русская княжна, дочь Василия I, великого князя Московского, в 1414 г. выданная замуж за византийского царевича Иоанна Мануиловича (с 1425 г. — император Иоанн VIII).

[329] *Магомет II* (Mohammed) Буюк («Великий») (1430—1481) — сын и с 1451 г. преемник Мурада II. 29 мая 1453 г. взял Константинополь (при императоре Константине XI), тем самым окончательно уничтожив Византийскую империю. В 1473 г. он подчинил своей власти Крым и Ионийские острова; умер во время похода на Персию.

[330] *Флорентийский* (Флоретинский) *собор* — Ферарро-Флорентийский собор — Вселенский собор 1438 г., созванный папой Евгением IV, и принявший флорентийскую унию; был открыт в 1438 г. в Ферарре, но в 1439 г. был перенесен во Флоренцию.

Попытки церковной унии исходили главным образом из Рима. Она была проведена с признанием папского первенства над церковью и с принятием католических учений об исхождении Святого Духа от Отца и Сына и о чистилище, при сохранении православных обрядов, греческого языка при богослужении, брака священников и причащения под обоими видами. Но флорентийская уния громадным большинством православных всего Востока была отвергнута.

Церковная уния — соединение двух или нескольких вероисповеданий на основе общего вероучения при сохранении обрядовых различий каждой церкви или же при установлении общего обряда.

[331] *...сторонники патриарха Арсения заключили договор со сторонниками патриарха Иосифа...* — Монтескье, по-видимому, имеет в виду Константинопольских патриархов Арсения Авториана и Иосифа I.

Арсений Авториан (Autorianus) — Константинопольский патриарх с 1254 г.. В 1261 г. отлучил от церкви Михаила VIII Палеолога за ослепление законного наследника престола, сына Феодора II. После этого Арсений был отправлен ссылку. Умер в 1267 г.

Иосиф I — Константинопольский патриарх с 1267 г. Был противником унии. Умер в 1283 г.

[332] *Анастасий* I Флавий — император Восточной римской империи с 491 по 518 гг.; будучи приверженцем монофизитства, покровительствовал его сторонникам, что являлось причиной огромного количества смут в государстве. Окончательно покорил исавров, подавил многочисленные восстания (в частности, восстания 513—515 гг., возглавленные командующим федератов Виталианом) и выиграл гражданские войны; облегчил налоговое бремя городов, усовершенствовал монетную систему, способствовал развитию торговли и ремесел в Восточной римской империи.

Мануил Комнин — Мануил I Комнин (1123?—1180) — византийский император с 1143 г. В 1164 г. принудил Венгрию и в 1172 г. Сербию признать суверенитет Византии. В 1176 г. потерпел поражение от турков-сельджуков при Мириокефалоне (на Западе Малой Азии).

[333] *...Клодий посвятил Свободе дом Цицерона, который, вернувшись из ссылки потребовал дом обратно...* — Монтескье рассказывает здесь историю, связанную со ссылкой Цицерона в 58 г. до н. э. из Рима по предложению Клодия (уже через год Цицерон с почетом вернулся в Рим). Причиной ссылки было обвинение Цицерона в незаконности казни главарей заговора Катилины, который Цицерон подавил в 63 г. до н. э. будучи в тот год консулом.

Клодий — просторечная форма имени патрицианского рода Клавдиев; была особенно распространена в I в. до н. э. Здесь речь идет о пользовавшемся в свое время дурной славой Публии Клодии Пульхре (ок. 92—52 до н. э.), принимавшем участие в 3-й Митридатской войне в войсках Лукулла, и обвиненном в 62 г. до н. э. в святотатстве, но оправданном подкупленными судьями. В 59 г. до н. э. Клодий, ставший народным трибуном и стремившийся добиться изгнания своего основного противника Цицерона, примкнул к плебеям и принял просторечную форму своего родового имени. Плебеи города Рима провозгласили его своим вождем и организатором. Ему удалось провести, отчасти при содействии Цезаря, законопроекты, ограничивающие полномочия сената, а также указ о раздаче хлеба городскому плебсу. Позднее, поссорившись с Помпеем и народным трибуном Милоном, Клодий Пульхр стал во главе вооруженных отрядов, терроризировавших римское население. В время преторских выборов 52 г. до н. э., проходивших в обстановке всеобщего волнения, он был убит сторонниками Милона.

[334] *Понтифики* (*лат.* pontifices, ед. число — pontifex) — священнослужители в Древнем Риме. Их коллегия занимала центральное место в римском государственном культе, так как осуществляла надзор за другими жреческими коллегиями. Понтифики ведали общегосударственными религиозными обрядами, сакральным правом, погребальным культом, составлением календаря, списка консулов и пр. Число их менялось с 3 до 15. Главную роль среди понтификов играл Великий понтифик (Pontifex maximus). Понтифики давали свое заключение относительно всех сакральных дел (например, при основании

храмов, знамениях) с тем, чтобы обеспечить согласие с богами, и могли тем самым осуществлять свое влияние на политику.

[335] *Халифат* — мусульманская феодальная теократия с халифом во главе. С X в. н. э. в Западной Европе халифатом называлось также государство, образовавшееся в результате арабских завоеваний VII—IX вв. (Арабский халифат). Именно его имеет здесь в виду Монтескье.

[336] *Константин Багрянородный* — Константин VII Багрянородный (905—959) — византийский император с 913 г. (но de facto — только с 945 г.). Долгие годы вынужденного бездействия (поскольку реально Империей правила его мать Зоя) провел в занятиях науками и литературой; собрал вокруг себя ученых, которые занимались изданием компилятивных сборников произведений античных и ранневизантийских авторов; они не только имели собирательный интерес к древностям, но и преследовали практические цели (их интересовали вопросы дипломатии, нравственно-этические проблемы, тонкости военной науки, моралистические изречения и т. д.). На основе других источников сам Константин Багрянородный написал трактат о провинциях Византийской империи («De thematibus»). Ценным источником по истории Византии является трактат, обычно называемый «De administrando imperio» (Об управлении империей»), где содержатся сведения о «варварских народах», обитавших на ее окраинах, и рекомендации дипломатического характера. Не меньший интерес представляет большой сводный труд «О церемониях византийского двора».

Сын Константина Багрянородного византийский император Роман II правил с 959 по 963 гг. Он был отравлен своей женой, которая затем вышла замуж за провозглашенного императором полководца Никифора II Фоку.

[337] Речь идет о так называемом «греческом огне» — зажигательной смеси из смолы, нефти, серы, селитры и других компонентов, — применявшемся в VII—XV вв. в морских боях и при осаде крепостей с помощью метательных машин и специальных медных труб. Вода не гасила греческий огонь. (См. Прим. 309).

[338] Монтескье имеет в виду прежде всего Испанию.

[339] *Корсары* — морские разбойники, пираты (от *ит.* corsaro).

Берберия — обширная территория Северной Африки, населенная группой народов, объединенной общим языком (берберским): туареги, рифы, кабилы, шлёх, тамазигт и др.).

[340] *Василий Багрянородный* — имеется в виду, по-видимому, византийский император с 976 г. Василий II Болгаробойца (958—1025). Подавил восстание малоазийской знати в 976—978 гг. (во главе с Вардой Склиром) и в 987—989 гг. (во главе с Вардой Фокой, вступившим в сговор со Склиром). В 995 г. совершил успешный поход в Сирию против Фатимидов; захватил часть грузинских и армянских земель. В 1018 г. покорил Болгарию, уничтожив при этом несколько тысяч пленных (отсюда и прозвище). Выдал сестру Анну за киевского князя Владимира.

[341] Турки.

[342] *Роман Диоген* — Роман IV Диоген (? —1072) — византийский император с 1068 г. Был разбит правителем государства Сельджукидов Арп-Арсланом и взят в плен в августе 1071 г. при Минцикерте, а затем освобожден Алп-Арсланом из плена. В 1071 г. был низложен и ослеплен Дуками.

[343] *Алексей I Комнин* (ок. 1048—1118) — византийский император с 1081 г. Захватил престол, опираясь на военную знать. Отразил натиск норманнов, печенегов (1091 г.) и сельджуков. С помощью крестоносцев вернул Империи часть Малой Азии, в то же время сумев уберечь Константинополь и Византию в целом от этих же крестоносцев 1096 г. (первый Крестовый поход).

Латины — здесь Монтескье в широком смысле имеет в виду латинскую, т. е. западную часть бывшей Римской империи. В узком смысле он говорит об италийцах (или итальянцах — см. в этом же абзаце текста Монтескье, ниже).

[344] Крестовые походы (1096—1270) на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку), организованные западно-европейскими феодалами и католической церковью под лозунгами борьбы против «неверных» (мусульман), за освобождение «Гроба Господня» и «Святой Земли» (Палестины). 1-й Крестовый поход (1096—1099) завершился захватом крестоносцами у турков-сельджуков Иерусалима и образованием Иерусалимского королевства. Поводом для начала 2-го Крестового похода (1147—1149) было взятие в 1144 г. сельджуками Эдессы, поводом в началу 3-го (1189—1192) — завоевание в 1187 г. Салах-ад-дином Иерусалима. И 2-й, и 3-й походы закончились для крестоносцев неудачами. В результате 4-го похода (1202—1204) была образована Латинская империя (см. Прим. 347). Последние походы — 5-й (1217—1221), 6-й 1228—1229), 7-й (1248—1254) и 8-й (1270) — существенной роли не играли. С переходом к мусульманам Акры (Сен-Жан-д'Акр) (в 1291 г.) крестоносцы полностью утратили свои владения на Востоке.

[345] *Никея* (*греч.* Nikaia, *лат.* Nicaea — современный г. Изник на берегу одноименного озера неподалеку от Мраморного моря в Турции) — город в Вифинии, где состоялся 1-й Вселенский собой, осудивший арианство, и 7-й Вселенский собор (в 787 г.), на котором было вновь установлено иконопочитание (конец первой фазы иконоборческого движения). После завоевания Константинополя крестоносцами Никея в 1204—1261 гг. вновь возвысилась, теперь как столица Никейской империи. В 1261 г. никейский император овладел Константинополем, перенес туда свою столицу и восстановил Византийскую империю.

[346] *Балдуин* — граф Балдуин (Бодуэн) Булонский — брат вождя крестоносцев Готфрида (Годфруа) Буйонского, герцога Нижней Лотарингии; после смерти последнего — король Иерусалимский (1100—1118). Взял Сен-Жан-д'Акр (1104), Бейрут (1109), Сидон (1110). Умер в 1118 г.

[347] 4-й Крестовый поход (1202—1204), организованный по инициативе римского папы Иннокентия III, был направлен (главным обра-

зом усилиями венецианского купечества) против Византии. Крестоносцы, вторгшись на территорию Восточной римской империи, вмешались в династическую распрю византийского двора, взяли штурмом Константинополь и на части территории империи создали Латинскую империю (просуществовала с 1204 по 1261 гг.). Наибольшие выгоды от завоевания Византии получила Венеция, захватившая три восьмых ее владений — важнейшие береговые пункты в Южной и Восточной Греции, предместья Константинополя (Галату), остров Крит и ряд островов архипелага.

[348] Очевидно, Монтескье сравнивает захват западноевропейскими рыцарями Византии, пребывавшей в состоянии хаоса и запустения после многолетних династических распрей и социальных волнений, с захватом в середине XVII в. Китая вторгшимися с севера маньчжурами, которых Монтескье называет татарами.

[349] *...избрали императором графа фландрского...* — имеется в виду Бодуэн IX Фландрский (он же Бодуэн VI как граф де Эно) (родился в 1171 г., умер в 1206 г.). Сын Маргариты Эльзасской, графини Фландрской, и графа Бодуэна V де Эно, в 1195 г. объединил короны Фландрии и Эно. В 1200 г. стал одним из вождей 4-го крестового похода, завершившегося разгромом Византии. После взятия Константинополя был избран императором Латинской империи. Греки подняли восстание против иностранных захватчиков и призвали на помощь болгарского царя. Проиграв битву при Адрианополе, Бодуэн попал в плен, откуда уже не вернулся.

[350] См. Прим. 345.

[351] *Меандр* (ныне Большой Мендерес) — самая длинная река в Западной части Малой Азии. Протекала через северную часть Карии, мимо городов Траллы и Магнесия, и впадает в море неподалеку от Милета (в наше время намывы удлинили ее русло). Река очень извилиста, отсюда название такого популярного в Древней Греции знаменитого орнамента «меандр».

[352] *...60 лет, когда Константинополем владели латины...* — с момента завоевания Константинополя крестоносцами и до его завоевания никейским императором. (См. Прим. 345).

[353] *Генуэзцы* — Генуя (Genova) — город в Италии, один из крупнейших портов Средиземного моря, административный центр провинции Генуя и области Лигурия. В древности Генуя представляла собой поселение лигуров. В средние века она превратилась в могущественную торговую республику, с XIV в. возглавлявшуюся дожем; владела многими колониями на восточном побережье Средиземного моря (в Леванте) и на Черном море (в том числе и в Крыму).

[354] *Баязет* — Баязид I Молниеносный (1354 или 1360—1403) — турецкий султан в 1389—1402 гг. Вел активную завоевательную политику на Балканах и в Малой Азии. Был разбит и взят в плен Тимуром в 1402 г.

Примечения к трактату Ш. Л. Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» составлены к.филос.н. Н. Д. Саркитовым специально для данного издания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август Октавиан *278, 316, 319, 322, 323—331, 336, 344, 352*
Августин Аврелий *360*
Авл Геллий *269*
Аврелиан *349*
Агамемнон *316*
Агафокл *276*
Агис *272*
Агриппа *324*
Адриан *340, 341, 346*
Анастасий I Флавий *383*
Андроник Палеолог *380*
Андроник I Коммин *381, 385*
Акиндин *379*
Аларих *363*
Александр Македонский *280, 282, 283, 285—287*
Алексей I Комнин *386, 387*
Альбин Клодий *342*
Амаласонта *367*
Андромаха *333*
Анна *381*
Антигон I Одноглазый *286*
Антиох III Великий *285, 287—289, 291—293, 296, 297, 299, 376*
Антипатр *283*
Антоний Марк *278, 316; 320—325, 336*
Антонин *334, 341*
Аппий Клавдий *304*
Аппиан *310, 311*
Аппион *292*
Арий *373*
Аристотель *278*
Аркадий *362, 363*
Арсений Авториан *382*
Аттал I Сотер *291*
Аттал III *292*
Аттик *309*
Аттила *359—361, 363, 365, 366*
Балдуин (Бодуэн) Булонский *387*
Бальбин *347*
Баязет *389*
Брут Марк Юний *316, 319, 323*
Валент *353, 354, 376*
Валентиниан *353, 355, 358, 377*
Валериан *348, 349*
Варлаам *379*
Варрон, Гай Терренций *280*
Василий I *380*
Василий II Багрянородный (Болгаробойца) *386*
Вегеций *267, 357*
Велизарий *358, 365—367, 372*
Веспасиан *337, 338*
Вителлий *337, 338*
Витиса *365*
Габиний *326*
Галерий *351*
Галл Констанций *348, 362*
Галл Требониан *347*
Галлиен *348, 349, 362*
Гальба *338*
Ганнибал *265, 273, 276, 277, 279—282, 285, 287, 315, 360*
Гелиогабал *343, 346*
Гензерих *363, 365*
Генрих VII *263*
Гераклий *375, 377, 383*
Германик *333*
Геродиан *353*
Геродот *379*
Гета *344*
Гирций *322, 345*
Гомер *268, 281*
Гонорий *362, 363*
Гордиан I, Марк Антоний *347*
Гордиан II *347*
Гордиан III, Марк Антоний *347*
Гормисдас *372*
Гракх Тиберий *273*
Гракхи *302*
Грациан *353, 357*
Дарий *287, 289*

Дарий III *286*
Деметрий Фалерский *272*
Демосфен *283*
Деций *347*
Децим Брут *322*
Дидий Юлиан *342*
Диоклетиан *351, 359*
Дион, Кассий *330, 331*
Дионисий Галикарнасский *279, 293, 303*
Домициан *333, 339, 344, 345, 349*
Друзилла *336*
Дуилий *279*
Дуроний М. *303*
Евагр *371*
Евтихий *373*
Зенон *363*
Иисус Христос *373, 379, 386*
Иоанн VIII Палеолог *381*
Иоанн Комнин *387*
Иосиф I *382*
Иосиф Флавий *270*
Ирина *378*
Калигула *334, 336, 337, 344*
Каллиник *384*
Кальвин *378*
Кантакузен *381*
Каракалла *336, 344—346*
Карл Великий *348*
Кассий Лонгин, Гай *316, 317, 323*
Катон Марк Порций Утический *313, 316, 317, 322, 323*
Кир II Великий *286*
Клавдий *335, 337, 349*
Клеомен *272*
Клеопатра *325*
Клодий *384*
Коммод *336, 341, 346*
Констант II *377*
Константин I *350, 351, 353*
Константин III *377*
Константин IV Бородатый *377*
Константин VII Багрянородный *384—385*
Константин Копроним *378*
Констанций Хлор *351*
Кориолан *279*
Красс *313, 326*
Кромвель, Оливер *317, 377*
Кули Хан *280*
Лампридий *353*
Латин Сильвий *266*
Лев I *366*
Лев III Исавр *378*
Лев IV Хазар *378*
Лев VI *380*
Лев Армянин *378*
Лепид *320, 323, 324*
Ливий М. *303*
Лизимах *286*
Ликург *272, 283*
Лукреция Коллатина *262*
Лукулл Луций Лициний *299*
Людовик XIII *317*
Людовик XIV *317*
Маврикий *372, 377*
Магомет *375*
Магомет II *382, 389*
Магомет, сын Самбраила *386*
Македоний *373*
Макрин *344, 346*
Максим *347*
Максимин *347, 376*
Малх 365
Манлий *268*
Мануил I Комнин *383, 388*
Марий, Гай *269, 305, 310, 316, 337, 345*
Марк *312*
Марк Аврелий *341, 351*
Марцелл *281*
Масинисса *277, 282, 291, 292*
Махар *300*
Меммий *309*
Метелл *269*
Митридат VI Евпатор *269, 293, 298—300, 312, 358*
Михаил Заика *378*
Михаил Палеолог *381*
Монтан *370*
Нарсес *367*
Нерва *339, 341*
Нерон *336, 338, 344, 353, 385*
Несторий *373*
Нигер Песценний *342*
Никита *378*
Никомед IV *292*
Нума Помпилий *262*
Оденат *349*
Одоакр *364*
Октавий — см. Август Октавиан
Орозий *344, 360*
Оттон *338*
Панса *322, 345*
Пахимер *382*
Персей *290, 293, 295, 299, 345*

Пертинакс *342*
Петр I *378*
Пирр *265, 270, 273, 279*
Плавтиан *342*
Плиний *332—333, 344*
Плутарх *273*
Полибий *270, 277, 285, 309, 321*
Помпей Великий *268, 299, 300, 305, 310, 312—317, 326*
Приск *361, 363*
Проб *341, 349*
Прокопий *365, 369—371*
Прусий I *292*
Птолемей *326, 352*
Птолемей, царь Кипра *296*
Публий Назика *269*
Регул *276—278*
Роман II *385*
Роман Диоген *386*
Ромул *261, 309, 322*
Саллюстий *268, 310*
Сальвиан *359, 360*
Сатурнил *361*
Светоний *344*
Север Александр *346, 347, 353, 376*
Север Ливий *365*
Север Септимий *342, 343, 344, 346,*
Секст Помпей *324*
Секст Тарквиний *262*
Селевк *286*
Сервий Туллий *263, 266, 303*
Серторий *312, 358*
Сеян *331, 342*
Симмах *360*
Сулла *269, 299, 305, 310—313, 316, 327—329, 335, 337, 342, 358*
Сципион *316, 317*
Сципион Публий Корнелий *276, 281, 282*
Сципион Эмилиан Африканский *269, 276*
Тарквиний Гордый *262, 263, 340*
Тацит, Марк Клавдий, император *349*
Тацит, Публий Корнелий, историк *344*
Теодорих *363*
Теофил *378*
Тиберий *330—334, 338, 342, 372,*
Тигран II *299*
Тит *339*
Тит Ливий *273, 276, 281, 303*
Траян *339—341*
Фабий *281, 304*
Фарнак II *300*
Феодора *379*
Феодосий II *360*
Филипп II Македонский *283*
Филипп V Македонский *282, 284, 285, 287, 289, 291, 293, 295, 297, 299*
Филипп V Испанский *317*
Филипп Марк Юлий Павел Араб *347*
Филиппин *377*
Филосторгий *353*
Фока *373, 375*
Христос Иисус *373, 379, 386*
Цезарь *305, 310, 312—322, 324, 326, 327, 331, 338, 339, 344, 345*
Цицерон *309, 311, 317, 319, 321—323, 384*
Эвмен II *291, 293*
Эпикур *309*
Югурта *295, 299*
Юлиан Отступник *351, 353, 355, 358*
Юстин *372*
Юстиниан *364, 365—371, 383*

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Саркитов. ШАРЛЬ ЛУИ МОНТЕСКЬЕ *5*

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА *11*

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН *259*

ПРИМЕЧАНИЯ *390*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *509*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Шарль Луи Монтескье

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ВЕЛИЧИЯ
И ПАДЕНИЯ РИМЛЯН

Редактор *Г. Э. Кучков*
Оформление *Н. Д. Саркитов*
Верстка *А. Н. Саркитов*
Корректор *В. Е. Климанов*

По вопросам реализации звонить:
921-21-94 и 113-31-31.

Подписано в печать 12.01.02. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,88.
Уч.-изд. л. 29,32. Тираж 3000 экз. Заказ № 6079.

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
113054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.
Лицензия: Серия ЛР № 066291

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-86090-047-3

9 785860 990479